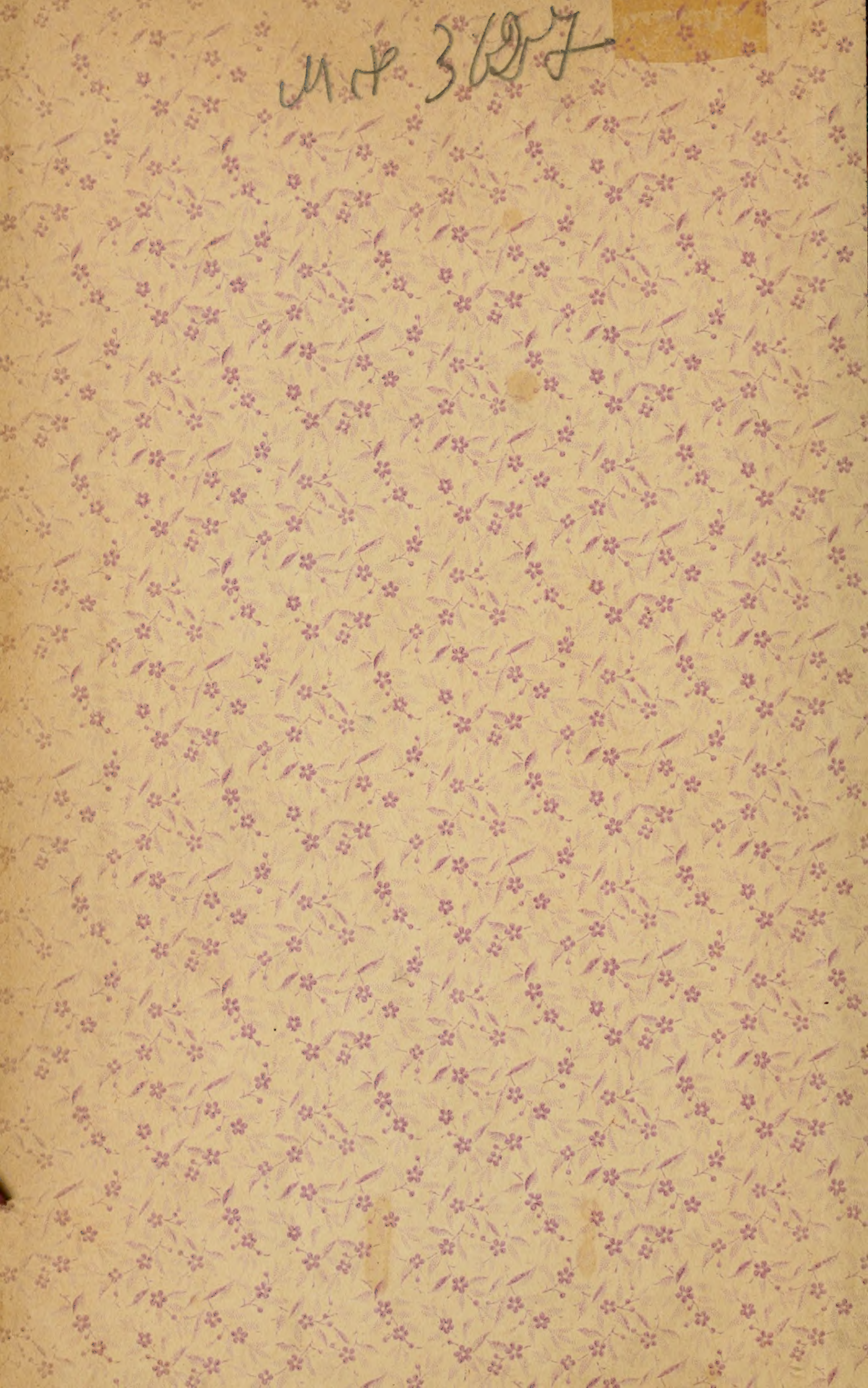
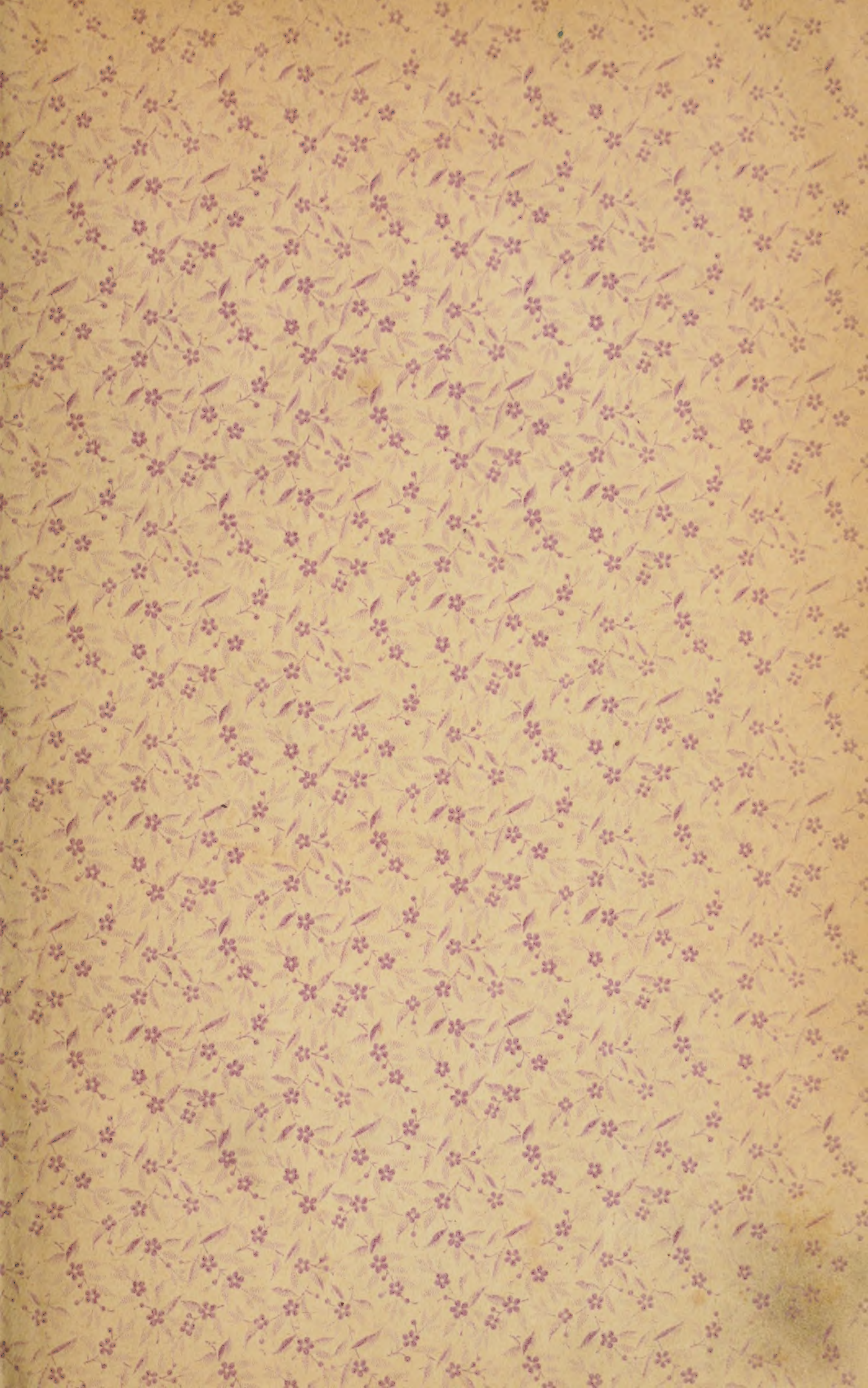




РУССКІЙ НАРОДЪ.

РУССКІЙ НАРОДЪ

ЕГО ОБЫЧАИ, ОБРЯДЫ, ПРЕДАНІЯ, СУЕВѢРІЯ и ПОЭЗІЯ.

Благословите, братцы, старину сказать,
Съ обычаевъ повѣрьевъ, предразсудковъ,
Снявъ маску старины,
На правду указать.

КНИГА, СОДЕРЖАЩАЯ ВЪ СЕБѢ:

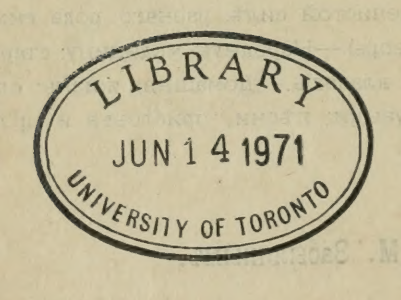
русскіе праздники, обряды, суевѣрія, ложныя убѣжденія, свѣденія о колдунахъ, вѣдьмахъ, нечистой силѣ; разнаго рода симпатіи, примѣты, заклинанія, заговоры.—Народную медицину: старинный травникъ и цвѣтникъ.—О кладахъ.—Домашняя жизнь: описаніе костюмовъ, охоты, музыки; пѣсни, присловья и проч.

Собр. М. Забылинымъ.

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

МОСКВА. 1880.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА М. БЕРЕЗИНА.


LIBRARY
JUN 14 1971
UNIVERSITY OF TORONTO

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Смѣемъ надѣяться, что наша книга послужитъ прекраснымъ пособіемъ для каждаго любителя русской исторіи и русской народности, а также для историка, художника, историческаго романиста, драматурга и вообще для всѣхъ читателей любящихъ серьезное чтеніе.

Читая лекціи отечественной исторіи въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, преподаватели этого предмета мало говорятъ объ обычаяхъ и образѣ жизни нашихъ предковъ, почему бытовая сторона нашего народа въ своемъ прошломъ почти потеряна для насъ. Между тѣмъ археологическія и этнографическія изслѣдованія указываютъ намъ на слѣды и остатки обычаевъ, обрядовъ и образа жизни народа. Въ сказкахъ, былинахъ, повѣрьяхъ, пѣсняхъ встрѣчается очень много правды о родной старинѣ, и въ поэзіи ихъ передается весь народный характеръ вѣка, съ его обычаями и понятіями. Кромѣ того ученые иностранцы разнаго времени, какъ-то: Гербенштейнъ, Олеарій, Шлецеръ и другіе высокопоставленные при русскихъ дворахъ, передали въ своихъ запискахъ много изъ тѣхъ обычаевъ, какіе существовали въ Россіи. Архивы наши, монастырскія библіотеки, тоже сообщили намъ многое и обогатили нашу исторію тѣмъ, что сохранили документы, письменные очерки и рукописи, знакомство съ бытомъ и нравами русскаго народа.

Въ наше время, когда собрано слишкомъ достаточно разныхъ свѣдѣній о нашей старинѣ для поясненія жизни и характера нашихъ предковъ, эти новыя историческія открытія уяснятъ многое для всѣхъ, кому нужны бытовыя свѣденія, напримѣръ: историческимъ художникамъ, драмматическимъ, историческимъ писателямъ, ресторвраторамъ и многимъ другимъ.

На основаніи всего этого, слишкомъ близкаго русскому сердцу, мы находимъ, что наше изданіе послужитъ большимъ поясненіемъ для разгадки разнаго рода повѣрій, обрядовъ, предразсудковъ, обычаевъ, а по нимъ поясняется самый бытъ и порядокъ жизни со всей ея обстановкой и ложными взглядами, и для открытія причинъ откуда всѣ эти повѣрья и обряды возникли, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какими путями проникли на Русь предразсудки, привились и укоренились въ русскомъ народѣ, а затѣмъ—къ очищенію нашей жизни отъ странныхъ обрядностей и устраненію предразсудковъ.

Пособіями при составленіи нашего изданія между прочимъ, служили:

Лѣтопись Русской литературы.

Русскіе простонародные праздники и суевѣрные обряды, 1837 года.

Исторія государства Россійскаго. Карамзина.

Сводная лѣтопись. Л. И. Лейбовича. 1876 г. Спб.

Нижегородскій сборникъ. Гацискаго. 1871 г. Нижній-Новгородъ.

Чародѣйство и таинственныя явленія въ новѣйшее время. Соч. Хотинскаго. Спб. 1866 г.

Рукописный списокъ. Григорья Данилова Книголюбова.

Абевега русскихъ суевѣрій. Соч. М. Ч. М. 1786 г.

Таинственныя чары. Соч. гр. Каліостро. М. 1876 г.

Владимірскій сборникъ.

Преданіе о народныхъ русскихъ суевѣріяхъ, повѣріяхъ и нѣкоторыхъ обычаяхъ. Москва. 1861 г.

Бытъ русскаго народа. Соч. А. Терещенко.

Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіи, Костомарова. Спб. 1860 г.

Сказанія Русскаго народа. Н. Сахарова. 1841 г.

Пермскій сборникъ. Повременное изданіе. М. 1860 г.

Матеріалы по этнографіи Арханг. губ. Ефименко. Ред. Поповъ. И многихъ другихъ писателей, которые помѣчены въ своемъ мѣстѣ.

Составитель.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПРАЗДНИКИ И ОБРЯДЫ.

Въ Россіи, каждый народный праздникъ сопровождается обрядами и усвоенными имъ пѣснями или пѣніемъ. Самое происхожденіе того или другаго празднества, содержаніе и цѣль ихъ рѣшительно отдѣляетъ отъ церковныхъ св. празднествъ и независимо въ отношеніи къ св. обрядамъ церкви, потому, что большая часть народныхъ праздниковъ возникла во времена еще самаго глубокаго язычества, когда съ богослужебными обрядами соединены были различныя правительственныя постановленія, торговыя операціи и пр. Такъ, что почти всегда, гдѣ былъ торгъ, тамъ были судъ и расправа и торжественный праздникъ. Понятно, что торжественность дня усиливалась еще въ большей степени отъ такого вліянія массы народа съ цѣлями такого высокаго нравственнаго и религіознаго направленія. Легко эти обычаи поясняются германскими языческими обычаями, гдѣ жрецы были въ тоже время и судьями, а самыя сборныя мѣстности считались священными, всегда находились близь рѣкъ, дорогъ и вообще удобныхъ мѣстъ для сообщенія.

Такія сообщенія язычниковъ при сборищахъ, гдѣ они молились богамъ, совѣщались о дѣлахъ, разбирали тяжбы, при посредствѣ жрецовъ, или прибѣгали къ ихъ мудрости, прося совѣтовъ, не могли остаться безслѣдно забытыми, какъ серьезно лежащія въ основѣ жизни народа и крѣпко утвердившіяся въ его памяти. Когда Христіанская вѣра поборола языческую и водворилась, то хотя языческимъ обрядамъ и былъ положенъ конецъ, но множество обычаевъ, не входящихъ въ составъ прямаго языческаго богослуженія, были оставлены и множество

изъ нихъ сохранились даже до сихъ поръ въ формѣ увеселеній, обычаевъ, въ родѣ празднествъ и, къ стыду христіанства, нѣкоторые обычаи язычества привились къ торжествамъ христіанскимъ.

Смыслъ и понятіе о празднествахъ до того перепутались, что нашимъ знаменитымъ Русскимъ историкамъ, хронографамъ, и этнографамъ было много хлопотъ, чтобы опредѣлить ихъ характеръ.

Въ дальнѣйшемъ, мы имѣемъ сообщить подробности и указанія на основаніи данныхъ историческихъ свѣдѣній объ обрядахъ.

ПРАЗДНИКИ И СОПРИКОСНОВЕННЫЕ СЪ НИМИ ОБРЯДЫ.

СВЯТКИ.

Святки, святые вечера, такъ обыкновенно называются въ Россіи, да и не въ одномъ нашемъ отечествѣ, а и за границей дни празднества, дни веселья и дни священнаго торжества Рождества Христова, начинавшагося съ 25 декабря и оканчивавшагося обыкновенно пятымъ января слѣдующаго года. Это торжество соотвѣтствовало *священнымъ ночамъ* у нѣмцевъ *). По другимъ нарѣчіямъ святки (swatki) означаютъ *праздники*.

Въ Малороссіи, въ Польшѣ, въ Бѣлоруссіи многіе праздники извѣстны подъ именемъ святокъ (swiatki), какъ напримѣръ, Зеленыя святки, то есть Троицкая недѣля. Поэтому профессоръ Снегиревъ заключаетъ, что можно извлечь, какъ самое названіе такъ и большая часть народныхъ игрищъ перешла на сѣверъ съ юга и запада Россіи.

Если мы начали съ святокъ, то потому именно, что нѣтъ ни одного празднованія на Руси, которое бы сопровождалось такимъ богатымъ выборомъ обычаевъ, обрядовъ, примѣтъ и прочаго, какъ такъ называемыя святки.

На святкахъ мы встрѣчаемъ, или видимъ странную смѣсь обычаевъ изъ языческаго обряда, смѣшанныхъ съ нѣкоторыми христіанскими воспоминаніями о Спасителѣ міра.

Безспорно, что къ обрядамъ языческимъ, а не иначе, принадлежатъ: гаданіе, игры, наряды и прочее, которые выражаютъ свою изобрѣтательную сторону торжества, совершенно неимѣющей ничего общаго съ христіанскими цѣлями и на-

---

*) Weihnaechen.

строеніемъ духа и — *славленіе* то есть хожденіе дѣтей, а иногда и взрослыхъ со звѣздою подъ часъ съ рацеями, вертепомъ и тому подобными предметами.

Между тѣмъ, какъ самое слово „*святки*" представляетъ понятіе о значеніи святости дней по причинѣ отраднаго для христіанъ событія. Но въ древности, съ незапамятныхъ временъ язычества вошли обычаи и обряды въ эти торжественные дни и мы одолжены тому, что и въ настоящее время эти обычаи не искореняются, а существуютъ, хотя въ разныхъ видахъ и формахъ болѣе или менѣе измѣненными.

Въ Бѣлоруссіи и въ Малороссіи святки называютъ Колядою, Каледою; названіе сходствуетъ съ Римскими Kalendae отъ греческаго глагола *μα λειν* — сзывать, также отъ санскритскаго kâla.

Кормчая книга говоритъ, что — святки, праздники приняты отъ Еллиновъ (Грековъ); тоже подтвержденіе колядъ отъ Еллиновъ видимъ въ 62 правилѣ Стоглава. Впрочемъ профессоръ Снегиревъ свидѣтельствуетъ, что св. отцы, говоря о Еллинахъ имѣли въ виду безразлично языческіе народы въ противоположность православнымъ грекамъ и іудеямъ.

Исторія говоритъ, что обычай этотъ существовалъ въ Римской имперіи, въ Египтѣ, у Грековъ и у Индѣйцевъ. Такъ, напримѣръ Египетскіе жрецы, празднуя возстаніе Озириса, или новый годъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, надѣвъ на себя личины и костюмы, соотвѣтствующіе божествамъ, ходили по улицамъ города.

Барельефы и гіероглифы въ Мемѳисѣ и Ѳивахъ указываютъ, что такіе маскарады совершались въ новолѣтіе и считались обрядомъ священнымъ. Точно тому же подобные обряды совершались у Персовъ въ день рожденія Миѳры, у Индійцевъ Перунъ Монголъ и Угады. У римлянъ праздники эти назывались днями солнца.

Напрасно, Константинъ Великій, Тертуліанъ, св. Іоаннъ Златоустъ возставали противъ святочныхъ волхованій и безумныхъ игръ (Календъ) и Папа Захаріи, — обычаи гадать и наряжаться все таки остались, хотя въ формѣ довольно измѣненной.

Даже самъ Императоръ Петръ I, по возвращеніи изъ путешествія въ Россію, наряжалъ Зотова папою, а другихъ своихъ любимцевъ, кардиналами, дьяконами и церемонiймейстерами и

въ сопровожденіи хора пѣвчихъ о святкахъ ходилъ съ ними къ боярамъ по домамъ славить *).

Въ книгѣ Кормчей, на основаніи XXII главы стиха 5 второзаконіе, упомянутыя переряживанія воспрещаются. Извѣстно что Моѵсей какъ законодатель, истребитель язычества и его обрядовъ въ избранномъ народѣ, воспрещая поклоненіе идоламъ, воспретилъ и переряживаніе, какъ то дѣлали жрецы египетскіе.

Валсамонъ, патріархъ XII вѣка говоритъ, что не смотря на запрещеніе церкви, на Западѣ продолжалось наряжаніе въ шутовское платье, въ сатировъ, комедіантовъ, скотовъ, кумировъ и чудовища; кромѣ того: представляли рожденіе Сына Божія, явленіе ангеловъ пастырямъ, обрѣзаніе, звѣзду, трехъ царей и тому подобное, что потомъ перешло и въ Россію.

Константинъ Багрянородный упоминаетъ о *Готскихъ играхъ*, которые совершались при дворѣ въ присутствіи Императора о Рождествѣ Христовѣ. Это были ряженые, въ вывороченные тулупы или шубы, или въ маскахъ, или съ раскрашенными лицами, которые вертѣлись, бѣгали или наконецъ акомпанировали подъ музыку. Названіе игръ „Готскихъ" они получили потому, что греки наряжались по готски, когда приходили къ Императору и получали подарки за пропѣтое ими государю многолѣтіе и рождественскій кондакъ.

Близко будетъ къ истинѣ, если скажемъ, что во время сношенія Россіи съ Византійскимъ дворомъ святочные обычаи, какъ и многіе прочіе перешли въ Россію, такъ какъ по словамъ проф. Снегирева много славноруссовъ въ качествѣ тѣлохранителей находились при дворѣ Византійскихъ Императоровъ.

У Скандинавовъ **) святки были извѣстны подъ именемъ Іольскаго или Юльскаго праздника (Iuul, Ioel), какъ важнѣйшаго и продолжительнѣйшаго изъ всѣхъ. Этотъ праздникъ отправлялся въ честь Тора въ Норвегіи зимою, а въ Даніи въ честь Одина для благословенной жатвы и скораго возврата солнца.

Начало праздника обыкновенно наступало въ полночь 4 января и продолжался цѣлыхъ три недѣли. Первыхъ три дня

---

*) См. Рус. Прост. Праздники. Москва. 1837 г., вып. II.

**) Обитателей нынѣшней Швеціи.

были посвящены благотвореніямъ и торжеству, послѣдніе затѣмъ дни были проводимы въ весельѣ и пиршествахъ. Названіе Iuul происходитъ отъ Hjul, по-русски—колесо, потому, что тогда годъ поворачивался колесомъ. Древность этого скандинавскаго праздника доказывается тѣмъ, что объ немъ разсказывалъ еще въ VI вѣкѣ Прокопій, Византійскій лѣтописецъ.

У древнихъ англосаксовъ должайшая и мрачнѣйшая ночь предшествовала дню рожденія Фрейера или Солнца называлась Материнскою ночью, такъ какъ эта ночь почиталась матерью солнца или солнечнаго года.

Въ это время, по вѣрованію сѣверныхъ народовъ, являлся духъ Юлеветтенъ въ образѣ черноликаго юноши съ женской повязкой на головѣ, закутаннаго въ черный длинный плащъ. Въ такомъ видѣ является, будто бы онъ ночью въ домы, какъ у русскихъ о святкахъ *суженый-ряженой* и принимаетъ подарки.

Это вѣрованіе, нынѣ на всемъ сѣверѣ превратилось въ забаву, уже лишенное всякаго суевѣрнаго смысла. Таже роль представлена на германскомъ сѣверѣ Филліи.

На Іольскомъ праздникѣ былъ въ честь Фрейера убиваемъ вепрь въ присутствіи короля, какъ священное животное. Надъ этимъ животнымъ, положивъ руки, клялись королю въ вѣрности. По окончаніи жертвы всѣ предавались веселью, которое состояло въ питіе, явствахъ, пляскахъ и разныхъ играхъ. Эти Іольскіе праздники продолжались по нѣскольку дней.

Остатки этаго празднества остались еще, кой гдѣ на Скандинавскомъ сѣверѣ, къ которому присоединились гаданія, примѣты, суевѣрія и пр. Въ это время употребительна свинина, и пироги въ формѣ свиней.

Въ Англіи, за нѣсколько дней до праздника Рождества Христова, начинаются въ большей части городовъ ночное пѣніе и музыка по улицамъ. Въ Голландіи восемь ночей передъ праздникомъ, и восемь послѣ праздника, ночной стражъ послѣ возвѣщенія утра прибавляетъ смѣшную пѣсню, содержаніе которой—совѣтъ во время праздниковъ ѣсть кашу съ изюмомъ и прибавлять въ нее сахарнаго сиропа, чтобы она была слаще.

Вообще рождественскіе праздники, не смотря на холодное зимнее время года дышатъ весельемъ, какъ и канунъ Рожде-

ства. Впрочемъ сочельникъ въ Россіи менѣе веселъ, какъ день постный, какъ день приготовленія и встрѣчи къ празднику.

У простаго народа всегда найдется бездна смѣшныхъ преданій по случаю этого дня, и ночь предъ Рождествомъ бываетъ свидѣтельницей множества суевѣрныхъ наблюденій. Въ цѣлой Англіи существуетъ повѣрье, что будто бы, если войти въ хлѣвъ ровно въ полночь, то найдешь весь скотъ на колѣняхъ. Многіе убѣждены, что въ сочельникъ всѣ пчелы поютъ въ ульяхъ, привѣтствуя день торжества. Это повѣрье распространено по всей католической и протестанской Европѣ.

Вечеромъ женщины, ни за что не оставятъ кудели на прялкахъ, чтобы чертъ не вздумалъ вмѣсто нихъ сѣсть за работу.

Молодыя дѣвушки даютъ этому другое толкованіе: онѣ говорятъ, что если не допрясть кудели наканунѣ Рождества, прялка придетъ за ними въ церковь при вѣнчаніи и мужья ихъ подумаютъ, что онѣ Богъ вѣсть какія лѣнтяйки. Въ этомъ убѣжденіи дѣвушки недопряженную кудель солятъ, съ цѣлью сохранить ее отъ продѣлокъ чорта. Если нитки останутся на мотовилѣ, ихъ не снимаютъ, какъ обыкновенно, а разрѣзываютъ.

Въ Шотландіи домашній скотъ въ праздникъ Р. Х. кормятъ послѣднею горстью сжатаго хлѣба, съ цѣлью предохранить его отъ болѣзни.

Въ Англіи, въ старину былъ обычай подавать въ Рождество къ столу кабанью голову въ уксусѣ съ лимономъ во рту. При чемъ была пѣта пѣсня приличная торжеству.

Есть примѣты довольно оригинальныя: напримѣръ, въ Шотландіи и по сіе время многіе изъ простаго народа вѣрятъ, что кто первый отворитъ дверь въ праздникъ Рождества, тотъ будетъ счастливъ во весь слѣдующій годъ, потому, что онъ впустилъ Юля.

Для этого языческаго божества иные и по сію пору накрываютъ приборъ и ставятъ хлѣбъ съ сыромъ и какой нибудь напитокъ, какъ это дѣлали восточные народы, и притомъ каждый гость долженъ отвѣдать этой жертвы, а если забудетъ и уйдетъ, то это считается дурной примѣтой въ Шотландіи.

Тамъ же, объ Рождествѣ, въ Новый годъ, въ первый январскій понедѣльникъ и 3 мая, суевѣрные люди въ Шотландіи ни за что не дадутъ угольевъ сосѣдямъ, опасаясь колдовства и прочаго вреда, какъ тому вѣрили и Римляне.

Въ западныхъ областяхъ Англіи оказываютъ честь яблонямъ, чтобы онѣ на будущій годъ были плодородны. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обыватели совершаютъ ходы по плодовымъ садамъ и кланяются каждому дереву, произнося родъ заклинанія или заговора. Послѣ того орошаютъ дерево яблочнымъ сокомъ, или разбиваютъ объ него кубокъ съ яблочнымъ напиткомъ—все это дѣлается въ честь и желаніе будущаго урожая.

Также къ Рождественской ночи дѣлаютъ особенныя свѣчки такой толщины, что онѣ горятъ съ вечера наканунѣ праздника до исхода слѣдующаго дня и если погаснутъ прежде, это предзнаменуетъ несчастіе въ семействѣ.

Въ сѣверной Шотландіи лавочники дарятъ своимъ покупателямъ Юлевыя свѣчи, которыя, суевѣрные Шотландцы и строгіе исполнители всякихъ примѣтъ, зажигаютъ и даютъ имъ сгорѣть до тла, или же, давъ нѣкоторое время горѣть гасятъ, и огарки сохраняютъ, какъ талисманы.

Тамъ же есть, такъ называемый Tagĥairm—ночное гулянье, на воловьей кожѣ, очень сходное съ русскими, (будетъ сказано).

Въ Англіи, въ Святки также сохранилось множество суевѣрій. Всѣ ихъ перечислять не стоитъ, но мы ограничимся нѣсколькими изъ нихъ; такъ, напримѣръ, кто нибудь встаетъ ранѣе прочихъ въ семействѣ и готовитъ завтракъ, который все семейство и ѣстъ, сидя въ постелѣ, не вставая. Завтракъ этотъ — пирожки съ яицами, считая по одному на каждаго и чей пирогъ развалится во время печенія, тому не дожить до будущаго праздника.

Наканунѣ Рождества кладутъ въ огонь одно изъ толстыхъ поленьевъ, которое должно горѣть во весь слѣдующій день, а если можно и далѣе, для чего конечно стараются примѣнить медленное горѣніе. Употребляютъ для этого головню, если можно оставшуюся съ прошлаго года. Пока рождественское полено не потухнетъ, всей домашней прислугѣ даютъ къ столу пиво.

29 декабря, когда празднуется память избіенія младенцевъ Царемъ Иродомъ, въ старину обыкновенно дѣтей будили плетью, чтобы такимъ путемъ укрѣпить въ памяти дѣтей такое кровопролитное событіе; самый день, въ который приходился этотъ праздникъ считался *чернымъ*.

Въ Германіи. во время, такъ называемыхъ священныхъ ночей, по нашему святыхъ вечеровъ или святокъ, гадаютъ. устраиваютъ для дѣтей елку, всякимъ способомъ стараются узнать будущность въ теченіи года и вѣрятъ, что наканунѣ Рождества Христова скоты говорятъ. Въ недалекое отъ насъ время представляли исторію рожденія Іисуса Христа въ лицахъ.

Кромѣ того, что уже сказано сейчасъ и укрѣпилось въ нашей Россіи, въ Саксоніи въ деревнѣ Шолбекѣ, по свидѣтельству Кранца, мужчины всѣхъ возрастовъ съ женщинами проводили повечеріе Рождества Христова на погостѣ Св. Магна въ безчинныхъ пляскахъ и неблагопристойныхъ пѣсняхъ. покрайней мѣрѣ такихъ пѣсняхъ, которыя не свойственны такому высокоторжественному дню.

Коляда. Декабря 24 русскіе язычники славили Коляду, о которой уже мы ранѣе говорили. По словамъ нашего знаменитаго историка Карамзина, Коляда былъ богъ пиршествъ и мира и хотя по созвучію можно производить Коляду отъ Римскихъ колендъ и другихъ, но римскіе праздники этого названія были празднуемы во всѣхъ мѣсяцахъ. А если находятъ, что нашъ рождественскій праздникъ былъ сходственъ съ Янусовымъ, то причиною тому было вѣроятно ничто иное, какъ вліяніе римскаго владычества надъ славянскими народами, при чемъ конечно каждый народъ, усвоивая и принимая чуждыя понятія и вѣрованія, всегда ищетъ въ нихъ сходства внѣшняго или внутренняго съ своими коренными понятіями и вѣрованіями.

Значеніе слова Коляды у разныхъ народовъ различно: У Виндійцевъ Kolêda (коледа) почитается за божество празднествъ и также называются нѣкоторые церковные обряды, а koledowati (колодовати) означаетъ хожденіе дѣтей по разнымъ домамъ съ пѣснями и плясками.

У Чеховъ, Болгаръ и Сербовъ Kolêda, а также wanoěńj pisniéky значитъ—святочная пѣснь, choditi po Kolêde, (ходить по коледу) значитъ поздравлять съ новымъ годомъ и за это получать подарки, отъ каждаго, кто что можетъ дать.

Коледа у Словаковъ означаетъ Благословеніе домовъ, какое у нихъ бываетъ около праздника *трехъ царей*. а kolêdowat—благословлять домы.

Богемская Исторія объясняетъ коледу набожнымъ обыча-

емъ хожденія священнослужителей по домамъ съ крестомъ и мощами о Рождествѣ Христовѣ, который былъ утвержденъ Чешскимъ княземъ Бретиславомъ въ XI вѣкѣ, послѣ изгнанія колдуновъ и оборотней изъ предѣловъ своего княжества.

Босняки, Кроаты и другіе славянскіе народы подъ Коледою разумѣютъ подарокъ на Новый годъ: тогда въ Римско-католическихъ церквахъ раздавались народу сдѣланные изъ тѣста ясли, пеленки и другія принадлежности къ мѣсту рожденія Іисуса Христа, что называлось *Колендами*. Римское духовенство по свидѣтельству Боеція, именовалось отъ Colendo, Coledei и Coldei, Богочтецы, то есть ублажавшіе Бога пѣснопѣніемъ. Знаменитый переводчикъ Гомера, Гнѣдичь производитъ Коледу отъ греч. *Χόλαδεις* (кишки) колбасы, которой кольцо выпрашивали себѣ колядовщики въ Малороссіи. Наконецъ отъ слова колядованіе произошло слово „колдованіе.“

Коляда не упоминается у Нестора, какъ божество въ числѣ боговъ Владиміровыхъ; но Св. Димитрій Туптала (митр. ростов.) въ своей Четьи Минеи упоминаетъ о колядѣ, какъ о шестомъ богѣ, богѣ празднествъ. Но скорѣе всего, это—не божество, а праздникъ, который олицетворяютъ сказанія и народныя пѣсни.

Коляда, въ южной и западной Руси, собственно канунъ праздника Рождества Христова, который извѣстенъ на сѣверо-востокѣ Россіи подъ именемъ Авсеня или Таусеня, а у Литовцевъ извѣстна подъ именемъ *вечера колодокъ*, или *Блоккова*, въ которомъ почти вездѣ въ славянскомъ мірѣ и въ русскомъ готовится изъ зерноваго хлѣба—*каша* и изъ пшена и плодовъ *кутья*, напоминающая индѣйскій *Перунъ-Понголъ* и *Угады*, во время которыхъ по варенію пшена угадывали жребій въ наступающемъ году.

Считаютъ двѣ коледы: *Васильевская*, наканунѣ Новаго года, и *крещенская*, наканунѣ *Крещенія* или *водокрещей*. Первая—*богатая*, а вторая—*бѣдная* или *постная*.

Въ Малороссіи коледою называется хожденіе съ вертепомъ и звѣздою, сдѣланною изъ бумаги и пѣнье виноградья извѣстно подъ именемъ *Коледы*. Даже въ Москвѣ и въ Петербургѣ до сихъ поръ существуетъ обычай славленія ребятишками Рождества Христова цѣлыми группами подъ предводительст-

вомъ старшаго, несущаго звѣзду съ фонарикомъ; послѣ каждаго славленія, притомъ поется въ домѣ молитва, говорится: „Съ праздникомъ хозяина поздравляемъ, здравія вамъ желаемъ“, и прочее. Иногда нѣчто въ болѣе шутливомъ тонѣ. Нынѣ въ столицахъ обычай этотъ выводится, но было время, когда не принять, такъ называемыхъ христославовъ считалось за грѣхъ для домовладыки и оскорбленіе для христославовъ.

Профессоръ Снегиревъ говоритъ *) что подъ Москвою былъ обычай называть сочельникъ „коледою“ и въ ночь на Рождество возить въ саняхъ дѣвушку, одѣтую поверхъ всей теплой одежды въ рубашку, которую и выдавали за Коледу; есть-ли такой обычай и по сейчасъ—не знаемъ.

Есть предположеніе, что какъ празднованіе Коледы, такъ и ея имени перешло изъ Новгорода въ Костромскую и другія Великороссійскія губерніи въ XV и XVI вѣкахъ, чему свидѣтельствуетъ старинная пѣсня, которую въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ поютъ о святкахъ такъ: „Шла Коледа изъ Новогорода“... и проч.

У Румынъ святки называются *Керечуномъ*, у Карпата-Россовъ—канунъ Рождества, то есть нашъ сочельникъ, а коледованіе за празднованіе. Подъ этимъ же названіемъ *Керечуна* у русскихъ назывался рождественскій постъ или филиповки, такое названіе поста Карамзинъ объясняетъ короткостью дней **) зимнихъ. Однако-же, по замѣчанію проф. Снегирева, Карачунъ сходствуетъ съ Сербскимъ „Кàрачити“ то есть ходить, и съ русскимъ словомъ *корчить*, что либо или кого, кривляться.

Потомъ еще есть догадка неразрѣшенная однакоже ни чѣмъ— не имѣетъ ли слово „корачунъ“ какого нибудь сходства съ упоминаемымъ въ Стоглавѣ чародѣяніи надъ корчагами.

Въ Великороссіи святки, кромѣ славленія по домамъ, сопровождаются наряжаніемъ въ маски и костюмы съ цѣлью не быть узнаваемыми, а также загадываніями. Какъ гаданія, такъ равно и наряжанія въ разные костюмы производятся вечеромъ, а гадаютъ часто по ночамъ.

*) См. Русс. Прост. празд. и суев. обряды. Вып. II, 1837 г., стр. 29.
**) Карам. И. Г. Р. Часть II. пр. 288.

Маски извѣстны отъ глубокой древности, еще въ оргіяхъ Бахусовыхъ надѣвали личины, чтобы избавить себя отъ чарованія. Между греками и латинами въ средніе вѣка было мнѣніе, будто, въ продолженіи 8 дней послѣ Рождества Христова, дьяволы скитаются по землѣ и по наступленіи разрушенія ихъ царства, изгоняемые въ тревогѣ и тоскѣ рыскаютъ по улицамъ въ мрачномъ и огнезрачномъ видѣ, терзая, муча и увлекая встрѣчныхъ и поперечныхъ. Переряженные или святочники, умышленно представляютъ воплощенныхъ дьяволовъ и исторія Тюрпеня называетъ ихъ личинами брадатыми, рогастыми и похожими на демоновъ. Одинъ древній писатель объясняетъ силу отвораживанія масокъ тѣмъ, что онѣ своимъ стройнымъ и нелѣпымъ видомъ удаляютъ очарованіе отъ самыхъ лицъ, которыя ихъ носятъ. Но такъ, какъ маски по объясненію Нантскаго собора—личины демоновъ и оскверняютъ людей, посему тѣ, кто рядился на святкахъ, имѣли обыкновеніе очищаться купаньемъ въ рѣкахъ въ день Крещенія Господня.

Въ Новгородѣ Святки извѣстны подъ именемъ *Окрутниковъ*, которые со втораго дня праздника Рождества Христова до Богоявленія ходили ряженными по городу въ тѣ дома, гдѣ выставляемы были зажженныя свѣчи на окнахъ и тѣшили хозяевъ шутками, каррикатурными представленіями, пѣснями и плясками.

Въ Тихвинѣ о святкахъ снаряжалась большая лодка, которая ставится на нѣсколько саней и возится нѣсколькими лошадьми по городу. Верхомъ на лошадяхъ, везущихъ лодку сидѣли окрутники. Тѣ же окрутники и святочники сидѣли въ лодкѣ, украшенной разноцвѣтными флагами. Всѣ эти поѣзжане бывали въ костюмахъ и маскахъ.

Въ Тихвинѣ ряженные назывались то окрутниками, то кудесниками, то куликами, то щеголями.

Во время поѣзда они пѣли, играли на разныхъ инструментахъ, и выкидывали разныя штуки. Разумѣется, ряженыхъ сопровождали толпы народа, а зажиточные граждане подчивали этихъ ряженыхъ виномъ и кушаньемъ.

Въ Новгородской и Вологодской губерніяхъ святки до сихъ поръ называются *Кудесами*, такъ какъ въ лѣтописяхъ чародѣи, колдуны, арби, кудесниками и кобниками, которые га-

дали и вѣроятно кудесили, какъ колдуны, кобенились, какъ шаманы.

Въ Торопцѣ, Псковской губерніи, святки слывутъ „Субботками“. Тогда незамужнія дочери обывателей этого городка собираются у бѣдныхъ вдовъ, которыя дѣлаютъ къ тому нужныя приготовленія: для посѣтительницъ дѣлаютъ скамьи уступами отъ полу до потолка въ видѣ амфитеатра, потомъ среди комнаты къ потолку подвѣшивается большой фонарь изъ цвѣтной бумаги, украшенный лентами и множествомъ свѣчь. По сторонамъ этой же горницы ставятся скамейки для мужчинъ.

Дѣвушки, какъ богатыя, такъ и бѣдныя непремѣнно считаютъ долгомъ быть на этихъ вечеринкахъ или субботкахъ и для сего одѣваются какъ можно чисто, сообразно своему состоянію. Когда дѣвушки собрались всѣ до одной изъ числа приглашенныхъ, тогда ворота до сихъ поръ запертыя, отворяются и начинается прибытіе холостыхъ молодыхъ людей. Прибытіе каждаго молодаго гостя дѣвушки величаютъ пѣснями, которыя изстари поются на субботкахъ. За эту честь каждый гость долженъ платить деньгами, которыя потомъ отдаются въ пользу хозяйки дома, небогатой вдовы. Сюда женатые и замужніе не допускаются.

Русская исторія указываетъ, что и царь Иванъ Васильевичъ Грозный съ своими опричниками маскировался подобно скоморохамъ и даже казнилъ К. Рѣпнина за то, что тотъ не надѣлъ личины *).

Петръ I любилъ святочныя игрища, въ которыхъ самъ принималъ участіе, какъ было выше нами замѣчено. Въ его время святочныя игры бывали не только въ городахъ и въ сельскихъ пріютахъ, но и въ царскихъ теремахъ, гдѣ Царевны святочничали съ верховыми сѣнными дѣвушками и боярынями.

Гаданіе. Въ составъ святочныхъ обрядовъ входитъ гаданіе, гдѣ по какимъ либо особеннымъ знакамъ искуственнымъ или естественнымъ стараются предъузнать человѣческій жребій, свое будущее.

Въ язычествѣ гаданіе составляло одно изъ главныхъ обрядовъ богослуженія; но когда язычники стали переходить въ

---

*) Карамз. И. Г. Р. т. IX. 2 изданіе.

христіанство. то гаданіе стало преслѣдоваться подъ видомъ ворожбы и если гаданіе и осталось въ народѣ, какъ сила привычки по праву давности. то какъ народная забава самое слово „гаданіе“ сродно съ еврейскимъ словомъ *Гадъ Gad*—такъ называлось богиня счастія. а по другимъ отъ санскритскаго *Gad*—изслѣдовать. по третьимъ—Gadàm—испытывать.

Самое же гаданіе въ древности было служеніе богинѣ Гадѣ (фортунѣ, богинѣ счастія). Основываясь болѣе на случайныхъ, но естественныхъ явленіяхъ, или знакахъ. открывали тайну то есть, что нибудь угадывали. Ворожбою называлось дѣйствіе сверхъ-естественныхъ враждебныхъ силъ ко вреду однихъ или къ пользѣ другихъ, почему волхованіе, по толкованію Стоглава, называлось бѣсовскимъ служеніемъ и имѣло одно и тоже значеніе, что и колдовство, колдованіе. которымъ по сказанію занимались халдейскіе и другіе волхвы.

Способы гаданія бываютъ естественныя или искуственныя, какіе встрѣчаются не только у восточныхъ народовъ, но у Грековъ, Римлянъ и Славянъ.

Святочными гаданіями вообще занимаются вечеромъ, или ночью.

1) **Гаданіе на вещахъ.** Молодые люди обоего пола собираются на вечеръ, берутъ кольца перстни, запонки, сережки и другія мелкія вещи и кладутъ ихъ подъ блюдо вмѣстѣ съ кусочками хлѣба, сверхъ всего накрываютъ чистымъ полотенцемъ салфеткою, или ширинкою. Послѣ того участвующіе въ гаданіи поютъ пѣсню, посвященную хлѣбу и соли и потомъ другія подблюдныя пѣсни. По окончаніи каждой, запустивъ руку и отворотясь отъ блюда, изъ подъ закрытаго блюда. вынимаютъ какой нибудь одинъ предметъ, попавшійся первымъ подъ руку. Это нѣчто въ родѣ домашней лоттереи. Къ этому примѣнялось содержаніе пѣсни, изъ котораго выводится себѣ предвѣщаніе.

Но такъ, какъ изъ подъ блюда вынутыя вещи не всегда попадаются тѣмъ, кому онѣ принадлежатъ, то присуждается по этому случаю выкупъ вещей. Послѣднему, вынувшему доставшуюся изъ подъ блюда на долю его вещь уже послѣднюю, поютъ пѣсню обыкновенно свадебную, какъ бы предвѣщая скорый бракъ. Затѣмъ и кольцо катятъ по полу, наблюдая въ которую сторону оно покатится: если къ дверямъ, то для дѣвушки—близость брака. для мужчины—отъѣздъ.

По наблюденіямъ г. Снигирева, эти обряды близки съ греческими обрядами и *κλῃδών*.

Хороненіе золота, или какъ золото хоронить. Но нужно быть хорошимъ наблюдателемъ даже, чтобы видѣть, въ какомъ высокомъ почтеніи было изстари золото и какъ оно даже по сей часъ служитъ эмблемой выраженія богатства, достоинствъ, красоты, пріязни и прочаго.

Напримѣръ когда мать говоритъ своему сыну или дочери: „ахъ ты золото мое!“... Понятно уже, что она этимъ выражаетъ ласку, любовь и высокое значеніе своей любви, какъ бы къ золоту, часто не въ отношеніи столько къ его значенію, сколько къ тому, что золото вообще прежде имѣло высокую недостигаемую цѣнность относительно своей рѣдкости. Такъ и сейчасъ, часто говорятъ: „это не человѣкъ, а золото.“ Этимъ словомъ по смыслу хотя человѣка выставляетъ ниже того, что онъ стоитъ по человѣчеству, но въ общемъ смыслѣ оцѣниваютъ какое либо одно качество или въ отношеніи ума, доброты или искуства.

По всей вѣроятности эта поговорка возникла изъ глубокой древности; такимъ образомъ, читая отечественную лѣтопись видимъ, что русскіе при договорѣ съ греками, полагая золото предъ Перуномъ и Волосомъ клялись, что если нарушатъ договоръ то, да „будутъ золото, яко золото“. Тоже было и съ Югорскими князьями клявшимися въ вѣрности предъ великимъ княземъ на опасъ и въ знакъ вѣрности клялись, испивая воду съ золота *).

Также иногда, поговоркой: „*съ твоего слова, какъ съ золотаго блюда*“, выражаютъ желаніе благополучія и всѣхъ благъ такъ сказать довольства и благополучія. Такимъ же образомъ и обычай *хоронить золото* причисляютъ къ *обычаямъ* принадлежащимъ временамъ языческимъ. Остатки обрядности сохранились о святкахъ, но уже въ формѣ забавы или, какъ развлеченіе времени.

Дѣло въ томъ, что въ собраніи сидящихъ дѣвицъ, дамъ и мужчинъ тихонько даютъ оставшееся отъ подблюдной пѣсни кольцо и оно передается тайкомъ отъ одного къ другому изъ

---

*) См. Ист. Госуд. Россійск. I. Прим. 461. Евреи также клялись храмовымъ золотомъ, какъ видно изъ Еван. Матѳія XXIII, стр. 16.

сидящихъ рядомъ и смежно между собою, предоставляя кому нибудь изъ мужчинъ или дѣвушекъ искать это кольцо при пѣніи обрядовой пѣсни, пока не найдется въ чьей либо рукѣ искомое. Пойманный въ скрытіи вещи въ свою очередь начинаетъ отыскивать, и такъ далѣе.

Окличка прохожихъ и проѣзжихъ. Это гаданіе состоитъ въ томъ, что во время вечера или ночи выходятъ изъ дома и, стоя у калитки дѣвушки спрашиваютъ у мужчинъ словами: „какъ ваше имя?" съ тою цѣлью и увѣренностью, что будущій женихъ будетъ имѣть то же самое имя и ту же красоту, которую имѣетъ видѣнный и опрошенный. Въ ярославской губерніи окликаютъ съ блиномъ на головѣ.

Подслушиваніе. Стоглавъ говоритъ, что *окличка* была древнимъ народнымъ суевѣріемъ, что гадатели и гадательницы ходятъ слушать подъ окна чужихъ домовъ и, судя по услышаннымъ ими словамъ, веселому или непріятному разговору, предрекаютъ себѣ пріятную, или скучную жизнь, бранчиваго, или ласковаго мужа. Заключенія подъ чужими окнами чрезъ подслушиваніе бываютъ самыя разнообразныя и выводятся изъ того, кого слышатъ: Стараго или молодаго, пьянаго или трезваго, мужчину или женщину, и проч. Такіе подслушиванія производятся у оконъ или дверей жилыхъ избъ или у оконъ домовъ (преимущественно первыхъ этажей).

Но болѣе храбрые и рѣзвые изъ дѣвушекъ рѣшаются слушать подъ замкомъ церковныхъ дверей съ цѣлью услышать пѣніе въ церкви въ полночь, когда службы не бываетъ. Если воображеніе сильно возбуждено, нервы тоже, то легко можетъ случиться, что возбужденная особа, въ полузабвеніи, увлеченная мыслью и силою воли до мозга костей слышитъ, скорѣе во снѣ, то сладкое вѣнчальное, то погребальное пѣніе, изъ чего выноситъ, что ей въ этотъ годъ или идти замужъ или померетъ.

Гаданье на курицахъ. Снявъ съ насѣста курицу, чаще пѣтуха, приносятъ въ ту комнату, гдѣ заранѣе приготовлены на полу въ трехъ мѣстахъ вода, хлѣбъ, золотыя, серебряныя и даже мѣдныя кольца, серьги и другія мелкія вещи.

Птицу пускаютъ на полъ и смотрятъ: какую вещь она клюнетъ или, за что примется прежде всего, имѣя въ виду, что птица ночью или вечеромъ бываетъ слѣпа и по естественной

привычкѣ клевать, что попадя, клюнетъ, что либо изъ предметовъ, положенныхъ на полу.

Гадаютъ и такъ и иначе: Если гадаетъ одна особа, то понятно, что ей, выпустивъ пѣтуха или курицу можно гадать на разные мотивы, но если же гадающихъ дѣвушекъ очень много, то приходится задумывать иначе. Напримѣръ курицу или пѣтуха пускаютъ въ средину круга составленнаго изъ колецъ и перстней, принадлежащихъ разнымъ дѣвушкамъ. Чье кольцо, перстень или серьгу клюнетъ птица, та выдетъ замужъ въ теченіи этого года.

Но выйти замужъ вообще не трудно, каково быть за мужемъ? задается вопросомъ каждая изъ дѣвицъ.

Въ этомъ случаѣ дѣвушка—гадательница примѣняетъ, какъ выше сказано, къ дѣлу гаданія воду, хлѣбъ, уголь и кольца. Затѣмъ пускаетъ курицу. Если курица или пѣтухъ станетъ пить воду, то мужъ будетъ—пьяница. Если будетъ ѣсть хлѣбъ, то мужъ будетъ достаточный, когда же примется за уголь, то мужъ будетъ бѣднякъ, или, какъ говорится, прогоритъ—золотое кольцо клюнетъ—богачъ, серебреное—достаточный, мѣдное—скудный по труду, иногда волокита.

Иногда бываетъ и такъ, что гадательницы дѣлаютъ въ просторной избѣ нѣсколько такихъ круговъ, каждая для себя и приносятъ каждая дѣвушка курицу изъ своего дома.

Въ Костромской губерніи, во время святокъ, холостежъ и молодежъ ходятъ по птичьимъ закутамъ или дворамъ, и зажмуривъ глаза, снимаютъ курицу съ насѣста, (нашестка, насѣдала) по цвѣту курицы, судятъ о цвѣтѣ волосъ суженаго или суженой.

Въ Сибири въ это время гаданій впускаютъ на средину комнаты курицу съ пѣтухомъ и пускаютъ по полу и замѣчаютъ: если пѣтухъ гордо расхаживаетъ и щиплетъ курицу, то мужъ будетъ сердитый; но если и курица будетъ храбриться, то это знакъ, того, что жена будетъ одерживать верхъ надъ мужемъ.

Гаданіе на лошадяхъ. Выводятъ изъ конюшни лошадей не иначе, какъ чрезъ оглоблю, или чрезъ какую либо жердь. Если лошадь зацѣпитъ за оглоблю, или жердь ногами, то для дѣвушки — мужъ сердитый и несчастная жизнь. Когда же—лошадь удобно перешагнетъ, не зацѣпивъ жердь или оглоблю, то

для дѣвушки предстоитъ счастливое житье со смирнымъ ласковымъ мужемъ.

Проф. Снегиревъ, приписываетъ это гаданіе ко временамъ языческимъ, когда въ Рюгенѣ, предъ началомъ каждой войны жрецы гадали о будущемъ успѣхѣ, для чего переводили коня чрезъ нѣсколько жердей, и непремѣнно бѣлаго коня Свѣтовидова, а въ Штетинѣ Воронова коня. Слѣды этого языческаго обычая остались и по сіе время въ Костромской и Ярославской губерніяхъ. Иногда садятся на лошадь, у которой завязаны глаза и пускаютъ изъ воротъ по волѣ; въ которую сторону лошадь изберетъ путь, туда дѣвушкѣ замужъ выходить.

Гаданіе у воротъ. Выходятъ къ забору или просто, стоя за воротами во время ночи и говорятъ: „залай залай собаченька! залай сѣрый волчокъ!“ „гдѣ залаетъ собаченька, тамъ живетъ мой суженый!“

Мнѣніе вообще таково, что гдѣ дѣвушка услышитъ собачій лай, туда непремѣнно будетъ отдана замужъ, слышавшая лай дѣвушка, и чѣмъ глуше и дальше слышенъ будетъ лай, тѣмъ дальше она будетъ отдана замужъ. Притомъ лай хриплый, значитъ—бракъ со старикомъ, звонкій и тонкій лай—молодой женихъ.

Гаданіе башмакомъ. Дѣвушки снимаютъ съ лѣвой ноги башмаки и кидаютъ ихъ за ворота, наблюдая при этомъ, куда башмакъ ляжетъ носкомъ. Куда ляжетъ носкомъ, въ ту сторону будетъ отдана кидающая; когда же башмакъ ляжетъ носкомъ къ воротамъ, изъ котораго выкинутъ башмакъ, то дѣвушкѣ въ этотъ годъ—жить дома, и не выходить замужъ.

Гаданіе топоромъ. Это гаданіе относятъ къ древнимъ. Плиній свидѣтельствуетъ, что этого рода гаданіе внесено въ Грецію Остонесомъ при Ксерксѣ I и употребляли его для узнанія виновнаго.

Вбивали въ топоръ деревянный колъ и держали его обѣими руками такъ, что вращать колъ было очень легко и при вращаніи произносили имена подозрѣваемыхъ. На чьемъ имени онъ покривится, тотъ и оказывался виновнымъ. Нынѣ, если хотятъ погадать, выйдетъ ли дѣвушка въ нынѣшнемъ году замужъ, при верченіи топора упоминаютъ имена дѣвушекъ и та изъ нихъ выйдетъ, на чьемъ имени топоръ покривится.

Гаданіе на луковицахъ. Берутъ нѣсколько луковицъ и замѣчаютъ каждую изъ нихъ; эти луковицы кладутъ на землю; чья луковица ранѣе дастъ ростокъ, та изъ дѣвушекъ выйдетъ прежде другихъ замужъ.

Гаданіе яицомъ. Берутъ стаканъ, наполненный чистою водою и въ эту воду съ осторожностью выпускаютъ свѣжее яйцо. Даютъ нѣсколько постоять; а потомъ по расположенію бѣлка въ водѣ судятъ о будущемъ.

Гаданіе на поленьяхъ. Дѣвушки подходятъ къ поленницѣ задомъ, или защурясь и берутъ изъ нее безъ выбора, которой какое попадется. Затѣмъ каждая свое осматриваетъ, изъ чего заключаютъ о будущемъ женихѣ, напр. гладкое полено въ тонкой ровной корѣ предсказываетъ хорошаго красиваго жениха; полено съ шероховатой корою — некрасиваго на видъ; въ толстой, но хорошей корѣ — богатаго. Полено мѣстами ободранное—нуждающагося; безъ коры—бѣднаго, толстое полено — сильнаго, толстаго; съ сучками — большая семья и по числу сучьевъ о числѣ людей въ семьѣ; кривое—урода или съ какими нибудь физическими недостатками.

Гаданіе воскомъ, оловомъ или свинцомъ. Въ нѣкоторыхъ областяхъ Германіи, такъ и въ Россіи, о святкахъ льютъ воскъ или олово въ воду и, по вылитымъ фигурамъ, заключаютъ о своемъ жребіи, о счастьѣ, несчастьѣ, неудачѣ, урожаѣ или голодѣ.

Въ Потребникѣ 1639 года всѣ *восколѣи* и *оловолѣи* названы „чародѣями".

Гаданіе на зборникѣ (головной уборъ). Когда дѣвушка желаетъ узнать, что случится въ этомъ году, то беретъ три вещи: сборникъ или другую какую принадлежность головнаго убора, кусокъ хлѣба и кусокъ дерева и кладетъ всѣ три вещи въ пустой, чистый горшокъ, иногда сопровождая все это приличными наговорами. Потомъ закрывъ, или завязавъ глаза подходитъ къ горшку и беретъ первое, что попадется. Если попадется ей въ руку головной уборъ—выдти замужъ, часть хлѣба—оставаться дѣвушкою, а кусокъ дерева—гробъ *).

*) Свѣденія почерпнуты изъ рукоп. Мясникова въ 1829 г. Народные праздники въ округахъ Шенкурскомъ и Вельскомъ.

Гаданіе лучиною. Если дѣвушка желаетъ узнать: проживетъ ли она этотъ годъ? то взявъ въ руки березовую лучину, бѣжитъ къ роднику рѣки, или къ колодцу, мочитъ эту лучину и возвратившись домой зажигаютъ ее на огнѣ; у которой скоро загорится она, то это знакъ долгой жизни, а у которой не загорится вовсе, то умретъ; у которой будетъ горѣть съ трескомъ и горѣть не особенно ровно, то въ теченіи года гадающая будетъ хворать.

Гаданіе на коровьей или воловьей кожѣ. Проф. Снегиревъ описываетъ, какъ гадаютъ въ Вельской и Шенкурской областяхъ о годовой судьбѣ, при помощи снятой съ крупнаго рогатаго скота кожи. Съ этою цѣлью нѣсколько дѣвушекъ берутъ столешникъ, хлѣбъ, ножикъ, и коровью сырую кожу, идутъ на перекрестокъ или на прорубь, разстилаютъ тамъ кожу, кладутъ на нее хлѣбъ и ножикомъ очерчиваютъ кругъ, въ предѣлахъ котораго и садятся, закрывъ себя столешникомъ или скатертью и ухвативъ другъ друга за мизинецъ, дѣлаютъ завѣщаніе, чтобы судьба извѣстила ихъ, что случится имъ въ нынѣшнемъ году и, въ таинственной тишинѣ ночи, слушаютъ: одной слышится, что ѣдутъ женихи большимъ поѣздомъ, другой чудится, что на полѣ большое собраніе народа, знакъ обильной жатвы и проч. Такія гаданія происходятъ не только въ Россіи, но и въ Шотландіи, по свидѣтельству Вальтеръ-Скотта. Гадаютъ ночью, завернувшись въ сырую коровью или въ воловью кожу, садятся въ ожиданіи отвѣтовъ на сдѣланные вопросы, или имѣютъ видѣнія, которыя открываютъ будущее.

Гаданіе по сковородѣ. Чтобы узнать имя будущаго жениха, дѣвушки кладутъ на столъ солому сбитую въ комъ, на этотъ комъ ставятъ сковороду, а на сковороду кладутъ камень и льютъ нѣсколько воды. Послѣ того, потихоньку и медленно начинаютъ каждая изъ дѣвушекъ вынимать по соломинкѣ и изъ звука производимаго камнемъ на сковородѣ при колебаніи, воображаютъ слышать имя будущаго жениха.

Тоже дѣлаютъ такъ: наливаютъ на сковороду воды и камни; сверхъ этого всего кладутъ растрепанныя хлопья льна или пеньки, зажигаютъ ихъ и накрываютъ горшкомъ. Когда вода сильно заклокочетъ, то, по замѣчанію суевѣровъ, у невѣстки будетъ сварливая свекровь.

Гаданіе на кольцѣ, хлѣбѣ и крючкѣ. Положивъ на полъ кольцо, крючекъ изъ соломы и кусокъ хлѣба, покрываютъ эти три предмета платкомъ, изъ подъ котораго потомъ и вынимаютъ, кому какая вещь достанется. Если вынется кольцо, то женихъ будетъ щеголь, если хлѣбъ—богачъ, а если крючекъ, то — бѣднякъ. *Бѣдный крюкъ* въ смыслѣ того, что бѣднякъ всегда горбится отъ труда и предъ всѣми изгибается.

Гаданіе у омета соломы. Подходятъ къ омету соломы, закинувъ голову назадъ, берутъ ртомъ соломенку; ежели она будетъ съ колосомъ, то примѣчаютъ, что вышедшая въ замужество будетъ богата, если соломина попадется безъ колоса, то —жизнь будетъ бѣдная.

Гаданіе на перекресткѣ въ полночь. Дѣвушки выходятъ на перекрестокъ, и загадавъ каждая изъ нихъ о своемъ будущемъ женихѣ, очерчиваютъ кругъ и, стоя въ немъ, прислушиваются и когда почудится имъ звонъ колокольчиковъ, или смѣхъ или веселое пѣніе, то заключаютъ, что—быть замужемъ. Если же послышится плачь или унылое пѣніе, то значитъ—умереть. На перекресткѣ также смотрятъ въ зеркало и видятъ своего суженаго и ряженаго *).

Гаданіе подъ окномъ. Въ полночь, гадающія дѣвушки садятся у оконъ, и каждая изъ нихъ приговариваетъ: „суженый, ряженый! поѣзжай мимо окна!“ Если которая изъ нихъ услышитъ поѣздъ съ крикомъ и свистомъ, то предрекаетъ себѣ веселую и счастливую жизнь; если же поѣздъ будетъ тихій, то слышавшая его дѣвушка предвидитъ жизнь бѣдную.

Гаданіе на бобахъ. Еще въ началѣ XVII вѣка существовало гаданіе на бобахъ, какъ то видно изъ Потребника мірскаго, гдѣ запрещается вѣрить бобамъ и также изъ народной пословицы: „*чужую бѣду бобами разведу, а къ своей то бѣдѣ и ума не приложу*“.

Гаданіе это производится такъ: берутъ 41 бобъ и раскладываютъ на 9 кучекъ по столу въ три линіи такимъ образомъ:

Прежде всего дѣлаютъ только три кучки изъ 41 боба безъ счету, а по виду; затѣмъ изъ первой отсчитываютъ 4 боба, которые и кладутъ въ сторону такимъ образомъ: изъ первой

*) *Абевега русскихъ суевѣрій.*—М. Ч. Москва. 1876 г.

кучки откладываютъ 4, 3, 2 и 1 бобъ; послѣдній будетъ для образованія первой кучки втораго ряда.

Потомъ принимаются за вторую кучку, изъ трехъ первоначальныхъ и поступаютъ съ нею также, какъ и съ первой; остатокъ присоединяютъ ко второй линіи для образованія въ ней второй кучки. Наконецъ, поступивъ такимъ образомъ, получимъ въ первомъ ряду 3 кучки, въ каждой изъ которыхъ будетъ не болѣе какъ по 4 боба.

Второй рядъ или линія должна производиться изъ тѣхъ кучекъ, гдѣ бобы были отсчитаны по 4, всѣ эти бобы должно также разложить на произвольныя три кучки.

Потомъ нужно образовать третій рядъ, только онъ не отсчитывается, а просто дѣлится весь остатокъ отъ первыхъ двухъ линій на произвольныя послѣднія три кучки. При этомъ нужно имѣть въ памяти слова: *желаю, надѣюсь, исполнится.*

Въ первомъ ряду средняя изъ трехъ кучекъ у гадальщицъ названа головою, третья кучка—рукою, средняя со второй—сердцемъ. Въ третьей третья кучка — ногою въ походѣ. Эти кучки считаются главными, а потому и выбираютъ при загадываніи ту изъ нихъ, которая подходитъ ближе къ вопросу, такъ какъ:

1) *Голова* содержитъ отвѣты на вопросъ объ умѣ, способностяхъ и объ характерѣ.

2) *Рука.* Имѣніе, богатство, бѣдность.

3) *Сердце.* Печаль, радость, чувство, любовь.

4) *Нога въ походѣ*—путешествіе, дорога, письма, отъѣздъ, отправка.

Лишь только будетъ подходить вопросъ къ одной изъ четырехъ кучекъ, то посмотрите сколько будетъ въ ней зеренъ; если четъ, то неблагопріятное, а если нечетъ то—благопріятный выводъ. Причемъ нужно также освѣдомляться для соображенія съ первой кучкой, той же линіи или ряда, гдѣ видимъ отвѣтъ на вопросъ, потому что, если видимъ нечетъ въ вопрошаемой кучкѣ, то есть—благополучіе, а въ первой кучкѣ того же ряда—четъ, то значитъ будетъ препятствіе, но окончится къ вашему благополучію.

Гаданіе ключемъ. Для такого гаданія берутъ какой нибудь ключь, преимущественно старый, закладываютъ его бородкой

между листовъ переплетенной книги, которую при этомъ крѣпко завязываютъ. Понятно, что защемленный ключъ долженъ держаться крѣпко между страницъ книги. Тогда за кольцо или душку ключа вѣшаютъ книгу на веревку къ потолку и загадываютъ, кто выйдетъ изъ числа предстоящихъ здѣсь дѣвушекъ замужъ. Если книга до сихъ поръ висѣла неподвижно, то она при чьей либо фамиліи перевернется, что и служитъ знакомъ того, что та дѣвушка, при имени которой книга оказала движеніе будетъ замужемъ въ этомъ году.

Точно также иногда, конечно давно, узнавали виноватаго при выкликаніи имени подозрѣваемыхъ лицъ.

Гаданіе на священной книгѣ. Берутъ какую нибудь книгу, преимущественно духовнаго содержанія, и не раскрывая ее задаютъ себѣ цифру страницы, и строчку сверху или снизу наобумъ. Потомъ открываютъ эту страницу и читаютъ. То, что вычитается изъ опредѣленной незавѣдомо страницы и строчки служитъ отвѣтомъ на задуманный вопросъ. Если онъ будетъ отвѣтъ не прямой, то его растолковываютъ по своему.

Гаданіе на зеркалахъ. Гаданіе на зеркалахъ производятъ только самыя смѣлыя дѣвушки, которымъ болѣе осязательно и болѣе серьезно хочется ознакомиться съ своей будущностью. Гаданіе въ зеркалѣ, или наведеніе зеркалъ, всегда сопряжено съ тишиною и молчаніемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ съ безлюдностью, для чего избирается ночь.

Средствъ къ гаданію на зеркалахъ много, вотъ нѣкоторые:

а) Въ темномъ покоѣ ставятъ на столъ зеркало, а предъ нимъ зажженую свѣчу. Гадающая дѣвушка входитъ въ покой и смотритъ чрезъ свѣчу въ зеркало, гдѣ и видитъ своего суженаго. Когда она скажетъ: „чуръ меня" видѣніе исчезаетъ. Но этому вѣрить и нельзя, она скорѣе себя увидитъ, чѣмъ незнакомое лицо.

б) Въ Сибири ставятъ два зеркала одно противъ другаго; передъ однимъ дѣвушка ставитъ 2 свѣчи на столъ, а другое зеркало уставляетъ за собою, такимъ образомъ помѣстившись между двухъ зеркалъ, очерчивается вокругъ себя зажженою лучинкою, которой былъ зажженъ огонь въ сочельникъ, глядитъ внимательно въ поставленное предъ собою зеркало.

Тутъ непремѣнно покажется суженый, который будетъ гля-

дѣть чрезъ плечо дѣвушки. Нужно вовремя зачураться, а не оглядываться *).

в) Гаданіе посредствомъ зеркала вѣроятно занесено къ намъ въ Россію, а не русское наше, какъ и многія изъ гаданій. Вечеромъ, берутъ два зеркала, если можно равной величины, и если можно большія, и устанавливаютъ одно противъ другаго, освѣщая ихъ при помощи двухъ свѣчь съ того и другаго края. Лучше всего держать зеркало противъ освященнаго стѣннаго зеркала и держать въ рукахъ такъ, чтобы изъ направленныхъ зеркалъ въ стѣнномъ образовался длинный корридоръ освѣщенный огнями. Разумѣется лучше всего, когда зеркала безукоризненно чисты и безъ пузырей и другихъ пороковъ. Когда зеркала будутъ уставлены одно противъ другаго и освѣщены двумя свѣчами одинаковой высоты, то гадающая особа должна удалить изъ комнаты кошекъ, собакъ, птицъ и постороннихъ лицъ, кромѣ развѣ одной или двухъ скромныхъ особъ интересующихся одинаково съ особой гадающей или для повадности. Со стороны этихъ послѣднихъ особъ однакоже требуется не смотрѣть въ зеркало, не подходить къ гадающему лицу и не разговаривать.

Особа сѣвшая гадать, должна смотрѣть въ зеркало пристально и неподвижно, направляя свой взоръ въ конецъ представившагося ей корридора, образовавшагося отъ двухъ зеркалъ, направленныхъ стеклами одно противъ другаго.

Время для этого гаданія опредѣлить нельзя, можно просидѣть далеко за полночь и ничего не увидать, можно вздремнуть и во снѣ видѣть многое; но вообще говорятъ, что зеркало предъ началомъ видѣнія тускнѣетъ, свѣчи также теряютъ свой первоначальный свѣтъ и вотъ тутъ то нужно обратить усиленное вниманіе, чтобы въ скорости увидѣть что нибудь.

Нѣкоторые говорятъ, что если сосредоточить на какую нибудь неподвижную точку все свое вниманіе, то проявляются у многихъ нервныхъ особъ признаки сна или забытья, во время котораго они теряютъ сознаніе, слухъ утрачивается на мгновеніе, даже самая мысль запутывается. Опыты эти каждый испытывалъ на себѣ, глядя въ безконечную даль, углубляясь

*) Изъ записокъ и замѣчаній о Сибири. М. 1838 г.

въ чтеніе книги; изъ послѣдняго понятно. что многіе не могутъ читать книги безъ того, чтобы не задремать. Не этотъ ли самый напускной или искуственный первый сонъ дѣйствуетъ и на гадающую особу.

Отсюда понятно, что усиленное напряженіе нервовъ. сосредоточивается въ мозгу, дѣйствуетъ на воображеніе и развиваетъ изъ фантазій разные образы, часто непредвидѣнные.

Къ этому гаданью вообще способны нервныя, впечатлительныя особы съ воображеніемъ; но больныя, истерическія, ипохондрики не должны браться за это дѣло, потому что испугъ отъ видѣннаго можетъ потрясти организацію.

Приведемъ одинъ случай, описанный покойнымъ профессоромъ Русской Исторіи Михайломъ Петровичемъ Погодинымъ, почерпнутый имъ изъ записокъ одной ему извѣстной графини А. Д. Б., которая въ свою очередь получила этотъ разсказъ отъ Е. О.

Въ 1807 г. въ обществѣ подругъ Е. О. въ домѣ помѣщика, зашелъ разговоръ объ опасностяхъ и трудахъ близкихъ сердцу отсутствующихъ, бывшихъ въ арміи. Извѣстій никакихъ въ деревнѣ. Между молодыми дѣвушками зашла рѣчь о гаданіи въ зеркало: однѣ не вѣрили, другія сомнѣвались въ способѣ гаданія, а нѣкоторыя вѣрили и одна изъ подругъ обратилась къ хозяйской дочери, чтобы та погадала въ зеркалѣ.

„Посмотри-ка гдѣ теперь мой братъ. и что съ нимъ теперь? просила подруга.

Хозяйская дочь уставила зеркала и сѣла при извѣстной обстановкѣ, прочія подруги расположились поодаль...

Долго молча сидѣла гадальщица и все было безплодно, такъ, что нѣкоторымъ это стало надоѣдать, какъ вдругъ заговорила:

— Вотъ, вотъ туманъ сходитъ со стекла, вотъ лѣсокъ. песчаный берегъ, рѣка, большая быстрая рѣка! Господи, сколько народу! Все войска... лагерь, солдаты, пушки, кони на обѣихъ берегахъ. Что это такъ суетятся у подошвы горы, на самомъ берегу? Кажется все штабные тутъ... А, отчалила лодка съ того берега. въ ней маленькаго роста генералъ сидитъ: вотъ плотъ по срединѣ рѣки. другая лодка причалила. смотри!.. Е. О. подошла и стала за стуломъ подруги; посмотрѣла въ зеркало и увидѣла тоже самое. Вотъ и другой генералъ взошелъ на

плотъ, онъ повернулся... Государь! вскричала хозяйская дочь и сама вскочила, пораженная удивленіемъ.

Это событіе было 13 іюня въ день Тильзитскаго свиданія двухъ императоровъ: Александра I и Наполеона I, о которомъ уже конечно никто не думалъ, не гадалъ, а тѣмъ болѣе эти молодыя дѣвушки.

Приглашеніе ужинать. Накрывъ столъ для суженаго, ставятъ два прибора, хлѣбъ, соль, ложки, только не кладутъ вилокъ и ножей. Около полуночи дѣвушка, испытывающая свое будущее, садится за столъ одна, очерчивается и говоритъ: „*Суженый, ряженый приходи ко мнѣ ужинать.* Лишь только пробьетъ полночь, является женихъ въ томъ самомъ нарядѣ, въ которомъ онъ долженъ быть при бракосочетаніи и садится за столъ.

На всякій случай берутъ съ собой пѣтуха для того, что если не поможетъ зачураніе и гость засидится, то надобно хорошенько давнуть пѣтуха, тогда онъ запоетъ и видѣніе исчезнетъ. Говорятъ, если призракъ, что либо вынетъ изъ кармана и положитъ на столъ, то стоитъ только зачурать и видѣніе пропадетъ, а оставленный предметъ останется во владѣніи дѣвушки.

Появленіе призрака или суженаго имѣетъ предварительные признаки: вой и свистъ вѣтра, сѣрный запахъ, иногда смрадный.

Много разсказовъ и суевѣрныхъ преданій существуетъ въ народѣ. Но суть дѣла — не болѣе, какъ вымыселъ. Скорѣе всего въ этомъ гаданіи видится свиданіе молодыхъ людей подъ покровомъ ночи, гдѣ мыслимы, не призракъ, а скорѣе всего настоящее мыслящее существо облеченное въ плоть.

Гаданіе на полотенцѣ. Вывѣшиваютъ бѣлое полотенце изъ окошка на ночь со словами: „*суженый, ряженый приди и утрися*". Если вскорѣ затѣмъ полотенце будетъ вымочено, то значитъ въ этотъ годъ быть дѣвушкѣ, которая вывѣсила его, замужемъ; а если къ утру, сниметъ его сухимъ, то не выдти въ томъ году.

Гаданіе у церковныхъ дверей. Это гаданіе принадлежитъ къ подслушиванію и по своему характеру должно быть преслѣдуемо духовенствомъ, такъ какъ суевѣріемъ не должно осквернять храма Господа.

Дѣвушки ходятъ къ церковнымъ дверямъ и окнамъ и слушаютъ во время ночи, что имъ будетъ слышно. Если услышатъ погребальное пѣніе — то смерть той въ наступающемъ году, если свадебное пѣніе, то — быть замужемъ.

Гаданіе у бани. Нелѣпое, невѣжественное гаданіе было въ старину въ большомъ ходу; оно состояло въ томъ, что отворивъ немного дверь бани, дѣвушки обнажали нѣкоторыя части, подходили къ двери поочередно и говорили подъ прикрытіемъ сумрака ночи довольно несвойственную для дѣвушекъ и тѣмъ болѣе дѣвственницъ фразу, съ предложеніемъ домовому прикоснуться рукой къ обнаженной части тѣла. Если дѣвушка чувствовала руку мохнатую — то предполагался богатый женихъ въ этомъ году, а холодная голая рука — бѣднаго, шершавая — характернаго и пр.

Прочитавъ о такомъ безобразномъ гаданьѣ, можно и посмѣяться; но въ сущности можно задаться вопросомъ, кто былъ первый изобрѣтатель такого гаданія? почему такіе скабрезные обычаи живутъ и до сихъ поръ на Руси? Неужели родители и родственники не прочь отъ позволенія гадать такимъ образомъ своимъ роднымъ дочкамъ, да притомъ у бань, которыя всегда бываютъ на краю деревни, гдѣ нибудь у рѣки, на краю жилья. Нельзя ли въ этомъ гаданіи подозрѣвать предлога къ тайному разврату?

Гаданіе у сарая. Ходятъ въ сарай, гдѣ стоятъ свиныя туши, и слушаютъ, что свинья хрюкнетъ или пошепчетъ.

Гаданіе на курицъ и пѣтухъ. Связываютъ хвостами вмѣстѣ пѣтуха и курицу и сажаютъ подъ рѣшето и наблюдаютъ, которая изъ птицъ потянетъ за собой другую. Если пѣтухъ, то для загадывающей особы мужъ будетъ ее держать въ рукахъ строго, если же курица потащитъ пѣтуха, то значитъ жена будетъ начальствовать надъ мужемъ.

Гаданіе на снахъ. Къ святочнымъ гаданіямъ принадлежатъ также сновидѣнія на новый годъ или на святкахъ, изъ которыхъ выводитъ предсказанія каждая загадывающая особа.

Мостикъ. Собравъ отъ вѣника прутиковъ, кладутъ ихъ сложенными въ родѣ мостика подъ подушку. Та, которая кладетъ такой мостикъ, ложась спать, приговариваетъ: „*Кто мой суженый, кто мой ряженый, тотъ переведетъ меня*

черезъ мостъ". Суженый, если явится во снѣ и переведетъ чрезъ мостъ, значитъ быть за мужемъ въ этомъ году.

Пересолъ. Ѣдятъ передъ сномъ, что либо соленое или пересаливая пищу. Ложась спать, говорятъ: „*Кто мой суженый, кто мой ряженый, тотъ пить мнѣ подастъ*. Иногда просто берутъ наперстокъ воды и наперстокъ соли, смѣшиваютъ и пьютъ. Понятно, что можетъ и приснится что нибудь подобное во снѣ, потому что жажда будетъ преслѣдовать солено наѣвшагося спящаго.

Гребень. Кладутъ подъ голову гребень и говорятъ: „*Суженый, ряженый, причеши мнѣ голову*".

Снѣгъ. Ложатся навзничь въ снѣгъ и по утру ходятъ смотрѣть: если слѣдъ остался по прежнему гладкимъ, то мужъ будущій будетъ смиренъ и спокоенъ, если же это мѣсто изсѣчено, то вздорный и драчливый.

Карты. На ночь кладутъ бубноваго или другаго короля подъ изголовье и загадываютъ на суженаго—ряженаго, или на то лицо, которымъ дѣвушка увлечена, съ цѣлью узнать будущее или расположеніе друга.

Крещенское гаданіе.

(Легенда).

Гаданіе, о которомъ сейчасъ упомянемъ весьма неприличное и противно духу Христіанской религіи. Откуда оно возникло — неизвѣстно, но скорѣе всего удержалось со временъ язычества, когда существовало поклоненіе и злымъ и добрымъ богамъ *).

Въ то время, когда всѣ уйдутъ или уѣдутъ на водосвятіе въ день Богоявленія Господня, дѣвушка беретъ вѣникъ или лопату и начинаетъ мести комнату; каждый разъ, взмахнувъ на право, она произноситъ молитву, а взмахнувъ на лѣво при каждомъ разѣ поминаетъ ругательство съ именемъ нечистой силы. Послѣ того дѣлаетъ черту углемъ посрединѣ пола и становится на право, то есть на мѣсто отметенное съ мо-

*) См. Таинственныя Чары. Москва. 1876 г. гр. *Камостро*.

литвою. Это метеніе происходитъ во время погруженія креста на Іорданѣ. Неправда ли какой грѣховный предразсудокъ?

Ставъ на мѣсто дѣвушка говоритъ слѣдующее: *Суженый — ряженый! явись передъ мной, какъ листъ передъ травой.*

Преданье говоритъ, что будто нѣкоторымъ чертъ являлся въ видѣ будущаго жениха, лицомъ къ лицу, въ 12 часовъ дня и останавливался на той сторонѣ, которая была заметена съ призываніемъ его имени.

Мы слышали одно преданіе и, по поводу описанія этого гаданія, опишемъ его, хотя за вѣрность его ручаться нельзя.

Одна дѣвушка пожелала видѣть своего жениха, и женское любопытство не могло остановиться даже предъ опасностью, съ которою сопряжено призываніе нечистаго духа. Когда всѣ домашніе отправились на рѣку на водосвятіе, она вышесказаннымъ образомъ начала мести комнату вѣникомъ направо и налѣво, то призывая имя черта, то творя молитву, заметая въ право. Послѣ чего, ставъ на правую сторону, она стала ждать прихода или появленія суженаго.

Чтоже?! дверь отворяется, хотя она была ранѣе того заперта, входитъ молодой человѣкъ въ шинели, держа въ одной рукѣ красный платокъ, а въ другой шапку, и остановился.

Молодая дѣвушка, полюбовавшись на этого красавца съ полминуты, и вдругъ почувствовавъ какой то внутренній страхъ. вскричала: „чуръ меня“! и упала безъ памяти.

Когда дѣвушка очнулась, то въ комнатѣ никого уже не было, и она оставалась все по прежнему одна; комната, какъ и до посѣщенія ея незнакомцемъ, была заперта, только красный платокъ, который былъ въ рукѣ незнакомца, очутился какъ то въ ея рукахъ. Дѣвушка, осмотрѣвъ всѣ окна и уголки въ комнатѣ и убѣдившись въ томъ, что дѣйствительно не было никакой возможности живому существу проникнуть въ комнату, тотчасъ позаботилась, тайно отъ родныхъ и домашнихъ, спрятать платокъ до поры до времени, а также затаила отъ всѣхъ въ глубинѣ души чудесное происшествіе. Не прошло еще году, какъ къ ней сталъ свататься и просить у ея родителей руки красивый молодой человѣкъ, точь въ точь съ тѣми чертами лица, какого она видѣла въ день Богоявленія. Дѣвушка тотчасъ смѣкнула, что это ея суженый и что ей судьба опредѣлила быть его невѣстою.

Вотъ она и замужемъ. Прошло два года. Молодая женщина о платкѣ и не заикнется; живутъ счастливо...

Однажды, какъ то о святкахъ, къ молодой четѣ собралось много гостей. Въ бесѣдѣ гости между прочимъ начали разные разговоры святочнаго характера, разговоръ этотъ коснулся до вѣщихъ сновъ, привидѣній, домовыхъ и разныхъ гаданій. Поднялся споръ. Кто говорилъ, что ничего нѣтъ въ природѣ, и что все находится только въ одномъ нашемъ воображеніи, другія, особенно женщины, стояли въ пользу существованія чертовщины и гаданія, къ числу послѣднихъ принадлежала и молодая жена хозяина. Мужчины уступили женщинамъ и тутъ молодая хозяйка, вставъ изъ за стола, сказала всѣмъ присутствующимъ:

— Если вы, господа, такъ упорно стоите, что всѣ гаданья— пустяки, что въ мірѣ нѣтъ ничего сверхъестественнаго, то я докажу противное.

— Хорошо, докажите, было общее желаніе мужчинъ.

Хозяйка скрылась въ свою спальню, вынула изъ комода или укладки завѣтный платокъ и вынесла его съ торжествующимъ видомъ. „Вотъ платокъ“ сказала она; „онъ заключаетъ въ себѣ много таинственнаго“. Потомъ подала его мужу и спросила: узнаетъ ли онъ этотъ платокъ?

Мужъ взялъ этотъ платокъ въ руки и, увидѣвъ на одномъ изъ угловъ его мѣтку своей фамиліи поблѣднѣлъ, и задрожалъ. Это былъ его любимый платокъ и сопряженное съ пропажей его событіе живо осталось до сихъ поръ въ памяти, хотя онъ еще никому объ немъ не разсказывалъ.

— Вотъ, господа, я разскажу вамъ исторію этого платка, который я считалъ потеряннымъ, началъ онъ: Два года тому назадъ, когда я былъ холостой и даже не расчитывалъ жениться, отправился въ Крещенье на водосвятіе; народа было много и я, боясь тѣсноты, стоялъ на мѣстѣ, болѣе другихъ просторномъ. Вынувъ вотъ этотъ самый красный шелковый платокъ я сталъ имъ отирать заиндевѣвшіе усы; лишь только я отвелъ отъ лица платокъ, какъ откуда не возьмись черная собака, огромнаго роста, подбѣжавъ ко мнѣ, выргала его и пропала, такъ что преслѣдовать ее было бы не мыслимо.

— Но какъ же къ вамъ попалъ этотъ платокъ? спросилъ кто то изъ гостей хозяйку.

— Вотъ въ томъ то, господа, и дѣло? впередъ вѣрьте и тому, что есть на свѣтѣ много чудеснаго, отвѣчала молодая женщина и разсказала исторію полученія платка изъ рукъ призрака, разумѣется, безъ утайки.

Всѣ подивились разсказу и уже не оспаривали болѣе.

Наконецъ наступила глухая полночь, гости разошлись и разъѣхались по домамъ, пожелавъ хозяевамъ провести пріятно остатокъ ночи.

Хозяева остались одни.

Въ странномъ волненіи ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ хозяинъ. Лобъ его былъ наморщенъ, брови сдвинуты, глаза сверкали... Онъ былъ страшенъ даже для молодой супруги, которая такимъ видѣла его только первый разъ отъ рода.

Съ часъ онъ ходилъ по комнатѣ, наконецъ вышелъ куда то на минуту и, возвратясь, обратился къ своей женѣ съ такими словами:

— Вотъ что, милая! я полюбилъ тебя, но не зналъ, что ты меня достала нечистой силой; мнѣ тебя не нужно: возьми свой платокъ, надѣнь его на себя и молись Богу.

Жена глядѣла на мужа робкимъ взоромъ, губы шевелились, словно хотѣли что вымолвить, но слова не слетали съ устъ.

— Довольно, будетъ! кайся предъ иконою Спасителя и умри. При этомъ мужъ показалъ ей заряженный пистолетъ.

Нечего говорить о томъ, что всѣ ея вопли, моленія были напрасны, мужъ застрѣлилъ ее.

Правдивъ ли этотъ разсказъ, или выдумка—рѣшить трудно, потому, что нечѣмъ провѣрить факта. Во всякомъ случаѣ онъ представляетъ собою прекрасное нравоученіе для легкомысленныхъ молодыхъ людей, какъ вредно предаваться суевѣрію вообще, а христіанину въ особенности искать ложнымъ, явно противнымъ Религіи путемъ, и чего же, знанія будущаго, то есть того, что отъ насъ и для пользы нашей сокрыто Богомъ, который только одинъ нарицается Всевѣдущимъ.

Святочные вертепы и звѣзды.

Мы уже упоминали о бумажной звѣздѣ, съ которой маленькіе мальчики ходятъ на Рождествѣ славить Христа. Въ Сибири также ходили съ *вертепомъ*, о которомъ въ наше время мало, кто говоритъ. Это былъ ящикъ, двухъ ярусахъ; въ немъ представляли разными деревянными фигурами сцены, относящіяся къ Рождеству Христову: явленіе ангеловъ, поклоненіе волхвовъ, бѣгство во Египетъ. Въ верхнемъ ярусѣ вертепа представлялась смерть Ирода, а въ нижнемъ—пляски. При этомъ дьячекъ зажигалъ свѣчи, которыми освѣщалась внутренность вертепа, а трапезникъ гасилъ ихъ. У одного за плечами былъ кузовъ, у другаго въ рукахъ тарелка, въ которую клали деньги. Съ вертепомъ хаживали мальчики, иногда въ сопровожденіи гудошника или скрипача *).

Славленіе нашихъ царей.

Хотя въ Россіи не было западнаго праздника *путешествіе трехъ царей*, но со временъ царя Алексѣя Михаиловича было введено ходить государямъ о Святкахъ *славить* даже къ своимъ подданнымъ.

Славленіе это начиналось съ полудня праздника слѣдующимъ образомъ: **) процессіи предшествуютъ двое чиновниковъ съ барабанами въ рукахъ и ударяютъ въ нихъ палочками обернутыми сукномъ. За ними слѣдуетъ царь со всѣмъ клиромъ и съ толпою князей и бояръ. Они ѣдутъ на саняхъ и посѣщаютъ знатнѣйшихъ придворныхъ вельможъ.

По вступленіи въ домъ къ кому либо, поютъ: „Тебѣ Бога хвалимъ“ и поздравляютъ съ „Новымъ Годомъ“. Потомъ хозяинъ подноситъ Царю подарокъ деньгами и угощаетъ его со свитою. Послѣ угощенія они отправляются къ другому вельможѣ.

---

*) Записки и замѣчанія о Сибири М. 1837 г. въ 8.

**) Русскіе простонародные праздники. М. 1837 г. стр. 56.

Тоже говоритъ Броунъ въ своемъ путешествіи по Россіи въ 1649 году *).

„Московскіе Государи посѣщаютъ знатнѣйшихъ своихъ подданныхъ и чужестранцевъ предъ праздникомъ Богоявленія. Въ такомъ случаѣ ихъ угощаютъ, и это называется *Славленіемъ*. Царь ходитъ, сопровождаемый князьями, боярами, и другими царедворцами. Эта церемонія началась съ 1702 г. января 3. Перваго Бранса царь Петръ I посѣтилъ въ 9 часовъ утра; съ нимъ проѣхало около 300 человѣкъ на саняхъ и верхомъ. Столы покрыты были различными лакомствами, сперва подавали холодныя, а потомъ горячія кушанья. Веселость была непринужденная и напитки лились щедрою рукой. Около 3 часовъ Его Величество со всѣмъ своимъ дворомъ отправился къ Лупсу, гдѣ было такое же угощеніе, потомъ въ другія, наконецъ вся его свита поѣхала отдыхать въ домы нарочно для этого построенные."

Изъ современныхъ записокъ видно, что наказываемы были тѣ кнутомъ, и батогами, которые уклонялися отъ славленія. У Желябужскаго въ лѣтопись внесено, что Григорій Камынинъ, битъ плетьми за то, что бывъ записанъ въ славленье, да не ѣздилъ. **) При Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ на Руси о Рождествѣ Христовѣ давалось придворнымъ пѣвчимъ дача (жалованіе) подъ названіемъ *славленнаго*.

Петръ I съ 1 января 1700 г. установилъ праздновать новолѣтіе по европейскому обычаю, велѣлъ украшать дома зелеными вѣтками, освѣщать улицы и т. п. Но это былъ уже гражданскій праздникъ.

Нѣсколько словъ о Васильевомъ вечерѣ.

Васильевъ вечеръ, канунъ Новаго года, слившійся вмѣстѣ со святками или каледою въ наше время, въ прежнее время именовался, то *богатымъ вечеромъ*, то *Авсенемъ*, то *Овсенемъ*, то *Таусеномъ*, то *Усеномъ*, то иногда, *Говсенемъ*, или *Бауценемъ*, въ губерніяхъ Рязанской, Симбирской, Владимірской,

---

*) Bryn Corn. Travels into Moscovy, Persia, and Eastin diens. London 1737.

**) Дѣян. Петра I. томъ I. Издан. 2. М. 1837 г.

Нижегородской и отчасти въ Пензенской, а въ нѣкоторыхъ губерніяхъ *каледой* и *таусенемъ*, такъ какъ эти два праздника нынѣ безразлично сливаются въ одни святки.

Подъ вліяніемъ христіанства, если народъ забывалъ своихъ главныхъ боговъ, то припоминалъ своихъ второстепенныхъ и и особенно тѣ миѳы физическіе, которые имѣли предметомъ олицетворенныя явленія и силы естества или символы житейскихъ потребностей, сюда относятъ Авсеня или Таусеня, какъ божество. Если у насъ годъ начинался съ Марта, то понятно что Авсень было божество покровительствовавшее первымъ весеннимъ посѣвамъ, сравнивая съ нѣм. словомъ awsten—посѣвъ, или съ словомъ Avena (лат.)—овесъ, съ слов. Owsen—овесъ. На какъ Петръ I измѣнилъ наше древнее счисленіе, и предписалъ считать начало года съ 1 января, то празднованіе Авсеня перешло на Васильевъ вечеръ. Однакоже темныя преданія объ Авсенѣ безсознательно сохранились въ народѣ, что можно заключить уже изъ того, что деревенскіе славильщики, ходя по избамъ своихъ односельчанъ съ пѣснями, при входѣ въ каждый домъ, бросаютъ на полъ по нѣскольку хлѣбныхъ зеренъ; и эти зерна собираются старухами и хозяйками дома и сберегаются до весенняго посѣва. Можетъ быть овсень происходитъ отъ выраженія „О веснѣ".

МАСЛЯНИЦА.

(Сырная недѣля).

По сказаніямъ церковныхъ историковъ въ эти дни безумствовали, то есть надѣвали на себя личины (маски), костюмы, причемъ переряжались мужчины въ женскіе костюмы, а женщины въ мужской нарядъ, иногда мужчины наряжались въ довольно странные костюмы (пугалами), чтобы казаться страшнѣе и такая костюмировка (народный маскарадъ) служилъ на маслянницѣ поводомъ къ самому веселому разгулу, неистовству и разврату, въ которомъ, къ стыду того времени, принимали участіе женщины. Таково начало карнавала существующаго и по нынѣ ото дня *трехъ* королей до Пепельной среды. Древніе языческіе обряды сатурналій облекались въ новыя формы;

изъ Италіи они перешли въ другія страны христіанскія, гдѣ были образцами для подражанія, и гдѣ смѣшивались съ ними отечественные обычаи.

Въ церковныхъ книгахъ Масляница называется *сырною недѣлею*, подобно всей предшествующей седмицѣ, на которой въ среду и пятокъ ѣдятъ сыръ и яицы, въ отвращеніе преданія Яковитскою и Гетрадитской ереси.

Въ Россіи Масляница начинается послѣ вселенской субботы, въ которую бываетъ память усопшихъ родственниковъ, между тѣмъ, какъ въ сырную недѣлю церковь наша воспоминаетъ изгнаніе Адама изъ рая, приготовляя Христіанъ къ Великому посту. Тогда народъ предается масляничнымъ удовольствіямъ, катаньямъ съ горъ на саняхъ, попойкамъ и пиршествамъ, а встарь предавались даже кулачнымъ потѣхамъ.

Во всю Масляницу пекутъ блины, пряженцы, оладьи. *) Въ народномъ быту маслянница слыветъ честною, а по разгульности и раздолью широкою, такъ какъ русскій человѣкъ въ эти дни предается широкому разгулу.

Отъ этого то происходятъ поговорки; „*не житье а масляница*“, или *душа моя маслянница*, *перепиленыя косточки*, *бумажное житье*, *сахарныя твои уста*, *сладкая твоя рѣчь*, *красная краса*, *русая коса*, *тридцати братьевъ сестра*, *сорока бабушекъ внучка*, *трехъ матерей дочка*, *киночка*, *ясочка*, *ты же моя перепелочка*.

Иностранный писатель, какъ очевидецъ этого праздника за 200 лѣтъ назадъ, такъ изображаетъ наше русское празднованіе маслянницы.

„Масляница потому такъ названа, что русскимъ въ теченіи этой недѣли позволяется вкушать коровье масло; ибо они во время поста, вмѣсто коровьяго употребляютъ конопляное въ кушаньѣ. Масляница начинается за 8 дней до Великаго поста. Въ то самое время, когда бы всякой съ сердечнымъ раскаяніемъ долженъ былъ приготовляться къ созерцанію страданій Христовыхъ, въ то время сіи заблудшіе люди предаютъ свою ду-

---

*) Оладьи, по замѣчанію пр. Снегирева не соотвѣтствуютъ ли прилетанію первыхъ птицъ—Жаворонковъ (alaudae) или оладьи не происходятъ ли отъ слова о Лада? См. *Русс. прос. празд*. 1837 г. М. стр. 118.

шу дьяволу. Во всю масляницу день и ночь продолжается обжорство, пьянство, развратъ, игра и убійство, (вѣроятно кулачные бои), такъ, что ужасно слышать о томъ всякому Христіанину. Въ то время пекутъ пирожки, калачи и тому подобное въ маслѣ и на яицахъ; зазываютъ къ себѣ гостей и упиваются медомъ, виномъ и водкою до упаду и безчувственности. Во все время ничего болѣе не слышно, какъ: того то убили, того то бросили въ воду. Въ бытность мою у Русскихъ на этой недѣлѣ убитыхъ нашлось болѣе ста человѣкъ. Нынѣшній патріархъ (описаніе масляницы принадлежало къ 1698 г.) давно уже хотѣлъ уничтожить этотъ бѣсовскій праздникъ, но не успѣлъ; однакожъ онъ сократилъ время его на 8 дней, тогда, какъ прежде оный продолжался до 14 дней. Масляница напоминаетъ мнѣ Италіанскій карнавалъ, который въ тоже время и такимъ же образомъ отправляется. Славный папа Иннокентій XI хотѣлъ было его уничтожить; но подобно патріарху русскому успѣлъ только сократить его на 8 дней".

Такимъ образомъ изобразилъ иностранный писатель нашъ народный праздникъ съ одной только стороны, не упомянувъ о любимыхъ русскихъ забавахъ: о катаньѣ съ горъ на салазкахъ, лубкахъ, саняхъ и на берестѣ, на лыжахъ и проч.

Масличное пиршество можно раздѣлить на три части: 1) Встрѣча масляницы, это *понедѣльникъ*. 2) Разгулъ, или широкая масляница, то есть *четвергъ* и 3) Прощанье—*воскресеніе*. Встарину, какъ праздникъ народный, масляница начиналась съ понедѣльника, а какъ праздникъ гражданскій—съ четверга. Нынѣ начало гражданской, свободной отъ дѣлъ масляницы начинается съ утра субботы.

Главную роль въ русской масляницѣ играютъ *блины*, которые добрыми хозяйками пекутся всю недѣлю; на блины зовутъ гостей и повсюду угощаютъ блинами. Какъ всѣ народы пекли прѣсныя лепешки на угольяхъ, прежде, чѣмъ достигли знанія приготовлять заквасное тѣсто, то по смыслу блины должны быть по словамъ проф. Снигирева—древнѣе хлѣба.

По обще принятому обычаю блинами поминали и поминаютъ усопшихъ. Въ Тамбовской и другихъ губерніяхъ первый блинъ испеченный на сырной недѣлѣ кладутъ на слуховое окошко. посвящая его для душъ родительскихъ.

Блины у русскаго народа служатъ какимъ то сумволомъ поминовенія усопшихъ изстари. Въ книгахъ св. Писанія мы встрѣчаемъ, что царь Давидъ раздавалъ по случаю празднества при перенесеніи Кивота Завѣта по млину сковрадному *).

Въ Германіи также пекутся обварныя оладьи, крендели и тому подобныя хлѣбныя печенья.

Катанье на саняхъ вездѣ и повсюду послѣ мяснаго заговѣнья начинается въ понедѣльникъ, хотя площадныя удовольствія открываются послѣ 12 часовъ по полудни въ Москвѣ, въ Петербургѣ и въ другихъ многолюдныхъ городахъ Россіи. Но преимущественно предаются такимъ экипажнымъ прогулкамъ съ четверга сырной недѣли.

Нынѣ прогулки производятся очень чинно, и безъ шуму, гдѣ позволяетъ мѣстность и гдѣ сосредоточена народная веселость; но прежде эта конная и экипажная ѣзда была сопряжена съ пѣснями и музыкой. Въ Петербургѣ, въ прежнее время, масличное гуляніе было устраиваемо на Исакіевской площади. Тутъ были устраиваемы и балаганы и ледяныя горы, и карусели, а по окраинамъ, или внѣ предѣловъ этой мѣстности, назначенной для удовольствія публики, такъ называемой *горной* была установлена ѣзда въ экипажахъ, прогулка арастократіи и вообще богатаго народа. Въ Москвѣ до конца XVIII вѣка катаніе о масляницѣ производилось на Москвѣ рѣкѣ и на Неглинной отъ Воскресенскихъ до Троицкихъ воротъ, гдѣ нынѣ разбитъ александровскій садъ.

Конторини въ „1473 году видѣлъ на Москвѣ рѣкѣ конныя ристанія и всякія увеселенія“ **).

При Петрѣ Великомъ Масляничныя потѣхи помѣщались близь Красныхъ воротъ, гдѣ Петръ I самъ въ понедѣльникъ на Масляницѣ открывалъ масляничное торжество, покачавшись съ своими офицерами ***) на качеляхъ.

Торжественный маскарадъ въ 1722 г. По заключенію Петромъ Великимъ Нейштатскаго мира въ 1722 году императоръ

---

*) Вѣроятно млинъ означалъ блинъ, который былъ печенъ на сковородѣ или сковродѣ. II кн. Царствъ. VI. 19.

**) Библіотѣка иностр. писателей о Россіи 1886 г. Отд. I.

***) См. Старина Русская. Спб. 1825 г.

далъ въ Москвѣ знаменитый еще невиданный до того времени маскарадъ и санное катаніе на 4-й день сырной недѣли.

Въ этотъ день началось движеніе большаго поѣзда изъ села Всесвятскаго, гдѣ еще съ вечера собрано было множество морскихъ судовъ разной величины и вида, около сотни саней запряженныхъ разными звѣрями. По сдѣланному ракетою сигналу, сухопутный флотъ, напоминающій собою флотъ Олега, на полозьяхъ и саняхъ, потянулся длинною вереницею отъ Всесвятскаго къ Тверскимъ Тріумфальнымъ воротамъ *).

Шествіе открывалъ арлекинъ, ѣхавшій на большихъ саняхъ, въ которыя были впряжены пять лошадей гусемъ, украшенныхъ бубенчиками и побрякушками. На другихъ саняхъ ѣхалъ князь-папа Зотовъ, облеченный въ длинную мантію изъ краснаго бархата подбитую горностаемъ, а въ ногахъ его возсѣдалъ Вакхъ на бочкѣ; за нимъ свита, замыкаемая шутомъ, который сидѣлъ въ санкахъ, запряженныхъ четырьмя свиньями.

Потомъ началось шествіе самаго флота, коимъ предводительствовалъ Нептунъ, сидѣвшій на колесницѣ съ трезубцемъ въ рукахъ, везомый двумя сиренами. Въ процессіи находился и князь-цезарь Ромодановскій въ царской мантіи и княжеской коронѣ: онъ занималъ мѣсто въ большой лодкѣ везенной двумя живыми медвѣдями. Наконецъ появилась громада, 88 пушечный корабль, построенный совершенно по образцу корябля Фридемакера, спущеннаго въ воду въ мартѣ 1721 г. въ С.-Петербургѣ: онъ имѣлъ три мачты и полное корабельное вооруженіе даже до послѣдняго блока. На этомъ кораблѣ везенномъ шестнадцатью лошадьми сидѣлъ самъ государь Петръ I въ одеждѣ флотскаго капитана съ морскими генералами и офицерами и маневрировалъ на немъ, какъ на морѣ, во время шествія. За этимъ кораблемъ слѣдовала раззолоченная гондола Императрицы, которая была въ костюмѣ Остфризской крестьянки, а свита ея состояла изъ придворныхъ дамъ и кавалеровъ, одѣтыхъ по арабски. **) За гондолою появились настоящіе члены маскарада, подъ именемъ *неугомонной обители*: они сидѣли въ широкихъ длинныхъ саняхъ, сдѣланныхъ на подобіе драконовой головы и наряжены

*) Сѣверная Пчела 1833 г. № 123.

**) См. Сѣв. Пчела 1833 г. № 125.

были волками, журавлями, драконами, представляя въ лицахъ Езоповы басни и т. п.

Такое пестрое и чудное маскарадное шествіе чрезъ Тверскія ворота потянулось въ Кремль при пушечныхъ выстрѣлахъ, куда и достигло къ вечеру. На слѣдующій день и на третій день, и 2 февраля сборъ назначенъ былъ у воротъ построенныхъ тогда купечествомъ. Этотъ маскарадъ окончился великолѣпнымъ фейерверкомъ и пиршествомъ. Въ продолженіи четырехъ дней московскаго карнавала; участвовавшіе въ немъ особы перемѣняли по нѣскольку разъ свои костюмы.

Нѣкоторые историческіе карнавалы. По свидѣтельству Штелина, Императрица Анна Іоанновна собирала у себя на масляницѣ гвардейскихъ унтеръ офицеровъ съ ихъ женами, гдѣ они тѣшились плясками, тутъ же бывали и другія народныя забавы.

При Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ открылось катанье въ любимомъ ея селѣ Покровскомъ, прежнемъ Рубцовѣ: тамъ сама Государыня съ своими придворными каталась на лыжахъ и на саняхъ.

Екатерина II послѣ коронаціи своей въ Москвѣ, о масляницѣ, дала народу блистательный маскарадъ въ аллегорической процессіи на городскихъ улицахъ, который сочиненъ былъ актеромъ Волковымъ, подъ названіемъ Торжествующей Минервы.

Вѣроятно въ подражаніе Римскому карнавалу объ маслянницѣ рядились въ маски и въ разные странные и смѣшные костюмы, которые составляли подвижной уличный маскарадъ и катались по улицамъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи и по сей часъ сохранился обычай о маслянницѣ рядиться и разъѣзжать по улицамъ.

Свадьба шута *). На площади между Адмиралтействомъ и Зимнимъ дворцомъ въ С.-Петербургѣ, въ 1739 г. былъ построенъ Ледяной домъ, въ которомъ даже дрова были изо льда. Въ назначенный день къ крыльцу между ледянымъ домомъ и дворцомъ подъѣхала золотая десятистекольная карета, запряженная восемью неаполитанскими лошадьми украшенными золотой сбруей и страусовыми перьями на головахъ. Въ

---

*) Заимст. изъ романа Лажечникова, *„Ледяной домъ“*.

ней сидѣла Государыня Императрица Анна Іоанновна съ придворной дамой. Когда поѣздъ тронулся, 12 пѣшихъ гайдуковъ сопровождали лошадей по шести со стороны. Кучера сидѣвшіе на козлахъ, одѣты были въ ливрейныя шубы, украшенныя золотыми галунами, въ башмакахъ и шелковыхъ чулкахъ. Блестящіе пажи во французскихъ кафтанахъ и блондахъ, окружали карету государыни. Два араба въ золотыхъ шубахъ и въ бѣлыхъ чалмахъ. 12 сержантовъ въ гренадерскихъ мундирахъ и въ шляпахъ съ плюмажемъ охраняли карету верхами. Позади этой кареты слѣдовали нѣсколько другихъ съ великими княжнами. Въ одной изъ нихъ сидѣла дочь Петра Великаго, Елисавета Петровна, будущая Императрица. Тутъ Анна Леопольдовна. Далѣе—карета Герцога Курляндскаго (ужаснаго Бирона) окруженная его собственными гусарами, скороходами, егерями и пажами. Рядомъ съ нимъ его жена, съ головы до ногъ залитая въ брилліанты, что оцѣнивали въ два милліона. Тамъ Минихъ... и пр., а затѣмъ уже въ хвостѣ придворнаго кортежа ѣхали не придворные, а всѣ тѣ, которые почему либо могли учавствовать въ поѣздѣ. Въ головѣ шествія рота гвардейцевъ: треугольныя шляпы солдатъ украшены еловыми и дубовыми вѣтвями, у офицеровъ—лаврами. Такъ ходили они, возвратившись изъ славнаго турецкаго похода.

Вотъ выступаетъ громадный слонъ въ теплыхъ котахъ. Вожакъ съ молоткомъ сидитъ на хребтѣ. На спинѣ была помѣщена желѣзная клѣтка, въ которой сидѣли шутъ Кульковскій съ супругой барской барыней Подачкиной, оба сидя одинъ противъ другаго блистали чрезъ желѣзную рѣшетку клѣтки золотомъ и бархатомъ. Они ѣхали изъ церкви на обѣдъ, сопровождаемые оригинальною свитою.

За экипажемъ новобрачныхъ ѣхали на оленяхъ Остяки; за ними Новгородцы на парѣ козловъ, Малороссы на волахъ, Чухонцы на ослахъ, Татаринъ съ своей татаркою на откормленныхъ свиньяхъ, Финны на своихъ шведскихъ лошадяхъ, Камчадалы на собакахъ, Бѣлоруссы подъ войлокомъ колтуна, Зыряне, Ярославцы и проч. Всѣхъ до 150 самыхъ разнообразныхъ костюмовъ свидѣтельствовали о разнообразіи племенъ.

Картина была чудная и привлекла весь Петербургъ; она оживлялась звономъ бубенчиковъ, колокольчиковъ и криками животныхъ самаго разнообразнаго характера.

По волѣ Государыни поѣздъ сдѣлалъ два оборота по луговой линіи и потянулся къ манежу Бирона, гдѣ былъ приготовленъ обѣдъ для новобрачныхъ и гостей на 303 куверта. Гостей встрѣтили музыкой и посадили всѣхъ за столъ, причемъ каждому представителю націи было подано его національное кушанье.

Государыня съ блестящей свитою придворныхъ расположилась на возвышеніи. Лишь только всѣ расположились обѣдать, какъ Третьяковскій, Василій Кириловичъ, прочелъ во всеуслышаніе слѣдующіе стихи:

Торжествуйте вси Россійсти народы:
У насъ идутъ златые годы.
Воспріимемъ съ радости полные стаканы,
Восплещемъ громко и руками,
Заскачемъ весело ногами
Мы, вѣрные граждана.
Имѣемъ мы днесь радость учрежденну,
Повсюду славно вознесенну:
Анна надъ Россіею воскрылилась всею!
То-то есть прямая царица,
То-то добра Императрица!
Признаемъ всей душею.

Послѣ обѣда начались пляски: каждая пара свою національную. Пиръ конченъ и новобрачные въ томъ же порядкѣ отправлены въ ледяной домъ, гдѣ ихъ и заперли до утра. Поѣздъ распущенъ и часовые стали караулить дверь ледяного дома, дабы влюбленная чета не могла освободиться ранѣе.

Лубочныя комедіи и игрища. Народныя комедіи или „Камеди“ появились въ Россіи, а именно въ Москвѣ, съ XVIII вѣка. Иностранные фигляры стали угощать русскій народъ разными фокусъ—покусами и разными нѣмецкими масляничными играми. Такимъ образомъ, время отъ времени образовались масляничныя игрища. Здѣсь наряжались козой съ рогами, къ

которымъ привѣшивались бубенчики и это называлось „*Козу въ мѣшкѣ играть*", *Ману въ глаза пущать* или морочить.

Еще лѣтъ семь назадъ такое игрище, или гулянье существовало въ Москвѣ подъ Новинскомъ, гдѣ урочище *Куковинка*, напоминавшее Нѣмецкихъ фокусниковъ, которые, по словамъ проф. Снегирева, издавна показывая свои райки и штуки, приглашали смотрѣть словомъ „Киске", и гдѣ о Святой недѣли кокались красными яицами.

Борьба и кулачный бой составляли издавна любимую народную потѣху, преимущественно на сырной недѣли, чему между прочимъ, можетъ быть способствовали морозы и случай погрѣться: эти гимнастическія упражненія назывались *играми*, или *игрищами*. Часто въ старину кулачными боями любовались Цари и Князья наши.

Олицетвореніе масляницы. Въ Переяславлѣ Залѣсскомъ, въ Юрьевѣ—Польскомъ, Владимірѣ и въ Вяткѣ, Масляницу возятъ по улицамъ; это шуточное изображеніе масляницы слѣдующее: Берутъ огромныя сани, въ которыя впрягаются 12 лошадей и въ этихъ саняхъ возятъ наряженнаго мужика, который сидитъ на колесѣ, держа въ одной рукѣ полуштофъ съ виномъ, и калачи. Его сопровождаютъ сидящіе съ нимъ музыканты, а затѣмъ поѣздъ масляницы сопровождаютъ съ пѣснями поѣзжане изъ обывателей.

Въ Симбирской губерніи Ардатовскаго, Алатырскаго, Курмышскаго и Карсунскаго уѣздовъ, частію въ Пензенской губерніи, о масляницѣ оснащиваютъ 8 или 10 дровней (подсанки), въ срединѣ дровней утверждается довольно толстое дерево, притомъ высокое въ видѣ мачты; на верхъ его вдѣвается колесо, на которое садится какой нибудь деревенскій весельчакъ и представляетъ различныя штуки, свойственныя деревенскому мужику. Этотъ обрядъ называется *проводами Масляницы*. Обыкновенно эту сплоченную массу возятъ по всѣмъ закоулкамъ, причемъ, вмѣсто лошадей, запрягаютъ нѣсколько человѣкъ, разряженныхъ уродливо и безъ вкуса, которые также иногда изображаютъ лошадей. Въ это время предъ ними прыгаютъ и поютъ деревенскіе весельчаки.

Въ Архангельскѣ, подобно, какъ и въ Парижѣ, мясники возятъ по городу о сырной недѣлѣ быка на огромныхъ саняхъ,

которые запряжены нѣсколькими десятками лошадей и связанныхъ съ другими санями *).

Въ Нерехтѣ масляничныя увеселенія начинаются съ середы. Въ этотъ день изъ окрестностей пріѣзжаютъ туда дѣвки въ праздничныхъ платьяхъ и набѣленныя, особенно новобрачныя и катаются отдѣльно отъ мужчинъ до самаго вечера. Въ четвергъ и въ пятницу здѣшніе жители не катаются. Въ субботу сюда съѣзжается великое множество народа изъ окрестностей. Здѣсь, продавъ напряженную въ ту недѣлю пряжу, покупаютъ лакомства и гуляютъ по рынку до вечера.

Въ округѣ масляничныя потѣхи начинаются въ экономическихъ селеніяхъ со вторника, а въ помѣщичьихъ съ четверга, и катаются ежедневно, отъ одной деревни до другой, причемъ новобрачные ѣздятъ въ гости къ сродникамъ, которые отдариваютъ ихъ мыломъ.

Сожиганіе масляницы. Въ большихъ вотчинахъ, въ сыропустное воскресенье, собирается съѣздъ изъ нѣсколькихъ сотъ лошадей, подъ названіемъ *обоза*, который извѣстенъ въ Ярославлѣ подъ именемъ *Околка*, (можетъ быть сокращеніе) слова: „околотокъ". При этомъ нѣкоторые ѣздятъ верхами, наряженные въ соломенныхъ колпакахъ и кафтанахъ. Къ вечеру того дня, молодые люди обоего пола въ своемъ селеніи на улицахъ поютъ пѣсни; послѣ того, каждый, взявъ со своего двора по снопу соломы, вмѣстѣ сожигаютъ ее въ селеніи, а чаще за селеніемъ. Этотъ обрядъ, встрѣчающійся и въ другихъ мѣстахъ Россіи, называется: сожиганіе *соломеннаго мужика* или *масляницы.* Съ вѣроятностью можно заключить, что это обыкновеніе, существующее съ незапамятныхъ временъ есть остатокъ отъ языческихъ требъ и обрядовъ. Такой обрядъ существуетъ у нѣмецкихъ славянъ, которые въ 1 марта выносятъ изъ селенія соломенное чучело, въ образѣ смерти и сожигаютъ его, въ память усопшихъ, или бросаютъ въ воду, какъ Римляне въ маѣ бросали въ р. Тибръ тростниковые болваны.

Въ Саксоніи, Лаузицѣ, Богеміи, Силезіи и въ Польшѣ, въ этотъ день хаживали съ факелами на кладбища **), догадка

---

*) Записки Русскаго Путешественника. А. А. Глаголева. 4 ч. Спб. 1837 г.

**) Карамз. И. Г. Р. ч. I.

эта, по словамъ М. Я. Діева утверждается тѣмъ, что въ воскресенье сырной недѣли, которое по большой части приходится около 1 марта, до нынѣ ходятъ Нерехотскіе жители на кладбища прощаться и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ Россіи. Въ Силезіи и Польшѣ въ воспоминанье истребленія идоловъ 965 года, марта 7-го, въ воскресенье сырной недѣли бросаютъ въ рѣки и пруды чучеловъ изъ соломы.

Нынѣ это примѣнилось къ смерти, къ землѣ, къ масляницѣ.

Въ Восточной Пруссіи крестьянскіе ребята дѣлаютъ небольшую деревянную лошадь, которую наряжаютъ разноцвѣтными лентами и носятъ ее по домамъ, съ пѣснями и съ плясками, играя на скрыпкѣ. Въ каждомъ домѣ даютъ имъ, по два по три гарнца овца, который они послѣ мѣняютъ на водку и пьютъ.

На другой день женщины ходятъ сбирать ленъ или рожь, которые назначаются для такого же употребленія.

Въ Сибири, о масляницѣ сплочивалось нѣсколько саней огромнаго размѣра и устраивался на нихъ корабль съ парусами и снастями. Тутъ садились и люди, и медвѣдь, и госпожа масляница, и разные паяцы. Все это слыло масляницею; въ сани впрягали лошадей по 20 и возили ее по улицамъ. За этимъ поѣздомъ слѣдовали толпы ребятъ, съ пѣснями и разными прибаутками. Тамъ блины замѣняются *хворостами* (родъ пирожнаго). Въ Пензенской и Симбирской губерніяхъ, въ субботу на масляницѣ, крестьянскіе ребята строютъ на рѣкѣ изъ снѣга родъ города съ башнями, и двумя воротами между которыми сдѣлана прорубь. Игра начинается такъ: Ребята раздѣляются, на двѣ партіи—на конницу и пѣхоту. Конница осаждаетъ городъ, а пѣхота защищаетъ его.

Устроясь въ боевой порядокъ, конные по данному знаку пускаются во всю прыть на взятіе городка, а пѣшіе, вооруженные помелами и метлами, стараются маханіемъ испугать лошадей, чтобы не допустить къ городку. Но нѣкоторые изъ конныхъ, не взирая на сопротивленіе, прорываются сквозь пѣхоту и на всемъ скаку въѣзжаютъ въ ледяныя ворота, что и значитъ: *взятъ городокъ.* Побѣдителя купаютъ въ проруби; послѣ чего угощаютъ виномъ всѣхъ ратоборцевъ, отличившихся въ пѣхотѣ и конницѣ. Потомъ сломавъ крѣпость,

возвращаются въ деревню, съ пѣснями. Этой игрой оканчивается масляница. Происхожденіе этого обычая приписываютъ какому нибудь мѣстному историческому событію *).

Въ городѣ Ярославлѣ, есть особое обыкновеніе на сырной недѣлѣ пѣть Коледу, которую обыкновенно распѣваютъ на святкахъ. Съ четверга этой недѣли фабричные съ бубнами, балалайками, рожками и другими народными музыкальными инструментами, ходятъ по домамъ и, пришедши на дворъ, поздравляютъ хозяина съ праздникомъ и просятъ позволенія коледу пропѣть; получивъ позволеніе, поютъ:

Ужъ какъ шли ребята коледовщики.
Виноградъ, красно-зеленая моя!
Коледовщики, все фабричники,
Виноградъ зеленая моя!

Этотъ припѣвъ поется послѣ каждаго стиха.

Мы искали двора господина своего;
Господиновъ дворъ на семи верстахъ,
На семи верстахъ, на осьми столбахъ.
Посреди двора, посреди широка,

Стоитъ три терема.
Три терема златоверхіе;
Въ первомъ терему—красно солнышко,
Во второмъ терему—часты звѣздочки;

Самъ хозяинъ въ дому, господинъ въ терему,
Хозяюшка въ дому, госпожа въ высокомъ
Молодыя дѣвушки въ дому, что орѣшки во меду,
Виноградъ, красно зеленая моя.

Послѣ этого хозяинъ подноситъ имъ вина и одѣляетъ деньгами; коледовщики въ знакъ благодарности поютъ:

Благодарствуй хозяинъ на хлѣбѣ, на соли и на жалованьѣ!
Виноградъ, виноградъ, краснозеленая моя!
Напоилъ, накормилъ, со двора спустилъ.
Виноградъ, краснозеленая моя!

---

*) Изъ записокъ дѣвицы Кашкадамовой.

Въ Сольвычегодскѣ, на Масляницѣ, сваренное въ складчину пиво вмѣстѣ распивается, и этотъ обычай, варить пиво въ складчину, называется *братчиною*.

Въ Костромской губерніи тоже варятъ пиво цѣлою деревней и принимаютъ общее участіе, какъ въ вареніи его, такъ и въ употребленіи.

У пермяковъ, на Масляницу, каждый хозяинъ варитъ брагу, пиво, а зажиточные покупаютъ и вино. Потомъ, начиная съ сырнаго понедѣльника, ежедневно пекутъ блины, оладьи сырныя (творожныя); а нѣкоторые и рыбные пироги, яишницы, солянки и варятъ уху.

Мужчины и бабы ходятъ изъ дома въ домъ, ѣздятъ изъ деревни въ деревню къ роднымъ и знакомымъ на угощенье.

Дѣвки и парни по вечерамъ собираются въ одинъ домъ и пляшутъ цѣлыя ночи; а днемъ, начиная со среды, вмѣстѣ съ малолѣтними съ ранняго утра до поздняго вечера катаются съ ледяныхъ горъ *).

Прощеное воскресеніе. Сцены русской масляницы заключаются провожаніемъ ея и прощаніемъ. „На Масляницѣ", пишетъ очевидецъ Маржеретъ въ началѣ XVII столѣтія,—„русскіе по-„сѣщаютъ другъ друга, цѣлуются, прощаются, мирятся, если „оскорбили другъ друга въ чемъ либо въ продолженіи года „словомъ или дѣломъ, встрѣтясь даже на улицѣ, и хотя бы „никогда прежде не видались, привѣтствуютъ другъ друга „взаимнымъ поцѣлуемъ. „Прости меня пожалуй" говоритъ „одинъ; „Богъ тебѣ проститъ!" отвѣчаетъ другой. При этомъ „нужно замѣтить, что не только мужчины, но и женщины считаютъ поцѣлуй знакомъ привѣтствія, когда готовятся въ путь „или встрѣтятся послѣ долговременной разлуки. По окончаніи „масляницы всѣ идутъ въ баню".

Обыкновеніе это существуетъ и по нынѣ, слишкомъ два вѣка спустя послѣ Маржерета, и соблюдается между родными и знакомыми. У нѣкоторыхъ старинныхъ людей существуетъ обычай посѣщать въ прощеное воскресенье, или воскресенье на Масляницѣ, могилы родственниковъ и прощаться съ ними. А въ Нерехтѣ также — къ священникамъ и своимъ духовни-

---

*) Пермскій Сборникъ. 1860 г. книжка II.

камъ, въ этотъ день новобрачные къ родственникамъ возятъ пряники, а молодыя новобрачнымъ большія косяки мыла. И въ прежнее время запрещалось вечеромъ этого послѣдняго дня разводить огни и зажигать свѣчи.

Мысль, прощаться предъ началомъ Великаго поста, какъ дней общаго покаянія, какъ дней очищенія грѣховъ и раскаянія — похвальна. Очистивъ свою совѣсть, примиряясь съ братомъ, и тѣло свое, мы готовы тогда съ раскаяніемъ въ сердцѣ приступить къ Богу и съ молитвою на устахъ просить отпущенія во грѣхахъ нашихъ, чего безъ примиренія съ людьми невозможно получить отъ Бога, такъ какъ Богъ есть вѣчная святая любовь.

Пермяцкія женщины и дѣвицы въ *соборное или сборное воскресенье* служатъ по церквамъ молебны.

Заключеніе о Масляницѣ.

Въ этомъ послѣднемъ зимнемъ праздникѣ, оканчивающемъ зиму, видимъ смѣсь стихіи языческой и христіанской, обычаевъ стараго съ новымъ, иностранныхъ съ русскимъ. Такъ напримѣръ, олицетвореніе Масляницы въ видѣ мужика, соломеннаго чучела, или деревяннаго истукана, скоморошскія игры, коледа, сожженіе чучелъ, бросаніе ихъ въ воду, принадлежитъ къ обрядамъ языческимъ. Между тѣмъ какъ прощаніе съ людьми наканунѣ Великаго поста, хожденіе прощаться на кладбищѣ прощаться съ покойниками, принадлежитъ новымъ обычаямъ миролюбиваго Христіанства. Впрочемъ, сожженіе чучелъ и бросаніе ихъ въ воду также приписываютъ началу христіанства, какъ воспоминанію вѣчнаго торжества Христіанства надъ язычествомъ.

Въ нѣкоторыхъ приволжскихъ губерніяхъ хлѣбныя явства, оставшіяся съ масляницы на чистый понедѣльникъ, считаются *погаными*. Точно также это мнѣніе существуетъ и понынѣ между старовѣрами и простымъ народомъ, живущимъ подъ вліяніемъ старинныхъ обычаевъ. Самый бѣдный брезгаетъ кускомъ хлѣба, оставшимся отъ масляницы, и бросаетъ его или отдаетъ домашнимъ животнымъ, а также мѣняетъ посуду, лудитъ, или тщательно промываетъ и даже освящаетъ покой по-

средствомъ священника. Въ юговосточной Россіи, въ приволжскомъ краѣ — обыкновенно всѣ остатки масляничной снѣди отдаютъ бѣднымъ кочевымъ калмыкамъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, на первой недѣлѣ, у мужчинъ есть обычай *полоскать ротъ*, то есть опохмѣляться, а въ субботу первой недѣли Великаго поста печь блины, конечно постные, что называется у нихъ „*тужилкой о Масляницѣ*“. Этотъ обычай существуетъ и по сіе время не только въ отдаленныхъ провинціяхъ, но даже въ обѣихъ столицахъ Россіи между купцовъ и мѣщанъ, а особенно хорошо этотъ обычай оживляется въ Ростовской ярмаркѣ.

ВЕРБНАЯ НЕДѢЛЯ.

Вербная недѣля, или недѣля Ваій, у насъ оживляется чисто праздникомъ начала весны; верба или ветла, не давшая еще листьевъ цвѣтетъ, и тѣмъ какъ бы заявляетъ, что наша сѣверная природа скоро наградитъ насъ и все живущее на землѣ новыми благами. Самый праздникъ Воскрешеніе Лазаря служитъ символомъ возобновленія, оживленія могущественной природы. На вербной недѣлѣ въ столицахъ учреждены дѣтскіе базары, гдѣ торгуютъ преимущественно дѣтскими игрушками, вербами, цвѣтами и сластями, какъ бы въ ознаменованіе того, что маленькія дѣти, встрѣтили весну своей жизни и должны радоваться въ этой жизни, а смотря на игрушку изучать на ней суть своего будущаго, такъ какъ каждая игрушка есть наглядная грамота, наглядное ученіе, развивающая дальнѣйшее пониманіе въ ребенкѣ, сближающее его съ жизнью и развивающее его мыслительность чрезъ наглядность, сравненіе дѣйствія и образовъ. Въ Лазареву субботу всѣ допускаютъ употребленіе въ пищу икры, постныхъ блиновъ и разнаго кухоннаго печенія *).

Въ Вербное Воскресенье, возвратясь изъ церкви съ освященными прутьями вербы, деревенскія бабы хлещутъ ими своихъ ребятъ, приговаривая: „*верба хлестъ, бей до слезъ*!“ Въ Не-

---

*) Здѣсь икра не есть ли символъ будущаго оживленія природы, которая теперь въ зародышѣ, но плодами котораго пользоваться суждено всему живущему на землѣ?

рехтѣ крестьянки пекутъ барашки въ Вербное воскресенье и, когда придутъ изъ церкви, то этими барашками кормятъ скотину, а вербу втыкаютъ въ сельникѣ у св. Иконъ и берегутъ ее круглый годъ до Георгіева дня. Это обыкновеніе сохраняется во многихъ губерніяхъ. Извѣстно, что у насъ первый весенній выгонъ скота начинается съ Георгіева дня. Крестьяне въ этотъ день берутъ годовалую вербу, мочатъ въ святой водѣ, окропляютъ ею скотъ на дворѣ и потомъ этою вербою хлещутъ скотину, приговаривая: „Господь благослови и здоровьемъ награди!“ А иногда просто: „благослови тебя Господи и будь здорова“... и съ вербою въ рукахъ доводятъ до мѣста пастбища.

Освященная верба у насъ въ Россіи, тоже что пальмовая вѣтвь Палестины, уважается высоко и обыкновенно сохраняется у русскаго благочестиваго народа за образами въ теченіи цѣлаго года. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ вербу освященную въ Вербное Воскресенье употребляютъ, какъ симпатическое средство, и кладутъ въ пойло больнымъ коровамъ или телятамъ.

ВЕЛИКІЙ ЧЕТВЕРГЪ.

Не говоря про святость дня и великость событія въ христіанскомъ мірѣ, воспоминаніе о которомъ свято и торжественно соблюдается у насъ въ Россіи, нѣкоторые обычаи существуютъ и понынѣ, начало которыхъ потеряно. Такъ напримѣръ: въ Буѣ, уѣздномъ городѣ Костромской губерніи, по слов. проф. Снегирева, и до сихъ поръ дѣвушки въ Великій четвертокъ кликаютъ весну и, ежели открылась вода, входятъ въ рѣку и, одна за другою, схватясь за руки, припѣваютъ: „весна, весна красна, приди весна съ милостью, великою благостью“.

У Пермяковъ *) Великій четвертокъ — считается великимъ днемъ обновленія на предстоящій годъ всего крестьянскаго хозяйства. Наканунѣ этого дня, повечеру, приносятъ въ избу въ рѣшетѣ зерновой хлѣбъ, и, положивъ на него челпанъ печенаго хлѣба и въ солонкѣ соль, ставятъ рѣшето въ передній уголъ—подъ иконы на лавку. Помолившись Богу, домохозяева,

*) Пермскій сборникъ. 1860 г. Книжка II.

все это оставляютъ въ углу до перваго дня пасхи, иногда даже до прихода священно и церковнослужителей съ образомъ Богоматери. Всѣ эти предметы: — зерновой хлѣбъ, челпанъ и соль имѣютъ свой многозначительный тайный смыслъ. Зерновой хлѣбъ употребляется, какъ символическое средство, коимъ предотвращается недостатокъ въ хлѣбѣ; для этого хозяинъ высыпаетъ его въ закромъ. Печеный хлѣбъ даютъ скоту, выпуская его весной въ первый разъ на пастбище, въ отвращеніе пропажи скота. Соль даютъ скоту, въ болѣзняхъ, какъ дѣйствительное лекарство; для этого же и для избѣжанія разныхъ несчастій, мужики берутъ ее съ собой, отправляясь въ дальнюю дорогу на заработки. Эта соль у нихъ называется „*четвережною*“ (четверговою).

По утру въ Великій четвертокъ всѣ въ домѣ встаютъ задолго до восхода солнца, какъ говорится „до пѣтуховъ“. Хозяйка въ дымное окно „кличетъ скота“ во дворъ, свойственной каждой породѣ кличкой *) до тѣхъ поръ, пока какое нибудь животное случайно не подастъ своего голоса, пока, напримѣръ, корова не смычитъ, лошадь не соржетъ и пр., что принимается за вѣрный признакъ, что въ наступающемъ году не падетъ ни одно животное той породы; потомъ идетъ она на дворъ, и обогнавъ кругомъ столба коровъ, въ предотвращеніе спанья ихъ на паствѣ, кормитъ и поитъ, далѣе—вѣситъ на передній уголъ дома голикъ и худой лапоть для защиты циплятъ отъ коршуна и другихъ хищныхъ птицъ въ продолженіи лѣта; наконецъ, окончивъ эти дѣла на дворѣ и въ избѣ, топитъ печь и печетъ хлѣбъ, чтобы не выводился онъ изъ закромовъ (сусековъ) въ теченіи года. Хозяинъ въ тоже время считаетъ деньги, осматриваетъ, передвигаетъ, переставляетъ съ мѣста на мѣсто всѣ хозяйственныя орудія; дѣлаетъ на рѣкѣ новую прорубь, чиститъ скребницей рабочихъ лошадей, кормитъ и поитъ ихъ; если онъ охотникъ, то стрѣляетъ изъ ружья три раза въ воздухъ. Исполнивъ все это, хозяинъ успокоивается увѣренностью, что у него въ теченіи года и деньги будутъ

---

*) Клички эти очень замѣчательны: коровѣ — тпрука, тпрука. Теленку — тпрутя, тпрутя. Лошади—тпро-тпро! Жеребенку—чибу-чибу. Овцѣ—баль, баль! Ягненку—мась, мась. Козѣ—деденіяя! Свиньѣ—рюхъ, рюхъ! Поросенку—вихъ, вихъ!

водиться и орудія сохранятся отъ поломки и потери, и лошади будутъ крѣпки, не падутъ, и охота будетъ удачна. Между тѣмъ малолѣтніе парни и дѣвки, а если ихъ нѣтъ, то сами хозяева, ходятъ въ лѣсъ за вересомъ (можжевельникомъ) за татарникомъ, который подмѣчается для того съ осени, и за пихтой. Верескъ жгутъ въ печи и привязываютъ къ столбу близь печи; кромѣ того, вмѣстѣ съ татарникомъ подтыкаютъ подъ матицу надъизбныя и сѣнныя двери; изъ пихты дѣлаютъ помело. Вересъ и татарникъ имѣютъ силу защищать домъ отъ вліянія колдуновъ; новое пихтовое помело обновляетъ печь и защищаетъ ее отъ разрушенія. Дѣвки—невѣсты, въ тоже время, подстригаютъ себѣ волосы и съ небольшимъ пучкомъ соломы, либо худаго неотрепаннаго льна, ходятъ въ отхожую избу или баню, гдѣ побывъ немного, выходятъ на улицу, жгутъ солому или ленъ и скачутъ черезъ пламя; первое—дѣвки дѣлаютъ въ убѣжденіи, что оттого у нихъ будутъ длиннѣе волосы, а второе, чтобы пріобрѣсть любовь будущихъ мужей своихъ. Прочіе взрослые семьяне посвящаютъ поутру нѣсколько минутъ сподручнымъ работамъ: мужчины плетутъ лапти, веревки, завертки, тешутъ топорища и проч., женщины прядутъ, шьютъ—а все это съ тою цѣлью, чтобы быть, въ теченіи года и заслужить у таинственныхъ силъ природы возможность и охоту заниматься этими работами. Наконецъ, старшіе семьяне, не смотря на раннее утро, ходятъ изъ дома въ домъ бражничать, чтобы—какъ говорятъ они, имѣть брагу въ теченіи года и жить въ довольствѣ и весело. Въ Ярославской, Московской губ., въ Великій четвергъ замѣшиваютъ соль на квасной гущѣ и бросаютъ въ печь послѣ затопа. Эту соль потомъ употребляютъ въ пищу и также даютъ скоту въ пойлѣ для здоровья.

ПАСХА.

(Святая недѣля).

Святая Пасха празднуется самымъ торжественнымъ образомъ во всѣхъ христіанскихъ странахъ. Въ обѣихъ столицахъ Россіи на всѣ дни недѣли, начиная съ понедѣльника, для простаго народа устраиваются качели, карусели, балаганы, гдѣ

представляютъ комедіанты и также другія зрѣлища. Прочее населеніе столицъ дѣлаетъ поздравительные визиты роднымъ и знакомымъ и катаются въ экипажахъ. Каждый городъ, или село оглашается колокольнымъ звономъ до вечерень, гдѣ позволено упражняться всѣмъ желающимъ.

Яицо отъ перваго христосованія считается „наисвященнѣйшимъ" и его сохраняютъ цѣлый годъ до новаго христосованія. Простой народъ убѣжденъ, что съ этимъ яицомъ въ первый день праздника во время заутрени можно узнать колдуна, который покажется спиною къ алтарю.

Солнце играетъ. Крестьяне вѣрятъ, что въ Свѣтлое Воскресеніе *солнце играетъ* на небѣ. Такое же точно убѣжденіе существуетъ у простаго народа Ирландіи и многіе стараются подкараулить тотъ моментъ, когда оно играетъ.

Въ деревняхъ, во время Пасхи занимаются всевозможными играми, преимущественно мужчины бьются красными яицами, катаютъ ихъ съ каточковъ; дѣвушки и молодые парни качаются на качеляхъ, водятъ хороводы и пр. Финны, подобно русскимъ, тоже устраиваютъ качели и водятъ хороводы, въ которыхъ въ старину принимали участіе даже старухи.

Въ Финляндіи, о Святой, подобно нашимъ куличу и пасхѣ, пекутъ прѣсныя лепешки называемыя мемми (mämmi).

Сатана въ аду. Во всей Россіи простой народъ убѣжденъ, что до самаго Вознесенія Христова сатана въ аду лежитъ ничьмя, не шелохнется, а Христосъ ходитъ по землѣ.

Великоденныя пѣсни. Въ Малороссіи и Бѣлоруссіи *) о Святой недѣлѣ поютъ, такъ называемыя *великоденныя пѣсни* сопровождаемыя музыкою, ходя по домамъ ночью ватагою, которая называется—волочебникъ; тотъ кто управляетъ ихъ хоромъ и руководитъ, наз. *починальникомъ.* Обыкновенно первая пѣсня обращается къ хозяину и хозяйкѣ; въ ней прославляется благоразумное домостроительство, то-есть домашнее благоустройство, зажиточность, порядокъ въ домѣ и благочестіе, причемъ упоминаютъ, что *св. Юрій* (Георгій) запасаетъ имъ коровъ, *св. Николай*—коней, *св. Илья* зажинаетъ жниво, *Пречистая Мать* (Успеніе)—засѣваетъ, а *Покровъ* собираетъ

*) Исторія Малороссіи Д. Н. Бантышъ Каменскаго. Ч. 2, Москва. 1830 г.

и т. д. и послѣ всякой строфы припѣваютъ „*Христосъ Воскресе*“.

Смыслъ вышеозначеннаго содержанія пѣсни имѣетъ глубокое значеніе въ отношеніи сельскаго хозяйства. Здѣсь подразумѣвается въ хорошо веденномъ хозяйствѣ своевременное рѣшеніе хозяйственныхъ задачь, которыя нашъ русскій народъ совершаетъ, согласуясь съ праздниками, ввѣряя свои полевыя работы и вообще хозяйство покровительству святыхъ; хотя на самомъ дѣлѣ, здѣсь дѣло хозяйства сопряжено со временами года.

Кости теленка. Въ Бѣлоруссіи, какъ и въ Болгаріи, зарываютъ въ землю кости теленка, освященнаго на Пасху въ томъ убѣжденіи, что онѣ предохраняютъ засѣянный хлѣбъ отъ града.

Какъ встрѣчаютъ Пасху въ Перми. Тамъ Пасха отличается отъ прочихъ воскресныхъ дней только тѣмъ, что въ первый день по утру часовъ въ 8 или 9 утра разговляются *пельменями.* Со втораго дня начинаютъ работать. Въ церковь ходятъ не многіе *).

Красная Горка. Слово: Красная Горка извѣстно по всей Россіи и знаменуетъ въ общемъ своемъ значеніи весну съ ея краснымъ солнышкомъ, съ ея Пасхой красною, съ весною красною, то-есть красивою, веселою, оживленною благопріятнымъ воздухомъ, водами получившими свободу и сбросившими ледяныя оковы. Можно также производить значеніе *Красной Горки* отъ мѣстъ сельскихъ гуляній во время Св. Пасхи, когда обыкновенно разливаются рѣки отъ снѣговъ и заливаютъ низменности, причемъ остаются только однѣ возвышенныя мѣста, гористыя или горки, гдѣ о Пасхѣ обыкновенно устраиваютъ гулянья. Въ Смоленской г. Красная Горка называется *Толпищемъ* и напоминаетъ славянское *Стадо.* Въ однихъ краяхъ *Красною Горкою* называется гулянье на Св. недѣлѣ, въ другихъ—Юрьевъ день; но вездѣ, *Красною Горкою* называется весеннее время удобное для свадебъ; отъ Ѳомина понедѣльника до Георгіева или Юрьева два, какъ время половодія, время свободы, время въ которое земледѣльческій трудъ не

---

*) Пермскій сборникъ. 1860 г. Книж. II. Москва, стр. 28.

начинался, а только къ нему приступаютъ. Обыкновенно въ это время молодежь вся въ сборѣ, никто не уходилъ на заработки, на сторону изъ числа тѣхъ, кто занимается промыслами или работами фабричными, плотницкими или рѣчными; между тѣмъ каждый крестьянинъ—семьянинъ желаетъ имѣть работницу въ домѣ — и если имѣетъ не женатаго сына, то старается въ это свободное время окружить молодца.

Закликанiе весны начинается на Красной Горкѣ, какъ въ первый весенній праздникъ, съ котораго по большей части начинаютъ играть *въ горѣлки.* А когда станутъ распускаться листья, то начинаютъ *водить хороводы.*

РАДОНИЦА.

Во многихъ славянскихъ и германскихъ земляхъ до сихъ поръ сохранились слѣды праздниковъ въ честь мертвыхъ: въ Саксоніи, Лаузицѣ, Богеміи, Силезіи и Польшѣ, во время язычества народъ хаживалъ на кладбища 1 Марта, въ часъ разсвѣта и тамъ приносилъ жертвы усопшимъ. На кладбищахъ, которыя въ Псковской и Тверской губерніяхъ называются *буями* и *буивицами*, до нынѣ въ святки дѣлаютъ гаданія.

Празднованіе *семика* приходилось въ тотъ же день, когда по прежнему обычаю погребали умершихъ и поминали убогихъ на скудельницахъ или убогихъ домахъ.

„Въ Троицкую субботу“, какъ видно изъ Стоглава „сходились мужи и жены на жальники *) то-есть на кладбища, и плакали на могилахъ съ великимъ кричаніемъ и, когда станутъ играть скоморохи гудошники, то они перестанутъ плакать, и начнутъ скакать, плясать и въ ладони бить на тѣхъ жальникахъ“.

Съ исключеніемъ послѣдняго, подобный обрядъ соблюдается и до нынѣ въ Смоленской губерніи. Олай великій и другіе описываютъ старинные обряды предъ наступленіемъ Великаго Поста въ Мертвое воскресеніе *изгнаніе зимы* или *смерти*, кои встрѣчаются у славянскихъ и германскихъ народовъ, а въ Польшѣ извѣстенъ подъ именемъ *Моржаны.*

---

*) Отъ глагола жалѣть, жаль.

Въ это же время франки совершали подобное же торжество въ память усопшихъ, соединенное съ мимическими представленіями и пѣснопѣніями.

Радоницу справляютъ въ Россіи во вторникъ Ѳоминой недѣли, какъ у Бѣлоруссовъ такъ и у Великоруссовъ. Въ Рязанской губерніи она называется *наской* и *навій день*, — что сходно съ литовскимъ словомъ navie — мертвецъ, такъ какъ въ этотъ день собираются на кладбище поминать умершихъ.

Мѣстомъ заупокойнаго пира у Литовцевъ было или самое кладбище или домъ близь него.

Въ Россіи, въ радоницу приносятъ на кладбище лепешекъ, пироговъ, крашеныхъ яицъ, вина, и поминаютъ покойниковъ. Простыя женщины *причитаютъ* и плачутъ. Потомъ, оставивъ на могилѣ въ половину очищеныхъ два, три красныхъ яица и пирога кусокъ, или другаго чего нибудь на долю покойника, уходятъ. Класть яица на могилу было въ обычаѣ Римлянъ, у которыхъ было глубокое уваженіе къ памяти усопшихъ.

Сербская Zadusnice (Задушница) вполнѣ соотвѣтствуетъ нашей радоницѣ.

Въ Малороссіи радоница (гробки) сопровождается причитаніемъ на могилкахъ, потомъ пиршествомъ и катаніемъ яицъ; въ заключеніе на могилку льютъ водку или вино изъ рюмокъ. Тамъ радоница называется „*гробками*“ и это могильное торжество происходитъ съ утра понедѣльника до вечера среды. Катанье яицъ тамъ происходитъ до самаго Юрьева дня.

Въ Галицкихъ мѣстностяхъ и въ Тверской губерніи въ Ѳомину недѣлю, называемую Радоницами, гуляетъ народъ послѣ полуночи и до свѣта, распѣвая подъ окнами: „Юница, молодица, подай яицо въ перепечу!“

Тогда подаютъ парнямъ вино, пиво, ладышки, а дѣвкамъ пряники и красныя яица. Этотъ Юнецъ или Вьюнецъ упоминается въ 25 вопросѣ Стоглава: „и на Радоницѣ Вьюнецъ, и всяко въ нихъ бѣсованіе“.

Присутствовавшіе въ Радоницы на могилахъ скоморохи при поминовеніи, происходятъ отъ скоморовъ или скомаховъ народа хищническаго и бродяжническаго, жившаго на нижнемъ Дунаѣ въ V и VI вѣкѣ, по мнѣнію Шаффарика. Вѣроятно скоморохи были болѣе ничего, какъ бездомовые бродяги, въ родѣ нашихъ

цыганъ, бродили изъ села въ село, изъ деревни въ деревню, гдѣ поплясать, гдѣ попѣть, гдѣ украсть, отъ чего и получили такое незавидное названіе.

Радоница, Радуница, въ посадѣ Парѳеновѣ, въ волостяхъ Ширской, Петрусовской, Салтановской наз. *Усопшая Радованица.*

По утру, подобно русскимъ, пермячки хозяйки красятъ яица въ радоницу, называемую у нихъ радольницей. Тутъ же пекутъ пироги съ рыбой, блины, солянки, оладьи, разныя мяса и проч. Отъ обѣдовъ по праздничному, часть всего приготовленнаго они приносятъ въ церковь, гдѣ служатъ панихиды, и обѣдни по умершимъ родителямъ и близкимъ родственникамъ; потомъ возвращаются домой. Въ этотъ день въ церковь ходятъ далеко не изъ всѣхъ домовъ и только особенно набожные и зажиточные. Принесенныя въ церковь явствы поступаютъ: лучшія церковнослужителямъ, а прочія—нищимъ. Кромѣ поминокъ у пермяковъ радольница ничемъ не отличается отъ обыкновеннаго рабочаго дня *).

Въ Чухломскомъ и Кологривскомъ уѣздахъ, Костромской губерніи Радованицами наз. Ѳомино Воскресеніе. Въ этотъ день окликаютъ молодыхъ новобрачныхъ слѣдующей пѣсней:

О Лелю молодая, о Лелю,
Ты вьюная, о Лелю,
Ты по горницѣ пройди, о Лелю,
Покажи свое лицо, о Лелю,
Да въ окошечко, о Лелю,
Своево-то вьюнца, о Лелю,
Да пожалуй-ка яичко, о Лелю,
Еще красненькое, о Лелю,
Что на красномъ блюдѣ, о Лелю,
И при добрыхъ людяхъ, о Лелю.

Или, молодому.

Ты вставай-ка, молодецъ,
Ты вставай нашъ вьюнецъ!

---

*) Пермскій Вѣстникъ, Кн. II. 1860 г. стр. 29, отд. II.

Ты расчесывай кудри
Костянымъ гребешкомъ,
Ужъ ты выгляни въ окошко
Косящетое!
Тебѣ пѣсню споемъ,
Тебѣ честь создаемъ,
Награди-ко насъ подаркомъ
Сладкимъ пряничкомъ,
Бѣлымъ сахарнымъ.

СЕМИКЪ.

(Русальная недѣля, русалки).

Языческіе народы древности, благоговѣя къ водѣ, какъ необходимому изъ предметовъ существованія, и одинъ изъ лучшихъ и удобнѣйшихъ путей, какъ зимой такъ и лѣтомъ, наконецъ какъ стихія, питающая почву и растительность, создали вѣрованіе, что рѣки, начиная отъ Индійскаго Гангеса или Ганга и египетскаго Нила до Славянскаго Дуная, Нѣмана и другихъ священныхъ въ язычествѣ языческихъ рѣкъ, озеръ и студенцовъ населены разными существами; что водою завѣдуетъ особое божество, да и самыя рѣки у нѣкоторыхъ народовъ обоготворялись.

Такимъ образомъ у Грековъ были Нереиды и Гамадріады, у Римлянъ Наяды и Кверктетуланы, то рѣчныя Нимфы, или богини извѣстныя у славянъ подъ названіемъ „русалокъ". У литовцевъ и Жмуди Dugny, Gudelki, Upine и Wundyny.

Часто отъ рѣкъ русалки получали свое названіе. Такъ отъ рѣки Свитези именуются *Свитезянками*, отъ Нѣмана—*Нѣмнянками*, въ Литвѣ отъ Виліи—Wilije, въ Германіи отъ Дуная—Danauweibchen и прочее.

Въ простонародномъ русскомъ языкѣ, какъ и въ нѣмецкомъ, сохранилось общее по созвучію названіе *русалка*, *Ruchelchen* то-есть красавица и родъ духа.

Въ Европѣ, даже въ XVIII вѣкѣ вѣрили въ существованіе нимфъ *). Въ Черниговской губерніи русалки называются *кри-*

*) См. Простонародные праздники и обряды. Вып. IV, 1837 г. стр. 2.

ницами, отъ уважаемаго въ Новгородѣ Сѣверскомъ родника *Заручейной Криницы* или *Сухомлинской* иначе *Родника Ярославова.* Повѣрье говоритъ, что будто на срубѣ его въ зеленую недѣлю, на самомъ разсвѣтѣ, прекрасныя русоволосыя дѣвицы являются и расчесываютъ себѣ волосы *).

Съ русскими русалками отчасти сходны у Сербовъ *Вилы,* которыя живутъ въ горахъ, и въ прибрежныхъ скалахъ; ихъ народное повѣрье тоже изображаетъ молодыми и красавицами въ бѣломъ одѣяніи, съ длинными волосами на головѣ, спускающимися по спинѣ и груди.

По мнѣнію проф. Снегирева, повѣрья о русалкахъ возникли изъ одного общаго источника. Если и произошли нѣкоторые оттѣнки въ ихъ характеристикѣ, то безспорно въ этомъ случаѣ повліялъ духъ народности, климатъ, почва, условія жизни, образованность и пр.

Левъ Калойской упоминаетъ о жертвоприношеніи святославовыхъ дружинъ Дунаю, лѣтописецъ о требахъ рѣкамъ и колодезямъ. Въ славянскомъ переводѣ рукописи XI вѣка, св. Григорія Богослова, хранящейся въ Им. Санктпет. Пуб. библіотекѣ **), гдѣ приписано слѣд. недостающее въ греческомъ подлинникѣ: „Рѣкы богиню нарицаетъ и звѣрь живущъ въ ней яко бога нарицая, требу (жертву, поклоненіе, дары) творитъ". Того же вѣка русскій митрополитъ Іоаннъ въ посланіи своемъ свидѣтельствуетъ, что его современники „жрутъ (приносятъ жертву) бѣсомъ, болотамъ и колодезямъ". Въ Потребникѣ московскомъ изд. въ 1639 г. вѣрованіе въ русалокъ называется *волхованіемъ* и *чарованіемъ.*

Все это доказываетъ, что существованіе преданія о русалкахъ уже давно существовали, и давность эту должно приписать глубокой древности, да и самое начало этого миѳа подобно прочимъ, приписываютъ съ момента паденія сатаны, при которомъ одни изъ его единомышленниковъ и противниковъ Творца попали въ воду, другіе на поля, или въ лѣса и въ прочія мѣста и, овладѣвъ занятыми мѣстностями, стали творить козни надъ человѣчествомъ. Въ языческомъ мірѣ русалка имѣла

---

*) Отечественныя Записки. 1826 г., за Апрѣль.

**) См. Библіограф. листы П. Кеппена 1825 г № 16.

значеніе рѣчной богини, владѣтельницы сокровищъ и чаровницы; при переходѣ же Руси изъ язычества къ христіанству, она представляется тоскующей и злобствующей на человѣка.

Воронежская губернія, какъ смежная съ Малороссіею, имѣетъ много сходнаго въ Демонологіи. Поэтическій элементъ Украйны замѣтно проявляется въ ней въ олицетвореніи миѳовъ, въ повѣрьяхъ и суевѣрныхъ разсказахъ.

Изъ числа повѣрій о происхожденія нечистой силы разнаго рода и между прочимъ русалокъ, любопытно слѣдующее, получившее начало уже во дни христіанства *). Вотъ какъ про это говорится: „Богъ при столпотвореніи Вавилонскомъ наказалъ народъ, дерзнувшій проникнуть тайну величія Его, смѣшеніемъ языковъ; главныхъ изъ нихъ, лишивъ образа и подобія своего, опредѣлилъ на вѣчныя времена сторожить воды, горы, лѣса и прочее. Кто въ моментъ наказанія находился въ домѣ— сдѣлался домовымъ, въ горахъ—горнымъ, въ лѣсу—лѣшимъ и пр. Повѣрье прибавляетъ, что не смотря на силу грѣха раскаяніе можетъ обратить ихъ въ первобытное состояніе. Поэтому народъ въ домовыхъ, въ лѣшихъ видитъ существа, нѣкогда подобныя людямъ. Тогда какъ выше сего приведенная статья приписываетъ происхожденіе сказанныхъ миѳовъ отъ сатаны.

Самое слово „Русалка“ имѣетъ свое происхожденіе отъ русла рѣки, гдѣ онѣ по народному повѣрью имѣютъ свое пребываніе. Это подтверждается словомъ Dugnas, что на жмуйдскомъ языкѣ значитъ—русло. Хотя, однакоже, есть противники этого убѣжденія и увѣряютъ наименованіе „русалка“ происходитъ отъ русыхъ волосъ, которые у нихъ длинны, густы и будто бы, ниспадая съ головы, прикрываютъ все тѣло своими роскошными волнами, а по другимъ повѣрьямъ, у нихъ волосы при тѣхъ же качествахъ—зеленые. Пр. Снегиревъ приводитъ между тѣмъ иныя доказательства происхожденія слова русалка. Онъ говоритъ, на основаніи Нарбутта **), что многія священныя рѣки у Литовцевъ и славяноруссовъ назывались руссами и Россами (Ross, Russ). Такъ, напр. рукавъ Нѣмана до нынѣ

*) См. Очер. Повѣріи и пр. въ Вор. губ., сост. Магистръ Ѳ. Никоновъ.
**) Dzieje Starozytne narodu Litewskiego, p. I Narbutta. Wilno. 1835 г.

называется русою, въ землѣ Галиндовъ, рѣка впадающая въ Нарву наз. *Россъ*. Также соименная съ ней, впадающая съ праваго берега въ Днѣпръ, въ Кіевской губерніи. Рѣка *Русо* въ Старорускомъ и другія. Если, какъ мы замѣтили, рѣчныя нимфы въ Германіи, Польшѣ и Литвѣ получили свое названіе отъ рѣкъ, то изъ сего должно заключить, что и русалки получали названіе отъ рѣкъ имъ соименныхъ и что русалки, какъ русскія нимфы болѣе извѣстны на югѣ и западѣ Россіи, чѣмъ на сѣверѣ и востокѣ ея.

Такъ то мы видимъ, что Днѣпровская русалка и Кіевская вѣдьма въ Малороссіи вошли въ поговорку. Именемъ русалокъ запечатлѣны даже нѣкоторыя мѣстности, возьмемъ въ примѣръ: Русиловка надъ р. Сулою въ Полтавской губерніи, повыше Ромена. Русиловка въ Уманскомъ повѣткѣ надъ Угорскимъ Тикичемъ; Русловы пустоши въ Вышневолоцкомъ и Новоторжскомъ уѣздахъ. Надъ р. Днѣпромъ есть роща Русалокъ, или гай русалокъ, и много другихъ мѣстностей свидѣтельствуютъ о томъ, что нѣкогда существовало много мѣстъ, приписываемыхъ мѣстопребыванію этихъ безплотныхъ существъ, обитательницъ рѣкъ и водъ.

Русалки, по народному повѣрью—существа живущія на землѣ и въ водѣ. Но въ теченіи дней, считая отъ Семика до Петрова дня, то есть въ лучшую часть года, когда все цвѣтетъ, онѣ будто бы странствуютъ на берегахъ своихъ рѣкъ въ близь лежащихъ лѣсахъ и рощахъ, и пріютомъ себѣ избираютъ вѣтвистыя старыя деревья, преимущественно дубы, гдѣ качаются на вѣтвяхъ, или разматываютъ пряжу, похищенную у тѣхъ поселянокъ, которыя ложатся спать безъ молитвы.

Русская южная демонологія, придавая русалкамъ отчасти враждебныя противъ человѣчества свойства, говоритъ между прочимъ о ихъ происхожденіи согласно съ греческою и вообще сравнительно съ греческими Телоніями онѣ сходны.

Въ созданіи миѳа о русалкахъ, Русскій народъ высказалъ болѣе поэзіи, чѣмъ о созданіи другихъ миѳовъ. О происхожденіи русалокъ народное повѣрье говоритъ, что всѣ младенцы женскаго пола, родившіеся мертвыми или умершими безъ крещенія, а также взрослыя утопленицы, наконецъ купающіяся безъ креста—дѣлаются русалками. Русалки обладаютъ вѣчной юностью

и красотою; по внѣшности своей онѣ сходны съ нашими красивыми дѣвушками. Суевѣрные крестьяне и поселяне утверждаютъ, что огни, видимые на курганахъ особенно древнихъ, ночью по сѣвернымъ берегамъ Чернаго моря, разводятся днѣпровскими русалками для того, чтобы привѣтливымъ блескомъ заманить странниковъ къ себѣ на крутизну и сбросить ихъ въ днѣпровскія пучины. *) Согласно повѣрью, русалки живутъ въ кристальныхъ дворцахъ, построенныхъ на днѣ рѣкъ; старшая надъ ними называется царицей и назначается водянымъ начальникомъ русалокъ изъ ихъ же среды. Въ Воронежской губерніи народъ вѣритъ, что безъ позволенія царицы, русалки не могутъ не только погубить, но даже испугать человѣка.

Въ клечальную субботу, наканунѣ Троицына дня, **) русалки, по мнѣнію Малороссовъ, начинаютъ бѣгать по ржи и хлопать въ ладоши приговаривая: „*Бухъ! бухъ! соломенный духъ! мене мати породила, некрещену положила!*“ Съ зеленой недѣли онѣ витаютъ въ лѣсахъ, гдѣ аукаютъ и зовутъ къ себѣ прохожихъ съ хохотомъ: „ходите къ намъ на рели (качели) качаться“.

Онѣ заводятъ красивыхъ парней и дѣвокъ въ лѣсъ и тамъ защекочиваютъ ихъ до смерти.

Въ Воронежской, да впрочемъ въ Малороссіи и въ другихъ губерніяхъ обильныхъ водами, есть повѣрье, что русалки до того обаятельно поютъ, что слушатель готовъ внимать ихъ пѣнію нѣсколько лѣтъ, не сходя съ мѣста.

Въ народѣ русалокъ считаютъ чародѣйками и гадательницами, что видно изъ одной старинной пѣсни, которую пѣла обитательница рѣки, загадывая ее молодой дѣвушкѣ, попавшейся ей въ руки:

„Ты послухай мене красна панночка!
Загадаю тебѣ три загадки:
Коли ты вгадаешь—я до батько пущу;
А якъ не вгадаешь—я до сибе возьму.

---

*) Одесскій Альманахъ на 1831 г. 1831 г. Одесса.

**) Въ день поминовенія усопшихъ наканунѣ Троицы, называемой—Троицкая Суббота.

Ой що росте до безъ кореня?
Ой що бѣжитъ до безъ повода?
Ой що росте безъ всякаго цвѣту?
Камень росте безъ кореня;
Вода бѣжитъ безъ повода;
Папороть росте безъ всякаго цвѣту!
Дѣвчинка загадочки не вгадала,
Русалочка ее залоскатала.

Понятно, что въ такое опасное время, какимъ представляется начало весны, богатое разливами, заводями, омутами, бачагами, не то что дѣвушкамъ, но и мужчинамъ, требуется большая осторожность, какъ при плаваньѣ, такъ и при ходьбѣ по берегамъ рѣкъ еще не окрѣпшимъ и представляющимъ разнаго рода препятствія и опасности. Въ пѣснѣ русалки, предлагающей дѣвушкѣ загадку высказываетея то, что въ эту пору каждый рискующій путешествовать по рѣкамъ, или по обматеревшимъ берегамъ рѣкъ, долженъ имѣть большое соображеніе и разсудокъ, чтобы предупредить всѣ предстоящія непріятности въ родѣ загадки русалки и, такъ сказать, заранѣе разгадать ихъ.

Въ Русальную недѣлю, (8-ю по пасхѣ), а также въ ночь подъ Ивана Купала (24 іюня) Русалки (малки) дѣлаются опасными для человѣка *). Въ это время онѣ стараются очаровать его и, защекотавъ, унести въ свое водяное жилище. Во многихъ мѣстахъ Воронежской губерніи народъ не купается въ продолженіи русальной недѣли, боясь сдѣлаться жертвою русалокъ.

Если взять во вниманіе только то, что русскіе поселяне купаются не въ купальняхъ, а въ рѣкахъ, что они не разбираютъ того, когда лучше купаться: съ тощимъ или, полнымъ желудкомъ? напившись ли холоднаго квасу? и часто купаются въ поту, то весьма понятно, что многіе утопали просто вслѣдствіе удара или страшныхъ судорогъ, такъ какъ вода въ это время года еще довольно холодна, и спасибо скажешь старикамъ—предкамъ, что они поселили въ рѣкахъ такихъ опасныхъ красавицъ, какъ русалки, потому, что во многихъ мѣстахъ

*) Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Воронежской губерніи въ это время для смягченія злобы русалокъ развѣшиваютъ имъ по лѣсамъ холсты на рубашки.

Малороссіи и Воронежской губерніи народъ боится во всѣ дни русальной недѣли купаться въ рѣкахъ, подъ опасеніемъ быть жертвою русалокъ. Опасеніе такъ велико, что въ Малороссіи никто не осмѣливается даже хлопать въ ладоши на берегу рѣки или на рѣкѣ.

Въ Четвергъ на зеленой или троицкой недѣли, дѣвушки и даже женщины, боясь прогнѣвать русалокъ, чтобы онѣ не испортили скотины, не работаютъ, называя *этотъ четвергъ великъ день для русалокъ*". Взрослыя дѣвушки въ этотъ день плетутъ вѣнки и бросаютъ ихъ въ лѣсу русалкамъ, чтобы онѣ добыли имъ суженыхъ и ряженыхъ, послѣ чего тотчасъ убѣгаютъ. По ихъ мнѣнію, въ этихъ вѣнкахъ русалки рыскаютъ по ржи.

Въ Бѣлоруссіи вѣрятъ, что русалки бѣгаютъ нагія, при чемъ безпрестанно кривляются, такъ, что видѣвшій хоть одну изъ нихъ, самъ будетъ всю жизнь кривляться.

Народное повѣрье допускаетъ любовь между русалками и людьми, о чемъ существуетъ много поэтическихъ расказовъ: замѣчательна одна, повторяющаяся почти въ каждомъ изъ нихъ, слѣдующая мысль: Русалка, защекотавъ мужчину, уноситъ его въ свое жилище, гдѣ онъ оживаетъ и дѣлается ея мужемъ; окруженный невообразимою роскошью, онъ начинаетъ тамъ новую жизнь, непонятную для людей живущихъ на землѣ. Пользуясь всевозможнымъ довольствомъ, этотъ человѣкъ ограниченъ только желаніемъ—хоть на мгновеніе оставить водяное царство.

Когда же у русскихъ наядъ бываютъ свадьбы на воробьиныя ночи, тогда на водѣ раздается смѣхъ и плескъ.

Прежде украинцы, а потомъ слышимъ и отъ многихъ русскихъ такіе отзывы, что русалки дочери родителей, которые похоронили ихъ безъ крещенія, или родивъ мертвыми, или не успѣли рожденныхъ окрестить, и тѣ умерли. Въ такомъ случаѣ злые духи, имѣя полную свободу надъ душой некрещеннаго младенца похищали ихъ, давая имъ свободу только въ Духовъ день и въ Троицынъ. Такихъ младенцевъ, по словамъ проф. Снегирева, хоронили въ Кіевской губ. въ Махновскомъ повѣтѣ, подъ фигурою (крестомъ) на раздорожіи (перекресткѣ) *).

---

*) См. Русскіе простонародные праздники и суевѣр. обряды 1837. М. часть VI.

Крещеніе русалокъ. По народному повѣрью, души некрещенныхъ младенцевъ, черезъ семь лѣтъ, уносятся на воздухъ и просятъ себѣ крещенія три раза. Если кто услышитъ этотъ зовъ и подастъ имъ крещеніе, говоря: „Я тебя крещаю Иванъ и Марья, во Имя Отца, и Сына, и Св. Духа"; тогда сіи души возьмутся ангелами; а въ противномъ случаѣ діаволами. По сказаньямъ суевѣрныхъ поселянъ, въ глубокую полночь малки, или русалки, о Троицынѣ днѣ бѣгаютъ по берегамъ рѣкъ и озеръ, поютъ, хохочутъ, хлопаютъ въ ладоши и мяукаютъ по кошачьи, отъ чего въ Малороссіи и получили названіе: „*Малокъ*".

Симпатія. Накануне Клечальной субботы, мужчины запасаются зорею и полынью, какъ предохранительными средствами отъ обаянія русалокъ *). Въ Малороссіи, въ Троицынъ день, приносятъ въ церковь охапку зори, калуфера, мяты и кадила [chomaepitys], которая связывается веревкою, а въ срединѣ ставится тройная свѣча, называемая *Троицею* и горящая въ продолженіи обѣдни; травы сіи хранятся дома для лѣченія отъ разныхъ болѣзней, а троицкая свѣча дается въ руки умирающему, при послѣднемъ издыханіи. Въ Малороссіи, Духовъ и Троицынъ дни, точно праздники духовъ, по замѣчанію проф. Снегирева **). Впрочемъ тамъ также завиваютъ и развиваютъ вѣнки на Троицкую недѣлю, на которой поютъ пѣсни въ разныхъ мѣстахъ Россіи, болѣе или менѣе характернаго и миѳическаго содержанія.

Свистопляска. Изъ мѣстныхъ праздниковъ въ Россіи одинъ извѣстенъ въ народѣ подъ именемъ *Свистопляски*; это въ Вятской губерніи; это совершалось ежегодно въ субботу, по счету четвертую послѣ Пасхи и на томъ мѣстѣ, гдѣ совершилось въ 1480 г. слѣдующее происшествіе: Вятчане подъ предводительствомъ Михаила Рожухина, сражаясь ночью съ союзниками своими Устюжанами, по невѣденію, побили ихъ девять тысячъ ***).

---

*) Исторія Малой Россіи, Бантышъ-Каменскаго. Ч. 2. М. 1830 г.

**) Стр. 134. Рус. прост. Праздн. Москва 1837 г.

***) Проф. Снегиревъ на стр. 182 кн. „Русскіе простонародные праздники", ссылается на записки Преосвященнаго Кирилла, бывшаго епископа Вятскаго.

Послѣ панихиды въ часовнѣ, въ день Свистопляски продаются разныя закуски и свистки изъ глины, нарочно заранѣе изготовленные, наконецъ куклы изъ глины. Этими глупыми игрушками партіи бросаются другъ въ друга, становясь по обѣ стороны рва, при чемъ свистятъ неумолкая.

Могила Аники воина. Верстахъ въ 7-ми отъ Вологды, по старому Архангельскому тракту, существуетъ могила Аники воина, на которую каждый прохожій, по обычаю, кидаетъ вѣтку или прутъ, отъ чего накопляется въ теченіи времени большой ворохъ, который въ одинъ лѣтній день и сжигается. На этомъ сходбищѣ ѣдятъ блины и гуляютъ.

Марюстье. Въ Калужской губ. Лихвинскаго уѣзда, предъ Троицынымъ днемъ бывалъ обычай, слѣдующій довольно смѣшной: кума къ кумѣ ѣздила въ гости на метлѣ, изображая конечно этимъ вѣдьму, такъ какъ, мара, значитъ вѣдьма, русалка.

Крещеніе кукушекъ. Суевѣрный обычай крестить кукушекъ, существуетъ въ Орловской, Тульской и въ другихъ мѣстахъ. Оно состоитъ въ томъ, что въ рощѣ, избранные кумъ и кума надѣвъ крестикъ на живую кукушку, или на травку того же имени, кладутъ ихъ на разостланный коверъ, садятся вокругъ его, мѣняются крестами своими, цѣлуются и съ прочими подругами, ѣдятъ яичницу и поютъ пѣсни. Нѣкоторые предполагаютъ. что суевѣрный обычай крещенія кукушекъ, есть ничто иное какъ крещеніе русалокъ. Но болѣе, точное понятіе объ этомъ обрядѣ, и начало его—потеряны.

Поминовеніе самоубійцъ. Въ Тульской губерніи, во вторникъ на русальной недѣлѣ, крестьяне поминаютъ утопленниковъ и удавленниковъ; родственники послѣднихъ за упокой душъ разбиваютъ на ихъ могилахъ красныя яица, призывая при этомъ обрядѣ русалокъ, которымъ оставляютъ въ жертву часть блиновъ, принесенныхъ для поминовенія *).

Русальный праздникъ. Праздновать русаліи, русальные дни, или недѣлю (недѣля Св. Отецъ), возбранено учителями церкорными, по языческому ихъ происхожденію; но какъ начало весны и до сихъ поръ существуетъ не въ одной Россіи, но

*) Путешествіе отъ Тріеста до С.-Петербурга. Н. Броневскаго. 2 ч. М. 1828 г.

о многихъ странахъ Европы. Канунъ Троицына дня назывался „Пасхою усопшихъ."

Въ Сибири существуетъ повѣрье, что русалки декуются, то есть играютъ съ парнями и дѣвками.

Погребеніе Костромы. Въ Муромѣ, въ первое воскресенье послѣ Троицына дня существуетъ гульбище, гдѣ изстари велось обыкновеніе хоронить *Кострому.* Во Владимірѣ, хоронили *Ладу*, а въ Твери хоронили *Ярила* близь Трехсвятскаго сада, 24 іюня.

Изгнаніе, прощаніе, провожаніе русалокъ. Въ Черниговской губерніи провожаніе русалокъ происходило на греѣцкой или свѣтлой недѣлѣ, въ Рязанской губерніи, въ Спасскѣ, слѣдующее за Троицынымъ днемъ воскресенье слыветъ *Русальнымъ заговѣньемъ*, а понедѣльникъ, *Провожаньемъ русалокъ.* Въ этотъ день вечеромъ, хороводы дѣвицъ и женщинъ, съ веселыми пѣснями сходятся съ разныхъ сторонъ города, въ назначенномъ мѣстѣ, и стоятъ около часа на углахъ улицъ; въ каждомъ хороводѣ находится чучело въ видѣ женщины, которая собою изображаетъ русалку. Въ это время составляютъ хороводные кружки; въ средѣ каждаго изъ нихъ бойкая женщина съ чучелою въ рукахъ пляшетъ подъ веселую хороводную пѣсню, дѣлая при этомъ разныя кривлянія. Потомъ хороводы раздѣляются; на оборонительную и наступательную стороны. Причемъ держащія въ рукахъ чучелъ русалокъ, защищаются нѣсколькими женщинами, отъ нападенія другихъ, которыя стараются вырвать у нихъ чучелы, при этомъ обѣ стороны кидаютъ другъ въ друга пескомъ, землею, обливаютъ другъ друга водою. Выйдя за городъ, онѣ говорятъ, что *проводили русалокъ*, причемъ разрываютъ чучелы, разбрасываютъ ихъ по полю, и провожающія ихъ дѣвицы съ уныніемъ возвращаются. Съ этого времени прекращаютъ игры, подъ названіемъ: *Горѣлки, Уточка и Борисъ.*

ИВАНЪ КУПАЛО И АГРАФЕНА КУПАЛЬНИЦА.

День Рождества Св. Іоанна Предтечи, соверш. 24 іюня, составляетъ одинъ изъ особенно торжественныхъ праздниковъ не только въ славянскомъ мірѣ, но почти во всей Европѣ. Онъ

приходится около лѣтняго солнцестоянія. Праздникъ этотъ въ народѣ извѣстенъ подъ названіемъ *Ивана Купалы*.

Прежде всего скажемъ, что во время славянскаго язычества *Купало* былъ богъ плодовъ земныхъ и по однимъ считался третьимъ *) и Перунъ, а по другимъ **) пятымъ Богомъ. Праздновали ему 24 и 29 іюля, день жатвы, и приносили жертвы изъ нѣкоторыхъ травъ, костеръ изъ которыхъ зажигали и плясали вокругъ него всѣ, безъ различія пола и возраста, причемъ припѣвали пѣсни.

Чествовать предметы своего благоговѣнія праздниками сродно человѣку, для котораго вѣрованіе заключаетъ въ себѣ протекшее и будущее, божество и міръ духовный, природу и его самого. Въ его праздникахъ выражаются его обѣты, надежды и воспоминанія собственнаго прошедшаго, которое для него становится кумиромъ.

Съ истребленіемъ внѣшняго идолослуженія при введеніи вѣры христіанской въ Россіи, понятія тогда преобладавшаго язычества, внѣдрясь въ духъ и бытъ народа, проявлялись въ древнихъ праздникахъ его и повѣрьяхъ, даже христіанскія торжества церкви получили названія языческихъ, какъ напримѣръ: русальная недѣля, Купало, радоница (радуница, радовальница) и проч.

Изъ явленій природы столь важныхъ и ощутительныхъ для человѣка, какъ повороты солнца, раздѣляющіе годъ на двѣ равныя части, были сильнымъ поводомъ къ тому, чтобы учредить *Коледу* и *Купалу*, какъ праздники, столь важные въ отношеніи къ нуждамъ человѣка. Эти празднества, какъ мы и видѣли, отчасти существовали не у однихъ только славянъ, но и у многихъ народовъ Европы и Азіи, только подъ разными наименованіями.

Замѣчательно, что богу Купалу приносили жертву купаньемъ, о чемъ довольно пространно описано въ Кіевскомъ лѣтописцѣ, что было и въ Римѣ въ праздникъ Мая (Maiuma), когда тоже обливали другъ друга водою. Въ Даніи, въ лѣтнее равноденствіе и вездѣ на сѣверѣ, зажигались огни, нѣкогда посвящаемые

*) См. Абевега русск. суевѣрій 1786 г.
**) См. Краткое обозрѣніе Миѳологіи русс. слов. Строева. М. 1815 г.

Балдеру, которые назывались въ Россіи *купальскимъ огнемъ*; тамъ въ этотъ день купаются для здоровья, и собираемыя травы Sank-Hans Urt—считаются цѣлительными отъ порчи и другихъ болѣзней.

Нашъ *Ивановъ день* или день Ивана Купала въ существѣ своемъ сходенъ съ нѣмецкимъ *Iohannistag* или der-*Tittelsommer*, когда зажигается Ивановъ огонь. У Пруссовъ было божество весны и веселья — Лаго близкое къ нашему *Ладо*, въ честь его зажигался Подъ Липою огонь на Ивановъ день и тамъ плясали во всю ночь съ пѣснями, которыя оканчивались припѣвомъ: „Лиго! Лиго!"

Еще и посейчасъ, сказать къ слову, въ Ригѣ существуетъ пѣсня, которую нужно отнести къ этому празднику.

Лигъ Ульяна, баба пьяна,
Въ Ригѣ жила,
Вино пила,
Лиго! и пр.

Праздникъ росы. Наканунѣ дня Св. Іоанна Предтечи (или Ивана Купала) въ Литвѣ отправлялся праздникъ *Росы* (Rossa), по старорусски *Кекерисъ*, въ честь Ладо. Начиная отъ праздника пастуховъ до праздника Росы, продолжались между работами сельскія пѣсни, игры, забавы, что въ обычаѣ у тамошнихъ поселянъ и по сіе время. Но въ самомъ дѣлѣ начинался наканунѣ 24 іюня. Эта ночь называлась Роса, которую праздновали почти всѣ сѣверные народы; такъ какъ почитаніе богини Ладо было у всѣхъ общее. Праздникъ Росы на Руси былъ извѣстенъ подъ именемъ *Купала*, въ Литвѣ Купайлы, а въ Польшѣ *Соботки* отъ глагола собить, собана, приспособить, какъ бы день, приготовляющій къ полевымъ работамъ; такъ какъ въ болѣе теплыхъ странахъ праздникъ этотъ почти сходится съ сѣнокосомъ. Литовцы повсюду празднуютъ Иванову ночь. Поздно вечеромъ сбираются Литовцы на извѣстномъ мѣстѣ, избранномъ и освященномъ исконными обычаями; тамъ на оболоньи (полянѣ) становятся палатки и шалаши; пѣсни, музыка, танцы и разведенные огни продолжаются во всю эту ночь. Донынѣ, въ Вильнѣ 24 іюня, вечеромъ, народъ сходится въ лѣсу пить, ѣсть и веселиться, что называется у нихъ—*идти на росу*.

Въ Ивановскую ночь, по мнѣнію народному, цвѣтетъ для счастливцевъ *папоротъ*, *папоротникъ* (paproé), который извѣстенъ во всей Бѣлостокской области на Волынѣ. Здѣсь сходбище на одномъ мѣстѣ называется *стадомъ*, а пляска—*каркодономъ*. Въ Литовскомъ язычествѣ этотъ праздникъ имѣлъ свои религіозные обряды, не дошедшіе до насъ, кромѣ перескакиванія черезъ огонь, и ношенія факеловъ и фонарей. Слѣдующій день назывался „святымъ", тогда собирались травы, для врачеванія скота, также для чарованія и волшебства, что дѣлалось и на Руси. Миѳологи замѣчаютъ, что праздникъ у славянъ называемый *Купалою*, соединяетъ бытъ съ моленіемъ рѣкамъ и источникамъ. Вѣроятно и Литовцы, которые святили свои воды текучія и стоячія, въ этотъ день приносили имъ жертвы, бросая ихъ въ воду. Даже, можетъ быть, самый *праздникъ росы* потому названъ, что древніе вѣрили, что рѣки—дѣти моря, родящіяся отъ испареній морскихъ, что и есть *роса*.

Ивановская ночь. Какъ въ Литвѣ, Россіи и Малороссіи, такъ и въ Польшѣ празднуется *Ивановская ночь* почти съ одинаковыми обрядами, а у Валаховъ и Итальянцевъ, подъ именемъ Sabatina, польск. (Sobotki). Зажигаемые на горахъ сего имени огни въ этотъ день могли имъ сообщить сіе названіе. Какъ у насъ наканунѣ Иванова дня женщины разжигали огни, также плясали вокругъ нихъ, пѣли, воздавая поклоненіе дьяволу (говоритъ Мартинъ, писатель XVI вѣка), такъ и донынѣ въ Польшѣ не оставляютъ сего обычая, принося жертвы изъ чернобыльника (bielicy, artemisia), который вѣшаютъ по домамъ и опоясываются имъ, отправляютъ Соботки, зажигая огни, которые добываются треніемъ дерева объ дерево.

Соботки. Въ день св. Ивана, у Поляковъ, сельскіе жители имѣютъ обыкновеніе опоясываться чернобыльникомъ и цѣлую ночь прыгать у огня, говоритъ *Голембовскій*. Краковскія Соботки праздновались на Креміонкахъ и звѣринцѣ, Варшавскія на берегу Вислы и на островѣ нынѣ называемомъ *Саксонскимъ*. Въ цѣломъ краю зажигали Соботки на площадяхъ и близъ лѣсовъ; вездѣ можно было видѣть по домамъ цвѣты и травы, какъ говоритъ объ этомъ Огіеръ въ своемъ путешествіи въ 1835 г., найденномъ въ III томѣ памятниковъ Немцевича. Ивановскій огонь назывался у поляковъ *Krèsz*.

Янъ Кохановскій въ изданныхъ имъ, въ 1639 г., пѣсняхъ Свято Соботскихъ, говоритъ: „когда солнце согрѣваетъ рака, а соловей болѣе не поетъ, суботка, какъ было встарь, запалена въ черномъ лѣсѣ. Такъ намъ передавали матери, сами также, занявъ отъ другихъ, чтобы на день св. Іоанна завсегда горѣла суботка. Эта суботка или горѣла при лѣсѣ или на лугу."

Сербы говорятъ, что *Иван дан* столь великій праздникъ, что въ оный солнце трикраты—останавливается на небѣ *).

Купальные огни, сожигаемые въ Иванову ночь на Карпатахъ, Судетахъ, и Корконосныхъ, между Силезіею и Чехами, представляютъ великолѣпное и торжественное зрѣлище на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ верстъ.

Говорятъ даже, что для разведенія огня въ этотъ день, добывали его, треніемъ дерева объ дерево и огонь этотъ назывался божественнымъ.

Въ украйнѣ, на Подолѣ, и въ Волыни извѣстна игра подъ названіемъ: *Купало*, она состоитъ въ томъ, что по захожденіи солнца, всѣ дѣвушки собираются на извѣстное мѣсто съ вербою убранною цвѣтами, которую втыкаютъ въ землю. Дерево это, они называютъ *Купайло*. Воткнувъ его, онѣ схватясь рука съ рукою, ходятъ около него и поютъ жалобныя пѣсни въ честь *Купайла*. Спустя нѣкоторое время, молодые люди, стоящіе въ сторонѣ, бросаются, уносятъ и разрываютъ вербу защищаемую дѣвицами и тѣмъ оканчивается весь обрядъ.

Гизель такъ говоритъ въ своемъ Сѵнопсисѣ, печ. въ Кіевѣ въ 1679 г. о Купалѣ: Купало объясняется купелью, по-польски Kapiel. Гизель такъ описываетъ это игрище: „Пятый идолъ „Купало, его же бога плодовъ земныхъ быти мняху и ему „прелестью бѣсовскаго омраченія, благодаренія и жертвы въ „началѣ жновъ приношаху. Тогожде Купала бога, или истиннѣе бѣса, и доселѣ по нѣкіимъ странамъ россійскимъ еще „память держится; наипаче же въ навечерія рождества св. „Іоанна Крестителя собравшійся въ вечеру юноши, мужеска, „дѣвическа, и женска полу, соплетаютъ себѣ вѣнцы отъ зелія „нѣкоего и возлагаютъ на главу и опоясуются ими. Еще же

*) Cpuckn piernuk *Вука Стефановича*. Вѣна 1818 г. Bernolák Lexicon Slavicum VI t. Budae. 1827.

„на томъ бѣсовскомъ игралищи кладутъ и огонь, и окрестъ его „емшеся за руцѣ, нечестиво ходятъ и скачутъ и пѣсни поютъ, „сквернаго Купала часто повторяюще и чрезъ огонь прескачуще, самихъ себѣ тому же бѣсу Купалѣ въ жертву приносятъ“.

Подобнымъ же образомъ сказано о Купалѣ въ Чети-Минеи св. Димитрія Ростовскаго.

Въ Махновскомъ повѣтѣ сходно съ Черноруссцами и Бѣлорусцами, дѣвушки вечеромъ закапываютъ въ землю дерево, украшенное вѣнками, подъ именемъ Купалы, и зажигаютъ огни съ пѣніемъ. Близь города Бѣлицы на Днѣпрѣ, въ Гомлѣ, послѣ того поютъ:

У пана Ивана посередь двора
  Стояла верба,
На вербѣ горѣли свѣчи,
Съ той вербы капля упала,
  Озеро стало;
Въ озерѣ самъ богъ купался
Съ дѣтками, судѣтками.

Въ Малороссіи, наканунѣ сего праздника, молодые люди обоего пола купаются въ рѣкахъ до захожденія солнца; потомъ въ сумерки, раскладываютъ огонь на выгонахъ, на полянахъ, въ садахъ и попарно, держась рука объ руку, перепрыгиваютъ чрезъ огонь. Если во время перепрыгиванія руки не разойдутся, это означаетъ, что пара эта, то есть парень и дѣвушка совокупятся бракомъ; подобно тому, какъ въ Корпатахъ и Судетахъ молодежь, препоясавшись цвѣтными перевязями и надѣвъ на головы вѣнки изъ цвѣтовъ благовонныхъ, составляютъ вокругъ огня хороводы съ пѣснями въ честь Купалы *).

Иванъ Купало между простымъ народомъ въ Ярославской, Тверской и Нижегородской губерніяхъ называется *Ярилою.*

Почитаніе стихіи. Изъ всего описаннаго мы можемъ извлечь понятіе, которое, оказывали наши пращуры къ огню и

*) Смотри: Опытъ краткаго повѣствованія о древностяхъ россійскихъ. Собр. протоіереемъ Іоаномъ Кутеповымъ. Москва. 1814 г.

къ водѣ, какъ къ стихіямъ, безъ которыхъ не могли жить и которыхъ олицетворяли, если не для нихъ самихъ, то для духовъ въ нихъ обитающихъ. Что касается до перепрыгиванія чрезъ огонь во время Купалы, то скорѣе всего здѣсь видна идея очищенія, какую мы находимъ у Грековъ и Римлянъ въ разномъ видѣ; а также, по словамъ Плано-Карпина, очищеніе водою и огнемъ употреблялось у Татаръ при Батыѣ. Не имѣлось ли здѣсь въ виду задняя мысль съ гигіеническою или санитарною цѣлью, подъ прикрытіемъ религіознаго обряда?

Отсюда видно, что не только въ одной Россіи существовало уваженіе къ 24 Іюня и сопровождалось обрядностями, нѣтъ! Патріархъ Вальсамонъ, въ XII вѣкѣ, такъ описываетъ греческіе обряды, совершенно сходные съ русскими купальскими и святочными: „Язычники въ 23 день Іюня, ввечеру, собирались на „берегахъ рѣкъ; и, въ нѣкоторыхъ домахъ мужи и жены укра„шали перворожденную дѣву на подобіе невѣсты. Притомъ „пировали и плясали, кружились, совершая препразднество въ „честь богини Весты. Между тѣмъ бросали разныя вещи въ „сосудъ, наполненный водою. Наряженная дѣвица по вынутіи „каждой вещи, предсказывала будущее тому, кто клалъ оную. „На другой день съ музыкою и пляской всѣ выходили за во„дой и кропили оною всѣ домы, а потомъ во всю ночь пры„гали чрезъ зажженные костры. Церковные учители посте„пенно отклоняя новыхъ христіанъ отъ языческихъ обычаевъ, „почли за нужное, при водоосвященіи, сочинить для сна пѣсни „въ честь Пресвятой Дѣвы Маріи“ *).

Что значитъ Купало. Словопроисхожденіе слова Купало имѣетъ, по сказанію нѣкоторыхъ, различное значеніе: нѣкоторые, какъ мы сказали, производятъ отъ глагола *купать*, отъ слова *купанье*, такъ какъ съ этого только времени начинается весеннее купаніе въ открытыхъ водахъ, или отъ купы (copula, Kuppelei?) какую представляетъ Купало съ Купальницей, отъ Кучи (Kupa, польс. Куча) зажигаемаго хвороста, отъ копанія кореньевъ и плодовъ; наконецъ, въ славянскомъ Купалѣ замѣтно сходство съ индійскимъ Купаломъ покаянникомъ. Во

---

*) Новая Скрижаль или пополнительное ученіе о Церкви, о литургіи и пр. Соч. Архіепископа Веніамина. Москва. 1803 и 6 гг.

всякомъ случаѣ, по недостатку свѣденій, можно допустить, что Купало происходитъ отъ слова—купанье, что имѣетъ отношеніе къ слову—Креститель.

Не у всѣхъ славянскихъ народовъ извѣстенъ Купало, напримѣръ, у Литовцевъ въ Ивановъ день празднуютъ Ладо и поютъ въ честь его ладовыя пѣсни, даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи торжествуютъ Ярилѣ. Старо-Пруссы и Литовцы, по словамъ Реза, въ честь Лиго, бога весны, наканунѣ Иванова дни зажигали подъ липами огонь и всю ночь, до разсвѣта плясали пѣсни съ припѣвомъ: Лиго, Лиго!

Начало обычаевъ, основанныхъ на самой природѣ и коренныхъ идеяхъ человѣчества, открывается въ глубокой древности, гдѣ вода и огонь почитались за начало міра, главнѣйшими стихіями и символами очистительными. Отъ этого вѣрованія, какъ надо думать получили свое начало купальскіе огни, и омовенія, всѣ повѣрья, обряды и обычаи, которые наблюдаются въ это празднество стихій.

Возжиганіе огней и перехожденіе или перескакиваніе чрезъ нихъ извѣстно было еще въ глубокой древности у восточныхъ народовъ, изъ которыхъ многіе были огнепоклонниками, и по выраженію книги Премудрости *), огнь и кругъ звѣздный почитали строителями міра". Еще Манассія, какъ говорится въ кн. Паралипоменонъ **), состроившій кумиры Вааліму и насадившій дубравы *„проведе чада сквозь огнь по мерзостямъ языковъ"*. У Индійцевъ встрѣчается обычай ночнаго освѣщенія огнями въ честь древняго ихъ царя Бали и Ямы и сестры его Ямуны, въ мѣсяцѣ Картикѣ, и жертвоприношенія огня — Ядиня или Ягна. Въ Іюнѣ *(въ день огня)* Персы имѣли водное и огненное очищеніе; они, какъ свидѣтельствуетъ Четья-Минея „почитаютъ солнце, луну и звѣзды и пресвѣтлѣйшую огненную силу". При таинствахъ элевзинскихъ въ Греціи, на праздникахъ Цереры, Палесы или Весты въ Римѣ, перескакивали чрезъ зажженные огни для очищенія. Овидій въ fastis V, 727 и 805 говоритъ, что чрезъ огонь переходитъ скотъ и „поселяне (per flammas saluisse pecus, saluisse colonos), и что онъ самъ пере-

*) Гл. VIII, ст. 2.

**) См. XXXIII, 6, кн. II.

скакивалъ три огня и былъ окропленъ лавровою вѣтвью, омоченною въ водѣ".

Варронъ упоминаетъ о нѣкоторомъ торжествѣ и игрище у поселянъ, которые, натаскавъ ворохи сѣна и соломы, зажигаютъ ихъ и перескакиваютъ чрезъ пламя, для очищенія себя. Преосв. Веніаминъ, такъ изображаетъ купальскій праздникъ въ древности: „Язычники, въ 23 день Іюня, ввечеру сбирались на берегахъ рѣкъ и въ нѣкоторыхъ домахъ мужи и жены украшали перворожденную дѣву" и проч., какъ было о томъ сказано выше.

Русская исторія упоминаетъ, что у Татаръ тоже было въ обычаѣ переходить со стадами своими чрезъ огонь для очищенія. Князь Михаилъ Черниговскій съ бояриномъ Ѳеодоромъ приняли мученическую смерть за то, что не перешли сквозь огонь и не поклонились кусту и солнцу *).

По объясненію Дюканжа, этотъ огонь, облеченный священною обрядностью, на самомъ дѣлѣ имѣлъ часто практическую санитарную цѣль, охранить себя отъ заразы или болѣзни.

„У Поляковъ", свидѣтельствуетъ одинъ ихъ писатель, Мартинъ въ XVI вѣкѣ, „наканунѣ Иванова дня женщины зажи„гали огни, плясали вокругъ нихъ, пѣли, воздавая честь и „мольбы демону" **), далѣе Мартинъ продолжаетъ: „этого язы„ческаго обычая до нынѣ, то-есть до XVI вѣка, не оставляютъ „въ Польшѣ, принося жертвы изъ травы чернобыльника (Arte„misia) зажигая костры огнемъ, добываемымъ черезъ треніе „дерева объ дерево; чтобы празднество было точно дьяволь„скимъ, распѣваютъ пѣсни и пляшутъ".

Праздникъ въ черномъ лѣсѣ ***). Этотъ праздникъ совершался въ Сендомирскомъ воеводствѣ. На него смотрѣли, какъ на особаго рода торжество и пѣли:

Gdy słońce raka zagrzewa,
A słowik więcey nie spiewa,
Sobótkę, iako czas niesie,
Zapalono w Czarnym lesie,

*) Карамзинъ. И. Г. Р. т. IV, прим. 41, 43.

**) Демону ли? Можетъ быть языческимъ божествамъ, которыхъ фанатики болѣе для страха простолюдиновъ, чѣмъ въ сущности, именовали демонами, какъ то видимъ во многихъ случаяхъ.

***) Изъ описанія Ивана Кохановскаго.

Tak to matki nam podaly,
Same także z drugich mialy,
Że na dzień Świętego Żana
Zawzdy Sobótka palana.

Въ переводѣ съ польскаго слѣдующее:

Гдѣ солнце рака согрѣваетъ, а соловей вѣки не поетъ, соботка была запалена въ черномъ лѣсѣ. Такъ то матки намъ подали (передали), сами также отъ другихъ переняли, чтобы на день святаго Яна (Іоанна) всегда соботка пылала (горѣла).

Празднованіе на югѣ. На Украйнѣ, Подолѣ и въ Волыни въ день Купало (Купайло) дѣвушки, послѣ захожденія солнца, собираются въ избранное мѣсто и приносятъ большую вѣтку вербы или ивы, которую предварительно украшаютъ цвѣтами и лентами; тутъ утвердивъ ее въ землѣ, ходятъ вокругъ ея, припѣвая жалобныя пѣсни.

Такая пляска продолжается болѣе часа, послѣ чего молодые парни, стоящіе въ сторонѣ, бросаются на вербу и не смотря на защиту охраняющихъ ее дѣвушекъ, выдергиваютъ изъ земли и обрываютъ, чѣмъ и оканчивается весь обрядъ.

Скачка чрезъ огонь. Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ Малороссіи, существовалъ обычай прыгать чрезъ купальскіе огни, или чрезъ кучи жгучей крапивы; обрядъ этотъ, какъ говоритъ проф. Снегиревъ, происходилъ такъ: предварительно дѣлали болвана или куклу и украшали его голову вѣнкомъ и съ такимъ чучелой въ рукахъ, перепрыгивалъ каждый чрезъ огонь или траву, припѣвая:

Купала на Ивана,
Та купався Иванъ,
Та въ воду упавъ;
Купала на Ивана и прочее.

Пассекъ говоритъ такъ, въ своемъ описаніи о праздникѣ въ Малороссіи, слѣдующее:

Дѣвушки, за недѣлю до Иванова дня, начинаютъ запѣвать пѣсни, относящіяся до праздника Купалы; а наканунѣ Иванова дня, предъ закатомъ солнца дѣвки и молодки, въ праздничномъ платьѣ, съ вѣнками на головѣ изъ травы и цвѣтовъ, (сѣкира) перевитыхъ кануферомъ (калуферомъ) и другими ду-

шистыми травами, собираются вокругъ срубленнаго дерева, преимущественно черноклена и, схватясь за руки, поютъ:

Ой Маланичка, Петривачка:
Не выспалась наша дивочка!
Не выспалась, не наигралась
И съ казаченькомъ не настоялась.
Къ череди [1]) шла, задремала,
На пеньки ноги посбивала,
На шпичьки очи повыймала!
А вже корови у диброви [2]),
А вже тилята пасутъ хлопьята [3]),
А вже вивци [4]) на крутіи горцы [5]).

Послѣ того ставятъ подъ деревомъ куклу, сдѣланную изъ соломы, довольно большой величины, причемъ она должна быть непремѣнно одѣта въ женскую рубашку; голову этой куклы убираютъ лентами, шею—монистами (ожерельемъ) и кукла эта называется „*Купала*“ а дерево, подъ которымъ ее помѣщаютъ *Марена*.

Въ другихъ мѣстностяхъ обычай дѣлать куклы, какъ языческое преданіе, уничтоженъ временемъ или вліяніемъ духовенства, то тамъ куклу замѣняетъ дерево, на которое вѣшаютъ вѣнки и намисты. Устроивъ, такимъ образомъ своего *Купалу*, зажигаютъ близь его солому и начинаютъ пѣть нѣжно и протяжно:

Ходыли дивочки коло мареночки
Коло мою Вудыло [6]) Купала;
Гратыми [7]) сонечко на Йвана
Накупався Йванъ, та въ воду впавъ.
Купала подъ Йвана.

При пѣніи этой пѣсни всѣ участвовавшие въ торжествѣ, увѣнчаны вѣнками; послѣ того прыгаютъ чрезъ огонь разложенный на возвышеніи.

---

[1]) череда—стадо. [2]) диброва—дубрава. [3]) хлопьята—ребята. [4]) вивцы, вивца—овцы, овца. [5]) горцы—горки.

[6]) Вудыло—водный, мокрый, влажный. [7]) Гратыми—играть.

Нужнымъ находимъ замѣтить, что обычай дѣлать куклу изъ соломы принадлежитъ понятно къ обычаю древнему и языческому; но есть преданіе, что будто бы обычай съ куклой возникъ отъ событія съ дочерью одного пана, Анной, которая будто бы утонула въ Дунаѣ *). Когда вечеромъ подъ Ивановъ день, украинцы приносили дерево и куклу къ водѣ и пропоютъ пѣсню, тогда начинаютъ бросать съ себя вѣнки въ воду или закидывать ихъ въ воду или на дерево; вслѣдъ затѣмъ кидаютъ и дерево и куклу, а сами начинаютъ прыгать чрезъ огонь; только не многіе уносятъ съ собою вѣнки домой, чтобы повѣсить ихъ въ сѣняхъ, для сохраненія себя отъ непредвидѣнной напасти **).

Лысая гора. Бесѣдка Петра Великаго. Бѣлый пѣтухъ. Въ Малороссіи и до нынѣ кладутъ на окнахъ, хоть и даже на порогахъ дверей жгучую крапиву съ цѣлью защитить себя отъ нападенія вѣдьмъ, которыя дѣлаются болѣе опасными, въ эту ночь. Повѣрье говоритъ, что въ эту ночь Бабы-яги, вѣдьмы и колдуньи собираются на Лысую Гору, или *чертово беремище* подъ Кіевомъ, гдѣ у нихъ бываетъ совѣщаніе ежегодно, также таинственные обряды и превращенія, какъ въ Польшѣ подъ Сендомиромъ на Lysa Góra; а въ Сѣверной Германіи на Брокенѣ въ Валпургіеву ночь. Въ старой Ладогѣ, при рѣкѣ, впадающей въ Волховъ, Купальское ликованіе ежегодно совершается при огнѣ на горѣ Городищѣ. Огонь этотъ въ Новгородской окрестности былъ въ старину извѣстенъ подъ именемъ *живаго огня, лѣснаго* или *царя огня*, наконецъ *лѣкарственнаго*.

Издатель *Абевеги*, упоминаетъ, что въ 12 верстахъ отъ С.-Петербурга, по Рижской дорогѣ, существовала до 40 года (можетъ быть и по сейчасъ) старая липа, которой вѣтки переплетясь съ вѣтвями другихъ деревъ, составили природную бесѣдку, въ которой останавливался отдыхать Петръ I. На этомъ мѣстѣ, накануне Иванова дня собирались ижорки и проводили здѣсь всю ночь съ воплями и пѣніемъ при раскладенномъ огнѣ, а на послѣдокъ сжигали бѣлаго пѣтуха, который какъ извѣстно, у древнихъ скандинавовъ—считался пламенемъ по его

---

*) Эта Анна, созвучна съ Римской Цюрерой (Anna perenna).

**) Московскій Наблюдатель. 1838 г. № 3.

красному гребню. Люнебургскіе Венды совершали подобный же обрядъ.

Ивановъ цвѣтъ. Въ Малороссіи, какъ и повсюду, существуетъ повѣрье, мало по малу переходящее въ сказку, что будто бы наканунѣ Иванова дня, въ ночь цвѣтетъ папортникъ или папарышь (иначе качедыжникъ). Что онъ въ эту ночь сіяетъ огненнымъ пламенемъ и освѣщаетъ мѣстность; что если только его сорвать и бѣжать домой, не оглядываясь, чтобы ни кричала сзади адская сволочь (бѣсы), то этотъ цвѣтъ дастъ возможность его обладателю открывать клады и получить богатство.

Откуда возникло это сказаніе, трудно вообразить; по всему можно думать, что невозможность цвѣсти папортнику въ явь, какъ растенію тайнобрачному (возьмемъ хоть грибы, которые тоже не цвѣтутъ видимо) не есть ли насмѣшка, ради того, что никому молъ не нужно расчитывать на слѣпое счастіе, а пользоваться только трудомъ и отъ него получать средства къ жизни.

Врочемъ, есть предположеніе, что на папортникъ садится самецъ свѣтящагося червячка, или свѣтляка, который ночью, какъ извѣстно, даетъ отъ себя фосфорическій свѣтъ; не это ли и породило басню? Червячекъ этотъ тоже носитъ названіе „Иванова“.

Цѣлебныя травы. На Ивановъ день знахари отыскиваютъ „Разрывъ Траву“, которая извѣстна и нѣмцамъ подъ именемъ *Spring — wurzel*, противъ которой, говорятъ, будто бы не устоитъ ни одинъ замокъ. Въ эту же ночь собираютъ на муравьиныхъ кучахъ масло въ сосудъ, которое признается цѣлительнымъ средствомъ противъ разныхъ недуговъ. Изъ цвѣтовъ въ это время собираютъ „*Купаленку*“ (Trollium europaeus) *Медвѣжье ушко* (Verbascum), Богатенку (Erigeron acre), которую, въ Новгородской губерніи, поселяне собираютъ въ стѣну на имя каждаго изъ сємьи, замѣчая, что если чей цвѣтокъ скорѣе завянетъ, тому, или умереть въ этотъ годъ, или захворать. Тогда же подъ корнемъ Чернобыльника открываютъ земляной уголь, который употребляютъ между простолюдинами, какъ врачество отъ падучей болѣзни и черной немочи, исцѣляемой и корнемъ сего растенія. Въ рукописномъ травникѣ въ началѣ XVIII вѣка упоминается о какой-то травѣ Архилинѣ, про которую сказано, что кто ее рветъ на Рождество св. Іоанна

Предтечи сквозь золотую, или серебряную монету (гривну) и кто ее носитъ на себѣ, тотъ не боится ни діавола, ни еретика, ни злаго человѣка, „а растетъ она при большой рѣкѣ“.

Купанье на Ивана Купалу. Вообще на Купалу собираются и всѣ лекарственныя травы и коренья, приходящія въ зрѣлость къ этому времени. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Новгородской губерніи, около старой и новой Ладоги и Тихвина, на Ивановъ день топятъ бани и, воткнувъ въ вѣники собранную ими траву Иванъ да Марья, парятся на этотъ праздникъ съ цѣлью получить здоровье. Въ Антоніево-Дымскомъ монастырѣ изстари, и по нынѣ простой народъ собирается купаться въ тамошнемъ озерѣ и съ тою же цѣлію купаетъ больныхъ лошадей.

Въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ, по народному преданью, тамъ, гдѣ нынѣ храмъ Пресвятыя Богородицы Владимірской, простолюдинами называемой Купальницей, будто бы прежде стоялъ истуканъ Купало, почему даже самая ярмарка называется *Купальницей.* Въ это время купаются на озерѣ Клещинѣ и водятъ по берегамъ круги съ пѣснями, которыя сочинены исключительно только на это время.

Толокчи въ ступѣ. Въ Нерехтѣ и въ окружности былъ такой обычай: Накануне Купала, вечеромъ, дѣвушки, собравшись къ одной изъ своихъ подругъ, толкли въ ступкѣ ячмень, разумѣется сообща, причемъ пѣли пѣсни; а на другой день по утру изъ этого ячменя варили кашу, называемую *кутьею*, которую вечеромъ того дня, заправивши масломъ, съѣдали. Послѣ того, взявъ отъ телѣги переднія колеса, возили на оси нѣкоторыхъ изъ подругъ по селенію и по полямъ съ пѣснями, схватясь руками за оглобли. Такія поѣздки совершались до утренней росы. Причемъ дѣвушки умывались этою росою, чтобы быть красивѣе и здоровѣе.

Въ Москвѣ также существовалъ обычай париться вѣниками съ цвѣткомъ Иванъ да Марьей и ѣсть кутью, что свидѣтельствуетъ проф. Снегиревъ.

Москва и *Кокуева слобода.* Въ Москвѣ изстари славится вода на трехъ горахъ, и эта мѣстность была не менѣе славна своимъ гуляньемъ въ Ивановъ день. Лѣтъ 100 тому назадъ, съѣзжались многія татарскія семейства и, расположившись по берегамъ гагаринскихъ прудовъ, разводили огни и пировали.

Кокуева слобода, нынѣ Нѣмецкая, и ручей *Кокуй*, текущій изъ Краснаго пруда чрезъ Нѣмецкую слободу въ Яузу, напоминаетъ Финскій Кокуй.

Крапивный кустъ. Въ Харьковской губерніи вечеромъ, подъ день Ивана Купала, собираются и ставятъ въ какомъ нибудь мѣстѣ крапивный кустъ (прежде зажигали солому) и перескакиваютъ чрезъ него туда и сюда; во время этихъ скачковъ, поютъ.

Сегодня Купала, а завтра Ивана,
Чимъ мини, моя мати, торговати?
Сегодня Купала, а завтра Ивана,
Чимъ мини, моя мати, торговати?—
Позыву я свекорка продавати—
Роднова батинка куповати.
Здишевила свекорка, здишевила—
Роднова батинку не купила.
Сегодня Купала, а завтра Ивана;
Чимъ мини, мати, торговати?
Повизу я свекруху продавати,
Родную мати куповати.
Здишевила свекруха здишевила,
Родной матинки не купила.
Сегодня Купала, а завтра Ивана;
Чимъ мини, моя мати, торговати?
Повизу я диверька продавати,
Риднова братика куповати;
Здишевила диверька, здишевила,
Риднова братика не купила.—
Сегодня Купала, а завтра Ивана;
Чимъ мини, моя мати, торговати?
Повизу я зовыцу (золовку) продавати—
Ридную систрицу куповати.
Здишевила зовыця, здишевила,
Ридной сестрицы не купила!

ЯРИЛО.

Слово это понятно въ сейчасъ существующемъ: ***ярость***, ***яростный***, а также *ёра*, *ерникъ*. *Ярило*, или ***Ерило*** созвученъ

съ греческимъ *Аресъ*, съ санскритскимъ *ари*, — враждебный, вражескій, врагъ, съ латинскимъ ира (іга) гнѣвъ, съ греческимъ *Ερος* — любовь и вожделѣніе и сходенъ съ обоими по своимъ свойствамъ: мужества, или буйства и сладострастія. *Ярило*, по мнѣнію проф. Снегирева, однозначителенъ съ Туромъ и Тельцомъ, вошедшимъ въ весеннее созвѣздіе. Какъ звѣрь. Туръ (буйволъ) былъ всегда представителемъ ярости, силы и мужества. Пѣвецъ Игоревъ (см. Слово о Полку Игоревѣ), какъ выше замѣчено, совокупляетъ, оба эти понятія, съ намѣреніемъ усилить одно другимъ: *Яръ—Туръ*, *Буй—Туръ*, и Гомеръ Аресу также придаетъ эпитетъ *θοῦρος*—ярый. буйный. Рѣка Днѣстръ у Турокъ и Молдаванъ до сихъ поръ называется *Туръ*. У древнихъ грековъ и Римлянъ иногда рѣки сравнивались съ Туромъ по ярости волнъ и реву, который онѣ производятъ подобно мычанью.

Между Виндійскими и Иларійскими божествами встрѣчается *Яръ* и *Яровидъ*, сравниваемый съ *Аресомъ*. У Далматовъ и до сихъ поръ воспѣваютъ *Яра*; можно думать, что *Эротъ* близокъ къ *Ярилу* по созвучію. Мало того: Яръ вошелъ въ собственныя имена, что замѣчаемъ въ именахъ славяно-Руссовъ, напримѣръ: Ярославовъ, Яромировъ. Ярополковъ и пр. Кромѣ того во многихъ мѣстахъ сѣверовосточной Россіи встрѣчается празднованіе Ярилѣ, которое встрѣчается также и въ названіи нѣкоторыхъ урочищъ; таковые встрѣчаемъ въ Тихвинскомъ и въ Валдайскомъ уѣздахъ подъ названіемъ *Яриловичи*. Въ Черниговской и Костромской губерніяхъ, въ послѣдней близь Чухломы есть Ярилово поле, подъ Кинешмою—Ярилова роща, гдѣ даже бываетъ гульбище подъ Ярилову (должно быть недѣлю). Въ Оренбургской губерніи, въ Дорогобужскомъ уѣздѣ, есть *Ярилово*. Наконецъ нашъ *яровой* посѣвъ, *яровое* не подлежитъ ли общему значенію въ смыслѣ названія?

Ярый, Яровитый, Яркій на русскомъ нарѣчіи вообще выражаетъ характеръ съ требованіями, незнающими препятствій, стремленія, не знающія предѣловъ. Во всякомъ случаѣ въ физическомъ миѳѣ—*Ярило*, мы можемъ соединить то, что принадлежитъ веснѣ и ея благотворному вліянію на природу—мужество силу и вожделѣніе. Весною все это оказывается и всего лучше. Не мудрено, что начало года въ древности

начиналось съ весны, потому можетъ быть, что съ весны оживляется природа, и какъ бы оживаетъ. Не потому ли у насъ нѣсколько раскаленныхъ углей въ печи, называются жаромъ, (*Словакс. и Чешс. Gar.*) иногда говорятъ „яркій огонь“. Этимъ словомъ выражаютъ высшую степень свѣта, его силу и прочее.

Костромское Ярило. Въ Костромѣ, долгое время существовало обыкновеніе, во всесвятское заговѣніе хоронить Ярилу. Похороны эти были до глупости безобразны, такъ напримѣръ, какой нибудь бѣднякъ, нищій бралъ на себя порученіе хоронить куклу мужчины, съ чрезвычайно развитыми принадлежностями производительности, положенную въ гробикѣ, а пьяныя, а подчасъ можетъ быть и трезвыя, но суевѣрныя женщины провожали этотъ гробикъ и нелицемѣрно плакали.

Ярилинъ праздникъ. Близь Галича есть поклонная гора; она находится близь села Туровскаго; тамъ, какъ говорятъ, поклонялись Мерянскому идолу Ярилѣ, да и до нынѣ, въ недѣлю всѣхъ Святыхъ, Галичане собираются праздновать и гулять.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, тамъ поступали такъ: подпаивали мужичка и шутили съ нимъ какъ хотѣли, требуя отъ него изображать собою Ярила.

Нужно однакожъ замѣтить, что не вездѣ Ярилинъ праздникъ обозначенъ однимъ числомъ, или однимъ временемъ. Въ селеніяхъ Рязанской и Тамбовской губерніяхъ, бываетъ этотъ праздникъ, то въ день всѣхъ Святыхъ, то на другой день Петрова дни. Во Владимірѣ на Клязьмѣ—въ Троицынъ день за Лыбедью, у Паталина моста. Въ Нижегородской губерніи, празднованіе Ярилы 4 іюня, соединяется съ ярмаркою, и къ этому дню, поселянки вырабатываютъ деньги пряжею на лакомства и наряды. Въ Твери, празднество Ярилѣ или Ярулѣ, уничтоженное ревностью Архипастырей: Меѳодія и Амвросія въ XIX вѣкѣ, начиналось съ перваго воскресенія, послѣ Петрова дня, въ Трехсвятскомъ саду, на рѣчкѣ Лазурѣ, куда вечеромъ, сбиралась молодежь, изъ горожанъ и другихъ жителей, слободъ и посада, и плясали *бланжу*, (танецъ изъ 8 паръ), подъ балалайку или другой инструментъ. Пользуясь этой возможностью туда отпускали, по нынѣшнему мѣщанки, а по

прежнему рѣпужницы, (вѣроятно отъ словъ рѣпу жрутъ, или отъ рѣпы живутъ) своихъ дочерей поневѣститься.

Погребеніе Ярилы. Такое смѣшное въ наше время событіе, торжествовалось лѣтъ за 100 въ Калязинскомъ уѣздѣ, по дорогѣ къ Троицѣ, въ мѣстности Мерли или Нерли, подъ старою сосною.

Въ Чистопольскомъ уѣздѣ, въ г. Савинѣ, цѣлую ночь пѣли и плясали въ честь Ярилы. Въ Воронежѣ до 1763 года, ежегодно отправлялся предъ заговѣньемъ Петрова поста, до вторника втораго поста, народный праздникъ или игрище *Ярило* — остатокъ какого нибудь древняго языческаго торжества. Въ эти дни, на бывшую площадь въ городѣ, за старыми Московскими воротами, стекались горожане и мѣстные жители и составляли родъ ярмарки: къ этимъ днямъ, въ домахъ, по городу дѣлались приготовленія, какъ бы къ великому празднеству; на мѣстѣ избранномъ для удовольствія появлялся человѣкъ избранный обществомъ; его украшали цвѣтами, лентами, обвѣшивали колокольчиками, на голову ему надѣвали колпакъ, тоже раскрашенный и украшенный лентами. При этомъ такого человѣка румянили, бѣлили, а въ руки давали позвонки (погремушки). На голову надѣвали высокій колпакъ, иногда изъ бумаги, украшали его лентами. Въ этомъ нарядѣ, подъ именемъ Ярилы, ходилъ онъ по городу, сопровождаемый молодежью обоего пола.

Это празднество сопровождалось играми и плясками, лакомствомъ и пьянствомъ, особенно кулачнымъ боемъ; Препод. Тихонъ уничтожилъ этотъ праздникъ.

ПЕТРОВКИ.

Петровки, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ называются *Петровки*, на старинномъ языкѣ: *Петрово говейно.* Вообще Петровъ постъ издревле имѣлъ большое значеніе, какъ въ отношеніи хозяйственномъ, такъ и въ другихъ случаяхъ.

Въ Петровки, въ деревняхъ начинается кипучая дѣятельность: она состоитъ въ *помочахъ*, *толокахъ*, то есть унавоживаніи полей и сѣнокошеніи.

Въ народной пословицѣ о времени Петрова поста, говорится: „*съ Петрова дни—красное лѣто, зеленъ покосъ, зарница хлѣбъ заритъ*“. *Съ Петрова* дня наступаютъ „*Петровскія жары*“. Съ этой поры начинаютъ колоть барановъ, или какъ говорятъ крестьяне: „*съ Петрова дня барашкамъ лобъ*“. Сознавая значеніе этого времени, въ народѣ говорятъ: „*до Петрова дни—женское лѣто*“, съ котораго дѣятельность женщины требуетъ и поле и изба.

Въ коммерческомъ смыслѣ, Петровъ день тоже имѣетъ большое значеніе, такъ какъ въ этотъ день, или около этого времени, бывали всегда *Петровскіе торги*, то есть ярмарки, которыя существуютъ и понынѣ во многихъ мѣстахъ Россіи.

Въ юридическомъ отношеніи Петровъ день бывалъ срокомъ суда, днемъ взиманія пошлинъ, а также срокомъ платежа оброковъ и податей. Говоря о платежѣ податей, нельзя не сказать, что есть и по сейчасъ, Петровъ день служитъ днемъ уплаты у крестьянъ.

Гулянье на Наливкахъ. Въ Стоглавѣ упоминается, что въ Москвѣ, въ понедѣльникъ *Петрова поста*, въ Москвѣ ходили на Наливки, на бѣсовскія потѣхи. Въ одной лѣтописи *) сказано, что „о праздницѣ Св. Верховныхъ Апостолъ Петра и Павла своею сѣтію діаволъ запинаетъ чрезъ колыски и качели; на нихъ же бо колыщушеся и приключается внѣзапу упустити на землю, убиватися и злѣ безъ покаянія душу свою испущати“.

Иностранцы, какъ напримѣръ: Олеарій, Христофоръ Ангело, Нейгебауеръ, удивляются, что русскіе, въ теченіи года, держатъ женъ и дочерей въ заперти, рѣдко отпуская даже къ роднымъ въ гости, или въ церковь, въ Петровъ день позволяютъ имъ гулять, качаться на качеляхъ, водить хороводы и пользоваться другими забавами.

Народная жертва. На границѣ Вельскаго и Тотемскаго округовъ, близь верховья рѣки Ваги, въ приходѣ Кочеварской волости существуетъ преданье, что будто въ этотъ праздникъ каждый годъ выбѣгалъ олень изъ лѣсу; народъ, принимая оленя за даръ Божій, закалывалъ его и, разнявъ на части, приготовлялъ себѣ обѣдъ.

---

*) Подробная лѣтопись отъ начала Россіи до Полтавской баталіи. Ч. I. Спб. 1798 г.

Это продолжалось, какъ говоритъ преданіе, нѣсколько лѣтъ, но когда появленіе оленя прекратилось, то поселяне стали вмѣсто оленя готовить себѣ обѣдъ, убивая для этой цѣли быка.

Это обыкновеніе бываетъ, въ первое воскресенье послѣ Петрова дня. Предъ обѣдней, убивъ быка, купленнаго на счетъ всей волости, разнимаютъ его на части и варятъ въ большихъ котлахъ; послѣ обѣдни и молебна, священникъ со всѣми богомольцами вкушаетъ этихъ явствъ.

Проводы весны. Въ Саратовской губерніи, наканунѣ Петрова дня *провожаютъ весну.* Мужчины и женщины рядятся разнаго рода шутами и привязываютъ нѣсколько телѣгъ одну къ другой гусемъ. катаются на нихъ, изъ конца въ конецъ селенія и заключаютъ праздникъ хороводами. Въ Симбирской и Пензенской губерніяхъ, это бываетъ въ заговѣніе Петровскаго поста.

Кромѣ того носятъ по селенію весну, т. е. наряженную куклу изъ соломы, при чемъ поютъ пѣсни и, затѣмъ бросаютъ ее въ рѣку.

Ночныя гулянки. Въ Тверской губерніи, съ перваго воскресенья послѣ дня, Св. Петра и Павла, начинаются ночныя гульбища, называемыя *Петровками*, которыя продолжаются до Перваго Спаса. Въ Кашинѣ, въ Петровъ день, бываетъ гуляніе у Клобукова монастыря, близь Петропавловской церкви, при родникѣ, изъ котораго умываются для здоровья. Про этотъ родникъ есть преданіе, что будто бы въ глубокую старину тутъ стоялъ истуканъ Купала. Тамъ же бываетъ въ Петровки родъ ночнаго маскарада, во время котораго молодые парни завязываютъ свои лица платками, чтобы ихъ не узнали дѣвушки, которыя тоже гуляютъ съ полуоткрытымъ лицомъ. Нерѣдко во время этихъ маскарадовъ происходятъ рукопашные бои и драки, вслѣдствіе разныхъ интимныхъ исторій, оскорбленій и проч.

Карауленіе солнца, Облупа. Въ Тулѣ, въ Петровъ день, гулянiе называется *Облупою* *). Тульскіе поселяне еще съ вечера отправляются въ поле *караулить солнце*, убѣжденные тѣмъ, что солнце въ это время играетъ, также, какъ и въ

*) См. Пѣсни русскаго народа. Ч. 2. 1838 г.

Свѣтлое Воскресеніе. Это убѣжденіе раздѣляютъ и въ Ярославской губерніи.

До восхода солнца, поселянки собираются на возвышенное мѣсто и проводятъ всю ночь, въ пѣсняхъ и играхъ. Съ первымъ появленіемъ солнца приступаютъ къ наблюденію. Когда почудится, что солнце играетъ, поселянки выражаютъ радость громкимъ крикомъ, и потомъ возвращаются домой, съ полною увѣренностію, что видѣли играющее солнышко. Если покажутся первые лучи небеснаго свѣта, запѣвало начинаетъ, а прочіе подхватываютъ слѣдующую пѣсню:

Ой Ладо! ой Ладъ! на курганѣ
Соловей гнѣздо завиваетъ,
А иволга развиваетъ.
Хоть ты вей, не вей соловей!
Не быть твоему гнѣзду совитому,
Не быть твоимъ дѣтямъ вывожатымъ,
Не летать имъ по дубравѣ,
Не клевать имъ яровой пшеницы!
Ой Ладо! ой Ладо!

Камнепочтеніе. Въ Одоевскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи находятся два камня *Башъ* и *Башиха* или *Баши*, которыхъ чевствуютъ жители около Петрова дни. Башъ и Башиха находятся въ селѣ Башевѣ и верстахъ въ 25 отъ Одоева, а саженяхъ въ 50 отъ церкви, близь дороги на пахотномъ полѣ. Мѣсто, гдѣ находятся эти камни, имѣетъ довольно значительную возвышенность. Фигура этихъ камней обыкновенная, неправильно квадратная и небольшихъ размѣровъ. Между собою они лежатъ параллельно, на разстояніи одинъ отъ другаго не болѣе 1½ аршинъ. Тамошніе жители утверждаютъ, что Башъ и Башиха были люди, мужчина и женщина; по мнѣнію однихъ—мужъ и жена, а по другимъ кумъ и кума, или *Богъ* и *Божиха.* Также почитаютъ Баша, за татарскаго сановника, который съ женою крестился, благочестиво умеръ и погребенъ на этомъ мѣстѣ. Два камня съ востока приплыли Окою и Упою, и сами пришли лечь на могилѣ Башей *).

*) Башъ и Башка слово Монгольское, означаетъ голову, начало. Это титулъ начальника.

О началѣ превращенія ихъ извѣстно только то, что они, какъ герои своего вѣка, во время войны повздорили между собою и Башиха за непокорность своему Башѣ, получила ударъ сапогомъ. Отъ этого удара, говорятъ, видна была долгое время ступня, а прежде, и гвозди каблука.

Есть также на Башихѣ рубцы, о происхожденіи которыхъ, думаютъ различно. То говорятъ, что Башъ рубилъ Башиху шашкою, а по другимъ сказаніямъ, что будто бы какой то помѣщикъ изъ любопытства узнать породу камней, рубилъ ихъ топоромъ. Слѣдствіемъ такой попытки было, сказываютъ, безплодіе того поля, на которомъ стоятъ эти памятники, ослѣпленіе помѣщика и смерть его послѣ продолжительной болѣзни. Разсказываютъ, что отъ ударовъ этого помѣщика на камнѣ появились красныя пятна.

Народъ убѣжденъ, что въ Башахъ кромѣ мстительности за обиду, замѣчаютъ и чудодѣйственную и благодѣтельную силу на тѣхъ, которые къ нимъ прибѣгаютъ за помощію и потому въ лѣтнее время, около Петрова дня, народъ стекается въ село толпами, сперва служатъ молебенъ Божіей Матери—Умиленію, а потомъ ходятъ кланяться камнямъ, какъ бы на могилы усопшихъ родственниковъ.

Послѣ сего обряда у камней Башей оставляютъ вещи, деньги, волну (шерсть), холстъ и прочее, что потомъ собираетъ ктуторъ (церковный староста) и это жертвованіе поступаетъ въ церковь.

Нѣкто изъ жителей Одоева пожелалъ на этомъ мѣстѣ построить церковь, и камни эти положить въ основаніе храма. Но таковыя покушенія строителя сопровождались, будто бы, чудомъ, т. е., когда эти камни подвезены были на мѣсто храма, по мнѣнію другихъ, когда хотѣли опредѣлить величину ихъ и открыть сторону, находящуюся въ землѣ, то они по мѣрѣ усилія подрыть ихъ, осаживались внизъ и старались остаться сокрытыми. Впрочемъ сихъ чудесныхъ разсказовъ никто утверждать не берется. Всякій, напротивъ, разсказывая что нибудь, извѣстное ему, готовъ повѣрить всему, что говорятъ другіе объ нихъ, лишь бы было въ разсказѣ что нибудь новое, дивное.

Разсказывали, что будто бы Баши многимъ въ сновидѣніяхъ открываютъ повелѣніе искать ихъ помощи. Такъ напр., когда

въ одномъ домѣ вымерли всѣ овцы, то хозяйкѣ дома было открыто повелѣніе поклониться означеннымъ камнямъ, взять изъ подъ нихъ земли; то овцы перестанутъ умирать, что по исполненіи предписаннаго, оправдалось на дѣлѣ.

Гдѣ берутъ землю, тамъ образовалась большая яма. Земля эта еще полезна для размноженія скота и отъ порчи, по народному убѣжденію. Осколки отъ Башей почитаются врачествомъ отъ зубной боли.

Разсказываютъ про одного крестьянина, который будучи пьянымъ, надругался надъ Башами, за что былъ наказанъ отнятіемъ рукъ и ногъ и не прежде получилъ исцѣленіе, какъ раскланявшись съ Башами.

Всего вѣрнѣе предположить, что камни эти остатокъ Татарскаго времени, и скорѣе всего напоминаютъ памятники, смыслъ которыхъ утраченъ.

ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЕ ПРАЗДНИКИ И ПРОСТЫЕ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ ДНИ.

Земледѣльческіе праздники составляютъ отрадную пору отдыха послѣ обременительнаго труда. Всѣ эти праздники вообще были общи у всѣхъ народовъ и основаны на ихъ вѣрованіяхъ и нравахъ. У евреевъ эти праздники считались священными, какъ напримѣръ праздникъ *житъ первородныхъ и седьмицъ*. Въ этотъ день приносились въ числѣ жертвъ два хлѣбца изъ новыхъ житъ и снопъ соломы, какъ знакъ начала жатвы. У египтянъ, грековъ и римлянъ съ земледѣльческими работами соединены были нѣкоторые священные обряды и пирушки, такъ какъ эти народы искусство земледѣлія считали дѣломъ божественнымъ, высокимъ по его благому значенію для жизни человѣческой. И по сейчасъ, китайскій богдыханъ поощряетъ земледѣліе личнымъ трудомъ, давая тѣмъ знать своимъ подданнымъ, трудъ земледѣльческій заслуживаетъ вниманіе великихъ и сильныхъ міра по его великимъ благотворнымъ цѣлямъ.

У Римскаго народа было до 12 земледѣльческихъ боговъ. Между славянскими племенами въ древности еще появилось искусство земледѣлія и у Балтійскихъ славянъ главнымъ праздникомъ былъ *Святовидовъ*, который совершался у нихъ послѣ

жатвы. Этому божеству приносился въ жертву *пряникъ*, и по количеству меда въ рогѣ у кумира, заключали о сборѣ жатвы, урожаѣ или о неурожаѣ.

Подобно римской Церерѣ, греческой Димитиръ, такъ у Славяно-русовъ представительницей земледѣлія была *мать-земля* и снедаже принадлежитъ *даждь-богъ*, милостивецъ, который мы находимъ въ числѣ боговъ князя Владиміра, а также *Волоса*, которому и до сихъ поръ, въ Южной Россіи, старухи завиваютъ *бородку*; затѣмъ погода и т. п.

Но съ того времени, какъ христіанство водворилось въ русской землѣ, покровителями земледѣльческихъ занятій очутились уже не народныя божества язычества, но Святыя Православныя церкви.

Вотъ перечень замѣчательныхъ дней: *Аксинья* (Ксенія)—полузимница 24 января, день, съ котораго считаютъ начало второй половины зимы. *Василій*—капельникъ 28 февраля, начало первыхъ оттепелей. *Авдотья* (Евдокія) плющиха—1 марта потому такъ названа, что съ этого времени плющится или осѣдаетъ снѣгъ. *Дарья* (Дарія) — г.... прорубница, или з.... проруби, 19 марта. На рѣкахъ, прудахъ, около прорубей вытаиваетъ въ это время скопившійся въ продолженіи цѣлой зимы пометъ животныхъ. *Иродіонъ*—ледоломъ—8 апрѣля. На значительныхъ рѣкахъ трескается и начинаетъ проходить ледъ. *Егоръ* (Георгій)—скотопасъ, водопасъ, Егорій съ гвоздемъ—23 апрѣля, тогда выгоняютъ скотъ на паству, бываетъ вскрытіе и полноводіе рѣкъ. *Степанъ* (Стефанъ) — ранопашецъ, 26 апрѣля — начало самой ранней вспашки полей подъ посѣвъ яровыхъ хлѣбовъ. *Еремѣй* (Іеремія) — запрягальникъ 1 мая, день, съ котораго чаще всего начинается вспашка и засѣвъ полей яровымъ хлѣбомъ. *Орина* (Ирина)—разсадница, 5 мая, время посѣва капусты въ разсадники; хозяйки начинаютъ поливать разсаду. *Никола* (Николай) травной, вешной, весенній, 9 мая. Около этого времени чаще всего появляется первая зелень на лугахъ, и посѣвъ яровыхъ, весной въ полномъ разгарѣ. *Лукерья* (Гликерія) — комарница 13 мая, обозначаетъ время появленія комаровъ. *Сидоръ* (Исидоръ) сивирянъ, сѣверный, 14 мая. Около половины мая начинаютъ дуть холодные сѣверные вѣтры, продолжающіеся недѣли двѣ. *Олена* (Елена) леносѣвка,

ленница 21 мая, начинаютъ сѣять ленъ. *Ѳедосія* (Ѳеодосія) колосеница 29 мая. Около этого дня начинаетъ идти въ колосъ озимый хлѣбъ. *Еремѣй* (Ермій)—распрегальникъ 31 мая—конецъ посѣва яровыхъ хлѣбовъ. Выпряжка воловъ и лошадей изъ рабочихъ хомутовъ и ярма. Если нѣкоторые и продолжаются у безпечныхъ хозяевъ, то у самыхъ нерадивыхъ. *Акулина* (Акилина)—задери хвосты, сдерихвостка, 13 іюня. Около этого дня появляется много мошекъ, комаровъ, оводовъ, пауковъ, и другихъ насѣкомыхъ, безпокоющихъ лошадей и скотъ, отъ чего онъ бѣгаетъ по пастбищу и часто даже прибѣгаютъ домой, отхлестываясь хвостомъ. *Аграфена* (Агрипина)—купальница, 23 іюня. Начало купанья въ рѣкахъ, такъ, какъ вода въ это время начинаетъ нагрѣваться въ рѣкахъ и озерахъ. *Афимья* (Евфимія) — стожарница, 11 іюля. Въ эту пору на покосахъ во множествѣ появляются стоги или зароды сѣна. Собственно же сѣнокосъ начинается ранѣе, съ первыхъ чиселъ іюля и преимущественно съ Прокофьева дня (8 іюля). *Цудъ* и *Трифонъ* — безсонники, 23 іюля; къ этому времени созрѣваютъ ранніе посѣвы озимаго и даже яроваго хлѣба, и наступаетъ жатва хлѣбовъ; между тѣмъ сѣнокосная страда еще продолжается, надобно поспѣвать во всѣхъ работахъ и потому много спать не приходится. *Авдотья* (Евдокія)—малинуха—4 августа, начало сбора малины. *Никита*—рѣпорѣзъ, 15 сентября, начало сбора рѣпы. *Спиридонъ*—солнцеворотъ, поворотъ 12 декабря. Такъ какъ считается съ 10 декабря солнечное солнцестояніе, когда солнце вступаетъ въ знакъ Козерога. Съ этого времени говорятъ, начинаютъ прибывать дни; съ этого времени солнце на лѣто, зима на морозы.

Какъ въ первые вѣка міра пастухи и земледѣльцы оканчивали свои работы, смотря по распусканію деревъ, или по паденію листьевъ, такъ и у нашихъ простолюдиновъ есть въ природѣ свой календарь, по которому они пріурочиваютъ свои труды, игры и пиршества, иногда приходящіеся и въ дни праздниковъ церковныхъ.

У всѣхъ народовъ августъ, славянскій серпѣнь, или заревъ, былъ посвященъ богинѣ жатвы. Еще и понынѣ въ Сициліи, въ праздникъ этого мѣсяца увѣнчиваютъ колосьями образъ Богоматери. Въ Англіи первый день августа (первый Спасъ) назы-

вается словомъ lammas—составленный изъ двухъ древне-саксонскихъ словъ, значущимъ *жатва пироговъ*, такъ какъ было въ обычаѣ въ этотъ день приносить въ храмъ пироги изъ новаго хлѣба.

Въ южной Исландіи и Норвегіи, 24 августа, по окончаніи сѣнокосовъ, поселяне, заколовъ теленка или барашка даютъ работникамъ пирушку, которая продолжается всю ночь, сопровождаемая пѣснями и плясками.

Въ Германіи, Испаніи и Франціи конецъ жатвы также сопровождается пиршествомъ, играми и другими потѣхами.

Подобное же обыкновеніе существуетъ и у насъ въ Россіи, гдѣ въ августѣ празднуются *Госпожинки* *). *Оспожинки* или *Спожинки* (отъ слова спожать, спожинать). Въ Торжкѣ этотъ день называется Спожиница, въ лѣтописяхъ *Госпожинъ день*.

По свидѣтельству Валсамона, писателя XII столѣтія въ Греціи, приносили къ Патріарху на благословеніе плоды 6 августа, а въ странахъ болѣе сѣверныхъ 15 августа **).

Въ Бѣлоруссіи, въ праздникъ Успенія Божіей Матери, извѣстный подъ названіемъ *„Большая Пречистая“* и во многихъ Великороссійскихъ губерніяхъ приносятъ, какъ говоритъ проф. Снегиревъ, хлѣбъ изъ новаго жита или колосья, а гдѣ и соты, а въ Малороссіи и мясо. Нынѣ же повсюду медовое разговѣніе считается 1-го числа августа, плодовое 6 августа.

Въ Костромской губерніи въ Нерехотскомъ уѣздѣ при посѣвѣ и началѣ жатвы, крестьяне, входя на полосу, молятся на три стороны, исключая сѣверной, откуда нѣтъ солнца, а только дуютъ холодные вѣтры.

Когда же будутъ сжаты яровой хлѣбъ и рожь, то оставляютъ небольшой клокъ не сжатаго хлѣба, по ихъ словамъ: *„волотка на бородку“*. Тутъ можетъ быть имѣется въ виду волотка, волоть волокно, но кому на бородку—другой вопросъ... Можетъ поговорка эта происходитъ со временъ незапамятныхъ и принадлежитъ язычеству, когда почитали Волоса и поклонялись ему, какъ богу, имѣющему попеченіе надъ скотомъ.

При окончаніи жнитва на своей полосѣ, послѣднею горстью

---

*) Отъ поста въ честь Успенія Господня Богородицы 15 августа.

**) Новая скрижаль. Изд. 2. Москва. 1806 г.

сжатой соломой, старшій въ семействѣ, обравъ всѣ серпы у своей семьи, обвертываетъ ихъ и, принеся домой кладетъ въ передній уголъ, и всѣ при этомъ молятся.

Нѣкоторые имѣютъ обыкновеніе, послѣ того, какъ ихъ полоса совершенно сжата, кататься на ней, приговаривая: „*Жнивка! жнивка! отдай мою силку, на пѣстъ, на меліонъ, на колотило, да на молотило и на криво веретьіоно*".

Во многихъ мѣстахъ Успенскій постъ считается *бабьимъ лѣтомъ*, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ отъ Успеньева дня до Ивана Постнаго.

Дежень. Въ Шенкурской и Вельской округахъ въ Августѣ и сентябрѣ оканчивается жатва хлѣба. Послѣ ржи, пшеницы и ячменя жатва заключается овсомъ, по большей части, около Натальи овсяницы (св. св. Адріана и Наталіи, 26 августа). Тогда жнецы несутъ на себѣ съ поля снопъ овса, сопровождая шествіе пѣснями. Этотъ снопъ ставятъ въ сутки, то есть подъ образа въ передній уголъ, потомъ садятся, какъ хозяинъ съ хозяйкой, такъ равно и сотрудники за столъ, на которомъ главное кушанье дежень, то есть толокно, замѣшанное на кисломъ молокѣ, или на водѣ. Потомъ исчисляютъ всю жатву *суслонами* *). Затѣмъ гости—сотрудники, поблагодаривъ хозяйку за *сладкій дежень*, расходятся по домамъ. Въ Пермской губерніи ѣдятъ дежень болѣе за паужиномъ, то есть за полдникомъ.

Опашка. Въ Макарьевѣ на Унжѣ опашка составляетъ земледѣльческое торжество и составляетъ чередовую въ августѣ и въ сентябрѣ. Въ одной отчинѣ опашку празднуетъ одноотчинки, въ другой другая и т. д. Причемъ всей деревней варятъ общее пиво, потомъ раздѣляютъ его по домамъ. Въ праздникъ, или въ воскресенье крестьяне сходятся въ церковь; каждый хозяинъ приноситъ въ нее плечо баранины или пѣтуха, а священникамъ даютъ хлѣбъ; потомъ поютъ общій молебенъ, наконецъ по домамъ угощаютъ сродниковъ и всѣхъ изъ того околотка, которые при разставаніи приглашаютъ къ себѣ на *опашку*.

---

*) Суслонъ числится для ржаной жатвы въ 13 сноповъ, а для яровой—въ 6 сноповъ.

Имянинникъ. Въ сѣверныхъ губерніяхъ, какъ только измолотятъ хлѣбъ, что обыкновенно приходится около дня Ѳеклы—Заревницы, тогда овинъ называютъ *имянинникомъ* и варятъ для него домолотную кашу молотильщикамъ, по ихъ поговоркѣ: *хозяину хлѣба ворошокъ, а молотильщикамъ каши горшокъ.*

Чучело, представитель окончанія жатвы. Въ Саратовѣ при уборкѣ хлѣба, крестьяне сдѣлавъ изъ соломы куклу, наряжаютъ ее въ кумачный сарафанъ, на голову надѣваютъ головной уборъ (чутлюкъ), на шею—ожерелье или бусы, и украсивъ, смотря по средствамъ, несутъ это чучело вдоль по селенію, гдѣ вокругъ его составляется хороводъ съ плясовыми пѣснями *).

Въ Пензенской и Симбирской губерніяхъ въ Пожинки, по окончаніи жатвы, весь народъ собирался въ поле дожинать послѣдніе загоны и, когда уже бывало свяжутъ послѣдній снопъ, который назывался у нихъ *имянинникомъ*, тогда наряжали его въ сарафанъ и кокошникъ, и съ пѣснями несли на господскій дворъ. (Описывается время крѣпостной зависимости). Здѣсь господа подчивали жнецовъ виномъ и поздравляли ихъ съ окончаніемъ жатвы.

Въ Смоленской губерніи въ Юхновскомъ уѣздѣ съ послѣднимъ снопомъ продѣлывали такія штуки: привязавъ къ снопу нѣчто въ родѣ рукъ, надѣвали на него бѣлую насовку, сверху кичку; а въ Дорогобужскомъ уѣздѣ—накидку, и двѣ бабы несли съ пѣснями и плясками это чучело на помѣщичій дворъ, гдѣ одна изъ нихъ съ особыми припѣвами сѣкла снопъ вѣникомъ.

Въ сѣверовосточныхъ губерніяхъ вмѣсто этого маскараднаго обычая крестьяне подносили помѣщикамъ коровай, за что получали приличное угощеніе.

Дожинки. Въ Бѣлоруссіи и въ Малороссіи, во всей Литвѣ и въ землѣ Жмудской, кромѣ *госпожинокъ*, или какъ тамъ называютъ, *Госпожки*, извѣстны досѣвки, по окончаніи сѣянія и дожинки, отправляемыя обыкновенно въ исходѣ лѣта; тамъ по окончаніи полевыхъ работъ, на которыя приглашаются окрестные жители работать безвозмездно, они отправляются въ домъ къ хозяину и подносятъ ему и женѣ его вѣнки, сплетен-

*) Заимствовано изъ письма г. Струкова.

ные изъ колосьевъ, и тамъ, послѣ угощенья поютъ и пляшутъ до глухой ночи.

Въ Гродненской губерніи, вообще на Украйнѣ, Подолѣ и въ Волыни, при празднованіи дожинокъ въ деревняхъ, по сжатіи послѣдняго снопа, съ пѣснями сплетаютъ вѣнокъ и кладутъ его на голову красивѣйшей дѣвицѣ, которая должна вручить этотъ вѣнокъ хозяину жатвы, и поздравить его съ окончаніемъ жнитва и пожелать ему долголѣтія.

Иновѣрческіе праздники жатвы. У Черемисъ изъ земледѣльческихъ праздниковъ особенно извѣстенъ *Агà Найрамъ*, тоже, что у Татаръ *Сабанной* праздникъ, отъ сабана — родъ сохи. *Агà* происходитъ отъ Черемисскаго слова *àага*—полоса или часть земли данная для посѣва и отъ *найрàмъ*—праздникъ, собственно въ честь божества Юмассе, управляющаго хлѣбородіемъ; онъ слылъ божествомъ напольнымъ отъ того, что сборище бываетъ на полѣ, тогда, какъ начинаютъ орать землю подъ яровой хлѣбъ. Ага-Найрамъ бываетъ не въ одно время въ разныхъ мѣстахъ; но окончательно большой праздникъ отправляется въ субботу предъ Пятидесятницею. Тогда Картъ или Уставщикъ, обязываетъ каждаго къ назначенному дню приготовить кушанье и питье, которое они ставятъ на вѣтви пихты (нулга); Картъ, зажегши костеръ дровъ, читаетъ молитву о плодородіи, потомъ, взявъ горящую головню, очищаетъ осѣненіемъ ею принесенное кушанье и питье. Послѣ сего обряда садятся пировать, и по окончаніи пиршества, всѣ, начиная съ Карта, ходятъ къ огню бросать въ него куски отъ общей трапезы, приговаривая: „будь споро“.

Этотъ обрядъ оканчивается иногда присягою или испытаніемъ (тобыла), при коемъ ставятъ восковую свѣчу на землю и кладутъ липовую палку; тогда всякій долженъ цѣловать землю и переходить черезъ палку. Кто сего не исполнитъ, того считаютъ за отступника. Послѣ сего всѣ расходятся по домамъ.

Въ другой праздникъ *Упурà Найрамъ*. (Упура—новое пиво), соотвѣтствующій спожинкамъ или госпожинкамъ и отправляемый или въ концѣ іюля, или въ началѣ августа, варятъ пиво изъ новаго хлѣба и ходятъ другъ къ другу желать счастливаго окончанія и успѣха жатвы.

Помочь. Иначе помощь, въ своевременной *) уборкѣ хлѣба съ полей, истинно христіанская цѣль. Бываетъ, что малосемейные, но зажиточные люди приглашаютъ къ себѣ народъ; а часто и просто богатые люди приглашаютъ, чтобы ускорить сборъ хлѣба съ полей. На помочь рѣдко, кто отказывается, потому во первыхъ, что весело, многолюдно и легко убрать хлѣбъ, ну а потомъ слѣдуетъ обильное угощенье, смотря по возможности и средствамъ приглашающаго на эту помощь.

Но если помочь собираетъ вдова, то, по словамъ И. Лепехина, см. дневныя записки 1868 и 69 г., въ прежнее время не взыскивали никакого угощенія. Такъ какъ вдовъ и сиротъ міръ снабжалъ всѣмъ, что нужно было для такого пиршества и даже давалъ сѣно, дровъ и лучины. Шли охотно на помочь послѣ обѣдни въ воскресенье, придерживаясь пословицы: *„на вдовій домъ хоть щепу кинь, все душѣ спасенье“*, или *„съ міру по ниткѣ—голому рубашка.*

Помочи въ разныхъ губерніяхъ имѣютъ особое значеніе; но во всякомъ случаѣ, вся эта весьма благодѣтельная круговая помощь оканчивается угощеніемъ. Откуда это переняли русскіе, неизвѣстно, но если, судя по слову *Толока*, равнозначущему съ словомъ *помочь*, то первое производится отъ древнепрусскаго слова *Talck* то есть—плата за трудъ угощеніемъ.

Капустница. Въ русскихъ деревняхъ и селахъ есть обычай осенніе и мужскіе женскіе труды обработывать сообща или помочами, что имѣетъ ту хорошую сторону, что дѣла идутъ успѣшнѣе, особенно въ тѣхъ семействахъ, гдѣ малолюдно, или рабочихъ сильныхъ и здоровыхъ рукъ очень мало. Въ Сибири, особливо въ Пермской губерніи, по сказаніямъ, существуютъ *полотушки* или полотье на грядахъ, *потрепушка* или трепаніе льна. *Супрядки* пряжи и льна. *Назьмы* или унавоживаніе и—тому подобное.

Замѣчателенъ въ Россіи обычай рубить капусту общими силами. Это составляетъ родъ семейнаго хозяйственнаго праздества. Особливо въ Сибири поводомъ къ простонароднымъ *вечеркамъ* служатъ *капустка*, то есть рубка капусты, на которую приглашаютъ сосѣдокъ. Тѣ, явясь въ домъ, поздравляютъ

*) См. Русскіе простонародные праздники. Вып. VI, Москва. 1837 г.

хозяекъ съ капусткой, какъ съ праздникомъ. Къ этому времени варятъ пиво и приготовляютъ обѣдъ, но особливо ужинъ, оканчивающійся плясками и пѣснями. Главнымъ блюдомъ ужина и обѣда былъ *пирогъ хлѣбальный*.

Въ приволжскихъ и сѣверо-восточныхъ губерніяхъ, на Капустницы сбираются также дѣвушки въ лучшихъ нарядахъ, и переходя съ пѣснями изъ дома въ домъ, получаютъ угощеніе, чѣмъ Богъ послалъ. Подобные обычаи существуютъ въ Германіи и Франціи при сборѣ винограда и также при его выжиманіи.

Ильинъ день. День св. Пророка Ильи празднуется 20 іюля. Народъ этого святаго считаетъ грознымъ, какъ потому, что около этого дня бываютъ грозы; а потому еще, что онъ строгъ въ отношеніи къ дню своей памяти и не велитъ, будто бы, въ этотъ день работать, грозя молніею. *Святой Илья зажинаетъ жниво* говоритъ пословица. Это значитъ, что около этого времени начинается жатва. Кромѣ того ильинъ день считается началомъ перемѣны погоды, такъ какъ съ этого времени появляются дожди; а потому есть поговорка: *на Илью до обѣда лѣто, а послѣ обѣда—осень*.

Св. Илья пророкъ, по мнѣнію народа, слишкомъ строгъ въ отношеніи народной распущенности, и потому народъ въ этотъ день вообще религіозенъ и боится его мщенія огнемъ. Такъ по суевѣрію считаютъ, что Илья пророкъ управляетъ громомъ и молніею и въ то время, когда слышны раскаты грома въ воздухѣ, народъ набожно крестится и вѣритъ, что это ѣдетъ Илья пророкъ на своей огненной колесницѣ.

Въ день святаго пророка Ильи, Пермяки собираются въ сей день изъ двухъ или трехъ деревень въ одну, приводятъ съ собой быка или теленка и колютъ, потомъ варятъ и съѣдаютъ всѣмъ обществомъ. Цѣль этого обычая умилостивить этою жертвою пророка. Въ этотъ день нигдѣ не выгоняютъ скотъ, вѣря и другихъ увѣряя, что въ это время по лѣсу свободно ходятъ ядовитые гады и хищные звѣри *).

По всему видно, что Илья пророкъ заступилъ мѣсто древ-

*) См. Абевега стр. 206. М. 1786 г. *Русскіе Простонар. Празд.* вып. 1. 1837 г. М. свид. Лепехина, стр. 189.

няго Перуна, Славянскаго бога грома и молнiи, или Юпитера Римлянъ. Потому, что у Литовцевъ и по сейчасъ, когда громъ гремитъ, говорится: „Перкунъ ѣдетъ на своей колесницѣ".

Въ Пермской губернiи, въ часовни которыя посвящены св. Ильѣ, Пермяки приносятъ жареныя или печеныя козьи и бараньи головы съ горохомъ, служатъ святому угоднику молебны, прося у него защиты козамъ, баранамъ, гороху и подъ видомъ его всему растущему на поляхъ и огородахъ. Горохъ употребляется при этомъ случаѣ потому, что онъ есть единственный плодъ, который тамъ созрѣваетъ къ Ильину дню. Головы и горохъ въ видѣ подарковъ поступаютъ священно-церковно-служителямъ *).

Первый Спасъ.

Первый Спасъ, 1-го августа Происхожденiе древъ Креста Господня, первый осеннiй праздникъ, тоже уважается въ народѣ, какъ день съ котораго начинается первый торжественный посѣвъ; этотъ день считается медовымъ розговѣньемъ **), такъ какъ къ этому дню вырѣзываютъ соты. Въ этотъ день бываютъ крестные ходы, святятъ воду на рѣкахъ и служатъ тамъ молебны. Въ деревняхъ пчеловоды приносятъ медъ въ церковь и святятъ.

Въ Пермской губернiи, Пермяки моютъ и купаютъ послѣ водосвятiя приводимыхъ и приносимыхъ дѣтей, причемъ снятыя съ дѣтей рубашки бросаютъ въ воду, а надѣваютъ новыя. Точно также купаютъ лошадей, чтобы, онѣ были крѣпче и здоровѣе.

Юрьевъ или Егорьевъ день.

(Весеннiй и осеннiй).

День Святаго Георгiя Побѣдоносца празднуется по веснѣ 23 апрѣля, а по осени 26 ноября, и весьма чтимъ въ простомъ народѣ.

---

*) Пермскiй сборникъ. Книжка II, 1860 г. Москва.

**) Впрочемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разговляются медомъ въ день Преображенiя (второй Спасъ) вмѣстѣ съ плодами.

Въ этотъ праздникъ по веснѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ *закликали весну*, такъ какъ этотъ день былъ срокомъ хозяйственныхъ условій и временемъ выгона скота, почему народъ и называетъ Егорья-скотопасомъ, покровителемъ домашняго скота и пастуховъ. Св. Георгій почитается даже и турками по словамъ проф. Снегирева, такъ въ этотъ день открывается пастушескій годъ и празднуется семейнымъ пиршествомъ, на которомъ съѣдаютъ первенца изъ стада *).

Скандинавы св. Георгію придавали почти тѣже самыя качества, которыми обладалъ ихъ богъ *Одинъ* или *Торъ*, а *Славянскій—Перунъ*.

У Скандинавовъ даже было преданіе, что Торъ или Туръ одержалъ побѣду надъ дракономъ; когда по низверженіи въ Скандинавіи язычества, былъ поставленъ образъ арх. Михаила, то народъ сталъ смѣшивать дѣйствія и лица того и другаго. Изображенія эти остались на древнихъ храмахъ Скандинавіи.

Наконецъ день весенняго Георгія и осенняго Михаила Архангела служили въ Германіи, а потомъ и у насъ въ Россіи, сроками наймовъ полевыхъ работъ; эти дни сопровождались въ Даніи, Германіи и Швеціи различными языческими обрядами, и по сейчасъ въ Литвѣ и Польшѣ существуетъ этотъ порядокъ въ рабочихъ срокахъ.

У Сербовъ, въ день св. Георгія рано по утру, еще до солнечнаго восхода начинаютъ купаться. Этотъ день, статутомъ Маріи Терезіи, (Urbarium, 1791 г.), назначенъ былъ крестьянину срокомъ для перехода отъ одного господина къ другому, какъ то бывало и у насъ въ Россіи до введенія крѣпостнаго права (XVII в.), а въ день Св. Михаила срокъ для предварительнаго съ обѣихъ сторонъ объявленія.

Сербы, Илирійцы, Далматы и Черногорцы въ день св. Георгія поютъ молебенъ на колодцахъ и родникахъ, и окропивъ св. водою скотъ, гонятъ его вербою въ поле, какъ то бываетъ и въ Россіи.

У Карпатской Руси въ Берегскомъ, Угочскомъ, и Унгварскомъ Жупанствахъ въ Венгріи, выгоняется скотъ въ ночь Юрьева дня на самой зарѣ, и въ это время, по ихъ мнѣнію, будто

---

*) Voyage dans le Grèce, par. T. C. Pouqueville, à Paris, 1820 г.

бы снимается власть вѣдьмъ надъ рогатымъ скотомъ. Понятно, что скотъ, выбравшись на паству, и на свѣжій кормъ, по натурѣ своей будетъ здоровѣе, чѣмъ зимою, закупоренный въ хлѣвахъ и въ сырости, въ несвойственной и чужой атмосферѣ, зараженной гнилью и газами. Если не вѣдьмы, то сами хозяева, часто виною болѣзни и слабости скота въ зимнее время.

Отъ Юрьева до Дмитріева дня, полгода былъ срокъ у Болгаръ, Турокъ и Сербовъ. Въ Болгаріи въ дни св. Георгія, св. Параскевы и св. архангела Михаила приносятъ этимъ святымъ въ жертву агнца, которому къ рогамъ прилѣпивъ по свѣчкѣ и окуривъ его ладаномъ, рѣжутъ его надъ сосудомъ такъ, чтобы ни капли крови не попало на землю; этой кровью накладываютъ на маленькихъ дѣтей кресты на лбу, щекахъ и на подбородкѣ.

Потомъ, зажаривъ агнца, съѣдаютъ съ молитвою, а кости зарываютъ въ землю. То же дѣлается съ нѣкоторыми перемѣнами въ Сербіи, Босніи и Герцеговинѣ.

Въ Минской губерніи, въ Юрьевъ день святятъ хлѣбъ.

Въ Малороссіи празднуется, какъ весенній такъ и осенній Георгій, ибо праздникъ церковный въ честь освященія храма Георгія на златыхъ воротахъ установленъ былъ въ Кіевѣ въ подражаніе греческому. Тамъ употребителенъ былъ законный обычай перехода крестьянъ отъ помѣщика къ другому, и тамъ даже родилась поговорка: „Отъ тоби бабо и Юрьевъ день“, то есть *вотъ тебѣ бабушка и Юрьевъ день.*

Въ Костромской губерніи въ Чухломскомъ и Кологривскомъ уѣздахъ, объ Егорьевѣ днѣ ведется поговорка: „*Въ полѣ стадо гонять и Егорья окликать.*“

Тамъ Егорьевское окликанье состоитъ въ слѣдующемъ:

Мы вокругъ поля ходили,
Егорья окликали,
Макарья величали.
Егорій ты нашъ храбрый,
Макарій преподобный!
Ты спаси нашу скотинку
Въ полѣ и за полемъ,
Въ лѣсу и за лѣсомъ,

Подъ свѣтлымъ подъ мѣсяцемъ,
Подъ краснымъ солнышкомъ,
Отъ волка отъ хищнаго,
Отъ медвѣдя лютаго,
Отъ звѣря лукаваго!

Нѣкоторые историки приводятъ на разсмотрѣніе свои догадки, что Игорь, не есть-ли Егоръ, происшедшее отъ Георгія.

Прасковія-Пятница.

Память святой великомученницы Параскевы совершается 28 октября, и во всей Россіи она именуется „пятницею", хотя не всегда день этотъ приходится въ пятницу. Почти во всей Россіи въ большемъ уваженіи пятницы, отчасти потому, что по пятницамъ, во многихъ мѣстахъ Россіи бываетъ базаръ или ярмарки, которые существуютъ и по сіе время, которую и посвящаютъ Пятницѣ-Прасковіи.

Какъ весною на красную горку, такъ и особенно осенью родительскіе поминки усопшихъ встрѣчаются вмѣстѣ со свадьбами въ Россіи. И въ ту и въ другую пору невѣсты сироты выходятъ на могилы родителей прощаться и просить себѣ благословенія на свою судьбу.

Такъ какъ свадьбы осенью начинаются, по большей части, съ Покрова Пресвятыя Богородицы, то Покровъ и почитается покровителемъ брачныхъ союзовъ, такъ ровно и Пятница—Прасковія, у простаго народа, не только въ великой, но и въ красной Руси. Сельскія невѣсты приговариваютъ: *Батюшка Покровъ, мою голову покрой!* *).

Олицетворяя *Пятницу* народъ особенно празднуетъ ей; въ обѣтныя пятницы на работаетъ, во временныя, послѣ Пасхи,

---

*) Swiata Pokrovóuko! то есть: Свята Покровонко
Pokryj Holovon'kqe. Покрой головонку.
Въ Минской губерніи: или:
Swiaty Pokrow, Pokrow! Святій Покровъ, Покровъ!
Pokrow ziamli i wadu, Покровъ землю и воду
Pokryj mienie molodu. Покрый мене молоду.

по разнымъ мѣстамъ сбирается на ярмарки или торги, на которые, по преданію, вывозили изображеніе Св. Параскевіи, обвѣшанное платками и лентами.

Въ духовномъ регламентѣ (уставѣ) замѣчено, что въ Малороссіи, въ Стародубскомъ полку, въ пятокъ (пятницу) водятъ жонку простоволосу, подъ именемъ пятницы и водятъ въ хорѣ церковномъ и при церкви честь оной отдаетъ народъ съ дары и со упованіемъ нѣкія пользы. Самыя часовни съ образами Прасковіи Пятницы, стоящія обыкновенно на перекресткахъ, слывутъ обыкновенно *пятницами*.

Нужно замѣтить, что, какъ Прасковія, такъ и Пятница, какъ то слилось въ народномъ понятіи и стало неразлучно, между тѣмъ женщины особенно возлюбили эту святую угодницу, и прибѣгали къ ней, какъ и сейчасъ прибѣгаютъ со всевозможными мольбами и надѣясь на нихъ, дѣлаютъ разные обѣты, особенно по случаю разныхъ неблагопріятныхъ случаевъ въ жизни. Составителю приходилось не разъ въ жизни видѣть, какъ по обѣту, женщины ходили на голыхъ колѣнкахъ вокругъ часовни по жгучему песку. Обѣтъ чрезвычайно тяжелый, но вмѣстѣ съ тѣмъ, должно думать, непріятный и для Бога, который предписалъ беречь тѣло или плоть и не посягать на нее, такъ какъ уничтожать ее есть—самоубійство.

Семеновъ день.

(Бабье лѣто).

Сентябрь мѣсяцъ съ XV вѣка, или лучше со времени Собора для уложенія церковной Пасхаліи, на XIII тысячелѣтіе, считался первымъ мѣсяцемъ въ году до 17-го года.

Въ началѣ этого мѣсяца праздновалось у Египтянъ новолѣтіе. У Персовъ—рожденіе Миѳры. Въ древности—сентябрь, седьмой мѣсяцъ отъ марта и девятый отъ января, назывался *Руенемъ*, *Рувномъ* или *Ревдномъ*. По мнѣнію Добровскаго, названіе это возникло отъ рева вѣтровъ, которые начинаютъ съ этого времени дуть *). Впрочемъ Сербы, называя этотъ

*) См. Руководство къ Пасхаліи. Соч. Пр. А. П. Тяжелова. 1830 г.

мѣсяцъ *Руемъ* или *Рюемъ* производили это слово отъ желтаго деревца *Rhus Cotinua*, которое употребляется въ красильномъ дѣлѣ, такъ какъ и самый желтый цвѣтъ они называютъ руевно, руино. Сентябрь, какъ извѣстно, отличается отъ прочихъ мѣсяцевъ желтизною древесныхъ листьевъ.

Въ нашихъ народныхъ и въ другихъ актахъ, и до нынѣ въ простомъ народѣ, 1 сентября извѣстно подъ именемъ Семена лѣтопроводца, отъ празднуемаго въ этотъ день нашею церковью П. О. Симеона перваго Столпника. По увѣренію Преп. Нестора, въ память этого угодника былъ въ Кіевѣ построенъ храмъ.

Начиная съ 1-го сентября, по день Рождества Пресвятыя Богородицы, 8 сентября, наз. *Семеонскою*. Съ 1-го сентября начинается *Бабье лѣто* или *лѣто на проводѣ до Аспасова дня* или до *Рождества Богородицы* *).

Лѣтопроводецъ, какъ русскій Янусъ, провожалъ старое и встрѣчалъ новое лѣто. У Славянъ, напр. Чеховъ и Сербовъ извѣстно Babi leto (Баби лѣто), на польскомъ Babie lato значитъ ясная, ведреная продолжительная погода; а у Малороссовъ Бабыно лѣто.

У нѣмцевъ это время называется *Старушечьимъ лѣтомъ* или *Марьина пряжа*, *Марьины пятинки*—такъ какъ въ это время на лугахъ, пожняхъ и на деревьяхъ, въ хорошую погоду носятся тонкія нити паутинъ.

Въ Костромской губерніи, по поводу этихъ паутинъ, существуетъ замѣчаніе, что если въ бабье лѣто луга опутываются паутинникомъ, а гуси гуляютъ стадами, и скворцы долго не отлетаютъ, то осень будетъ протяжною и ведреною.

Въ подмосковныхъ селеніяхъ, подъ Семеновъ день тушатъ огонь въ избахъ, а съ восхожденіемъ солнца вздуваютъ снова.

Съ этого же дня начинаютъ засиживать вечера въ деревняхъ, а въ городахъ мастеровые работать съ огнемъ, то есть по вечерамъ **). Можетъ быть потому это время называется

---

*) Аспасовъ день, вѣроятно происходитъ отъ Спаса; такъ какъ съ 1 до 8 сентября, продолжается служба Спасу.

**) Въ Кіевѣ засидки, то есть начало работы при свѣчахъ, называется „Женить Семена“.

бабьимъ лѣтомъ, что съ этого дня, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, бабы затыкаютъ кросны (узкій холстъ), съ этого времени начинаютъ мять и трепать пеньку, мыть ее и стлать ленъ и берутся за веретено, то есть съ этого времени начинаются женскія работы и рукодѣлья, *когда Семеинъ день, сѣмена долой,* то есть прекращается полевой трудъ, и самыя сѣмена высыпаются изъ оставшихся на полѣ колосьевъ на землю.

Съ этого же дня, дѣлаются въ деревняхъ кромѣ обыкновенныхъ посидѣлокъ, сопровождаемыхъ пѣснями и сказками дѣлаются *опашки, братчины, ссыпчины,* гдѣ всѣмъ міромъ варится пиво и стряпается кушанье для пиршества; а въ Аспасовъ день оканчивается во многихъ мѣстностяхъ, заламываніемъ ульевъ.

Лѣтопроводецъ считается днемъ, съ котораго оканчивается существованіе мухъ, таракановъ, клоповъ и другихъ насѣкомыхъ. По этому случаю въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, такъ напримѣръ: въ Серпуховѣ и Тулѣ, существовало обыкновеніе въ этотъ день хоронить мухъ. Для сего дѣвушки и молодыя женщины дѣлали изъ свеклы и рѣдьки коробочки или гробики, и хоронили мухъ, а въ Тулѣ, въ щепахъ хоронили таракановъ и притворно плачутъ, разодѣтыя какъ можно лучше, это служитъ хорошимъ случаемъ молодымъ людямъ высматривать невѣстъ и засылать сватовъ.

Этотъ день былъ до XVIII столѣтія въ Россіи днемъ торжественнымъ, днемъ начала новолѣтія, днемъ когда Государи наши являлись предъ народомъ, и гдѣ народъ являлся, внося оброки и дани; такъ въ книгѣ называемой „Потребникъ мужской", (изданіе 1639 года), помѣщенъ уже *чинъ провожденія лѣту,* или, *начало индикта, еже есть новое лѣто.* Этотъ торжественный обрядъ былъ совершаемъ въ Москвѣ, Патріархомъ Филаретомъ, въ присутствіи Царя предъ народомъ *), который съ жадностію сходился со всѣхъ концовъ Москвы, видѣть Царскія свѣтлыя очи. На Ивановской площади между Архангельскимъ и Благовѣщенскимъ соборами поставлялись два аналоя съ паволоками, выносили аналой съ

---

*) Библіотека для чтенія 1836 г. Январь „Новый годъ" въ Москвѣ.

образомъ Св. Симеона Столпника. Тамъ съ правой стороны отъ благовѣщенія устраивали Царское шатерничье мѣсто съ паволоками, а патріаршее съ коврами.

По окончаніи утренней службы въ Успенскомъ Соборѣ, патріархъ выходилъ съ клиромъ и св. образами въ западныя двери и становился на дворѣ, предъ церковными вратами на востокъ, гдѣ совершалось молитвословіе, „во еже благословити вѣнецъ лѣта благостію Своею". Послѣ того Царь подходилъ къ Св. Евангелію, коимъ знаменовался, принималъ благословеніе отъ Патріарха, который сперва осѣнивъ его животворящимъ крестомъ, а потомъ благословивъ рукою, спрашивалъ о Царскомъ его здоровіи.

Потомъ Святитель и Царь, занимали приготовленныя имъ мѣста на красной площади между Успенскимъ и Архангельскимъ соборами, гдѣ совершаемо было молебствіе съ водосвятіемъ; въ заключеніи сего Патріархъ, сошедши съ своего мѣста привѣтствовалъ Царя рѣчью, въ которой краснорѣчивыми словами выражалъ пожеланіе Царю и всѣмъ его вѣрноподданнымъ Благословенія Божія, здравія и благоденствія *). Послѣ сего Патріархъ, осѣнивъ Царя крестомъ и святою водою, а затѣмъ весь народъ, возвращался съ духовенствомъ въ Успенскій соборъ. Между тѣмъ Царь привѣтствовалъ народъ милостивымъ словомъ, на что народъ отвѣчалъ: „Здравствуй, здоровъ буди на многія лѣта надежа—Государь".

Бѣднымъ и нищимъ раздавалась царская милостыня, чтобы они молились о его многолѣтнемъ здравіи. При колокольномъ звонѣ Царь шелъ къ обѣдни въ Благовѣщенскій соборъ.

Семеновъ день былъ также днемъ судныхъ сроковъ, какъ мы сказали ранѣе. Въ этотъ день какъ жители Москвы, такъ и другихъ городовъ становились на личный судъ предъ государемъ. Мѣстомъ для этого суда, чаще всего былъ Приказъ Большаго Дворца. Здѣсь разбирались такія дѣла, которыхъ не могли рѣшить Намѣстники, прикащики, городовые и волостители. Такой судъ назывался *Судомъ Божіимъ*, такъ какъ, по народному убѣжденію, то вѣдалъ Богъ да Государь.

На судъ должны были являться къ сроку. Неявившійся счи-

---

*) См. Русскіе простонародные Праздники. М. вып. II. 1839 г.

тался виноватымъ; правому или оправданному давалась *правая грамота*.

Оброки также собирались къ этому времени, такъ какъ къ этому времени оканчивались полевыя работы.

Покровская суббота.

Такъ считается ближайшая суббота къ первому числу октября. Она празднуется въ то время, когда кончается „*Страда*" то есть полевая работа и каждый крестьянинъ—земледѣлецъ получаетъ средство жить и лучше и шире, чѣмъ въ другое время года. Эта же суббота празднуется, какъ день поминовенія усопшихъ родственниковъ, объ обрядѣ такихъ дней мы скажемъ ниже. У Пермяковъ эта суббота равняется съ обрядами Троицкой субботы. Но какъ эта суббота и какъ первый осенній праздникъ, послѣ тяжелыхъ полевыхъ работъ празднуется три дня и довольно шумно.

Къ этому дню, какъ и къ Семику и къ Масляницѣ, у бѣднаго и у богатаго бываетъ много приготовленій относительно пищи и питья и въ домашнемъ быту. Моютъ полы и стѣны въ избахъ, чистятъ лопатой полы въ сѣняхъ, крыльцахъ, и вообще приготовляются также, какъ къ большому празднику.

ОБРЯДЫ ВО ВРЕМЯ ПОМИНОВЕНІЯ УСОПШИХЪ.

(Дни поминовенія).

Поминовеніе усопшихъ родственниковъ, введено въ нашу христіанскую религію, по нашему мнѣнію, на основаніи воспоминаній, быть можетъ, на памяти о лицахъ, заслужившихъ себѣ доброе имя по части своей дѣятельности, знаменитости которыя успѣли поддержать честь и имя своему потомству. Дѣйствительно весьма важно для поддержанія не только родовой гордости, но даже просто для своей родословной, знать, кто былъ дѣдъ? прадѣдъ? отъ кого я произошелъ? и прочее, это даже интересуетъ простолюдина. Каждый человѣкъ изъ за этой родословной вѣтви, имѣетъ часто большую родню; тоже самое воззрѣніе имѣетъ законъ церковный для каждаго вступающаго въ бракъ. здѣсь конечно и безспорно имѣется въ виду свя-

тое уваженіе къ родной семьѣ а также къ памяти родичей, которую чтить предписываетъ намъ христіанскій законъ. И такъ, память объ отжившихъ свое время жизни, у насъ укореняется непремѣнно вслѣдствіе какой либо особенности дѣяній или же вслѣдствіе подвиговъ, полезной дѣятельности и т. д. Такъ мы помнимъ историческую жизнь Ивана Грознаго, Петра I, Екатерину, какъ замѣчательныхъ царствовавшихъ особъ, извѣстныхъ по ихъ дѣятельности; не менѣе того помнимъ: Суворова, Кутузова и другихъ по своимъ воинскимъ подвигамъ. Но вѣдь, помнимъ, благоговѣемъ и только. За своихъ же родичей мы возсылаемъ къ Богу теплыя молитвы и даже въ извѣстные дни служимъ панихиды, даже за тѣхъ, которые вообще жили въ бѣдности и вовсе не были историческими лицами въ государствѣ.

Въ этомъ случаѣ намъ необходимо съ вопросомъ о поминовеніи усопшихъ лицъ обратиться къ исторіи, не почерпнемъ ли мы тамъ какихъ свѣдѣній; а вѣдь это весьма важно потому что иначе никакъ не можемъ понять хорошенько, почему мы поминаемъ лицъ усопшихъ, совершенно исчезнувшихъ съ лица земли, извѣстныхъ только по имени.

Въ объясненіе всего вышесказаннаго, мы послѣдуемъ разнымъ писателямъ:

Мишле говоритъ, что погребеніе человѣка выражаетъ его сочетаніе съ матерью землею, его кормилицею, что памятники суть стражи его, и земли. Это конечно не ново, напротивъ старо даже: мысль о памятникѣ ясно говоритъ о томъ, что онъ воздвигается для того, чтобы было всегда возможно найти мѣсто, гдѣ похороненъ трупъ, а по надписи узнать кто онъ и когда умеръ. Затѣмъ: хоронить трупъ, значитъ прямо сохранить себя или другаго отъ заразы, такъ какъ на поверхности земли разлагающіеся трупы—вредъ и порча воздуха, а слѣдовательно и дыханія. Мишле увлекается въ идеализмъ, избѣгая истины.

Но въ основахъ самой древней изъ религій было то, что по смерти смертнаго, остается навсегда нѣчто такое, что связуетъ міръ внѣшній съ міромъ духовнымъ. Чествованіе при погребеніи умершаго было вмѣняемо въ священную обязанность, какая налагалось природою, божествомъ и волею

самихъ умершихъ, такъ, по вѣрованію Римлянъ, согласномъ съ Этрусскимъ ученіемъ, тѣни (должно быть также, какъ по нашему души), являлись три раза въ году на землю: въ концѣ августа, и въ началѣ октября и ноября. Дни этого таинственнаго сообщенія мертвыхъ съ живыми почитались *черными* или *священными*. Въ это время не предпринимали никакихъ важныхъ дѣлъ (atri).

Точно также и въ Россіи, по старому народному повѣрью, въ промежутокъ времени между Казанскою и Дмитріевымъ днемъ, или осеннею Родительскою, не начинается свадебъ по случаю неблагопріятнаго исхода.

Праздникъ *всѣхъ душъ*, у Римлянъ или (festum omnium animarun) хотя языческій, сталъ въ началѣ X вѣка, отправляться Римско-Католическою церковью.

4 ноября ежегодно и совершенно совпадать съ нашей осенней родительскою особенно исполняемая народомъ. Этотъ праздникъ сопровождался молитвами и приношеніями объ усопшихъ и, какъ говоритъ одинъ нѣмецкій ученый, былъ основанъ на вѣрованіи въ чистилище.

Праздникъ Всѣхъ Святыхъ, который считается 1 ноября, еще и донынѣ сопровождается языческими обрядами у Шотландцевъ, и у сѣверныхъ поселянъ Германіи, и почитается какъ позднѣйшее начало зимы; въ это время зажигаютъ огни (засидки) и считаютъ ихъ огнями мира и спокойствія покойниковъ и въ память сихъ послѣднихъ. Также и въ Даніи,—какъ мы находимъ, 2 ноября празднуютъ память душъ Sialudag и замѣчательно то, что въ это же время Египтяне и Персы, какъ о томъ свидѣтельствуютъ Гоммеръ, тоже ублажали тѣни усопшихъ.

У Римлянъ существовали заупокойные, пиры извѣстные подъ именемъ: *silicernia*, *inferniae*, *coenae ferabs*, точно также у Грековъ *περιδειπνα*, *ἐναγιδηα*. Какъ жертвамъ усопшимъ, или по тогдашнему понятію „тѣнямъ“, которымъ они приносили ежегодно въ дни поминокъ или родительскихъ (parentaba) на гробницы вино, медъ, масло, яицы, плоды и цвѣты. Точно также и древніе евреи *иждивали хлѣбы свои при гробѣ праведныхъ* *),

---

*) См. Товіи IV. стр. 17.

преломляли въ стенаніи хлѣбы на гробѣ родителей и вкушали чашу утѣшенія *).

Такъ воспоминаетъ исторія о древнихъ поминовеніяхъ. Что же касается до Христіанскихъ поминокъ, то онѣ, по словамъ пр. Снегирева, были остатками блаженнаго поминовенія христіанскихъ мучениковъ, трапезами любви, искаженными впослѣдствіи злоупотребленіемъ **).

Св. Августинъ въ бесѣдѣ своей de sanctis удивляется невѣрію и суевѣрію тѣхъ, которые ставятъ на гробы покойниковъ кушанье и питье въ томъ убѣжденіи, что души усопшихъ вкушаютъ сіи приношенія.

Въ оправданіе такого народнаго убѣжденія, скажемъ, что всѣ языческіе народы были полны вѣры въ то, что и за гробомъ кушаютъ.

Византійскіе писатели упоминаютъ объ одномъ пиршествѣ VI вѣка въ честь мертвыхъ (тризна), въ которое греки напали на славянское войско, въ то время занятое сими обрядами, и разбили его ***).

Нужно замѣтить о славянскихъ тризнахъ кое что. У насъ въ исторіи часто повторяется слово „*Тризна*". Это слово сходно съ богемскимъ *trúz-neni—умерщвленіе. терзаніе.* объясняется въ словарѣ Памвы Берынды—*поединкомъ*; а *Ширмъірствомъ*, по словамъ пр. Нестора. Изъ этого видно, что тризна сопровождалась борьбою и нерѣдко такими терзаніями, которыя сопровождались даже убійствами или увѣчьемъ, понятно, что эти утѣхи были между прочимъ—кулачки. По древнимъ обычаямъ у нѣмцевъ, наслѣдникъ умершаго долженъ былъ тридцать дней поминать покойника по церковному обряду и въ тоже время выставлять у себя въ окошкѣ тѣ кушанья, которыя любилъ или вообще питался усопшій.

Пиръ козла. Литовцы долго спустя послѣ язычества собирались въ извѣстное время на кладбища и тамъ приносили подземнымъ богамъ медъ (сыченый), молоко, пиво, и оканчивали тризны такими же обычаями, какіе бывали во время похоронъ.

---

*) Іеремія. XVI 7—8. XXII 9—18.

**) См. Дни Богослужебное Правос. Грек. Росс. церкви Соч. М. Дебольскаго. Спб. 1838 г.

***) Stittere. Memoriae Populoram. t. II p. 61.

Въ старину эти поминки, въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, назывались *пиромъ козла*, котораго нѣкоторые славянскіе народы чтили. Здѣсь въ качествѣ жреца и пѣвца присутствовалъ гусляръ, а у Чеховъ *Koslar* (козляръ) то значитъ, колдунъ, вѣщунъ, чародѣй.

Отрада душъ. Въ Литвѣ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Бѣлоруссіи, предъ наступленіемъ *поминальнаго* или задушнаго дня, простой народъ заказываетъ обѣдню цѣлымъ семействомъ, и въ церквѣ раздаютъ милостыню бѣднымъ, а потомъ по окончаніи обѣдни идутъ на кладбище, гдѣ около получаса громко рыдаютъ надъ могилами своихъ родственниковъ и вечеромъ возвращаются домой, гдѣ и поминаютъ усопшихъ; тайкомъ готовится пирушка въ часовнѣ, или въ пустомъ домѣ близь кладбища, тамъ дѣлаютъ столъ съ разными блюдами и напитками и вызываютъ души покойниковъ, зажигая вино, и ленъ, и по цвѣту пламени судятъ о явленіи душъ; призываютъ слѣдующимъ образомъ: „Чего потребуешь, душечка, чтобы попасть на небо? Не хочешь явства и питья, оставь насъ въ покоѣ; а если не послушаешь просьбы, то во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа! видишь господній крестъ! аквишь!

Въ понятіи простаго народа что пѣсни, явства, и причитанія будто бы доставляютъ отраду душамъ, находящимся въ чистилищѣ и что будто души покойниковъ за это, живымъ внушаютъ полезную мысль или совѣтъ.

Въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ по близости кладбища, тамъ пиръ устраивается въ домѣ. Когда столъ оканчивается, хозяинъ дома беретъ утиральникъ, то есть полотенце и одинъ конецъ его вывѣшиваетъ за окно, а на другомъ концѣ его ставитъ рюмку водки, или стаканъ воды и кладетъ по кусочку всѣхъ кушаньевъ, приготовленныхъ въ честь воспоминанія умершихъ родственниковъ и знакомыхъ. Повѣрье говоритъ, что къ утру все пропадаетъ, а что остается, то отдаютъ нищимъ *).

Тоже самое исполняли Евреи въ свои семидневныя *Босины*. У нихъ для очищенія грѣховъ приносился въ жертву по жребію козелъ, а другой въ пустынѣ сталкивался или сверху горы **).

---

*) Lud Polski. pr. L. Golebiowskiego. Warchawa. 1830 г. Не поддерживали ли это суевѣрное повѣрье: мыши, кошки, или просто голодные прохожіе?

**) См. Іудейскія письма къ Волтеру. ч. V и VI пер. Снегирева М. 1836 г.

Поэтому, замѣчаетъ проф. Снегиревъ, пиръ и чествованіе козла у Литовцевъ и Славянъ должны быть заимствованы отъ Евреевъ.

Вмѣстѣ съ дѣдами или *большими Осенинами*, въ Минской и смежныхъ съ нею губерніями, обыкновенно отправляютъ 6 ноября прикладины, т. е, обкладываніе могилъ дерномъ. Малыя и среднія Осенины празднуются въ Госпожку.

Что касается до слова Осенины, то въ старомъ русскомъ языкѣ такъ называлось осеннее время, что упоминается въ рукописяхъ. Эта часть года считалась удобной, какъ въ Малой, такъ и въ Бѣлой Руси для совершенія всякихъ торжественныхъ и важнѣйшихъ въ семейномъ быту обязанностей, сюда принадлежали между прочимъ: поминки, свадьбы и т. п.

Въ православной церкви считается семь Вселенскихъ панихидъ:

1) Въ пятницу вечера предъ постомъ Филипповымъ.

2) Въ субботу предъ Рождествомъ Христовымъ.

3) Въ Мясопустную недѣлю.

4) Марта 15.

5) Въ субботу предъ сошествіемъ Св. Духа.

6) Въ субботу предъ Петровымъ днемъ.

7) Въ субботу предъ Успеньемъ Пресвятыя Богородицы.

Поминальные дни. Но главные, общіе народные поминки совершаются только въ день радуницы или Пасхи усопшихъ, въ Троицкую субботу, въ Дмитровскую субботу (по осени) и въ Покровскую субботу.

Въ церковномъ уставѣ, изданномъ въ 1668 году предписывается 1 октября, посылать на убогіе домы архимандритовъ и прочее духовенство для совершенія общихъ панихидъ.

Совершеніе поминовеній въ Дмитровскую субботу, установлено послѣ Куликовской битвы, по совѣту преподобнаго Сергія. Великимъ княземъ Димитріемъ Іоанновичемъ Донскимъ, и ежегодно отправляется между 18 и 26 числами октября для празднованія памяти воиновъ, положившихъ животъ въ этой битвѣ. А по указу Императрицы Екатерины II, 1769 г. августа 17. чинъ этого поминовенія перенесенъ на 29 августа, въ день усѣкновенія главы св. Іоанна Крестителя Господня.

Дмитровская суббота свое названіе получаетъ кромѣ имени

Донскаго, какъ установителя, также отъ имени св. Димитрія Селунскаго, празднуемаго церковью 26 октября.

Въ Костромской губерніи и въ смежныхъ, Дмитровская суббота называется *Дѣдовой*. Тамъ существуетъ повѣрье, что если въ эту родительскую будетъ оттепель на раннемъ зазимье, то на „*дѣдовой недѣли родители отдохнутъ*".

Дмитровская родительская болѣе чѣмъ другія уважается народомъ, какъ по удобству времени, такъ и по обилію въ эту пору всякаго продовольствія, наконецъ по старинному обычаю. Въ это время поселяне пекутъ пироги, блины, а въ Смоленской губерніи, лепешки изъ тѣста разныхъ клиновидныхъ формъ, также кутью, (иначе канунъ) кисель съ сытою и молокомъ, брагу или пиво.

По окончаніи панихидъ одѣляютъ священниковъ и причтъ пирогами и блинами и это обыкновеніе обратилось въ народную поговорку: *не всегда поповымъ ребятамъ Дмитріева суббота*.

Въ дни поминовеній обыкновенно приходятъ на кладбище и послѣ заупокойныхъ панихидъ, кто чѣмъ можетъ, поминаютъ покойниковъ. Въ кормчей книгѣ запрещены были всякія пированія, попойки и возліяніе вина и напитковъ; но однакоже обычай пировать на могилахъ усопшихъ родственниковъ остается существующимъ и до сихъ поръ.

Причитанія по усопшимъ, вытье, голошеніе: Такъ вообще называется плачь по покойникѣ, но не безмолвный, не простой истерическій безмолвный припадокъ, допускающій потерю слезъ часто безъ звука, или сопровождаемый всхлипываніемъ и повременамъ стонами. Нѣтъ, это печальная пѣснь потери, лишенія, которой авторъ, самъ потерпѣвшій или понесшій лишеніе. Авторами такихъ причитаній преимущественно женщины деревенскія. Женщина или дѣвушка, обливаясь горючими слезами объ умершихъ родственникѣ или родственницѣ, и будучи не въ состояніи затаить въ себѣ душевной тревоги, упадаетъ на гробъ, или на могилу, гдѣ скрыты дорогіе ея сердцу останки, и то ударяя себя въ грудь, то обнимая гробъ, то ударяясь объ могилу плачетъ, выражая на распѣвъ въ формѣ старинныхъ народныхъ пѣсенъ, слово сказанное ею отъ души, отъ сердца и часто глубоко прочувствованное, иногда даже носящее въ себѣ глубокій отпечатокъ народной легендарности.

Вотъ напримѣръ, какъ плачетъ дочь по отцѣ *).

Со восточной со сторонушки
Подымалися да вѣтры буйные
Со громами да со гремучими,
Съ молоньями да со палючими;
Пала, пала съ небеси звѣзда
Все на батюшкину на могилушку...
Расшиби-ка ты, громова стрѣла,
Еще матушку да мать—сыру землю!
Развались ко ся ты, мать—земля,
Что на всѣ четыре стороны!
Скройся-ко **) да гробова доска,
Распахнитеся да бѣлы саваны?
Отвалитеся да ручки бѣлыя
Отъ ретива отъ сердечушка.
Разожмитеся, да уста сахарныя!
Обернись ко ся да мой родимый батюшка
Перелетнымъ ты, да яснымъ соколомъ,
Ты слетайко-ся да на сине море,
На сине море, да Хвалынское,
Ты обмой-ко, родной мой батюшко,
Со бѣлова лица ржавщину;
Прилети-ко ты, мой батюшко,
На свой етъ да на высокъ теремъ,
Все подъ кутисе да подъ окошечко,
Ты послушай-ко родимый батюшко,
Горе горькихъ нашихъ пѣсенокъ.

Старуха по старикѣ.

На кого ты, милый мой, обнадѣялся?
И на кого ты оположился?
Оставляешь ты меня, горе горькую,
Безъ теплова свово гнѣздышка!...
Не отъ кого то горе горькой.

---

*) Заимств. изъ *Пермскаго сборника*, книжка II, стр. 128. 1860 г.
**) Откройся, разверзнись.

Нѣту мнѣ слова ласкова,
Нѣтъ то мнѣ слова привѣтлива.
Нѣтъ то у меня, горе горькіе,
Ни роду то, ни племени,
Ни поильца мнѣ, ни кормильца...
Остаюсь то я, горе горькая,
Старымъ то я, старешенька,
Одна, да одинешенька.
Работать мнѣ—изможенья нѣтъ.
Нѣтъ то у меня роду—племени;
Не съ-кѣмъ мнѣ думу—думати,
Не съ-кѣмъ мнѣ слово молвити:
Нѣтъ у меня милова ладушки *).

Нѣтъ сомнѣнія, чему конечно найдутся у насъ указанія, что причитанія и вой, шедшихъ за гробомъ, принадлежатъ, къ обрядамъ языческимъ. Петръ I по случаю кончины царицы Маріи Матвѣевны, супруги царя Θеодора Алексѣевича, въ 1715 году, запретилъ при погребеніи выть, приговаривать и рваться надъ умершимъ **).

Еще у древняго Гомера упоминаются причитанія надъ трупомъ Гектора. Литовцы также при погребеніи усопшихъ употребляли *причитанія* сходныя, съ русскими простонародными, въ которыхъ выражали сожалѣнія и предлагали вопросы покойнику съ тѣмъ, что выражали нѣчто въ родѣ укоризны за потерю жизни, или за преждевременный переходъ въ другую жизнь, говоря въ причитаніяхъ укоръ покойнику за смерть.

У нихъ также въ третины, девятины, сорочины дѣлались поминки и сопровождались *пирушками* ***).

Но все это не столь важно, какъ важно то замѣчаніе г. Снегирева, что обыкновеніе дѣлать пированія въ честь усопшихъ было общимъ у всѣхъ языческихъ народовъ и у народа Божія, какъ то видно изъ пророка Іереміи (XVI, 6. 7) и другихъ.

---

*) Ладушка—мужъ.
**) См. Русскіе простон. Праздники. 1837 г. выпускъ IV. Стр. 190.
***) Сѣверный Архивъ 1824 г. Литовская Миθологія.

Похороны и поминки сопровождаются *прошеньемъ* или причитаньями, въ которыхъ плачевнымъ речитативомъ были достоинства умершаго, и жалобы осиротѣвшихъ; такимъ образомъ Балтійскіе латыши и фины въ XIII вѣкѣ, тайно совершая свои языческіе обряды во глубинѣ заповѣдныхъ лѣсовъ, плакали надъ умершими, которымъ клали въ могилу пищу, питье, топоръ и нѣсколько денегъ съ подобными причитаніями: „Поди бѣднякъ въ лучшій міръ, гдѣ не нѣмцы тобою, а ты нѣмцами будешь повелѣвать! вотъ и деньги тебѣ на дорогу, во запасъ и оружіе.“

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ И ОБЫЧАИ.

Кажется нѣтъ въ мірѣ ни одного болѣе торжественнаго пиршества, которое можно сравнить со свадебнымъ обрядомъ, началомъ и совершеніемъ брака, началомъ и вѣнцомъ любви, о которомъ молодыя головы поэтизируютъ за нѣсколько лѣтъ прежде, избирая въ своей фантазіи подходящій идеалъ, пока не находятъ его.

Каждый народъ имѣетъ свои взгляды и обычаи на обрядъ брака. Но какъ молодые мужчины, такъ и женщины у насъ на Руси (изъ простонародья), не смотря на всю простоту ихъ незатѣйливаго быта жизни, понимаютъ, что значитъ вѣчная связь,—даруемая вѣнцемъ; связь съ лицомъ неузнаннымъ, часто съ порочнымъ, законченная вѣнцемъ—неразрывно до конца жизни того или другаго. Всѣ дѣвушки это понимаютъ ранѣе супружества, но расчитываютъ на бракъ, какъ на лоттерею, извѣстно, не всегда надежную.

Дѣвушки, какъ извѣстно, прибѣгаютъ къ гаданіямъ, часто весьма неблагоразумнымъ; сироты въ Радоницы ходятъ на могилки своихъ родителей прощаться и просить себѣ благословенія на судьбу свою. *Покровъ* и Пятница *Прасковія* считаются покровительницами невѣстъ въ простомъ народѣ. Невѣсты, заботясь о своей будущности и объ хорошемъ житьѣ-бытьѣ (худого никто не желаетъ) во время праздника Покрова молятся: „*Батюшка, Покровъ, мою голову покрой!*“ Въ Красной Руси поютъ:

„Swita Pokrowónko!
Pokryj holowonku!“
То есть: „Святая Покровонка
Покрой головонку!“

Въ Минской губерніи, поютъ:
Swiaty Pokrow, Pokrow!
Pokryw ziamlu i wadu,
Pokryj mienie molodu.

Здѣсь мы высказываемъ начертаніе склада желанія молодыхъ лицъ, ищущихъ средствъ достигнуть брака, или просто соединиться бракомъ безъ всякихъ преднамѣренныхъ желаній; но только потому, чтобы не отстать отъ сверстницъ. Молодыя дѣвушки и до сихъ поръ конфузятся при счетѣ лѣтъ и та, которая выходитъ поранѣе торжествуетъ, какъ будто она побѣду одержала, но это еще не значитъ благополучіе жизни.

Въ разныхъ странахъ сѣверной Россіи свадебные обряды весьма разнообразны и многочислены до того, что представляютъ вообще картины чрезвычайно живыя вообще, и къ тому же весьма разнообразныя по своей характерности. Здѣсь представляется самая полная этнографическая картина съ ея повѣрьями и обрядами, и что главное, здѣсь-то и отсвѣчивается символъ и та аллегорія обрядовъ, которые уже потеряны въ смыслѣ народномъ и существуютъ только по исполненію, какъ обычай.

Эта народная піеса, ежедневно повторяемая, вообще интересна, такъ какъ нигдѣ она не характеризуется лучше всего, какъ въ свадьбахъ; здѣсь вы слышите и видите жизнь и веселье, умилительныя и трогающія душу черты изъ народнаго быта и тѣ религіозные обычаи, съ которыми слиты всѣ эти обряды. Здѣсь сливается старое съ новымъ, религіозное съ народнымъ, а печальное съ веселымъ.

Обычай похищать дѣвицъ. Этотъ обычай, по словамъ Нестора существовалъ у Русскихъ Славянъ, такъ напримѣръ: у Радемичей, Вятичей, Сѣверянъ были *игры межи селы*, то есть между полей, а не между селъ: здѣсь во время игръ, пѣсенъ и плясокъ мужчины выбирали себѣ невѣстъ и уводили къ себѣ въ дома.

8*

Въ воспоминаніе этого до христіанскаго обычая древней Руси, у насъ осталась древняя пѣсня прососѣянія, начинающаяся такъ: „А мы просо сѣяли, сѣяли"…. Древляне уводили къ себѣ дѣвицъ, какъ въ древности Римляне Сабинянокъ. Самое выраженіе играть свадьбу напоминаетъ древнія игры, чѣмъ начиналось пріобрѣтеніе невѣстъ.

Преслѣдованіе обычаевъ духовенствомъ. Во время свадебъ въ старину всегда присутствовали глумотворцы (шутники), органники, гусельники (гусляры). Обычай этотъ существуетъ и по нынѣ; не разъ церковь возставала противъ такихъ порядковъ, которые суть прямо слѣды язычества и хотѣла отдѣлить всѣ обычаи предъ вѣнчаніемъ и по вѣнчаніи, но этого было нельзя искоренить, такъ какъ самый актъ основанный въ своемъ будущемъ на любви и согласіи, на семейномъ счастіи вызывалъ на веселье.

Кромѣ языческой стихіи, оставшейся въ свадебныхъ обрядахъ, сюда же вошли обычаи и отъ другихъ народовъ во времена позднѣйшія.

Покупка дѣвицъ. Геродотъ упоминаетъ о древнемъ обычаѣ Енотовъ, пришедшихъ изъ Иллиріи. Здѣсь, говоритъ этотъ историкъ, въ извѣстное время дѣвушки, достигшія совершеннолѣтія сходились, въ сопровожденіи своихъ родителей, въ одно мѣсто, туда же стекались молодые люди и воообще мужчины и покупали дѣвицъ. Не отсюда ли и мы заимствовали до сихъ поръ существующій обрядъ покупать невѣстъ или выкупать, причемъ женихъ даритъ дѣвушекъ?

Греческіе и Римскіе обряды. Въ Греческихъ и Римскихъ обрядахъ бракосочетанія *) мы находимъ вѣнки, обручальныя кольца, покрывала (въ родѣ нашихъ вуали или фаты) соединеніе рукъ, свѣчи, свадебные дары и пр. Въ самомъ дѣлѣ, какъ это сходно съ христіанскими обрядами при самомъ совершеніи брака. Венера, какъ покровительница браковъ и союзовъ любви, называлась Suada и Babia (свада и бабіа), представляемъ читателямъ раздѣлить съ нами мнѣніе, не находятъ ли они сходства въ словѣ свада съ свадьбой, а въ словѣ бабіа— баба. Этого мало: Русскіе обычаи говорятъ, что и по сейчасъ

---

*) J. *Sauberti* de Sacrificias veterum Lugd. Bat. 1699 г.

молодыхъ осыпаютъ хмѣлемъ, зерномъ и даже деньгами; смыслъ понятенъ: чтобы молодые жили счастливо, сыто и богато; но откуда возникъ этотъ обычай? опять отъ грековъ и римлянъ, а также отъ древнихъ Пруссовъ.

Говоря о заимствованіи обычаевъ русскими, мы уже не можемъ не сказать о томъ, что русскій каравай, какъ символъ бракосочетанія, тоже заимствованъ у Римлянъ. У Римлянъ, какъ извѣстно, новобрачные, при торжественномъ бракосочетаніи, должны ѣсть пирогъ, приготовленный изъ муки, размѣшанной на водѣ посоленой, и меда.

Сниманіе сапога. Въ русскомъ коренномъ обычаѣ водилось и по сейчасъ мѣстами водится, что новобрачная должна разувать своего супруга. Этотъ обычай въ древности, вообще говоря, изображалъ покорность, рабское отношеніе, даже униженіе, потому что, кто же снимаетъ другому сапоги, если не человѣкъ вполнѣ подчинившійся. Изъ исторіи мы знаемъ, что этотъ обычай былъ даже во времена Владиміра и то, что дочь Полоцкаго князя не захотѣла его разуть *).

Въ Германіи во времена Лютера былъ тотъ же обычай, чтобы въ первую ночь брака снимала молодая супруга сапогъ и клала его на небо постели (въ изголовье), какъ знакъ господства супруга надъ женою **), мужчины надъ женщиной (порабощенной).

Омарій и Гербенштейнъ ***) говорятъ о томъ, что въ ихъ пребываніе въ Москвѣ, даже на княжескихъ и боярскихъ бракахъ, совершался обычай разуванія и троекратное удареніе плеткою, которую вмѣстѣ съ гостинцемъ клали въ ларчикъ. Обрядъ этотъ продолжался въ Литвѣ до Ягеллона и до нынѣ сохраняется въ крестьянскомъ быту.

Куничное на свадьбѣ. Въ старыхъ свадебныхъ обычаяхъ упоминается должно быть тоже какое нибудь языческое преданіе. Куница въ свадебныхъ обычаяхъ есть памятникъ норманскихъ налоговъ. Если сказать куна, кона (kona, kuno), что значитъ—женщина, это высказывается по исторіи, сборъ ново-

---

*) Русскіе простонародные праздники и суевѣрные обряды, вып. IV, 1837 г.

**) I. G. Graevü, Trhesaurus Antiquitatum Romanorum.

***) Lud Polski p. L. Gołębiewskiego. 1830 г.

брачныхъ крестьянъ и вообще—простолюдиновъ. Куница, какъ мы увидимъ, осталась существенной единицей въ нашихъ простонародныхъ пѣсняхъ свадебнаго характера. Въ южно-русскихъ пѣсняхъ невѣста уподобляется иногда *черной куницѣ*, а женихъ—*черну соболю*.

Мы должны припомнить изъ исторіи, что въ Россіи до введенія монеты металлической, предметомъ денегъ были преимущественно мѣха; отсюда возникаютъ слова: куна, полъ-куны, полъ ушка (полушка, мѣдная мелкая монета). Если въ послѣдствіи явился металлическій чеканъ, то, разумѣется, была воспроизведена и сравнительная оцѣнка и, какъ должно думать нарицаніе счета удержалось тоже, которое существовало при кожанныхъ деньгахъ.

Отсюда возникаетъ сравненіе молодыхъ людей то съ куницей, то съ соболемъ, какъ оцѣнка достоинствъ, и сейчасъ у насъ существуетъ поговорка: „*взглянетъ—рублемъ подаритъ*".

Было извѣстно не въ одной Россіи, но во всей Европѣ, *дѣвичье куничное, свадебная куница*, выраженіе, согласовавшееся съ значеніемъ окупа за невѣсту, выраженіе, равняющееся смыслу крѣпостнаго права и порабощенія женщины *). Что существуетъ и по сейчасъ, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ Россіи.

Свадебныя птицы. Еще въ язычествѣ, у Литовцевъ, въ первый день бракосочетанія, мужъ раздиралъ принесенную ему на постель жареную куропатку, часть которой давалъ ѣсть своей супругѣ. У Нѣмцевъ въ средніе вѣка, давали новобрачнымъ жареную курицу, которая называлась: *брачною* или *любовною*. Жареную курицу (куря вечерняя), въ первый день подносили новобрачнымъ и въ Россіи, какъ то видно изъ описанія старинныхъ свадебъ XV столѣтія. Въ Москвѣ и по сіе время дарятъ молодыхъ парой живыхъ гусей въ ленточкахъ, а даже иногда и лебедей, а въ старину на столахъ княжескихъ молодымъ подавали жареныхъ лебедей. Есть повѣрье въ народѣ, что только и можно ѣсть лебедей новобрачнымъ.

Головной уборъ новобрачной. Извѣстно, что въ Россіи,

---

*) Въ послѣдствіи *кунами* или *куницами* назывались въ Литвѣ цѣпи, въ которыя заковывались при входѣ дѣвицы, при церковномъ входѣ за нарушеніе цѣломудрія.

новобрачной надѣваютъ на голову кокошникъ, кокуй или кику, расплетаютъ косу на двое, съ извѣстными при этомъ пѣснями. Обычай этотъ, по видимому, перенятъ у татаръ, какъ думаютъ Плено Карпинъ и Брунна; но Гримъ говоритъ, что и у нѣмцевъ было обыкновеніе, у новобрачной не распускать волосъ, а связывать ихъ на головѣ и прикрывать чепцомъ. Тертуліанъ говоритъ, что у язычниковъ было обыкновеніе женщинамъ являться покрытыми, у евреевъ—тотъ же обычай, у русскихъ фата изображаетъ, и до днесь символъ стыдливости и скромности. По этому можно заключить, что всѣ наши старинные обряды, отчасти исчезнувшіе, отчасти существующіе и по нынѣ, не имѣютъ полнаго характера новости, или своеобразности, но скорѣе заимствованіе путемъ вліянія отъ другихъ народовъ.

Баня, мѣха и солома брачной ночи. Къ числу народныхъ обычаевъ, существовавшихъ даже въ царскихъ и боярскихъ домахъ, принадлежали: мытье въ банѣ наканунѣ свадьбы и послѣ ея, также постилка ржаныхъ сноповъ, вмѣсто постели и усаживаніе молодыхъ на мѣха. Мытье въ банѣ выражало чистоту брачнаго ложа и вообще чистоплотность, спанье на снопахъ—прибытокъ въ домѣ, а на мѣхахъ сидѣніе—богатство. Таковые обычаи существуютъ и по нынѣ.

Вскрываніе молодыхъ. Со введеніемъ нѣкоторыхъ европейскихъ обычаевъ Петромъ Первымъ, многіе старинные обычаи были воспрещены и между прочимъ *вскрываніе молодыхъ* запрещено указомъ. Петръ Первый, старинную свадьбу съ ея причудами обратилъ въ шутку, что видно изъ свадьбы папы, и шута Шанскаго *).

Предосторожности и примѣты свадебныя. Свадьбы, какъ обыкновенно чаще всего бываютъ, или о святкахъ, или близь Семика. Такъ покрайней мѣрѣ объясняется Красная горка по веснѣ и рождественскіе праздники (купальскія гаданія). Нужно замѣтить, что всѣ свадебные обряды сопровождались да и по сейчасъ сопрождаются различнаго рода предосторожностями отъ лихаго глаза, или отъ лихаго человѣка. Мы найдемъ мѣсто поговорить отъ этомъ впослѣдствіи, а сейчасъ скажемъ, что описанія могли быть и справедливыми при томъ складѣ дѣла и

*) См. стр. 127 Русс. Прост. Празд. и обряды. М. 1839 г.

при томъ воззрѣніи на предметъ, въ какомъ онъ находится. Потрудитесь посмотрѣть часть вторую и третью.

Свадебныя пѣсни, въ отношеніи ихъ значенія. Кто не знаетъ, кто не слыхалъ свадебныхъ пѣсенъ? кто не понимаетъ ихъ значенія? все это очень просто до наивности. У Римлянъ дѣвицы пѣли пѣсни до полуночи, у спальни новобрачныхъ. А у русскихъ весь свадебный обрядъ сопровождается пѣснопѣніемъ, какъ то видно изъ величаній и пѣсней во время сговора, дѣвичника и т. п.

Въ характерѣ этихъ пѣсенъ вообще высказывается приготовленіе къ обязанностямъ жены и хозяйки, изображеніе замужней жизни; иногда выраженіе тоски дѣвичей при воспоминаніи о томъ, какъ волей неволей, она должна оставить домъ родителей. Вообще такъ называемыя „свадебныя пѣсни" содержатъ въ себѣ отмѣтки старинныхъ обычаевъ, а въ нѣкоторыхъ припѣвахъ упоминаются Ладо, Туръ и Леля, какъ Славянскіе боги любви и радостей. Въ нихъ встрѣчаются: синее море, горючь камень, терема и свѣтлицы, скатерти браныя, караваи, перепечи, сахарныя явства, гривны и проч. и тѣмъ указываютъ на свое старинное происхожденіе.

Суженый. Происхожденіе этого слова надобно производить отъ судьбы, которая посылаетъ невѣстѣ жениха. Самое слово „невѣста", означаетъ — неизвѣстная, невѣдомая—указываетъ уже на тотъ русскій обычай, когда дѣвушку женихъ могъ видѣть только послѣ вѣнца, въ качествѣ новобрачной, точно также и невѣста своего суженаго, такъ какъ оба молодые сочетались бракомъ по волѣ не своей, а родительской. Отсюда понятно, что называя въ старину вѣнчаніе „*Судомъ Божіимъ*", видѣли въ этомъ обрядѣ заневѣдомо сочетаніе молодыхъ людей на вѣки, до могилы, возлагая свои надежды на Бога, который Самъ въ этомъ случаѣ *присуждаетъ* имъ брачный вѣнецъ.

Свадебное причитаніе, голосованіе. Есть суевѣріе, что будто бы невѣстѣ необходимо въ дѣвичникъ и передъ свадьбой плакать, основываясь на старинной поговоркѣ: „*не плачешь за столомъ, будешь плакать за столбомъ*".

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и по сіе время существуютъ причитанія или голосованія, такъ напримѣръ, по словамъ профессора Снегирева, въ Верховожскомъ посадѣ, Сватаньемъ,

невѣста накрытая фатою, среди подругъ — дѣвицъ садится на возвышенное мѣсто съ искусною причитальщицей и начинаетъ *причитать*, то есть говорить напѣвнымъ голосомъ приличное слово или привѣтъ отцу и матери, братьямъ, сестрамъ и всѣмъ родственникамъ, прощается съ своимъ домомъ и, если ее выдаютъ на чужбину, то и съ подругами.

Свадьба съ трубами. На свадьбахъ русскихъ царей и важныхъ бояръ, кромѣ пѣсенъ, играли въ трубы зурны, какъ то извѣстно изъ описанія свадебъ въ XVII вѣкѣ *). Подобныя свадьбы, такъ и назывались *свадьбы съ трубами*. Царь Алексѣй Михаиловичъ, во время бракосочетанія своего съ Натальей Кириловною, велѣлъ вмѣсто трубъ и органовъ, пѣть своимъ государевымъ пѣвчимъ, дьякамъ, всѣмъ станицамъ по перемѣнно строчные и демественные большіе стихи изъ праздниковъ и тріодей хорошіе стихи, со всякимъ благочиніемъ. Совершеніемъ церковнаго обряда, окончились пѣсни и главные обряды свадьбы.

Деревенскіе обычаи **). Изъ всѣхъ лицъ, участвовавшихъ въ свадьбѣ самымъ дѣятельнымъ лицомъ, по возложенной на него обязанности это—дружко. Онъ распоряжается всѣмъ, что только принадлежитъ свадьбѣ и свойственнымъ свадьбѣ обычаямъ. Каждая мѣстность имѣетъ свои особенности и оттѣнки и дружкѣ (шаферу) эти обычаи должны быть извѣстны, какъ свои пять пальцевъ; онъ долженъ быть и знатокъ въ обычаяхъ, и пѣсенникъ, и весельчакъ, и плясунъ, вообще ловокъ, смышленъ, а также и не дуренъ собою и въ обращеніи.

Вотъ какъ описываютъ свадебный обрядъ, записанный въ селѣ Бурщевѣ на Волгѣ въ Нерехотскомъ уѣздѣ, Костромской губерніи.

Когда все готово, дружко ѣдетъ ко всѣмъ роднымъ и знакомымъ съ той и другой стороны бракосочетающихся и отъ имени жениха и невѣсты зоветъ всѣхъ въ гости, привѣтствуя при этомъ обычнымъ риѳмованнымъ наговоромъ:

Бью челомъ бачко... (имя отчество).
Бью челомъ мачка... (имя отчество).

---

*) См. опытъ повѣствованія о древностяхъ Русскихъ. г. Успенскаго. 1818 г. Ч. I.
**) Извлечено изъ кн. Русскіе простонародные Праздники. 1839 г. Вып. IV.

Къ новобрачному князю,
Къ молодой княгинѣ,
Хлѣба кушати.

Когда дружко объѣдетъ всѣхъ и приготовитъ весь поѣздъ со стороны жениха къ невѣстѣ собранный, то первоначально обращается къ отцу и матери, говоря:

Еста! сватушка коренной и сваханька коренная,
Вы сродниковъ созывали,
Харобрый поѣздъ собирали,
Новобрачнаго князя снаряжали,
Въ цвѣтно платье одѣвали,
За столы дубовые сажали:
За столами за дубовыми,
Сидятъ гости собранные
Пьютъ, прохлаждаются,
Храбрымъ поступомъ похваляются:
У тебя де, сватушка, на дворахъ на широкіехъ
Стоятъ кони запряженные,
Во дороженьку припасенные,
Стоятъ кони поминаются,
Съ широка двора порываются,
Новобрачнаго князя дожидаются.
Новобрачный князь собирается,
Во цвѣтно платье наряжается,
Стоитъ на рѣзвыхъ ногахъ,
Проситъ родительскаго благословенія:
Благословите, сватушко, свое дитя,
Изъ мѣста стать,
Святымъ помолиться!
Благословляйте!

Изъ за столовъ иттп изъ за дубовыхъ,
Изъ за скатертей изъ за браныхъ,
Изъ за ѣствицевъ изъ за сахарныхъ,
Изъ за питьецовъ изъ за медвяныхъ,
По горенкѣ идти, по новой,
Черезъ порогъ переступить,
По мосту по колоновому,

По лѣстницѣ по брусчатовой,
Широкимъ дворомъ идти,
Ко добру коню придти,
На добра коня садиться,
Съ широка двора съѣзжать,
Гладкой улицей проѣзжать,
Въ чисто поле выѣзжать;
По лугамъ ѣхать по зеленымъ,
По цвѣтамъ по лазоревымъ
Цвѣтки разцвѣтали,
Поднебесныя пташки распѣвали,
Новобрачнаго князя увеселяли;
Ѣдетъ де нашъ новобрачный князь
По свою новобрачну княгиню,
Сужену взять, ряжену взять,
По Божьему велѣнію—
По царскому уложенью
По господскому приказанью
По мірскому приговору.
Благословляйте!

Дружка, покончивъ эту стихотворную рѣчь обращается къ гостямъ:

Еста добрые люди!
Гости полюбовные!
Званые и не званые!
Усатые и бородатые!
Холостые не женатые!
У воровъ приворотнички!
У дверей притворнички!
По полу ходючи,
По середѣ стоючи,
Изъ кута по лавкѣ.
По кривой, по скамейкѣ!
Благословляйте!

Потомъ, увидя молодыхъ женщинъ, говоритъ имъ:

Молоды молодки!
Хорошія походки,

Куньи шубы,
Соболиные пухи,
Съ поволоками глаза,
Съ помали голова,
Золоты кокошки,
Серебряны сережки,
Дочери отецки,
Жены молодецки!
Благословляйте!

Послѣ сего дружко, вставъ, привѣтствуетъ дѣвицъ:

Красныя дѣвицы!
Пирожныя мастерицы,
Чесаныя головы,
Обутыя голени
Криночныя блудницы
Сметанку снимали,
Кокурки мѣсили
Подъ застрегъ хоронили,
Постушковъ дарили.
Благословляйте!

Наконецъ дружко, обращается къ малымъ ребятамъ; говоритъ:

Еста! малые ребята
Свиные . . . !
Кривые желудки,
Жимолостныя ноги
Броховичныя рожи,
. . . .
. . . .
Благословляйте!

Потомъ дружко ѣдетъ съ женихомъ къ невѣстѣ. Не доѣхавъ до селенія, въ которомъ живетъ она, оставляетъ поѣздъ въ полѣ, а самъ съ поддружіемъ пріѣзжаетъ на дворъ къ свату. Сватъ встрѣчаетъ ихъ съ пивомъ въ рукахъ дружка, принявъ пиво, говоритъ такого рода прибаутку:

Еста! сватушка коренной,
Я иду самъ—третій съ ковшомъ.

Рѣзвы ноги съ подходомъ,
Бѣлы руки съ подносомъ,
Ковшикъ съ питьемъ,
Голова съ челобитьемъ;
Ковшикъ тебѣ принять да пить,
Послѣ того здоровью быть.
Въ ручки, въ ножки,
Въ буйну голову,
Въ ретиво сердечко.
Ковшикъ прими и вкушай,
А меня тамъ въ горницѣ
Выслушай!

Затѣмъ, входя въ горницу, дружка говоритъ:

Еста! сватушка и свахонька коренные,
Намъ сватъ и сваха приказали про васъ распросить,
Про свое разсказать:
Нашъ сватъ и сваха добры и здоровы
По сяковъ день и по сяковъ часъ.
Какъ васъ Богъ несетъ?

Потомъ дружка присядетъ на нѣсколько минутъ за столъ. Вставши беретъ пиво и потчуетъ свата, повторяя сказанный предъ симъ приговоръ и прибавя къ нему просьбу, чтобы поскорѣе собрать невѣсту. Послѣ сего, по соизволенію отца, сажаетъ невѣсту за столъ, и поднося свату пива, проситъ, чтобы онъ далъ невѣстѣ стража. Этотъ стражъ сидитъ близь невѣсты до самаго пріѣзда жениха. Коль скоро такое распоряженіе исполнилось, дружка говоритъ:

Еста! сватушка, я дружка съ поддружьемъ
Пріѣхалъ къ тебѣ на широкій дворъ,
Широки дворы осматривалъ,
Новы стойницы опрастывалъ,
Добро коня въ путь поворачивалъ,
За точеные столбы привязывалъ.
Ваша милость встрѣчали,
Въ нову горницу звали.
Я ходилъ въ нову горницу,
Богу помолился, съ вашей милостью поклонился,

Ваша милость встрѣчали,
За дубовые столы сажали,
Посидѣлъ, погостилъ,
Что надо себѣ получилъ.
Новобрачну княгиню за столъ посадилъ,
Не такъ просто уѣзжалъ,
А сторожа оставлялъ,
Богу помолился,
Съ вашей милостью простился,
Изъ новы горницы выходилъ,
На новой дворъ выступалъ,
Къ добру коню приходилъ.
На добра коня садился,
Съ широка двора съѣзжалъ,
Широкія улицы проѣзжалъ,
Въ чисто поле заѣзжалъ,
Храбрый поѣздъ свой искалъ,
Мой храбрый поѣздъ
Стоитъ въ чистомъ поле за далече,
За темными лѣсами.
За зелеными лугами.
За черными грязями,
За быстрыми рѣками.
Подъ ходячими облаками.
Подъ чистыми звѣздами,
Подъ краснымъ солнышкомъ,
Подъ свѣтлымъ мѣсяцомъ,
Подъ лебединымъ крылышкомъ,
Подъ полотнянымъ шатеркомъ:
Пьютъ, ѣдятъ изъ чаши мѣдвяной,
И хваля, про свата выспрашиваютъ:
Если-ста дворы широкіе?
На дворахъ столбы точеные?
Кольца золоченыя?
Ясли крашеные?
Ковры шелковые?
Ну, сватушка! у меня ѣдетъ великъ поѣздъ.
Сто вершниковъ
Пятьдесятъ толешниковъ...

А рюмочку поднесешь, такъ и убавлю; а другую поднесешь, такъ и въ половину убавлю; а третью поднесешь, такъ и самъ по себѣ пріѣду.

Сватъ привѣтствуетъ, говоря, что онъ всѣхъ радъ принять. Послѣ сего отправясь дружко за женихомъ, привозитъ его къ невѣстѣ. Сватъ встрѣчаетъ, сажаетъ за столъ. Послѣ дружка вставши, говоритъ, тоже какой нибудь соотвѣтствующій приговоръ, расположенный стихами, какъ напримѣръ:

Еста, сватушка, коренной!
И сватушка коренная!
Благословляйте новобрачнова князя—
Съ новобрачной княгиней,
Изъ мѣста встать,
Богу помолиться,
Добрымъ людямъ поклониться,
У отца и матери благословиться,
Изъ-за столовъ идти изъ-за дубовыхъ,
Изъ-за скатертей изъ-за браныхъ,
Изъ-за ѣствецевъ медвяныхъ,
По горенкѣ итти по новой,
Чрезъ порогъ переступить,
По мосту по калиновому,
По лѣсенкѣ по брусчатой,
Широкимъ дворомъ идти,
Къ добрымъ конямъ придти,
На добрыхъ коней садиться,
Съ широка двора съѣзжать,
Гладкой улицей пріѣзжать,
Ѣхать по чистымъ полямъ,
По зеленымъ по лугамъ,
По лазоревымъ цвѣтамъ;
Цвѣтки расцвѣтали,
Поднебесныя пташки распѣвали,
Новобрачныхъ увеселяли,
Ѣдетъ новобрачный князь,
Съ новобрачной княгиней,
Ко вѣнчанію;

Подъ вѣнцемъ стоять,
Законъ Божій принять,
Суженую взять,
Ряженую взять,
По Божью повелѣнію,
По Царскому уложенію,
По господскому приказанію,
По мірскому приговору
Благословляйте!

Тѣже наговоры или пѣсни повторяетъ дружка предъ каждымъ лицомъ прежде, чѣмъ должно ѣхать къ невѣстѣ. Когда же возвратятся отъ вѣнчанья въ домъ, посидя за столомъ и кончивъ его, дружка встаетъ и говоритъ:

Еста, сватушка коренной,
И свахонька коренная!
Благословляйте своихъ дѣтей
На подклѣть идти,
Подъ шубой спать,
Подъ куньей спать,
Кунью шубу въ ногахъ топтать
. . . .
Здоровенько спать,
Веселенько встать.

Потомъ привѣтствовавъ онъ всѣхъ гостей и бывшихъ дружка оканчиваетъ всю церемонію свадебнаго обряда.

Пермскія свадьбы. Пермяки женятъ сыновей очень рано. „Едва минетъ зонкѣ", то-есть, когда парню будетъ восемнадцать лѣтъ, то уже отецъ и мать помышляютъ о томъ, чтобы дать ему помощницу. Поэтому рѣдко пермякъ достигаетъ 25 лѣтъ въ холостомъ состояніи и развѣ отъ того, что живетъ въ крайней бѣдности, въ сиротствѣ, или уже слишкомъ некрасивъ собою. Ранняя женидьба —непремѣнный произволъ родителей и желаніе имѣть въ домѣ работницу, а иногда удержать шалуна сына отъ противозаконныхъ шалостей.

Сватовство пермяковъ. Пермякамъ свадьба представляетъ сложность въ разнаго рода предварительныхъ операціяхъ; нужно испросить дозволеніе у своего начальства и у приходскаго

священника, когда отецъ пріискиваетъ своему сыну невѣсту. Подобнаго рода свадьба всегда рѣшается безъ участія жениха, стало быть по старинному обычаю, и ограничивается только совѣтомъ родственниковъ и близкихъ знакомыхъ, съ которыми и повершается совѣтъ и судьба будущаго благосостоянія ближайшаго ихъ родственника.

Случается, что женихъ узнаетъ свою суженую только на рукобитьѣ, а иногда и въ день свадьбы; рѣдко случается, чтобы молодой пермякъ самъ подговаривалъ себѣ невѣсту. Отецъ жениха, самъ подговариваетъ себѣ дѣвушку съ богатымъ приданымъ, причемъ ищетъ характера, и благонравія въ подмѣченной имъ дѣвицѣ.

Послѣ окончательнаго рѣшенія—какую дѣвушку сватать, начинается самое сватовство (корасемъ). Это дѣло всегда принадлежитъ старшему въ семействѣ, или за неимѣніемъ, крестному отцу, а то одному изъ старшихъ родственниковъ и вообще человѣку опытному въ подобныхъ дѣлахъ.

Принявшій на себя обязанность свата, наряжается въ праздничное платье и ѣдетъ въ домъ невѣсты, лѣтомъ—верхомъ, а зимой въ саняхъ, и непремѣнно покрытыхъ рогожей.

Сватъ, или по пермяцки сватовщикъ, при входѣ въ домъ отворяетъ двери избы въ три пріема. Сначала, отворивъ немного, снова затворяетъ дверь на глухо, потомъ отворяетъ вторично и опять тотчасъ затворяетъ, наконецъ въ третій разъ уже отворяетъ дверь совсѣмъ.

Во время входа въ избу, перенеся чрезъ порогъ правую ногу, сватъ пристукиваетъ о порогъ пятой и потомъ уже ступаетъ на полъ комнаты. Это пристукиваніе, по суевѣрному понятію пермяковъ, нужно для успѣха дѣла. Выйдя изъ подъ полатей, которыя, какъ обыкновенно высятся близь входа, сватъ молится Богу, ставъ подъ матицу, молча кланяется хозяевамъ и садится на лавку и до тѣхъ поръ молчитъ, пока хозяинъ не спроситъ его о причинѣ прихода, и тутъ уже въ отвѣтъ на вопросъ его начинаетъ по русски *), либо по пермяцки гово-

*) См. Пермск. Сборникъ. 1860 г. Книжка II. Нужно замѣтить, что у Пермяковъ существуетъ свой языкъ, на которомъ они говорятъ. По увѣренію автора, женщины почти не умѣютъ говорить по русски.

рить о дѣлѣ. Предлагая жениха, котораго, какъ и водится, расхваливаетъ до нельзя. Отецъ или мать на эти слова отговариваются сколько могутъ тѣмъ, что и дѣвка молода, и выдать рано, пусть поробитъ дома и пр.

— Коли нибудь отдавать жо; дѣвка родилась—вѣкъ держать не будешь... Женикъ нашолся стоюшшей, лучше не найдется; у него всякой скотъ, пакота (пашня) добра, клѣбъ изъ сусека не выводитца.

— Да она не приготовила ишшо ни подарковъ, ни лопоти, (верхней одежды) нѣтъ у нее ни каптана; ни сарапана.

— Для че намъ каптанъ, для че сарапанъ?... Намъ нужна короша работнича.

— Какже, безъ каптана нельзя; годъ, другой понаровимъ, все же здѣламъ; сево годы (въ этотъ годъ) намъ не годъ отдавать.

Такъ начинается первое сватовство, починъ дѣлу. Но если отецъ невѣсты окончательно почему либо не захочетъ отдавать невѣсты, то говоритъ свату: У меня нѣтъ невѣсты; исши ее въ другомъ домѣ, а ко мнѣ съ этимъ дѣломъ (сватаньемъ) не прикоди. А если кошь, прикоди за просто за бражкой.

Вообще отецъ невѣсты на первыхъ порахъ бываетъ въ отвѣтахъ уклончивъ, и свату нужно не одинъ разъ пріѣхать, какъ говорится, съ добрымъ словомъ, чтобы получить окончательное согласіе и согласится съ отцемъ на счетъ рукобитья и сговора.

Если же невѣста не желаетъ выдти за предложеннаго жениха, то отецъ отказываетъ во второй или третій разъ.

Замѣчательно, что сватовъ не угощаютъ у невѣсты, не смотря на то, что сваты сидятъ тогда отъ 3 до 5 часовъ.

Пермячки рѣдко сохраняютъ дѣвство, но женихи на это не обращаютъ особеннаго вниманія и не обѣгаютъ, а напротивъ берутъ съ охотою и даже беременныхъ, расчитывая, что миренъ *), скоро работникъ будетъ. Разсказываютъ и такія вещи, что отцы основали такое убѣжденіе: въ семьѣ считая дочерей своихъ невинными, оскорбляются сватовствомъ, бранятъ и даже

---

*) Незаконнорожденный, мірской мальчикъ. См. Ж. М. В. Д. статья Рогова.

выгоняютъ сватовъ, иногда даже колотятъ, говоря: „Что разь дочь моя пенна?“ то-есть виновная (отъ слова пеня, вина).

Въ день, назначенный для рукобитья, сватовщикъ беретъ у жениха вина, пива, рыбный пирогъ и съ этими дарами является въ домъ невѣсты, въ сопровожденіи одного изъ родственниковъ или родственницъ. Но самъ женихъ рѣдко бываетъ на рукобитьѣ и входитъ въ домъ, только по желанію невѣсты.

И тутъ уже, послѣ полнаго изъявленія согласія, въ день, назначенный для рукобитья, отецъ притворно отнѣкивается. И только родственники невѣсты, напоминаютъ ему о данномъ словѣ, заставляютъ тѣмъ, какъ будто удержаться отъ отказа и дать согласіе.

Тутъ сватъ ставитъ съ виномъ посуду кромѣ одной, которую оставляютъ на нужды невѣсты! Отецъ ея приказываетъ зажечь свѣчу предъ иконою и принести хлѣбъ и соль на столъ. Затѣмъ всѣ въ избѣ молятся съ минуту времени. Затѣмъ отецъ заходитъ за столъ, къ столу, подходитъ сватовщикъ и берутся правыми руками и проговоривъ: „Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ,“ сватовщикъ говоритъ отцу: „Смотри сватъ, ней—мѣй другаго слова! попятишься—отдашь безчестіе, я отступлюсь—я плачу“.

Съ одной стороны товарищъ сватовщика, а съ другой мать невѣсты, разнимаютъ руки; это служитъ, какъ бы поручительствомъ въ томъ, что между сватами дѣло начато и утверждено при свидѣтеляхъ.

Послѣ того сватъ угощаетъ всѣхъ присутствующихъ водкою; а отецъ, выйдя изъ за стола, проситъ садиться. Потомъ появляется нарядная невѣста и обноситъ всѣхъ водкою принесенною *на нужды* сватомъ и даритъ всѣхъ подарками преимущественно своего рукодѣлья и не дорогими. А гости отдариваютъ за то деньгами. Если тутъ присутствуетъ женихъ, то онъ тоже получаетъ подарокъ.

Послѣ даровъ, сватовщика и сопровождающаго или сопровождающую его угощаютъ нарочно, приготовленнымъ для нихъ праздничнымъ обѣдомъ, состоящимъ преимущественно изъ рыбнаго пирога, студени, щей, двухъ трехъ жаркихъ, иногда меда. Во время обѣда угощаютъ всѣхъ безразлично званыхъ и незваныхъ пивомъ и виномъ привезеннымъ сватомъ, причемъ на-

питковъ не жалѣютъ, а богатый отецъ невѣсты иногда расходится до того, что и своимъ виномъ угощаетъ: Разъѣзжаются уже поздно ночью.

Когда на рукобитьѣ бываетъ женихъ, то во время даровъ и столованія соблюдаются обрядности, поются пѣсни, также, какъ и въ день свадьбы.

Это рукобитье у Пермяковъ замѣняетъ просватанье. Сначала его, по день пирожнаго стола включительно, въ домахъ жениха и невѣсты никому не даютъ денегъ взаймы и даже вещей и предметовъ и невѣста считается просватанною. Начиная съ этого дня въ домъ приглашается вытница (плакальщица, причитальщица) и подруги.

Вытница, это лицо очень важное въ свадебномъ дѣлѣ. Обыкновенно въ эту должность идутъ:—или старыя дѣвушки или замужнія женщины хорошо знающія пѣть свадебныя пѣсни и руководить хоромъ дѣвушекъ, разумѣется она должна обладать пріятнымъ голосомъ и манерою пѣть.

Вытницей она называется не потому, что сама плачетъ, а потому, что во время ея пѣнія невѣста „воетъ", то есть плачетъ.

Хорошія вытницы очень рѣдки и, потому у Пермяковъ онѣ въ большомъ уваженіи.

Въ теченіи времени, начиная съ рукобитья до вѣнца, какъ вытница такъ и дѣвушки, если не постоянно, то все таки и не рѣдко, посѣщаютъ невѣсту и помогаютъ ей приготовлять подарки, какъ невѣстѣ такъ и самой роднѣ жениха.

Въ первые дни послѣ рукобитья всѣ родственники, начиная съ стороннихъ и ближнихъ приглашаютъ по очередно къ себѣ невѣсту съ вытницею и съ подругами къ себѣ въ гости, для чего присылается такъ называемый „*зватый*". Невѣста угощаетъ этого *зватаго* виномъ и даритъ его, тѣльникомъ, (крестомъ), и двумя поясками. Для выхода въ гости, она одѣвается по праздничному и вплетаетъ въ косу разноцвѣтныя ленточки. Ставъ среди избы съ подругами и запѣвалой (вытницей), онѣ поютъ пѣсню отцу, въ которой испрашиваютъ его благословенія въ дорогу, куда онѣ приглашаются, при чемъ невѣста кланяется отцу въ ноги. Отецъ даетъ благословеніе и затѣмъ тоже, съ приличными измѣненіями пѣсня обращается къ матери и къ другимъ старшимъ въ домѣ.

Получивъ отъ всѣхъ благословеніе, невѣста отправляется въ гости въ сопровожденіи всѣхъ своихъ подругъ, если близко — то пѣшкомъ, а если далеко и зимою,—въ саняхъ, а лѣтомъ—верхомъ. При этомъ подруги берутъ съ собой сидѣнье невѣсты—войлокъ и подушку и дорогой распѣваютъ разныя проголосныя пѣсни.

Если невѣста ѣдетъ къ теткѣ, то подойдя къ переднему крыльцу, дѣвушки ея сопровождающія стелютъ войлокъ передъ избныя двери и ставши на него вмѣстѣ съ невѣстой поютъ:

Не хотѣла ты матушка,
На мосту меня заморозить.
Прищипало мои ноженьки рѣзвыя
Къ мосту, да къ калиновому;
Прищипало мои ручки бѣлыя
Ко скобѣ да ко желѣзною.

Тетка, между тѣмъ, постлавши въ избѣ къ порогу войлокъ, выходитъ въ сѣни съ туясомъ теплой браги для невѣсты и сопровождающихъ ея подругъ. Невѣста при этомъ падаетъ теткѣ въ ноги. а дѣвушки поютъ краткую пѣсню о кручинѣ невѣсты, что она въ послѣдній, хоть и не въ первый разъ къ ней приходитъ. Мысль пѣсни, понятно, выражаетъ тоску о дѣвической жизни.

Поднесенную брагу, разумѣется, пьютъ всѣ; войлокъ и подушку вносятъ въ избу. Молятся, кланяются, съ женскимъ поломъ цѣлуются и садятся. Хозяйка съ своей стороны дорогихъ гостей угощаетъ брагой, пивомъ, виновъ, пельменями и другими кушаньями. Въ холодное время, чтобы скорѣе разогрѣть невѣсту, подносятъ ей теплое пиво съ перцемъ. Коль скоро дѣвицы будутъ угощены всѣмъ до сыта, то онѣ поютъ пѣсню, въ которой отъ лица невѣсты славятъ тетку, благодарятъ за угощеніе и выхваляютъ ея кушанья до нельзя, и не только одной теткѣ, но каждому порознь члену въ домѣ. За это чествованіе каждый въ домѣ даритъ невѣсту деньгами отъ 1 копѣйки даже до 20 копѣекъ, кромѣ тетки, которая даритъ невѣсту шамшурою.

Затѣмъ поются пѣсни разнаго рода, и тетка получивъ отъ невѣсты холстъ на рукава, тѣльникъ и два пояска, а хозяину

порты или опояску съ тѣльникомъ и двумя поясками и другіе предметы. Все дѣло въ томъ, что вся піеса посѣщенія тетки или даже другихъ родственниковъ состояла въ прославленіи пѣснями.

Въ одинъ изъ послѣднихъ дней передъ свадьбою, отецъ жениха, или за смертью отца старшій и ближній его родственникъ—сватовщикъ пріѣзжаетъ въ домъ невѣсты условиться о днѣ свадьбы, что значитъ по пермяцки—*держать совѣтъ*.

Онъ опять привозитъ съ собою вина, пива, рыбный пирогъ и челпанъ, завернутые въ платокъ и обвитые тѣльникомъ и двумя поясками. Вино поступаетъ къ отцу, а пирогъ съ платкомъ, тѣльникомъ и поясками, матери невѣсты. За эти подарки мать посылаетъ такіе же гостинцы отъ лица невѣсты къ жениху. Невѣста угощаетъ дорогаго гостя виномъ, которое получила при рукобитьѣ, а также пивомъ, брагой и обѣдомъ.

За день, или за два до свадьбы отецъ жениха совѣщается съ семьей, кого поставить въ поѣзжане и особливо въ вѣжливцы *).

Поѣздъ составляется такимъ образомъ: Крестный отецъ, старшій братъ или дядья жениха—тысяцкіе или бояре. Крестная мать, или старуха тетка, замужняя сестра въ—свахи. Младшіе братья и знакомые жениха—въ дружки, и подружки; а какой нибудь колдунъ, знахарь—въ вѣжливцы. „Присутствіе колдуна или вѣжливца, по мнѣнію Пермяковъ, отвращаетъ отъ поѣзда великой злой умыселъ или злаго врага" и т. п.

Въ это время суевѣрные Пермяки особенно опасаются, не оборотилъ бы кто свадебжанъ—въ звѣрей или птицъ. Поэтому вѣжливецъ долженъ быть силенъ въ колдовствѣ; оттого людей годныхъ для этой должности весьма мало и вѣжливецъ становится чрезвычайно важнымъ лицомъ на свадьбѣ—его почитаютъ больше всѣхъ поѣзжанъ.

Избранные въ поѣздъ приглашаются наканунѣ свадьбы въ домъ жениха. Приглашеніе это дѣлается со стороны отца, брата или дяди жениха, получающіе по этому случаю названіе „*зватыхъ*".

Каждому приглашаемому „*зватый*" привозитъ въ подарокъ

*) Вѣжливецъ—знахарь, которому поручается оберегать молодыхъ отъ порчи, дурнаго глазу и отъ прочаго.

челпанъ хлѣба и кусокъ говядины, но чаще сырую баранью лопатку. Въ тоже время своего рода приготовленія происходятъ въ домѣ невѣсты.

Въ послѣдній день передъ свадьбой (въ дѣвишникъ) невѣстѣ расплетаютъ косу и водятъ ее въ нарочно истопленную баню, а передъ тѣмъ какъ ее вести, поютъ пѣсни, испрашивая родительскаго благословенія и тоже благословенія братьевъ, сестеръ и всѣхъ другихъ членовъ семейства.

При всемъ этомъ, невѣста кланяется всѣмъ въ ноги безразлично, начиная со старшихъ.

Въ баню отправляются съ пѣснями, точно также, какъ и возвращаясь изъ бани. При встрѣчѣ мать, возвращающихся изъ бани невѣсту и подругъ, подчуетъ брагою и благословляетъ словомъ, а за тѣмъ слѣдуетъ ужинъ, послѣ котораго дѣвушки опять поютъ благодарственную пѣсню отъ имени невѣсты, и, выйдя изъ за стола и ставъ среди избы всѣ поютъ съ невѣстою опять пѣсню, содержаніе которой заключаетъ въ себѣ просьбу къ отцу о дарованіи благословенія на житье въ дальней сторонушкѣ. Отецъ, благословляетъ дочь; она при этомъ даритъ ему, что нибудь изъ бѣлья съ новымъ приговоромъ, а за тѣмъ всѣмъ роднымъ въ домѣ. Эту пѣсню повторяютъ матери, дядьямъ, теткамъ, братьямъ, сестрамъ и другимъ взрослымъ домочадцамъ, а затѣмъ невѣста дѣлаетъ всѣмъ подарки. Когда же пѣсня кончается, невѣста кланяется въ ноги вытницѣ и даритъ ее холстомъ или рукавами.

Вслѣдъ за этимъ, дѣвушки садятъ невѣсту на лавку и въ послѣдній разъ заплетаютъ ей косу съ ленточками, сопровождая это припѣвами, сообразными времени.

Потомъ, съ одной, или съ двумя подругами, невѣста ложится за столъ на лавку противуположную дверямъ, къ которой на этотъ разъ приставляется скамейка; прочія дѣвушки, если онѣ одной деревни съ невѣстой, уходятъ домой,—если же дальнія, то ложатся, на полъ и на полати.

Между тѣмъ у жениха, наканунѣ свадьбы, въ избѣ моютъ полъ и застилаютъ ихъ соломой съ тѣмъ понятіемъ, чтобы молодой не бѣдно жилъ съ женой и не „голо“, а богато, или по народному выраженію „толсто“. По вечеру женихъ ходитъ въ баню, впрочемъ безъ всякихъ обрядностей.

Въ день свадьбы. лишь только проснется невѣста, какъ дѣвушки опять начинаютъ отъ лица невѣсты пѣть пѣсню, въ которой говорится, что: „будто бы постель невѣсты уплыла по синю морю. что она не могла ее поймать, а что поймалъ ее одинъ удалый добрый молодецъ и положилъ на свою кроватушку". А потомъ поютъ дѣвицы, каждому изъ членовъ семейства невѣсты, тоже отъ ея имени, гдѣ высказывается сожалѣніе. что не она имъ стлала постель въ горѣ и кручинушкѣ, и сомнѣваются хорошо ли спали ночевали, тотъ или другой членъ семейства. Затѣмъ невѣста встаетъ и опять проситъ благословенія умываться, снаряжаться, подъ золотымъ вѣнцомъ стояти. законъ Божій пріяти, съ чужѣ-чужениномъ, и опять падаетъ въ ноги отцу и матери, которые, по обыкновенію опять благословляютъ невѣсту словами: „Богъ благословитъ!" Послѣ того невѣста вмѣстѣ съ дѣвушками спускается въ подполицу—въ голбецъ—одѣваться. Сначала она умывается съ мыломъ, потомъ она надѣваетъ чистую рубашку, новую и лучшую съ бѣлыми рукавами. китайникъ, на плечи шаль, или ситцевый платокъ, на голову—ленту и сверху фату, на ноги чулки и коты. Но прежде всего этого, по народному суевѣрью, опоясывается по голому тѣлу лыкомъ, подъ пазуху правой руки кладетъ по немногу льна, шерсти, мыла и на грудь три кренделя или три пряничка. По мнѣнію Пермяковъ, лыко—защита отъ колдуновъ и уроковъ (припадковъ;) ленъ, шерсть и мыло выражаютъ желаніе молодой носить всегда льняную и шерстяную одежду и ходить чисто и богато; кренделями выражается та мысль. чтобы у мужа никогда не переводился хлѣбъ и сытая жизнь. Такимъ образомъ одѣвши невѣсту, дѣвушки вмѣстѣ съ нею поютъ выходя изъ подполицы пѣсню, гдѣ отъ лица невѣсты выражаютъ сребра и здоровья Царю и Царицѣ и его малымъ дѣтушкамъ, а потомъ родимымъ отцу и матери, потомъ за себя молодешеньку съ желаніемъ счастьица великаго; приэтомъ на самомъ дѣлѣ кладетъ по земному поклону предъ образами.

Окончивъ это моленіе, дѣвушки съ невѣстою садятся на лавки и поютъ:

Наглядись ка родимый батюшка
На меня, на молодешеньку.
Хорошо ли я снарядилась

По Божьи въ церковь ѣхати,
Подъ златой вѣнецъ ставати,
Законъ Божій приняти
Со чужимъ то со чужениномъ?

Эту пѣсню повторяютъ матери, роднымъ братьямъ и сестрамъ, а также и присутствующимъ родственникамъ. Затѣмъ продолжаютъ:

Я тебѣ, батюшка,
Бью челомъ, низко кланяюсь:
Я была у тебя, батюшка,
Малымъ то малешенька,
Возлѣ лавочки ходила,
Со по стульчикамъ бѣгала,
Бралъ ты меня, батюшка,
На свои ручки бѣлыя;
Поднималъ ты меня батюшка,
Выше буйной головушки;
Говорилъ ты мнѣ, батюшка:
„Не отдамъ я тебя, мила дочь,
Ни за князя, ни за боярина;
Посажу я тебя, мила дочь,
Во сады, во зеленые;
Обтыню я тебя, мила дочь,
Тынинами желѣзными;
Покрою тебя, мила дочь,
Камкою трубчатою;
Осыплю тебя, мила дочь,
Мелкимъ частымъ жемчугомъ.“
Вотъ сижу я у тебя, батюшка,
Во кути, за занавѣсой:
Обтынилъ ты меня, батюшка,
Кумушками, да подружками:
Покрылъ ты меня, батюшка,
Тоскою да кручинушкой;
Обсыпалъ ты меня, батюшка,
Слезами, да горючими.

Въ продолженіи этой пѣсни, невѣста плачетъ не шутя. По окончаніи этой пѣсни, дѣвушки расплетаютъ невѣстѣ косу и вновь поютъ пѣсню, такого содержанія, гдѣ говорится между прочимъ о томъ, что невѣсту беретъ раздумье: „*Кому оставить свою русу косу и дѣвью красоту?*“, Оставить ли родимому батюшкѣ,—тотъ пропьетъ все это во царевомъ кабакѣ за едину чарочку, оставить ли родимой матушкѣ,—та охоча ходити и гуляти; а потому обронитъ въ черную грязь, и, наконецъ—рѣшается оставить русу косу въ церкви Божіей, за престоломъ Богородицы, гдѣ ей будетъ „*мѣсто и мѣстичко, и житье и красованьицо*“.

Послѣ такой пѣсни начинается ожиданіе жениха съ поѣздомъ.

Поѣзжане пріѣзжаютъ къ жениху, смотря по времени года, верхомъ, въ саняхъ, или на телѣгахъ и всегда съ большимъ звономъ. Къ пріѣзду поѣзжанъ, женихъ бываетъ уже одѣтъ. Бѣлье его бываетъ бѣлое, зипунъ черный и сапоги. Въ первый сапогъ женихъ кладетъ копѣйки три мѣдныхъ, и всегда полушками. Ко времени отпуска жениха, мать, или старшая въ домѣ родственница, приносятъ на столъ, накрытый скатертью, челпанъ хлѣба, назначенный для благословенія жениха, соль пиво и брагу и зажигаетъ предъ Иконами свѣчи. Женихъ молится, кланяется отцу и матери въ ноги, испрашивая благословенія и, прочитавъ Іисусову молитву, становится за столъ, къ которому съ той же молитвой подходятъ всѣ поѣзжане и отдаютъ, одинъ за другимъ, жениху чрезъ столъ обѣими руками принесенные подарки или гостинцы. Они состоятъ изъ печеной лопатки, или куска сырой свинины, и всегда на хлѣбѣ, причемъ, каждый говоритъ: „Прими-ко князь молодой, дорогіе подарки“, и сопровождаютъ молитвой: „Господи Іисусе Христе“ и прочее. На это женихъ отвѣчаетъ каждому: „аминь—твоей молитвѣ“, затѣмъ принимаетъ тоже обѣими руками, гостинцы, кладетъ ихъ сначала на голову, потомъ на столъ и подчуетъ каждаго поѣзжанина пивомъ и брагой, рѣдко виномъ, творя Іисусову молитву и приговаривая: „Пей-ка на здоровье (такой-то). На это конечно отзывается каждый поѣзжанинъ, къ которому обращается женихъ, словомъ: „Аминь—твоей молитвѣ и принявъ стаканъ, кланяется жениху, приговаривая: „Дай тебѣ Господи долги вѣка, счастье великое, жить да быть, да счастья

нажить скота, живота, хлѣба—соли, княгиню—молодицу получити, съ княгиней въ церковь ѣхати, подъ златыми вѣнцами стояти, законъ Божій приняти!" и затѣмъ каждый угощаемый пьетъ. Мать, или старшая родственница жениха уноситъ со стола гостинцы въ куть.

По приглашенію хозяина, всѣ поѣзжане, долженствующіе его сопровождать, садятся за столъ и по обѣ стороны жениха. Тысяцкій справа, а слѣва сваха, впрочемъ это зависитъ отъ расположенія избы; но вообще свахѣ даютъ одно изъ мѣстъ съ краю стола, по ближе къ кути. Женихъ во все время сидитъ или на войлокѣ, или на подушкѣ. Прежде, чѣмъ отправить жениха съ поѣзжанами къ невѣстѣ, поѣзжанъ угощаютъ рыбнымъ пирогомъ, затѣмъ ухою, въ скоромные дни — бараньей лопаткою, а послѣ всего, какъ знакъ окончанія закуски—приносятъ каравай. Что касается до жениха, то онъ по обычаю—въ это время ничего не ѣстъ, хотя поѣзжане услаждаютъ во время закуски то пивомъ, то брагой. Послѣ закуски поѣзжане приготовляются къ невѣстѣ, причемъ дружко опять таки благословясь, говоритъ:—„Садитесь отецъ на отцово, мать на материно". По его предложенію родители жениха заходятъ за столъ тоже съ молитвой и дружко начинаетъ, благословясь, говорить:

„Отецъ родимый! мать родимая! у васъ въ дому во свѣтлой свѣтлицѣ, во новой горницѣ, за новымъ столомъ, за скатертью шитой—браною, князь молодой сидѣлъ съ полкомъ—съ поѣздомъ, съ тысяцкимъ, съ боярами, съ дружкой и съ подружкою; не проситъ у васъ князь молодой, ни злата ни серебра, а проситъ вашего благословенія—къ княгинѣ—молодицѣ ѣхати, княгиню—молодицу получити, съ княгиней — молодицей до Божьей церкви доѣхати, подъ златымъ вѣнцомъ стояти, законъ Божій приняти. Чѣмъ его благословите? ласковымъ словомъ, или низкимъ поклономъ, или Божьимъ образомъ, или хлѣбомъ съ солью?

Отецъ и мать въ это время выходятъ изъ за стола; отецъ беретъ икону изъ передняго угла, а послѣдняя—челпанъ хлѣба со стола и становятся предъ столомъ спинами къ переднему углу; женихъ кладетъ предъ образами три поясныхъ поклона, а два земныхъ, потомъ падаетъ въ ноги отцу и матери. Роди-

тели благословляютъ жениха—сына то образомъ, то хлѣбомъ попеременно, говоря: „Дай Господи тебѣ княгиню—молодицу получить—законъ Божій принять!“

Такой же обрядъ, и тотъ же порядокъ исполняютъ надъ женихомъ старшіе въ домѣ послѣ отца съ матерью, братья и сестры жениха, иногда старшіе въ семействѣ и тысяцкій, какъ почетный членъ жениха и чаще всего родственникъ.

Но вотъ, далѣе: Образъ кладутъ за пазуху жениха, а челпанъ беретъ дружко. Затѣмъ всѣ поѣзжане и женихъ, въ сопровожденіи своихъ родителей, родственниковъ и гостей выходятъ заднимъ крыльцомъ во дворъ, гдѣ опять съ молитвой садятся, каждый на свое мѣсто, кто на чемъ пріѣхалъ, кромѣ дружекъ, которые всегда бываютъ верхами. Колдунъ, или вѣжливецъ, между тѣмъ ворчитъ про себя заговоръ, обходитъ всѣхъ лошадей, передвигаетъ экипажи, потрясываетъ колокольцы и бубенчики (шаркунцы). Хоть и глупо съ одной стороны ввѣряться вѣжливцамъ, но съ другой стороны нельзя и не приглашать простымъ людямъ такихъ знатоковъ дѣла въ предохраненіе могущаго произойти несчастія отъ простыхъ причинъ.

Отецъ жениха угощаетъ поѣзжанъ виномъ, въ случаѣ состоятельности обходя „подачей“ всѣхъ три раза. Вслѣдъ за отцомъ, мать и братъ жениха подноситъ пиво и брагу. Дружко творитъ молитву и говоритъ: „Тысяцкій воевода! приготовился ѣхать или не приготовился“. Тысяцкій отвѣчаетъ: „да или нѣтъ“, въ послѣднемъ случаѣ значитъ, что онъ ждетъ подачи, которая и повторяется. Въ продолженіи этого, дружки, обращаясь къ жениху, поютъ пѣсни, вопрошая жениха: „куда ты молодецъ снаряжаешься со полкомъ, со поѣздомъ“ и пр. По окончаніи пѣсни дружко опять спрашиваетъ тысяцкаго: „приготовился или не приготовился?“ тысяцкій отвѣчаетъ на это, приготовился. Тогда дружко, какъ и прежде, сотворивъ молитву: „Господи Іисусе“, говоритъ: „отецъ родимый, милые братья, милыя сестры, гости званые и незваные! благословите нашего князя молодаго, ясна сокола, со всѣмъ полкомъ, съ поѣздомъ и пр. къ княгинѣ—молодицы ѣхати и пр.“ приглашаемые всѣ отвѣчаютъ: „Богъ благословитъ!“ послѣ благословенія, дружки поютъ: „соколы вы, соколы, соколы перелетные! и пр.“ а потомъ „бояре, вы бояре, бояре пріѣзжіе и пр.“ и поѣздъ от-

правляется къ невѣстѣ, причемъ дружко везетъ къ невѣстѣ подарки. Нѣкоторые подарки весьма оригинальны по назначенію—вино для отпирателя воротъ у невѣстѣ, и для угощенія, отца и прочихъ. Пиво—въ лагунѣ, рыбный пирогъ обвязанный поясками, для матери невѣсты и для сестеръ; ячные пироги или тоже рыбные, для вытницы съ дѣвушками и наконецъ челпанъ хлѣба, свой или чужой, китайникъ, фаты, коты, чулки и мыло со вдавленною въ него монетою для невѣсты.

Свадебный поѣздъ, обыкновенно составляется изъ нечетнаго числа поѣзжанъ большею частью изъ 7 или 9 человѣкъ: жениха, тысяцкаго, двухъ, трехъ бояръ, одного или двухъ дружекъ, поддружья, свахи и вѣжливца. Тронувшись съ мѣста, поютъ: „Какъ по морю, морю синему, по синему, по хвалынскому, плылъ селезень и пр.“ Подъѣзжая къ дому невѣсты поютъ: „У нашего добра молодца, черны кудри увиваются, увиваются, завиваются на три сторонушки и пр.“ Въ домѣ же невѣсты въ это время поютъ: „Погляжу я молодешенька, вдаль да во чистое поле и пр.“

Въ этой пѣснѣ высказывается и похвала поѣзжанъ въ отношеніи ихъ богатства, и въ тоже время, близкая тоска о разлукѣ съ роднымъ домомъ, и жизни съ чужъ-чужениномъ и просьба невѣсты охранить домъ отъ нашествія супостатовъ—разлучниковъ.

Въ это время обыкновенно поѣздъ уже у воротъ дома. Дѣвушки прячутся въ кути. Невѣста садится противъ печи на лавку, покрытую войлокомъ или подушкой. Это служитъ примѣтой или желаніемъ, жить не бѣдно.

Дружки жениха подойдя къ окну, читаютъ три раза „Господи Іисусе“ невѣста отвѣчаетъ: „Аминь.“

— Отецъ родимый! мать родимая! звали ли гостей? ждали ли гостей? спрашиваетъ дружко.

— Звали, звали! отвѣчаетъ хозяинъ.

— Бьемъ челомъ, снова говоритъ дружко.

— Было ли сватовство? было ли любовство? было ли обрученіе?

— Было, отвѣчаетъ хозяинъ.

— Отецъ родимый! мать родимая! у насъ князь молодой, ясный соколъ со всѣмъ полкомъ, со всѣмъ поѣздомъ, тысяцкій

съ боярами. дружко съ поддружьемъ, сваха съ проводничкомъ стоятъ подъ окномъ, подъ небеснымъ облакомъ,—дозволили намъ, дружкамъ, спроситься: во время ли или не во время мы пріѣхали?

— Во время—отвѣчаетъ хозяинъ.

— Будетъ ли приказано намъ—къ золотому вашему столбу, къ серебряному кольцу—коней привязать, али во дворъ заѣхать?

— Во дворъ заѣзжать.

— Будетъ ли довольно у воротъ воротниковъ, у дверей придверниковъ?

— Будетъ.

— Будетъ ли конямъ сѣна до ушей, овса до копытъ?

— Будетъ.

— Нѣтъ ли на дворѣ свиньи горласты, собаки кусасты? гуся зубаста? Свиней во хлѣвъ загоните, собакъ на цѣпь привяжите, гусей въ стало заприте. Намъ прикажите, али сами исполните?

— Сами.

— Нѣтъ ли въ домѣ курицы летучей? заприте въ шестокъ, чтобы она по избѣ не летала, сажи не спускала, цвѣтно платье не марала.

— Нѣтъ.

— Кто будетъ ворота отворять? отецъ или мать, братья али сестры, али гости званые, али не званые, али люди прихожіе, али намъ, дружкамъ прикажете?

— Братъ отворитъ, отвѣчаетъ хозяинъ.

Это порученіе падаетъ на дядю или на другихъ мужчинъ—родственниковъ.

Когда посланный отправится отворять ворота, то въ избѣ, предъ образами зажигаютъ одну или двѣ свѣчи, и дѣвицы въ это время поютъ небольшой куплетъ, выражающій упрекъ отцу за то, что онъ не послушавшись ее, молодой дѣвушки, отворилъ ворота и впустилъ ея разлучниковъ и супостатчиковъ.

Нѣкоторые изъ веселыхъ и богатыхъ отцевъ, нарочно въ началѣ или въ концѣ разговора съ дружкой, стрѣляютъ по поѣзду холостымъ зарядомъ, причемъ иногда лошади пугаются и сбрасываютъ сѣдоковъ, къ общему удовольствію и смѣху.

Потомъ поѣздъ заѣзжаетъ во дворъ, къ заднему крыльцу.

Отпиравшему ворота, дружка даетъ въ особой посудѣ вино съ косушку, и съ Іисусовой молитвой, кладетъ нагайкой крестъ на воротахъ и на ближнемъ къ нему углу дома. Поѣзжане и женихъ выходятъ изъ повозокъ или спѣшиваются, снимаютъ верхнюю одежду и складываютъ ее въ повозки, или на сѣдла.

Дружка кладетъ за пазуху восковую свѣчку, а на особое блюдо для отца невѣсты, ставитъ вино. Для матери кладетъ пирогъ съ рыбой, для невѣсты—челпанъ, и одинъ, а иногда вмѣстѣ съ поддружіемъ, идетъ въ избу. Здѣсь онъ молится Богу, произноситъ Іисусову молитву и говоритъ: „Становитесь—отецъ на отцово мѣсто, мать на материно“—и, когда отецъ и мать станутъ рядомъ за столъ, продолжаетъ: „Руки съ подносомъ, ноги съ подходомъ, головы съ поклономъ, языкъ съ приговоромъ. Идутъ отъ нашего князя молодаго, яснаго сокола, дорогіе гостиночки, честны—не малы примете, аль не примете?“

— Примемъ—отвѣчаютъ отецъ и мать.

Дружка снимаетъ съ блюда слѣдующій имъ подарокъ, кладетъ его на столъ, потомъ продолжаетъ: „Идутъ къ княгинѣ—молодицѣ отъ нашего князя молодаго, яснаго сокола, дорогіе гостиночки, честны—не малы: какъ прикажете—на столъ положить, али намъ поднести?“

— Ты, дружка, самъ поднеси, говоритъ отецъ.

— Со свѣтомъ, или безъ свѣту?

— Со свѣтомъ, обыкновенно, отвѣчаетъ отецъ.

— „Свѣчи воску яраго отъ насъ, а свѣтъ летучій отъ отца и материной душъ“,—говоритъ дружка, и вынимаетъ изъ запазухи свѣчку зажигаетъ ее отъ свѣчей предъ иконами и идетъ въ куть къ невѣстѣ, говоря: „Дѣвицы—пѣвицы, пирожныя мастерицы, старыя старушки, молодыя молодки! подвиньтесь, отсторонитесь отъ княгини—молодицы, чтобы мнѣ на праву ножку не наступить, чулокъ не замарать, башмакъ не разорвать, въ бѣлу грудь не толкнуть, безчестія не хватить.“

Невѣста съ дѣвушками встаетъ на ноги; дружка сотворивъ Іисусову молитву, продолжаетъ: „Княгиня—молодица! становись ко ты на рѣзвы ножки, на куньи лапки; прими ка ты отъ нашего князя молодаго, яснаго сокола, дорогіе подарочки, добрые гостиночки.“

Въ отвѣтъ на это дѣвушки поютъ отъ лица невѣсты: „Не приму я безъ роднаго батюшки отъ чужъ чуженина дорогіе подарочки, которые разлучатъ меня изъ дома родительскаго“.

Дружка опять творитъ молитву и проситъ отца благословить невѣсту на принятіе даровъ отъ жениха. Отецъ изъ за стола даетъ благословеніе. Затѣмъ точно также пѣсня повторяется матери невѣсты и прочимъ ея родственникамъ, каждому особенно и по старшинству. Всѣ родственники благословляютъ невѣсту на принятіе подарковъ и, тогда уже невѣста принимаетъ подарокъ ей слѣдуемый—челпанъ. Она поднимаетъ челпанъ на голову, потомъ отломивъ отъ него кусочекъ, даетъ матери, а затѣмъ помѣщаетъ въ близь стоящую коробку; на блюдо дружкѣ для передачи кладетъ свой челпанъ для жениха.

Загасивъ свѣчу и положивъ ее на грядку съ отдарками невѣсты, дружка возвращается во дворъ. Невѣстинъ челпанъ бываетъ черствый и мягкій. Отъ черстваго женихъ также отламываетъ небольшой кусокъ и съѣдаетъ его. Взаимное отдариваніе челпанами имѣетъ свой тайный смыслъ. Женихъ даетъ понятіе невѣстѣ, что у него будетъ достаточно хлѣба для прокормленія жены и семейства. А невѣста своимъ подаркомъ оказываетъ, цѣломудренна ли она? Цѣломудренная посылаетъ жениху самый черствый хлѣбъ, а нарушившая дѣвство—мягкій. Съ какою цѣлью обнаруживается такой порядокъ—объяснить можно только тѣмъ развѣ, что у пермяковъ нарушенное дѣвство не означаетъ особеннаго проступка или паденія чести дѣвушки, какъ и у Японцевъ.

Отдавъ жениху невѣстинъ челпанъ, дружко кладетъ на блюдо другіе подарки невѣстѣ: китайникъ, фату, коты, чулки, мыло и вмѣстѣ съ женихомъ и другими поѣзжанами входитъ въ сѣни, отворяетъ двери въ три пріема, и прочитавъ молитву, говоритъ черезъ порогъ невѣстиной свахѣ: „свашенька, ты матушка! приступись поближе, поклонись пониже, не будь ты драчлива, не будь ломлива, будь жалостлива, будь приступлива!“ Невѣстина сваха тихонько подходитъ къ дверямъ со стаканомъ вина или пива; изъ сѣней низко кланяется ей женихова сваха, тоже со стаканомъ пива. Когда невѣстина сваха подойдетъ къ порогу и перенесетъ черезъ него одну ногу, дружки выводятъ ее въ сѣни и запираютъ двери. Здѣсь свахи

мѣняются стаканами и, поцѣловавшись, выпиваютъ пиво. Тогда женихъ съ поѣздомъ входятъ въ избу. Дружко, прочитавъ обычную молитву, говоритъ: „У насъ князь молодой, ясный соколъ, стоитъ среди пола, среди дубоваго,—проситъ мѣста. Благословите-ка отецъ и мать—ему мѣсто!"—„Вотъ мѣсто здѣсь", говоритъ отецъ, указывая на лавку въ переднемъ углу, а самъ выходитъ изъ за стола.

Тысяцкій окупаетъ мѣсто, оплачивая его деньгами отъ 3 до 20 копѣекъ серебромъ. Женихъ садится. Дружка беретъ съ грядокъ свою свѣчку, зажигаетъ ее и, прочитавъ молитву говоритъ: „Идетъ отъ нашего князя молодаго, яснаго сокола къ княгинѣ молодицѣ, бѣло мыло, злато серебро, цвѣтно платье, сини чулочки, красные башмачки. Бѣло мыло—на умыванье, злато-серебро—на уживанье, цвѣтно-платье на одѣванье, сини чулочки, красные башмачки—на обуванье, кому прикажете поднести?

— Невѣстѣ поднесите, отвѣчаетъ отецъ.

Дружка читаетъ молитву, входитъ въ куть вмѣстѣ съ вѣжливцемъ и обращается съ такими словами къ невѣстѣ: „княгиня ты, молодица! ты прими отъ нашего князя молодаго, яснаго сокола, бѣло мыло, злато серебро, цвѣтно платье, сини чулочки, красные башмачки".

Во время этихъ словъ вѣжливецъ, или знахарь, беретъ съ полу солому и подкидываетъ ее подъ ноги невѣстѣ съ огражденіемъ отъ уроковъ и призоровъ.

Невѣста принимаетъ дары, также, какъ прежде, испрашивая благословеніе всѣхъ домашнихъ, какъ выше было сказано.

Послѣ поднесенія даровъ, дружка говоритъ: „у меня отъ свѣчки руки горятъ"; на это ему отвѣчаютъ подаркомъ отъ невѣсты, то-есть ширинкой, платкомъ или поясками, съ которыми онъ выходитъ отъ невѣсты и присоединяется къ поѣзду. Невѣста, какъ и прежде, садится въ кути противъ печи на лавку. Вѣжливецъ, почерпнувъ ковшемъ воды изъ кадки, даетъ ей умыться въ устраненіе уроковъ и призоровъ, а иногда даже и самъ ее умываетъ. Женихова сваха покупаетъ невѣсту у дѣвушекъ за гривенникъ, потомъ одѣваетъ ее въ платье и обувь, привезенные отъ жениха и, сотворивъ молитву, беретъ обѣими руками фату, обноситъ ее по солнцу вокругъ головы,

относитъ на сторону и встряхиваетъ; повторяетъ это три раза и наконецъ надѣваетъ фату на голову. Это дѣлается для защищенія головы отъ всего худаго, напущеннаго. Нужно замѣтить, что невѣста съ утра въ платьѣ, но было въ обязанности ея надѣть подарокъ жениха сверхъ своего собственнаго, даже если женихово будетъ короче и даже кромѣ платья необходимо надѣть всѣ подарки жениха. При такомъ обыкновеніи на невѣстѣ кромѣ двухъ платьевъ въ день свадьбы надѣто двѣ фаты, двѣ рубашки и двое чулковъ, а башмаки всегда подарокъ жениха. Теперь двойное одѣваніе выводится.

Если женихъ изъ далека, то невѣста вѣнчается въ своемъ платьѣ.

Послѣ одѣванія, мать невѣсты даетъ невѣстѣ подаренный ей пирогъ съ рыбой и невѣста кладетъ его за пазуху.

Лишь одѣнется невѣста, какъ дружка, послѣ обычной молитвы, спрашиваетъ отца:

— Будетъ ли поѣздъ стоять, или за столъ сядетъ?

— За столъ сядетъ, говоритъ отецъ.

— Есть ли у васъ столы дубовы, столешники кедровы, скатерти—шиты—браны?

— Есть.

— Есть ли нашему князю молодому, ясному соколу, съ полкомъ, съ поѣздомъ, тысяцкому съ боярами, свахѣ съ проводничкомъ, чего нибудь закусить?

— Будетъ.

— Есть ли у васъ на дубовыхъ лавкахъ войлоки валены, подушки пуховы, на столѣ пироги рыбны?

— Есть.

— Гдѣ обручаться: въ кути за занавѣской, али за столомъ?

— За столомъ.

— Сколько денегъ за обрученье?

— Сколько положите.

При этомъ тысяцкій кладетъ, смотря по состоянію жениха отъ двадцати копѣекъ до рубля. Эти деньги поступаютъ въ пользу невѣсты. Гдѣ сидѣть жениху и невѣстѣ, на то мѣсто кладутъ войлокъ и на него подушку. Исключая дружекъ поѣзжане заходятъ за столъ, но не садятся; садится только вѣжливецъ въ углу стола и молчитъ.

Дружка продолжаетъ спрашивать:

— Нашъ князь молодой, ясный соколъ стоитъ за столомъ на рѣзвыхъ ножкахъ, на куньихъ лапкахъ, бьетъ челомъ, низко кланяется; ему ни пьется, ни ѣстся, онъ тоскуетъ, горюетъ о своей княгинѣ—молодицѣ. Батюшка родимый! изъ кути изъ за занавѣсы вывести княгиню—молодицу время или не время?

— Время, отвѣчаетъ отецъ.

— Кому прикажите?

Порученье выводить невѣсту возлагается на брата, если у ней есть, а нѣтъ, то на дядю, то отецъ сообразно съ тѣмъ и отвѣчаетъ дружкѣ.

Выводящій невѣсту, помолясь Богу и вслухъ прочитавъ молитву, проситъ благословенія выводить невѣсту у каждаго изъ родственниковъ невѣсты, начиная по старшинству. Получивъ благословеніе, беретъ отъ иконъ свѣчку и идетъ въ куть, гдѣ дѣвушки отъ лица невѣсты поютъ каждому члену семейства пѣсню, гдѣ та отказывается выдти безъ родимаго батюшки или матушки безъ родительскаго благословенія и тотъ, кто былъ названъ въ пѣснѣ, обязанъ подходить къ невѣстѣ, принять земной поклонъ отъ невѣсты и дать благословеніе. Тогда только избранный выводитъ невѣсту за конецъ платка, называемаго „выкупомъ", который держитъ невѣста въ рукахъ; подводитъ ее къ столу, вмѣстѣ съ ней молится Богу, обводитъ вокругъ стола, нарочно отодвинутаго отъ лавокъ, ставитъ возлѣ жениха со стороны кути и, передавая ему конецъ платка, говоритъ: „у меня невѣста была послушна и почетна, держи ее такъ, чтобы она и тебя слушала и у тебя была честна".

Въ это время женихова сваха иногда заходитъ въ куть и ударивъ поднятыми вверхъ руками говоритъ три раза: „обманули—провели!"

Дѣвушки просятъ у дружки рыбный пирогъ, называемый (юръ—кучикъ) *), который онъ и отдаетъ съ головы, ставши на стулъ такъ, что дѣвушки принуждены бывали подпрыгивать; затѣмъ поютъ пѣсню:

---

*) По пермяцки: юръ—голова, кучикъ—кожа.

Охъ, ты утка, ты уточка
Сѣра мала перепелица!
Ты зачѣмъ рано выходила
Изъ тепла гнѣзда утичья,
На луга на зеленые и проч. и затѣмъ:
Охъ, ты дѣвка, ты дѣвица,
Ты къ чему рано во замужъ пошла?

И затѣмъ въ этой пѣснѣ излагается весь вышеописанный обрядъ и что отдалъ ее братецъ маленькій, на вѣки на долгіе, на годы несчетные.

Когда женихъ получитъ невѣсту, тысяцкій угощаетъ всѣхъ виномъ и первую рюмку подноситъ выводящему невѣсту, потомъ подноситъ по рюмкѣ отцу и матери и затѣмъ всѣмъ остальнымъ, конечно взрослымъ членамъ семейства и родственникамъ невѣсты, причемъ дружка называетъ по имени и отчеству каждаго, кому подносится вино и говоритъ молитву „Господи Іисусе“.

Послѣ этого угощенія весь поѣздъ садится, и тутъ начинается закуска, состоящая изъ трехъ блюдъ, рыбнаго пирога, какой нибудь похлебки, въ скоромные дни—щей, и въ постные—ухи, и изъ челпана; иногда же—у зажиточныхъ въ скоромные дни подаютъ: пирогъ, студень, щи, три жаркихъ и въ заключеніе челпанъ. Всякое кушанье подаютъ подъ прикрытіемъ деревяннымъ блюдомъ, по требованію дружки, который при этомъ подсказываетъ разные прибаутки. Снимаетъ покрышку съ каждаго блюда тысяцкій, а потомъ хозяйка уже безъ требованія дружки, приноситъ челпанъ въ знакъ того, что пора окончить закуску. При этомъ ѣдятъ только поѣзжане, но прежде ѣли и женихъ съ невѣстой.

Пока продолжается закуска, дружки угощаютъ всѣхъ родныхъ невѣсты, дѣвушекъ и вытницу пивомъ, которое они привезли съ собою отъ жениха.

Предъ окончаніемъ закуски, дѣвушки поютъ пѣсню для жениха, бояръ, свахи и для каждаго поѣзжанина особенно, кромѣ тысяцкаго, конечно съ перемѣною въ словахъ. Эта пѣсня содержитъ, такъ называемое величаніе, гдѣ выхваляютъ гостей. Тысяцкому же особенно, какъ воеводѣ, причемъ говорятъ, что „нынѣ онъ воюетъ съ головою со невѣстиною, со буйною“.

Когда окончится закуска, дѣвушки цѣлуютъ поѣзжанъ; за пѣсни и поцѣлуи поѣзжане дарятъ дѣвушекъ отъ гроша до 3 копѣекъ. Конечно тотъ поѣзжанинъ, который поцѣлуетъ дѣвушекъ и не подаритъ какъ и вездѣ, вознаграждается насмѣшкою.

Пермячки въ этомъ случаѣ, поютъ:

Создай тебѣ Господи
Дочерей, сорокъ-вѣщицъ,
Сыновей, черныхъ вороновъ!

Поѣзжане, покончивъ закуску выходятъ изъ-за стола и становятся среди избы; а вмѣсто жениха и невѣсты на тѣже мѣста садятся отецъ и мать невѣсты. Посидѣвъ немного, они выходятъ изъ-за стола. Дружка читаетъ Іисусову Молитву, потомъ говоритъ: „Отецъ родимый! Мать родимая! Приступите, благословите своихъ чадъ—во Божью церковь ѣхати, законъ Божій приняти, подъ златыми вѣнцами стояти, чуденъ крестъ цѣловати".

Послѣ этого предложенія, немедленно начинается благословеніе иконой, которую отецъ снимаетъ съ божницы, и—хлѣбомъ, который мать беретъ со стола. Икона и хлѣбъ передается невѣстиной свахѣ. Дружки берутъ изъ передняго угла войлокъ или подушку, на которой женихъ съ невѣстой сидѣли за столомъ. Къ этому времени жениховo пиво обыкновенно выпивается. Родители невѣсты въ пустую посуду наливаютъ свое пиво, чтобы имъ угостить поѣзжанъ послѣ вѣнца у церкви.

Здѣсь, какъ въ прочихъ губерніяхъ Россіи, дѣлаютъ подруги такъ: садятся, которая изъ нихъ успѣетъ на подушку или войлокъ и не трогаются съ мѣста, требуя выкупа.

Отъ имени жениха, тысяцкій выкупаетъ захваченную вещь, для чего овладѣтельницѣ ея даютъ одинъ или два мѣдныхъ гривенника. Затѣмъ женихъ, невѣста и поѣзжане выходятъ изъ избы на дворъ въ сопровожденіи родителей, гостей и дѣвушекъ, послѣднія поютъ:

Жарко камню въ горѣ лежучи,
Тошно сердцу батюшкину:
Милу дочь со двора повели,
За ней коробья понесли;
Конь говоритъ: не свезу,

Земля говоритъ: не здыну (не подниму),
Вода говоритъ: утоплю.

А выйдя на дворъ:

Кругомъ, кругомъ солнышко обошло,
Рядомъ, рядомъ бояре ѣхали,
Со березы вершины вершиночку сломили;
Стой-ко, стой, береза безъ вершины,
Живи, живи, батюшка, безъ дочери.

Ту же пѣсню поютъ матери, сестрамъ, братьямъ и другимъ родственникамъ.

На дворѣ женихъ беретъ въ охапку невѣсту и самъ усаживаетъ ее въ сани вмѣстѣ со свахой, вдвоемъ, а самъ верхомъ ѣдетъ вмѣстѣ съ невѣстой, или вмѣстѣ съ тысяцкимъ въ саняхъ, тутъ подъ жениха укладываютъ войлокъ и перину для сидѣнія, а подъ невѣсту подушку. Если лѣтомъ, то привязываютъ войлоки и подушки къ сѣдламъ, для чего эти вещи укладываютъ въ мѣшки и привязываютъ къ сѣдламъ въ торока.

Но не сейчасъ еще трогается поѣздъ въ дорогу. Поѣзжане выходятъ на дворъ и усаживаются, какъ то было и на дворѣ жениха. Ихъ нужно угостить; въ это время дѣвушки поютъ трогательныя пѣсни, окруживъ жениха и невѣсту.

Между тѣмъ вѣжливецъ обходитъ кругомъ всѣ сани, телѣги, верховыхъ лошадей, экипажи, и все до мелочей отчетливо въ томъ предположеніи, нѣтъ ли гдѣ колдовства, и въ тоже время нашептываетъ тотъ или другой заговоръ. Наконецъ братъ, или дядя невѣсты отворяетъ ворота и поѣздъ отправляется въ церковь въ томъ же порядкѣ, какъ отъ жениха. При выѣздѣ изъ двора, дружки крестообразно хлещутъ нагайкой ворота невѣсты и ближайшій уголъ дома; хозяинъ въ слѣдъ поѣзду иногда стрѣляетъ.

Послѣ того дѣвушки въ сопровожденіи вытницы возвращаются въ опустѣлую избу невѣсты и усѣвшись на то мѣсто, гдѣ, только что сидѣла невѣста, закусываютъ пирогомъ, полученнымъ отъ дружекъ и расходятся по домамъ, если церковь далеко, а если близко, то бѣгаютъ смотрѣть на вѣнчанье.

Но вотъ ужъ и поѣздъ тронулся; однако не проходитъ трехъ

минутъ, какъ дружки возвращаются къ дому и подъ окномъ отца невѣсты спрашиваютъ:

— Нѣтъ ли у васъ отъ насъ обиды, всѣ ли чашки-ложки цѣлы?

— Обиды нѣтъ, все цѣло, отвѣчаетъ отецъ.

Тогда одинъ изъ дружекъ, сотворивъ молитву, говоритъ: „Насъ желаешь или не желаешь?" Если отецъ на этотъ вопросъ отвѣтитъ—„не желаю", то дружки возвращаются къ поѣзду; а если скажетъ—„желаю", то входятъ въ домъ, гдѣ ихъ угощаютъ пивомъ или брагой. Послѣ двухъ, трехъ стакановъ дружки уѣзжаютъ, сказавъ на прощанье: „спасибо! прощай!"

Если домъ жениха далеко, то отецъ съ матерью отправляютъ съ братомъ или дядей ея вещи для подарковъ новой роднѣ въ большой столъ.

Пермяки очень суевѣрны и потому въ обычаѣ осталось во время свадебнаго поѣзда каждому встрѣчному кланяться всѣмъ поѣздомъ, разумѣется съ тою мыслью, чтобы того не оскорбить, а умилостивить и расположить въ свою пользу.

Когда поѣздъ приблизился къ церкви, свахи ставятъ жениха и невѣсту рядомъ и даютъ имъ держаться руками за концы ширинки и въ этомъ положенiи ведутъ ихъ въ церковь.

Тысяцкiй на данные женихомъ деньги покупаетъ, какъ для бракосочетающихся, такъ и для поѣзжанъ свѣчи, кромѣ вѣжливца, который стоитъ у дверей и безъ свѣчи.

Когда надлежитъ священнику подвести бракосочетающихся къ налою, невѣстина сваха кладетъ ей подъ ноги пару поясковъ, а поѣзжане окружаютъ молодыхъ, причемъ каждый держитъ свѣчку, обернувши нижнiй конецъ ея, кто въ кусокъ холстины, кто въ платокъ, чтобы не капать на полъ воска.

По окончанiи вѣнчанья, свахи покрываютъ голову молодой, или молодушки фатами, поэтому она, какъ нужно полагать вѣнчается безъ фаты, и уводятъ ее съ женихомъ въ сторону или въ уголъ церкви, гдѣ надѣваютъ на нее шемшуру (женскiй головной уборъ), не заплетая косъ, а молодая, вынувъ изъ-за пазухи спрятанный рыбный пирогъ, ѣстъ его съ мужемъ, если только не помѣшаетъ имъ священникъ съ крестомъ для сопровожденiя ихъ изъ церкви. Въ послѣднемъ случаѣ молодые

ѣдятъ пирогъ за оградой, гдѣ тоже распиваютъ пиво и поѣзжане.

Послѣ свадьбы поѣздъ отправляется въ домъ жениха; вѣжливецъ точно также слѣдитъ за порядкомъ и спокойствіемъ, стараясь изслѣдовать, нѣтъ ли гдѣ препятствія для ввѣреннаго его попеченію поѣзда. Но если по дорогѣ встрѣтится кабакъ, то поѣздъ непремѣнно остановится и тысяцкій, купивъ водки, угощаетъ всѣхъ поѣзжанъ не исключая молодыхъ.

Поѣздъ, въѣхавъ во дворъ жениха, принимается родителями и родственниками жениха; послѣдній встрѣчаетъ молодыхъ съ образомъ, мать съ хлѣбомъ-солью, братья и сестры съ пивомъ и брагою, причемъ родню молодаго встрѣчаютъ на заднемъ крыльцѣ очень много постороннихъ лицъ. Все чинно и хорошо, только является при этомъ иногда одинъ выходящій изъ ряда обычай: мать жениха часто встрѣчаетъ молодыхъ въ вывороченной мѣхомъ на изнанку шубѣ, повязавъ голову грязными тряпицами и лохмотьями съ единственною цѣлью показаться молодухѣ страшною и тѣмъ внушить къ себѣ боязнь, въ видахъ возбудить послушаніе, или же безпрекословное рабство. По приказанію отца молодымъ и поѣзжанамъ подаютъ по стакану пива и браги, а иногда вина. Всѣ заходятъ въ избу. Отецъ съ матерью становятся близь стола лицомъ къ дверямъ, когда нужно всѣмъ входить въ избу. Молодые, не доходя до отца съ матерью двухъ шаговъ, молятся на образъ, который держитъ отецъ и послѣ трехъ земныхъ поклоновъ подходятъ подъ благословеніе отца и матери образомъ и хлѣбомъ. Отецъ ставитъ образъ въ божницу, а мать хлѣбъ на крытый скатертью столъ. Образа, которые были и съ молодыми, тоже уставляются въ божницу, а челпаны ставятъ на столъ. Вскорѣ затѣмъ свахи уводятъ молодыхъ зимою на печь, лѣтомъ въ куть, гдѣ и окручиваютъ молодыхъ, то-есть расплетаютъ ей косу на двѣ и надѣваютъ на голову шамшуру, повязывая ее, какъ должно платкомъ. Потомъ уже вводятъ молодыхъ въ избу и ставятъ передъ столъ. Потомъ отецъ распоряжается всѣмъ, начиная съ молодыхъ послѣдняго гостя садиться за столъ, и молодые садятся такъ, чтобы были лицомъ къ дверямъ, на войлокъ и подушку. Подлѣ жениха сажаютъ тысяцкаго, рядомъ съ невѣстой ея сваха. Дружко произноситъ обычную

молитву и требуетъ подачи кушаньевъ и начинается ужинъ. Молодые въ знакъ единодушія ѣдятъ одной вилкой и одной ложкой поперемѣнно, пьютъ вино и брагу изъ одного стакана, вино изъ одной рюмки пополамъ. У богатыхъ за каждымъ кушаньемъ, бываетъ круговая подача вина всѣмъ застольникамъ, у людей средняго состоянія черезъ кушанье, а у бѣдныхъ только три раза, въ началѣ, въ срединѣ и въ концѣ стола. Но пиво и брага непремѣнно подаются дружками всѣмъ за каждымъ кушаньемъ. Виномъ всегда угощаютъ сами молодые; для этого они за каждой круговой встаютъ на ноги: молодой наливаетъ рюмку вина изъ штофа, а молодая подноситъ ее на тарелкѣ. За каждой новой круговой, гости не пьютъ до тѣхъ поръ, пока молодые не изопьютъ сами вина. При каждой подачѣ, гости поздравляютъ съ законнымъ бракомъ, желая счастливой согласной жизни, цѣлуя и даря ихъ деньгами каждый разъ отъ 3 до 20 коп. сер. каждый. Ужинъ состоитъ въ скоромные дни изъ рыбнаго пирога, студени, щей, трехъ жаркихъ (бараньей лопатки, утки и индѣйки) и челпана. Въ постные дни — изъ пирога, судачины съ уксусомъ, ухи изъ свѣжей рыбы, сиговъ, киселя, меду и челпана.

Замѣчательно требованіе дружки слѣдующаго кушанья по окончаніи прежде поданнаго: „Отецъ родимый! Мать родимая! У насъ князь молодой, соколъ ясный, съ княгиней—молодицей, сидятъ за столомъ дубовымъ и скатертью шитой—браною и тысяцкій воевода—просятъ перемѣну. Поднашивай!“ Нѣтъ перемѣны—челпанъ на столъ, поклонъ воздай! Мы отъ хлѣба соли сыты, отъ пива и браги пьяны и веселы. Что въ рукахъ вожено, во дворъ пущено, во хлѣвѣ рощено, что есть въ печѣ, все носи на плечѣ. Вы не сможете, мы дружки подскочимъ и поможемъ.

Къ концу ужина всѣ поѣзжане напиваются и наѣдаются до послѣдней крайности. Молодые пьютъ и ѣдятъ весьма умѣренно, сохраняютъ непоколебимое спокойствіе, молчатъ, скромничаютъ, сидятъ степенно и важно. По окончаніи ужина гости пляшутъ и поютъ.

Спустя какой нибудь часъ, молодыхъ ведутъ спать въ подклѣть въ сопровожденіи отца, матери, свахи и всѣ поѣзжане, включительно съ вѣжливцемъ и дружекъ; послѣдніе приносятъ

въ подклѣть рыбный пирогъ, пиво, брагу, иногда вино. Отецъ и мать называютъ молодую „хозяйкою,“ предоставляля ей право угощать всѣхъ свадебжанъ питьемъ и пирогами, а вѣжливецъ подаетъ свой собственный пирогъ съ рыбой, который онѣ ѣдятъ вмѣстѣ, въ знакъ того, что они мужъ и жена съ этого времени, ѣсть общій хлѣбъ и жить въ единодушіи. Поѣзжане пьютъ и закусываютъ отъ дружекъ и цѣлуютъ молодыхъ по три раза, даря каждый разъ мѣднымъ пятакомъ или гривенникомъ. Молодая по просьбѣ поѣзжанъ, произнеся Іисусову молитву, разуваетъ мужа, сначала съ правой ноги, и вынутый изъ сапога пятакъ, или другую какую монету, беретъ себѣ. Этимъ выражается начало повиновенія и покорности мужу, а со стороны мужа будущее расположеніе къ подругѣ жизни, которую надѣется неоставить безбѣдною и содержать достаточно. Верхнее платье молодой снимаетъ самъ. Затѣмъ гости изъ подклѣта уходятъ. Остаются только вѣжливецъ и свахи. Раздѣтую до рубашки невѣсту сваха и вѣжливецъ просятъ обнять и поцѣловать мужа и уложить его въ постелю, потомъ по ихъ же предложенію молодая ложится рядомъ. Когда это исполнится, свахи отъ радости пляшутъ. Вѣжливецъ поправляетъ и укладываетъ молодыхъ въ постелѣ, обходитъ вокругъ постели съ нашептываніемъ. И въ заключеніе говоритъ молодымъ: „Слово мое крѣпко! Дай Богъ совѣтъ и любовь, да великаго счастья!“ Затѣмъ всѣ молодыхъ оставляютъ до утра. Между тѣмъ пированіе гостей идетъ далеко за полночь. Здѣсь всѣ пляшутъ, поютъ, кричатъ, цѣлуются, даже самъ важный вѣжливецъ предается общему веселью. Потомъ ближніе отъѣзжаютъ, а дальніе остаются у жениха ночевать.

Утромъ къ молодымъ отправляется вѣжливецъ будить ихъ; а потомъ свахи, чтобы удостовѣриться справедливо ли то, въ дѣйствительности, если молодой получилъ черствый хлѣбъ отъ невѣсты; но когда невѣста наканунѣ дарила мягкимъ хлѣбомъ, то свахи не ходятъ. Молодая одѣвается и одѣваетъ молодаго въ чистое бѣлье, привезенное ею въ подарокъ молодому; затѣмъ умываются.

Въ этотъ день бываетъ большой столъ. Часовъ въ девять, время крестьянскаго обѣда, молодые, всѣ семьяне, поѣзжане здѣсь оставшіеся и дружки обѣдаютъ запросто и безъ вина.

Кушаньевъ немного, вина нѣтъ; здѣсь опять молодые ѣдятъ одною ложкою, вилкою и кушанья по прежнему подаютъ закрытыми. Этимъ кончается малый столъ; въ это время дружко, принявъ приданое невѣсты, если его не принималъ наканунѣ, беретъ кстати подарки отъ родителей жениха на подарки въ большой столъ *), и, затѣмъ ѣдетъ приглашать всѣхъ ближнихъ наканунѣ бывшихъ поѣзжанъ. Тестя и тещу весьма рѣдко приглашаютъ; къ столованью бываетъ человѣкъ до тридцати, такъ какъ тутъ приглашаются и не бывшіе на свадьбѣ гости; но это у богатыхъ.

Коль скоро соберутся къ большому столу, молодая ставитъ среди комнаты лохань или другую нечистую посуду, беретъ въ ковшъ воды, полотенце и мыло и приглашаетъ чрезъ дружка всѣхъ умыть руки **), начиная со свекра и свекрови и кончая послѣднимъ гостемъ. Въ этомъ простомъ обрядѣ таится тотъ смыслъ, гдѣ новобрачная выражаетъ готовность на покорность, услуги и смиреніе не только передъ мужемъ но и предъ всѣми его родственниками. Послѣ того, какъ всѣ послѣ умыванія рукъ стоятъ, молодая прибравъ ковшъ, ведро, полотенце и мыло, и становится рядомъ съ молодымъ, среди избы и даритъ свекра, свекровь и всѣхъ присутствующихъ. Въ то время когда молодая изъявляетъ намѣреніе подарить тестя, дружка отъ ея имени, говоритъ послѣ обычной молитвы: „Отецъ родимый! Мать родимая! Приступись поближе, поклонись пониже! Будь ты не кричливъ, будь ты не ломливъ, а будь жалостливъ, будь милостивъ, будь приступчивъ. Прими-ко отъ нашего князя молодаго, новобрачнаго яснаго сокола и княгини—молодицы дорогіе подарки. Княгиня—молодица по чистому полю бы гуляла, куницъ бы имала, лисицъ бы ловила, тебя бы шелкомъ подарила. Она по чистому полю не гуляла, куницъ не имала, лисицъ не ловила,—что напряла, что выткала, тѣмъ тебя и даритъ. Не осуди за малые подарочки!“

Молодые подходятъ къ отцу и матери и кланяются по череду въ ноги. Въ это время сваха подаетъ молодой, а дружка—молодому на блюдахъ, первая—дары, послѣдній вино въ

---

*) Это бываетъ, если родители невѣсты живутъ въ одномъ селеніи или близко.

**) У нихъ говорится „побѣлить руки“.

рюмкѣ, пиво и брагу въ стаканахъ домашняго дѣла (приготовленія), сыръ въ кусочкахъ, каравай (привезенные вмѣстѣ съ приданымъ) и мѣдную монету. Дружка при этомъ говоритъ: „Князь молодой новобрачный, ясный соколъ и княгиня—молодица просятъ тебя сыръ крояный покушать, стаканъ пива, стаканъ браги, рюмку пива испить, усы утереть златомъ-серебромъ, да рубль платить“. Отецъ принимаетъ дары, пьетъ вино, пиво, брагу, закусываетъ сыромъ и караваемъ, третъ усы и бороду мѣдною монетою и поцѣловавъ молодыхъ, отдариваетъ деньгами, которыя кладетъ на блюдо. Затѣмъ получаетъ дары мать, а потомъ и домочадцы, родственницы, поѣзжане и всѣ званые гости. Отдарочныя деньги молодая беретъ себѣ. Окончивъ раздачу подарковъ молодые отправляются въ куть. Награды эти раздаются болѣе или менѣе цѣнныя, но ограничиваются рубашками, штанами, платками, опоясками, холстомъ на рукава, тѣльниками, полотенцами, не болѣе, даже у богатыхъ невѣстъ, притомъ награды эти соотвѣтствуютъ важности значенія родства награждаемаго лица.

Затѣмъ накрываютъ обѣденный столъ, который по продолжительности обряда раздачи подарковъ, начинается около трехъ часовъ. Часу въ четвертомъ отецъ молодаго приглашаетъ молодыхъ и гостей садится за столъ.

Большой столъ бываетъ такой же какъ и наканунѣ и вся обрядность та же, съ тою только разницей, что гости не цѣлуютъ и не дарятъ молодыхъ. Столованіе продолжается отъ 4 до 6 часовъ. Этотъ обѣдъ зависитъ отъ частаго повторенія подачи пива, вина и браги и также отъ многихъ перемѣнъ кушаньевъ разнаго рода, но въ заключеніе всего, какъ и наканунѣ—челпанъ.

Въ концѣ обѣда дружка замѣчаетъ отцу и матери молодаго: Не пора ли молодыхъ спать уложить? Отецъ говоритъ „не пора“. Только послѣ третьяго вопроса дружки въ этомъ же родѣ, отецъ изъявляетъ свое согласіе и тогда столованье оканчивается. Молодые поклонясь, трижды въ поясъ, трижды въ землю, и потомъ опять трижды въ поясъ, падаютъ отцу и матери въ ноги и просятъ благословенія. Вѣжливецъ ведетъ молодыхъ спать въ подклѣть, куда вноситъ рюмку вина или стаканъ пива и, нашептавъ въ напитокъ и отплюнувъ въ сторону

даетъ имъ пить; потомъ какъ и вчера, уложивъ молодыхъ спать, уходитъ. Гости, между тѣмъ, продолжаютъ по прежнему пирушку и разъѣзжаются по своимъ домамъ, кромѣ вѣжливца и дружки, которые остаются. Чрезъ полчаса или чрезъ часъ дружко, по порученію отца и матери, отправляется въ подклѣть и зоветъ молодую въ избу, гдѣ по приказанію свекрови заводитъ хлѣбъ или брагу къ завтрашнему дню и опять отправляется спать.

На третій день свадьбы бываетъ *пирожный столъ*, гдѣ молодые подчуютъ гостей пирогами своего издѣлія въ знакъ того, что она желаетъ съ новой родней водить хлѣбъ-соль и въ тоже время свое искусство. Но пироги только—слава, на самомъ же дѣлѣ, она участвуетъ также въ приготовленіи прочихъ блюдъ. Для этой цѣли, молодые встаютъ рано, оба ходятъ за водою, за дровами, и если время зимою, то молодой прорубаетъ новую прорубь на рѣкѣ. Молодая кладетъ дрова въ печь, затапливаетъ и затѣмъ занимается важнымъ блюдомъ обѣда, приготовленіемъ пирога, или хлѣба на ячныхъ сочняхъ и мететъ избу, выбрасывая изъ избы солому, а прочіе домашніе опять забрасываютъ избу соломою, съ цѣлью испытать терпѣніе молодой.

Утромъ, въ 9 часовъ, домашніе обѣдаютъ запросто, а чрезъ нѣсколько времени въ домъ молодаго собираются родные, знакомые и сосѣди. Всѣхъ приглашаютъ за столъ, въ это время молодые не садятся, такъ какъ обязаны подавать гостямъ кушанья, а молодой угощать разнаго рода напитками. Блюдъ приготовляется почти столько же, что и наканунѣ: студень, щи, одно или два жаркихъ, сыръ съ караваемъ и пироги. Питья: брага, пиво, иногда вино. При первой чаркѣ вина, гости поздравляютъ молодаго съ молодой доброй хозяйкой, *пирожной мастерицей*, а отца и мать съ невѣсткой, съ вѣрной замѣной. Пьютъ много и всѣ бываютъ очень веселы.

Въ продолженіе обѣда прибываютъ и новые гости. Отпотчивавъ первыхъ, молодые собираютъ столъ для вновь прибывшихъ, потомъ третьихъ и такъ далѣе и нерѣдко продолжаютъ обѣдъ до вечера.

Съ окончаніемъ пирожнаго, жизнь молодыхъ вступаетъ въ свои права обыденной жизни до, такъ называемыхъ, *хлѣбинъ*.

Такъ называемые хлѣбины бываютъ въ разные сроки, но преимущественно исполняютъ въ день масляницы, или Рождества. До этого времени зять не бываетъ у тестя. Хлѣбины справляютъ въ обѣихъ породнившихся домахъ. Прежде они исполняются у родителей невѣсты, которые зовутъ къ себѣ молодыхъ, а потомъ отправляются къ нимъ и сами. Какъ и въ день свадьбы, тесть и теща встрѣчаютъ на дворѣ молодыхъ съ хлѣбомъ-солью, пивомъ и брагой.

Въ обоихъ домахъ угощаются обѣдомъ или ужиномъ по праздничному съ пивомъ, брагой и виномъ. Но у тещи существуетъ еще обычай угощать зятя блинами, *блины для зятя*, отъ чего у насъ до сихъ поръ осталась шуточная пѣсня: „*Теща для зятя блины пекла* и пр.“ Дѣло происходитъ такъ: теща подаетъ на столъ блины, покрытые блюдомъ и платкомъ. Молодой снимаетъ платокъ и беретъ себѣ, а вмѣсто его кладетъ деньги копѣекъ 30, потомъ снимаетъ и блюдо. Поцѣловавъ тестя и тещу молодые ѣдятъ блины. Въ доказательство любви къ тещѣ, по ея просьбѣ, послѣ первыхъ двухъ блиновъ молодой долженъ съѣсть нижній блинъ, не трогая верхнихъ и не проливъ масла, для этого молодой накрываетъ блины блюдомъ и быстро повертываетъ къ верху нижнее блюдо. Въ этомъ искуствѣ теща усматриваетъ степень ловкости молодаго.

Что касается до значенія угощенія блинами, то Пермяки объясняютъ такъ: Платокъ—ея дѣвство, блины—дочь. Взятіе платка и раскрытіе блиновъ—удостовѣреніе въ сохраненіи дѣвства до замужества. Деньги—окупъ за дѣвство, цѣлованіе—благодарность за соблюденіе дочери. Если молодой недоволенъ своей женой, то онъ не снимаетъ платка и блюда, не ѣстъ блиновъ и не цѣлуетъ родителей жены. Но это у Пермяковъ бываетъ, какъ говорятъ—рѣдко.

Бѣглыя свадьбы. Тайныя свадьбы. Самокрутка. Подобныя свадьбы вообще совершаются безъ согласія родителей, такъ сказать по тайной любви и соглашенію молодыхъ людей, тогда какъ на это нѣтъ, и даже не ожидаютъ, родительскаго благословенія. Есть нѣсколько предлоговъ къ такому вѣнчанью: любовь между неравными по состоянію или богатству; хитрость жениха, воспользоваться приданымъ невѣсты, а часто и ея капиталомъ, долгое безбрачіе дѣвушки,—скучная жизнь ме-

жду золовокъ, преслѣдованіе мачихи, а часто—прикрыть беременность. Впрочемъ—бываетъ и такъ, что часто родители сами потворствуютъ бѣглымъ свадьбамъ во избѣжаніе расходовъ.

Во всякомъ случаѣ дѣвушка сама принимаетъ участіе въ побѣгѣ и даже, если можетъ, то даже предварительно препроводитъ чрезъ вѣрнаго человѣка къ жениху свое приданое, а потомъ ужъ сама убѣжитъ. Въ домѣ жениха свадьба эта считается формальною.

Послѣ такого вѣнчанія молодые отправляются къ родителямъ невѣсты, кланяются въ ноги и просятъ прощенія. Въ нѣкоторыхъ приволжскихъ губерніяхъ, отецъ ударяетъ молодыхъ по спинѣ плетью и приказываетъ встать, за тѣмъ прощаетъ и благословляетъ образомъ и хлѣбомъ—солью. Даже, если молодая бѣглянка не взяла ничего изъ своего приданаго, то родители невѣсты отдаютъ при этомъ его. Впрочемъ есть и характерные отцы, но и тѣ со временемъ отдаютъ назначенную долю дочери, вѣнчавшейся самокруткой.

Свадьбы великорусскія. *) Старинныя свадьбы въ коренной Руси, совершались при слѣдующихъ условіяхъ: Передъ поѣздомъ въ церковь, жениха и невѣсту сажали рядомъ на соболій или вообще на мѣхъ какой либо, и затѣмъ свахи чесали имъ обоимъ волосы, обмакивая гребень въ винѣ, или въ меду (крѣпкомъ для питья) для чего, то или другое питье держалъ въ ковшѣ нарочный. Потомъ ихъ, осыпали хмѣлемъ, или зернистымъ хлѣбомъ вмѣстѣ съ деньгами **) затѣмъ зажигали брачныя свѣчи, которыя бывали слишкомъ по пуду у богатыхъ и полегче у менѣе зажиточныхъ. Свѣчи эти зажигали богоявленскою свѣчею. Въ церкви, во время вѣнчанья, жениху и невѣстѣ подъ ноги камку или другую матерію, или другую мягкую рухлядь. Въ церковь возили съ собою посудину съ хлѣбнымъ виномъ, изъ которой священникъ давалъ пить жениху и невѣстѣ три раза. При третьемъ разѣ женихъ бросалъ стклянку съ виномъ на полъ и топталъ ее ногами. Затѣмъ, слѣпивши обѣ брачныя свѣчи, ставили въ кадку со пшеницей въ сѣнникѣ, въ головахъ постели новобрачныхъ, на цѣлый годъ.

---

*) Позорище странныхъ и смѣшныхъ обрядовъ при бракосочетаніи. Г. Г. 1797 года. Спб.

**) Хмѣль, хлѣбъ зерновой и деньги вмѣстѣ смѣшанные назывались *осыпаломъ*.

Сѣнникъ, гдѣ молодые спали, убирался такимъ образомъ: По всѣмъ четыремъ стѣнамъ этого помѣщенія ставили иконы, во всѣхъ четырехъ углахъ втыкали по стрѣлѣ, а на каждой изъ нихъ по соболю, или по куницѣ съ калачемъ. На лавкахъ по угламъ ставили по сосуду (оловянному) съ медомъ. Самый брачный одръ (постелю) дѣлали на двадцать одномъ снопѣ. (Какъ и у Пермяковъ, нечетъ уважался).

Какъ только подадутъ на столъ послѣднее кушанье, то есть жаркое, то дружка, обернувъ блюдо съ жаркимъ, а также калачъ и солонку скатертью, относилъ въ сѣнникъ къ постели, куда вслѣдъ за ними отводили и молодыхъ. Въ дверяхъ сѣнника посаженный отецъ, сдавъ съ рукъ на руки новобрачную мужу ея, дѣлалъ ей пристойное нравоученіе и давалъ совѣты какъ жить въ супружествѣ. По прибытіи молодыхъ къ постели, жена тысяцкаго, одѣтая въ то время въ двѣ шубы, одна, какъ слѣдуетъ, другая на выворотъ, осыпала ихъ осыпаломъ (зерномъ, деньгами и хмѣлемъ), кормила молодыхъ на постели.

На другой день по утру, члены свадьбы являлись въ сѣнникъ, стрѣлою поднимали одѣяло новобрачныхъ и осматривали по извѣстнымъ признакамъ непорочность новобрачной.

Совершивъ глупое наблюденіе разумѣется изъ простаго любопытства и ради сплетней, которыя есть всегда въ народной семьѣ скоро угасаютъ, хотя живо возгораются, предметъ которыхъ никого при томъ не интересуетъ кромѣ новобрачнаго; свахи водили молодыхъ въ баню, куда теща зятю присылала платье нужное для того, чтобы достигнуть до покоевъ, а потомъ кормила ихъ кашею. Со стороны молодой слѣдовало всѣхъ собравшихся гостей кормить овощами и разными предметами. Въ порядкѣ церемоній брачнаго торжества было, чтобы женихъ держалъ за руку невѣсту, гдѣ бы только ни приходилось ему представляться вмѣстѣ съ нею во время брачнаго торжества, иначе всѣ предрекали непріятный бракъ и несогласіе въ супружествѣ.

Старые обряды, какъ и ранѣе видѣли, существуютъ, но уже измѣнены во многомъ. *) Наканунѣ дня брака призываютъ въ

---

*) Это говорится въ книгѣ, изданной въ 1797 г. подъ названіемъ: „Позорище странныхъ и смѣшныхъ обрядовъ“. Г. Г. Спб. Цензоръ Семенъ Котельниковъ.

домъ жениха шести или семи лѣтъ мальчика, который укладываетъ въ ларчикъ, для подарка невѣсты, всѣ галантерейные предметы, какъ то: румяна, бѣлила, духи, опахало, перчатки и проч. Этотъ ларчикъ, заперевъ, отвозитъ въ тотъ же вечеръ женихъ вмѣстѣ съ ключемъ къ невѣстѣ, и оба они сидятъ потомъ въ шубахъ, въ знакъ благополучія.

Но вотъ наступаетъ другой день, день поѣзда въ церковь; избранный со стороны невѣсты мальчикъ обуваетъ невѣсту въ новую обувь и продаетъ ея косу за гривну, за полтину или за рубль, словомъ торгуется, сколько можетъ выторговать и побольше дать цѣны.

Новобрачныхъ укладываютъ спать въ пустой хороминѣ, притомъ въ удаленной и въ нетопленой, не смотря на холодъ. Говорятъ даже, что для новобрачныхъ строили такіе покои, на потолки которыхъ и земли не клали.

Подъ постелю клали ржаные снопы или солому, примѣта или обычай, сказанный нами выше. Молодая должна разувать молодаго въ первую ночь свадьбы и у него подъ пятой правой ноги всегда бывало нѣсколько мѣдныхъ денегъ, а въ лѣвомъ сапогѣ плетка. Отъ молодой зависѣло взяться за правую, или за лѣвую ногу, такъ, какъ мужа необходимо требовалось разувать. И вотъ, ежели она по своей оплошности, застѣнчивости или робости, хваталась за лѣвую ногу, то молодой вынувъ изъ за сапога плетку, хлесталъ ее. Но если она бралась за правую ногу, то деньги которыя были въ сапогѣ, она брала себѣ.

На другой день бракосочетанія, ежели молодая не была цѣломудренна, то дружка, взявъ стаканъ съ дырою на днѣ, зажималъ его пальцемъ, и наливъ его какимъ либо напиткомъ подносилъ ея матери: коль скоро мать брала стаканъ, онъ отнималъ палецъ, и напитокъ вытекалъ.

Такая укоризна матерямъ и сейчасъ идетъ къ лицу. Старина наша была не глупа. Если женихи брезгуютъ недостойными дѣвушками, а особенно, если по неосторожности одинъ такой вступилъ съ упадшей дѣвушкой въ бракъ, то конечно вся вина падаетъ на мать, и стаканъ съ дырой—укоризна слабымъ родителямъ. Изъ этого можно заключить хоть немного, но вѣрно то, что для воспитанія дочери—прежде всего внушеніе вѣры и

что нѣтъ лучшаго качества въ замужествѣ, какъ ея непорочность, которой не брезгуютъ, ни князья, ни бояре, ни ученые люди. Отсутствіе дѣвства, для жениха внушаетъ на всю жизнь ревность и это рождаетъ много непріятностей въ жизни, которая тянется до пятидесятыхъ годовъ, то есть до времени привычки, когда угасаетъ любовь; но согласіе супружеское необходимо для поддержанія семейныхъ выгодъ, интересовъ и для воспитанія дѣтей. Вотъ тутъ и нужна школа жизни, но мудрая. Воспитывать дѣтей, дѣло важное. Нужно ихъ воспитать, нужно ихъ учить. Воспитать—направить, учить наукѣ, развить разумъ, дать свѣтское понятіе или цѣль въ жизни. Про мальчика говорить нечего.

Вотъ цѣль родителей и преимущественно матери, такъ, какъ мужъ чаще занятъ пропитаніемъ, а не воспитаніемъ семьи.

Въ наше время, если дали дѣвушкамъ свободу, позволили имъ являться въ свѣтъ, романсами великихъ поэтовъ внушили имъ великое значеніе любви, намъ нечего удивляться, что онѣ, читая какого нибудь заграничнаго новаго философа начинающаго страдать ипохондріей, сумасшествіемъ, или какою нибудь овладѣвающею его идеею, вретъ съ три короба и смущаетъ прочихъ, а дѣвушки читаютъ и на усъ мотаютъ, а изъ этого извлекаютъ свои теоріи и путаютъ всѣ системы.

Свадьбы въ Малороссіи. У малороссовъ свадьбы происходятъ такъ: Сынъ, пришедшій въ возврастъ, объявляетъ своему отцу подъ веселую руку, что такая то дѣвушка недурна, ему нравится и охотно бы женился, если она пойдетъ за него.

Тогда отецъ приглашаетъ двоихъ своихъ родственниковъ уже пожилыхъ, а иногда сосѣдей и предлагаетъ имъ намѣреніе сына. Сынъ имъ низко кланяется и вмѣстѣ съ отцомъ проситъ ихъ, чтобы онѣ приняли на себя трудъ сходить къ отцу избранной дѣвушки, посватать дочь за него. А получа отъ нихъ согласіе, вручаетъ каждому изъ нихъ по посоху въ знакъ полномочія ихъ и посольства, и нарочно приготовленный хлѣбъ, и провожаетъ ихъ за ворота. Такіе сваты называются *старостами*.

Старосты, явясь въ домъ невѣсты, кладутъ этотъ хлѣбъ на столъ и потомъ привѣтствуютъ хозяина. Хозяинъ приглашаетъ ихъ сѣсть, заводитъ о чемъ либо разговоръ; они, отвѣчая на

все крѣпко постукиваютъ посохами, напоминая тѣмъ, какъ бы нетерпѣливое желаніе спрашивать о причинѣ ихъ прихода, при чемъ стараются объясниться съ нимъ кратко и прямо, если хозяинъ нарочно медлитъ такимъ вопросомъ. Хозяинъ, выслушавъ предложеніе и, если оно ему нравится, отправляется въ хижку (клѣть) къ женѣ своей, объясняется съ ней объ этомъ предметѣ и призвавъ дочь свою, родители спрашиваютъ ее нравится ли ей женихъ?

Узнавъ отъ дочери, что женихъ нравится, вводятъ ее къ сватамъ; тутъ она каждому изъ сватовъ подноситъ по ручнику или полотенцу на деревянной тарелкѣ въ знакъ того, что она принимаетъ ихъ предложеніе. Старосты, принявъ дары, перевязываютъ ихъ черезъ плечи и оставивъ хозяину въ залогъ своего посольства хлѣбъ и получивъ въ замѣнъ его другой, отправляются въ домъ жениха съ радостною вѣстью.

Женихъ, видя своихъ возвращающихся посланниковъ, съ знакомъ согласія чрезъ плечо, встрѣчаетъ ихъ у воротъ и вводитъ къ отцу, гдѣ, по общему съ невѣстиными родителями согласію, назначается день бракосочетанія. Съ этого дня женихъ ежедневно посѣщаетъ невѣсту, къ которой во всѣ эти дни ходятъ ея подруги; но во все время до свадьбы, пѣсенъ не поютъ, да и даровъ до этого времени женихъ невѣстѣ не возитъ. Женихъ имѣетъ позволеніе, если желаетъ съ невѣстой быть на единѣ и даже ночевать, при чемъ строго воспрещено, предпринимать, что либо противное цѣломудрію невѣсты.

Въ Малороссіи также существуетъ прекрасный обычай не домогать приданаго. Женихъ въ этомъ случаѣ предоставляетъ все это на волю будущаго тестя.

Бракосочетаніе у нихъ бываетъ обыкновенно въ воскресеніе, по сему наканунѣ, въ субботу, бываетъ у невѣсты дѣвишникъ, приглашаются подруги или дружки, изъ которыхъ одна называется на всю свадьбу *свѣтилкою*. Ея обязанность во время стола сидѣть въ большомъ углу и держать на саблѣ, увитой калинными вѣтвями съ ягодами, восковую свѣчу *тройчатку*.

Вечеромъ, къ ужину, пріѣзжаетъ женихъ съ *боярами* (молодыми товарищами) къ невѣстѣ, гдѣ противъ нихъ сажаютъ за столъ подругъ невѣсты. Въ это время женихъ раздаетъ дары

родителямъ и сродникамъ невѣсты, а дружки поютъ свадебныя пѣсни. Послѣ ужина начинается пляска подъ скрипку и пляшутъ до полуночи.

Бояре и подружки отправляются въ воскресенье съ женихомъ и невѣстою къ утрени, а послѣ обѣдни вѣнчаются. Послѣ вѣнца женихъ съ боярами и съ поѣзжанами (съ бесѣдою) ѣдетъ къ себѣ въ домъ, тогда, какъ молодая съ своими подругами отправляется къ своему отцу въ домъ.

У жениха обѣдаютъ всѣ бояре съ свѣтилкою, свахою, старостами и маршалками *), при чемъ сваха и свѣтилка, въ знакъ особеннаго почета, пришиваютъ боярамъ, старостамъ и скрипачу къ шапкамъ изъ красныхъ лентъ квѣтки (цвѣтки), за что получаютъ отъ нихъ по копѣйки или по двѣ. Послѣ обѣда родители жениха садятся на шубу, кверху шерстью, и держатъ въ рукахъ каравай хлѣба; сынъ кланяется въ ноги сперва отцу, а потомъ матери и проситъ позволенія ѣхать къ невѣстѣ; благословивъ хлѣбомъ и солью, родители его отпускаютъ и молодой со всѣми своими гостями отправляется къ невѣстѣ.

По приближеніи къ дому дружка и поддружій, давъ знать о семъ отцу и матери невѣсты, кладутъ на столъ хлѣбъ, и склянку водки. Мать, подаривъ имъ по ручнику, велитъ въѣзжать во дворъ, среди котораго всегда ставится столъ, накрытый скатертью, а на немъ квашню, хлѣбъ и посуду съ водкой. Выходитъ теща встрѣчать жениха въ вороченной шубѣ, сидя на вилахъ или кочергѣ и, держа въ рукахъ горшокъ съ водою и овсомъ, который послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, подаетъ она зятю, а сей, не сходя съ лошади выливаетъ все на гриву лошади и потомъ отдаетъ пустой горшокъ старшему боярину, который по принятіи бросаетъ его въ сторону, причемъ ежели горшокъ разобьется, то родится сынъ, а если уцѣлѣетъ— то дочь.

Какъ только женихъ сойдетъ съ лошади, то братъ невѣсты или какой либо близкій и молодой родственникъ, сѣвъ на лошадь жениха, рыщетъ по улицѣ во всю конскую прыть; за нимъ гонятся на лошадяхъ бояре, а настигши ведутъ лошадь на тотъ дворъ, гдѣ подчуютъ его на конѣ виномъ, при чемъ

---

*) Дружками со стороны жениха.

подносившій говоритъ ему: *прошу выкушать*! а тотъ, не принимая чарки съ виномъ, только кланяется. Дружко выпиваетъ эту чарку самъ, и наливъ другую снова подноситъ; но онъ опять не беретъ; дружко потомъ спрашиваетъ: что ему надобно? „Денегъ“ отвѣтствуетъ онъ, тогда дружко подаетъ ему на тарелкѣ нѣсколько копѣекъ; невѣстинъ братъ, принявъ деньги, выпиваетъ вино и сходитъ съ лошади. Тутъ его слегка стегаютъ прутикомъ, но братъ невѣсты успѣваетъ убѣжать къ сѣннымъ дверямъ, и, взявъ обнаженную саблю или палку, садится рядомъ съ невѣстою.

Между тѣмъ, женихъ со свахою и свѣтилкою стоятъ въ сѣняхъ за порогомъ. Невѣстина мать, выйдя съ зажженою восковою свѣчею, зажигаетъ ею свѣчу въ рукахъ у свѣтилки, потомъ цѣлуются черезъ порогъ съ нею. Тогда дружко, съ позволенія старосты, вводитъ жениха въ избу, гдѣ сидитъ съ своими подругами невѣста и ея братъ съ обнаженной саблей.

— Дружко спрашиваетъ брата жениха: ты зачѣмъ здѣсь?

— Сестру берегу, отвѣчаетъ тотъ.

— Она не твоя, а наша, говоритъ дружко.

— А если она ваша, говоритъ братъ, то заплати, за нее то, что я на нее употребилъ.

— А что ты на нее употребилъ?

— Весьма много, отвѣчаетъ братъ, а именно: Въ пятнадцать лѣтъ пребыванія ея въ нашемъ домѣ, она съѣла и выпила: пять бочекъ бураковъ (свеклы), три бочки капусты, четыре вола (быка), шесть кабановъ (откормленныхъ барановъ), десять овецъ, сто гусей, двѣсти куръ, семьдесятъ пять утокъ, двадцать кулей хлѣба, пять бочекъ пива, двѣ бочки меду, пять бочекъ горѣлки и пр.

Дружко, выслушавъ все это, вынимаетъ изъ кармана двѣ или три копѣйки и положивъ ихъ на деревянную тарелку, на которой уже стоитъ налитая чарка вина, подноситъ ее продавцу, а этотъ видя мало денегъ не уступаетъ и продолжаетъ торговаться до пяти, а иногда до десяти копѣекъ. Получивъ то, чего желалъ, выходитъ изъ за стола, за который на его мѣсто садится женихъ до того времени, безмолвно стоявшій по среди комнаты и смотрѣвшій на сцену торговли.

Невѣста бываетъ въ это время одѣта, въ шитую узорами

бѣлую холстинную сорочку, поверхъ которой пестрая шерстяная плахта (юбка), красная запаска (передникъ, фартукъ), сверхъ всего суконный смурый или бѣлый кафтанъ. Козловые, красные съ желѣзными подковками или высокими ободками, сапоги подбитые гвоздями. На головѣ двѣ завитыя изъ природныхъ волосъ косы; около которой повязаны шелковыя разныхъ цвѣтовъ ленты съ висящими по спинѣ длинными концами. На шею обыкновенно надѣваютъ красную монисту (нѣсколько корольковыхъ нитокъ) и мѣдный, или серебряный крестъ; на рукахъ кольцы. Костюмъ жениха—суконный смурый кафтанъ, того же цвѣта шаровары, шерстяной пестрый поясъ, суконная съ околышкомъ черной овчины шапка, и на ногахъ сапоги сильно смазанные смальцомъ (саломъ) или дегтемъ. Въ одномъ сапогѣ лежитъ мѣдная или серебряная монета, на рукѣ перстень или кольцо. По кафтану красный кушакъ, за которымъ заткнутъ красивый шитый платокъ.

Послѣ описанной купли невѣсты, какъ новобрачные, такъ и его поѣзжане сидятъ за столомъ. Вскорѣ отецъ и мать невѣсты также и родственники невѣсты, войдя къ нимъ съ налитыми виномъ стаканами подчуютъ ихъ и всю бесѣду. Потомъ дружко испрашиваетъ позволенія у старосты, на раздачу подарковъ отцу, матери и всѣмъ родственникамъ невѣсты. И такимъ образомъ отцу дается хлѣбъ, матери сапоги, родственникамъ хлѣбы и платки, а дружкамъ (подругамъ) по горсти орѣховъ и по два бублика (кренделя).

Равнымъ образомъ женихъ и невѣста, дарятъ всѣхъ родственниковъ хлѣбами и платками, а бояръ, каждаго по шитому или тканому бумагою платку. Потомъ дружко проситъ позволенія у старосты или посаженаго отца, на то, чтобы поплясать новобрачнымъ и прочимъ на дворѣ, и получивъ разрѣшеніе послѣ троекратной просьбы, пляшутъ подъ звуки скрипки до времени обѣда, къ которому также являются съ позволенія старосты или посаженнаго отца.

Столъ покрывается сверхъ *кылима* (ковра) скатертью. На немъ ставятся деревянныя бѣлыя, или красныя тарелки, и ложки съ нѣсколькими ножами, но безъ вилокъ. Передъ женихомъ и невѣстою ставится одна тарелка, положены крестообразно двѣ ложки и цѣлый ржаной, осыпанный солью, хлѣбъ. Посреди

стола, лежитъ куличъ—(каравай), который накрытъ крестообразно же двумя утиральниками, съ вышитыми по концамъ красною бумагою, и который осѣняется еловою вѣткою, въ него воткнутою. Позади новобрачныхъ въ углу, гдѣ иконы, стоитъ сабля съ зажженными восковыми свѣчами—принадлежность свѣтилки.

Какъ только принесутъ первое кушанье, состоящее изъ лапши со свининой и курицей, отецъ и мать невѣсты, подчуютъ гостей и сами пьютъ за здоровье молодыхъ, которые во весь обѣдъ не пьютъ и не ѣдятъ. Такимъ же образомъ при борщѣ, жаркомъ и при другихъ кушаньяхъ повторяютъ пить. Въ продолженіи обѣда невѣстина сестра, или родственница, снявъ съ жениха шапку, пришиваетъ къ ней сдѣланный изъ розовой ленты цвѣтокъ, а между тѣмъ, поетъ приличную по сему предмету пѣсню, за что получаетъ въ награду нѣсколько копѣекъ. Предъ концомъ обѣда, дружко по благословенію старосты, прочитавъ „Отче нашъ“ и снявъ съ кулича ручники, беретъ одинъ себѣ, а другой отдаетъ поддружему. Потомъ, перевязавшись своимъ черезъ плечо, разрѣзаетъ куличъ по частямъ, и разсылаютъ куски всѣмъ присутствующимъ за столомъ. Каждый, получивъ кусокъ, долженъ за него дать какую нибудь мелкую монету на разживу новобрачной. Послѣ обѣда начинается пляска и продолжается до вечера.

Въ сумерки входятъ въ избу и начинаютъ ужинать, который идетъ тѣмъ же порядкомъ, какъ и обѣдъ. Послѣ ужина подруги невѣсты, простясь съ нею и откланявшись всей веселой бесѣдѣ, расходятся по своимъ домамъ, получивъ при томъ въ подарокъ, по горсти орѣховъ и нѣсколько бубликовъ каждая. Старшую же подругу, провожаютъ молодые люди (бояре) при пѣніи, пляскѣ и музыкѣ, до самаго двора. Когда подруги удалятся, собираютъ ужинъ для молодыхъ въ особенномъ уединенномъ мѣстѣ, иногда и въ чуланѣ. Въ это время дружки и свахи собираютъ невѣстино приданое и укладываютъ, смотря по времени года, въ телѣгу или сани, и посадя потомъ туда невѣсту съ свѣтилкою и свахою, везутъ въ домъ жениха; самъ женихъ ѣдетъ по правую сторону верхомъ, сопровождаемый боярами. Женихъ, вскорѣ по отъѣздѣ изъ дома тестя, ударяетъ новобрачную нѣсколько разъ плетью по спинѣ, говоря: „Покидай нравы отца и матери, а привыкай къ моимъ“.

При самомъ отъѣздѣ въ домъ жениха, среди воротъ зажигается куль соломы, чрезъ огонь котораго провозятъ повозку невѣсты и всѣ слѣдующіе верхами за нею. Потомъ новобрачные входятъ въ избу, кланяются отцу и матери и опять садятся за ужинный столъ, со всѣми гостями и тѣмъ же порядкомъ, какъ въ домѣ невѣсты. Послѣ ужина дружко со свахой и родственниками, ведетъ ихъ въ подклѣть, гдѣ оставляютъ ихъ однихъ. Здѣсь невѣста разуваетъ жениха и беретъ деньги изъ сапога себѣ, а мужъ въ это время, бьетъ ее голенищемъ по спинѣ. Потомъ ложатся они на постланной на полу соломѣ, покрытой килимомъ или войлокомъ, который служитъ имъ вмѣсто одѣяла. Послѣ нѣкотораго времени молодой призываетъ дружку и объявляетъ ему, что жена его сохранила дѣвство до сегодня, а этотъ послѣдній объявляетъ это всей бесѣдѣ съ доказательствами на лицо. Затѣмъ ей тотчасъ подаютъ другую сорочку. Тутъ происходитъ новое веселье, пляска и пѣсни; потомъ гости жениха, отправляются въ домъ родителей невѣсты бьютъ посуду, окна, ломаютъ столы, лавки, причемъ родители жениха вмѣсто того, чтобы обижаться, награждаютъ полотенцами и платками гостей, за радостную вѣсть о благополучіи дочери. Получивши дары, гости отправляются опять въ домъ жениха, и тамъ шумно проводятъ день до разсвѣта.

На другой день снова собираются къ жениху гости. Поутру рано, приходитъ старшій бояринъ къ новобрачной, и взявъ у нея красную запаску, то есть передникъ, выставляетъ его высоко на шестѣ, какъ флагъ, надъ домомъ молодаго, въ знакъ цѣломудрія новобрачной.

Потомъ дружки, свахи, бояре, родственники, сосѣди и проч., подъ предводительствомъ одного дружки, отправляются въ домъ старшей подруги новобрачной, и ставятъ на столъ хлѣбъ и посуду съ водкой, та съ своей стороны ставитъ на столъ кушанье и подчуетъ посѣтителей имъ, и водкою; поѣвши и выпивъ, гости выходятъ на дворъ, пляшутъ и поютъ, и такъ повторяется тоже у всѣхъ подругъ невѣсты. Отпраздновавъ всѣхъ по порядку, гости возвращаются въ домъ жениха и просятъ у отца позволенія вести молодыхъ въ церковь. Отецъ надѣваетъ на молодую кибалку (наметка). Коль скоро достигнутъ они церкви, то дружко, поддружій и другіе оставя ихъ на *цвѣн-*

тарь (монастырѣ). всѣ безъ исключенія поютъ пѣсни и идутъ въ домъ священника, гдѣ поставя на столъ хлѣбъ и водку, просятъ его, чтобы онъ ввелъ молодыхъ въ церковь. Священникъ, получа надлежащую за то плату, склоняется на ихъ просьбу, вводитъ съ молитвою въ церковь, читаетъ молитву, благословляетъ молодыхъ и надѣваетъ послѣ того на голову молодой серпанку (фату), потомъ, окропя того и другаго св. водою отпускаетъ съ миромъ.

Гости возвращаются въ домъ отца жениха. Тамъ сажаютъ молодыхъ за столъ, туда является и свекоръ и, тыча палкою въ глаза, спрашиваетъ; „не слѣпа ли она", но потомъ снявъ съ нея серпанокъ подчуетъ ее виномъ. Затѣмъ дружко угощаетъ молодыхъ хлѣбомъ, намазаннымъ сотовымъ медомъ, а потомъ всѣхъ гостей *).

Послѣ обѣда, съ позволенія старосты выходятъ всѣ на дворъ, для пѣнія и пляски, которую начинаетъ дружко. Потомъ старшій бояринъ, положа на тарелку нѣсколько денегъ и поставя чарку вина, подноситъ молодой, которая принявъ деньги и выпивъ вино, начинаетъ съ нимъ плясать; такимъ образомъ она перепляшетъ со всѣми. Потомъ гости, войдя въ избу, садятся за столъ, гдѣ отецъ и мать ихъ подчуютъ: потомъ дружко, испрося благословеніе у старосты и прочитавъ „Отче нашъ", разрѣзываетъ куличъ и подноситъ куски отцу и матери, родственникамъ и вообще всѣмъ гостямъ, которые съ своей стороны для обзаведенія молодыхъ хозяйствомъ, дарятъ ихъ разнаго рода скотомъ, птицей и другими предметами домашняго хозяйства.

По окончаніи этого угощенія дружко, взявъ *стульни* (пироги безъ начинки, лепешки), также вареную, а иногда и не вареную курицу, и обложивъ ее вѣтвистою калиною и красными бумажными нитями, идетъ съ молодымъ и со всею свадебною бесѣдою съ пѣніемъ и музыкой къ тестю; а по прибытіи туда, ставитъ курицу и пироги на столъ.

Тесть и теща угощаютъ зятя и всѣхъ его сопровождавшихъ, чѣмъ Богъ послалъ. Въ это время дружко, разрѣзавъ курицу подаетъ: тестю пару пироговъ и куриную головку, тещѣ

---

*) Не отъ этого ли первый мѣсяцъ молодыхъ называется „медовымъ?"

столько же пироговъ и гузку, то есть заднюю часть, а прочимъ гостямъ по ломтю пирога и по куску курицы. Послѣ сего теща отправляется со всѣми гостями къ отцу ея зятя и тамъ всѣ поужинавъ, веселятся всю ночь.

Во вторникъ, собираются всѣ гости, исключая бояръ (бывшихъ товарищей молодаго), и подругъ невѣсты, къ обоимъ сватамъ; и ходя компаніями изъ дому въ домъ, подчуютъ другъ друга кушаньями и вообще шумно веселятся.

Такое свадебное пированіе продолжается цѣлую недѣлю. Не смотря, по видимому на большіе расходы, вся свадебная пирушка въ теченіи недѣли, въ старину обходилась съ обѣихъ сторонъ въ 34 рубля 20 коп. ассигнаціями *).

Свадьбы на Уралѣ. У Уральскихъ казаковъ въ обыкновеніи у сговоренной невѣсты, съ начала сговора до самой свадьбы, гостить всѣмъ ея подругамъ, гдѣ сходятся молодые люди, поютъ и пляшутъ съ дѣвушками. Въ дѣвичникъ женихъ приноситъ своей невѣстѣ въ подарокъ платье, и весь женскій уборъ, а невѣста отдариваетъ эти подарки шапкою, сапогами, рубашкою и шароварами.

Послѣ вѣнчанія невѣсту везутъ въ телѣгѣ, сзади ея сидитъ мать и сваха, пальцы которой унизаны бываютъ кольцами. Обѣ онѣ прикрываютъ невѣсту полотенцемъ, чтобы никто не видалъ ее. Предъ телѣгою идетъ женихъ съ отцемъ и дружкою, а позади ея ѣдутъ верхомъ на лошадяхъ пріятели и родные жениха. Одинъ изъ нихъ на шестѣ, подобно знамени несетъ полосатую плахту (юбку).

Свадьба у Донскихъ казаковъ. У Донскихъ казаковъ, за невѣстою не бываетъ никакого приданаго, напротивъ женихъ обязанъ одѣть невѣсту съ головы до ногъ.

Свадьбы у Камчадаловъ. Камчадалы — древніе обитатели обширнаго полуострова Камчатки. Образъ женидьбы у Камчадаловъ слишкомъ страненъ и дикъ. Когда Камчадалъ захочетъ жениться, то ищетъ себѣ невѣсты въ чужомъ острожкѣ, и, высмотрѣвъ по своему характеру дѣвушку, приходитъ къ ея родителямъ, изъясняется предъ ними въ своемъ сердечномъ расположеніи къ ихъ дочери и проситъ ихъ пожить у нихъ

*) По смѣтѣ составленной въ 1777 г., то есть 9 руб. 57 к., на наши деньги.

нѣсколько времени, на что тѣ легко соглашаются. Иногда даже не объясняется съ родителями, а просто такъ поступаетъ, и прослуживъ нѣсколько времени проситъ за услугу—дочь.

Во время службы, чтобы понравиться родителямъ дѣвушки, онъ показываетъ необыкновенное усердіе, ловкость и проворство, даже удальство. По истеченіи условленнаго срока, молодой Камчадалъ добивается позволенія *хватать невѣсту*. Если поведеніе его будетъ хорошо, и онъ понравится родителямъ, сродникамъ и невѣстѣ, то ему позволяется хватать, если же нѣтъ, то труды его вознаграждаются какою либо вещью, и онъ долженъ оставить ихъ острожекъ (селеніе). Случается, что онъ остается и безъ всякаго вознагражденія.

Камчадалъ, получившій позволеніе хватать невѣсту, всѣми силами старается улучить время, подстеречь невѣсту одну, или съ немногими женщинами; между тѣмъ, какъ со стороны женщинъ и дѣвушекъ селенія, принимаются всѣ мѣры къ тому, чтобы сохранить невѣсту отъ нападенія, такъ что рѣдко ее оставляютъ.

Къ тому же ее въ это время одѣваютъ въ двѣ, три хоньбы (одежда изъ собачьей шкуры), потомъ опутываютъ отъ колѣнъ до мышекъ рыболовными сѣтями, по которой увиваютъ ремнями, такъ крѣпко, что она рѣшительно лишена всякаго свободнаго движенія. Опутываніе и укручиваніе невѣсты служитъ къ тому, чтобы защитить дѣвушку отъ молодаго человѣка, которому необходимо для полученія ея въ жены, прикоснуться къ голому ея тѣлу, а для того разрушить своею ловкостью всѣ преграды къ тому. Если только представится къ тому возможность, онъ стремительно кидается къ дѣвушкѣ, старается разорвать ремни и сѣтку, но тутъ невѣста и дѣвки поднимаютъ крикъ, визгъ, схватываютъ его за волосы, царапаютъ его лицо, бьютъ, и всѣми силами стараются отбить невѣсту, хотя сама невѣста окончательно не дѣлаетъ при этомъ никакого сопротивленія. Если женихъ, преодолѣвъ всѣ препятствія, успѣлъ коснуться рукою до голаго тѣла, съ него этого довольно, онъ побѣдитель и самъ отходитъ отъ нея, а затѣмъ всѣ бабы и дѣвушки разбѣгаются, между тѣмъ невѣста умильнымъ голосомъ говоритъ своему жениху „*ни, ни!*“ чѣмъ и заключается весь бракъ у Камчадалъ.

Рѣдко случается, чтобы Камчадалъ съ разу достигъ своей цѣли. Бывали случаи, что ему приходилось пробовать свою ловкость нѣсколько разъ, и каждый разъ получать ушибы и царапины, для излѣченія которыхъ требовалось время. Бывали случаи, что бѣднякъ семь лѣтъ добивался своей невѣсты и во все это время служилъ безвозмездно, а бывали такіе примѣры, что послѣ неудачныхъ попытокъ бѣдный женихъ былъ поруганъ своей невѣстой и бабы овладѣвъ имъ, сбрасывали съ балагановъ.

Кто схватаетъ свою невѣсту, тотъ получаетъ всѣ права мужа, и на другой или на третій день увозитъ ее въ свое селеніе. Для празднованія же брака онъ возвращается. спустя нѣсколько времени, къ роднымъ жены.

Что касается до женидьбы на вдовахъ, то здѣсь не встрѣчается никакихъ препятствій кромѣ одного согласія съ той или другой стороны.

Мордовскія и Чувашскія языческія свадьбы. Когда отецъ хочетъ женить своего сына, то посылаетъ къ отцу невѣсты постороннихъ людей, чтобы спросить: желаетъ ли онъ выдать дочь свою *за такого то*? И если послѣдуетъ благопріятный отвѣтъ, то родители жениха и невѣсты, договаривались *о калымѣ* (выкупѣ), также—кому держать первую попойку и сколько чего употребить при ней. Калымъ полагался смотря по состоянію 8, 9 или 10 рублей ассигнаціями. Потомъ отецъ и мать жениха просятъ невѣстину родню въ гости въ домъ ея; а изъ своей родни никого не принимаютъ.

Въ назначенной для того день званые гости собираются, причемъ ихъ угощаютъ.

Только въ самый день бракосочетанія объявляютъ жениху и невѣстѣ, о томъ.

Родители жениха пріѣзжаютъ въ домъ невѣсты, которая въ то время уже совсѣмъ одѣта по праздничному и приготовлена къ браку. Вся церемонія и важность ея заключается единственно въ томъ, что отецъ, взявъ за руку дочь свою, а мать въ руки хлѣбъ и соль, вручаютъ дочь свою съ хлѣбомъ-солью свекру и свекрови.

Невѣста, поблагодаривъ родителей своихъ за понесенные ими труды и хлопоты о воспитаніи ея и притомъ заплакавъ

о родительскомъ домѣ и родственникахъ, покрывается бѣлымъ холстомъ до пояса и въ этомъ видѣ выводится своимъ братомъ изъ отеческаго дома до саней, или телѣги. Прочая родня ея, проводивъ ее до половины дороги и встрѣтивъ родню женихову, возвращается, такъ какъ на брачномъ пиру съ невѣстиной стороны родни не бываетъ.

Какъ только пріѣдутъ въ домъ жениха, то его братъ, или ближайшій сродникъ, взявъ невѣсту за руку вводитъ въ избу и сажаетъ за столъ. Потомъ зовутъ жениха, который нахлобучивъ шапку, садится подлѣ нея. Отецъ его, при собраніи всѣхъ сродниковъ и другихъ гостей, взявъ поставленный на столѣ пирогъ аршина въ полтора, поднимаетъ его и концемъ его поднимаетъ покрывало у невѣсты, говоря между тѣмъ: „Вотъ тебѣ свѣтъ! Будь счастлива къ хлѣбу, животу и размноженію семьи". Потомъ перемѣняетъ онъ ей имя: Мезява, большая, Сернява, средняя, Вежава, меньшая и такъ далѣе по старшинству сочетающихся сыновей своихъ. Тогда женихъ и сродники увидятъ невѣсту, такъ какъ и она ихъ всѣхъ. Послѣ сего начинается пирушка, которая продолжается смотря по средствамъ. Въ этомъ состоитъ весь обрядъ ихъ таинства брака.

Нынѣ ихъ браки какъ христіанскіе, сопровождаются новыми обычаями близкими къ нашимъ. Обыкновенно въ день свадьбы надѣваютъ на невѣсту красное платье или кумашникъ, красную рубашку и красные сапоги. На всѣ пальцы обѣихъ рукъ надѣваютъ разноцвѣтные перстни съ привѣшенными къ нимъ небольшими цѣпочками, къ которымъ привѣшены серебряныя или мѣдныя копѣйки. Голову ея прикрываютъ красною фатою такъ, чтобы видѣть лица ея нельзя было. Предъ нею ставятъ скамейку, на которую ставятъ хлѣбъ, соль и ведро пива; подлѣ ея садится пожилой мужчина съ иконою, предъ которою мальчикъ держитъ свѣчу. Между тѣмъ всѣ сродники ея, подходя къ ней одинъ по одному, подклоняютъ головы свои подъ фату ея, которыхъ она порознь оплакиваетъ. Въ продолженіи сей церемоніи одинъ играетъ на гудкѣ; а прочіе по своему обыкновенію приплясывая поютъ: *вой*! *вой*! При этомъ подчуютъ пивомъ или медомъ всѣхъ безъ изъятія предстоящихъ, и всякъ въ честь себѣ вмѣняетъ быть при этомъ пьянымъ. Со стороны здѣсь не бываетъ гостей, кромѣ отца и брата, свахи и двухъ

дружекъ. Должность свахи и одного дружки состоитъ въ томъ, чтобы подносить напитки.

Другой дружка, стоя предъ невѣстою въ безмолвіи, держитъ въ правой рукѣ обнаженную саблю, которою время отъ времени махая, ударяетъ въ потолокъ или матицу.

Между тѣмъ у печки, на столѣ кладутъ постелю и все прочее приданое, на которомъ садится невѣстина сестра, или иная ея подруга, у которой дружка долженъ выкупать приданое.

Коль скоро невѣста оплачетъ всѣхъ своихъ сродниковъ, то немедленно начинается церемоніальное шествіе къ вѣнцу. Во первыхъ идетъ дружка съ саблею, потомъ невѣстина мать или бабушка со свѣчею, а за нею отецъ или ближайшій сродникъ съ иконою.

Тутъ берутъ невѣсту, кто за поясъ, кто за ноги и выносятъ изъ избы на дворъ. Между тѣмъ она, какъ бы не охотно оставляя домъ своихъ родителей, старается всѣми силами противится этому выходу изъ дома. То схватится за матицу, то за косякъ дверей, то за скобу и съ такою силою, что окружающіе ее должны бываютъ употребить всѣ силы для того, чтобы раздвинуть руки. Коль скоро вынесутъ ее во дворъ, то дружка вооруженный саблею кричитъ, чтобы всѣ зрители стояли рядомъ и чтобы никто не выходилъ ей навстрѣчу, что принимается за дурной знакъ.

Между тѣмъ у избы запираютъ двери и никого оттуда не выпускаютъ, пока не посадятъ невѣсту въ сани, или въ повозку, и покрываютъ бѣлою скатертью съ бахромою. Поѣздъ слѣдуетъ такъ: сперва отецъ или братъ жениховъ, потомъ невѣста со свахою и дружкой, въ одной повозкѣ, затѣмъ подруги ея и вся свита ѣдетъ только до половины дороги; а отсюда сопровождаетъ ее поѣздъ жениха до самой церкви, гдѣ дожидается женихъ.

Когда окончится вѣнчаніе, впереди всѣхъ ѣдетъ женихъ, а за нимъ невѣста, послѣ того и весь поѣздъ. По прибытіи домой, женихъ тотчасъ, принявъ невѣсту, ведетъ въ избу; но прежде, нежели входятъ въ нее, становятся оба одною ногою на порогъ избы, гдѣ ставятъ горячую съ хмѣлемъ сковороду на ногу сперва жениху, а потомъ невѣстѣ. Женихъ сбрасываетъ ее ногой, потомъ тоже дѣлаетъ и невѣста. За отбрасы-

ваніемъ ногою сковороды съ хмѣлемъ тщательно наблюдаютъ всѣ домашніе и выводятъ свои заключенія о будущемъ новобрачныхъ. Чѣмъ далѣе отлетитъ сковорода отъ ноги невѣсты, тѣмъ она будетъ сердитѣе и сварливѣе; а чѣмъ ближе, тѣмъ смирнѣе и добрѣе. Если сковорода упадетъ вверхъ дномъ то думаютъ, что новобрачные будутъ несчастливы, и обратно дномъ къ низу—полное благополучіе.

Затѣмъ, женихъ, невѣста и всѣ гости входятъ въ избу; садятся за столъ и пируютъ; но при этомъ пиршествѣ никого изъ родни новобрачной не бываетъ. Сама же невѣста тотчасъ убираетъ голову по дѣвичьи, какъ до сего ходила, и потомъ ходитъ такъ до того времени, пока не увидится съ отцемъ или матерью, или вообще съ тѣмъ, кто ее выдавалъ за мужъ, а затѣмъ ужъ лишается всѣхъ дѣвичьихъ украшеній.

У нѣкоторыхъ мордовцевъ есть обычай раздавать крутую кашу всѣмъ сбѣжавшимся съ деревни смотрѣть молодыхъ, по чумичкѣ на человѣка, кому въ шапку, кому въ полу, а иному и за пазуху.

У Чувашъ, живущихъ по Волгѣ, если кто вздумаетъ жениться, долженъ послать свата въ домъ невѣсты и торговаться съ отцемъ на счетъ выкупа. Не знаемъ какъ теперь, но лѣтъ 90 тому назадъ, цѣна тамошнимъ невѣстамъ простиралась отъ двадцати до пятидесяти рублей ассигнаціями. Бѣдняки покупали въ то время женъ, платя десять, пять рублей, а богатые платили до осмидесяти рублей на ассигнаціи. Приданое невѣсты обыкновенно состоитъ изъ разнаго скота, домашней утвари и одежды, соразмѣрно, или почти соразмѣрно съ выкупомъ. Впрочемъ это въ другихъ мѣстахъ называется калымомъ (выкупомъ, а у чувашъ называется *Хота*, сватовство).

По заключеніи торга бываетъ поѣздъ съ дарами. Женихъ, пріѣзжая съ родителями къ невѣстѣ, представляетъ договорную сумму денегъ, причемъ даритъ новыхъ родственниковъ рубахами, платками, или холстомъ; а для благополучія въ сочетаніи, хозяевамъ—пшеничный хлѣбъ и небольшое количество меду—сырца, которое поднося, держитъ противъ солнца и творитъ молитву. Въ этотъ же день послѣ веселой пирушки условятся на счетъ дня брака.

Въ этотъ день невѣста сидитъ въ гостепріимной избѣ за

отгородкою съ закрытымъ лицомъ. Но въ извѣстное время выходитъ оттуда, и ходитъ вокругъ избы съ печальнымъ выраженіемъ лица, между тѣмъ, какъ ея подруги носятъ предъ нею пиво, хлѣбъ и медъ — сырецъ. Когда такимъ образомъ она обойдетъ три раза вокругъ избы, то женихъ, сорвавъ съ нея покрывало цѣлуетъ ее и мѣняется съ нею перстнями. И съ того времени она называется обрученною. Послѣ того невѣста, угостивши гостей хлѣбомъ, пивомъ и медомъ уходитъ опять за перегородку, гдѣ женщины, снявъ съ нее худую дѣвичью шапку надѣваютъ бабью, поновѣе, называемую хущіу.

При раздѣваніи, какъ и другихъ русскихъ племенъ, невѣста должна разувать жениха. На слѣдующій день происходитъ слѣдствіе, сохранила ли молодая свое дѣвство, если не сохранила, то стыдятъ молодую стаканомъ съ продыравленнымъ дномъ, какъ уже ранѣе было описано (см. стр. 161) и все кончается смѣхомъ, безъ непріятныхъ для молодой послѣдствій.

Въ этотъ день молодая принимаетъ гостей какъ хозяйка, и день проводится въ пѣсняхъ и плясках подъ музыку, веселѣе перваго.

Свадьбу играютъ по большей части у жениховыхъ родителей. Гости съ своей стороны никогда не ходятъ безъ съѣстнаго и напитковъ, а кромѣ того кладутъ на поставленный на столѣ хлѣбъ съ воткнутой въ него стрѣлою, кто что можетъ изъ денегъ, на раззаводъ молодыхъ.

Въ прежнее время чуваши—христіане вѣнчались спустя долгое время послѣ этихъ обрядовъ.

Черемисскія языческія свадьбы. Когда черемисы были идолопоклонники, то въ той избѣ, гдѣ предположено было свадебное торжество, на столѣ домашняго своего идола, предъ которымъ *Картъ* совершалъ моленіе. Потомъ дѣлали обѣдъ, а за окончаніемъ его предавались веселью, состоящему въ пляскѣ, пѣсняхъ и музыкѣ на гусляхъ, или на волынкѣ. Въ то время, какъ Картъ *) читалъ свою молитву, въ другой избѣ невѣсту наряжали въ замужнее женское одѣяніе, снявъ покрывало, надѣвали на нее нарядную женскую шапку, или повязку. Затѣмъ женихъ, взявъ ее за руку, отводилъ ее въ гостепріимную избу,

*) Жрецъ.

гдѣ она во все время моленія Карта стояла на колѣняхъ, а затѣмъ, вставши, раздавала дары и подносила всѣмъ гостямъ пиво или медъ. По окончаніи всего этого она отправлялась опять въ ту избу, гдѣ была.

Въ вечеру невѣста раздѣвалась сама, но ложилась, какъ то недобровольно и по принужденію. Уложивъ молодыхъ, бабы запирали подклѣть.

На другой день, по утру, въ сопровожденіи женщинъ входилъ въ подклѣть одинъ изъ пожилыхъ мужчинъ, избранный вмѣсто отца молодой, держа въ рукѣ предобрую плеть. И если онъ усматривалъ въ молодой, что либо противное доброй чести до ея замужества, то поднималъ плеть и обѣщалъ ею вознаградить на другой день, и конечно это наказаніе исполнялось. Такъ же поступали и молодые только позднѣе, по окончаніи всѣхъ свадебныхъ обрядностей.

Третій день препровождали они также въ пирушкахъ и весельѣ. Предъ удаленіемъ всѣхъ, каждый, выпивъ стаканъ пива или водки, бросалъ въ него какую либо монету, въ подарокъ молодымъ.

Мало бываетъ и нынѣ между черемисами браковъ, гдѣ бы не примѣшивались эти языческіе обряды.

Татарскія свадьбы. У татаръ русскихъ существуетъ въ основѣ одно и тоже, согласно религіи, но встрѣчаются нѣкоторыя различія въ частности ихъ обрядности. У татаръ по рѣкѣ Черемхану, которая впадаетъ въ Волгу при Сингелеевѣ, существуетъ такой обычай при свадьбахъ: Когда женихъ или его родители выберутъ невѣсту, то сватаютъ ее тоже, какъ и прочіе, чрезъ постороннихъ лицъ и послѣ согласія съ той и другой стороны, начинаютъ толковать о калымѣ. У нихъ даже бѣдняки должны платить довольно тяжелый калымъ. И женскому полу нѣтъ принужденія выходить замужъ, а потому невѣстинъ отецъ при началѣ сватовства спрашиваетъ дочь: „охотно ли она идетъ, нравится ли ей женихъ? Только ея согласіе рѣшаетъ дѣло. Затѣмъ приглашаютъ муллу, который прочитавъ молитву разрѣшаетъ ей сидѣть съ женихомъ за занавѣсой, потомъ гости пьютъ и веселятся. Но только тогда женихъ воленъ взять свою невѣсту, когда заплатитъ ея отцу калымъ сполна. Между тѣмъ женихъ воленъ тайно, время отъ времени, посѣщать невѣсту, повольничать немного, но

въ права мужа вступать ни подъ какимъ предлогомъ не допускается *).

По уплатѣ полнаго калыма, невѣстинъ отецъ приглашаетъ гостей на пиръ, и погулявъ до пьяна, они разъѣзжаются по домамъ; а женихъ съ невѣстою и другими сродниками, взявъ все приданое невѣсты уѣзжаетъ въ свой домъ. Потомъ призывается мулла, и начинается бракъ. Бракъ ихъ очень кратокъ и простъ. Молодые сидятъ или въ другой избѣ, или тутъ же за занавѣсомъ. А мулла, не видя новобрачныхъ, спрашиваетъ трижды у присутствующихъ: „женился ли такой-то?“ Ему отвѣчаетъ дружка: „женился!“ тоже троекратно называя по имени жениха. Потомъ мулла спрашиваетъ о невѣстѣ троекратно: „вышла ли такая-то замужъ за такого-то?“ дружка тоже на каждый его вопросъ,—что вышла такая то? Наконецъ мулла читаетъ молитву и тѣмъ кончается процессъ брака.

По прошествіи двухъ или трехъ дней, зять приглашаетъ къ себѣ въ домъ тестя и всю родню молодой жены для пированія; гости собираются и каждый изъ нихъ приноситъ что либо въ подарокъ новобрачнымъ.

Свадьбы у Казанскихъ и Оренбургскихъ татаръ совершаются такъ же почти, какъ вышесказано. Также поступаетъ и мулла при совершеніи брака. Замѣчательно то, что у нихъ существуетъ дѣвичникъ, куда собираются подруги и родные, поютъ пѣсни и оплакиваютъ перемѣну состоянія невѣсты, которая въ это время сидитъ съ закрытымъ лицемъ. Между тѣмъ двое мужчинъ отъ лица невѣсты поютъ пѣсню, содержаніемъ которой то, что „*она перемѣны этой желаетъ*“. Наканунѣ брачнаго дня къ вечеру, посадя невѣсту на коверъ, относятъ невѣсту въ тотъ домъ, гдѣ должна быть свадьба, и тутъ она видится съ новыми своими родственниками.

У этихъ татаръ, потеря дѣвства до замужества считается величайшимъ безчестіемъ. Гнѣвнаго характера женихъ имѣетъ право во время самой свадьбы сорвать съ своего тестя и тещи свои подарки.

---

*) Уплата по частямъ и тайное посѣщеніе женихомъ невѣсты, у нихъ называется *хожденіемъ за пазуху*. Молодой человѣкъ въ это время можетъ удобнѣе узнать невѣсту и если замѣтитъ, что либо предосудительное, засвидѣтельствованное другими, прекращаетъ сватовство и получаетъ деньги назадъ.

Свадьбы сибирскихъ (чулымскихъ) татаръ. Эти татары также посылаютъ свата. Сватъ отправляясь по дѣлу сватовства беретъ съ собою новую трубку (китайскую), набиваетъ ее китайскимъ табакомъ, а придя туда, объявляетъ причину прихода и тотчасъ оставляетъ тамъ свою трубку и табакъ, самъ удаляется куда то, на короткое время. По возвращеніи, если онъ замѣтитъ, что трубка не была въ употребленіи, то считаетъ это за отказъ, а если усмотрѣно, что курено, то принимается торговать невѣсту на платье, мягкую рухлядь, скотъ и на проч.

Свадьба совершается въ новой юртѣ, брачное ложе молодыхъ—войлокъ. Если новобрачная виновата предъ своимъ мужемъ, то она никакой обиды отъ мужа не терпитъ, но молодой украдкой уходитъ и не ранѣе возвращается, какъ раздѣлавшись добрымъ порядкомъ съ похитителемъ ея чести. Потомъ все предается забвенію.

Въ день свадьбы у нихъ тоже происходятъ пирушки и веселье съ пѣснями, пляскою и музыкой. Кромѣ того женихъ занимается борьбою съ родственниками невѣсты и если успѣетъ всѣхъ ихъ побороть безъ посторонней помощи, то заслуживаетъ огромное общее одобреніе.

Калмыцкія свадьбы. У этого народа, исповѣдующаго ламайскую вѣру, женидьба дѣтей совершается по волѣ родителей. Но прежде, чѣмъ принимаются за сватовство, обращаются къ *Гелюну* (своему жрецу) объявляютъ ему имена жениха и невѣсты, годъ, мѣсяцъ и число рожденія каждаго изъ нихъ, и гелюнъ справляется въ книгѣ судебъ (сударъ), а потомъ имъ объявляетъ соизволеніе *Бурхановъ*, ихъ боговъ, или не успѣхъ брака. Въ послѣднемъ случаѣ бракъ никогда не состоится. Развѣ только задарятъ гелюна, тогда онъ постарается умилостивить своихъ боговъ.

Такимъ образомъ, получивъ соизволеніе своего жреца, договариваются при свидѣтеляхъ обѣихъ сторонъ о колымѣ, который состоитъ изъ выкупа со стороны невѣсты. Она должна привесть за собою: новую кибитку, по нѣсколько всякаго скота и ясыръ (прислугу).

Бракъ, гелюнъ совершаетъ во время новаго мѣсяца съ обыкновенными своими обрядами: сперва приводитъ жениха и не-

вѣсту къ бурханской присягѣ во взаимной вѣрности; потомъ выведя ихъ изъ кибитки, приказываетъ имъ глядѣть на солнце, а самъ читаетъ молитву: при чемъ женихъ и невѣста кладутъ земные поклоны.

Наконецъ—гелюнъ, по совершеніи надлежащихъ молитвъ, возлагаетъ на жениха и невѣсту руки, тѣмъ и кончается вся церемонія. Потомъ сажаютъ невѣсту въ кибитку за занавѣсъ; а женихъ садится впереди.

Родственники обѣихъ сторонъ, взявшись за сырую овчину съ двухъ сторонъ, начинаютъ, что есть силы тянуться, между собою и чья сторона перетянетъ, значитъ та должна угощаться на счетъ противуположной побѣжденной стороны. Обыкновенно съ одной стороны тянутся одни жениховы родственники, а съ другой невѣстины.

При началѣ пирушки вводятъ невѣсту въ ея кибитку, гдѣ она съ прочими женщинами и дѣвушками при игрѣ на чебыдзѣ, волынкѣ и гудкахъ, веселится. Въ это время воспрещается видѣться со свекоромъ и старшею жениховой родней, а отца своего не прежде посѣтить, какъ по прошествіи года и тогда уже получаетъ она отъ него надлежащій свой *пай* (удѣлъ или участокъ) состоящій въ верблюдахъ, разномъ скотѣ и прочемъ.

У калмыковъ Уральскихъ часто сговариваютъ дѣтей не только младенцами, но даже тогда, когда жены ихъ беременны, если только родятся у одного сынъ, а другаго—дочь.

Сочетаются бракомъ еще по четырнадцатому году. За два года до свадьбы позволяется жениху ходить играть съ невѣстою. Но ежели она до свадьбы забеременѣетъ, то—женихъ, или его отецъ, долженъ удабривать родителей невѣсты подарками, не смотря даже, что послѣдовало обрученіе.

Договоры съ невѣстинымъ отцомъ и матерью насчетъ выкупа за нее, производится до свадьбы. Съ своей стороны ея родители приготовляютъ въ приданое платье, разныя домашнія вещи, постелю, войлоки, одѣяла и кибитку изъ бѣлаго войлока.

Предъ бракомъ справляются у Гелюна, на счетъ благополучнаго для брака дня, когда и совершаютъ потомъ бракъ. Предъ началомъ брака, когда невѣста въ сопровожденіи родителей и родственниковъ пріѣзжаетъ къ жениху и ставятъ новую кибитку, то прибывшій въ домъ гелюнъ, при всемъ поѣздѣ, чи-

таетъ нѣкоторыя молитвы; невѣстѣ, по его приказанію, расплетаютъ косы, и волосы заплетаютъ только на двѣ. Затѣмъ, гелюнъ беретъ шапки у жениха и у невѣсты, отходитъ въ поле и окуриваетъ ихъ ладономъ, при чтеніи ему извѣстныхъ молитвъ, возвратясь отдаетъ дружкѣ женихову, а свахѣ—невѣстину шапку и приказываетъ надѣть молодымъ.

Послѣ этого брака начинается пирушка, на которую мясо для пира жертвуетъ отецъ невѣсты. Затѣмъ невѣсту оставляютъ въ кибиткѣ у жениха, въ которую нѣкоторое время не дозволяется входъ никому съ ея стороны, кромѣ матери и сродницъ.

Многоженство и разводъ калмыкамъ возбраненъ, хотя бывали примѣры и нарушенія этихъ правилъ. Въ послѣднемъ случаѣ разводъ по неудовольствію того или другаго супруга между знатными калмыками. Говорятъ, что если желаніе развода слѣдовало со стороны жены, то мужъ раздѣвалъ жену до нага и гналъ со двора плетью *). Но болѣе благоразумные калмыки отпускали жену не только съ честію, но даже дѣлали для ея родственниковъ пирушку и награждали скотомъ и лошадьми.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

*) См. Позорище странныхъ суевѣрій. 1797 г.

ПРИБАВЛЕНІЕ КЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Примѣты. *Храмъ трещитъ* (домъ трещитъ, стѣны)—выживаетъ изъ дома. *Ухозвонъ, кости подъ колпиками свербятъ*—путь будетъ. *Длани свербятъ* (ладони чешутся) — деньги имѣть; *очи свербятъ*,—плакать. *Воронограй, куроkликъ* (пѣніе курицы)—худо будетъ. *Утица крикнетъ, гусь* гогочетъ—окомигъ, (дрожь въ рѣсницахъ). *Огнь бучитъ* (трескъ дровъ), *песъ воетъ, мышепискъ* (пискъ мышей), мышь порты грызетъ (вообще платье); *кошка въ окнѣ мышица устранитъ*,—сонъ страшенъ. *Слѣпца встрѣтить*—изгоритъ нѣчто; *огонь пищитъ, искры изъ огня, кошка мяукнетъ*—падетъ человѣкъ; *свѣща угаснетъ, конь ржетъ, волъ реветъ, трава шумитъ, древо скрипитъ, сорока поцекоцетъ, дятелъ желна* (долбитъ дерево); *стѣнощелкъ* (черви въ стѣнахъ); *жаба воркуетъ* *).

Эти послѣднія примѣты служили или предвозвѣстниками перемѣны погоды или удачи охоты.

Дымъ въ избѣ высоко ходитъ (*въ курной*)—къ погодѣ.

Мышь въ жильѣ высоко гнѣздо совьетъ—снѣгъ великъ будетъ и погода будетъ.

Берегъ подымается, и море дичится, и *вѣтры* сухіе и мокрые тянутъ и *облака* дождевыя, снѣжныя и вѣтреныя, и *громъ* гремитъ, и *буря* вѣетъ, и *лѣсъ* шумитъ, и *древо о древо* скрипаетъ, и *волки* воютъ, и *бѣлки* скачутъ—моръ будетъ и война возстанетъ, и вода прибудетъ, и плодовъ въ лѣтѣ въ коемъ не будетъ, или умалится **).

---

*) См. Русс. Вѣстникъ 1842 г. 2.259).

**) Рум. Сборникъ Рукоп. № 374.

Суевѣріе беременныхъ женщинъ. Смѣлая и суевѣрная женщина, будучи беременна и желая узнать, кого она родитъ, давала изъ рукъ своихъ медвѣдю, конечно медвѣдю ручному, такихъ встарь водили скоморохи на потѣху,—хлѣбъ, медъ, водку, и ожидала, какой голосъ или звукъ издастъ медвѣдь: если онъ рыкнетъ—женщина родитъ дѣвицу, а если замычитъ то—мальчика *).

Объ образованіи младенца, тоже образовались полуязыческія, полухристіанскія убѣжденія. Одно описаніе говоритъ, что человѣкъ состоитъ изъ восьми частей: сердце отъ камени, тѣло отъ персти, кости отъ облакъ, жилы отъ мглы, кровь отъ чернаго моря, теплота отъ огня, очи отъ солнца, духъ отъ Святаго Духа **).

Зарожденіе въ младенцѣ духа ***). Говорится, будто бы во время беременности женщины, ея Ангелъ Хранитель беретъ части: у земли, или у воды, или у желѣза, или у камени, или у древа, или у огня, или у всякія вещи смертныя, и возьметъ отъ того камень материнъ и кинетъ на отроча то, и отъ того зарождается въ немъ духъ.

О человѣческихъ свойствахъ, (Темпераментѣ) ****). Человѣческія свойства зависятъ (былое увѣреніе), отъ преобладанія какой нибудь изъ восьми частей состава его тѣла: отъ земли тѣло: тотъ человѣкъ теменъ и не говорливъ; отъ моря—кровь въ человѣцѣ, и тотъ человѣкъ прохладенъ; отъ огня—жаръ: тотъ человѣкъ сердитъ; отъ камени—кость: тотъ человѣкъ скупъ, не милостивъ; отъ солнца очи: тотъ человѣкъ богатыреватъ и безстрашенъ; отъ вѣтра дыханіе: тотъ человѣкъ легкоуменъ; отъ облака мысль: тотъ человѣкъ похотливъ; отъ свѣта—свѣтъ: тотъ человѣкъ святъ, не мыслитъ земнаго, но мыслитъ небесное.

Хозяйственныя примѣты противъ червя. Возьми вѣникъ, которымъ отъ оводовъ отмахивалися, покрапливай капусту и—червь выйдетъ.

---

*) Румянц. Сборникъ Рукоп. № 374.

**) Румянц. музей № 358.

***) Погод. Сборникъ. Публичная Библіотека № 1315.

****) Тамъ же.

Для удачи въ пчеловодствѣ. Возьми осетровую кость и воткни въ улей къ пчеламъ и больше пчелы водятся и пасутъ (несутъ) медъ изъ чужихъ улей и бортей *).

Хозяйств. примѣта противъ падежа скота. А коли скотъ умретъ, и ты съ умершаго скота сыми кожу, продай, да на тѣ пенязи купи сковроду желѣзную, да ѣшь самъ съ нее всякую явству—скотъ твой не станетъ мереть.

Хозяйств. примѣта на счетъ купли коня. А коли купишь коня и ты, или вымѣняешь, и дай ему изъ рѣшета ясти въ ступу,—будетъ добра.

Камень противъ отравленія. Есть камень синь, въ жабѣ—черепахѣ, а носитъ она у себя въ головѣ, и кто тотъ камень выйметъ изъ жабы и держитъ у себя во устѣхъ, и не боится человѣкъ никакого окорму, а коли окормятъ и тотъ камень подержи во устѣхъ.

Для успѣха въ работѣ. Время предъ восходомъ солнца, считалось особенно знаменательнымъ: тогда ходили купаться, мыли платье, ткали и пряли, вертѣли масло и дѣлали другія домашнія работы, думая, что дѣланное до солнечнаго восхода имѣетъ что-то особенно важное **).

Орловъ камень, змѣиные рожки, рога единорога. Къ симпатическимъ средствамъ принадлежали, въ XVII вѣкѣ, орловъ камень, рога единорога и змѣиные рожки. Орлову камню, по современному суевѣрію, Богъ далъ дивныя угодья таковы, что не свѣдущимъ людямъ нельзя про него и вѣры взять. „Воображали“ что этотъ камень, находятъ въ орловомъ гнѣздѣ. А держитъ орелъ тотъ камень, въ своемъ гнѣздѣ, будто бы для обереганія дѣтей своихъ, потому что тотъ камень оберегаетъ отъ всякихъ притчей, отъ повѣтрія, и отъ всякихъ золъ ***). Рогъ единорога считался рѣдкимъ и драгоцѣннымъ средствомъ, не только для исцѣлѣнія отъ тяжелыхъ болѣзней, но и для поддержанія цвѣтущаго здоровья вообще на всю жизнь. Это вѣрованіе о рогѣ единорога распространили иностранцы въ XVII вѣкѣ, и самъ Царь Алексѣй Михайловичъ въ 1655 г. соглашался за три та-

---

*) *Прилож.* къ 2-й книжкѣ Пермскаго Сборника.

**) Рум. Музей. Рук. № 374.

***) Буслаева, о Народн. поэзіи, стр. 28.

кіе рога заплатить десять тысячъ рублей соболями и мягкою рухлядью *). Разсказывали, что онъ длиною до шести пядей и свѣтелъ **). Небогатые не могли имѣть такихъ дорогихъ средствъ и употребляли, такъ называемые змѣиные рожки. Ихъ толкли въ порошокъ и давали пить въ случаѣ какой нибудь внутренней болѣзни. Эти змѣиные рожки очень часто (и вѣроятно всегда) были ничто иное, какъ простыя кости ***).

Примѣты для воду скота. Если хочетъ скота много держать, то медвѣжью голову пронеси сквозь скотъ, на Ивановъ день до солнца, и вкопай среди двора и скотъ будетъ вестись.

Тоже. Аще кто животину купитъ приводную, мерина или корову, и приведши ко двору велѣть растянуть поясъ женскій отъ вереи до вереи, да замокъ положить къ вереѣ, а колоду замочную къ другой вереѣ, и проведши животину сквозь замокъ, замкнуть и поясъ взять, опоясаться и черезъ мужской поясъ, животину водить же отъ вереи до вереи растянувши ****).

Отчего въ деревнѣ не ѣдятъ телятину. Во многихъ городахъ и деревняхъ, суевѣры почитаютъ грѣхомъ ѣсть телятину. Смыслъ этого понятія происходитъ съ одной стороны отъ того, что новотѣльныя коровы, лишась своихъ ососковъ, теряютъ молоко, изъ чего и явствуетъ, что воздержаніе отъ ядепія телятины въ сельскихъ жителяхъ происходитъ не отъ суевѣрія, но отъ доброй экономіи *****). Но можно считать еще и ту причину отчего не ѣдятъ телятъ, потому что теленокъ — бычокъ, или телка — предметъ будущихъ выгодъ; между тѣмъ, какъ крестьянинъ можетъ довольствоваться въ скоромные дни мясомъ свиней и барановъ, и то по праздникамъ, которыхъ въ году не особенно много, благодаря постамъ.

Мщеніе за неопрятность. Кто, не соблюдая чистоты въ домѣ или во дворѣ, кладетъ свой пометъ, гдѣ попало, и особа та неизвѣстна, то берутъ изъ печи раскаленное уголье и

---

*) А. И. IV. 242. **).

***) А. И. II. 46.

****) Буслаева, О народной поэзіи, стр. 35.

*****) Абевега, русскихъ суевѣрій.

сыплютъ на тотъ пометъ, вѣря точно, что все сѣдалище опаршивѣетъ *).

Примѣты и обряды при родинахъ. Когда женщинѣ наступитъ время родинъ, то часъ рожденія стараются утаить, вѣря, что отъ того женщина родитъ легко, а въ противномъ случаѣ тяжело. Родильную молитву, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ деревни отъ церквей отдалены, давали въ шапку; посланный, возвратясь въ избу къ родильницѣ, вытрясаетъ изъ шапки. и тѣмъ очиститъ. Кормятъ за столомъ отца новорожденнаго кашею, кума и другія женщины: такимъ образомъ, отецъ высылается на сіе время вонъ; потомъ, взявъ столовую ложку, кладутъ въ нее по пропорціи: горчицы, перцу, хрѣну, соли, уксусу, сорочинскаго пшена, то есть каши бабкиной и обсыпаютъ сахаромъ, принудятъ это съѣсть хозяина, знаменуя тѣмъ, чтобы и оный, что нибудь при сихъ родинахъ претерпѣлъ болѣзненнаго, такъ, какъ и роженица. По многимъ городамъ родня посылаетъ къ роженицѣ, такъ называемую *порушку;* она дѣлается изъ сухой разваренной малины, подслащенной сахаромъ или медомъ: сей порушки, посылается всегда по кружкѣ отъ всякаго родственника, и по большому круглому пирогу.

Въ Мордвѣ, существуетъ обычай беременнымъ женщинамъ рожать въ банѣ, подъ предлогомъ, что въ натопленной банѣ рожать легче. Въ баню эту, кромѣ бабушки никто не входитъ. Послѣ благополучнаго исхода, бабушка оповѣщаетъ отца и родственниковъ о рожденіи младенца. но не допускаетъ до свиданія съ новорожденнымъ до тѣхъ поръ, пока бабушка не напечетъ блиновъ, не сваритъ крутой каши. Такимъ образомъ приготовивъ столъ, приглашаетъ отца и родственниковъ младенца, и тутъ назначается имя ребенку бабушкою, часто по имени перваго встрѣчнаго или встрѣчной.

У Калмыковъ, когда приходится женщинѣ быть на сносяхъ, тогда избираютъ здороваго мощнаго калмыка, котораго чествуютъ каждый день, хорошею по ихъ обыкновенію пищею, о которой выше сказано: и какъ скоро начнутся у роженицы потуги, тогда дюжій угощенный калмыкъ садится на полъ среди кибитки и роженицу посадивъ на колѣни, жметъ ее об-

---

*) *Абевега* русскихъ суевѣрій. 1786 г.

хватомъ своихъ рукъ, начиная отъ грудей и опуская ихъ до самаго лона. Это давленіе продолжаетъ до тѣхъ поръ, пока младенецъ начнетъ показываться, котораго калмыцкая бабушка, сидя передъ роженицею на цыпочкахъ, караулитъ и, какъ скоро покажется младенецъ, то даетъ знать около стоящимъ, которые палятъ изъ пистолетовъ, дабы нечаяннымъ выстрѣломъ испугать роженицу, и тѣмъ споспѣшествовать къ рожденію. Дюжаго калмыка за труды гостятъ, дня два или три и, подаривъ овцею или жеребенкомъ, отпускаютъ; бѣдные, которые не въ силахъ нанять дюжаго калмыка, двоякое имѣютъ средство: первое состоитъ въ томъ: у роженицы въ то время, когда начинаются потуги, утробу перетягиваютъ широкимъ ремнемъ и давятъ сверху внизъ; черезъ что бываетъ имъ облегченіе; послѣднее средство кажется имъ значительнымъ облегченіемъ, третье средство состоитъ въ томъ, что роженица беретъ палку, къ которой придѣлана широкая развилина; роженица ложится животомъ, и давитъ оной, сколько достанетъ силъ до тѣхъ поръ, пока не разрѣшится отъ бремени; при всѣхъ сихъ способахъ къ облегченію родовъ случается что роженицы послѣ родовъ долгое время бываютъ безъ чувствъ, а иныя и долго страждутъ разными отъ того болѣзнями, но крѣпкая ихъ природа все преодолѣваетъ; и рѣдко между ими слышать можно, чтобы женщина замучилась родами. Впрочемъ, никакихъ увеселеній, пиршествъ при родахъ не бываетъ, напр. при родахъ русскихъ женщинъ и другихъ народовъ Европы *).

---

*) Авебега русскихъ суевѣрій. 1796 г., стр. 278.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

НАРОДНЫЯ ЗАБЛУЖДЕНІЯ.

СУЕВѢРІЯ И ЛОЖНЫЯ УБѢЖДЕНІЯ.

Къ чему бы отнести, что не только у насъ на Руси, но и во всей Европѣ, существуетъ такъ много суевѣрныхъ искаженныхъ понятій и убѣжденій? Кажется ихъ можно бы уничтожить, но, къ несчастію, ихъ одно поколѣніе передаетъ другому изъ вѣка въ вѣкъ, со всѣми ихъ мелочами, обрядностями, приписывая часто совершенно ничтожнымъ вещамъ, непонятныя чудеса. Какъ судить о тѣхъ людяхъ, которые убѣждены, что если попадется попъ на встрѣчу—жди неудачи, или о тѣхъ, кто распространяетъ такое глупое убѣжденіе? А между тѣмъ есть люди, которые принадлежатъ къ лицамъ развитымъ, даже къ кругу образованныхъ?

Понятно, что простолюдины, или люди не получившіе никакого образованія наслѣдовали такія понятія отъ отцевъ и дѣдовъ, ихъ единственныхъ наставниковъ и учителей, а также можетъ быть эти внушенія укрѣпились общими убѣжденіями той среды, въ которой они постоянно вращались и вращаются; такъ какъ эта среда, тоже съ своей стороны, развивалась, училась и зрѣла, подъ кровомъ суевѣрныхъ и неразвитыхъ родичей, дѣтей природы. Конечно никто и не думалъ изъ числа ихъ, чтобы обсудить, усумниться, а тѣмъ паче провѣрить, справедливъ ли тотъ или другой примѣръ изъ числа суевѣрныхъ свѣденій и предразсудковъ? слѣпо вѣрить тому, что говорилъ ему отецъ или дѣдъ, тоже убѣжденный въ своихъ вѣрованіяхъ своимъ отцомъ и дѣдомъ, нельзя. Тутъ безъ со-

мнѣнія нельзя было ожидать провѣрки. Простолюдинъ боится сомнѣваться въ томъ, въ чемъ убѣждена, чему вѣритъ его семья, его среда; если онъ вѣритъ, что чертъ всегда бываетъ съ рогами, съ копытами, съ крыльями, то они даже во время болѣзни ему грезятся не иначе, какъ въ этомъ костюмѣ, хотя какъ ни убѣждай, что чертъ или дьяволъ, есть изображеніе зла.

Но отчего же люди болѣе развитые, даже люди образованные не чужды разныхъ предразсудковъ? вотъ задача, которую рѣшить не легко.

Прежде всего должно помнить, что дитя въ первые годы сознанія своего собственнаяго „я" въ смыслѣ существованія, конечно, бываетъ чрезвычайно любопытно. Его все увлекаетъ, на всемъ онъ останавливаетъ свой взоръ, и онъ теребитъ свою няню, распрашивая; что? какъ? да почему? Маленькій мозгъ работаетъ, память его также впечатлительна, какъ дѣятеленъ, свѣжъ мозгъ при самыхъ чувствительныхъ нервахъ. Ребенокъ надоѣдаетъ нянѣ, всегда или почти всегда необразованной и часто съ слабыми понятіями о самыхъ простыхъ предметахъ, а иногда даже съ такими, которыя совершенно ложно, искаженно передаются впечатлительной памяти дитяти. Но вотъ тотъ же ребенокъ рѣзвится, играетъ, прыгаетъ подвергая ежеминутно свою няню заботѣ о сохраненіи ребенка отъ ушиба, увѣчья и неминуемой отвѣтственности. Няня устаетъ, гоняясь за шалуномъ или шалуньей, и наконецъ принимается за хитрости, не понимая сама конечно, что рѣзвость, прыганье, бѣготня этого дитяти, есть требованіе природы, неизбѣжная при ростѣ и развитіи организма; эта та же гимнастика, которой не чуждо даже ни одно изъ молодыхъ животныхъ. Чтобы успокоить дитя, чтобы скорѣе уложить его въ постельку, та же безтолковая няня пугаетъ его букой, буканомъ, игошей, кикиморой и на вопросъ ребенка; что это за бука? няня разсказываетъ страшный разсказъ о букѣ, или о другомъ какомъ нибудь страшномъ врагѣ, изъ міра фантазіи, напримѣръ о людоѣдѣ. Ребенокъ въ страхѣ закрывается, воображеніе работаетъ; вотъ онъ спитъ; но фантастическіе страшные сны преслѣдуютъ его въ часы ночи. Дитя часто кричитъ во снѣ, просыпается и нерѣдко случается, что и на яву память возобновляетъ ему нянькину сказку съ ея ужасами.

Наступаетъ утро, сказка оживаетъ въ юной памяти, какъ что-то рѣзкое, выдающееся, новое, и всѣ герои ея представляются явственно, какъ на яву и на долго. Видя, какъ успокоительно дѣйствуетъ на малютку сказка, нянька, для того, чтобы и самой каждый разъ предаться поранѣе покою, говоритъ ему новую, затѣмъ опять новую сказку и такимъ образомъ укрѣпляетъ въ памяти дитяти идею о невѣдомыхъ злыхъ духахъ, разнаго рода, которые вредили людямъ, животнымъ, губили людей, ѣли ихъ. Такіе нелѣпые разсказы все-конечно доводили ребенка до того, что онъ начиналъ бояться ночью и даже вечеромъ, пугаться то того, то другаго и трудно было наконецъ выжить изъ ребенка эту робость, этотъ страхъ родителямъ, которыми начинила ему голову усердная няня! Трудно было искоренить предразсудки и убѣжденія, которымъ она убѣдила его вѣровать въ юномъ возрастѣ. Они такъ проникали въ плоть и кровь ребенка, что искоренить ихъ не было возможности, особливо, если при томъ, какъ нибудь одно изъ ея убѣжденій случайно оправдывалось надъ нимъ.

Говоря о няняхъ, мы знаемъ и даже скажемъ въ своемъ мѣстѣ, что сами родители иногда развиваютъ такія убѣжденія въ дѣтяхъ.

Много значатъ хорошія книги для чтенія дѣтей и добрые наставники, которые стараются разоблачить всѣ предразсудки, которые не довольствуются однимъ упражненіемъ памяти, но и разума. Что же хорошаго выходило изъ того, что выработывался на свѣтъ человѣкъ, въ памяти котораго укрѣпились цѣлые томы, который могъ, какъ попугай говорить обо всемъ томъ, что когда то вычиталъ, а между тѣмъ не можетъ провѣрить того разумомъ справедливо ли оно, сообразно ли съ современными понятіями науки? Такъ напримѣръ: Въ одной старой естественной исторіи говорится о томъ, что когда-то водились рогатые зайцы, оказывается, что такихъ не было на свѣтѣ, а только были изъ нихъ уроды, которыхъ челюсть нижняя, будучи выдвинута впередъ, допускала возможность длиннымъ рѣзцамъ зайца свободно рости далеко выше лба и изображать такимъ образомъ подобіе роговъ.

Всему на слово вѣрить нельзя, могутъ и ученые люди увлекаться и заблуждаться, нужно все изслѣдовать, а чего нельзя,

то уяснять себѣ, добиваться истины, чтобы не ошибиться. Предположите, что учитель заставляетъ переводить ученика, что нибудь изъ Плинія о естественной исторіи рыбъ: тамъ, въ одномъ мѣстѣ разсказывается, что есть родъ морской миноги называемой *четоча*, которая одарена такою необычайною силою въ зубахъ и мускулахъ, что можетъ остановить корабль. Тамъ же найдутъ, что корабль, на которомъ ѣхалъ Антоній на Аукціумскую битву, былъ внезапно остановленъ одною изъ подобныхъ миногъ: тоже происшествіе случилось съ Періандромъ и Калигулою, такъ, что мореплаватели, желающіе скораго хода на морѣ должны были остерегаться встрѣчи съ миногами.

Умный наставникъ долженъ и самъ не убѣждаться, согласно современному изученію животнаго царства, въ излишнемъ легковѣріи ученаго Плинія. Мы уже знакомы со всѣми родами миногъ (Petromyzida), которые даже не въ силахъ остановить руку повара, а не только корабля. Да притомъ, чтоже за корабль, который при своемъ теченіи не могъ бы увлечь миногъ.

Напримѣръ, у насъ существуетъ убѣжденіе, что левъ боится пѣтушинаго голоса. Сообразно ли это съ дѣйствительностью? если онъ боится, то его боязнь должны раздѣлить и кошки, принадлежащія къ одной съ нимъ породѣ; между тѣмъ, какъ кошки пѣтуховъ не боятся. Мало того: были опыты въ звѣринцахъ, гдѣ львы выражали самое искреннее желаніе скушать пѣвца, а вовсе не боялись его и если случалось что пѣтуха пускали въ клѣтку, то пѣтухъ былъ всегда побѣжденъ. А между тѣмъ о такихъ храбрыхъ симпатическихъ свойствахъ пѣтуха увѣряли Римскіе и Греческіе писатели.

Также Геродотъ, Ксенофонтъ, Плутархъ, Титъ Ливій, Еліанъ, Светоній, Плиній, Антоній, Мела и др. говорили о существованіи странъ, гдѣ есть люди одни, съ собачьими и олеьими головами, другіе, безъ глазъ, третьи, съ одною ногою, на которой скачутъ, а когда захотятъ бѣжать, то становятся двое вмѣстѣ и держатся за руки; наконецъ четвертые, совсѣмъ безголовые *). Изъ тѣхъ же писателей вы узнаете, что рысь мо-

---

*) Геродотъ говоритъ, также на сѣверѣ есть люди, которые спятъ полгода, а полгода живутъ дѣятельною жизнью.

жетъ смотрѣть сквозь стѣну; что лебедь поетъ передъ своею смертью, что крокодилъ подражаетъ дѣтскому крику и тѣмъ привлекаетъ легковѣрныхъ и сострадательныхъ людей. Говорятъ, что Аннибалъ разсѣкъ Альпы помощію уксуса, а что Ахиллесъ расшаталъ Ахиллесовы столбы и образовалъ Гибралтарскій проливъ.

Все это должно быть, уважая древнихъ писателей, разсмотрѣно наставникомъ предварительно, прежде, чѣмъ объяснено своимъ ученикомъ. Если въ древности наука почему либо была слаба, то теперь уже разработана. Римляне и Греки, разумѣется были слабѣе насъ въ географіи, потому, что не могли безъ компаса, пароходовъ и паровозовъ проѣзжать такія громадныя пространства, да притомъ только силою своихъ копій и мечей завоевали много; а съ этимъ вмѣстѣ ужъ и пути къ открытіямъ и изслѣдованіямъ. Зато въ другихъ отношеніяхъ они были хороши и остались нашими учителями. Но это не касается нашего труда и опять воротясь послѣ сказанныхъ нами словъ замѣтимъ, что Римскіе ученые излагая все, какъ историки-наблюдатели, указали намъ многое и этимъ многимъ дали направленіе болѣе или менѣе своимъ послѣдователямъ, собратамъ по наукѣ, по торному пути, разсмотрѣть яснѣе то, что казалось неясно. Непосвященный въ науку, вѣровалъ старинѣ, изложенной на страницахъ желтаго пергамента, никогда не изслѣдовавъ правду, и вѣрилъ до смерти. Въ нашъ вѣкъ, вѣкъ чудесъ, который открылъ намъ силу пара, могущественную силу магнетизма, электричества, наградилъ фотографіею, фонографомъ, телефономъ, микрофономъ, съ объясненіемъ даже дѣйствія силы, каждый изъ насъ долженъ быть далекъ отъ предразсудковъ, суевѣрій и всякаго рода заблужденій, покоряясь наукѣ, которая идетъ болѣе прочнымъ и прямымъ путемъ.

У насъ въ Россіи вѣрятъ въ колдуновъ, какъ въ людей, водящихся съ чертями всякаго рода. Любопытно бы было, если бы хоть одного изъ нихъ подвергнуть дѣйствію тока, какого нибудь электрическаго прибора, чтобы онъ сказалъ. Ужъ навѣрное отказался бы отъ всѣхъ чертей и дьяволовъ и сознался бы, что онъ лгунъ ради наживы.

И такъ, чтобы молодую душу образовать, нужно дѣйствовать на нее вліятельно и благоразумно каждому наставнику.

Сѣять чистое зерно, а не плевелы, говорить только то, что какъ посѣянное доброе зерно дастъ хорошую полезную жатву, а не внушать недоброе, не стращать тѣмъ, что дѣлаетъ впечатлѣніе на всю жизнь. Наука дала много примѣровъ совершенно уничтожающихъ предразсудки. Напримѣръ, порча не дѣйствуетъ на образованныхъ людей, а существуетъ только въ простомъ народѣ между неразвитыми поселянами. Это почему? да потому, что наставники, или не имѣютъ объ этомъ понятія, на лекціи никто имъ не говорилъ объ этомъ и они чужды того, что не вошло въ ихъ программу, разумѣется по этому случаю не распространяются съ своими учениками; конечно молчать лучше, чѣмъ распространяться о миногахъ Плинія.

Нынѣ разныя суевѣрныя убѣжденія „на слово“ считаются неприличнымъ, такъ что даже объ образованномъ человѣкѣ думаютъ какъ о неучѣ.

ОТКУДА ВОЗНИКЛО ЧАРОДѢЙСТВО И СУЕВѢРІЕ.

Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ умъ человѣческій имѣлъ стремленіе ко всему чудесному, таинственному и старался открыть и изслѣдовать то, что для него было загадочнымъ и необъяснимымъ. Видя свои силы слабыми и сознавая чувства ограниченными, противъ могущественныхъ силъ природы, онъ невольно боялся ихъ вліянія и дивился; а все то, что ему было непонятно относилъ къ тайной высшей силѣ.

Чѣмъ менѣе развитъ человѣческій умъ, тѣмъ ему кажется шире область чудеснаго и сверхъестественнаго. Онъ удивляется всему сверхъестественному и въ тоже время находитъ необходимымъ вѣрить, что есть невидимая сверхъестественная сила, которая управляетъ всѣми видимыми, но непонятными явленіями, которая одарена высшимъ разумомъ и могуществомъ. Люди относились къ невидимой, могущественной отвлеченной силѣ съ благоговѣніемъ, съ робостью и съ полнѣйшимъ уваженіемъ, и не только къ ней одной, но и ко всѣмъ тѣмъ явленіямъ, которыя ихъ удивляли и становились для нихъ необъяснимыми. Со временемъ силу эту, признавъ за божество, управлявшее ими самими, воздвигали ей алтари, избирали изъ среды себя достойныхъ, которые управляли дѣлами богослуженія и

такимъ образомъ жрецъ являлся между народомъ и божествомъ, между землей и небомъ, посредникомъ. Какъ удостоенный посредничества, его признавали ближе всего къ всемогущему, все устроившему и все обладающему и часто давали ему первыя права и всевозможныя преимущества. Такимъ образомъ мы видимъ у индійцевъ: тамъ каста жрецовъ или браминовъ, по ихъ убѣжденію, произошла изъ мозга Брамы, а потому эта каста была первенствующая предъ прочими, заслуживала народное почтеніе и почиталась мудрѣйшею. У персовъ маги (ихъ жрецы) также считались потомками ихъ законодателя Зороастра или Зердуста, а ихъ божество Митра, источникомъ свѣта и всего существующаго въ мірѣ.

Почти у всѣхъ народовъ всегда существовало убѣжденіе, что верховное божество существовало не одно въ своемъ невещественномъ отвлеченномъ мірѣ, но было окружено ему подвластными божествами такими же, какъ и оно, безплотными и невидимыми духами, происшедшими отъ его свѣта и власти. Нѣкоторые изъ этихъ второстепенностей по существу своему были менѣе совершенныя, чистыя, находилися между верховнымъ свѣтомъ и людьми. Далѣе, нѣкоторые изъ духовъ уже утратили свою чистоту, хотя все таки не утратили своего могущества и безсмертія. Вотъ изъ этого то созданнаго людьми понятія, возникаетъ существованіе духовъ чистыхъ и нечистыхъ, духовъ свѣта и тьмы, добрыхъ и злыхъ, вліяющихъ на дѣла міра и людей.

Изъ этого же ученія о мірѣ духовъ, современемъ произошли всѣ суевѣрія, таинства и чародѣйскія сумазбродства, которыя встрѣчаемъ у Египтянъ, Халдѣевъ, Пиѳагорійцевъ, Индусовъ, у Симона волхва, почерпнувшаго свое ученіе въ Александрійской школѣ и другихъ.

Всѣ волшебныя знанія вообще почерпнуты были изъ одного и того же источника, существовавшаго на востокѣ, гдѣ была школа *тайныхъ наукъ*. Эта магія потомъ распространилась повсюду въ различныхъ ея отрасляхъ и видоизмѣненіяхъ, и во всякомъ случаѣ поражала своею сверхъестественностью.

Такъ напримѣръ, греческій философъ и геометръ Пиѳагоръ, кромѣ своихъ математическихъ вычисленій, занимался тайными науками.

Всѣ мнимыя чудеса дѣлались при помощи знаній недоступныхъ для народа и хранились въ тайнѣ въ рукахъ жрецовъ или мудрецовъ и конечно составляли нѣкоторымъ образомъ обманъ или случайность, которымъ умѣли воспользоваться жрецы, какъ напримѣръ Пиѳіей и все изъ собственныхъ выгодъ.

Когда христіанская религія вступила въ свои права, тогда измѣнился прежній строй и бытъ народовъ, и борьба завязалась между одряхлѣвшимъ язычествомъ и христіанствомъ, по поводу новаго вѣроученія. Здѣсь все пришло въ колебаніе и открылась самая благопріятная почва для развитія всего чудеснаго и сверхъестественнаго. Въ это время умолкли совсѣмъ оракулы, прекратились чудныя явленія въ языческихъ капищахъ. Зато въ это время явились чудодѣи *), которые въ большихъ городахъ предсказывали будущее и подъ открытымъ небомъ производили различныя продѣлки; особенно эти зрѣлища производились въ Римѣ, въ первый вѣкъ христіанской эры. Тамъ являлись въ это время Симонъ, волхвъ изъ Самаріи, ученикъ Александрійской школы, который до того удивлялъ народъ римскій и сенаторовъ, что его признали за одного изъ боговъ и даже воздвигли ему на берегу Тибра статую съ надписью: Simoni deo sancto (Симону богу святому). Объ немъ упоминаетъ даже св. мученикъ Іустинъ. Тамъ же удивлялъ Римлянъ и Апполоній Тіанскій.

Весьма понятно, что народъ могъ повѣрить этимъ чудесамъ и уважать этихъ людей, ставя ихъ выше обыкновенныхъ. При паденіи язычества, жрецы, бывшіе главными хранителями мистическихъ тайнъ, изгнанные изъ своихъ убѣжищъ, разнесли свои знанія и продѣлки по всему міру. Вотъ та причина, по которой первые вѣка христіанства, такъ изобиловали чародѣями и волшебниками. Но покинувъ священные притворы и подземелья храмовъ, волшебство потеряло большую часть своего величія и блеска и опустилось съ своего пьедестала, гдѣ оно было доступно многимъ избраннымъ. Мало по малу весь жреческій порядокъ измѣнился отъ забвенія такъ же, какъ и скрытое ихъ научное значеніе и наука превращалась въ простой фокусъ или обманъ.

---

*) Тауматуріи.

Но въ этомъ положеніи чародѣйство все еще сохраняло сильное вліяніе на невѣжественныя массы въ мрачный періодъ умственнаго потемнѣнія въ средніе вѣка. Церковь преслѣдовала волшебниковъ, или покрайней мѣрѣ обманщиковъ, какъ проповѣдниковъ древняго язычества, такъ какъ еще въ первые вѣка христіанства было много язычниковъ, которые фанатически защищали свое вѣроученіе и старались всѣми мѣрами возстановить падшее идолослуженіе и фетишизмъ, идя въ разрѣзъ цѣлямъ христіанства, употребляя при томъ волхованія и производя мнимыя чудеса, предъ народомъ, чтобы возбудить въ народѣ страхъ и уваженіе. Такимъ образомъ въ средніе вѣка, несмотря на всеобщую побѣду христіанскаго вѣроученія въ лѣсахъ Галліи и Германіи, Скандинавіи и Земляхъ финскихъ, также какъ въ Греціи и Римѣ въ темные средніе вѣка оставались непросвѣщенные истинной вѣрой язычники съ своимъ таинственнымъ знаніемъ. Такихъ язычниковъ было еще до половины населенія Европы. Весьма легко понять изъ этого, что нѣкоторые обычаи языческіе еще вліяли на новыхъ христіанъ, или, какъ укоренившееся въ нихъ суевѣріе не могло быть побѣждено сразу, то если новые христіане совершенно оставили поклоненіе идоламъ, но не могли совершенно покинуть нѣкоторыхъ убѣжденій и слѣдовъ язычества, такъ что и по сей часъ въ памяти легенды, сказанія германцевъ, скандинавовъ, британцевъ, саксовъ, финовъ и славянъ въ своей канвѣ имѣютъ языческіе обычаи, хотя измѣненные въ своей формѣ. Такъ напримѣръ, если язычники имѣли множество боговъ и полубоговъ, которые покровительствовали и управляли морями, сушей, рѣками, полями, лѣсами, ручьями, хозяйствомъ, то у первыхъ христіанъ въ Германіи были: Кобольты, Троялы, Эльбы и Гномы, во Франціи—Феи, въ Англіи—Дизіи и др., въ Шотландіи и Ирландіи—Эльфы, Броуны и др. въ Греціи наяды, Дріады, Нереиды. У Славянъ—лѣшіе, домовые, русалки, ягибабы, кикиморы, игоши, водяные и пр. Всѣ эти духи, по понятію суевѣровъ, вмѣшивались въ дѣла людей и побольшей части причиняли по мнѣнію людей—зло. Кажется откуда бы христіанамъ вынести такія суевѣрія, не христіанское же ученіе тому причиною, чтобы распространять идею о существованіи духовъ—обитателей темнаго царства. Такимъ образомъ у

христіанъ укоренилась вѣра въ существованіе злыхъ духовъ, чаще вредныхъ.

Какъ въ язычествѣ жрецъ былъ посредникомъ между богами и человѣкомъ, такъ въ христіанствѣ волшебникъ, колдунъ—лицомъ посредствующимъ между людьми и духами, которыхъ христіане называли нечистыми, или злыми, сопричисляя ихъ къ обитателямъ ада, подвластнымъ дьяволу, за ихъ злыя направленія противъ людей. Какъ жрецъ былъ, по народному мнѣнію, въ силахъ умилостивить боговъ и входилъ въ тѣсныя сношенія съ ними, такъ и колдунъ, по народному убѣжденію, входитъ въ подобныя же сношенія съ враждебными человѣку духами. Если прежде жрецъ, по мнѣнію народа, умилостивлялъ боговъ для народнаго благополучія, то колдунъ, напротивъ, по мнѣнію христіанъ, могъ обращаться къ злымъ духамъ съ тѣмъ, чтобы причинить то или другое зло человѣку, такъ какъ духи тьмы или дьяволъ неспособенъ на добро, потому, что самъ злой врагъ творенія Божія, всегда готовый къ разрушенію Его созданія.

Отсюда можно вывести, что въ первые вѣка христіанства, ученые язычники угрожали христіанамъ именемъ боговъ—мщеніе, и сами совершали мщеніе своими средствами, какъ могли, христіанамъ. Стращая и обманывая разными фокусами, всегда вредными, эти жрецы, или ихъ послѣдователи—язычники пугали народъ, наживались и даже увлекали обратно изъ христіанства въ язычество, съ цѣлью заслужить милость оставленныхъ боговъ. Понятно, что измѣнившіе христіанству, сокрушали, уничтожали и топтали ногами святые символы христіанской вѣры, какъ напримѣръ думаютъ наши русскіе люди о колдунахъ, продавшихъ душу дьяволу. Вотъ простая и вѣрная исторія происхожденія волшебства, корень его можно всегда найти въ язычествѣ, враждебномъ христіанству въ эпоху борьбы этихъ вѣръ.

Прошло много времени съ тѣхъ поръ, какъ водворилось христіанство въ Европѣ; понятіе о жрецахъ и о язычествѣ забылось, но волшебники и колдуны существовали въ народѣ. Если ихъ преслѣдовали, то простой народъ ихъ, какъ уже мы сказали, боялся, притворно уважалъ этихъ злодѣевъ и такое понятіе существовало въ сильно развитомъ видѣ отъ VI до XIII вѣка. Дьяволъ, какъ духъ зла, какъ само зло, первоначально

не имѣлъ никакой воображаемой формы, но мало по малу, по милости шарлатановъ, по милости людей, распространявшихъ ядъ, противный духу христіанства, демонъ принялъ уже болѣе опредѣленныя формы и видъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и его клевреты—духи, существовавшіе повсюду и наводнявшіе всѣ углы, приняли опредѣленныя ясныя формы, и въ наше время все уже доведено до утонченности такъ, что художники изображаютъ ихъ почти безошибочно, основываясь на сказаніяхъ и писателяхъ прошедшихъ вѣковъ, и чѣмъ живѣе и ярче рисуются эти образы, тѣмъ онѣ впечатлительнѣе дѣйствовали на умы народа.

КОЛДУНЫ И ЧЕРНОКНИЖНИКИ.

По всеобщему убѣжденію, демонъ—падшій духъ, неимѣющій формы видимой, между тѣмъ, какъ вліяніе духа ощутительно для человѣка. Духъ добра вліяетъ на человѣка благодѣтельно, между тѣмъ, какъ духъ зла дѣйствуетъ на нравъ противуположно, растлѣвая нравы и раздувая порочныя страсти.

Если дѣйствуютъ оба духа разомъ, то, по мнѣнію гностиковъ, развиваютъ въ человѣкѣ сомнѣніе, недоумѣніе, вопросъ, борьбу чувствъ. Вліяніе духа ощутительно и если матеріалисты отрицали существованіе этихъ силъ враждебныхъ между собою, то во всякомъ случаѣ зло и добро существуютъ на свѣтѣ такъ же, какъ два противуположные полюса магнита, катодъ и анодъ въ электричествѣ, какъ полезныя и вредныя работы въ механикѣ и пр.

Человѣкъ, будучи еще въ началѣ своего развитія, уже чувствуя вліяніе на умъ со стороны возмущающей, или успокоивающей силы, по своему выражалъ эти вліянія въ формѣ басни, а художественное настроеніе олицетворяло эти психическія вліянія посредствомъ статуй и другихъ изображеній; такъ, видимъ у грековъ—олицетвореніе жизни и страстей въ формахъ людей болѣе или менѣе изящныхъ формъ, выражая тѣмъ міръ существенный и человѣческія страсти. Въ Египетской и Индійской миѳологіи мы видимъ изображеніе людей, звѣрей, птицъ и другихъ фигуръ. Хотя эти изображенія для многихъ темны во многомъ неразобраны, но и здѣсь та же мысль борьбы между

зломъ и добромъ, владычество Творца надъ вселенной и господство страстей надъ человѣкомъ.

Совсѣмъ другое мы замѣчаемъ въ Славянской миѳологіи, хотя результатъ былъ впослѣдствіи одинъ и тотъ же, какъ и у западныхъ народовъ Европы. Древніе невѣжественные славяне, вопреки грекамъ, римлянамъ и другимъ народамъ, приносили въ жертву не только скотъ, но и людей. Изображали своихъ боговъ страшными, безобразными, съ рогами, длинными ушами и боялись своихъ боговъ, какъ сильныхъ, грозныхъ и страшныхъ и жертвами своими думали ихъ умилостивить, дабы избѣжать ихъ гнѣва. Жрецы, стоявшіе въ главѣ народа, изъ своихъ выгодъ требовали различнаго рода жертвъ и распространеніемъ лжебожія, сами поддерживали этотъ страхъ къ богамъ въ своемъ народѣ. По этой причинѣ, когда во времена св. Ольги и св. Владиміра, Христіанская вѣра проникла въ Россію, то она не повсюду и не сейчасъ подавила славянское язычество, что видимъ изъ борьбы Ильи Муромца съ Соловьемъ разбойникомъ, который, по сказаніямъ, былъ никто иной, какъ бѣглый жрецъ, скрывшійся въ лѣсахъ, что и могло случаться со многими жрецами и многими идолопоклонниками, державшимися упорно своего язычества и бѣжавшими отъ преслѣдованія, такъ какъ при этомъ начала возникать вражда между новыми христіанами и язычниками и образовались двѣ партіи, поддерживаемыя духомъ убѣжденія. У Христіанъ укрѣпилась мысль, что язычество ложно, что язычники вѣрятъ и поклоняются духу злобы. Съ своей стороны язычники, ослабленные притѣсненіями правительства, искали случая всячески вредить христіанамъ и вотъ почему въ нашихъ старинныхъ сказкахъ и легендахъ язычники признаются за поклонниковъ злаго духа, потому что поклоняются духу злобы *) и будто бы имѣли сношеніе съ злыми духами или сатаною; такъ какъ жрецы у славянъ назывались волхвами **) то самое идолослуженіе называлось „волхвованіе", которое впослѣдствіи получило значеніе волшебства.

Нельзя не отдавать справедливости и тому мнѣнію, что во

---

*) Славяне поклонялись Чернобогу, или Лютобору, богу злобы.

**) Названіе древнее, происшедшее отъ древняго бога, именуемаго *Волохомъ*, которому тоже приносили въ жертву людей.

времена св. Владиміра и послѣ него еще были тайныя капища, гдѣ совершались языческія мессы, и куда можетъ быть ходили не одни язычники, а ложно—христіане, не подавившіе въ себѣ безслѣдно прежнихъ убѣжденій и, потому являлись для испрашиванія себѣ у боговъ милости, помилованія, или за совѣтомъ къ волхву, который съ своей стороны употреблялъ всѣ хитрости или обманы, чтобы удовлетворить колеблющагося христіанина и убѣдить его въ силѣ ложныхъ боговъ. Даже самые вѣрные христіане для узнанія своей судьбы, или изъ другихъ корыстныхъ цѣлей, чего разумѣется не могли добиться отъ христіанскихъ пастырей церкви, обращались къ волхвамъ, и тѣ не отказываясь, открывали тайну будущаго и вообще старались удовлетворить ихъ, чтобы только поддержать уваженіе въ языческой вѣрѣ. Такимъ образомъ на Руси укрѣпилось убѣжденіе въ силу чаръ, въ волхвованіе и въ возможность при помощи злаго духа производить чудеса. А затѣмъ возникла боязнь къ колдунамъ, людямъ отвергнувшимся истиннаго Бога и поклонявшагося сатанѣ. Понятно, что язычники того времени, вооруженные злостію противъ новой религіи и ея послѣдователей, не щадя средствъ, гдѣ только была возможность, губили христіанъ, если не открыто, то тайно подстрекаемые своими волхвами.

Точно такое же броженіе умовъ по причинѣ водворенія христіанства между язычниками и таже самая вражда возникла въ западной Европѣ; чѣмъ болѣе возрастало число угодниковъ, тѣмъ болѣе появлялось колдуновъ и чародѣевъ, какъ отступниковъ истинной христіанской вѣры.

Истинная Христова вѣра, проповѣдуя вѣру надежду и любовь въ истиннаго Бога, и любовь къ ближнему, незлобіе и вообще добродѣтель, не удовлетворяла даже обращенныхъ христіанъ; они помнили, что жрецы—язычники, населяя священныя дубравы, или совершая свою мессу богамъ, въ тоже время умѣли предсказывать будущее, врачевали болѣзни, насылали и снимали порчу съ людей и скота, возбуждали стихіи и даже умѣли превращать людей въ животныхъ своими заговорами и заклятіями. Они знали множество метеорологическихъ примѣтъ, силу и дѣйствіе многихъ полезныхъ и вредныхъ травъ, которыми умѣли пользоваться, и весьма вѣроятно, что они иногда при-

мѣняли въ своихъ дѣйствіяхъ животный магнетизмъ, хотя можетъ быть совершенно безсознательно. Вызываніе тѣней усопшихъ и духовъ тоже было ихъ обычнымъ дѣломъ, о чемъ до насъ дошли самыя положительныя свидѣтельства, чѣмъ удостовѣряетъ насъ св. писаніе, когда волшебница вызвала по просьбѣ Саула тѣнь Самуила. А между тѣмъ, кроткая христіанская религія не допускала въ своихъ догматахъ ничего противуестественнаго, никакой злобы, а требовала отреченія отъ зла и внушала кроткую любовь, человѣколюбіе, и прощеніе обидъ. Кроткіе христіанскіе пастыри дѣйствительно кромѣ своей миссіи и служенія Богу, подавали совѣты, даже нѣкоторые врачевали болѣзни: но было ли въ духѣ христіанства производить все то, что видѣлъ народъ въ тонкихъ обманахъ своихъ прежнихъ волхвовъ?

Можетъ быть и сѣтовалъ, что нѣтъ прежнихъ жрецовъ, обладавшихъ такимъ могуществомъ, которымъ не обладаютъ новые учители вѣры... И вотъ стали появляться люди къ услугамъ новыхъ христіанъ и начали изслѣдовать и изучать науку волхвовъ, къ сожалѣнію, будучи даже отъ рожденія христіанами; это началось съ первыхъ вѣковъ христіанства, но развилось послѣ VIII и IX столѣтія. Въ концѣ XIII вѣка существовало уже много книгъ о чародѣйствѣ, на языкахъ: арабскомъ, латинскомъ, итальянскомъ, французскомъ, голландскомъ, англійскомъ и др. Но говорятъ, что такихъ книгъ болѣе всего было въ Германіи и Голландіи. Эти книги назывались черными книгами, а кто ими занимался и изучалъ магію—чернокнижникомъ, что значило — „колдунъ, чародѣй“. Чтеніе этихъ книгъ, такъ распространилось, что превратилось въ своего рода манію (страсть) и въ довольно большихъ размѣрахъ на западѣ Европы. Въ книгахъ этихъ преимущественно излагались правила, какъ вызывать духовъ и какъ повелѣвать ими.

Страсть къ чернокнижію развилась до такой степени, что сдѣлалась любимымъ занятіемъ папы Сильвестра II, Льва III, и Гонорія III. Нѣкоторые германскіе императоры, короли, князья, знаменитые ученые, какъ-то Альбертъ Великій, занимались чернокнижіемъ и заставляли злыхъ духовъ (будто-бы?) повиноваться ихъ приказаніямъ. Чародѣи и колдуны, по мнѣнію того времени, до того размножились, что изъ десяти человѣкъ непремѣнно предполагался одинъ колдунъ.

Существовало въ западной Европѣ такое мнѣніе, что каждый колдунъ обязуется демону дѣлать всѣмъ людямъ зло, за то только, чтобы пользоваться для себя всѣми земными благами, то-есть могуществомъ и богатствомъ, и въ знакъ такого союза, онъ писалъ подъ диктовку сатаны договоръ на пергаментѣ, изъ кожи мертвеца—удавленника, собственною кровью. Дьяволъ кромѣ этого договора (будто-бы) накладывалъ печать на тѣло своего союзника и въ замѣнъ того награждалъ его требуемымъ, на все время заключеннаго договора. Печати дьявола не причиняли боли, какъ говоритъ Исторія инквизиціи.

Наконецъ, въ XV столѣтіи чародѣйство достигло высшей степени своей славы. Начиная отъ владѣтельныхъ особъ до послѣдняго поселянина всѣ читали съ жадностью черныя книги: куда принадлежали между прочимъ: *Красный Драконъ*, *Эйхиридіонъ* папы Льва III и Гримуаръ папы Гонорія VI, *Черный воронъ* или *чародѣйныя творенія* Альберта Великаго. Даже прелаты были не лишены этого любопытства.

Договоръ съ демономъ. Трудно было придумать болѣе глупую сказку, какъ сойтись человѣку съ демономъ, человѣку облеченному плотью — съ духомъ безплотнымъ, лишеннымъ языка, ощущенія, внѣшнихъ, осязаемыхъ, опредѣленныхъ формъ. А между тѣмъ, есть преданіе, что какъ въ западной Европѣ (см. выше), такъ равно и у насъ на Руси вѣрили, что колдуны и ихъ сношенія съ дьяволомъ существовали. Человѣкъ честолюбивый, бѣдный, или злой продавалъ душу дьяволу и пользовался полученными взамѣнъ того земными благами.

Но какимъ же образомъ можно было увидѣть дьявола и говорить съ нимъ? Скорѣе, и всего правдивѣе, въ первые вѣка обращались къ языческимъ жрецамъ, или ихъ послѣдователямъ и тамъ, отрекаясь отъ всего святаго, начиная съ христіанской религіи и кончая презрѣніемъ ко всѣмъ святымъ принадлежностямъ *) предъ врагомъ христіанства, научались волхвованію, и то, какъ говорятъ, предварительно подвергаясь отъ волхва

---

*) Есть повсемѣстное повѣрье, что тотъ, кто хочетъ быть колдуномъ долженъ носить трое сутокъ нательный крестъ подъ пятой, не молиться, не креститься. Отсюда видно, что это преданіе существуетъ со временъ язычества, со времени его борьбы съ христіанствомъ.

испытаніямъ, какъ то дѣлали египетскіе жрецы съ новопосвященными. Можетъ быть жрецы, или волхвы, въ это время замаскировываясь дѣйствительно брали подписки кровью и составляли съ новопосвященными договоръ, въ которомъ, между прочимъ онъ долженъ былъ душою и тѣломъ принадлежать имъ, и стремиться всѣми силами идти наперекоръ христіанскимъ стремленіямъ, сѣять зло, вредить и причинять всевозможный вредъ своимъ противникамъ. За что получаетъ знаніе и начинаетъ волхвовать, будучи посвященъ въ таинство. Это понятіе, или предположеніе, идетъ какъ нельзя лучше къ понятіямъ той эпохи, когда языческіе жрецы на закатѣ дней своего существованія стремились удержать за собою свое могущество, первенство и славу.

Но были такіе случаи, что человѣкъ впадалъ въ болѣзнь, отъ неудачь въ жизни, или просто, будучи вздорнаго характера отъ природы, рѣшался идти наперекоръ судьбѣ и, какъ сумасшедшій, забывши Бога, искалъ крайностей. Часто такіе эксцентрики и безъ помощи договора съ демономъ, творили зло обществу, вмѣсто того, чтобы быть его полезнымъ членомъ и увлекаясь этимъ зломъ находили, какъ эгоисты, въ этомъ своего рода удовольствіе.

Такихъ вредныхъ людей народъ клеймилъ колдунами, сообщниками дьявола, тогда какъ они вовсе не видывали чертей, но если дѣлали зло, то вслѣдствіе ненависти къ людямъ и зависти къ благосостоянію и славѣ другихъ.

Но были мечтатели—безумцы, которыхъ хотя и живое воображеніе постоянно рисовало мрачныя картины жизни изъ міра отвлеченности *). Эти люди скорѣе и чаще могутъ вдаваться въ припадки болѣе или менѣе болѣзненные (ипохондрія). Ихъ постоянная задумчивость придаетъ самымъ интереснымъ проявленіямъ въ жизни, мрачный колоритъ: этимъ человѣкомъ овладѣваетъ неудовольствіе, переходящее въ досаду; его ничего не радуетъ, не утѣшаетъ, и—такимъ образомъ несчастный больной, ни въ чемъ не находя успокоенія, кончаетъ съ жизнью, и кончаетъ не по своему собственному произволу, а по болѣзни. Мрачному мечтателю, никогда ни въ чемъ не ви-

*) Какъ напр. Мельмотъ—Скиталецъ.

дѣвшему радости, въ тяжелые давящіе его грудь дни, иногда даже являются призраки, съ которыми онъ въ болѣзненномъ забытьи входитъ въ разговоръ, какъ то часто бываетъ, изъ чего суевѣрные люди часто заключаютъ, что онъ колдунъ, тогда какъ этотъ несчастный требуетъ лекарства и доктора. Этотъ человѣкъ готовъ сознаться, что онъ заключилъ договоръ съ демономъ, если его спросятъ объ этомъ.

Про колдуновъ и чародѣевъ есть тысячи легендъ и разнородныхъ басень, въ самомъ разнообразномъ видѣ. Въ средніе вѣка различали ихъ, раздѣляя ихъ на благодѣтельныхъ и злыхъ волшебниковъ и волшебницъ.

Волшебники и волшебницы, на западѣ Европы, имѣли свои замки, экипажи, запрягались голубями, лебедями, драконами, змѣями, извергающими дымъ, пламя, искры и другими фантастическими тварями, и каждый изъ нихъ повелѣвалъ сонмомъ духовъ. Въ арабскихъ легендахъ и сказкахъ также встрѣчаемъ благодѣтельныхъ волшебниковъ и пустынниковъ, могущественныхъ геніевъ и также злыхъ. Рыцарскіе романы: „Рихардетъ“, „Неистовый Роландъ“, „Ричардъ львиное сердце“ и проч. описываютъ эпоху средневѣковыхъ заблужденій, придающихъ большую важность талисманамъ, амулетамъ и волшебникамъ. Тамъ говорится, что благодѣтельныя волшебницы обладали, какъ и благодѣтельные волшебники, красотою лица, умомъ и могуществомъ; они поощряли и награждали храбрость и добродѣтель; карали зло и вели ожесточенную борьбу съ злыми волшебниками и геніями, продолжавшуюся иногда нѣсколько вѣковъ, при чемъ добродѣтель всегда дѣлается побѣдительницей.

Въ этихъ фантастическихъ бредняхъ, созданныхъ предразсудками вѣка, есть отчасти своя доля правды, доказываемая тѣмъ, что между добромъ и зломъ въ здѣшнемъ мірѣ всегда ведется непримиримая война или вражда съ начала міротворенія, но что рано или поздно, а все же добродѣтель, какъ истина, восторжествуетъ.

Вотъ любопытное изслѣдованіе господиномъ Глаголевымъ, напечатанное изъ *Гродненскихъ вѣдомостей* въ *Воскресный Досугъ* *), которое мы помѣщаемъ отъ слова до слова; это касается русскихъ колдуновъ XIX столѣтія.

---

*) Воскресный Досугъ, томъ VI. № 137.

Онъ раздѣляетъ колдуновъ на слѣдующія градаціи:

1) Колдуны случайные.

2) Колдуны по неволѣ.

3) Колдуны по убѣжденію и

4) Колдуны злоумышленные.

1) *Случайнымъ, простымъ колдуномъ* прослыть требуется очень и очень немного, напримѣръ имѣть какой нибудь бросающійся въ глаза недостатокъ тѣлесный, или излишество, даже отдѣльный клокъ волосъ, случайно выросшій на головѣ, или на бородѣ; если при томъ мужикъ смѣтливъ, то очень легко воспользоваться этимъ обстоятельствомъ; стоитъ лишь повести ему жизнь противъ принятаго обыкновенія, то есть, ложиться спать тогда, когда другіе бодрствуютъ и наоборотъ — вставать, когда люди ложатся спать, не чесать бороды и не расчесывать волосъ на головѣ, говорить вздоръ, вообще дѣлать разныя несообразныя штуки, затѣмъ нашептывать какую ни есть небылицу. Подобнаго рода колдуны-обманщики безвредны.

2) *Колдуны по неволѣ.* Эти люди, которые производятся по неволѣ другими.

Примѣръ пояснитъ дѣло: Въ полуверстѣ, отъ одной деревни находилась небольшая мельница содержимая крестьяниномъ Антономъ Петровымъ. О немъ ходила молва, что это такой дока, какихъ рѣдко сыскать, впрочемъ хотя и колдунъ, но колдунъ добродѣтельный, зла никому не дѣлаетъ, а все добро. Это былъ старикъ лѣтъ 65, добрый, умный, смѣтливый, веселый и набожный до того, что слово „чертъ" никогда имъ не употреблялось и, если ужъ необходимо было сказать это слово, то онъ замѣнялъ это названіемъ „черный".

Петровъ самъ разсказывалъ, какъ его дураки произвели въ колдуны: лѣтъ пять тому назадъ былъ въ нашей деревнѣ парень здоровый и бойкій; вотъ пріѣзжаетъ онъ разъ на мельницу молоть рожь; лѣтомъ на мельницѣ вообще бываетъ работы мало, вотъ я и хаживалъ обѣдать и ужинать домой въ деревню. Это было уже къ вечеру, я и говорю: послушай Ванюха, я пойду ужинать въ деревню, побудь здѣсь пока. „Хорошо говоритъ. Я ему шутя и говорю:—Ты, молъ не боишься остаться одинъ на мельницѣ?"—„А кого я буду бояться, ко мнѣ хоть самъ черной (чертъ) приходи, я и тому ребра

переломаю", отвѣчалъ онъ. Это мнѣ не понравилось; ну, думаю я, постой же, испробую тебя, каковъ ты таковъ? — Хорошо, говорю, запри же двери-то на крючокъ. Потомъ я вмѣсто деревни обошелъ кругомъ, да подъ колесами и пробрался подъ мельницу, лицо вымаралъ грязью, а на голову надѣлъ вершу, что изъ прутьевъ плетутся, и полѣзъ въ творило, гдѣ колеса мажутъ; лѣзу помаленьку, Иванъ же, заслышавъ шорохъ, отступилъ шага на два и сталъ креститься, а я вдругъ высунулся до половины да и рожу еще такую скорчилъ; тутъ Иванъ не выдержалъ и со всѣхъ ногъ бросился въ дверь, сшибъ ее съ крючка и безъ оглядки подралъ прямо въ деревню.

Сбросивъ вершу я кричу: „Иванъ! Иванъ!" — куда ты? Только пятки мелькаютъ. „Вотъ тебѣ думаю и пошутилъ, теперь и оставайся безъ ужина". Нечего дѣлать, поѣлъ я хлѣбца, прихлебнулъ водицей и легъ спать. На другой день поутру, слышу кто-то ходитъ и покрикиваетъ. Э, думаю, смѣльчакъ мой пришелъ. Отворилъ я дверь, гляжу: Иванъ.—„Что же" говорю, „такъ то караулятъ?"—Да что, дядя Антонъ, озябъ до смерти, пошелъ погрѣться, отвѣчаетъ Иванъ, а между тѣмъ спѣшитъ скорѣе лошадь запречь, да на меня, какъ-то странно посматриваетъ; я ни гугу, знай подметаю мельницу. Запрегъ онъ лошадь и сейчасъ уѣхалъ. Я такъ и думалъ, что дѣло тѣмъ и кончится, анъ вышло не такъ. Дня черезъ три является ко мнѣ одна старуха и бухъ мнѣ въ ноги:—„Батюшка, помоги" говоритъ. Что, молъ, такое? „Ваську моего испортили". Какъ испортили? — Да вотъ какъ, кормилецъ: Вчера, послѣ ужъ полуденъ, везъ онъ сѣно. Жара страшная. Вотъ подлѣ дороги идетъ Матрена съ водою, онъ и попроси напиться; напившись же и говоритъ: „Спасибо бабка".—„Не на чемъ" говоритъ; „а при случаѣ припомни".—Припомню, говоритъ. Отъѣхавъ сажень десятокъ вдругъ ему подъ сердце и подступило, едва могъ лошадь отпречь и прямо на печь. Мы собрались ужинать, кличемъ его, нейдетъ, а самъ все мечется; поутру я было ему яичко поднесла, не беретъ; такъ сдѣлай милость помоги! „Да чтожъ я то тутъ могу сдѣлать?"—„Батюшка", такой-сякой, „помоги!" а сама—все въ ноги. „Постой!" думаю, „дамъ я ей земляничнаго листа" я, знаешь, самъ его употребляю, когда занеможется; возьмешь, поставишь самоварчикъ, да обольешь

(листъ) кипяткомъ, да чашекъ десять и выпьешь, а допрежъ ты стаканчикъ винца хватишь, надѣнешь тулупъ да на печь; вотъ потъ тебя и прошибетъ; а къ утру и встанешь, какъ встрепанный". Постой, „говорю, я тебѣ травки вынесу", и вынесъ пучка два, да и разсказалъ ей, что съ ней дѣлать. Гляжу, на другой день она опять ко мнѣ и опять въ ноги. — Что молъ, али опять худо съ Васькой-то?—Какое, говоритъ худо, онъ уже поѣхалъ на покосъ.—Ну и слава Богу. Она межъ тѣмъ холста мнѣ эдакъ аршинъ пять суетъ.

— „Что ты", молъ, „Богъ съ тобой! куда мнѣ?" Возьми, да возьми! Злость меня взяла, говорю:—Отдай, молъ, въ церковь! Послушалась и ушла. Что же, батюшка мой! и сталъ я замѣчать, что какъ завидятъ только меня, всѣ кланяются еще издали. Что это, думаю, за чудеса такія? Сперва я все ту же травку давалъ, всю почти передавалъ; ничего, выздоравливаютъ, а тамъ уже ворожить стали ходить; я сначала сердился на нихъ и гонялъ, не тутъ то было; ломятъ, да и только. Ужъ больно стали надоѣдать; я и пошелъ къ священнику, да и поразсказалъ въ чемъ дѣло; священникъ посмѣялся, да и сказалъ: „Ну, ты невольный колдунъ, терпи, нечего дѣлать! народъ не скоро переломишь, предоставь все времени".

Колдуны по убѣжденію. Колдуны по убѣжденію, по словамъ г. Глаголева, сами убѣждены въ дѣйствіи заговоровъ. Заговоры передаются младшимъ въ семейст ѣ, или друзьямъ, и при томъ съ завѣтомъ, что тайны никому не открывать. Но мы объ заговорахъ будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ.

Г. Глаголевъ сообщаетъ одинъ изъ тѣхъ случаевъ, какой онъ замѣтилъ или самъ, или слышалъ изъ достовѣрнаго источника. Вотъ что дѣлаютъ смѣтливые колдуны или просто деревенскіе шалуны. Извѣстно, что деревенскія лошади счастливѣе чутьемъ городскихъ, такъ какъ пасутся въ полѣ, на волѣ и пользуются болѣе дарами щедрой природы, чѣмъ наши выѣздныя лошадки, какъ барышни, годныя только порисоваться на бѣгу, какъ на балѣ, и затѣмъ въ теплой конюшнѣ жевать овесъ и пить тепловатую водицу.

Одаренная богатымъ чутьемъ деревенская лошадь, хоть не въ холѣ воспитанная, лучше слышитъ слѣды и сѣраго волка, и мохнатаго медвѣдя издалека, и чуткая по природѣ, всегда

принимаетъ свои мѣры, если только она свободна отъ воли человѣка; но если ею управляетъ человѣкъ, то конечно она бьется при видѣ животнаго ей вреднаго и враждебнаго, даже часто погибаетъ вслѣдствіе повиновенія рукамъ, управляющимъ браздами.

На основаніи богатаго обонянія лошадей, колдуны дѣлаютъ такія продѣлки, напримѣръ: чтобы остановить поѣздъ свадебный, или вообще на бѣгу лошадей, употребляютъ слѣдующія средства: берутъ свѣжаго жира или крови отъ какого либо хищнаго звѣря (ближе всего отъ медвѣдя, или волка), и намазываютъ ими камни, которые разбрасываютъ по дорогѣ. Лошади, почуявъ запахъ звѣря, начинаютъ упрямиться и бѣситься, а особенно молодыя.

Это средство особенно употребляется при свадебныхъ поѣздахъ и до того сдѣлалось обыкновеннымъ въ простонародьѣ, что стоитъ только кому либо перейти дорогу во время свадебнаго поѣзда, какъ дружко станетъ упрашивать его перейти дорогу обратно, даже водкой и брагой поподчуетъ его при этомъ *).

Вотъ одинъ случай колдовства: Зажиточный крестьянинъ купилъ у другаго крестьянина дворовую собаку, очень злую и привязалъ ее на цѣпь. Но собака вовсе не хотѣла лаять у новаго хозяина, свернется калачикомъ и лежитъ въ такомъ положеніи. Мужикъ обратился къ колдуну съ просьбой помочь этому горю. Колдунъ сначала поломался, какъ водится, поставили ему шкаликъ, и тогда онъ объявилъ, что не пришло еще время, и когда оно наступитъ онъ самъ придетъ.

Недѣли черезъ двѣ колдунъ является. „Подержпте собаку, говоритъ“. Собаку подержали; колдунъ взялъ собаку за хвостъ и чѣмъ то помазалъ его. Собаку пустили; сперва она по своему, свернулась калачикомъ, но въ ту же минуту вскочила, дико залаяла и стала метаться на цѣпи; потомъ опять хотѣла свернуться, и опять вскочила, словно ошпаренная. Съ тѣхъ поръ собака стала лаять и сдѣлалась опять отличною собакою.

А ларчикъ просто открывался: Колдунъ помазалъ корень хвоста у собаки свѣжимъ волчьимъ жиромъ; собака чуть кос-

---

*) См. свад. обряды Пермяковъ. Часть 1-ая.

нется носомъ хвоста, послышитъ запахъ и съ яростью начнетъ лаять. Мало по малу собака, привыкнувъ къ новому хозяину, перестала скучать и дичиться.

Злоумышленные колдуны. Это колдуны самые опасные и на нихъ должно быть обращено вниманіе полиціи. Это просто мошенники. Они очень часто разъѣзжаютъ по деревнямъ (говоритъ г. Глаголевъ), и подъ видомъ выкурки чертей и домовыхъ, окуриваютъ и опаиваютъ народъ одуряющими зельями, преимущественно бѣленой и дурманомъ и, пользуясь опьяненіемъ своихъ жертвъ, обираютъ ихъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, къ священнику села К., пріѣзжаютъ двое неизвѣстныхъ людей, повидимому купцовъ, довольно подозрительной наружности; одинъ изъ нихъ при огромномъ ростѣ и атлетическомъ сложеніи казался необыкновенно сильнымъ.

Они обратились къ священнику съ просьбою покормить у него лошадь и напиться чаю. Священникъ пригласилъ ихъ надворъ и попросилъ самихъ въ комнату. Великанъ сталъ хлопотать около лошади, а товарищъ его, повидимому, хозяинъ лошади, войдя въ горницу просилъ поставить самоваръ, и вмѣстѣ со священникомъ сталъ пить чай, во время котораго сыпалъ въ самоваръ какой то порошокъ и на вопросъ священника, „что онъ дѣлаетъ“, отвѣчалъ, что въ комнатѣ чувствуется тяжелый запахъ, а потому не мѣшаетъ подсыпать курительнаго порошка.

Такъ, какъ выходящій изъ самовара дымъ противнымъ не оказался, то слова гостя казались вѣроятными. Между тѣмъ, купецъ по временамъ, что-то выпивалъ изъ находившейся при немъ бутылки; священникъ полагалъ, что у него ромъ, или водка, тѣмъ болѣе, что лицо купца дѣлалось все краснѣе и краснѣе; за собой же священникъ не замѣчалъ, что онъ мало по малу теряетъ сознаніе. Мать его (священника), старуха лѣтъ сто, уже потеряла сознаніе; а жена, будучи занята по хозяйству, то входя, то выходя, сохранила болѣе самосознанія, чувствовала только біеніе сердца, наконецъ, взглянувъ изъ спальни въ комнату, увидѣла, что мужъ ея даетъ деньги купцу, а тотъ проситъ еще и самоваръ, обѣщаясь отдать все на обратномъ пути, на что священникъ изъявляетъ согласіе. Она хотѣла

выдти изъ комнаты, чтобы позвать сосѣдей, но увидѣвъ великана въ дверяхъ, до такой степени испугалась, что лишилась чувствъ.

Великанъ не постоянно находился въ комнатѣ, но выходилъ на улицу и на дворъ, вѣроятно для того, чтобы не вошелъ, кто либо изъ постороннихъ.

Вскорѣ оба незнакомца сѣли въ телѣгу, взявши съ собою 10 рублей, самоваръ и еще кое какія другія вещи. Священникъ машинально вышелъ ихъ провожать и, когда вдохнулъ въ себя нѣсколько разъ свѣжаго воздуха, который, какъ онъ послѣ сказывалъ, казался ему усладительнымъ, самосознаніе и память стали ему возвращаться, тогда онъ бросился въ комнату, нашелъ жену и мать почти въ безчувственномъ положеніи, отворилъ двери, вспрыскивалъ больныхъ водою, и съ трудомъ привелъ ихъ въ чувство. Головная боль продолжалась около недѣли.

Всегда нужно осматриваться относительно наркотическихъ веществъ, скажемъ мы въ заключеніе, потому, что изъ исторіи Индійцевъ и Римлянъ мы видимъ, что тамъ такія куренія были въ большомъ ходу, тоже самое куреніе производилось и въ средніе вѣка при вызываніи тѣней и духовъ, особенно въ то время, когда употребляли волшебный фонарь.

Злонамѣренные колдуны нашего времени, особенно практикуютъ въ нашихъ русскихъ деревняхъ удачнымъ угадываніемъ украденныхъ лошадей, опредѣленіемъ мѣстности и ихъ нахожденіемъ, и все это устраивается посредствомъ стачки колдуновъ съ конокрадами. Хитрые обманщики помогаютъ злымъ и и негодяямъ ядовитыми зельями, съ намѣреніемъ мщенія за обиду, и находятъ себѣ въ нашемъ отечествѣ обильную профессію и, хотя не всегда достигаютъ своей цѣли, то чаще всего губятъ несчастныхъ, награждая ихъ такими болѣзнями, о которыхъ даже врачи не имѣютъ никакого понятія.

Грубые поселяне, со слишкомъ поверхностными понятіями о христіанской любви и высокой христіанской добродѣтели, считаютъ себя уже добрыми христіанами, если каждое воскресеніе ходятъ въ церковь, мало понимая, а иногда и вовсе не понимая суть молитвъ на славянскомъ языкѣ, произносимыхъ во время божественной литургіи.

Проповѣдей въ селахъ и деревняхъ не говорится, можетъ на это нѣтъ ли еще и запрещенія, не знаемъ и умываемъ руки; но во всякомъ случаѣ не мѣшало бы крестьянамъ по праздникамъ хоть катихизисъ читать. Впрочемъ это дѣло не наше, на то есть іерархія; но во всякомъ случаѣ, каждый крестьянинъ, по обязанности совершая св. Таинство покаянія и св. Причащенія думаетъ, что тѣмъ сдавъ ежегодно извѣстные грѣхи, онъ совершеннно правъ и освобождается отъ отвѣтственности предъ Всемогущимъ и потомъ, на основаніи своего мнимаго очищенія грѣховъ, вновь предаются новымъ размолвкамъ въ семействѣ, между знакомыми, враждовать съ сосѣдями, пьянствовать и даже воровству всякаго рода, какъ напр. конокрадству, самому вредному для земледѣльческаго хозяйства. Конечно при такой грубой обстановкѣ нашего народа и въ настоящее время происходятъ разнаго рода преступленія, существуютъ вредные колдуны для вреда и наводненія ужаса въ средѣ народа, которые посредствомъ разнаго рода ему извѣстныхъ составовъ и зелій отравляютъ, или какъ говорятъ, портятъ народъ, то по собственному желанію, то по просьбѣ другихъ изъ личнаго ихъ мщенія. Все это противно духу религіи и сильно отзываетъ грубыми остатками древняго язычества, закоснѣлаго въ народѣ. Будь простой народъ начитаннѣе, знай онъ основательнѣе религію, кромѣ однихъ обрядностей, нравы ихъ были бы мягче и не было бы такихъ злодѣевъ. Отчего въ столицахъ мы не слышимъ о существованіи колдуновъ и не боимся никакой порчи? Оттого конечно, что въ столицахъ народъ развитѣе, гуманнѣе, да и полиція, не боясь мщенія, преслѣдуетъ закономъ распространеніе обманщиковъ и злодѣевъ.

Легенды о колдунахъ въ Россіи. Простой народъ, мало знакомый съ таинствами окружающей ихъ природы, скорѣе вѣритъ въ чудесное и невозможное, тогда какъ все можно объяснить при помощи науки, а особенно знаетъ тотъ же мужикъ, котораго зовутъ знахаремъ или колдуномъ. Конечно, если бы онъ былъ призванъ къ допросу и сказалъ бы откровенно, чѣмъ онъ прославился въ народѣ, то онъ чистосердечно бы открылся, что ничѣмъ въ особенности, а что знанія его заключаются въ томъ то, и томъ, которымъ онъ и орудуетъ

безсознательно, благо дѣло пошло. Часто къ колдуну, являются скорѣе за медицинской помощію, чѣмъ къ священнику. Колдунъ ни въ чемъ не отказываетъ за щедрый подарокъ, хотя немножко и *поломается*, а дастъ хоть какое зелье и отъ чего угодно, сопровождая для пущей важности какимъ либо нашептываніемъ или наговоромъ, иногда упоминая въ наговорѣ, сатану. Получатель или получательница этого зелья дрожитъ отъ близости такого человѣка, по тому мнѣнію, что колдунъ окруженъ сатанинской силой, и имѣетъ несомнѣнную вѣру въ чудеса своего покровителя. Дѣло кончается тѣмъ, что получившій изъ рукъ покровителя зелье, даетъ въ питье, или пищу, своему недругу и свойство яда долго ли скоро—ли, но прозведетъ свое дѣйствіе.

Яды данные колдунами, не убиваютъ, но употребляли сильные наркотическіе яды, или такіе изъ нихъ, которые губительно вліяютъ на нервную систему, или на другія системы человѣческаго организма. Такимъ образомъ больной (испорченный) получаетъ или вредныя сыпи, судороги, твердыя опухоли (килы, грыжи). Яды эти, колдуны приготовляютъ преимущественно изъ извѣстныхъ имъ травъ. Понятно, что человѣкъ, занимающійся такими вредными операціями, проникнутъ до мозга костей зломъ и ненавистью къ человѣчеству; говорятъ въ народѣ, что самое выраженіе лица изобличаетъ колдуна; и даже разсказываютъ слѣдующія примѣты: колдунъ имѣетъ мутный взглядъ, свинцово-сѣрое лицо, сросшіяся и напущенныя брови, злую улыбку, медленный съ разстановкою голосъ, небрежную прическу, морщинистый лобъ, взглядъ свирѣпый изъ подлобья, сутуловатость, походку неторопливую и задумчивость; говоритъ вообще мало и хрипло, за то, какъ говорятъ, любитъ постоянно что-то ворчать, или шептать, всегда любитъ выпить.

Такъ описываютъ наружность колдуна. Теперь выведемъ свое умозаключеніе, такъ: Представимъ себѣ деревенскаго мужика, которому пришлось хоть однажды помочь больному и поставить на ноги. Въ деревнѣ какія болѣзни? чаще всего простудныя лихорадки, горячки, положимъ, что есть множество другихъ, какъ-то: оспа, сифилисъ, тифъ. Но вообразимъ, что мужикъ излѣчилъ простуду, узнавъ отъ кого либо случайно о средствахъ лѣченія, какъ мы выше сказали, смородиннымъ

листомъ, стаканомъ водки и печкою *). Его это обрадовало, потому, что въ часы досуга мужичекъ разсчитываетъ и впредь при удачѣ имѣть побочный доходъ; но суевѣрный народъ послѣ нѣсколькихъ удачь мужика, клеймитъ его названіемъ знахаря или колдуна, потому, что никакъ не можетъ вѣрить, чтобы простой мужикъ могъ познакомиться съ какимъ либо знаніемъ кромѣ земледѣлія. Даже мельники у нихъ почти всѣ колдуны, потому, что знакомы съ ея устройствомъ, скотники или скотницы умѣющіе врачевать скотъ—тоже. Понятно изъ этого, что случайный врачъ, разъ ославленный связями съ чертомъ, онъ самъ сознаетъ, что если и можетъ быть терпимъ, но никогда не можетъ быть любимъ, и поэтому онъ, разстроенный своимъ положеніемъ и общимъ о немъ невыгоднымъ мнѣніемъ, часто вовсе не заботится о себѣ, объ домѣ, какъ хорошій хозяинъ, а предается пьянству или съ горя, или по склонности. При такомъ хозяинѣ конечно хозяйство утрачиваетъ и свои выгоды и пользу для его семейства, и нерѣдко бѣдность дѣлается удѣломъ этого парія, часто по глупости своихъ односельчанъ. Нерѣдко этотъ человѣкъ озлобляется и тогда въ своемъ глупомъ невѣжествѣ ищетъ средства мстить и находитъ нерѣдко. Вотъ тутъ то изъ него выработывается настоящій колдунъ, то-есть человѣкъ вредный для общества. Во всякомъ случаѣ трудно намъ думать, что онъ входитъ въ сношенія съ дьяволомъ. Если, какъ говорятъ, онъ проводитъ ночи безъ сна, то скорѣе можно подозрѣвать, что онъ опасается, что его темныя дѣла откроетъ кто-либо предъ лицомъ правосудія и что онъ, долго-ли, коротко-ли, но получитъ должное возмездіе. Впрочемъ, онъ остерегается и своихъ односельчанъ, даже боится ихъ, что за свои дѣянія легко могутъ его побить смѣльчаки. Съ этой цѣлью ими же, этими колдунами, выдумана сказка, что будто-бы колдуны неуязвимы, а чтобы нанести ему побои, то нужно бить по его тѣни въ томъ предположеніи, что подъ видомъ тѣни ходятъ за нимъ нечистые духи. На самомъ же дѣлѣ колдуны, поддерживая такое мнѣніе въ народѣ тѣмъ оберегаютъ свою спину и тѣло отъ ударовъ злобствующихъ враговъ и, если случится, что какой либо озорникъ по-

*) См. статьи г. Глаголева.

пробуетъ ударить колдуна, то послѣдній всегда, какъ говорятъ, выдержитъ ударъ терпѣливо и засмѣется при этомъ, не желая разумѣется, измѣнить мнѣнію народа, напротивъ же, кто станетъ бить его тѣнь, то онъ будетъ всячески кривляться и кричать; конечно эта комедія спасаетъ его личность отъ непріятности побоевъ и увѣчья.

Понятно, что злой человѣкъ не наслѣдуетъ царства небеснаго, а поэтому, тоже нужно и о колдунѣ, котораго вредное вліяніе на людей извѣстно его ближнимъ и сосѣдямъ, то они окончательно увѣрены въ томъ, что онъ уже на землѣ осужденъ на вѣчное мученье, и теперь даже достояніе сатаны, стоитъ только умереть ему.

Люди эти стали рѣдки. Съ развитіемъ образованія повсюду и грамотности, въ деревняхъ и селахъ, съ устройствомъ желѣзныхъ дорогъ и проведеніемъ ихъ по всѣмъ направленіямъ, наши русскія захолустья и глушь стали оживляться; вмѣстѣ съ эмансипаціей началось тѣсное сближеніе всѣхъ классовъ общества; удешевленіе сообщеній съ главными городами, или такъ сказать съ торговыми пунктами, сдѣлало крестьянъ развязнѣе, бодрѣе, гуманнѣе, и дало многимъ изъ нихъ: средства къ правильному развитію понятій, новую жизнь, новыя права. Увидѣвъ паровозы, пароходы, телеграфы, фотографіи, народъ сталъ понимать тверже, что эти предметы стоютъ большаго вниманія, чѣмъ какой нибудь барноволокой безграмотный колдунъ и его дѣйствія. Къ тому повсюду стали назначаться учителя, образоваться школы для распространенія грамотности, и самые священнослужители по характеру своего воспитанія стали иначе смотрѣть на свою паству; а все это много повліяло на крестьянъ до сихъ поръ, въ будущемъ разумѣется будетъ еще лучше, иначе, водворившаяся повсюду грамотность и общая воинская повинность благодѣтельно повліяетъ на простой народъ и конечно искоренятся суевѣрные обряды, а съ тѣмъ вмѣстѣ улучшатъ жизнь, поставивъ народъ на добрую почву при новыхъ началахъ.

Смерть колдуна. Вотъ какъ разсказываютъ въ русскомъ народѣ о томъ, какъ умираетъ колдунъ, или колдунья, портившіе народъ. Колдунъ, какъ бы долго не жилъ — не вѣченъ, когда же приступитъ къ его одру безжалостная съ косою въ

рукѣ, ему, понятно, какъ всякому злодѣю, страшно за себя, такъ какъ онъ только и находилъ удовольствіе въ томъ, что жилъ и губилъ тѣхъ, кто нечаянно попадался ему подъ руку. Какова же ему придется жизнь за гробомъ? Остается одно: горькое раскаяніе во грѣхахъ, это правда! Но гдѣ же какія либо добрыя дѣла его, которыя могли бы облегчить угрызающую совѣсть, облегчить, успокоить душу, которая сейчасъ оставитъ тѣло, которая должна скорбѣть. Здѣсь конечно предсмертныя страданія не пройдутъ безъ галлюцинаціи и разнаго рода иллюзій для умирающаго. Какъ и всегда, въ предсмертной агоніи многихъ умирающихъ, совѣсть колдуна, какъ и всякаго другаго злодѣя, требуетъ примиренія со всѣми, кого онъ зналъ, кого онъ обидѣлъ; ему этого хочется ради того, чтобы облегчить свою душу, совѣсть... ему хочется, чтобы кто нибудь при его физическихъ страданіяхъ присутствовалъ изъ посторонних или домашнихъ. Но, увы! въ эту для него безнадежную минуту, еще скорѣе чѣмъ въ какую другую, овладѣваетъ ужасъ умами суевѣрныхъ, не исключая и ближнихъ его. Всѣ узнаютъ объ этомъ въ селеніи и въ одинъ голосъ говорятъ: *„колдунъ околѣваетъ“*, при чемъ крестятся и чураются. Бывало не мало примѣровъ, что мнимые колдуны, или вѣрнѣе злодѣи эти, умирали посредствомъ петли. Впрочемъ меланхолики и иппохондрики также часто кончаютъ жизнь самоубійствомъ. Нельзя же всѣхъ, кто золъ, нелюдимъ, скученъ, считать какимъ то чародѣемъ; часто на человѣка говорятъ только одну напраслину.

Есть повѣрье въ народѣ, что земля не принимаетъ тѣла колдуна. Говорятъ такъ: Если колдунъ ежегодно ходилъ въ церковь говѣть, принималъ Св. Дары, то колдуна можно, по усмотрѣнію духовника, хоронить по христіански, а особенно богатаго. Но говорятъ такъ: что несмотря на похороны, исполненные по христіански, обрядъ похоронъ для его души тяжелъ и приноситъ ей страданіе *).

Когда окончится обрядъ похоронъ колдуна, то послѣ сто-

---

*) Здѣсь опять отзывается преданіемъ старины глубокой, когда послѣдователи язычества, хотя и приняли Христову вѣру, но въ душѣ были преданы своей прежней; на это и намекаетъ легенда. *Авторъ.*

лованія гости разъѣзжаются и семья остается въ полномъ неудовольствіи и горюетъ, полна паническаго страха.

Хожденіе тѣни колдуна. Если колдунъ не передалъ никому своей тайны колдовства, то въ народѣ говорятъ, будто-бы опасеніе домашнихъ оправдывается, то-есть, что они и послѣ смерти его еще не совсѣмъ съ нимъ разстались; далѣе, говорятъ, будто бы въ теченіи дня у нихъ раздается стукъ, трескъ, ходьба по комнатѣ, кого-то невидимаго, потомъ,—говоръ, котораго нельзя хорошенько разобрать, а потомъ, съ наступленіемъ глухаго времени отъ начала одиннадцатаго часа до двухъ, слышится отвореніе запертыхъ дверей и иногда является привидѣніе, всѣмъ ясно видимое въ видѣ мертвеца, сегодня или вчера похороненнаго, что страшно поражаетъ домашнихъ и наводитъ ужасъ тѣмъ болѣе ужасный, что они уже ранѣе были парализированы ожиданіемъ или предвѣстьемъ новаго ужаса.

Какъ, обыкновенно, по разсказамъ, это посѣщеніе повторяется недѣли двѣ, и домашніе до того истомляются такими безпорядками въ домѣ производимыми, то разнаго рода стукомъ, шумомъ и говоромъ, а то посѣщеніемъ похороненнаго мертвеца, что прибѣгаютъ къ сосѣдямъ, но послѣдніе иногда сами страдаютъ тѣмъ же недугомъ, то-есть имъ самимъ приходится видѣть сосѣда, который ѣстъ, пьетъ, а иногда и пляшетъ, между тѣмъ на могилѣ его иногда видятъ огонекъ, горящій въ родѣ свѣчки. Какъ бы то ни было, будь это свѣтлякъ, будь это фосфорическій огонь, выходящій отъ трупа, сквозь поры, насыпи свѣжей земли, будь это глаза волка или россомахи, любительницы разрывать трупы, для народа представлялось одно,—что похоронили колдуна и всѣ эти признаки еще болѣе подкрѣпляли ихъ убѣжденіе. Можетъ быть шумъ, трескъ происходилъ отъ того, что, или домъ садился, или можетъ быть отъ мороза трещали бревна дома; иногда случалось что сильный вѣтеръ вылъ въ ближнемъ лѣсу; изслѣдовать естественную причину никому не хотѣлось, а между тѣмъ воображеніе работало до болѣзни мозга, до галлюцинаціи.

Подозрительнаго мертвеца (колдуна) всѣмъ міромъ откапывали изъ земли, и даже иногда находили лежащаго ничьмя, или внизъ лицомъ, это подавало новую мысль къ тому, чтобы ду-

мать о немъ, какъ о колдунѣ, между тѣмъ, какъ на самомъ дѣлѣ, можетъ быть, онъ былъ просто мнимо-умершій отъ летаргическаго сна (замеръ, по русскому выраженію) и потомъ проснулся въ могилѣ.

Въ деревняхъ и сейчасъ не рѣдкость, что хоронятъ покойниковъ въ теченіи сутокъ, а особенно во время лѣтней страды, когда съ мертвецомъ некогда хороводиться: то сѣнокосъ великъ, убраться надо, то боятся, что отъ жары изъ колоса зерно перезрѣвши осыпится, во время жнитва.

Обыкновенно, чтобы колдунъ лежалъ спокойно въ могилѣ и не тревожилъ живыхъ, вонзаютъ трупу между лопатокъ осиновый колъ и тѣмъ, по мнѣнію народа, посѣщеніе колдуна прекращается.

Если же, какъ говорятъ, въ простомъ народѣ, покойный колдунъ былъ одинокъ, то-есть жилъ вполнѣ бобылемъ, то не смѣетъ явиться къ сосѣдямъ и блуждаетъ по кладбищу, разумѣется, пугая суевѣрныхъ земляковъ.

Впрочемъ, народное преданіе говоритъ, что тотъ изъ колдуновъ, кто успѣетъ передать младшему себя свое ремесло передъ смертью, тотъ умираетъ хорошо и спокойно, и трупъ не требуетъ клина, какъ и обыкновенный человѣкъ, — какъ добрый христіанинъ. Передача знаній происходитъ по большей части передъ самой смертью и народное повѣрье говоритъ такъ: Колдунъ, продавая душу дьяволу, получаетъ отъ послѣдняго столько нечистыхъ духовъ на службу, сколько тому нужно по условію, чтобы отступнику достичь до условнаго значенія своего величія.

По смерти, подвластные демоны должны осиротѣть безъ работы, такъ, какъ имъ при жизни колдуна давалась постоянная работа, на которую они буквально обречены Люциферомъ (княземъ тьмы). Говорятъ, что демоны во время смертной агоніи умирающаго, тормошатъ тѣло покойника и видя, что тѣло пусто и безъ души, то временно, даже будто бы вступаютъ въ его пустое тѣло и ходятъ, олицетворяя человѣка со всѣми его признаками, иногда даже весельчака, а то строгаго, сообразно съ характеромъ покойника, съ тѣмъ только исключеніемъ, что такой псевдо-покойникъ лишается въ характерѣ религіозности и остается неуловимымъ, какъ духъ.

Передача колдовства. Каждый изъ колдуновъ, зная, какъ ему трудно разстаться съ жизнью, а душу дьяволу, по общему повѣрью, старается отдать свое право колдовства и вреда, кому нибудь, если не по знакомству, или по родству, то хотя *обманомъ* и не *за-знать.*

Передача колдовства внучку (легенда). Однажды умирающій колдунъ передалъ свое колдовство внучку.

Дѣло было вотъ какимъ образомъ, какъ говоритъ преданіе:

Старикъ-дѣдъ, замѣшанный въ какихъ-то плутняхъ и заслужившій имя— *„колдуна"* умираетъ, оставляя по себѣ потомство. Всѣ его удаляются, брезгуютъ. Онъ самъ видитъ это, лежа на смертномъ одрѣ, и ухищряется, обращаясь къ мальчику лѣтъ 8 или 10 его внучку, мальчику бойкому, который во все время былъ къ нему привязанъ

— Внучекъ! поди сюда! кличетъ старикъ внука въ припадкѣ своей предсмертной агоніи.—„Што дѣдушка?"—„На-ко возьми внучекъ!, возьми!..."

Внучекъ взялъ отъ дѣда-колдуна вѣникъ и вышелъ отъ него; въ это самое время внучекъ ощутилъ, что то особенное. Внучку пришлось спать, ему грезятся небывалые до сего дня сны и онъ просыпается, словно отъ лихорадки. Затѣмъ, послѣ просонья ему представляются вдругъ безобразныя, пугающія дѣтское воображеніе личности, требующія у него работы.

Бѣднякъ промаялся до утра съ своими дрянными снами, недавшими покоя и всталъ, какъ отуманенный. Ночныя грезы онъ передалъ своимъ родителямъ, или воспитателямъ и указалъ на вѣникъ. Это еще болѣе встревожило семью, разумѣется напуганную событіемъ и суевѣрную по простотѣ и грубости образованія.

Это былъ не сонъ, а явь, во время котораго страдалъ ребенокъ, котораго мучили духи, переданные не въ вѣникѣ, а съ вѣникомъ, и принявшимъ этотъ вѣникъ безъ молитвы, конечно потому, что вѣникъ предметъ ничего не заслуживающій и не стоющій никакого вниманія.

Въ семьѣ подумали и рѣшили поѣхать къ колдуну, чтобы разрѣшить дѣло и разсказали случившееся, предварительно подаривъ его милость.

Колдунъ, хорошо удовлетворенный благодарностью и подарками сказалъ:

— Вотъ что: пусть, когда шишиги будутъ просить работы, сынъ вашъ прикажетъ къ утру разобрать по зернышку куль овса, куль пшеницы, куль гречихи; а зерна эти нужно перемѣшать передъ вечеромъ и разсыпать по амбару.

Родители такъ и сдѣлали: Но черти къ утру все собрали, и зерна очутились разобранными и высыпанными въ кули. По окончаніи этого опять потребовали чертенята у мальчика работы. Родители мальчика опять обратились къ колдуну и разсказываютъ:—такъ и такъ... кормилецъ! Опять съ докукой!... колдуну опять влетѣлъ гостинецъ.

— Ну, ладно! приготовьте бездонную кадку да ушата два песку и вотъ, пусть, они въ бездонную кадку воды нальютъ, а изъ песку веревки вьютъ.

Родители подготовили и песку и бездонную кадку, но черти и это порученіе исполнили. Опять къ колдуну.

Колдунъ, слишкомъ благодарный за всѣ награды, посовѣтовалъ такъ сдѣлать:

— Если и это не беретъ, сказалъ онъ, „то пусть онъ раскидаетъ мѣшокъ овсяной муки, бросая горстью на всѣ стороны и потомъ закреститъ на всѣ четыре стороны. Когда нечистые явятся къ нему, то пусть онъ велитъ муку въ мѣшокъ собрать до пылинки". Родители мальчика возвратились и приказали при себѣ исполнить приказаніе колдуна.

Мальчикъ исполнилъ, что приказано, и вечеромъ распорядился ватагою адской сволочи. Нечистая сила пошла собирать муку, но видно эта работка была имъ не подъ силу, болѣе не возвращались.

Говорятъ, что демоны прислуживающіе человѣку, и подпавшіе ему подъ власть, не имѣютъ вида сатировъ, какими ихъ малюютъ на лубочныхъ картинахъ, или черныхъ мориновъ, страшныхъ эфіоповъ, но что они представляются колдуну въ видѣ маленькихъ человѣчковъ.

По народному повѣрью, передача колдовства можетъ быть производима и другими средствами. Разсказываютъ, что нѣкоторые берутъ у колдуновъ колдовство, изъ любви къ профессіи; при этомъ говорятъ, что человѣкъ, получившій отъ колдуна искусство колдовать, теряетъ добродѣтель и всѣ добрыя качества и дѣлается злымъ, ненавистникомъ, съ момента по-

леченія. Разумѣется, не нужно смѣшивать колдуна съ знахаремъ; разница между ними та, что колдунъ,—отщепенецъ вѣры, не носитъ креста, не ходитъ въ церковь, а если и ходитъ для виду, то не молится, если причащается, то не глотаетъ Святые Дары, всѣмъ вредитъ, но не пользуетъ, напротивъ знахарь — человѣкъ совершенно другаго закала, онъ истинный христіанинъ, онъ врачъ и благодѣтель для всей окрестности, но не врагъ, онъ не портитъ, а выгоняетъ порчу, на что у него есть свои пріемы. Вообще нужно сказать, что тамъ, гдѣ нѣтъ близко врачей, знахари съ успѣхомъ дѣлаютъ свое дѣло и нерѣдко помогаютъ даже лицамъ довольно значительнымъ. Такъ изъ біографіи графа Граббе *) видимъ, что его вылѣчилъ простой знахарь.

Народное понятіе о порчѣ. По народному повѣрью колдунъ, стараясь удалить отъ себя подвластныхъ себѣ духовъ, безпокоившихъ его требованіями работы, портитъ народъ тѣмъ, что будто бы разгоняетъ ихъ, посылая къ людямъ ихъ мучить въ разныхъ видахъ, разумѣется къ тѣмъ, которые, чѣмъ нибудь досадили колдуну; такимъ образомъ народъ объясняетъ кликушъ или порченыхъ. Это люди, которыхъ будто бы мучаютъ духи, преслѣдующіе повсюду; тотъ человѣкъ, на котораго указалъ колдунъ, страдаетъ или душею, или чувствами и нравственно. Въ этихъ болѣзняхъ души, малодоступныхъ врачамъ, прибѣгаютъ къ колдуну, но по мнѣнію многихъ, тотъ колдунъ, который берется вылечить порчу, будто бы не вылечиваетъ ее, а приставляетъ къ больному болѣе сильнаго духа, чтобы ослаблять вредное вліяніе перваго.

ПРЕСЛѢДОВАНІЕ И КАЗНЬ КОЛДУНОВЪ.

Преслѣдованіе колдуновъ инквизиціей. Мы уже сказали, что на западѣ Европы, въ XV столѣтіи, манія на колдовство достигла своего полнаго апогея. За то инквизиція (духовный судъ) дѣятельно преслѣдовала колдуновъ, считая чародѣйство совершенно равнымъ еретичеству, отступничеству отъ Бога, и величай-

*) См. „Война Россіи съ Турціей“. П. Гарковенко.

шимъ изъ преступленій на свѣтѣ. Если заблуждались тѣ, кто занимался чародѣйствомъ, не менѣе того заблуждались и инквизиторы, усердно вѣря въ существованіе чертей и разныхъ безплотныхъ духовъ, и въ сношенія людей съ этими духами. Даже нельзя было допускать мысли, по нашему мнѣнію, чтобы почтенные патеры, кардиналы и прелаты могли бы быть до такой степени невѣжественны, чтобы могли вѣрить тому, что въ наше время считается пустяками и безсмысліемъ.

Во всякомъ случаѣ, кромѣ видимаго стремленія уничтожить охоту къ чернокнижію въ народѣ, почтенными Іезуитами овладѣло желаніе пріобрѣтать имущество, оставшееся послѣ казненныхъ въ свою пользу. Такимъ образомъ къ числу жертвъ погибшихъ на кострѣ принадлежали: Министръ французскаго короля Филиппа Красиваго, Ангерранъ де Мариньи, знаменитая Орлеанская дѣвственница и множество другихъ невинныхъ жертвъ отъ руки палача, или на кострѣ, вмѣстѣ съ знаменитымъ Синимъ бородою, Жиль де Лавалемъ, маршаломъ Франціи *).

Какъ ни сильно было развито чародѣйство и какъ ни жестоко оно преслѣдовалось, но никто такъ жестоко не нападалъ на еретиковъ, какъ папа Иннокентій VIII, который своею жестокою буллою (папскій указъ), отъ 4 декабря 1484 года, противъ волшебства и всякаго сношенія съ нечистыми духами. Послѣ этой буллы, усердные служители папскаго престола, до того усердно работали, что на ау-то-дафе приводили толпы колдуновъ (мнимыхъ разумѣется) и полились рѣки невинной крови, едва изсякшія въ теченіи двухъ съ половиной вѣковъ.

Этотъ папа поручилъ преслѣдованіе чародѣйства особой коммисіи инквизиціоннаго суда, предсѣдателемъ которой былъ назначенъ Яковъ Шпренгеръ, профессоръ богословія въ Кельнѣ. Усердный профессоръ немедленно занялся сочиненіемъ руководства для слѣдствія и суда, по дѣламъ волшебства; плодомъ

---

*) Жиль де Лаваль, владѣтель Резавъ Машкулѣ, если и былъ сожженъ, какъ чародѣй, то это была со стороны инквизиторовъ тоже ошибка; это былъ скорѣе человѣкъ помѣшанный на алхиміи и философскомъ камнѣ. Но какъ злодѣй, онъ былъ достоинъ сожженія потому, что погубилъ до 150 мальчиковъ и до столько же беременныхъ женщинъ, вырѣзывая изъ ихъ чрева, нерожденныхъ дѣтей.

усилія этого ученаго фанатика, полубезумца, полузлодѣя, былъ знаменитый „*Malleus maleficarum*, или молотъ злодѣевъ“. Со времени изготовленія этого сочиненія, оно было утверждено кодексомъ для розысканія и наказанія мнимыхъ волшебниковъ. Дѣти были должны доносить на отцовъ, братья на братьевъ; супруги должны были обличать одинъ другаго. Кромѣ того, одного доноса даже безъ свидѣтелей было достаточно, чтобы арестовать и подвергнуть его суду и пыткѣ, почему почти каждый обвиненный, хотя и совершенно невинный, былъ въ дѣйствительности человѣкомъ, безвозвратно погибшимъ. Обвиненнаго подвергали пыткѣ. Если онъ, для избѣжанія нестерпимыхъ мукъ, сознавался въ мнимомъ преступленіи, его взводили на костеръ, какъ колдуна, или одержимаго бѣсомъ (бѣсноватаго, порченаго), если онъ не признавался, то погибалъ отъ мученія пытки, потому, что всѣмъ не сознававшимся были пытки, одна послѣ другой жесточе и невыносимѣе.

Дѣятельность агентовъ папы Иннокентія коснулась не только одного Рима и его областей, но проникла во Францію, Германію, Швейцарію, въ какой то пандемоніумъ, гдѣ на каждой горѣ совершались шабаши вѣдьмъ и гдѣ рѣдкій не былъ причастенъ чародѣйству, какъ злодѣй, или какъ жертва. Костры пылали и кровь лилась рѣками. Дель Ріо разсказываетъ, что въ 1515 году, въ одной Женевѣ казнено было до 500 уличенныхъ въ чародѣйствѣ лицъ. По словамъ Бартоломео де Спина, въ томъ же году, въ приходѣ Комо, сожжено ихъ до тысячи, и въ послѣдовавшіе за тѣмъ два года по нѣсколько десятковъ въ каждый мѣсяцъ. Ремигій съ самодовольствіемъ объявляетъ, что въ теченіе 15 лѣтъ, (1580 по 1595) сжегъ до 900 колдуновъ, обоего пола. Въ царствованіе короля Карла IX, колдунъ Труазешель, въ одномъ Пуату, оговорилъ болѣе 1200 человѣкъ виновныхъ въ чародѣйствѣ и увѣрялъ, что ихъ болѣе трехъ сотъ тысячъ въ одной Франціи. По словамъ Бодена или Бодинуса, при Карлѣ IX казнено болѣе тридцати тысячъ человѣкъ.

Не смотря на эти ужасныя бойни, Франція все же была назади предъ Германіей, гдѣ папскія буллы, производили ужасныя опустошенія.

Вслѣдъ за Иннокентіемъ VIII, противъ чародѣйства возстали:

Александръ VI, Левъ X и Адріанъ II. Съ наибольшимъ усердіемъ работали инквизиторы въ Барбергѣ, Падеборнѣ. Вюрцбургѣ и по всему протяженію владѣній нынѣшняго Баварскаго королевства; впрочемъ и другія части Германіи, также принесли свою дань ужасному заблужденію людей умныхъ и ученыхъ, какими считались папы и іезуиты, и вообще ученые монахи Рима.

Хауберъ, въ своей *Волшебной библіотекѣ* приводитъ списокъ 157 лицъ обоего пола, уличенныхъ въ чародѣйствѣ и казненныхъ въ Вюрцбургѣ съ 1627 г. по 1629 г. въ 29 пріемовъ. Но замѣчательно, что въ числѣ этихъ лицъ были: дѣти отъ 7-ми до 9-ти и 12-ти лѣтъ, да старики и старухи отъ 70 до 107 лѣтъ; тутъ же были четырнадцать кафедральныхъ викаріевъ, два знатныхъ молодыхъ дворянина, сенаторъ Штольценбургъ, Эмма Гобель, первая Вюрцбургская красавица, и 20 другихъ дѣвушекъ, изъ которыхъ двѣ слѣпыхъ и четыре глухонѣмыхъ. Въ Линденскомъ округѣ, изъ 600 жителей, казнено въ 4 года (1660—1664 г.) за волшебство 30 человѣкъ; въ другихъ мѣстахъ Германіи, погибло въ это время, болѣе ста тысячъ человѣкъ, за то же мнимое преступленіе.

Упорство и ужасъ этихъ гоненій были виною, что увѣренность въ возможности, противуестественныхъ сношеній съ злыми духами распространилась на всѣ классы общества и на всѣ возрасты. Она породила извращеніе умственныхъ способностей, извѣстное подъ именемъ галлюцинацій и дѣйствующее иногда эпидемически на цѣлыя массы. Этимъ болѣзненнымъ состояніемъ мозга, объясняются вынужденныя (а иногда и добровольныя) признанія несчастныхъ о ихъ посѣщеніяхъ шабашей и пиршествъ злыхъ духовъ; и нетолько судьи и свидѣтели, но и самые подсудимые, раздѣляя общее настроеніе и помраченіе разсудка, считали фантастическія видѣнія, порожденныя разстройствомъ воображенія, за дѣйствительные факты. Мудрено ли послѣ этого, что судьи съ полнымъ убѣжденіемъ въ своей справедливости, посылали на костеръ несчастныхъ, хотя по сущности невинныхъ, но убѣжденныхъ въ своей мнимой виновности.

Не всегда, однакожъ, признаніе въ дѣйствительности чародѣйскихъ занятій было вслѣдствіе умственнаго разстройства:

весьма часто пытка вырывала признаніе у обвиненнаго. Вотъ одинъ изъ примѣровъ *):

„Одинъ Вестфальскій дворянинъ, чѣмъ-то досадилъ своему сосѣду, который изъ мщенія сдѣлалъ на него доносъ въ чародѣйствѣ. Обвинитель утверждалъ, что упомянутый дворянинъ выходитъ по ночамъ изъ дому, оборачивается волкомъ (оборотнемъ), и рыская по окрестностямъ, давитъ и загрызаетъ прохожихъ. Несчастнаго обвиненнаго схватили и, продержавъ три недѣли въ тюрьмѣ, привели къ допросу. Несмотря на все желаніе судей найти мнимаго чародѣя виновнымъ, невозможно было отыскать никакихъ уликъ. Но случай помогъ инквизиторамъ: Свидѣтельствуя состояніе обвиняемаго, открыли; что у него на лѣвомъ плечѣ есть родимое пятно, которое оказалось нечувствительнымъ къ уколу иголкою. Этого вполнѣ было достаточно, чтобы заподозрить обвиняемаго въ дѣйствительности сношеній его съ дьяволомъ; такъ какъ родимое пятно было признано печатью дьявола. Несчастнаго подвергли пыткѣ; но онъ былъ человѣкъ сильнаго характера, твердый и, не соглашаясь сознаться въ небываломъ преступленіи, съ мужествомъ перенесъ страшныя мученья.

Наконецъ, одинъ изъ судей придумалъ дать измученной жертвѣ отвара травы—красавица, (atropa belladonna) и тогда, подъ вліяніемъ ложныхъ видѣній, развитыхъ этимъ наркотическимъ ядомъ, подсудимый, во временномъ умопомѣшательствѣ, взвелъ на себя, всевозможныя преступленія и сознался во всемъ, чего только хотѣли. Показанія его записали при свидѣтеляхъ. Придя въ себя онъ вновь съ твердостью сталъ отстаивать свою невинность; но его не хотѣли слушать, и принявъ во вниманіе совершенное предъ судомъ признаніе, сочли его за нераскаяннаго злодѣя и живаго сожгли на кострѣ“.

Не удивительно, что, при такомъ порядкѣ вещей, люди богатые жертвовали своимъ имуществомъ, чтобы подкупить судей, но судьи сперва раззоряли подозрѣваемыхъ, а все таки послѣ осуждали и казнили.

Ранѣе было указано, что нерѣдко обвиняемые сами признавались въ своихъ преступленіяхъ, сами довѣряя своимъ соб-

---

*) Разсказъ Дель—Ріо. Извѣстнаго демонолога.

ственнымъ разсказамъ и убѣжденные въ дѣйствительности своихъ мнимыхъ преступленій. Разумѣется этого нельзя было объяснить иначе, какъ болѣзненнымъ состояніемъ мозга и организма. Но какъ было объяснить страшное сходство въ показаніяхъ лицъ различнаго возраста, образованія и званія? Какимъ образомъ люди, совершенно другъ съ другомъ незнакомые, описывали свои небывалыя оргіи на шабашахъ съ чертями и рисовали предъ судьями почти тождественныя картины, безъ предварительнаго соглашенія и во вредъ себѣ.

Впрочемъ, нѣкоторые находятъ, что тутъ мало удивительнаго. Въ средніе вѣка господствовало довольно однообразное мнѣніе о колдовствѣ, привидѣніяхъ, шабашахъ злыхъ духовъ, и тому подобныхъ предметахъ таинственнаго и безплотнаго темнаго міра. Не мудрено, что на допросахъ, люди изнуренные заключеніемъ и страданіями, часто полупомѣшанные заключеніемъ и страданіями, объясняли предметы тождественнымъ образомъ. Этому способствовалъ и самый обрядъ допросовъ, совершавшихся однообразно, по сочиненному Шпренгеромъ съ товарищами, руководству. Самъ судья облекалъ вопросы въ форму объусловливающую большую часть вопросовъ такъ, что подсудимому, по большей части, оставалось говорить или— „да“ „или нѣтъ“. При страшномъ обрядѣ допросовъ, сопровождавшихся пыткою, несчастный въ вынужденныхъ своихъ сознаніяхъ, невольно, хотя и весьма естественно, принималъ настроеніе духа и ходъ идей, какіе желалъ найти допрашивающій.

Преслѣдованіе колдуновъ въ Россіи. Россія также заплатила тяжелую дань суевѣрію. Языческіе жрецы, игравшіе у древнихъ славянъ, какъ и повсюду, роль волхвовъ, неохотно, какъ уже мы и сказали, уступали вводимому въ Россіи Христіанству. Въ народѣ старинные повѣрья и обычаи не только утратились вдругъ, но и по сіе время, какъ мы уже упомянули въ первой части нашей книги, замѣтны въ своихъ остаткахъ обычаевъ, пѣсенъ и обрядовъ.

Высшіе представители духовенства употребляли всѣ зависящія отъ нихъ средства, чтобы уничтожить въ народѣ суевѣрную довѣренность къ колдунамъ, вѣдьмамъ и волхвованію, о чемъ свидѣтельствуютъ многіе памятники. Кирикъ XII вѣка,

митрополитъ Фотій въ своемъ посланіи къ Новгородцамъ, въ 1410 году, Царская окружная грамота 1648 года и *Домострой* строго воспрещаютъ всякое сношеніе съ волхвами.

Въ извиненіе русскому народу на счетъ убѣжденія въ знахарей и другихъ лицъ, занимавшихся мнимо противнымъ занятіемъ, скажемъ одно: когда христіанство въ Россіи укрѣпилось вполнѣ, то народъ еще далеко не достигъ не только образованія, но и грамотныхъ было очень мало. Во врачахъ чувствовался крайній недостатокъ, даже нѣкоторые изъ царей умирали отъ чирьевъ, которые превращались въ злокачественныя язвы, по недостатку въ опытныхъ врачахъ. Къ кому же было обратиться народу простому, необразованному, даже грубому, въ своихъ болѣзняхъ, въ своихъ неудачахъ? Разумѣется и обращались къ человѣку, болѣе или менѣе знакомому съ недугами; часто иногда, кто нибудь давалъ остатки лекарства, которымъ самъ излечился, или подавалъ тотъ же совѣтъ другому больному, которымъ самъ пользовался. Успѣхъ кого нибудь въ дѣлѣ врачеванія разносился далеко. Со временемъ человѣкъ, въ глазахъ простаго народа, дѣлался извѣстнымъ, и, видя въ этомъ свою пользу, старался замаскировать средства, сопровождая свои эксперименты наговорами, таинственными дѣйствіями и тѣмъ, разумѣется, себя ставили дурно предъ правительствомъ и въ глазахъ простаго народа, облекая свои естественныя дѣйствія во что-то таинственное. Простой селянинъ, опиравшійся всецѣло, по наущенію своего духовнаго пастыря, во всѣхъ своихъ дѣяніяхъ видѣлъ промыслъ Божій, а даже, если и случалось получить помощь отъ знахаря, или колдуна, то онъ отмаливался, задавалъ себѣ извѣстное число поклоновъ, а все таки въ душѣ благословлялъ своего цѣлителя, хотя, подозрѣвалъ, по невѣжеству человѣка того вѣка, что его цѣлитель— колдунъ. Страшно думать въ наше время и сопричислять врача къ колдунамъ, но однакоже по духу времени, по таинственности колдуновъ, по ихъ закрытымъ таинственнымъ операціямъ, и по невѣжеству вѣка, всѣхъ русскихъ знахарей считали какими-то изувѣрами.

Дѣла о волшебствѣ издревле принадлежали въ Россіи завѣдыванію духовной власти, и чародѣевъ сжигали въ кострѣ, точно также, какъ и въ западной Европѣ, въ чемъ увѣряетъ

Карамзинъ. Въ 1227 году, по сказанію лѣтописца, въ Новгородѣ четыре волхва были приведены на архіерейскій дворъ и тамъ сожжены, несмотря на заступничество бояръ. Въ началѣ XV столѣтія, было сожжено во Псковѣ десять *вѣщихъ жонокъ* (колдуній, вѣдьмъ). Въ повѣсти о волхвованіи, написанной для Іоанна Грознаго, утверждается необходимость сжигать чародѣевъ. Котошихинъ говоритъ, что въ его время, мужчинъ за волшебство и чернокнижничество сожигали, а женщинъ за волшебство, живыхъ по грудь закапывали въ землю, отчего онѣ умирали на другой, или на третій день. Эта форма наказанія за чародѣйство согласовалась съ общимъ народнымъ убѣжденіемъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Такъ, въ старину, во время повальныхъ болѣзней, зарывали въ землю женщину, подозрѣваемую міромъ въ наведеніи болѣзней своими волхвованіями.

Похитительницы росы. Въ Малороссіи и до нашего времени сохранилась легенда о томъ, какъ одна чародѣйка была сожжена за то, что похищала росу; преданье это сохранилось въ пѣснѣ, гдѣ говорится, что дѣвица—чародѣйка пекла змѣй и варила зелье, чтобы этимъ волшебнымъ снадобьемъ отравить своего роднаго брата; братъ узналъ объ этомъ и, снявъ съ сестры голову, сжегъ ея трупъ, и пепелъ развѣялъ по чистому полю *).

Въ XVII столѣтіи, за ворожбу и чародѣйство, менѣе виновныхъ ссылали въ дальніе монастыри на покаяніе, или въ ссылку.

Какъ убѣжденіе въ нечистую силу, такъ равно и увѣренность въ возможность сношенія человѣка съ дьяволомъ, долго жили во всей Европѣ, равно какъ и въ Россіи. Много погибло несчастныхъ мученическимъ путемъ, къ числу которыхъ принадлежали оговоренные по злости, по мщенію, изъ корысти воспользоваться ихъ наслѣдствомъ, богатствомъ; много погибло по собственному своему невѣжеству, много погибло безумцевъ, идіотовъ, можетъ быть иногда и злодѣевъ—отравителей въ дѣйствительности, но во всякомъ случаѣ не колдуновъ, и вся эта громадная масса людей, погибла отъ невѣжества властей; кто знаетъ, не пробуждалось ли въ народѣ желаніе изученія

*) Смотри сказаніе русскаго народа. Сахарова. Т. I. стр. 13. *Тоже:* Даль, въ Иллюстраціи, годъ I. стр. 415.

природы, познанія къ наукамъ, которое встрѣтило противудѣйствіе, какъ и всякое открытіе въ наше время. Извѣстно, что мнимые колдуны позже превратились *алхимиками*, а потомъ въ наше время химиками и физиками. Теперь не удивляетъ насъ электричество, магнетизмъ, фотографія и различныя ихъ полезныя примѣненія, но будь это встарь—тогда бы сожгли знаменитаго изобрѣтателя, какъ колдуна. Быть можетъ въ числѣ множества жертвъ погибло много умныхъ, великихъ людей. Но обратимся къ дѣлу:

„Въ Крестоцѣловальныхъ записяхъ на вѣрность царямъ Василью Шуйскому и Михаилу Θеодоровичу, клялись не посылать вѣдуновъ и вѣдуній на государство лихо и ихъ государей на слѣдъ не испортити, ни вѣдовствомъ по вѣтру, никакого лиха не посылати и слѣду не вынимати“ *). Отсюда видно что и цари наши не были чужды вѣрованія въ колдовство и чародѣйство.

Наговорщица на хмѣль. При Михаилѣ Θеодоровичѣ была отправлена въ Псковъ грамота съ запрещеніемъ покупать у литовцевъ хмѣль, потому, что посланные за рубежъ (границу) объявили о бабѣ колдуньѣ, или вѣдуньѣ, находящейся въ Литвѣ и наговаривающей на хмѣль, съ намѣреніемъ навести на Русь моровое повѣріе **).

Въ 1625 г. велѣно было выслать изъ Верхотурья въ Москву, переселенца Якова вмѣстѣ *съ воровскимъ зельемъ.* Дѣло было такое, что Яковъ сознался, когда его, вѣроятно по подозрѣнію, обыскали, и нашли коробку багровой травы, три корня, да комокъ чего-то, то онъ сознался, что все это онъ получилъ отъ колдуна *Степанки,—Козьи ноги.*

Такой же процессъ былъ въ 1680 году, по наговору иноземца Зинки (Зиновія) Ларіонова ***). Одинъ подсудимый объявилъ, что ему положили связку травъ, въ то время, когда онъ былъ пьянъ до безчувствія и сидѣлъ въ кабакѣ. Его пытали и потомъ били батогами, чтобы ему впредь было не повадно ****).

---

*) Москвитянинъ 1844 г. № 1. стран. 246.

**) Акт. Археол. Комм. Томъ III. № 197.

***) См. Акт. Юрид. № 30.

****) Не повадно—чтобы онъ не повадился къ тому, не привыкъ, чтобы не пристрастился, не получилъ бы охоту.

Московскія ворожейки. Косный разводъ. Старые архивы богаты актами, по части *вѣдовскихъ дѣлъ.* Порывшись въ нихъ мы находимъ, что въ Москвѣ, въ XVII вѣкѣ, жили бабы—ворожейки, къ которымъ пріѣзжали даже боярскія жены просить помощи противъ ревности, или холодности мужей, а также совѣтоваться о любовныхъ интригахъ, или о способахъ извести супруговъ. Не правда ли, что въ наше время не нужно прибѣгать къ чертямъ, чтобы дать тотъ, или другой совѣтъ, при однихъ свѣденіяхъ химіи? Невѣста Михаила Θеодоровича, Марія Хлопова, и невѣста Алексѣя Михайловича, Евфимія Всеволожская, по свидѣтельству современныхъ актовъ, были *испорчены* злыми людьми (вѣроятно изъ зависти). По дѣлу послѣдней, посланъ былъ въ Кириловъ монастырь, подъ крѣпкое начало крестьянинъ Мишка Ивановъ за *чародѣйство, за косной разводъ и за наговоръ,* отъ котораго пострадала невѣста.

Корень противъ ненависти мужа. Въ 1635 году случилось такое дѣло: одна изъ придворныхъ женщинъ, мастерица по вышиванію золотомъ, по имени Антонида Чашникова, по нечаянности выронила изъ кармана, сидя во дворцовой палатѣ, *корень невѣдомо какой.* Это уже возбудило подозрѣніе на мастерицу, достигло до царя; до какой степени и въ Россіи понятіе о колдовствѣ развилось въ тѣ мрачные вѣка—немыслимо! Самъ царь, издалъ приказъ, которымъ было предписано: *сысковать на крѣпко* означенную мастерицу, и окольничій Стрѣшневъ, и дьякъ Таракановъ *сыскали,* то есть пытали бѣдную женщину, зараженную тѣмъ же суевѣріемъ, какъ и всѣ, не исключая владыкъ земли.

На пыткѣ несчастная Чашникова показала, что дала этотъ корень жинка Танька (женщина по имени Татьяна), для того, чтобы мужъ Чашниковой былъ добрѣе и перестал ее бить. Призвали на судъ вышесказанную Таньку, которая сказала, что корень этотъ называется *обратимъ* и располагаетъ мужа къ женѣ любовью. Лиха же обѣ онѣ супротивъ государя и его семейства не умышляли. Чашникову съ мужемъ сослали въ Казань, а Таньку съ мужемъ, на Чаронду.

Порча на слѣдъ. Спустя три года, тоже при дворѣ, одна изъ мастерицъ, именно Марья Сновидова, показала на свою подругу, тоже мастерицу Дарью Ломанову, будто бы послѣдняя

сыпала песокъ на слѣдъ царицы. И тутъ явились жонки-колдуньи Настасьица да Манка—Козлиха и другія, которыя мужей къ жонкамъ привораживаютъ. Всѣхъ пытали въ томъ, что не имѣли ли они чего либо противъ государя и его семейства? Пытка была производима огнемъ, но несмотря на такія ужасныя мученія, ничего не оказалось кромѣ вздорныхъ нашептываній. Однако же послѣ такой пытки, когда уже не было никакихъ средствъ продолжать ихъ больше, и средства пытокъ истощились, сослали Ломанову съ мужемъ въ Пелымъ (въ Сибири), Манку-Козлиху въ Соликамскъ, слѣпую Феклицу съ мужемъ въ Вятку, а слѣпую Дуньку въ Соль-Вычегодскъ, всѣхъ же соприкосновенныхъ къ дѣлу мастерицъ выгнали изъ дворца *).

Обвиненіе боярина Матвѣева въ чародѣйствѣ. Все вышесказанное темнѣетъ противъ выдающагося дѣла, какимъ можно счесть обвиненіе, знаменитаго русскаго боярина, Артамона Сергѣевича Матвѣева, въ чародѣйствѣ. На него показали злобствующіе, что будто бы онъ съ докторомъ Стефаномъ, запершись въ палату, читали *черную книгу* и будто, по показанію обличителей, въ это время являлись къ нимъ нечистые духи. По этому доносу Матвѣевъ былъ сосланъ въ заточенье съ отнятіемъ у него всѣхъ имѣній и боярскаго сана. Будучи въ заточеньи, бояринъ Матвѣевъ много писалъ царю, патріарху, и ближнимъ своимъ боярамъ, но долго не могъ добиться успѣха. Въ одной изъ подобныхъ челобитенъ (прошеній) Матвѣева онъ говоритъ между прочимъ слѣдующее:

„При государѣ царѣ и великомъ князѣ, Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, такожде ненависти ради, подкинули письмо воровское на боярина И. Д. Милославскаго, будто онъ имѣетъ у себя перстень волшебный думнаго дьяка Грамотина, и по тому воровскому (обманному, мошенническому, вообще подложному) письму немного не пришелъ въ конечное раззореніе... А при царѣ... Алексіѣ Михайловичѣ... Извѣтъ былъ... о волшебствѣ на боярина С. Л. Стрѣшнева, и за тотъ отвѣтъ страдалъ безвинно, честь была отнята и сосланъ въ Вологду... да и многихъ... такихъ воровскихъ писемъ было, а иные и въ смертномъ страхѣ были...“

---

*) См. „*Комета*“ ст. Забѣлина. 1851 г.

Нужно замѣтить, что въ воинскомъ уставѣ, изданномъ въ 1716 году, сказано, что если кто изъ воиновъ будетъ чернокнижникъ, заговорщикъ ружья и богохульный чародѣй, то наказывать его шпицрутенами и заключеніемъ въ желѣзахъ, или сожженіемъ. Въ толкованіи же указали, что сожженіе есть обычная казнь чернокнижниковъ, входящихъ въ обязательство съ дьяволомъ *).

Страсти и ужасы, возникшіе по вѣрѣ въ колдовство и чародѣйство начали ослабѣвать послѣ реформы Петра Великаго и при томъ въ высшемъ классѣ общества, состоящемъ изъ разныхъ націй. Въ наше время во всѣхъ просвѣщенныхъ государствахъ, да также и въ Россіи, принято считать волшебство за выдумку, за эпидемію вѣковъ, требующую жертвъ невѣжеству, и съ этого времени эта безумная попытка мести и ненависти потеряла въ народѣ свой ужасающій характеръ, а въ законѣ характеръ преступленія. Колдуны уже болѣе не сообщники дьявола, а обманщики, и если попадаются, то ихъ судятъ, какъ за обманы.

Прекращеніе преслѣдованія колдуновъ путемъ инквизиціи. Вотъ, наконецъ, и люди образумились, стали понимать суть чародѣйства. Нужно сказать, что вмѣстѣ съ чародѣями жгли и бѣсноватыхъ. Въ Вюрцбургѣ, пока жгли нищихъ - старухъ и жарили бѣдныхъ дѣтей, все обходилось хорошо, и судьи были окончательно правы въ своихъ поступкахъ, но когда дѣло дошло до лицъ знатнаго общества, то взгляды на волшебниковъ и чародѣевъ нѣсколько измѣнились.

Инквизиціонная система между тѣмъ все-таки держалась; народъ палили, умерщвляли пытками самыми жестокими, пока, наконецъ, не нанесло первый ударъ, и ударъ жестокій, сочиненіе Фридриха Спе, написанное дворяниномъ и іезуитомъ въ добавокъ, въ 1631 году. Впрочемъ, были и ранѣе: Віерусъ, Антони, Редживальдъ, Скоттъ, которые наложили значительный ударъ инквизиціи. Книга даровитаго іезуита произвела такое сильное впечатлѣніе на Филиппа Шенбрунскаго, бывшаго тогда епископомъ вюрцбургскимъ, что когда этотъ епископъ впослѣдствіи сдѣлался майнскимъ архіепископомъ—курфистромъ,

---

*) См. Полное собраніе законовъ. Т. V. № 3006. Глав. I, арт. 1 и 2.

то уничтожилъ въ своихъ владѣніяхъ всякое преслѣдованіе чародѣйства. Этому, весьма разумному примѣру владѣтельной духовной особы, послѣдовалъ герцогъ Брауншвейгскій и многіе другіе изъ государей германскихъ. А послѣдніе по крайней мѣрѣ смягчили строгость наказаній и ограничили употребленіе пытки при допросахъ.

Въ 1701 году дѣло дошло до того, что Томаріусъ рѣшился публично защищать предъ Галдскимъ университетомъ свою диссертацію о невозможности чародѣйства, „какъ преступленія“. Тезисъ этотъ былъ принятъ съ большимъ одобреніемъ и снискалъ благосклонное вниманіе общественнаго мнѣнія, хотя менѣе чѣмъ за столѣтіе передъ тѣмъ, подобная диссертація могла привести автора въ тюрьму инквизиціи.

Сочиненіе Томаріуса чрезвычайно успѣшно содѣйствовало къ уменьшенію преслѣдованія мнимыхъ колдуновъ, хотя не совершенно прекратило его. Въ послѣдствіи замѣчаемъ, что въ 1739 г., въ Сегединѣ, въ Венгріи были пытаны 13 человѣкъ и затѣмъ сожжены на кострѣ, за исключеніемъ одного умершаго ранѣе казни. Тѣ же сцены повторились и въ Бамбергѣ, пока, наконецъ процессъ Маріи Ренаты, обвиненной въ составленіи волшебныхъ зелій не возбудилъ ропота и неудовольствія народа то такой степени, что сами инквизиторы были принуждены бѣжать, опасаясь за свою личную безопасность.

Въ Швейцаріи судебное преслѣдованіе волшебства прекратилось еще въ концѣ XVII столѣтія, и послѣдній колдунъ въ Женевѣ, погибъ на кострѣ въ 1652 году, тѣмъ не менѣе, въ 1786 году, въ Глорисскомъ кантонѣ, одна старуха была присуждена къ смерти за сношенія съ злымъ духомъ. Сомнительно, впрочемъ, чтобы эта несчастная дѣйствительно была казнена.

Въ 1682 году Людовикъ четырнадцатый призналъ тоже, что колдовство—обманъ, и эдиктомъ своимъ предписалъ судить колдуновъ, какъ распространителей суевѣрія и обманщиковъ, распространителей сверхъестественныхъ чудесъ и суевѣрій. Этотъ эдиктъ былъ изданъ вслѣдствіе протеста нормандскаго парламента, сдѣланнаго по поводу отмѣны казни одного лица, приговореннаго за волшебство. Въ этомъ протестѣ парламентъ умолялъ короля о позволеніи продолжать судебное преслѣдованіе и казни колдуновъ.

Въ Англіи преслѣдованіе волшебства было не менѣе энергично и продолжительно. Грей, издатель *Худибраса* писалъ, что онъ своими глазами видѣлъ списокъ пяти тысячъ казненныхъ за волшебство, во время *долгаго парламента*. *Халдудъ* и *Шуазель* почтили драматическимъ воспоминаніемъ несчастныя жертвы, казненныя за волшебство въ Ландкаширѣ, безумнымъ злодѣемъ Робинсономъ. Ученый Халь (Hale) осудилъ на смерть Эми Доней (Али Дону) и Розу Каллендусъ въ 1664 году, при главномъ судьѣ Хонтѣ, судьи оправдали старуху Маннингъ, противъ которой были гораздо полнѣйшія показанія, но умный Хонтъ, доказалъ публично всю нелѣпость чародѣйства. Этотъ примѣръ до такой степени благодѣтельно подѣйствовалъ, что всѣ десять процессовъ о колдовствѣ, случившіеся отъ 1614 по 1701 годъ окончились оправданіемъ обвиненныхъ. Потомъ какого то колдуна присяжные осудили на основаніи самыхъ сумасбродныхъ указаній, не взирая на ученые доводы извѣстнаго судьи Поуеля (Powell). Неразрѣшенная глупость присяжными свидѣтелями, скорѣе мало разобранная, непрочувствованная, рѣшилась сама собою при помощи Пауеля, и приговоренный къ казни былъ освобожденъ.

Съ того времени, когда стали преслѣдовать волшебство и чародѣйство въ Европѣ, всѣ государства торопились одно за другимъ посчитаться между собою числомъ жертвъ принесенныхъ на алтарь безумія и сумасбродства; но прошло время и Англія, въ лицѣ какого нибудь доктора Хускинсона, похваливается тѣмъ, что она ранѣе другихъ государствъ на свѣтѣ перестала преслѣдовать волшебство. Пусть бы говорила, да такъ и дѣлала; а то извольте видѣть: Еще въ 1716 году мистрисъ Хэиксъ (Hicks) была повѣшена вмѣстѣ съ своею девятилѣтнею дочерью; чѣмъ же несовершеннолѣтняя дочь виновата? Случай этотъ былъ въ Хоннингтонѣ. Мать и дочь обвинили въ связяхъ съ дьяволомъ, говорили, что намыливая по утрамъ чулки, притягивали къ себѣ грозу. Также нашли, что у ребенка были изъ черной кожи башмачки съ красною подошвой, и это признали за подарокъ дьявола, какъ по сочетанію двухъ адскихъ цвѣтовъ, краснаго и чернаго, такъ и по запаху отъ кожи.

Англія тоже отдала свой долгъ невѣжеству: юристъ Бар-

рингтонъ считаетъ, что въ Англіи казнено и различнымъ образомъ уничтожено (повѣшено, сожжено и другой карѣ предано) до 30000 лицъ обоего пола, въ числѣ котораго предано до 140 дѣтей менѣе десятилѣтняго возраста. Потомъ, смертная казнь за колдовство была уничтожена въ Англіи, въ 1766 году, и замѣнена позорнымъ столбомъ и тюрьмою за „*Вызываніе злыхъ духовъ и за стараніе войти съ ними въ сношеніе*“. Даже въ 1809 и 1827 году въ Англіи существовали процессы, гдѣ возводились обвиненія въ колдовствѣ.

Суевѣрная Шотландія особенно отличилась колдунами и, сколько запомнимъ, въ XIII вѣкѣ славились чародѣи: Михаилъ Скоттъ, Ѳома Херсильдоунъ, Лордъ Саулисъ, но судебное слѣдствіе противъ волшебства началось не ранѣе царствованія Маріи Стюартъ. Графиня Леммисъ (Glammis), фаворитка Іакова I, была казнена за чародѣйство и составленіе зелій. Чрезвычайно мудрено понять, къ чему стремились люди: можетъ быть выражалось желаніе свѣта, просилась наука, но это ужасно. если они рвались въ ту минуту, когда угрожали смертью.

Вальтеръ Скоттъ говоритъ, въ своей демонологіи, что серъ Люисъ Балгаптонъ, предсѣдатель шотландскаго уголовнаго суда спросилъ у колдуна Ричарда Грэхэма (Grahom), можетъ ли онъ ему показать черта?

Колдунъ отвѣчалъ утвердительно и вызвалъ нечистаго духа, до того натуральнаго, что бѣдный судья испугался и вскорѣ умеръ. Нельзя думать. что это вѣрно, тутъ было что нибудь особенное. исторія умалчиваетъ, и мы въ подобныхъ случаяхъ можемъ не вѣрить.

Вотъ представляется еще другой примѣръ: Въ 1568 году, судили Элизу Пирсонъ; архіепископъ Патрикъ Андамсонъ, будучи тяжко боленъ, посылалъ въ тюрьму просить колдунью вылечить его. посредствомъ волшебства. и въ награду за это обѣщалъ ей свое покровительство.

Изъ этого можетъ каждый понять, какой взглядъ на колдунью имѣли даже важныя лица, да наконецъ. до какой степени эти важныя лица проникли науку, если просили помощи у простыхъ бабъ? Одно только извинительно и даже годилось бы принять кому слѣдуетъ. къ свѣденію: изученіе народной

ботаники и ея полезныхъ медицинскихъ свѣденій, извѣстныхъ въ народѣ и чѣмъ-то не нравившейся въ средѣ медиковъ. Не дурно, очень не дурно нашимъ медикамъ, какъ и литераторамъ. (Послѣдніе, спасибо имъ, много способствовали нашей литературѣ, какъ исторической, такъ и поэзіи) изучить эту статью и раскрыть свойство тѣхъ еще не открытыхъ травъ, которыми богаты наши лѣса.

Впрочемъ, мы еще не кончили наше описаніе: Кромвель въ 1659 году, въ одномъ Глоро (Glasdom), сжегъ за разъ сто десять человѣкъ, будто бы имѣвшихъ какія то сношенія съ нечистою силою. Право уголовнаго суда, предоставлено было не только обыкновеннымъ судилищамъ, но и помѣщикамъ, ихъ управителямъ и даже пасторамъ. Они безъ аппеляціи могли присуждать волшебниковъ къ смерти, и потомъ ихъ вѣшать и жечь.

Замѣчательно, что Карлъ II уничтоживъ большую часть Кромвелевскихъ постановленій, не только оставилъ во всей силѣ законы противъ колдуновъ, но еще усилилъ противъ ихъ.

Преслѣдованіе противъ колдуновъ ослабѣло съ 1662 года и даже нѣкто Джемсъ Уельтъ, былъ публично наказанъ за доносъ о чародѣйствѣ. Но въ 1678 году, опять казнили десять женщинъ признавшихся въ связи съ адскими духами. Послѣдній судебный приговоръ съ адскими духами, былъ произнесенъ въ 1708 году 3 мая. Колдуна Эльстета Руля, выгнали изъ отечества, а сообщницу его колдунью сожгли на кострѣ.

ВѢДЬМЫ И ШАБАШИ ИХЪ.

Изъ всего того, что было сказано ранѣе, какъ нашими писателями, такъ равно и иностранными, выводимъ: Иностранные писатели говорятъ до того согласно съ нашими русскими, не писателями, а сказаніями и повѣрьями, что мы рѣшаемся дать общее понятіе, какъ о вѣдьмахъ, такъ равно и шабашахъ, и ручаемся за согласность въ общемъ хотя, такъ сказать, мѣстомъ празднованія вѣдьмъ, были: то вершины горы Броккенъ, то Лысой горы близь Кіева, а то и Блокула въ Швеціи.

Западныя вѣдьмы. Вообще вѣдьмами назывались колдуньи или вѣдуньи, которымъ приписывали способность портить лю-

дей и входить въ плотскія сношенія съ дьяволомъ. Колдуны, и преимущественно колдуньи, ложась въ постель, натирались мазью, составъ. которой сталъ теперь довольно извѣстенъ; она состояла изъ слѣдующихъ предметовъ спеціально наркотическихъ. Тутъ были: Аконитъ или Борецъ (aconitum napellus), Красавица (atropa belladonna), Бѣлена (hyosciamus niger), *) Черемица (helleborus niger). Дурманъ (datura stramonium), Вѣдьмина трава (cicaea lutcliana) и можетъ быть много другихъ, производящихъ на тѣло и мозгъ наркотическое опьяненіе. Намазавшійся такою мазью, погружается въ глубокій сонъ исполненный разныхъ грезъ и воображалъ, что онъ верхомъ на помелѣ, или ухватѣ, отправляется на шабашъ. Тамъ ему представлялся дьяволъ въ видѣ чернаго козла, сидящій на камнѣ или гниломъ пнѣ; случалось впрочемъ, что злой духъ, являлся въ видѣ мужчины весьма высокаго роста, въ одеждѣ черной съ краснымъ, съ козлиными ногами. Но лицо злаго духа въ человѣческомъ образѣ, никто не могъ видѣть. Предъ козломъ совершалось поклоненіе самымъ мерзостнымъ образомъ, котораго мы не рѣшаемся высказать. Довольно того, что здѣсь совершался полный разгулъ разврата. Потомъ начинались танцы людей съ чертями, принявшими формы лягушекъ, козловъ, и мгновенно превращавшихся въ красивыхъ молодыхъ людей. Танцовали, обыкновенно спина со спиною. За танцами слѣдовалъ роскошный ужинъ, во время котораго совершались разныя пародіи на обряды Христіанской церкви, напримѣръ: крестили жабъ, вѣнчали жида съ лягушкою и совершали множество гадостей не только противныхъ духу христіанскаго вѣроученія, но даже законамъ природы. Послѣ ужина совершались различныя мерзости. Наконецъ, каждый изъ посѣтителей, утомленный излишествами всякаго рода, пресыщенный вполнѣ, вдругъ невѣдомо какимъ путемъ возвращался и просыпался въ своей постелѣ.

Шабаши происходили каждую ночь, но преимущественно съ субботы на воскресеніе и разнообразились только видами грѣховъ и совершаемыхъ гадостей. Главный годовой шабашъ праздновался въ ночь на Ивановъ день. Въ эту знаменитую

*) Бѣлена возбуждаетъ въ сонномъ человѣкѣ ощущеніе летанія по воздуху.

волшебствомъ ночь, черти, по увѣренію колдуновъ, пріобрѣтали самую высшую силу и бродили съ вечернихъ до утреннихъ сумерекъ. Суевѣрные люди не выходили въ эту ночь со двора, а благочестивые, проводили эту ночь въ молитвѣ и чтеніи духовныхъ книгъ. Въ это же время колдуны, приносили дьяволу жертву, желая что нибудь получить отъ него, какъ милость. Жертвами этихъ сумасшедшихъ изувѣровъ нерѣдко были: кровь новорожденныхъ младенцевъ, нерѣдко вырѣзанныхъ изъ утробы матери, волосъ, ногти, черныя кошки, или черные козлы: даже облаты католической эвхаристіи, тайно удержанной во рту.

Двойное зрѣніе Такъ, напримѣръ, въ Шотландіи долгое время вѣрили, что для полученія двойнаго зрѣнія, то есть, получить особый даръ видѣть то, чего не видятъ прочіе, нужно сжечь сорокъ кошекъ, это дѣлали такъ: съ пятницы на субботу, избирали пустынное мѣсто, и припасали нужное количество дровъ; ровно въ полночь колдуны читали заклинаніе надъ 40 кошками, которыхъ посвящали высшему злому духу; когда заклинанія были окончены, тогда колдунъ бралъ заостренный желѣзный прутъ или деревянную палку, и медленно жарилъ надъ огнемъ живую. Понятно, что кошка въ мученіяхъ умирала, мяуча страшнымъ образомъ. Послѣ послѣднихъ стоновъ, колдунъ, бросалъ кошку въ костеръ и начиналъ поочередно ту же операцію надъ прочими.

Боль и страданія кошекъ вслѣдствіе заклятій, будто бы, симпатически переходили на того духа, которому преданы были животныя. Мучимый демонъ, высылалъ изъ ада подчиненныхъ ему бѣсенятъ, которые являлись въ видѣ призраковъ — кошекъ, но онъ, не обращая вниманія на всѣ ухищренія демона, продолжалъ уничтожать животныхъ и послѣ сороковой, будто бы, пріобрѣталъ двойное зрѣніе. Но если онъ желалъ получить отъ демона что либо болѣе важное, то продолжалъ свою адскую операцію цѣлыхъ трое сутокъ, безъ перерыва. Тогда къ нему являлся самъ демонъ, въ видѣ огромнаго чернаго кота и исполнялъ все, что требовалось колдуномъ *).

Шведскій процессъ надъ вѣдьмами. Вотъ одинъ замѣча-

*) Въ Шотландіи, этого рода жертвоприношеніе называлось Тейхермъ (Taigharm).

тельный процессъ, о которомъ пишетъ Хотинскій. Въ Мора. въ Швеціи, въ 1669 году нашли множество дѣтей съ нервными припадками безумной фантазіи, что будто бы всѣ они летаютъ на гору Блокулу, на шабашъ вѣдьмъ. Нужно сказать, что для шведскихъ вѣдьмъ, эта *Черная* скала была тоже, что *Лысая* для русскихъ вѣдьмъ. Гора эта находится посреди моря, между Смаландомъ и Оландомъ. Названіе свое она получила отъ колдуновъ, которые умѣли вызывать бурю, вѣтеръ, грозу; ихъ называли блокула, блакула. Въ этомъ обвиняли колдуній, сильно расплодившихся въ тѣхъ мѣстахъ. Вѣсти дошли до короля, который назначилъ особую коммисію, для изслѣдованія. Колдуньи показали, что они уносили дѣтей на Блокулу для служенія дьяволу, который являлся туда одѣтымъ въ сѣрое платье, красные панталоны и чулки, и имѣлъ при этомъ рыжую бороду. Онѣ ѣздили туда верхомъ на разныхъ животныхъ, даже на людяхъ. Каждая колдунья, записывала собственною кровью свое имя, въ книгу сатаны. Потомъ, лишенный званія пасторъ, переводилъ ихъ въ дьявольскую вѣру. За ужиномъ на шабашѣ, онѣ ѣли щи, свиное сало, овсянку, масло и сыръ. Потомъ начиналась пляска, сопровождаемая ссорами и драками. Вѣдьмы плясали вокругъ дьявола и дрались помелами, ухватами, кольями и т. далѣе. Если же, которая изъ нихъ не нравилась черту, то онъ, выхвативъ изъ подъ нее импровизированную лошадь, сильно колотилъ вѣдьму, тѣ же, которыя нравились, провожали съ нимъ ночь. Когда злой духъ бываетъ боленъ, (вотъ какъ!) то вѣдьмы служили ему сидѣлками.

Русскія вѣдьмы и Мары. Женщины, занимающіяся колдовствомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи, называются *Марами* *). Ихъ различаютъ на наслѣдственныхъ, которымъ наука колдовства идетъ по наслѣдству, и ученыхъ, выучившихся отъ другихъ вѣдьмъ, или маръ. Послѣднія, по повѣрью народа, опаснѣе первыхъ: ихъ полетамъ на Лысую гору, народное повѣрье приписываетъ единственно цѣль совѣщаній съ собирающейся тамъ нечистою силою, дѣлать зло человѣку. Доеніе

---

*) Напр. въ Воронежской губ. Священникъ магистръ Θедоръ Никоновъ. У Киргизовъ—*Джа-Абугаръ*.

или выдаиваніе коровъ. народъ также относитъ преимущественно къ вѣдьмамъ ученымъ. Страстныя охотницы до молока, онѣ наносятъ вредъ каждому домохозяину, истощая его коровъ. Говорятъ, вѣдьма можетъ доить коровъ, несмотря ни на какое разстояніе, стоитъ ей только очертить кругъ на землѣ съ заговоромъ и въ центръ его воткнуть ножъ. Молоко (будто-бы) задуманной ею коровы потечетъ изъ него само собою.

Ночь на Ивана Купалу считается самою опасною отъ нападенія вѣдьмъ: домохозяева принимаютъ всѣ мѣры, чтобы оградить отъ нихъ свой скотъ; они кладутъ въ окнахъ избъ крапиву, какъ противудѣйствующій предметъ чародѣйству вѣдьмъ, вѣшаютъ на дверяхъ хлѣвовъ убитую сороку, или прилѣпливаютъ срѣтенскія восковыя свѣчи.

Вѣдьмы производятъ колдовство чрезъ заговоры и наговариваніе разныхъ травъ, которыя онѣ собираютъ преимущественно въ ночь на Ивана Купала. Травы эти (папоротникъ, бѣлоголовникъ, шалфей, плакунъ, дурманъ, адамова голова, Иванъ да Марья, чертополохъ, подорожникъ, полынь и пр.) въ рукахъ обыкновенныхъ людей не имѣютъ такой силы, какъ въ рукахъ вѣдьмъ; тѣ, приготовляя изъ нихъ мази и натирая имъ свое тѣло, могутъ принимать по желанію виды различныхъ животныхъ, напримѣръ свиньи. Если поймать такую вѣдьму-оборотня и бить ее на отмашь осиновымъ коломъ, то она непремѣнно приметъ свой настоящій видъ. Толкуютъ, будто въ это время вѣдьма откажется отъ своего ремесла. Легенды о вѣдьмахъ говорятъ, что онѣ одарены возможностью превращать и людей въ животныхъ, или въ птицъ.

Смерть, какъ колдуну, такъ равно и вѣдьмѣ, приходится плоха. Одно средство для облегченія умирающаго въ этомъ случаѣ—поднять надъ его постелью доску въ потолкѣ, или слегу, отъ чего думаютъ, душа скорѣе освободится отъ тѣла колдуньи, или колдуна (говорится безразлично).

Со смертью вѣдьмы, не прекращаются еще ея сношенія съ землею; ненавистница при жизни, она, по мнѣнію суевѣровъ остается долгое время ненавистницею рода людскаго и послѣ смерти. Какъ и колдуны онѣ встаютъ изъ гробовъ и ходятъ по землѣ; избавиться отъ нихъ можно только однимъ—вколотить въ могилу и въ самый трупъ—осиновый колъ.

Мало того, что сейчасъ сказано о вѣдьмахъ, про нихъ говорили, что онѣ отнимаютъ плодородіе земли, приносили безплодіе и голодъ, вредили произростанію овощей и плодородію животныхъ. Портили не только свадьбы, но даже скотъ.

Защита противъ вѣдьмъ и колдуновъ. Противъ колдуновъ и вѣдьмъ нашлись люди, которые составили заклинанія и заговоры. Въ этихъ заклинаніяхъ они просили защиты противъ бабьихъ зазоръ и чернокнижія, отъ заговорнаго кудесника, отъ слѣпаго знахаря, отъ старухи—вѣдуньи, отъ вѣдьмы Кіевской и отъ сестры ея Муромской. Нужно замѣтить, при этомъ, что прежде вѣрили, будто бы слѣпые находятъ лучше всѣхъ зрячихъ—траву, *„не чуй вѣтеръ“*, которая очень пригодна для колдуновъ.

Противъ колдуновъ и вѣдьмъ употребляли траву чернобыльникъ, крапиву, и плакунъ—траву, которая и сей часъ въ Москвѣ, вмѣстѣ съ адамовой головою и Петровымъ крестомъ, у Москворѣцкихъ воротъ и на Глаголѣ продается за хорошую цѣну.

18 января у вѣдьмъ бываетъ праздникъ; а потому люди суевѣрные, принимаютъ знахаря ровно въ полночь, чтобы заговорить трубы, забить подъ княжекъ колъ, насыпать на загнеткѣ золу изъ семи печей; все это, разумѣется, дѣлается съ цѣлью отвратить дурныя наклонности колдуній и вѣдьмъ, стремящихся ко злу противъ всего человѣчества.

Чѣмъ же дѣйствовали вѣдьмы? а вотъ чѣмъ—травами. Вѣдьмы по ночамъ собирали различныя зелья и варили ихъ въ горшкѣ, а потомъ съ паромъ вмѣстѣ уносились въ трубу, когда готовое зелье, закипитъ. Для такого аэростатическаго зелья онѣ варили шалфей, руту и терличь; послѣдняя трава, какъ говорятъ, способна была для превращеній.

По народному повѣрью, вѣдьмы, какъ и другіе колдуны, могутъ не только превращать себя, но и превращать людей въ животныхъ и даже въ неодушевленные предметы.

Вѣдьма получила свое названіе отъ того, что она „вѣдунья“, знающая, свѣдующая; названье происходитъ отъ глагола „вѣдать“ знать. Поэтому она ничто болѣе, какъ знахарка. Но пылкое воображеніе жителей юга Россіи, гдѣ родина вѣдьмъ *),

*) Понятіе о вѣдьмахъ, о ихъ сборищахъ и шабашахъ непремѣнно возникло съ запада Европы. Намъ негдѣ было иначе получить такое понятіе.

придало много особенности этимъ колдуньямъ. Про вѣдьмъ говорятъ, что онѣ имѣютъ хвостъ *), могутъ летать по воздуху, превращаться въ сорокъ, оборачиваться въ свиней и другихъ животныхъ, перекинувшись черезъ двѣнадцать ножей. Не мало объ нихъ говорили и говорятъ. Толкуютъ, что будто бы вѣдьмы любятъ послѣ своей смерти сосать кровь изъ младенцевъ и молодыхъ людей, обоего пола.

Про нихъ говорятъ также и много хорошаго: напримѣръ говорятъ, что вѣдьмы гостепріимчивы, ласковы и хороши; это, разумѣется, до русскихъ колдуній касается, что и говорили русскіе солдаты. Но если медаль обратить на изнанку, то она, скажетъ другое: Онѣ подчасъ, какъ женщины, бываютъ очень пугливы. Говорятъ, чтобы напугать вѣдьму и обезоружить ея дѣйствія, нужно въ той избѣ, гдѣ она находится, въ крестъ оконной рамы, въ косякъ дверей, служащій перекладиной, или же въ грядку, подъ столомъ, воткнуть ножъ, и колдунья будетъ покорна. Можно всего вѣрнѣе думать, что вѣдьма, какъ женщина, побоится за себя и свою жизнь, при видѣ того, кто такъ безцеремонно упражняется съ смертоноснымъ орудіемъ.

Скорѣе всего вѣдьмами въ старину называли деревенскихъ бабокъ — повитухъ, знакомыхъ съ различными пріемами и въ другихъ болѣзняхъ, свѣденія о которыхъ особенно нужны при ихъ спеціальности. Если такія женщины въ старину получили названіе знахарокъ или вѣдьмъ, то есть вѣдуній, свѣдущихъ, то конечно не въ бранномъ или презираемомъ смыслѣ, а если это слово со временемъ получило дурное значеніе, то, вѣроятно, вслѣдствіе дурныхъ событій и уже въ послѣдствіи слово „Вѣдьма“ стало браннымъ.

Хотя нѣтъ данныхъ, но можно предполагать, что понятіе о вѣдьмахъ возникаетъ со времени язычества и также можно думать, что Лысая гора встарину имѣла капище, куда сходились жрецы и вѣдьмы. Такъ думаетъ и Снегиревъ **), при описаніи 1 мая.

Оборачиваніе вѣдьмъ въ животныхъ. Говорятъ въ народѣ, что вѣдьма или колдунья, желая обратиться въ какое либо жи-

---

*) Нѣсколько лишнихъ позвонковъ на протяженіи позвоночнаго столба.

**) См. Русскіе простон. Празд. Часть III, стр. 87.

вотное, перекувыркивается чрезъ двѣнадцать ножей. Про нихъ говорятъ также, что онѣ иногда превращаются въ копны сѣна.

Отчего нѣтъ сорокъ въ Москвѣ *). Въ Москвѣ существуетъ повѣрье, что сороки оттого въ Москву не залетаютъ, что св. Алексій, митрополитъ Московскій, заклялъ ихъ, замѣтивъ подъ видомъ сороки—вѣдьму. Говорятъ также, что часто въ старину, снимая шкуру съ медвѣдицы, находили тамъ бабу въ сарафанѣ.

Вѣдьмино селеніе **). Въ деревняхъ вѣрятъ, какому то особенному предчувствію, по которому поселяне будто узнаютъ о пребываніи среди ихъ вѣдьмъ, люди свѣдующіе въ примѣтахъ, люди умѣющіе ихъ растолковать, придумали признаки, указывающіе прямо не на людей, а на землю. По этимъ признакамъ владѣтель земли, или самъ имѣетъ сообщеніе съ духами, или его жена вѣдьма, (колдунья). Такіе признаки по увѣренію знахарей есть слѣдующіе:

Въ лѣтнее время поселяне, выходя на работу, часто замѣчаютъ на лугахъ или зеленые или желтые круги. Увидѣвши это, они прежде всего узнаютъ, чье это поле? Много ли поломалось косъ? Потомъ распускаютъ молву, что круги появились недавно, а прежде ихъ не было; самъ хозяинъ, если онъ старикъ, поверстался въ колдуны, на этихъ кругахъ; что старая женщина въ семействѣ, покумилась съ вѣдьмами; что вѣдьмы сбираются плясать сюда каждую ночь. Но какъ мужчины всегда скоро избавляются отъ нареканій, то вся вина падаетъ на женщинъ. Слѣдствіемъ такого подозрѣнія бываютъ, вообще, отчужденіе, ненависть, мщеніе, худые толки, пересуды. Такая новость для знахарей, есть золотой кладъ. Людей, прибѣгающихъ за совѣтомъ, они предостерегаютъ отъ бѣдъ, ихъ ожидающихъ, увѣряя, что они сами видѣли, какъ новая вѣдьма хочетъ известь всю деревню. Распуская такіе слухи, знахари каждый вечеръ, принимаютъ посѣтителей съ поклонами, съ подарками и просьбою защитить ихъ отъ вѣдьмы. Знахарь, собравши со всей деревни припасы, идетъ въ поле, скапываетъ круги съ земли и тѣмъ дѣло оканчивается.

---

*) Абевега.

**) Сказ. Русск. народа. Сахарова. Томъ I. Изданіе третье 1841 г.

Пѣсни вѣдьмъ. Въ сказаніяхъ Сахарова помѣщены слѣдующія пѣсни вѣдьмъ, которыя онѣ поютъ при полетѣ на шабашъ къ Лысой горѣ. Эта *абракадабра.* Въ демонологіи она имѣетъ слѣдующую форму:

а
а б
а б р
а б р а
а б р а к
а б р а к а
а б р а к а д
а б р а к а д а
а б р а к а д а б
а б р а к а д а б р
а б р а к а д а б р а
а б р а к а д а б р
а б р а к а д а б
а б р а к а д а
а б р а к а д
а б р а к а
а б р а к
а б р а
а б р
а б
а

Въ народѣ существуетъ такое понятіе, что будто бы при каждомъ звукѣ вылетаетъ по одному духу изъ ада. Говорятъ также, что абракадаброю лечатъ отъ лихорадки. Слого абракадабра давно извѣстно въ Европѣ и Азіи. Еврейскіе магики вмѣсто слова *абракадабра* принимали слово *абракаданъ.* Одни производили это слово отъ Сирійскаго идола, другіе отъ персидскаго *авраксаксъ*, означающаго бога солнца—Митру, нѣкоторые составляли изъ расположенія словъ числа 1, 2, 100, 1, 60, 1,200, что составляетъ 365, число дней солнечнаго года.

Въ заповѣдныхъ преданіяхъ поселянъ есть повѣрье, что какой то казакъ забравшись на Лысую гору подслушалъ пѣсню

вѣдьмъ; на шабашное сборище, узнавши объ открытіи, утопило казака въ рѣкѣ. Съ тѣхъ поръ эта пѣсня гуляетъ по бѣлому свѣту и передается чародѣями только вѣдьмамъ. Нѣтъ никакой возможности постигнуть смыслъ этихъ словъ: вотъ они:

Кумара.

Нихъ, нихъ, запаламъ, бада,
Эшехомо, лаваса, шиббода.

Кумага.

А. а. а. — о. о. о. — і. і. і. — э. э. э.
у. у. у. — е. е. е.
Ла, ла, собъ, лі, лі собъ, лу лу собъ!

Жунжанъ.

Вихада, ксара, гуятунъ, гуятунъ
Лифа пррадда, гуятунъ, гуятунъ.
Наппалимъ, ваишба, бухтара.
Мазитанъ, руаханъ, гуятунъ.

Жунжанъ.

Яндра, кулайнеми, яндра,
Яндра *).

ДОМОВЫЕ.

Происхожденіе домовыхъ **). Богъ, при столпотвореніи Вавилонскомъ наказалъ народъ, дерзнувшій проникнуть тайну его величія, смѣшеніемъ языковъ; а главныхъ изъ нихъ, лишивъ образа и подобія своего, опредѣлилъ на вѣчныя времена сторожить воды, лѣса, горы и пр. Кто въ моментъ наказанія находился въ домѣ, сдѣлался—домовымъ, въ горахъ—горнымъ духомъ, въ лѣсу—лѣсовикомъ. Повѣрье прибавляетъ, что не-

---

*) Пѣсни вѣдьмъ на неизвѣстномъ языкѣ, можетъ быть даже на небываломъ, можно читать въ Сказ. Русск. Нар. Сахарова. Можно ли вѣрить тому что онѣ заимствованы отъ какого нибудь народа?

**) Въ Воронежс. губ.

смотря на силу грѣха, раскаяніе можетъ обратить ихъ въ первобытное состояніе, поэтому народъ видитъ въ этихъ безтѣлесныхъ существахъ, падшихъ людей и придаетъ имъ человѣческія формы и свойства. У Вотяковъ домовой называется— *албастъ*.

По общимъ понятіямъ, домовой представляетъ духъ безкрылый, безтѣлесный и безрогій, который живетъ въ каждомъ домѣ, въ каждомъ семействѣ. Отъ сатаны онъ отличается тѣмъ, что не дѣлаетъ зла, а только шутитъ иногда, даже оказываетъ услуги, если любитъ хозяина, или хозяйку. Онъ предъ кончиною кого нибудь въ семействѣ, воетъ, иногда даже показывается кому нибудь изъ семейства, производитъ стукъ, хлопаніе дверями и пр. По общему повѣрью, живетъ онъ по зимамъ близь печки, или на печи, а если у хозяина есть лошади и конюшня, то помѣщается близь лошадей. Если лошадь ему нравится, то домовой холитъ ее, заплетаетъ гриву и хвостъ, даетъ ей корма, отъ чего лошадь добрѣетъ, и напротивъ, когда ему животное не по нраву, то онъ ее мучаетъ и часто заколачиваетъ до смерти, подбиваетъ подъ ясли и пр. Отъ этого мнѣнія многіе хозяева покупаютъ лошадей той масти, которая *ко двору*, то есть любима домовымъ.

Если домовой полюбилъ домашнихъ, то онъ предупреждаетъ въ несчастіи, караулитъ домъ и дворъ; въ противномъ же случаѣ, онъ бьетъ и колотитъ посуду, кричитъ, топаетъ и пр.

Тому, кого любитъ, завиваетъ волосы и бороды въ косы, а кого не любитъ, то ночью щиплетъ до синяковъ. По этимъ синякамъ судятъ, о какой нибудь непріятности особенно, если синякъ больно. Также наваливается во время ночи на спящаго и давитъ его, такъ, что въ это время нельзя ни пошевелиться, ни сказать слова. Обыкновенно эта *стѣнь* наваливается на того, кто спитъ на спинѣ, въ это время спрашиваютъ, къ худу или къ добру, а домовой отвѣчаетъ мрачнымъ голосомъ— „да“ или „нѣтъ“.

Говорятъ, что онъ не любитъ зеркалъ, также козловъ, а равно тѣхъ, кто спитъ близь порога, или подъ порогомъ. Иногда слышатъ, какъ онъ, сидя на хозяйскомъ мѣстѣ занимается хозяйской работой, между тѣмъ, какъ повидимому ничего этого не видно. Особенно любитъ домовой жить въ ба-

няхъ и париться, а также въ ригахъ и въ другихъ теплыхъ мѣстахъ, тоже его слышатъ и въ театрахъ.

Въ простомъ народѣ къ домовому питаютъ уваженіе, такъ что мужичекъ боится его чѣмъ либо оскорбить и даже остерегается произнести его имя безъ цѣли. Въ разговорахъ не называютъ его домовымъ, а *„дѣдушкой, хозяиномъ, набольшимъ* или *самимъ“*. При переходѣ, или переѣздѣ изъ дома въ другой, непремѣнною обязанностью считаютъ въ послѣднюю ночь, предъ выходомъ изъ стараго дома, съ хлѣбомъ-солью просить домоваго на новое мѣсто. Хозяйство каждаго, по ихъ мнѣнію, находится подъ вліяніемъ домоваго. Говорятъ, что домовой не любитъ лѣнивыхъ, особенно вѣтренныя мельницы.

Если домовой не будетъ любить хозяина, то онъ начинаетъ проказить; въ этомъ случаѣ предъ порогомъ дома зарываютъ въ землю черепъ, или голову козла. Вотяки называютъ домоваго *Албастъ* или *Коболтъ* и вѣрятъ, что домовой живетъ въ старыхъ домахъ, которые они сжигаютъ.

Водяные.

Водяной, водяникъ, живетъ въ водѣ, откуда онъ выходитъ рѣдко; его любимымъ мѣстомъ рѣчные омуты, да притомъ близь водяныхъ мельницъ. Водяному приписываютъ тоже значеніе, что и домовому, чему служитъ доказательствомъ пословица: *„дѣдушка водяной, начальникъ надъ водой“*. Ему также приписываютъ власть надъ русалками, которыя поэтому не составляютъ самобытнаго божества. Народъ олицетворяетъ водянаго старикомъ, постоянно покрытымъ болотною травою. Водяной тоже требуетъ себѣ уваженія. Месть его заключается въ порчѣ мельницъ, въ разгонѣ рыбы, а иногда, говорятъ, онъ посягаетъ и на жизнь человѣка. Ему приписываютъ сома, какъ любимую рыбу, на которой онъ разъѣзжаетъ и которая ему доставляетъ утопленниковъ. За это сома называетъ народъ— чертова лошадь.

Лѣшій.

Лѣсовикъ, лѣшій, олицетворяется сходно съ домовымъ. Власть лѣшаго ограничиваютъ одними лѣсами; а жилищемъ его пред-

полагаютъ густые камыши и лѣсныя трущобы. Лѣшій, какъ и домовой, можетъ явиться къ человѣку въ разныхъ видахъ, но онъ всего чаще показывается дряхлымъ старикомъ. Ему приписываютъ то, что онъ любитъ кричать въ лѣсу, пугая тѣмъ народъ, заводить, и когда шутка удастся, то хохотать и хлопать въ ладоши. Если кого онъ заведетъ въ лѣсу, то народъ думаетъ, что стоитъ только вывернуть всю одежду на изнанку, чтобы выдти изъ лѣсу. Лѣшій, это русскій Фавнъ или Сатиръ. У Вотякъ лѣшій называется *„Алидз“*. Вотяки думаютъ, что онъ имѣетъ одну ногу, и ту на выворотъ, пяткою впередъ, одинъ большой глазъ и также одну пребольшую титьку, которую всунувъ человѣку въ ротъ, его задушиваетъ. У Черемисъ—*Вѣдашь*—покровитель звѣриныхъ промысловъ.

Кикимвры, кикиморы, шишиморы, шишиги.

Такъ называются, по народному суевѣрію, духи низшаго разряда, тоже принадлежащіе къ домашнимъ духамъ.

У древнихъ славянъ, кикимвра была ночное божество сонныхъ мечтаній. Нынѣ кикимрами или кикиморами называютъ некрещенныхъ, или проклятыхъ во младенчествѣ матерями дочерей, которыхъ уносятъ черти, а колдуны сажаютъ ихъ къ кому нибудь въ домъ; кикиморы хотя бываютъ невидимы, но съ хозяевами говорятъ и обыкновенно по ночамъ прядутъ. Онѣ если не дѣлаютъ живущимъ въ домѣ вреда, то производятъ такой шумъ, что пугаютъ и безпокоятъ. Говорятъ, что нѣкоторые плотники и печники, осердясь на того хозяина, который долго не отдаетъ заработанныхъ денегъ, сажаютъ ему кикиморъ въ домѣ, отчего происходитъ такой шумъ и разнаго рода дурачество невидимой силы, что хоть бѣги изъ дома. Но лишь только домохозяинъ расчитается, все прекратится само собою.

Шишиморы, шишиги, это безпокойные духи, которые стараются съозорничать надъ человѣкомъ, въ то время, когда тотъ торопится и что либо дѣлаетъ безъ молитвы. Сюда также относятъ *игошъ*, то-есть безрукаго, безногаго, невидимаго духа, который тоже признается большимъ озорникомъ, кото-

рому нѣкоторые суевѣры клали за столомъ лишнюю ложку и кусокъ хлѣба.

Проклятыя дѣти.

Въ народѣ упорно развито убѣжденіе, что есть особенныя существа, живущія невидимо на землѣ, иногда, впрочемъ, показываются, или могутъ превращаться въ какое либо животное, а также причинять людямъ вредъ. Это дѣти—проклятыя родителями.

Въ самомъ дѣлѣ, уже не говоря о томъ, что суевѣрный страхъ можетъ развивать всякаго рода уродливую фантазію, такъ какъ у страха глаза велики, но, оно расходится съ понятіемъ, что судъ и проклятіе принадлежатъ Богу.

Между тѣмъ въ дѣйствительности у родителей грубыхъ, не имѣющихъ никакого понятія о воспитаніи, часто срываются съ языка слова: „чтобъ тебя чертъ побралъ! будь ты проклятъ!“ или подобную этому брань, и кому же это произносится? дитяти, который, рѣзвясь, поупрямился, или просто мѣшаетъ родителямъ въ ихъ занятіи. Если и простой брани не должно произносить ребенку, а дѣлать внушеніе съ ласкою, то проклятіе уже, конечно, совсѣмъ непозволительно уже по одному христіанскому чувству.

Въ народѣ существуетъ повѣрье, что проклятыя дѣти пропадаютъ, а особенно тѣ изъ нихъ. которыя были рождены и не крещены, или и ходящія, безъ креста. Дѣти, какъ говоритъ повѣрье, уносятся стариками и куда—неизвѣстно. Говорятъ, что этотъ старикъ ихъ поитъ и кормитъ, отпускаетъ гулять, словомъ, заботится, какъ нѣжный отецъ. Но кто этотъ таинственный старикъ, гдѣ воспитываетъ дѣтей—неизвѣстно. Говорятъ, что онъ кормитъ всѣми тѣми явствами, которыя хранятся у христіанъ безъ молитвы, и беретъ будучи невидимымъ; точно также поступаетъ съ бѣльемъ и платьемъ, въ которое одѣваетъ дѣтей.

Легендамъ подобнаго рода можно придать давность отъ временъ язычества. Весьма немудрено думать, что древніе жрецы, скрываясь отъ христіанъ въ лѣсахъ, брали заблудившихся въ лѣсу дѣтей подъ свое покровительство и воспитывали въ духѣ

язычества, чтобы поддержать молодыми свѣжими силами угасающее языческое вѣрованіе.

Вотъ разсказъ одной женщины *), который передаемъ, хотя за достовѣрность его ручаться и не можемъ, а только можемъ судить изъ этого, насколько у насъ въ Россіи жива вѣра въ чудесное, и вѣра въ оборотней и кикиморъ, и какъ эти убѣжденія крѣпко укрѣпились въ народѣ:

„Я была маленькою", разсказывала она, „лѣтъ пяти или шести, когда къ моей теткѣ, въ нашемъ же домѣ, поздно вечеромъ, когда дяди дома не было, постучался какой-то прохожій; тетка уже завернула ноги на палати и хотѣла ложиться спать; я, услыша въ волоковое окно стукъ и, считая что это пріѣхалъ дядя, поспѣшила къ окну и отворила.

— Дай испить кормилица.

— Поди далѣ, тамъ подадутъ, сказала тетка моя въ отвѣтъ на просьбу и приказала затворить окно.

— Ну, попомни же это, голубушка, пригрозилъ прохожій и пошелъ далѣе.

Теткѣ моей было не жалко дать испить, продолжала разскащица, оправдывая поступокъ родственницы, да она боялась потому, что дорога-то наша была столбовая, такъ и частенько таки на ней пошаливали въ старину-то. А оставалась-то она одна съ дѣтьми, даже о ту пору и работники-то въ полѣ заночевали. Дѣло-то было страдное. Мало думая объ угрозѣ прохожаго, тетка уработавшись до сыта, скоро заснула.

На утро другаго дня воротился и дядя. Тетка отворила ворота и онъ въѣхалъ въ нихъ, не слѣзая съ телѣги. Но вотъ что было вдомекъ при этомъ: съ нимъ вмѣстѣ въѣхала во дворъ змѣя, пестрая, красивая, которая въ это время висѣла на ступицѣ и тутъ же пропала, какъ скоро телѣга переѣхала чрезъ отваленную подворотню.

Тетка ахнула, дядя испугался и, схвативъ кнутъ, сталъ бросаться изъ угла въ уголъ, чтобы ее захлестануть; тетка же смотрѣла во всѣ стороны, но змѣя, словно сквозь землю провалилась. Такъ и не нашли змѣю.

---

*) Бывшей крестьянки князя X. изъ одного подмосковнаго села, старушки около 70 лѣтъ, Аграфены Купцовой и по днесь еще здравствующей. *Составитель.*

Съ этой-то поры стали замѣчать въ домѣ что-то странное, говорила старуха, какъ будто что-то невидимое, но живое между нами жило и дѣлаетъ во всемъ помѣху. То горшки, которымъ нужно стоять въ печи, найдутъ подъ печкою, то какая нибудь посуда вывалится изъ рукъ, то вещь какая очутится гдѣ нибудь въ такомъ мѣстѣ, гдѣ ей быть не слѣдуетъ, напримѣръ, лапоть въ горшкѣ со щами. Словомъ, было каждый день по стольку проказъ, што и не выговоришь; между тѣмъ подозрѣвать было некого. Стали съ сосѣдями объ этомъ дѣлѣ думать, да гадать, да и дома матушка съ батюшкой совѣтоваться, говоритъ Купцова. Подумали и рѣшили позвать колдуна изъ одной деревни верстъ за пятнадцать, чтобы онъ дѣло разрѣшилъ, да изъ головы долой. Вѣдь и то: на всѣхъ думно, а кто виноватъ—не знаемъ. Колдунъ пріѣхалъ; а ужъ предъ этимъ накрыли на столъ, поставили на столъ самоваръ, приготовили чай, графинъ настойки; домъ у тетки былъ зажиточный.

Колдунъ былъ старикъ высокій, дородный, одѣтъ въ синемъ халатѣ, въ поярковой шляпѣ; оглядѣлся и сѣлъ въ передній уголъ. Дядя и тетка принялись угощать гостя и просить помочь горю, о которомъ ему ранѣе обо всемъ было разсказано.

— Ничево, ничево!... это дѣло плевое, намъ и не такія дѣла приходилось обламывать, говоритъ колдунъ, а самъ такъ и погоняетъ рюмка за рюмкой въ свою утробу.

Посидѣлъ съ полчаса, а можетъ быть и болѣе, все ничего... только, вдругъ смотрятъ, а на потолкѣ виситъ пара лаптей и мотаются.

— А! пошучиваетъ.... Погоди, погоди!... Вотъ я тебя!... И пропустилъ еще рюмку для храбрости. Потомъ взглянулъ на свою шляпу, а она вся изрѣзана, такъ что на голову надѣть нельзя. Колдунъ вспылилъ и началъ шептать какіе-то наговоры.

Не тутъ-то было. Правда, лапти съ потолка упали на полъ, за то у колдуна оказались сапоги и шаровары на ремешки изрѣзанными.

Колдунъ схватилъ упавшіе съ потолка лапти, выбѣжалъ въ сѣни; тамъ надѣлъ ихъ и опрометью припустился скорымъ шагомъ по улицѣ.

— Что же, кормилецъ? Помоги!

— Нѣтъ, тутъ посильнѣе меня, я не въ силахъ... хвастать нечего... и съ этими словами ушелъ.

Погоревали дядя съ теткой и рѣшились завтра отправиться къ священнику просить его, чтобы онъ отслужилъ въ домѣ молебенъ. Какъ сказано, такъ и сдѣлано.

Съ утра прибрали избу, накрыли столъ скатертью, приготовили что нужно и отправились къ священнику, которому и разсказали все дѣло. Священникъ давно уже слышалъ объ этомъ и тѣмъ съ большею охотою пожелалъ исполнить желаемое, что былъ хорошъ съ семействомъ моего дяди.

Лишь только пришли въ избу священникъ и причтъ въ сопровожденіи дяди и тетки, какъ увидѣли, что на печи стоятъ образа вынутые изъ божницы передняго угла, и предъ ними разставлены горящія восковыя свѣчи.

Вотъ тебѣ и разъ! вскричала тетка сплеснувъ руками.

— Ну что же, замѣтилъ священникъ, на всякомъ мѣстѣ Владычество Его, и началъ молебенъ.

Прошло нѣсколько времени послѣ этого и все стало, какъ будто тише.

Однажды лѣтомъ мы, ребятенки бѣгали по лугу за деревней, какъ вдругъ увидѣли между нами дѣвочку, которая съ мѣсяцъ, не болѣе, умерла. Мы маленькія, что понимали, она съ нами гуляла, играла, и мы ее кликали по прежнему Сашей.

Только я и нѣкоторыя изъ насъ, воротясь домой, разсказали домашнимъ, что видѣли покойную Сашу; а дома большаки и говорятъ:—Сашутка мѣсяцъ, какъ въ могилкѣ, какъ же она къ вамъ играть придетъ; а мы — свое. Вотъ кто-то изъ бабъ и научилъ насъ спросить у дѣвченки, откуда та взялась, когда ее схоронили.

Такъ и было: на другой день опять увидали эту загадочную Сашу. Она опять стала играть съ нами. Мы въ огарыши, и она въ огарыши, мы вѣнки плесть, и она... Саша! да вѣдь ты умерла!... Неужто ты опять изъ земли вышла? спрашиваемъ мы.

— Нѣтъ! Я не умирала... Я Саша, да не та.

— Какая же ты?

— Я та Саша, что живу у Грунпной тетки.

„Я какъ ни была глупа“ говорила разсказщица, „но взяла въ голову:“ какая такая Саша? У меня такой сестры нѣтъ, да

и у нихъ—тоже. Теткины дѣти тоже сказали: „Ну, что ты врешь, у насъ тебя нѣтъ, гдѣ ты у насъ живешь?“

— А я подъ лавкой, а то на печи.

— Ну, нѣтъ, мы не знаемъ.

Распросы съ новой игрой прекратились; только игра кончилась, Саша невѣсть куда пропала... Теткины дѣти по приходѣ въ избу даже стали искать дѣвченку и разумѣется не нашли.

— Саша! да гдѣ же ты? крикнулъ кто-то изъ ребятишекъ.

— „Я здѣсь!“ раздался тоненькій голосокъ гдѣ то въ избѣ, и затѣмъ все кончилось.

Все было пересказано ребятишками дядѣ и теткѣ и они начали серіозно подумывать объ этомъ странномъ событіи; а между тѣмъ тихонько ребятишкамъ наказали хорошенько пораспросить странную дѣвченку, какъ только случится ее видѣть.

Изъ распросовъ дѣтей, родные мои получили такія свѣдѣнія: „Я та самая Саша, сказала дѣвочка, которая постоянно озорничаетъ, я проклятая матерью, меня унесъ дѣдушка и вотъ сюда къ вамъ послалъ, за то, что прохожему хозяйка не дала воды испить; а какъ попала я къ вамъ, вы меня видѣли, о ту пору я змѣей обернулась. А озорничаю я потому, что вы мнѣ ни ѣсть, ни пить не даете; давайте мнѣ помягче спать, ставьте мнѣ подъ лавку поѣсть, а то, вотъ я и обносилась... Дѣвочка своимъ сверстницамъ показала, кой-гдѣ прорѣхи на бѣльѣ, и тетка узнавъ объ этомъ, стала ставить подъ лавку пищу и дѣтское чистое бѣлье класть. Но замѣчательно, что никто изъ большихъ ее не могъ видѣть; какъ только, кто хотѣлъ ее подкараулить, вороватый оборотень тотчасъ превращался въ клубъ пыли, въ клочекъ сѣна, уносился въ сторону и пропадалъ.

Нѣсколько разъ подучали дѣтей, обманомъ выстричь на темени крестомъ волосы, *) но ни креста надѣть, ни на головѣ подстричь.

Однажды, на вопросъ дѣтей:—когда она уйдетъ? та отвѣ-

*) Въ народѣ есть повѣрье, что если такого рода оборотню или кикиморѣ выстричь крестообразно волосы на темени, то онъ дѣлается настоящимъ человѣкомъ, лишившись силы превращенія, и тогда его можно окрестить.

чала: „Я уйду спустя три года послѣ пожара“.—А развѣ будетъ пожаръ? „Да“—Ты зажжешь? „Нѣтъ, такое полѣно попадется,“ отвѣчалъ оборотень.

Пожаръ дѣйствительно былъ, какъ разсказывала Купцова. Много сгорѣло всякаго добра у тетки; только благодаря родственникамъ, наши успѣли скоро построиться. Однажды, кажется о лѣтнемъ Николѣ, тетка послѣ обѣдни, на пути къ дому зашла въ кабакъ, купила полштофъ водки, да кой-какой закуски и пришла къ моей матери, къ свой родной сестрѣ, значитъ.

— Пойдемъ-ка сестрица ко мнѣ, сказала тетка, я и самоварчикъ поставлю, встрѣтимъ по радушному праздникъ.

— Э, полно Горюша! ужъ и такъ на тебя Божье попущеніе, чай лѣтъ семь... Измаялась ты, говоритъ моя матушка.

— Богъ попустилъ за грѣхи, да вѣдь Онъ и милостивъ, сестрица. Мать собралась и пошли обѣ въ новый теткинъ домъ. Что же тамъ: Робята ейные на крыльцѣ возятся да балуются, дома никого ничуть, а на столѣ, какъ въ избу вошли, на чистой скатерти готовъ самоваръ, полштофъ вишневки, закуска теплая, по деревенски, а кто все это уладилъ—никто не знаетъ. Дядя въ это время былъ въ Москвѣ.

Старухи только ахнули и послѣ не узнали, кто такое чудо сдѣлалъ для новоселья. Съ этой поры кончились проказы оборотня—видно, что она, оставляя навсегда пріютъ нашъ, отъ своего усердія сдѣлала угощеніе.

„Лѣтъ десять маялись, говорила разскащица, кажись бы и дѣла все тѣ же и все шло своимъ чередомъ, а вотъ пока эта кикимора въ домѣ жила, такъ и деньги то блыи, какъ то не споры. Наконецъ все пошло послѣ этого, какъ слѣдуетъ.

Оборотни, Варкулаки, Вовкулаки.

Оборотни, у Болгаръ *Варколаки*, или *Полтеники*, у Малороссовъ *Вовкулаки*, въ Россіи въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ *Бука*, у грековъ (*υκνάγτθατοι*) вообще возникли со временъ язычества, а со времени введенія христіанства, вступили въ область демонологіи и сейчасъ существуютъ у всѣхъ европейскихъ народовъ самыя многочисленныя разнообразныя сказки

объ этихъ баснословныхъ существахъ. Оборотней вообще нѣкоторые изображаютъ какими то чудищами, такъ напримѣръ у грековъ—оборотнемъ воображаютъ тощаго колдуна, съ головою осла, и хвостомъ обезьяны *). У нихъ вѣрятъ, что въ мрачныя зимнія ночи оборотни, особливо со дня Рождества Христова до Богоявленія, шляются повсюду, и пугаютъ людей. *Онокентавры*, похожіе на черныхъ альфовъ, по мнѣнію Датчанъ, Норвежцевъ и Шведовъ. Нечистыя твари, это по мнѣнію простаго народа, ни что иное, какъ жиды ослопоклонники, ищущіе Мессіи, съ тѣмъ, чтобы убить его, еще въ колыбели. Послѣ водоосвященія воздухъ очищается отъ этихъ чудищъ, при чемъ они мгновенно исчезаютъ.

У насъ, какъ мы ранѣе сказали, это проклятыя или некрещеныя дѣти. наконецъ вѣдьмы, принимаютъ разные вещественные виды по желанію; но разсказываютъ, что колдуны могутъ обращать и другихъ въ волковъ.

По народнымъ сказаніямъ, такихъ превращеній бываетъ нерѣдко. Вѣрятъ и такимъ сказкамъ, что будто бы цѣлые свадебные поѣзда превращаются въ волковъ. Давно говорятъ, что Марія Мнишекъ, будто бы превратилась въ сороку; но если вѣрить въ такія превращенія, то все же лучше иносказательно. Такъ напримѣръ: если вѣрить, что человѣкъ превращается въ волка, то значитъ, что онъ измѣняется своимъ нравомъ, пріобрѣтаетъ жадность, злобу и превращается въ дерзкаго хищника.

Въ народѣ говорятъ такъ: каждый оборотень, превращенный обаяніемъ колдуна въ волка, имѣетъ полное сознаніе, что онъ человѣкъ, и не пользуется инстинктами животнаго, кромѣ одной внѣшности. При томъ говорятъ, что оборотню очень легко возвратить настоящій человѣческій видъ, если только надѣть на него снятый съ себя поясъ, на которомъ должны быть сдѣланы узлы, при навязываніи которыхъ, нужно сказать каждый разъ: „Господи помилуй„. Говорятъ, будто бы при этомъ шкура спадаетъ и предъ избавителемъ является человѣкъ.

Но вотъ въ чемъ задача: кому пожелается сдѣлать такой опытъ! Это также мудрено, какъ злодѣя возвратить на путь добродѣтели.

---

*) Ср. Taciti. Hist. V. 3, 4.

БАБА-ЯГА.

Подъ этимъ именемъ почитали Славяне адскую богиню изображаемую страшилищемъ сидящимъ въ желѣзной ступѣ, имѣющей желѣзный пестъ. Ей приносили кровавую жертву, думая что она питаетъ ею двухъ своихъ внучекъ, которыхъ ей приписывали и услаждается при этомъ, пролитіемъ крови.

Подъ вліяніемъ христіанства народъ забывалъ своихъ главныхъ боговъ, припоминая только второстепенныхъ и особенно тѣ миѳы, которые имѣютъ олицетворенныя явленія и силы естества, или символы житейскихъ потребностей. Такимъ образомъ баба-яга изъ злой адской богини превратилась въ злую старуху-колдунью, подчасъ людоѣдку, которая живетъ, всегда, гдѣ нибудь въ лѣсу, уединенно, въ избушкѣ на курьихъ ножкахъ. Подобно вѣдьмамъ, она посѣщаетъ шабашъ вѣдьмъ, летаетъ на Лысую гору, но только не на помелѣ, а въ ступѣ и пестомъ слѣдъ заметаетъ, говоритъ грубо; когда дома, то проводитъ большую часть времени, сидя на печи. Злая старуха, какъ человѣкъ хозяйственный, кромѣ ступы и песта, что замѣняло въ старину мельницу, имѣетъ тоже кота. Вообще о бабѣ-ягѣ остались только слѣды въ народныхъ сказкахъ и ея миѳъ сливается съ миѳомъ вѣдьмъ.

Шаманизмъ *).

Шаманы большей частью бываютъ у Якутовъ, Коряковъ, Тунгусовъ, Бурятъ и у всѣхъ сибирскихъ инородцевъ, кромѣ Камчадаловъ, у послѣднихъ каждая старуха и баба и каждый коехчучь считается волхвомъ и толкователемъ. При шаманствѣ камчадалы не одѣваются ни въ особенное для того платье, не бьютъ въ бубны, но нашептываютъ на рыбью шаглу, на сладкую траву, на тоншичь и тѣмъ лечатъ болѣзни, отвращаютъ

*) Сер. Авебега Русс. Суевѣрій. Шаманизмъ отъ санск. слова состраданіе, видоизмѣненіе одной изъ индійскихъ вѣръ, которой придерживаются Самоѣды, Камчадалы, Тунгусы, Бурята и др. Они вѣрятъ въ вышняго Бога и во второстепенныхъ боговъ, а также и въ бѣса, какъ духа злобы.

несчастіе и предвѣщаютъ будущее. Но что они говорятъ, то есть, въ чемъ состоятъ эти наговоры, это содержатъ въ глубокой тайнѣ.

Вызываніе бѣсовъ и гаданіе. Главнымъ образомъ шаманство состоитъ въ томъ, что двѣ бабы садятся въ уголъ и безпрестанно шепчутъ, при чемъ у одной изъ нихъ привязана на ногѣ крапивная нитка, украшенная красною шерстью, и она качаетъ этою ногою. Если эту ногу покажется легко поднимать, то она считаетъ это благополучнымъ знакомъ, а если тяжело, то успѣха не предвидится. Между тѣмъ призываетъ къ себѣ бѣсовъ словами: „гушъ! гушъ!" и скрежещетъ зубами, а какъ явится привидѣніе, то захохотавши, кричитъ: хай! хай! Если привидѣніе чрезъ полчаса пропадаетъ, то она говоритъ: „шики!" то есть—„нѣтъ". Тогда другая ея помощница поощряетъ первую и уговариваетъ не бояться, а прилежно подмѣчать и помнить явленія. Нѣкоторые увѣряютъ, что во время грома и молніи, Билюкай (богъ грома) сходитъ къ шаманкамъ, вселяется въ нихъ, и помогаетъ предсказывать.

Если кому нибудь случится непріятность, неудача въ промыслѣ или тому подобное, то камчадалъ приходитъ къ старухѣ, или даже къ своей женѣ, и та начинаетъ шаманить, то есть разгадывать причину неуспѣха. Важной причиной ставится какое нибудь отступленіе отъ исполненія суевѣрія.

Тогда согрѣшившій, чтобы очистить свой грѣхъ, вырѣзываетъ изъ дерева идольчика и относитъ въ лѣсъ, гдѣ и ставитъ его на дерево.

Шаманки производятъ свои гаданія также и въ праздники, когда грѣхи очищаются; при чемъ шепчутъ, курятъ, махаютъ, отираютъ тоншичемъ, отговариваютъ (отчитываютъ) пришедшихъ въ иступленіе.

Примиреніе ребенка съ бѣсами. Если, у которой нибудь изъ камчадалокъ, родится дитя во время бури или ненастья, то, въ то время, когда дитя будетъ въ состояніи говорить, надъ нимъ ворожатъ или шаманятъ съ цѣлью, примирить его на будущее время съ бѣсами, такимъ образомъ:

Въ жестокую бурю раздѣваютъ ребенка до нага, даютъ въ руки морскую раковину, которую ему, поднявъ къ верху, велятъ съ нею обѣжать вокругъ юрты, балагана и собачьей ко-

нуры, говоря слѣдующія слова, обращаясь къ Белюкаю и къ другимъ врагамъ: „Раковина привыкла не къ прѣсной, а къ соленой водѣ, а вы меня очень мочите и хотите влагою меня погубить; видите, что на мнѣ нѣтъ платья и что я весь дрожу".

По окончаніи этого примиряется съ бѣсами, а въ противномъ случаѣ бываетъ причиною погодъ и ненастья, по мнѣнію камчадаловъ.

Разгадываніе камчадалами сновъ. Камчадалы чрезвычайно любячъ разгадывать сны, такъ, что по утру у нихъ первымъ по видѣніи сна, заключать объ успѣхѣ или неудачѣ предстоящаго труда. О нѣкоторыхъ снахъ, они имѣютъ полное убѣжденіе въ ихъ неизмѣняемости; такъ напримѣръ: Если видятъ на тѣлѣ паразитовъ (извѣстныхъ насѣкомыхъ), то нужно ожидать къ себѣ казаковъ. Очищать желудокъ отъ естественныхъ нечистотъ,—прибытіе гостя изъ камчадаловъ. Спать съ женою—счастье въ промыслѣ.

Кромѣ того камчадалы упражняются въ хиромантіи, (гаданіе по ладони), но свой секретъ никому не говорятъ.

Шаманы у Тунгусовъ. У шамановъ (жрецовъ) этого народа болѣе церемоній при совершеніи гаданій и разныхъ обрядовъ. Когда кто приходитъ спрашивать у чародѣя о какомъ либо дѣлѣ, то прежде всего нужно, чтобы шаману впередъ было заплачена за его трудъ, условленная плата. Потомъ шаманъ надѣваетъ на себя особенный костюмъ, увѣшанный посредствомъ колецъ разными желѣзными и мѣдными кусками, изображеніями птичьихъ, звѣриныхъ и рыбьихъ фигуръ, изъ желѣза и жести; на руки надѣваетъ желѣзныя медвѣжьи рукавицы, но голову нѣчто въ родѣ желѣзнаго шлема съ желѣзными рогами. Потомъ лѣвою рукою, беретъ небольшой барабанъ, и палкою, обтянутой въ шкуру полевой мыши шаманъ, барабанитъ и прыгаетъ накрестъ ногами, причемъ всѣ его побрякушки производятъ нестройные и непріятные звуки. Въ это же время онъ посматриваетъ къ верху въ дымовое отверстіе своей кибитки, безпрестанно кричитъ, барабанитъ, звонитъ, стараясь всѣми силами, чтобы всѣ его привѣски гремѣли какъ можно больше, и до тѣхъ поръ продолжаетъ свое искуство, пока не увидитъ въ вышесказанное отверстіе черной птицы, про которую сказываютъ, что она прилетаетъ и са-

дится на кибитку шамана, во время его пляски. Какъ скоро, онъ увидитъ его птицу, то тотчасъ приходитъ въ безсиліе, внѣ себя падаетъ на землю, и лежитъ въ неподвижномъ положеніи до $1/2$ часа. Придя въ чувство, онъ говоритъ вопросителю отвѣтъ на вопросъ, и тунгусы вѣрятъ шаманамъ, не смотря на то, что птицу видитъ только одинъ жрецъ.

Шаманы у Самоѣдовъ. точно также, развѣ съ нѣкоторыми измѣненіями въ обрядности, предсказываютъ пророческіе отвѣты.

ПРИМѢТЫ И СИМПАТІИ.

Примѣты, повѣрья и симпатіи на Руси возникли не всѣ въ Россіи. Эти суевѣрныя убѣжденія остались издревле, какъ наслѣдство вліявшихъ чѣмъ либо на нашихъ предковъ народами, съ которыми они волей или неволей должны были сближаться и заимствоваться разными обычаями, предразсудками, примѣтами и тому подобнымъ, что конечно и въ наше время существуетъ въ простомъ народѣ, которымъ хотя и простительны нѣкоторыя заблужденія, но непростительно тѣмъ, кто имѣетъ право и возможность вліять на нихъ, и силой святой истины внушать, что эти примѣты и симпатіи остались слѣдами языческаго невѣжества. Еще встарь преслѣдовали такія заблужденія; кто не догадается, что старинныя черныя наши книги, къ которымъ относятся: *Волховникъ*, *Чаровница*, *Мысленикъ*, *Колядница*, *Громникъ*, *Острологъ*, *Остраномія*, или *Звѣздочетіе*, *Путникъ* (кн. о значеніи встрѣчь), *Вороноград* (значеніе полета птицъ), *Шестокрылъ*, *Аристотелевы врата*, *Рафли* и т. п. Всѣ не русскаго происхожденія, такъ напримѣръ: Остраномія, Острологъ — произведеніе запада, *Вороноград* или *птицеволхвованіе*—этрусско-римская авгурія, и прочее. Наконецъ, сколько у насъ до сихъ поръ, сохранилось примѣтъ сходныхъ съ Римскими, напримѣръ, *здравствованіе при чиханіи* (*sternutatio*), *звонъ въ ушахъ* (*tinitus aurium*), *чесотка зубовъ* (*pruritus dentium*), просыпка соли на столѣ и т. п. Все это существуетъ въ нашихъ примѣтахъ и тождественно съ прежними римскими обычаями. О чемъ упоминалъ и Овидій, Плиній, и въ свое время въ харатейныхъ спискахъ пр. Несторъ;

онъ говоритъ слѣдующее: „Нарицающіеся хрестьяне, а погански живуще—друзіи же и зачиханью вѣруютъ. еже бываетъ на здравіе главѣ *).

Дурной глазъ, сглазъ, призоръ очесъ или изурочиваніе. Римляне тоже вѣрили *сглазу*, такъ что было у нихъ особенное божество *Fascinus*, предохранявшее отъ этого даже младенцевъ (*custos infantium*). У тѣхъ изъ нихъ было въ обычаѣ оговариваться и отплевываться, когда кто хвалилъ ихъ дородность, красоту, силу, или другія тѣлесныя качества. У Римлянъ, какъ и у насъ, были тоже *черные* или злые дни. Между повѣрьями нѣмцевъ существуетъ также, между прочимъ, слово *сглазить* или *изурочить*, *beschreien*..

Весьма немудрено, что русскіе пріобрѣли это понятіе о *сглазѣ* и усвоивъ, присоединили ихъ къ своимъ убѣжденіямъ. Теперь въ русскомъ простонародьѣ крѣпко укоренилась вѣра въ *дурной глазъ*. Всѣ родильницы (къ стыду, часто изъ высшаго купеческаго сословія) въ теченіи шести недѣль укрываютъ ребенка отъ посѣтителей и не пускаютъ къ нему никого кромѣ ближайшихъ родныхъ. А если кому нибудь приведется нечаянно увидѣть новорожденнаго и похвалить его красоту, полноту, или здоровье, то нѣжныя суевѣрныя матери, крѣпко боятся за ребенка, боясь дурнаго глаза, видѣвшаго младенца. Но если же ребенокъ заболѣетъ, совершенно отъ другихъ причинъ, то его спрыскиваютъ съ уголька. Въ Испаніи и въ Италіи тоже повѣрье существуетъ: тамъ особенно боятся цыганскаго глаза, такъ, что когда цыганка, взглянетъ на новорожденнаго младенца, то матери, или кормилицы, подсовываютъ ей подъ носъ кукишъ. Черные глаза вообще считаютъ опаснѣе сѣрыхъ, или голубыхъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно пожалуй допускать *и сглазъ* такъ, напримѣръ, если молодой человѣкъ страстно посмотрѣлъ на молодую дѣвушку, которой онъ понравился, а та съ своей стороны отвѣтила томнымъ взоромъ и, если при томъ, вспыхнула, то понятно, что она не могла затаить въ себѣ того чувства, которое проникло вмѣстѣ съ искрою взгляда, заронившеюся въ ея сердце. Были, есть и будутъ эти примѣры; но тутъ сглазъ переработался въ жела-

*) Карамзинъ. Ис. Гос. Росс. томъ II. прим. 113.

ніе любить и принимаетъ уже не волшебный, не враждебный, или ненавистный характеръ, а характеръ вспыхнувшей страсти.

Пожалуй можно *сглазъ* считать магнетизмомъ взора, но сколько намъ доподлинно извѣстно, вліяніе дѣйствія можетъ быть скоротечно и не имѣть дурныхъ послѣдствій, притомъ на магнетизмъ врачеваніе безполезно.

У древнихъ также было убѣжденіе, что глаза имѣютъ большую силу влiять на людей, и преимущественно глазамъ Василиска приписывали обаятельную силу и до того вредную, что люди отъ его взгляда умирали. Это убійственное животное, по описанію, имѣло тѣло дракона и пѣтушиную голову, а затѣмъ крылья. Можно предполагать, что преданье это принадлежитъ къ баснословной древности, провѣрить которую очень трудно. Мы знаемъ одно, что и доказано наукою, были въ допотопномъ періодѣ драконы и крокодилы равно какъ и мамонты громадныхъ размѣровъ, были чудовищныя галеопитеки отсюда понятно, что человѣку, увидѣвшему опасность, некогда было примѣчать подробности чудовища, оставалось только спасаться, или умирать. Крокодилъ очень быстро бѣжитъ, и у насъ принято говорить: „конь летитъ, какъ стрѣла". Можетъ быть это слово—сравненіе. Египтяне, боготворившіе Нилъ, боготворившіе крокодила, оставили на память намъ сказку о крокодилѣ, въ видѣ Василиска, быстро бѣгавшаго, какъ по водѣ такъ и по сушѣ. Василискъ упоминается даже въ одномъ изъ псалмовъ Давида.

Въ наше время, путешествующіе по Индіи говорятъ, что у гремучей змѣи свирѣпъ и обаятеленъ взоръ. По ея смертоносности ужаленія, конечно каждый и неробкій можетъ подвергнуться испугу и можетъ въ этомъ случаѣ оцѣпенѣть, причемъ, устремивъ свой взоръ на животнаго, обнаружитъ испугъ предъ хитрой ядовитой змѣей, чѣмъ она и воспользуется, чтобы ужалить человѣка.

Открытіе вора у Камчадаловъ. Когда будетъ нужно отыскать вора между Камчадалами, тогда убиваютъ, такъ называемаго каменнаго барана и жгутъ его становыя жилы въ присутствіи многочисленнаго собранія и своихъ шамановъ. Они увѣрены, что вору такъ же сведетъ жилы, какъ сводитъ на огнѣ жилы барановъ.

День Благовѣщенія. Суевѣры увѣрены, что въ этотъ день птица гнѣзда не вьетъ, а если завьетъ, то у ней отнимутся крылья, и она будетъ въ силахъ только ходить; а между тѣмъ, если въ этотъ день воръ, что либо украдетъ, то ему будетъ на весь годъ—удача.

Свербеніе бровей. Свербятъ брови—къ пріѣзжему, смотрѣть на потныхъ лошадей, кланяться дорожному, иногда благодарить его за одолженіе.

Булавку давать—не должно, чтобы не раздружиться; а ужъ если нельзя обойтись, то сперва уколоть того въ руку, кому давать приходится.

Волосы и ногти хранить было въ обычаѣ у нѣкоторыхъ суевѣровъ, которые думали, что на томъ свѣтѣ придется за каждый волосокъ отдавать отчетъ. При расчесываніи оставить прядь волосъ не заплетенною, значило—дорога изъ дома.

Водяной воробей. Такъ называется птичка, водящаяся въ Сибири; она питается водяными червями и довольно ловко достаетъ ихъ изъ воды, при чемъ остается совершенно сухою. Есть суевѣрное убѣжденіе, что намазавшись жиромъ этого воробья, или кровью его намазать члены, то они на вѣкъ защищены отъ мороза. Суевѣры считаютъ водянаго воробья, и вообще воробьевъ, проклятою птицею по той причинѣ, что они въ то время, когда Христа распинали, приносили опять ко кресту тѣ гвозди, которые ласточки у Римлянъ уносили; вслѣдствіе будто бы этого событія воробьи имѣютъ на ногахъ невидимыя оковы и не могутъ шагать, а прыгаютъ.

Воронъ—предсказатель. Если воронъ сядетъ на куполъ или колокольню храма, въ той церкви будетъ отпѣваться покойникъ, тоже и въ томъ домѣ, кто либо умретъ, на кровлѣ котораго сядетъ и прокаркаетъ воронъ.

Воскъ изъ дому выносить самому не должно, такъ какъ какъ это убыль пчеловодству.

Противъ заговореннаго отъ пули. Заговореннаго отъ пули, по народному повѣрью, можно убить серебрянной или золотою пулею; но также можно облѣплять пулю воскомъ, и стрѣлять; тогда тоже чародѣй противъ ея силы своей противупоставить не можетъ.

Оспа и борьба съ нею. Въ старину Сибирскіе инородцы

считали оспу не за болѣзненную эпидемію, а за враждебнаго духа, который наслаждается мученьемъ и потомъ, питается ихъ тѣлами. Разсчитывая этого духа умилостивить, приносили ему въ жертву скотину, взамѣнъ человѣка. Остяки, Тунгусы и Якуты, надѣятся обмануть демона оспы, они зажигали накладенный на щеки и на носъ трута, чтобы сдѣлались отъ того на лицѣ ямы, какъ рябины, въ томъ мнѣніи, чтобы духъ оспы думалъ, что уже на этомъ человѣкѣ оспа была. Кромѣ того, инородцы во время эпидеміи оспенной удаляются въ густые лѣса, желая спрятаться и оставляютъ свои дома пустыми. Мало того, они не выѣзжаютъ ни на опушку лѣса, ни на дорогу. Затѣмъ, укрѣпляются засѣкою, а зимою — снѣжными валами и устраиваютъ самострѣлы, какіе бываютъ на лосей или оленей. Русскіе старовѣры и по сіе время, прививаніе оспы считали антихристовою печатью, и чтобы избѣжать оспопрививанія прятали дѣтей отъ оспопрививателей подъ печь и въ подполье.

Встрѣча. У насъ на Руси существуетъ и по сіе время у суевѣровъ повѣрье, что если встрѣтятся: попъ, монахиня, монахъ, женщина, дѣвица, свинья, или лысая лошадь, то въ предпринятомъ пути успѣха не будетъ. А когда же кто встрѣтится съ полными ведрами, или съ ушатомъ воды, то—успѣхъ въ намѣреніи.

Браниться въ Егорьевъ день—не совѣтуютъ потому повѣрью, что того убьетъ громомъ.

Глаза свербятъ, или зудъ подъ глазами, значитъ въ тотъ день—плакать.

Голубь въ окно влетитъ — быть пожару, или кому нибудь умереть; иногда быть вѣстямъ.

Беззвѣздныя ночи. Если на Рождество Христово и Богоявленіе, не будутъ видимы на небѣ звѣзды, то, по понятію простаго народа, на этотъ годъ сѣять гороха не нужно, по предвѣстію плохаго урожая; напротивъ того, если ночи звѣздныя, то нужно.

Громовая стрѣла. Въ первой части было нами упомянуто, что простой народъ еще и до сихъ поръ увѣренъ, что когда слышатъ раскаты грома, значитъ, то ѣдетъ Илья пророкъ, на огненной колесницѣ и убиваетъ діавола, который въ то время укрывается, обращаясь при этомъ въ разные виды, а особливо

во младенцевъ, проситъ у людей укрыться; но ежели бы демонъ и за Икону Божію спрятался, то образъ пощаженъ не будетъ. Громовая стрѣла, убивъ дьявола, уходитъ въ землю и тамъ пролежавъ три года скрытно, потомъ объявляется въ видѣ продолговатаго пальцеобразнаго кремня. Его употребляютъ въ случаѣ колотья, окачиваютъ его водою, и этою водою обливаютъ больнаго. Пожилые простолюдины, вѣрятъ, что кто всегда ѣстъ гнилой хлѣбъ, тотъ не будетъ бояться грому. Услышавъ же первый разъ по зимѣ громъ, дѣвушки умываются съ серебра, надѣясь получить красоту, бѣлизну тѣла и здоровья.

Дождь. Кто въ дождь выѣдетъ—предвѣстье благополучной дороги, какъ и во всякомъ предпріятіи.

Дока. Мастеръ своего дѣла. Знахарь, цѣлящій болѣзни и выгоняющій порчу.

Дорога. Въ старину не совѣтовали выѣзжать въ понедѣльникъ: неудача въ поѣздкѣ; и когда заяцъ, дорогу перебѣжитъ. Ежели кто желаетъ скорѣе видѣться съ отъѣзжающимъ въ дорогу, тотъ, возвратясь къ порогу, долженъ оглянуться въ слѣдъ отъѣзжающему лицу.

Желѣзница или *Бѣшенка* рыба, водящаяся въ Волгѣ въ огромномъ количествѣ, считается опасною, будто бы поѣсть ее, то сойдешь съ ума, а потому ее бросаютъ обратно въ воду, или отдаютъ Мордвѣ и Чувашѣ, которые ѣдятъ и съ ума не сходятъ. Почему это?

Примѣта о посѣвѣ по жукамъ. Нѣкоторые весною ловятъ жуковъ и примѣчаютъ: ежели у него на переднихъ ногахъ болѣе зародышей, то должно въ лѣто сѣять ранѣе, и тотъ сѣвъ будетъ лучше; ежели на середнихъ, то должно сѣять въ среднюю пору, а ежели на заднихъ, то поздній сѣвъ будетъ выгоднѣе.

Почему должно работать на заговѣнье. Такъ какъ старухи будто бы увѣряли, что можно получить заусеницы, или ногтоѣду.

Примѣта надъ замками. Суевѣрныя старухи кладутъ подъ порогъ передъ приходомъ отъ вѣнца молодыхъ, незапертые замки, а потомъ, когда тѣ перешагнутъ, защелкиваютъ ихъ, ключь же бросаютъ въ воду, или въ колодезь, съ тѣмъ убѣжденіемъ, чтобы мужу съ женою жить согласно. Тоже дѣлаютъ при пер-

вомъ пріѣздѣ жениха въ домъ невѣсты, чтобы свадьба была успѣшнѣе и выгодный женихъ не отказался.

Задушеніе младенца на постели. Часто и теперь случается, что безпечныя, хмѣльныя а иногда уработавшіяся до устанка и дремоты женщины, лежа на постели, *засыпали* грудныхъ младенцевъ до смерти, придавивъ ихъ всѣмъ тѣломъ. Въ народѣ по этому давно распространилось, откуда неизвѣстно, повѣрье, что кромѣ непростительнаго грѣха для матери, ребенокъ не наслѣдуетъ небеснаго царствія. Разумѣется это приводило неутѣшную мать въ страшную печаль. Для искупленія младенца, будто бы, нужно было провести матери три ночи въ храмѣ и молиться, стоя въ начерченномъ кругу рукою священника, разумѣется, испытывая всѣ ужасы отъ нашествія злыхъ духовъ.

Зеркало держать въ комнатѣ, грѣхъ, по увѣренію староверовъ, потому что оно дано дьяволомъ и доказываютъ слѣдующей легендой:

Какой-то старецъ, спасаясь въ пустынѣ, прочелъ слѣдующія слова: „Просите и дастся вамъ". Пустынникъ усумнился, и желая удостовѣриться, что все ли получить можетъ, чего захочетъ, пошелъ къ какому-то царю просить руки его дочери. Царь, почудясь такому требованію, сказалъ о томъ своей дочери, которая тоже подивилась не мало и потомъ сказала: „Такъ какъ это дѣло необыкновенное и чрезвычайное, то должно, чтобы старецъ, если хочетъ жениться на мнѣ, оказалъ бы мнѣ чрезвычайную услугу и принесъ бы въ подарокъ такую вещь, въ которой бы я всю себя видѣть могла". Это желаніе было высказано царевною еще въ то время, когда зеркала не были выдуманы. Монахъ, узнавъ отъ царя такое требованіе, пошелъ искать такой вещи. Долго ходилъ онъ по лѣсамъ, наконецъ вступилъ въ пустыню, никѣмъ необитаемую. „Посидѣвъ въ ней нѣсколько времени, онъ начинаетъ слышать стонъ. Старецъ окликнулъ и получилъ въ отвѣтъ: „Почтенный старче! сжалься на мое страданіе, ибо я уже нѣсколько лѣтъ заключенъ въ этомъ рукомойникѣ, выпусти меня изъ этой темницы, въ которую заключилъ меня тоже одинъ старецъ, и я тебѣ за это услужу, чѣмъ пожелаешь". Старецъ, прежде, чѣмъ освободить изъ рукомойника заключеннаго, сталъ требовать отъ него вознагражденія тою вещью, которой требовала отъ него ца-

ревна чрезъ царя. Заключенный обѣщалъ, и старецъ, снявъ съ рукомойника крестъ, выпустилъ черта. Дьяволъ въ скоромъ времени принесъ къ нему зеркало, которому старецъ, взявъ въ руки, чрезвычайно подивился, но когда, увидѣлъ въ немъ себя съ морщинами, сѣдинами, дряхлаго и слабаго, отложилъ навсегда намѣреніе жениться. Однако зеркало снесъ къ царю и тутъ же, отказавшись отъ своего слова, сталъ молиться о своемъ прегрѣшеніи въ томъ, что возъимѣлъ сомнѣніе противу священнаго писанія. И такъ, какъ зеркало доставлено впервые старцу дьяволомъ, то самые крѣпкіе старовѣры долгое время не имѣли въ своихъ домахъ зеркалъ.

Огненные змѣи. Воздушный метеоръ, который часто видимъ несущимся по воздуху въ видѣ длинной и широкой ленты изъ красноватыхъ искръ, летящей, или наклонно, или горизонтально. Русскіе люди считаютъ его злымъ духомъ или огненнымъ змѣемъ, посѣщающимъ въ вечернее, или ночное время вдову, или дѣвицу, скучающихъ одинокой жизнью, послѣ недавней потери мужа, или друга жизни, и нерѣдко носящимъ къ нимъ золото. Онъ является къ нимъ всегда принимая видъ любимаго человѣка, котораго онѣ потеряли, и обаяніе, говорятъ, было такъ сильно, что онѣ свыкались съ той мыслью, что онъ дѣйствительно живъ, а не умеръ. Потомъ лица, которыхъ посѣщалъ этотъ змѣй, худѣли и, сойдя съ ума, нерѣдко, будто бы, кончали съ жизнью самоубійствомъ. Отъ того добрые и набожные, видя этотъ метеоръ, всегда кричали: „аминь, аминь, разсыпься!"

Въ народѣ существуетъ такое убѣжденіе, что посѣтителя, какъ духа, не видятъ и не слышатъ, между тѣмъ, какъ обольщенная злымъ змѣемъ дѣвушка, или женщина, слышно какъ разговариваетъ съ нимъ. По ея разговору съ невидимкою, заключаютъ, что она говоритъ съ змѣемъ, или съ дьяволомъ, не иначе. Стараются уговаривать ее, призываютъ почтенныхъ людей, священниковъ, молебствуютъ и прочее, пока на нее, не подѣйствуетъ сила убѣжденія и молитвы; потомъ даютъ ей крестъ тѣльный на тесьмѣ, совѣтуя его тихонько надѣть на опаснаго посѣтителя. Если она послушается, то хотя и не успѣетъ надѣть, но въ три, въ четыре, въ пять разъ повторенія этой попытки, демонъ ее оставитъ и страдающая этой галлюцинаціей поправится.

Икать тяжело — быть обругану, легко — помянулъ кто нибудь.

Имя дать новорожденному. Въ старину бѣгали за ворота и спрашивали перваго встрѣчнаго, или встрѣчную, смотря по полу ребенка, и какъ встрѣчному лицу было имя, такое давали и новорожденному, вѣря, что дитя будетъ отъ того имѣть счастливую будущность. Тоже до нѣкотораго времени скрывали данное имя младенцу, замѣняя его ложнымъ чьимъ либо именемъ, чтобы колдунъ не испортилъ, или не превратилъ въ оборотня.

Имянины праздновать. Въ старину, когда имянинникъ садился за столъ, давали ему пирогъ съ кашею и разламывали его надъ головою имянинника, чѣмъ на него болѣе сыпалось каши, тѣмъ считалась жизнь его счастливѣе въ теченіи года. Въ этотъ день необходимо нужно что либо разбить и, если посуды никто не разбивалъ, то нужно было нарочно разбить хоть рюмку. Въ старину, въ Москвѣ, былъ обычай со стороны имянинника посылать утромъ своимъ знакомымъ по сгибню.

Каша. Когда варившаяся въ печи каша поднимется выше краевъ горшка и будетъ имѣть наклонность назадъ печи, то это былъ суевѣрнымъ признакомъ счастья и изобилія, а когда въ устье печи,—потерю, уронъ, раззореніе дому.

Комета и ея значеніе въ народѣ. Явившаяся и проходящая комета, а особливо съ хвостомъ, въ простомъ народѣ имѣетъ общественное несчастіе, то-есть моръ, голодъ, или войну и т. п. Въ иностранныхъ же государствахъ приписывали движеніе такихъ небесныхъ тѣлъ—несчастію одного ихъ государствъ. Въ 837 году, отъ Рождества Христова, явившаяся комета навела несказанный ужасъ на Людовика Кроткаго. Этотъ суевѣрный государь прибѣгнулъ къ астрономамъ, закладывалъ монастыри и умеръ два года спустя, послѣ того отъ страха при видѣ полнаго солнечнаго затмѣнія. Въ 1264 году, историки того времени, явившуюся комету, приняли за предзнаменованіе смерти Папы Урбана IV. Въ 1456 году, явившуюся комету Папа Каллистъ велѣлъ проклинать особо сочиненною молитвою, а также и Турокъ, которыхъ завоеванія такъ устрашали его. Въ 1686 году, бывшую комету почитали за предзнаменованіе подобныхъ печальныхъ происшествій. Вотъ

какимъ суевѣріемъ и старинные европейскіе лѣтописцы были преисполнены.

Чудо отъ коровы въ Казани *). Это было предъ взятіемъ его и повѣствуется такъ: „Родися отъ коровы дѣтище чело-„вѣческимъ образомъ, его же видѣши татарове и снидошася „мнози видѣти его, и внезапу дѣтище перемѣнися въ совер-„шенна мужа возрастомъ и яко вооруженъ видяшеся и глаго-„лаше зрящимъ на него, паденіе Казани; и совѣщаша татарове „убити его, и абіе невидимъ бысть“.

Кошка. Есть одна домашняя примѣта. Когда кошка моется къ себѣ лапкой—быть гостямъ, а когда спитъ рыльцемъ подъ брюхо—къ непогодѣ или къ холоду.

Кузнечикъ куетъ. Когда онъ заберется въ жилые покои, будетъ трещать, то значитъ, по народному повѣрью, выживаетъ хозяевъ изъ дома. Въ столичныхъ баняхъ они хотя и полные хозяева, а не выживаютъ хозяевъ, а про деревенскія и говорить нечего, тамъ ихъ зимою десятки, не только въ баняхъ, а и по избамъ.

Курица пѣтухомъ поетъ — не къ добру; тогда суевѣрные хозяева свертываютъ ей голову и бросаютъ чрезъ порогъ, приговаривая: „на свою голову, не пой курица пѣтухомъ“. Отсюда даже возникла пословица: „*Не пой курица пѣтухомъ, не бранись баба съ мужикомъ*“.

Отламывать лишній кусокъ хлѣба, когда есть недоѣденный кусокъ, означаетъ, по примѣтамъ старожиловъ, что кто нибудь изъ родныхъ того человѣка голоденъ.

Ладонка. Въ предохраненіе отъ колдовства и сглаза подвязываютъ на томъ же шнуркѣ, вмѣстѣ со крестомъ сумочку съ ладономъ. А тѣ, кто родился въ сорочкѣ, носятъ ее до смерти.

Ладонь чешется — по мнѣнію суевѣровъ, — въ тотъ день деньги считать. Если правая—получать, а лѣвая—отдавать.

Ласточка. Есть примѣта, что если кто убьетъ ласточку (которая признается хозяйкою, домахою, домовиткою), или также голубя, синичку, пиголицу, то тотъ не будетъ счастья имѣть въ скотоводствѣ. Тоже толкуютъ, что если ласточка

---

*) Смот. Абевега русскихъ суевѣрій—1786 г., стран. 226.

нечаянно подлетитъ подъ корову, то у той коровы будетъ кровавое молоко *).

Лихоманка, лихорадка. Простой народъ, лихорадкѣ, преимущественно происходящей отъ сильной простуды, которая по своей прикосновенности съ нервами производитъ ознобъ, бредъ, а также по ея, разновидности, раздѣляетъ ее на двѣнадцать дочерей Иродовыхъ и даетъ имъ слѣдующія названія: *Трясовица*, *Огневица*, *Знобѣя*, *Пералея*, *Горькуша*, *Крикуша*, *Чернетѣя*, *Пухлея*, *Желтѣя*, *Дряхлѣя*, *Дремлѣя*... (двѣнадцатая не разобрана). Въ другомъ заговорѣ читаемъ слѣдующія ихъ имена: *Гнѣтица*, *Плетѣя*, *Месора*. *Шатая*. *Черная*, *Тѣнная*, *Дида*, *Лада*, *Омуга*, *Утѣха*, *Персанда*. Въ третьемъ заговорѣ противъ лихорадки читаемъ названія этихъ 12 сестеръ лихорадокъ, чисто по свойствамъ простуды раздѣленнымъ: *Зеленая*, *Желтая*, *Внутренняя*, *Дутая*, *Водяная*, *Студеная*. *Огненная*, *Знобительная*, *Животная*, *Костоломная*. *Гнѣтуха спящая*, *Калимуха* или *Камуха*. Какъ бы имъ названія не были даны, но крѣпко въ народѣ повѣрье, что лихорадка существуетъ въ различныхъ видахъ и формахъ, одолѣваетъ человѣка при самыхъ разнообразныхъ случаяхъ, упорно преслѣдуетъ и держится въ немъ, противодѣйствуя лѣкарствамъ. И могучая фантазія русскаго человѣка, вдохновеннаго самою природою, создала новый миѳъ, это двѣнадцать сестрицъ лихорадокъ, страшныхъ, какъ Мегеръ бичующихъ грѣшныхъ въ аду, которые мучаютъ русскихъ бѣдныхъ людей; противъ ихъ есть и лѣкарства, есть и заговоры. Народъ такъ воображаетъ **). Лихорадки крылаты, ихъ земля держитъ въ своихъ челюстяхъ на цѣпяхъ, какъ ненавистницъ человѣческаго рода; но когда ихъ спускаютъ, то эти дѣвы безъ милости нападаютъ на людей. Онѣ столь вредны, что когда имъ много дѣла, то онѣ однимъ мечтательнымъ поцѣлуемъ причиняютъ трясовицу и обитаютъ въ одержимыхъ лихорадками; и счастливъ тотъ, къ кому прикоснется лихорадка въ то время, когда и безъ того много

---

*) Какъ извѣстно ласточка, бойко летая, ловитъ маленькихъ насѣкомыхъ. Можетъ быть когда нибудь поймала на вымѣ коровы муху и острымъ носикомъ повредила вымя, вотъ и пошла примѣта.

**) См. Абевега Русс. Суевѣрій. 1786 г., стран. 230.

больныхъ, такъ какъ онѣ, будучи заняты дѣломъ и перелетая отъ одного къ другому, не поспѣваютъ трясти безостановочно, а даютъ время отдохнуть болящимъ; вотъ этими недосугами и объясняетъ народная фантазія, лихорадки перемежающіяся. Далѣе говорится, что сестрицы эти по деликатности сложенія и нѣжности восточнаго происхожденія, слишкомъ брезгливы: онѣ боятся собачьихъ удавокъ, свиныхъ гнѣздъ, блохъ, если кто съѣстъ не за знать въ хлѣбѣ, абракадабры (пѣсни вѣдьмъ) и т. п. заговоровъ (см. ниже). Сибиряки, страдающіе лихорадкою, предъ приходомъ ея (когда она перемежающаяся), зачерниваютъ у себя лицо, а иногда и все тѣло и надѣваютъ на себя чужую гуню, дабы сей злой духъ его не узналъ, или бы испугавшись его, отсталъ.

Локоть чешется—на новомъ мѣстѣ спать.

Лошадь. (разныя примѣты.) Если дорогой распряжется лошадь—въ домѣ нездорово или—жена невѣрна. У Черемисовъ по годовымъ праздникамъ приносятся въ жертву бѣлые кони, послѣ жертвы они мясо ѣдятъ, предварительно очистившись и помывшись. У пожарныхъ командъ есть повѣрье, что если лошади сверхъ ожиданія, повернутъ не въ ту улицу, куда ихъ направляютъ, то значитъ быть въ этой мѣстности пожару; тоже скоро быть близь погорѣвшаго дома пожару, когда кони не стоятъ на мѣстѣ и бьютъ копытами; тоже говорятъ, что быть въ городѣ пожару, когда онѣ въ конюшнѣ не стоятъ смирно. Лошадь любитъ домовой дѣдушка, когда она подъ цвѣтъ волосъ на головѣ и бородѣ хозяина. Лошадь боится ласки, которая сосетъ кровь изъ гривы и головы лошади. Лошадь любитъ козла, который своею вонью и въ тоже время, пользуясь свободой изгоняетъ всѣхъ вредныхъ животныхъ.

Луна. По народному повѣрью луна имѣетъ вліяніе на лунатиковъ (ночеходовъ), на менструацію женщинъ (въ извѣстное время), на ростъ растеній и развитіе цвѣтовъ, на приливы воды въ моряхъ, наконецъ, на перемѣну погоды: Мордва почитаетъ луну нѣкоторымъ божествомъ и, увидя ее въ первый разъ новой, кланяются и просятъ, чтобы она ниспослала имъ во время своего правительства счастіе, только жертвы ей не приносятъ. Кто увидитъ новую луну съ правой стороны, тотъ, по старымъ русскимъ повѣрьямъ, будетъ въ теченіи мѣсяца

получать доходъ. прямо, ни то, ни се, а съ лѣва — расходъ, Также совѣтуютъ при видѣ новой луны держаться за деньги, чтобы цѣлый мѣсяцъ была прибыль.

Лучина. Есть у нѣкоторыхъ изъ простаго народа примѣта, что кто бьетъ домашнихъ или дѣтей лучиною, тому будетъ грѣхъ, потому, что отъ этого можетъ высушить всѣхъ семейныхъ въ домѣ.

Мышь. Мышь укуситъ кого въ домѣ, тому непріятность или несчастіе. Если попортитъ какой нибудь товаръ — къ скорой продажѣ или прибыли. *Летучая мышь.*—Суевѣрные люди носили ихъ въ сушеномъ видѣ за пазухой, ради здоровья или счастья. Или заваривали кипяткомъ и такую воду давали для исцѣленія больнымъ, лежащимъ въ гнетицѣ или въ горячкѣ дѣтямъ.

Лягушка. Уральскіе казаки долго были того убѣжденія, что если во время багренія рыбы на Уралѣ попадется кому лягушка на багоръ, которыя тамъ встрѣчаются очень велики, тому неудастся поймать ни одной рыбы, хотя бы онъ нѣсколько разъ, мѣнялъ и мѣста, и багры. Суевѣры думаютъ, что если имѣть крючекъ и вилочку отъ пары лягушекъ, то можно заставить каждаго по желанію чувствовать къ себѣ любовь или ненависть.

Беременная женщина. Въ старину увѣряли, что беременной женщинѣ непремѣнно нужно было отстранять отъ себя всѣ непріятности и предметы непріятнаго вида, звѣрей, безобразныхъ людей; въ противномъ случаѣ она могла родить ребенка, лицо или образъ котораго могло имѣть большое сходство съ животнымъ, или тѣмъ уродомъ, котораго она часто видѣла, или котораго испугалась.

Такое убѣжденіе было всеобщимъ даже во время ученыхъ Плинія и Галлена, которые увлекшись существующими въ народѣ разсказами, занесли въ своихъ ученыхъ замѣткахъ случаи, изъ которыхъ мы помѣщаемъ два *).

„Я зналъ, говоритъ Галленъ, одного некрасиваго мужчину горбатаго, и довольно похожаго на Езопа. Боясь быть родоначальникомъ такого же уродливаго потомства, онъ приказалъ написать красиваго, хорошо сложеннаго мальчика, и такую кар-

---

*) О заблужденіяхъ и предразсуд. Сальга. Спб. 1856 г.

тину повѣсилъ въ углубленіи кровати такъ, чтобы жена въ извѣстныхъ случаяхъ, могла имѣть его передъ глазами. Ожиданіе супруга увѣнчалось полнымъ успѣхомъ: жена родила красиваго мальчика, совершенно похожаго на портретъ, на который она смотрѣла въ извѣстныхъ случаяхъ".

По словамъ Плинія, одна знакомая ему дама родила слона потому, что во время беременности съ большимъ вниманіемъ смотрѣла на этого животнаго. Другая дама по той же причинѣ разрѣшилась отъ бремени маленькимъ львенкомъ. Въ гельветическихъ хроникахъ Семпта разсказывается, что одна знаменитая римлянка, находившаяся въ тѣсныхъ связяхъ съ папою Мартиномъ IV, будто бы родила сына мохнатаго, какъ волченокъ и съ когтями, какъ у хищнаго звѣря. Объясняется будто бы тѣмъ, что у Папы было много картинъ изображавшихъ различныхъ животныхъ; эти картины и послужили къ рожденію мохнатаго сына. Послѣ этого случая папа приказалъ снять ихъ, боясь, чтобы прекрасная римлянка не произвела затѣмъ цѣлое поколѣніе мохнатыхъ. Сальве опровергая эти басни, между прочимъ всѣмъ вѣрующимъ въ подобныя сказки, совѣтуетъ беременнымъ женщинамъ посѣщать *Французскій Институтъ* и пристально смотрѣть на всѣхъ членовъ ученаго заведенія. Захочетъ ли она, чтобы сынъ ея былъ историкомъ, она можетъ глядѣть на бюстъ Вертота или Сенъ-Реаля. А чтобы онъ былъ геометромъ—на бюстъ Паскаля и такъ далѣе.

Медвѣдь. По народному преданію, медвѣдь былъ прежде человѣкомъ и доказывается тѣмъ, что онъ можетъ ходить на заднихъ лапахъ, и сходные съ человѣческими глаза, что любитъ медъ и водку и пр. А остяки и другіе инородцы особенно медвѣдя уважаютъ, и шкурѣ его отдаютъ большую учтивость; такъ что, если убьютъ медвѣдя, то поютъ предъ трупомъ извинительныя пѣсни ради того убѣжденія, что медвѣдь на томъ свѣтѣ будетъ вмѣстѣ съ ними, то, чтобы тамъ не отомстилъ своему убійцѣ.

Противъ уроковъ младенцевъ. Если кто замѣтитъ матери, что младенецъ ея красивъ, или здоровъ, словомъ—похвалитъ, то суевѣрная мать, чтобы не взяли младенца уроки, облизываетъ ему три раза лицо и каждый разъ сплевываетъ на землю. Тоже дѣлаютъ съ ребенкомъ въ баняхъ.

Суевѣрное разрѣзываніе слѣда. Въ то время, какъ только ребенокъ встанетъ впервые на ножки, мать, или другая женщина схватываетъ ножъ и торопится поскорѣе провести по полу этимъ ножемъ между ступней ребенка, ради того, чтобы разрѣшить нехожденіе и разрѣзать невидимые путы. Но эта опасная поспѣшность часто сопровождалась порѣзомъ пальцевъ ребенку.

Молчаніе. Когда въ компаніи вдругъ всѣ замолчатъ, то говорятъ, что въ это время пролетѣлъ ангелъ. Также говорятъ, что если кто, сидя въ компаніи, вдругъ положитъ ногу на ногу, то послѣдуетъ молчаніе.

Кому изъ святыхъ, когда нужно молиться въ разныхъ случаяхъ. Въ особенныхъ случаяхъ и въ нуждахъ простой народъ обращается спеціально къ разнымъ угодникамъ: напр. о избавленіи отъ чумы и эпидиміи иконѣ Боголюбской Б. М.—отъ зубной боли—св. Антипію, какъ зубному исцѣлителю; отъ вора и обидчика—Іоанну войственнику; для спорости въ наукѣ, или при начатіи грамоты—Космѣ и Даміану; отъ головной болѣзни — Іоанну Предтечѣ. Отъ лихорадки есть много молитвъ (см. заговоры). О лошадяхъ молятся Фролу и Лавру. Объ овцахъ—св. Анастасіи, о сновидѣніяхъ и о снѣ—св. девяти Мученикамъ, о разрѣшеніи отъ трудныхъ родовъ—св. Анастасіи узоразрѣшительницѣ; о совѣтѣ и любви между мужемъ и женою—св. Евангелистамъ; о исцѣленіи больнаго—образу Всѣхъ Скорбящихъ; на морѣ отъ бури—св. Николаю Чудотворцу: о благополучной ловлѣ рыбы св. Ап. Петру; о коровахъ — св. Власію: о скотѣ—св. Георгію Побѣдоносцу; о бездождіи—св. Ильѣ пророку; о свиньяхъ—сь. Василію Великому; о пчелахъ—свв. Зосимѣ и Савватію; о курахъ—св. Сергію; о гусяхъ—св. Никитѣ мученику; объ укрощенія гнѣва въ человѣкѣ—св. пророку и царю Давиду.

Мухоморъ и его дѣйствіе. Мухоморъ, какъ извѣстно, ядовитый грибъ, годный только для уничтоженія мухъ, когда его истолочь, или изрѣзать, полить патокою и поставить въ комнатѣ, при томъ съ открытыми окнами, иначе вредный газъ можетъ принести сильную одуряющую головную боль. Но у Камчадаловъ мухоморъ считается богомъ пьянства и начальникомъ ядовитыхъ зелій и употребляютъ его въ водкѣ для питья на-

стоеннымъ. На камчадаловъ этотъ напитокъ, какъ и на ихъ шамановъ, производитъ одуряющее дѣйствіе, на кого веселящее, на кого пасмурное; вообще представляются при этомъ привидѣнія и призраки. Въ моментъ наркотическаго вліянія мухомора, камчадаламъ, какъ и отъ бѣлены, скважины представляются большими проходами, соломина—бревномъ, лужа воды—озеромъ. Мысли тоже бываютъ самыя разнообразныя въ это время, смотря по дозѣ употребленія этого напитка; въ малыхъ пріемахъ онъ дѣйствуетъ, какъ пріемъ хашиша или опіума, располагаетъ къ веселости, смѣху, дѣлаетъ человѣка отважнымъ; но безъ умѣренности—напитокъ этотъ располагаетъ камчадаловъ на самоубійство, такъ, что было множество примѣровъ, что они давились, или топились. За ними на ихъ оргіяхъ всегда большой надзоръ.

Насѣдку сажать—нужно класть подъ нее яица изъ шапки, или изъ шубы, вообще изъ мѣховой вещи, чтобы было приплода больше *).

Несчастнаго въ домѣ не держать. Въ народѣ есть повѣрье, что несчастному ни въ чемъ, какъ самому не спорится, такъ равно онъ и въ постороннемъ семействѣ водворяетъ несчастіе. Несмотря на состраданіе къ бѣдственному положенію суевѣрные удаляютъ его отъ себя, а между тѣмъ причиняютъ сами ославленному несчастіе.

Обливаніе водою. Въ старину, во времена язычества Славяне, какъ рѣкамъ, морямъ, и источникамъ, такъ даже и колодцамъ приносили жертвы для умилостивленія боговъ съ цѣлью умноженія разныхъ плодовъ, а нерѣдко и людей бросали въ воду. Въ память этого древняго идолослуженія и нынѣ еще изувѣры и суевѣры въ первый день Святыя Пасхи и въ другіе праздники, когда кто проспитъ заутреню, обливаютъ водою, или сталкиваютъ въ рѣку, или озеро.

Святые колодцы. святыя озера. У насъ на Руси и по сіе время существуютъ св. озера, св. родники, которыхъ воду предпочитаютъ цѣлительною, купаются въ ней и бросаютъ на дно такихъ бассейновъ деньги, дорогія серьги, кольца, браслеты и прочее. Языческій отпечатокъ жертвоприношенія, хотя

*) Понятно, чтобы яица не были слишкомъ остужены, это примѣта хозяйственная.

и немыслимъ въ наше время, но безсознательный обычай упорно удерживается. Если боги изгнаны, то въ чью же пользу поступаютъ такіе, часто дорогіе подарки?

Обмираніе, летаргія. Обмираніе существуетъ довольно часто, это похоже на продолжительный обморокъ; онъ продолжается не только два, три дня, но мѣсяцъ, годъ, и какъ удостовѣряетъ исторія, даже не одинъ вѣкъ. Примѣры летаргическаго сна мы видимъ даже въ житіи святыхъ; а о временной смерти мы послѣ скажемъ особо. Наши русскіе простолюдины, которымъ приходилось видѣть и слышать воспрянувшихъ отъ такого чудеснаго сна, сказываютъ, что уснувшаго въ летаргіи водили по мытарствамъ, спрашивали о земныхъ дѣлахъ отчета, что этому человѣку приходилось видѣть адскія муки и прочее. Все говорилъ онъ (летаргикъ), только не могъ сказать трехъ словъ, о которыхъ ему было строго запрещено, но кѣмъ? тоже не могъ открыть. По народному сказанію летаргики оживаютъ не надолго. Утомленный организмъ, безъ воспріятія столь долгое время пищи, не выдерживаетъ.

Обмороченіе—значитъ представленіе вещи не такъ какою она кажется, а въ какомъ нибудь другомъ видѣ, такъ напримѣръ—деньги представляются лягушками или мышами.

Обнова. Тотъ, кто бывало плюнетъ на платье нечаянно, тотъ надѣялся непремѣнно получить, или сшить обнову. Бѣлыя пятна на ногтяхъ пальцевъ—тоже обозначаютъ обновы, по величинѣ ихъ судятъ о цѣнности этихъ обновъ.

Осина. Осиною народъ признаетъ проклятое дерево, за то, что на немъ, по преданію, удавился Іуда Предатель и потому на этомъ деревѣ, хотя бы даже, если вѣтру нѣтъ, происходитъ шелестъ листьевъ, оно же имѣетъ по суевѣрному понятію чрезвычайную силу противъ колдуновъ и когда такому умершему и встающему изъ могилы осиновый колъ вколотятъ между плечь, то колдунъ прекращаетъ свое загробное странствованіе.

Пауки. По народному русскому повѣрью всѣ пауки вредны отъ мала до велика. Что будто бы кто нечаянно съѣстъ паука, тотъ будетъ страдать водяною или опухолью въ животѣ.

Кому садиться въ переднемъ углу. Передній уголъ вообще назначается въ церемонные дни свадьбы жениху съ невѣстою

и почетнымъ особамъ; вообще попамъ и дуракамъ. Попамъ принадлежитъ по преимуществу ихъ сана, а дуракамъ по ихъ гордости.

Переносье чешется—о покойникѣ слышать.

Прищемить въ дверяхъ свою одежду — значитъ быть еще разъ въ этомъ домѣ.

Забыть гробовую крышку въ томъ домѣ, откуда вынесли покойника, значитъ—быть въ томъ домѣ другому покойнику въ скоромъ времени.

Плюнуть на себя нечаянно—имѣть напраслину, или къ скорой обновѣ.

Паденіе полѣна. Если кто, неся къ печкѣ, выронетъ полѣно—быть гостямъ; тоже вѣрятъ, если горящая головешка вывалится изъ печки.

Понедѣльникъ. Въ этотъ день не любятъ денегъ давать, работы заказывать, изъ дома ѣхать и наконецъ многіе боятся мясное ѣсть, во избѣжаніе непріятностей, или неуспѣха въ дѣлахъ, считая этото день несчастнымъ. Конечно послѣ шумныхъ оргій и кутежа, когда руки трясутся, голова болитъ, деньги промотаны, то придется не только отказаться отъ всякихъ предпріятій и намѣреній, но даже отъ пищи, кромѣ хлѣба съ водою.

Поперхнуться при употребленіи пищи или питія значитъ, что, кто нибудь къ поперхнувшемуся спѣшитъ обѣдать.

Узнать цѣны хлѣба по колосу. По увѣренію суевѣрныхъ людей достаточно только посмотрѣть на колосъ. Если колосъ начинаетъ цвѣсть отъ вершины, то цѣна на хлѣбъ будетъ высокая, если съ средины, то—средняя, если съ низу, то—низкая.

Собака воетъ. По народному повѣрью, собака воетъ, или къ пожару, или къ покойнику, или къ своей смерти. Къ пожару—воетъ вверхъ мордой, къ покойнику—внизъ, а къ своей смерти—сидя, или лежа. Если на кого собака потянется—то къ обновѣ.

Саванъ шить надобно на живую нитку и отъ себя, иначе весь домъ перемретъ, по увѣренію суевѣровъ.

Свинья. Когда свинья опоросится, то не должно на эту семью смотрѣть дурнымъ глазомъ, иначе свинья пережретъ всѣхъ поросятъ. Нынѣ признано гораздо лучшимъ, отнимать отъ нее поросятъ на нѣкоторое время, или надѣвать на нее намордникъ.

Свистъ. Суевѣры утверждаютъ, что свистѣть—отвращать отъ себя ликъ Богородицы, а свистѣть въ домѣ—опустѣніе. Вообще свистъ не принятъ въ обществѣ и въ семействахъ въ наше время, какъ непріятное, неуважаемое безпокойство нашего слуха.

Скопа. Такъ, у простаго народа, называлась смертоносная птица, которой ядъ заключался въ когтяхъ, который она впускала своей жертвѣ. Нужно думать, что подъ видомъ этой птицы, подразумѣвалась какая нибудь эпидемическая смерть.

Скоромь. Встарину, въ посты, твердо соблюдаемые нашими предками, боялись упоминать слово мясо или говядина, а называли *скоромь*. и притомъ приговаривали: „Помяни *Господи на Свѣтло Христово Воскресенье*“ или „на *Рождество Христово*“.

Соль просыпать—быть ссорѣ, во избѣжаніе ея нужно разсмѣяться или дать себя ударить по лбу.

Сорочка, въ сорочкѣ уродился, кто считается счастливымъ особенно тогда, когда былъ рожденъ заключеннымъ въ пузырѣ съ головы до ногъ, какъ въ яицѣ. Эту тонкую перепонку, зашиваютъ въ тряпочку или засмаливаютъ въ медальонъ, носятъ вмѣстѣ со крестомъ на шнурѣ, вѣря, что это дастъ на всю жизнь счастье рожденному.

Домъ, зданіе строить, кто намѣренъ, то держитъ въ головѣ первое, чтобы обновить его свадьбой, иначе есть убѣжденіе, что хозяинъ дома умретъ. Потомъ—чтобы не устраивать ворота, а слѣдовательно окна на ночь, то есть на сѣверъ потому, что тогда черти хозяина выживутъ. Хотя это не точно, но однакоже съ сѣвера постоянно дуютъ холодные вѣтры и никогда не восходитъ солнце, слѣдовательно такъ устроенное помѣщеніе можетъ быть холодно и сыро отъ вѣтровъ, особенно осеннихъ, будетъ слышнѣе свистъ и вой вѣтра особенно близь лѣса, а лѣсные осенніе мотивы вѣтра, тяжелы для всякаго, даже и для того, который смѣется суевѣрію.

Стѣны трещатъ—домовой выживаетъ. См. *Домовой.*

Предчувствіе таракановъ.—Говорятъ, что они уходятъ изъ того дома, которому скоро горѣть; но скорѣе всего, что они всегда оставляютъ тѣ покои, гдѣ холодно, и кушанье отъ нихъ хорошо накрывается, а также и провизія, которую они лю-

бятъ. Это замѣчено и надъ мышами, которыя не любятъ, чтобы все пряталось, отъ ихъ ненасытной прожорливости.

Телятину есть—грѣхъ. На этомъ убѣжденіи телятъ, крестьяне не ѣдятъ; но есть много такихъ существующихъ въ народѣ грѣховъ, которыхъ здѣсь и не перечислить и которые основаны не на духѣ религіи, а на экономическихъ или гигіеническихъ началахъ, точно такъ, какъ у Татаръ и жидовъ, ѣсть свинью. Какъ татары такъ и жиды получили свою религію на юго-востокѣ, тамъ гдѣ существовалъ южный палестинскій жаръ, гдѣ свиньи отъ недостатка воды и лужъ заболѣвали проказою и развивали благодаря неряшливости обитателей, заразу на людяхъ.

На этомъ то основаніи, жидамъ и магометанамъ подъ видомъ грѣха, (разумѣется грѣхъ умышленно развивать болѣзнь, какъ на людяхъ, такъ и на себѣ. Себѣ будетъ самоубійцей и другимъ убійцей) ѣсть свиней. Но у насъ ѣсть телятину запрещено должно быть бабами—экономками при другихъ началахъ: стельныя коровы, лишаясь своихъ сосуновъ, теряютъ молоко. Изъ чего и значится, что воздержаніе отъ телятины сельскихъ жителей происходитъ не отъ суевѣрія, а изъ экономіи чисто хозяйственной со стороны старухъ; но кромѣ того, со стороны мущинъ, тоже имѣется въ виду выгода выростить теленка — бычка, на семѣна, а телушечку, на племя, да на добычу молочка; выростутъ и копѣечку намъ дадутъ. Вотъ отчего телятина у насъ, у крестьянъ, грѣхомъ считается, а баранина ничего... Вѣдь баранъ хоть шерстку и даетъ, да крестьянинъ съ него и шкурку деретъ, а себѣ тулупъ шьетъ, а безъ шкурки, баранъ человѣку на съѣденіе данъ. Вотъ мужичекъ по праздникамъ только баранинкой и занимается, а ни телятиной, ни говядиной, ни, ни! развѣ свининкой, аль поросятинкой, ну это другое: свинья кромѣ щетины да поросятъ ничего не даетъ: ни молока, ни сливокъ, ни творога, ни масла... Скотина безрогая, безталанная!

Угорь—поганая рыба, змѣя. Простой народъ, не уважаетъ угря, признавая въ немъ рѣчную змѣю, какъ по наружнымъ ея признакамъ, такъ и по тому, что будучи разрѣзанъ на куски угорь обнаруживаетъ движеніе въ каждой отрѣзанной части, точно также какъ змѣя, да и потому наконецъ, что онъ жи-

ветъ въ нечистой водѣ, кормится дрянью. Тогда, говорятъ, его ѣсть можно, когда въ семи городахъ рыбы нѣтъ, а на дворѣ *масляница*. Точно также не любятъ въ Костромской губерніи рыбу, похожую на налима, но немного красноватѣе въ оттѣнкахъ, которая зовется *пискунъ*, а народъ въ Ветлужскомъ уѣздѣ называетъ ее позорнымъ словомъ.

Уроды. Въ Россіи людей-уродовъ, въ старину, эксплоатировали въ свою пользу всѣ тѣ, кто любилъ даромъ собирать съ народа деньги, ничего не дѣлая и собирая на урода добровольное пожертвованіе, питался до смерти урода, или самъ до смерти своей благодушествовалъ въ жизни, пользуясь своей жертвой. Такими уродами, а также и калѣками, равно изуродованными калѣками искусственно, занимались въ старину Ростовцы (Ярослав. губерніи). Между тѣмъ Якуты, по своимъ понятіямъ, почитаютъ всѣхъ уродовъ не только изъ среды животныхъ, но даже людей, исчадіями дьявола и стараются ихъ уничтожить. Но у Якутовъ вѣра составляетъ видоизмѣненіе Ламайской вѣры. Между тѣмъ мы видимъ, что и Китайцы, сохранившіе вѣру ламайскую въ ея чистотѣ, тоже уничтожаютъ своихъ младенцевъ — уродовъ, что имъ даже не запрещено будто бы, тогда, какъ указомъ богдыхана запрещено истреблять зародышей во чревѣ матери.

Утопленникъ—жертва водянаго или русалокъ. Простой народъ говоритъ, что эти всѣ утопленники не имѣли креста, купались или въ полдень, или въ полночь,—самое опасное время, потому, что русалки или водяной пуще всего въ это время дебоширятъ. Говорятъ, утопленникъ сидитъ на днѣ рѣки или вообще на днѣ другаго какого резервуара, или бассейна на корточкахъ, и какъ обмершій (по понятіямъ новѣйшаго изслѣдованія науки) хватаетъ неловкихъ водолазовъ въ охабку и тѣмъ затопляетъ ихъ. Искусство нырковъ или водолазовъ въ этомъ случаѣ состоитъ въ томъ, чтобы утопленниковъ брать сзади и за волосы и съ нимъ вмѣстѣ подняться, то-есть вынырнуть къ берегу. По разсказамъ многихъ ловкихъ водолазовъ, мастеровъ своего дѣла по части изслѣдованія русла рѣкъ, если они видѣли утопленника, то непремѣнно въ сидячемъ положеніи и на корточкахъ, будь то женщина, или мущина. Но когда въ утопленникѣ пузырь лопался, то жен-

щина всплывала по теченію рѣки на спинѣ, а мущина кверху спиною.

Ужъ, домашняя змѣя. Ужа считаютъ неопаснымъ змѣемъ. Деревенскіе жители говорятъ, что онъ живетъ въ южной Россіи подъ полами жилыхъ домовъ, и выходитъ изъ подъ полу въ ту пору, когда маленькіе ребятишки, сложа ножки, ѣдятъ съ молокомъ кашу. Случалось слышать разсказы такого рода: „ребятенки молоко на полу хлѣбаютъ, а ужи въ чашку къ нимъ молоко пить залѣзаютъ. Ребята, какъ привычный къ ужамъ, народъ, ужей, то одинъ, то другой ложкой: — хлопъ! ну вотъ ужи опять и скрылись подъ полъ, не ужаливъ дѣтей“. Мы не можемъ сказать, гдѣ ужи вредны. По изслѣдованіямъ Симашко они безвредны... Народный говоръ слѣдующій: *) Ужъ въ сѣнокосъ и другую страдную пору, когда люди имѣютъ отдыхъ, посреди поля или въ лѣсахъ, ищутъ будто бы такихъ мѣстъ, гдѣ водятся ужи. Тутъ они разсчитываютъ мѣста совершенно безопасными отъ вредныхъ змѣй; есть повѣрье, что змѣя влѣзаетъ въ горло и сонному человѣку представляется будто онъ глотаетъ что-то холодное. Какъ бы то ни было, но по суевѣрію, а можетъ быть и по убѣжденію народа, ужъ такихъ змѣй отгоняетъ. Народъ спитъ безопасно отъ змѣй вредныхъ довѣряясь гнѣзду ужей, что, по народному сказанью, и оправдывается. Ужъ отгоняетъ такихъ змѣй прочь и не отходитъ отъ человѣка; а иногда вползши на грудь, лежитъ до тѣхъ поръ, пока человѣкъ проснется. Когда кто на ужа наступитъ, да если успѣетъ сказать: *ахъ! ненарокомъ!* то ужъ не ужалитъ, вообще ужъ не ядовитый змѣй; но нѣкоторые, вѣроятно смѣшивая ужа съ другими змѣями, ихъ считаютъ ядовитыми; но напротивъ это полезныя животныя, какъ истребители мышей, лягушекъ, птичекъ и проч. Говорятъ, что отъ ужаленія ядовитой змѣи стоитъ только окунуться въ воду ранѣе ее.

Утопленникъ нечаянный—другое дѣло, но тотъ кто нарочно утопился, по старинному, поминать на молитвѣ за упокой считалось за грѣхъ для поминающаго. Говорятъ, что вынутаго изъ воды утопленника нужно непремѣнно откачивать, но не класть на землю: если положить на землю замершаго, то онъ непре-

*) Абевега русскихъ суевѣрій.

мѣнно умретъ, несмотря на разнаго рода растиранія щетками. щекотанія и прочее. Но медицина отрицаетъ откачиваніе на бочкахъ, на рукахъ, на коврахъ.

У камчадаловъ почитается за грѣхъ, избавить утопающаго: у нихъ есть убѣжденіе, что кто вытащитъ утопающаго изъ воды, тотъ самъ утонетъ; тоже освободить занесеннаго въ дорогѣ—считается за грѣхъ.

Уши горятъ. У кого горятъ уши, того гдѣ нибудь въ то время переговариваютъ, то-есть подсмѣиваютъ; когда-жъ въ ушахъ звонитъ, то загадавъ что нибудь, спрашиваютъ, въ которомъ ухѣ звонитъ?

Филинъ. Эта птица въ народѣ считается пагубною, потому что предвѣщаетъ несчастіе (будто бы); когда птица эта прилетѣвъ на уголъ какого нибудь дома, начнетъ кричать. Суевѣрные люди носятъ при себѣ ея когти, чтобы охранить себя отъ чародѣйства.

Фортуна. Фортуна, богиня счастія; ее повсюду изображаютъ на шарѣ, съ повязкою на глазахъ, держа въ рукахъ рогъ изобилія, изъ котораго сыпались разные предметы.

Франкъ масоны. Извѣстное братство, существовавшее до начала нашего столѣтія въ большой силѣ. Наши простолюдины про масонъ, говорятъ вотъ какія странныя вещи: тотъ, кто вступитъ въ члены Франкъ масонскаго ордена, тотъ неотступно долженъ исполнять всѣ условія ордена, состоящіе въ томъ, чтобы не измѣнять его тайнамъ и не оставлять его для этой цѣли; будто бы вступающій долженъ дать рукописаніе своею кровью, а съ него его же кровью пишутъ портретъ и вѣшаютъ на стѣнѣ совѣта франкмасонской ложи. Если портретъ почернѣетъ, то значитъ вступившій измѣнилъ сектѣ. Тогда стоитъ только одному изъ членовъ выстрѣлить въ портретъ, и оригиналъ его немедленно умретъ въ ту минуту, несмотря ни на какое разстояніе. Тоже говорятъ, что кто подслушаетъ что либо у Франкъ Масоновъ тайно, тотъ оглохнетъ. Въ народѣ называли ихъ фаръ—мазоны.

Чуранье. чураться говорить „чуръ меня“, значитъ ограждать себя отъ предстоящей опасности, напримѣръ отъ дьявола, а иногда въ играхъ. Чуръ, у древнихъ Славянъ былъ богомъ хранителемъ межей, полей, пашенъ и властителемъ надъ чер-

тями. Поэтому то его всегда, какъ оберегателя, призывали въ крайней опасности и старались заручаться.

Юпка (примѣта). Если у замужней женщины при надѣваніи юпка завернется, то это, по суевѣрію бабъ, считается, что въ тотъ годъ, та женщина родитъ.

Яица (примѣта). Подъ насѣдку назначенныя яица не должно переносить чрезъ рѣку, или каналъ, потому что отъ того не будетъ цыплятъ, а нужно непремѣнно въ шапкѣ переносить съ мѣста на мѣсто, чтобы куры были съ мохнатыми ногами и съ хохлами.

Ячмень на глазѣ—чирышекъ, если сядетъ на глазу, то чтобы онъ уничтожился, стоитъ только не въ примѣту тому, кто его имѣетъ, слегка плюнуть въ больной глазъ, или поднести къ больному глазу кукишъ, говоря: *„ячмень, ячмень! вотъ тебѣ кукишъ, что хочешь, то и купишь, купи себѣ топорокъ, сѣки себя поперекъ“* и увѣряютъ, что отъ этого болѣзнь скоро проходитъ.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЯ ПРИМѢТЫ.

Изстари существуютъ примѣты, освященныя вѣками, которыя передаются изъ вѣка въ вѣкъ, какъ заповѣдь. Эти примѣты основанныя на климатическихъ условіяхъ, отчасти атмосферическихъ и астрономическихъ, приблизительно вѣрны для средней полосы Россіи. Мы будемъ руководствоваться въ этомъ случаѣ примѣтами, располагая ихъ помѣсячно *).

Январь. 5. Яркія звѣзды подъ крещеніе породятъ бѣлыхъ ярокъ. **6.** На Крещенье день теплый—будетъ хлѣбъ темный. Если на воду идутъ (на Іордань) въ туманъ—хлѣба будетъ много. На крещенье мятель—на Святой мятель. Мететъ снѣгъ (въ этотъ день) хлопьями—къ урожаю. Звѣздная ночь—урожай на горохъ и ягоды. **8.** Коли на Омельяна (Емеліана) подуетъ отъ Кіева—лѣто грозно. **10.** На Григорія Нисскаго иней на стогахъ—къ мокрому году. **18.** На Аѳонасія ломоноса—береги носъ (морозы). Помело метлой на маслину—придетъ государыня мятельная. Въ полдень солнце—весна ранняя. **22.** Ти-

*) Примѣты эти взяты изъ календаря Алексѣя Алексѣевича Гатцука.

мофѣевскіе морозы—ползимы. **24.** На Аксинью полузимницу дорогу перемететъ—кормъ подмететъ. Ведро—весна красная. Какова Аксинья, такова и весна.

Февраль. Февраль бокогрѣй, воду подпуститъ, а Мартъ подберетъ. **2.** На Трифона звѣздно—весна поздняя. Срѣтенскіе морозы и оттепели. Какова погода на Срѣтенье, такова и весна. На Срѣтенье снѣжокъ—весной дожжокъ. Капѣль—урожай на пшеницу. Отъ 3 до **11**—семь крутыхъ утренниковъ: три до Власія, четыре послѣ Власія. **11.** Св. Власія—сшиби рогъ съ зимы. Власьевскіе морозы. **15.** Онисима Овчарника, окликаютъ звѣзды для плодородія овецъ. **28.** Василія капельника.

Мартъ. И Мартъ на носъ садится (Морозъ). Ни въ Мартѣ воды, ни въ Апрѣлѣ—травы. Коли въ Мартѣ снѣжокъ за долинами—урожай на огородину и ярицу. **1.** Пролѣтье, Авдотья Плющиха, подмочи порогъ. Пришли Евдокѣи—мужику затѣи. Евдокія весну сряжаетъ. Красный день Евдокіи—урожай на огурцы и грузди. Новичекъ на Евдокію съ дождемъ—быть лѣту мокрому. На Евдокею снѣгъ—урожай; теплый вѣтеръ—лѣто мокрое; сѣверно—холодное лѣто. Съ Евдокеи погоже—все лѣто пригоже. Съ Евдокеи вѣтры и вихри. Отколь вѣтеръ въ Евдокеи, оттоль и во все лѣто. **2.** На Ѳедота наносъ—все сѣно снесешь (долго травы не будетъ). **4.** Герасима грачевника. Коли грачи прямо на гнѣздо летятъ—дружная весна. **9.** Сорокъ мучениковъ—сорокъ утренниковъ (впереди будетъ). **17.** Алексѣя—съ горъ вода. Каковы на Алексѣя теплаго ручьи—такова и пойма. **25.** Весна на Благовѣщеніе—много морозовъ впереди. На Благовѣщеніе дождь—родится рожь, морозъ—урожай на грузди, гроза—къ теплому лѣту и орѣхамъ, мокро—къ грибамъ. Зимній путь кончается или за недѣлю—до Благовѣщенія или спустя недѣлю—послѣ Благовѣщенія.

Апрѣль. Въ Апрѣлѣ земля прѣетъ. Апрѣль съ водою—Май съ травою. Апрѣль сипитъ да дуетъ,—тепло бабамъ сулитъ, а мужикъ глядитъ, что-то будетъ. **1.** Марья зажги снѣга, заиграй овражки. Коли разливъ—травы много. **5.** Пришолъ Федулъ—теплякъ раздулъ. **12.** Василья Парійскаго—весна землю паритъ. **15.** На св. Пуда—доставай пчелъ изъ подъ спуда. **16.** Ирины—сѣй капусту на разсадникахъ. **18.** На Козьму—сѣй морковь и свеклу. **23.** Егорій съ росой, Никола съ травой,

Егорій съ тепломъ, Никола съ кормомъ. Егорій съ ношей, Никола съ возомъ. Юрій запасаетъ коровъ. Никола коней. Коли на Юрія березовый листъ въ полушку, къ Успенью клади хлѣбъ въ кадушку. Юрій (Георгій) весну начинаетъ, а Илья лѣто кончаетъ. На Юрья дождь—скоту легкій годъ, а гречи не родъ. На Юрья роса не надо овса; снѣгъ (крупа)—урожай на гречу. Морозъ—будетъ просо, овесъ и гречи хороши. Ясно утро—ранній сѣвъ, ясный вечеръ—поздній сѣвъ. **30.** Теплый вечеръ и звѣздная ночь—къ урожаю и ведрому (сухому) лѣту.

Май. Мѣсяцъ май—коню сѣна дай; а самъ на печь полѣзай. Коли въ маѣ дождь—будетъ и рожь. Май холодный—годъ хлѣбородный. **1.** Коли на Еремѣя погоже—уборка хлѣба пригожѣ. **2.** Борисъ—соловьиный день. На Бориса—самъ боронися. Борисъ и Глѣбъ—сѣютъ хлѣбъ. **5.** Ирины разсадницы. **6.** Іова горошника, росенника, большая роса—къ урожаю огурцевъ. **8.** Ивана пшенишника. **9.** Николая вешній—праздникъ конюховъ. Лягушка квачетъ — овесъ скачетъ. Сади картофель. **11.** На Мокія мокро, или туманно—все лѣто мокро. Всходъ солнца багряный—все лѣто грозное. **13.** Лукерьи комарницы. **14.** Прошли Сидоры—прошли сиверы. **15.** На Пахомія бокогрѣя поздній овесъ и пшеницы. Пришолъ Пахомъ — понесло тепломъ. **18.** Семь дѣвъ сѣютъ ленъ.—Пришелъ Ѳедотъ—берется земля за свой родъ. Коли на Ѳедота на дубу макушка съ опушкой—будешь мѣрить овесъ кадушкой. **19.** На Ивана долгаго—сажай огурцы. **21.** На Олену—сѣй ленъ, ярицу, гречу, ячмень, сѣй огурцы. **23.** Леонтія огуречника. **26.** Съ Иванова дня пошли медвяныя косы. **29.** Феодосіи колосяницы.

Іюнь. Конецъ полѣтья — начало лѣта. **1.** Красно утро на Устина—красный наливъ ржи. Дождливый и пасмурный день—урожай на ленъ и коноплю. **3.** На Луку полуденный вѣтеръ—къ урожаю яровыхъ; сѣверозападный — къ сырому лѣту; восточный—къ повѣтріямъ. На Троицкой недѣли дождь—много грибовъ. **8.** Гроза на Федора лѣтняго—плохая уборка сѣна. **12.** Петра солнцеворота, капустника. Солнце за зиму,—лѣто на жары. **13.** Акулины гречишницы (гречиху сѣютъ на недѣлю до Акулины, либо за недѣлю послѣ). **23.** Акулины купальницы. **24.** Ивана купала—1-й покосъ. До Иванова дня просите дѣтки

дождя у Бога, а послѣ Ивана я самъ упрошу. Сильная роса на Ивана—къ огурцамъ. **27**. На Сампсона сѣногноя дождь—7 недѣль дождь. **29**. Съ Петрова дня красное лѣто—зеленый покосъ. Зарница хлѣбъ зоритъ, коли дождь на Петровъ день—сѣнокосъ мокрый. На Св. Петра день дождь—урожай не дурной, два дождя—хорошій,—три—богатый.

Іюль. Сѣнозарникъ, страдникъ. **1**. Начало покоса. Кузьма и Демьяны пришли — на покосъ пошли. **8**. Коли на Казанскую черница (черника ягода) поспѣла—поспѣла и рожь. Зажинъ ржи. **12**. Св. Прокла—отъ росы поле промокло, (великія росы. **19**. Коли на Макрину мокро—страда (полевая работа) ненастная. **20**. Илья жниво зачинаетъ, лѣто кончаетъ. Начинаются утренники. На Ильинъ день до обѣда—лѣто послѣ обѣда—осень. До Ильина дня въ сѣнѣ пудъ меду, послѣ Ильина дня пудъ навозу (значитъ хорошо сѣно скосить до Ильина дня, поспѣшить надо, а то гнить будетъ). **22**. На Марью—сильныя росы—льны будутъ сѣры и косы. **25**. Коли утренникъ холодный, и зима холодна. **29**. Пронеси Господи Калинника морокомъ (туманомъ), а не морозомъ.

Августъ. Овсы да льны въ августѣ смотри. **1**. Во что Маккавеи, въ то и разговѣнье. Съ перваго Спаса хорошая роса. **3**. На Исакія вихри—къ крутой зимѣ. **6**. Со втораго Спаса начало засѣва озими. Пришелъ второй Спасъ, бери рукавицы про запасъ. (Значитъ могутъ и руки озябнуть). Осенины. **10**. Коли на Лаврентія вода тиха, осень будетъ тиха, и зима безъ вьюги. **15**. Оспожинки, обжинки. На Успеньѣ огурцы солить; на Сергія капусту солить. **16**. Третій Спасъ хлѣбный. Съ **15—29**. Молодое бабье лѣто. Сѣй озими до Фрола. **18**. Фрола и Лавра—лошадиный праздникъ. Начало утренниковъ. **23**. На Св. Луппа, овесъ морозомъ лупитъ. Первые заморозки (лупенскіе). Коли брусника поспѣла и—овесъ дошелъ.

Сентябрь. Сентябрь заревникъ. (Зарень). Много желудей—къ теплой зимѣ и плодородному лѣту. **1**. Въ Семенъ день—сѣвалка съ плечь. Осенины, первая встрѣча осени. Бабье лѣто по Спасовъ день. (8 числа) Бабій праздникъ и бабьи работы. Не постно оно, осень сухая. Много тенетника—осень ясная, зима холодная. **8**. Малая пречастая Пасиковъ и Луковъ день. Осенины. Вторая встрѣча осени. **11**. Всякому лѣту аминь.

14. Вздвиженье — кафтанъ съ плечь сдвигаетъ, тулупъ надѣваетъ. Начало капустныхъ вечеровъ, или капустниковъ. **15**. Никиты гусепролета, рѣпорѣза. Стрижка овецъ. **18**. Коли журавли полетятъ, то будетъ на Покровъ морозъ, а нѣтъ, то позже. **24**. Ѳеклы заревницы—замолотки. **27**. Савватія—пчельника.

Октябрь. Октябрь—грязникъ, ни колеса, ни полоза не любитъ. Поздній листопадъ—на тяжелый годъ. Коли листъ съ дуба и березы упалъ чисто—легкій годъ, нечисто—къ строгой зимѣ. Листъ ложится на земь вверхъ изнанкой (мохнатой стороной)—къ урожаю. Добрая отава—къ озими. Первый снѣгъ за сорокъ дней до зимы. Ива рано инеемъ покрылась—къ долгой веснѣ. **1**. Покровъ — первое позимье. Вѣтеръ съ востока—зима холодная. Не покрытъ Покровъ снѣгомъ—не покроетъ и Рождество. **7**. Съ Сергія зима начинается. Съ Матрены (1 ноября), черезъ четыре седмицы, становится. **9**. Іаковъ Братъ Господень, крупицу пошлетъ. **14**. На Грязниху порошиху — грязь. 4 Седмины до зимы. **28**. Прасковьи Льняницы. **29**. Авраамія печерника, Настасьи стригольницы.

Ноябрь. Снѣгу надуетъ—хлѣбъ придуетъ, вода разольется—сѣна наберется—Мокрый снѣгъ на озимь,—тотъ же наземъ. Безъ воды зима не станетъ. Первый прочный снѣгъ въ ночи и на мокрую землю. Коли ледъ на рѣкѣ становится грудами—будутъ хлѣба груды. **1**. Козьма, Демьянъ съ мостомъ—Никола—съ гвоздемъ. Козьма Демьянъ—закуетъ, Михайла раскуетъ. **8**. Михаила съ полумостомъ. Коли на Михаила закуетъ—на Николу раскуетъ. **9**. Съ Матрены зима встаетъ на ноги. **11**. Ѳедоръ Студитъ, землю студитъ. **12**. Коли дождь—то оттепели до Введенія. **15**. Гурій на пѣгой кобылѣ (грязь и снѣгъ). **16**. На Матвѣя земля прѣе. **21**. Введенье ломаетъ леденье. Введенскія оттепели. Введенскіе морозы зиму не ставятъ. **26**. Юрій съ мостомъ, а Никола съ гвоздемъ.

Декабрь. Большой иней, бугры снѣга, глубоко промерзлая земля—къ урожаю. Коли снѣгъ привалитъ вплоть къ заборамъ—плохое лѣто; коли есть промежутокъ—урожайное. **4**. Трещитъ Варюха — береги носъ да ухо! (Морозъ). Варвара моститъ, Савва востритъ (или салитъ), а Никола гвоздитъ. Коли въ Николинъ день слѣдъ заметаетъ,—дорогѣ не стоять. **9**. Опока

на деревьяхъ—къ урожаю. **12.** Спиридона Солнцеворота. Солнце на лѣто—зима на морозъ. **16—17.** Иней—теплые святки. Коли на Агея сильный морозъ, то онъ простоитъ до Крещенія. **24.** Какова опока на деревьяхъ, таковъ будетъ цвѣтъ на хлѣбѣ. **25.** Ясный день—къ урожаю. Небо звѣздисто—къ большому приплоду скота, къ ягодамъ и гороху. Тропинки черны—къ урожаю гречи.

Народныя примѣты по солнцу и облакамъ.

Солнце съ красною зарею заходитъ, а съ свѣтлою восходитъ—къ ведру и ясному дню. Красная вечерняя заря—къ вѣтру. Въ тучу, темное облако садится—къ дождю. Въ туманѣ—тоже. Сильно при закатѣ сіяетъ—къ большому вѣтру. Тупые и рѣдкіе лучи солнца при закатѣ или восходѣ—къ дождю.

Свѣтлое облако предъ восходомъ солнца—хорошій день. Темноватое—пасмурный или дождливый. Мѣняющее цвѣта облако—къ дождю. Красныя облака—къ дождю. При полудневномъ вѣтрѣ—къ порывистому вѣтру и непогодѣ. Если же при этомъ лучи солнца темнѣютъ, то ожидай грозы. Кучею облака при восходящемъ солнцѣ—къ перемѣнной погодѣ. Изъ темнаго облака солнце появляется съ большимъ жаромъ—къ грозѣ. Солнце паритъ и тишина въ воздухѣ—къ большой грозѣ и дождю. Краснаго цвѣта солнце на восходѣ—къ большому вѣтру. Солнце въ туманѣ—къ дождю. Различнаго цвѣта лучи восходящаго солнца—къ пасмурной, или къ дождливой погодѣ. Тоже предвѣщаетъ желтый, бѣлый, или зеленой восходъ солнца. Кругъ около солнца не раздѣляющійся при исчезновеніи—къ доброй и сухой погодѣ. Если кругъ разорвется, то со стороны разрыва кольца, будетъ вѣтеръ. Если кругъ темноватый, зимою—предвѣщаетъ стужу, лѣтомъ—дождь и вѣтеръ. Кругъ зеленоватый или красноватый предъ восходомъ, или заходомъ солнца—дождь, или вѣтеръ на нѣсколько дней.

По лунѣ. Если вѣтеръ въ три дня, обглядится, то весь мѣсяцъ будетъ ведряный. Когда мѣсяцъ родится внизъ рогами (къ югу), то зимою будетъ теплый, а лѣтомъ жаркій мѣсяцъ; когда рогами вверхъ, то зимою холодный, а лѣтомъ вѣтряный.

Рога къ вѣтру, но нижній крутой, верхній отлогій, то первая половина мѣсяца зимой холодная, лѣтомъ вѣтреная; если же верхній рогъ круче, а нижній отложе, то та же примѣта на вторую половину мѣсяца.

Рога луны остры и ярки—къ ведру. Круты—къ морозу, Отлоги рога—къ ненастью. Тусклый мѣсяцъ—къ мокроти. Ясный—къ суху. Въ синевѣ—къ дождю; въ краснѣ—къ вѣтру, съ ушами—къ морозу. Ясная, кругловатая луна—зимой къ стужѣ. Лѣтомъ—къ ведру. Кольцо вокругъ луны—къ вѣтру.

По звѣздамъ. Когда млечный путь свѣтитъ, то будетъ хорошая погода. Когда же кажется, что звѣзды въ немъ словно бѣгутъ, то будетъ вѣтерь. Черные круги около звѣздъ—къ дождю. Бѣлые и красные—къ ведру. Темные, зеленые и блѣдные круги—къ дождю. Сильно блестятъ звѣзды лѣтомъ—къ жарѣ.—Зимой—къ морозу. Темнѣютъ—къ перемѣнной погодѣ, вѣтру и грозѣ. Мало звѣздъ видно—къ пасмурной погодѣ и дождю; а откуда лучи звѣздъ будутъ длиннѣе оттуда будетъ вѣтеръ.

По воздушнымъ явленіямъ. Громъ зимой—къ сильнымъ вѣтрамъ. Пушистые инеи—къ ведру. Вечерняя роса—къ ведру. Туманъ падаетъ (не поднимается)—къ ведру, поднимается—къ ненастью. Высокая и круглая радуга—къ ведру, пологая и низкая—къ ненастью. Большіе дождевые пузыри—къ ненастью и пущему дождю. Ранняя роса лѣтомъ, а осенью иней—къ ведру. Дымъ столбомъ—къ морозу или къ ведру. Когда дымъ безъ вѣтру бьетъ къ землѣ, лѣтомъ—къ дождю, зимой—къ снѣгу.

По животнымъ. Скотъ ложится подъ кровлю—къ ненастью, а на дворѣ—къ ведру. *Свинья* чешется—къ теплу. Визжитъ—къ ненастью; солому таскаетъ—къ бурѣ. *Лошадь* храпитъ—къ ненастью, фырчетъ—къ дождю, трясетъ головой и закидываетъ къ верху—къ ненастью. *Собака* валяется—къ ненастью. Траву ѣстъ—къ дождю. *Кошка* лижется—къ ненастью. Кошка моется, лижетъ лапу—къ ведру; Морду хоронитъ—къ морозу, либо—къ ненастью; въ печурку садится—къ морозу, непогодѣ; скребетъ полъ—къ вѣтру и мятели; стѣну деретъ—къ непогодѣ. Крѣпко спитъ—къ теплу; лежитъ брюхомъ или рыльцемъ кверху—къ теплу.

Дворовая птица ощипывается—къ ненастью.

Курица на одной ногѣ стоитъ—къ стужѣ. Насѣдка сажаетъ подъ себя цыплятъ—къ ненастью.

Вороны въ кучу собираются—къ ненастью, купаются—тоже; каркаютъ стаей лѣтомъ—къ ненастью; зимой—къ морозу.

Воробьи въ пыли купаются, или щебечутъ—къ дождю. *Ласточки* низко летаютъ—къ дождю, а высоко—къ ведру.

ЗАКЛИНАНІЯ, ЗАГОВОРЫ, ОБЕРЕГИ, МОЛИТВЫ, ПОДХОДЫ, ПРИГОВОРЫ и проч.

Знахари, пользующіеся большой довѣренностью въ простомъ народѣ, употребляютъ заговоры и другіе обряды только для того, чтобы прикрыть таинственностью свои дѣйствія; въ сущности врачебное искусство, которое по преимуществу состоитъ въ знаніи свойствъ нѣкоторыхъ травъ. Народъ же, по склонности своей къ суевѣрію, допускаетъ и даже съ охотою вѣритъ этому шарлатанству, которое по времени сдѣлалося преобладающимъ, такъ, что въ настоящее время ни одинъ знахарь не приступитъ къ леченію безъ заговора, или какой либо маскирующей дѣйствіе обрядности. Обряды, эти тутъ не имѣютъ никакого значенія въ сущности, но много вліяютъ на народъ, пробуждая въ немъ вѣру въ несомнѣнность акта.

Допустивъ при леченіи обряды, народъ легко допустилъ знаніе знахарями таинственныхъ словъ, которыя имѣютъ силу осуществлять желаемое. Сила этого слова, по мнѣнію народа, заключается въ самомъ словѣ и времени, когда оно произносится. Основываясь на этомъ, народъ излеченіе болѣзней относитъ не къ травамъ, а къ словамъ и обрядамъ, сопровождающимъ леченіе.

Принадлежности знахарства, употребляемыя при леченіи, ворожбѣ, отдуваніи, нашептываніяхъ и пр. слѣдующія: печная глина, уголь, соль, зерна хлѣбныя, и проч. Принадлежности эти, какъ видно, сходны съ принадлежностями колдуновъ, но они, по понятію народа, имѣютъ особое значеніе: у первыхъ, соль, уголь, и прочее по вліянію злыхъ духовъ, принимаетъ въ себя вредное начало для человѣка; у знахарей же напротивъ: освященные силою слова, они служатъ на пользу; напр.,

уголь употребляется для излеченія отъ сглаза, соль отъ желудочныхъ болѣзней и т. д.

Заговоры отъ истеченія крови.

1. Знахарь крѣпко сжимаетъ указательнымъ и большимъ пальцемъ рану и произноситъ до трехъ разъ, отплевываясь послѣ каждаго раза въ правую сторону: „Дернъ дерись, земля крѣпись, а ты кровь, у раба (имя рекъ) уймись". или же говоритъ такъ: 2. „На морѣ Океанѣ, на островѣ на Буянѣ, дѣвица краснымъ шолкомъ шила; шить не стала, руда (кровь) перестала". Эти слова тоже говорятся три раза, не переводя духа, а иначе кровотеченіе можетъ усилиться *).

3. *Чтобы не шла кровь изъ раны.* При порубѣ, или при другихъ случаяхъ, когда кровотеченіе считается опаснымъ, три раза наговариваютъ шепотомъ слѣдующія слова и послѣ каждаго раза на рану сплевываютъ:

„Лягу благословясь, стану перекрестясь; выйду изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота; погляжу въ чистое поле— ѣдетъ изъ чистаго поля богатырь, везетъ вострую саблю на плечѣ, сѣчетъ и рубитъ онъ по мертвому тѣлу, не тече ни кровь, ни руда изъ энтова мертваго тѣла. (*Записалъ А. Шешенинъ въ Кемскомъ уѣздѣ.*)

4) *Заговоръ отъ крови.* Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь. Доселева было при Агарянѣ царѣ, небо мѣдно и земля желѣзна и не дала плоду отъ себя. Какъ утихнулись и ужахнулись рѣки и ручьи и малые источники, такъ бы утихнулась у раба б. Н. кровь горячая и щепота, и ломота, и много пособляешь всѣмъ моимъ словомъ, какъ ключь небо, а замокъ земля, аминь, аминь, аминь, (*Записалъ помощ. Миссіонера Батраковъ.* въ с. Ухтостровѣ, Холмогор. уѣз., Арх. губ.).

5. *Заговоръ отъ порѣза.* На морѣ на Океанѣ, на островѣ на Буянѣ лежитъ бѣлъ, горючь камень Алатырь, на томъ камнѣ, Алатырѣ, сидитъ красная дѣвица, швея мастерица, держитъ иглу булатную, вдѣваетъ нитку шелковую, руда желтую, зашиваетъ

*) См. *Очерки повѣрій, преданій, примѣтъ и гаданій.* Вор. губ., свящ. магистръ *Ѳеодоръ Никоновъ.*

раны кровавыя. Заговариваю, я раба (такого-то) отъ порѣзу. Булатъ прочь отстань, а ты, кровь, течь перестань *).

6. *Отъ истеченія крови.* Въ Мѣщовскомъ уѣздѣ, надъ обрѣзаннымъ, или порубленнымъ мѣстомъ, знахари говорятъ три раза: „Летитъ воронъ чрезъ Черное море, несетъ нитку шелковинку; ты нитка оборвись, а ты кровь уймись. Послѣ того каждый разъ дуютъ на порѣзанное мѣсто. (*Сообщено П. Евстигнѣевымъ* **).

7. *Заговорить кровь.* „Фу ты, Боже мой! ни крови, ни раны,—чистая рана, ни синей опухоли. Ни ножомъ не сѣклося, ни топоромъ, никакимъ инструментомъ и нѣтъ у раба Божія (имя рекъ), ни щипоты, ни ломоты, ни синей опухоли. (*Доставилъ г. Никольскій изъ гор. Мезени*) ***).

8. *Чтобы не шла кровь изъ раны.* Конь младъ, человѣкъ старъ. Ты, руда, стань, болѣе не капь у раба Божія (имя рекъ). (*Записано г. Шешенинымъ въ Кемскомъ уѣздѣ*).

9. *Чтобы не шла кровь изъ раны.* Баба шла по дорогѣ, собаку вела за собой; баба пала, собака пропала; руда стань, больше не кань. (*Записалъ Шешенинъ въ Камскомъ уѣздѣ*).

10. *Если какой либо человѣкъ посѣчетъ, что-нибудь у себя. то заговаривать кровь, или щипоту.* Стану я рабъ Божій (имя рекъ), благословясь, пойду перекрестясь изъ избы дверьми, изъ двора воротами, въ чистое поле за воротами. Въ чистомъ полѣ стоитъ святъ окіанъ-камень, на святомъ окіанъ-камнѣ сидитъ красная дѣвица съ шелковой ниткой, рану зашиваетъ, щипь унимаетъ и кровь заговариваетъ у раба Божія (имя рекъ), и чтобы не было ни щипоты, ни ломоты, ни опухоли, тѣмъ моимъ добрымъ словомъ ключь и замокъ отнынѣ до вѣку, аминь. (*Нарядъ Устьпод. Удѣльн. Прав. о доставл. въ арх. Удѣльн. Конт. Этнограф. свѣд. 1847 г. по описи № 60*).

1. *Заговоръ отъ недуговъ красной дѣвицы, въ болѣзни полюбовнаго молодца.* Ложилась спать я, раба Божія (такая-то), въ темную вечернюю зорю, темнымъ темно; вставала я (такая

*) Сказаніе Русс. Нар. Сахарова. Спб. 1841 г. Т. I.

**) См. Таинств. чары. Изданіе Леухина.

***) См. Труды Этногр. Отдѣла. 1878 г. Книга V. вып. II.

то) въ красную утреннюю зорю, свѣтлымъ свѣтло; умывалась свѣжею водою; утиралась бѣлымъ платомъ. Пошла я изъ дверей до двери, изъ воротъ въ вороты, и шла путемъ дорогою, сухимъ сухопутьемъ, ко Окіанъ-морю, на святъ островъ; отъ Окіанъ—моря узрѣла и усмотрѣла, глядючи на востокъ краснаго солнышка въ чисто поле, а во чистомъ полѣ узрѣла и усмотрѣла: стоитъ семибашенный домъ, а въ томъ семибашенномъ домѣ, сидитъ красная дѣвица, а сидитъ она на золотомъ стулѣ. сидитъ уговариваетъ недуги, на колѣняхъ держитъ серебряное блюдечко, а на блюдечкѣ лежатъ булатные ножички. Взошла я раба (такая-то) въ семибашенный домъ, смирнымъ смирнешенько, головой поклонилась, сердцемъ покорилась и заговорила: Къ тебѣ я пришла красна дѣвица съ покорищемъ объ рабѣ (такомъ-то), возьми ты красна дѣвица съ серебрянаго блюдечка булатные ножички въ правую руку, обрѣжь ты у раба (такого-то) бѣлую мякоть, ощипли его и обери: скорби, недуги, уроки, пригороки, затяни кровавыя раны, чистою и вѣчною своею пеленою. Защити его отъ всякаго человѣка: отъ бабы вѣдуньи, отъ дѣвки простоволосыя, отъ мужика одноженца, отъ двоеженца, отъ троеженца, отъ черноволосаго, отъ рыжеволосаго; возьми ты, красная дѣвица, въ правую руку двѣнадцать ключевъ и замкни двѣнадцать замковъ, и опусти эти замки го Окіанъ—море, подъ Алатырь камень. А въ водѣ бѣлая рыбица ходитъ и она бы тѣ ключи подхватила и проглотила; а рыбаку бѣлыя рыбицы не поймывать, а ключевъ изъ рыбицы не вынимать, а замковъ не отпирывать. Недужился бы недугъ у раба (такого-то), по сей день, по сей часъ, какъ вечерняя и утренняя заря станетъ потухать, такъ бы у моего друга милаго всѣмъ бы недугамъ потухать и, чтобы недугъ недужился по сей часъ, по мое крѣпкое слово, по его вѣкъ. *(Сказаніе Русс. нар. Сахарова. Томъ I. из. III. 1841 г.).*

2. *Заговоръ красной дѣвицы, о сбереженіи въ дорогѣ полюбовнаго молодца.* Ложилась спать я (такая-то), въ темную вечернюю, позднимъ поздно; вставала я въ красную утреннюю зарю ранымъ рано; умывалась ключевою водою изъ горнаго студенца; утиралась бѣлымъ платомъ родительскимъ. Пошла я изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ вороты и вышла въ чистое поле. Въ чистомъ полѣ охорошилась, на всѣ четыре сто-

роны поклонилась, на горючь камень Алатырь становилась, крѣпкимъ словомъ заговорилась, частыми звѣздами обтыкалась, темнымъ облакомъ прикрывалась. Заговариваю я, раба такая-то, своего полюбовнаго молодца (такого-то), о сбереженіи въ дорогѣ; крѣпко на крѣпко, на вѣкъ, на всю жизнь. Кто изъ лугу всю выщиплетъ и выѣстъ, изъ моря всю воду выпьетъ, и не взалкаетъ и тотъ бы мое слово не превозмогъ, мой заговоръ не расторгъ. Кто изъ злыхъ людей его обзорочитъ и обпризорочитъ, и околдуетъ, и испортитъ, у нихъ бы тогда изо лба глаза выворотило въ затылокъ: а моему полюбовному молодцу (такому-то)—путь и дороженька, доброе здоровье на разлукѣ моей. *(Сказ. Рус. Нар. Сахар., тамъ же).*

3. *Заговоръ на путь—дороженьку.* Ѣду я изъ поля въ поле, въ зеленые луга, въ дальнія мѣста, по утреннимъ и вечернимъ зарямъ; умываюсь ледяною росою, утираюсь, облекаюсь облаками, опоясываюсь чистыми звѣздами. Ѣду я во чистомъ полѣ, а во чистомъ полѣ растетъ *одолецъ*—трава. Одолень—трава! Не я тебя поливалъ, не я тебя породилъ; породила тебя мать сыра земля, поливали тебя дѣвки простоволосыя, бабы самокрутки *). Одолень трава! одолѣй ты злыхъ людей: лихо бы на насъ не думали, сквернаго не мыслили, отгони ты чародѣя, ябедника. Одолень—трава! одолѣй мнѣ горы высокія, долы низкіе, озера синія, берега крутые, лѣса темные, пеньки и колоды. Иду я съ тобою, одолень трава, къ Окіанъ морю, къ рѣкѣ Іордану, а въ Окіанъ-морѣ, въ рѣкѣ Іорданѣ, лежитъ бѣлъ горючь камень Алатырь. Какъ онъ крѣпко лежитъ предо мною, такъ бы у злыхъ людей языкъ не поворотился, руки не поднимались, а лежать бы имъ крѣпко, какъ лежитъ бѣлъ горючь камень Алатырь. Спрячу я тебя, Одолень трава, у ретивова сердца, во всемъ пути, во всей дороженьки. *(Сказ. Русс. Нар. Сахарова. Т. I. 1841 г.).*

ЗАГОВОРЫ О ТОСКѢ.

1. *Заговоръ отъ тоски.* На морѣ на Кіянѣ, на островѣ на Буянѣ, на полой полянѣ, подъ дубомъ мокрецкимъ сидитъ рабъ

*) Самокрутками называютъ дѣвушекъ вышедшихъ замужъ безъ согласія и благословенія родителей.

Божій (имя) тоскуя, кручинится въ тоскѣ невѣдомой и въ грусти недознаемой, въ кручинѣ недосказанной. Идутъ 8 старцевъ со старцемъ незванныхъ, непрошенныхъ; гой ты, еси рабъ Божій (имя), со утра до вечера кручинный ты, что, по что сидишь такой на полой полянѣ, на островѣ Буянѣ, на морѣ Кіянѣ! И рѣче рабъ Божій (имя) 8 старцамъ со старцемъ: нашла бѣда среди околицы, залегла во ретиво сердце; щемитъ, болитъ головушка, не милъ свѣтъ ясный, постыла вся родушка. Воззовиши всѣмъ старцемъ со старцемъ грознымъ грозно, начали ломать тоску, бросать тоску за околицу, кидма кидалась тоска, отъ востока до запада, отъ рѣки до моря, отъ дороги до перепутья, отъ села до погоста; нигдѣ тоску не приняли, нигдѣ тоску не укрыли; кинулась на островъ на Буянъ, на море на Окіанъ, подъ дубъ мокрецкой. Заговариваю я раба (имя) отъ наносной тоски, по сей день, по сей часъ, по сію минуту, слово мое никто не превозможетъ не аеромъ, *) ни духомъ. *(Изъ рукописи г. Д. Книголюбова).*

Заговоръ матери отъ тоски по родномъ сынѣ. Разрыдалась я родная, раба (такая-то), въ высокомъ теремѣ родительскомъ съ красной утренней зари во чисто поле глядючи, на закатъ ненаглядная дитятки, своего яснаго солнышка (такого-то). Досидѣла я до поздней вечерней ночи, до сырой росы, въ тоскѣ, въ бѣдѣ. Не взмилилось мнѣ крушить себя, а придумалось мнѣ заговорить тоску лютую, гробовую. Пошла я во чисто поле, взяла чашу брачную, вынула свѣчу обручальную, достала платъ вѣнчальный, почерпнула воды изъ загорнаго студенца; стала я среди лѣса дремучаго, очертилась чертою прозорочною, и возговорила зычнымъ голосомъ: Заговариваю я своего ненагляднаго дитятку (такого-то) надъ чашею брачною, надъ свѣжею водою, надъ платомъ вѣнчальнымъ, надъ свѣчею обручальною. Умываю я своего дитятку во чистое личико, утираю платомъ вѣнчальнымъ его уста сахарные, очи ясные, чело думное, ланиты красныя, освѣщаю свѣчею обручальною его становой кафтанъ, его осанку соболиную, его подпоясь узорчатую, его коты шитые, его кудри русые, его лицо молодецкое, его поступь борзую. Будь ты, мое дитятко

---

*) Аеромъ—воздухомъ.

ненаглядное, свѣтлѣе солнышка яснаго, милѣе вешняго дня, свѣтлѣе ключевой воды, бѣлѣе яраго воска, крѣпче камня горючаго, Алатыря. Отвожу я отъ тебя: черта страшнаго, отгоняю вихоря бурнаго, отдаляю отъ лѣшаго одноглазаго, отъ чужаго домоваго, отъ злаго водянаго, отъ вѣдьмы Кіевской, отъ злой сестры ея Муромской, отъ моргуньи русалки, отъ треклятыя бабы-яги, отъ летучаго змѣя огненнаго, отмахиваю отъ ворона вѣщаго, отъ вороны каркуньи, защищаю отъ кащея ядуна, отъ хитраго чернокнижника, отъ заговорнаго кудесника, отъ яраго волхва, отъ слѣпаго знахаря, отъ старухи—вѣдуньи, а будь ты, мое дитятко—моимъ словомъ крѣпкимъ—въ нощи и въ полунощи, въ часу и въ получасьи въ пути и дороженькѣ, во снѣ и на яву укрытъ отъ силы вражіей, отъ нечистыхъ духовъ, сбереженъ отъ смерти напрасныя, отъ горя, отъ бѣды, сохраненъ на водѣ отъ потопленія, укрытъ въ огнѣ отъ сгорѣнія. А придетъ часъ твой смертный и ты вспомяни, мое дитятко, про нашу любовь ласковую, про нашъ хлѣбъ-соль роскошный; обернись на родину славную, ударь ей челомъ седмерижды семь, распростись съ родными и кровными, припади къ сырой землѣ и засни сномъ сладкимъ, непробуднымъ. А будь мое слово, сильнѣе воды, выше горы, тяжелѣе золота, крѣпче горючаго камня Алатыря, могучѣе богатыря. А кто вздумаетъ моего дитятко обморочить и узорочить, и тому скрыться за горы Араратскія, въ бездны преисподнія, въ смолу кипучую, въ жаръ палючій. А будутъ его чары, морочанье его—не въ морочаніе, узорочаніе его—не въ узорочаніе. *(Сказаніе Русскаго Нар. Сахарова. Томъ I. Рус. Чернокнижіе. Стр. 19).*

3. *Заговоръ матери въ наносной тоскѣ своей дитятки.* На морѣ на Океанѣ, на островѣ на Буянѣ, на полой полянѣ, подъ дубомъ мокрецкимъ, сидитъ дѣвица красная, а сама-то тоскуется, а сама-то кручинится, во тоскѣ невѣдомой, во грусти недознаемой, во кручинѣ недосказанной; идутъ семь старцевъ съ старцемъ, незванныхъ, непрошенныхъ. Гой, ты еси дѣвица красная, со утра до вечера кручинная! Ты что, по что сидишь на полой полянѣ, на островѣ на Буянѣ, на морѣ на Океанѣ? И рѣче дѣвица семи старцамъ со старцемъ: нашла бѣда среди околицы, залегла во ретиво сердце, щемитъ, болитъ головуш-

ка, не милъ и свѣтъ ясный, постыла вся родушка. Возопиша семь старцевъ со старцемъ грознымъ—грозно, учали ломать тоску за околицу; кидма кидалась тоска отъ востока до запада, отъ рѣки до моря, отъ рѣки до перепутья, отъ села до погоста, и нигдѣ тоску не укрыли; кинулась тоска на островъ на Буянъ, на море на Окіанъ, подъ дубъ мокрецкой. Заговариваю я родная матушка (такую-то) свою ненаглядную дитятку (такую-то) отъ наносной тоски по сей день, по сей часъ по сію миниту. Слово мое никто не превозможетъ ни аеромъ, ни духомъ. *(Сказаніе Русс. Народ. Сахарова. Томъ I. 1841 г.)*.

4. *Заговоръ красной дѣвицы отъ тоски.* Отъ востока до запада, отъ сѣвера до югъ, отъ рѣки до моря, отъ пути до перепутья, пролегала путь—дороженька, всѣмъ дорогамъ старшая и большая, по той дорожкѣ шли дщери Иродовы, несли во рукахъ пруты ивовы, а шли онѣ въ міръ кости сушить, тѣло знобить, недугами мучить. Отъ востока до запада, отъ сѣвера до юга, отъ рѣки до моря, на путяхъ и перепутьяхъ выростала травушка со муравушкой, на той травушкѣ со муравушкой сидѣла тоска со кручиной, а сидѣли онѣ да подумывали: какъ бы людей крушить, сердца щемить, свѣта не возлюбить.

Отъ востока до запада, отъ сѣвера до юга, отъ рѣки до моря, среди бѣлокаменной Москвы стоитъ теремъ боярскій, въ томъ теремѣ боярскомъ сидитъ во тоскѣ красная дѣвица по незнаемой бѣдѣ.

Вы, дщери Иродовы, не ходите по пути по дороженькѣ на міръ кости зномить, тѣло сушить, людей мучить, а идите вы во чисто поле на травушку со муравушкой, что на ту травушку, гдѣ сидитъ тоска со кручиной, и велите вы тоскѣ со кручиной, чтобы онѣ изгнали изъ ретива сердца красной дѣвицы, у рабѣ (такой-то), наносную тоску, а не покорится вамъ тоска, ины вы учините бить во пруты ивовы. Заговариваю симъ моимъ заговоромъ крѣпко на крѣпко; а кто мой заговоръ возодолѣетъ, и ему провалиться сквозь таръ-тарары. *(Сказаніе Русс. Нар. Сахарова, тамъ же)*.

5. *Заговоръ отъ стѣни, задумчивости и отъ тоски и печали.* Крестъ, крестомъ крестъ, человѣкъ родися, крестъ водрузися и сатана связася, Богъ прославися, во имя Отца, и

Сына, и Святаго Духа, и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь (напиши крестъ + и въ немъ сіи слова и повѣсь на крестъ).

ЗАГОВОРЫ ВОИНСКІЕ.

Заговоръ отъ пищалей и стрѣлъ. За дальними горами есть Окіанъ—море желѣзное, на томъ морѣ есть столбъ мѣдный, на томъ столбѣ мѣдномъ есть пастухъ чугунный, а стоитъ столбъ отъ земли до неба, отъ востока до запада, завѣщаетъ и заповѣдываетъ тотъ пастухъ своимъ дѣтямъ: Желѣзу, укладу, булату красному и синему, стали, мѣди, проволокѣ, свинцу, олову, сребру, золоту, каменьямъ, пищалямъ и стрѣламъ, борцамъ и кулачнымъ бойцамъ, большой завѣтъ: Подите вы желѣзо, каменья и свинецъ въ свою мать землю отъ раба (такого-то), а дерево къ берегу, а перья въ птицу, а птицу въ небо, а клей въ рыбу, а рыба въ море, сокройтесь отъ раба (такого-то), а велитъ онъ ножу, топору, рогатинѣ, кинжалу, пищалямъ, стрѣламъ, борцамъ, быть тихимъ и смирнымъ. А велитъ онъ, не давать выстрѣливать на меня всякому ратоборцу изъ пищали, а велитъ схватить у луковъ тетивы и бросить стрѣлы въ землю. А будетъ мое тѣло крѣпче камня, тверже булату, платье и колпакъ крѣпче панцыря и колчуги. Замыкаю свои словеса замками, бросаю ключи подъ бѣлъ—горючь камень Алатырь. А какъ у замковъ смычи крѣпки, такъ мои словеса крѣпки. *(Сказанія Русс. Нар. Сахарова. Томъ I. См. Нар. Пред. о чернокнижіи).*

2. *Заговоръ отъ ратныхъ орудій.* Летѣлъ орелъ изъ-за Хвалынскаго моря, разбросалъ кремни и кремницы по крутымъ берегамъ, кинулъ громовую стрѣлу во сыру землю. И какъ отродилась отъ кремня и кремницы искра, отъ громовой стрѣлы—полымя, и какъ выходила грозная туча, и какъ проливалъ сильный дождь, что имъ покорились и поклонились селитра, порохъ, смирнымъ смирнехонько. Какъ дождь воды не пробилъ, такъ бы меня (такого-то) и моего коня искры и пули не пробивали, тѣло мое было бы крѣпче бѣлаго камня. И какъ отъ воды камни отпрядываютъ и пузыри отскакиваютъ, такъ бы отъ ратныхъ орудій прядали отъ меня стрѣлы и порохъ-селитра.

Слово мое крѣпко! *(Тамъ же, у Сахарова. Ск. Рус. Нар. Сахарова).*

3. *Заговоръ отъ пуль свинцовыхъ, мѣдныхъ, каменныхъ.* Въ высокомъ терему въ понизовскомъ, за рѣкою Волгою, стоитъ красная дѣвица, стоитъ, покрашается, добрымъ людямъ похваляется, ратнымъ дѣломъ красуется. Въ правой рукѣ держитъ пули свинцовыя, въ лѣвой мѣдныя, а въ ногахъ каменныя. Ты, красная дѣвица, отбери ружья: турецкія, татарскія, нѣмецкія, черкесскія, мордовскія, всякихъ языковъ и супостатовъ *), заколоти ты своею, невидимою рукою ружья вражія. Будетъ ли стрѣлять изъ ружья, и ихъ пули были бы не въ пули; а пошли ты эти пули во сыру землю, во чисто поле. А былъ бы я на войнѣ невредимъ, и мой конь былъ бы цѣлъ и невредимъ; а была бы моя одежда крѣпче панцыря. Замыкаю мои приговорныя словеса замкомъ; и ключь кидаю въ Окіанъ-море подъ горючь камень Алатырь. Какъ морю не усыхать, камня не видать, ключей не доставать, такъ меня пулямъ не убивать до моего живота, по конецъ вѣка. *(Сказ. Рус. Нар. Сахарова, тамъ же).*

4. *Заговоръ на желѣзо, укладъ, сталь, мѣдь.* Мать сыра земля, ты мать всякому желѣзу, а ты желѣзо поди въ свою матерь землю, а ты древо, поди въ свою матерь древо, а вы перья подите въ свою матерь птицу, а птица полети въ небо, а клей побѣги въ рыбу, а рыба поплыви въ море; а мнѣ бы рабу (такому то) было бы просторно по всей землѣ. Желѣзо, укладъ, сталь, мѣдь на меня не ходите бороться ушми и боками. Какъ мятелица не можетъ прямо летѣть, такъ бы всѣмъ вамъ немочно ни прямо, ни тяжело падать на меня и моего коня и приставать ко мнѣ и моему коню. Какъ у мельницы жернова вертятся, такъ бы желѣзо, укладъ, сталь и мѣдь вертѣлись бы кругомъ меня, а въ меня не попадали. А тѣло бы мое было отъ васъ не окровавлено, душа не осквернена. А будетъ мой приговоръ крѣпокъ и долоіъ. *(Ск. Рус. Нар. Сахарова, тамъ же).*

5. *Заговоръ ратнаго человѣка идущаго на войну.* Выкатило красное солнышко изъ-за моря Хвалынскаго, выходилъ мѣсяцъ

---

*) Супостатъ—отъ слова супоставленный, супротивъ поставленный, супротивный то есть—врагъ, непріятель.

изъ-подъ синя неба, собирались облака изъ далека, собирались сизы птицы во градъ каменный, а въ томъ градѣ каменномъ породила меня мать родная (такая то), а рожая, приговаривала: будь ты мое дитятко цѣлъ и невредимъ, отъ пушекъ, пищалей, стрѣлъ, борцовъ, кулачныхъ бойцовъ: бойцамъ тебя не требовать, ратнымъ орудіямъ не побивать, рогатиною и копіемъ не колоть, топоромъ и бердышемъ не сѣчь, обухомъ тебя бить—не убить, ножемъ не уязвить, старожилымъ людямъ въ обманъ не вводить, молодымъ парнямъ ничѣмъ не вредить, а быть тебѣ передъ нимъ соколомъ, а имъ дроздами. А будь твое тѣло, крѣпче камня, рубаха, крѣпче желѣза, грудь, крѣпче камня Алатыря; а будь ты: въ домѣ добрымъ отцомъ, во полѣ молодцомъ, въ рати удальцомъ, въ міру на любованьѣ, на брачномъ пиру безъ малаго ухищренья, съ отцемъ съ матерью во миру, съ женою во ладу, съ дѣтьми во согласіи. Заговариваю я свой заговоръ матернимъ заповѣданьемъ; а быть ему во всемъ, какъ указано, во вѣки ненарушимо. Рать могуча, мое сердце ретиво, мой заговоръ всему—превозмогъ. (*Сказ. Рус. Нар. Сахарова, тамъ же*).

6. *Заговоръ ратнаго человѣка, идущаго на войну.* Выхожу я во чистое поле, сажусь на зеленый лугъ, во зеленомъ лугу есть зелья могучія, а въ нихъ сила видима-невидимая. Срываю три былинки: бѣлыя, черныя, красныя. Красную былинку метать буду за Окіанъ-море, на островъ на Буянъ, подъ мечь кладенецъ; черную былинку покачу подъ чернаго ворона, того ворона, что свилъ гнѣздо на семи дубахъ, а во гнѣздѣ лежитъ уздечка бранная съ коня богатырскаго; бѣлую былинку заткну за поясъ узорчатый, а въ поясѣ узорчатомъ зашитъ, завитъ колчанъ съ каленой стрѣлой, съ дѣдовской, татарской. Красная былинка притащитъ мнѣ мечь кладенецъ, черная былинка достанетъ уздечку бранную, бѣлая былинка откроетъ колчанъ съ каменной стрѣлой. Съ тѣмъ мечемъ отобью силу чужеземную, съ той уздечкой обратаю коня яраго, съ тѣмъ колчаномъ, со каленой стрѣлой, разобью врага супостата. Заговариваю я ратнаго человѣка, (такого то) на войну съ симъ заговоромъ. Мой заговоръ крѣпокъ, какъ камень Алатырь. (*Сказаніе Рус. Нар. Сахарова, тамъ же*).

7. *Заговоръ ратнаго человѣка. идущаго на войну.* Подъ мо-

ремъ подъ Хвалынскимъ стоитъ мѣдный домъ, а въ томъ мѣдномъ домѣ закованъ змѣй огненный, а подъ змѣемъ огненнымъ лежитъ семипудовый ключь отъ княжева терема Володимірова, а во княжемъ теремѣ Володиміровомъ сокрыта сбруя богатырская, богатырей Ноугородскихъ, соратниковъ молодеческихъ. По Волгѣ широкой, по крутымъ берегамъ, плыветъ лебедь княжая со двора княжева. Поймаю я ту лебедь, поймаю я ту лебедь, поймаю, схватаю. Ты, лебедь, полети къ морю Хвалынскому, заклюй змѣя огненнаго, достань ключь семипудовой, что ключь отъ княжева терема, терема Володимірова. Не моимъ крыльямъ долетать до моря Хвалынскаго, не моей мочи расклевать змѣя огненнаго, не моимъ ногамъ дотащить семипудовый ключь. Есть на морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ воронъ, всѣмъ воронамъ старшій братъ; онъ долетитъ до моря до Хвалынскаго, заклюетъ змѣя огненнаго, притащитъ ключь семипудовый; а воронъ посаженъ злою вѣдьмою Кіевскою. Во лѣсу стоячемъ, во сыромъ бору стоитъ избушка, ни шитая, ни крытая, а въ избушкѣ живетъ злая вѣдьма Кіевская. Пойду ль я въ лѣсъ стоячій, въ боръ дремучій, взойду-ль я въ избушку ко злой вѣдьмѣ Кіевской. Ты, злая вѣдьма Кіевская: вели своему ворону слетать подъ море Хвалынское, въ мѣдный домъ, заклевать змѣя огненнаго достать, семипудовый ключь. Заупрямилась, закорачилась злая вѣдьма Кіевская о своемъ воронѣ. Не моей старости бродить до моря до Окіана, до острова до Буяна, до чернаго ворона. Прикажи ты моимъ словомъ заповѣднымъ достать ворону тотъ семипудовой ключь. Разбилъ воронъ мѣдный домъ, заклевалъ змѣя огненнаго, досталъ семипудовой ключь. Отпираю я тѣмъ ключемъ княжой теремъ Володиміровъ, достаю сбрую богатырскую, богатырей Ноугородскихъ, соратниковъ молодеческихъ. Во той сбруи не убьютъ меня ни пищали, ни стрѣлы, ни бойцы, ни борцы, ни казанская, ни татарская рать. Заговариваю я раба (такого то) ратнаго человѣка, идущаго на войну симъ моимъ крѣпкимъ заговоромъ. Чуръ слову конецъ, моему дѣлу вѣнецъ! *(Сказ. Рус. Нар. Сахарова, тамъ же).*

8. *Заговоръ ратнаго человѣка, идущаго на войну.* На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, сидитъ добрый молодецъ, по неволѣ заточенъ. Къ тебѣ я прихожу, добрый молодецъ, съ

покорнщемъ. Выдаютъ меня родные братья во княжью рать, одинокаго, неженатаго, а во княжьей рати мнѣ по добру не жити. Заговори меня своимъ молодеческимъ словомъ. Радъ бы стоять въ полѣ за тебя горькаго сиротину, да крѣпка моя неволя, да горька моя истома. Заговариваю я раба (такого то) идти на войну во всемъ потому, какъ заповѣдалъ мнѣ родной отецъ. А будешь ты ратнымъ человѣкомъ, ино будь сбереженъ: отъ топора, отъ бердыша, отъ пищали, отъ татарскія пики, отъ краснаго булата, отъ борца, единоборца, отъ бойца врага-супостата, отъ всей поганой, татарской силы, отъ казанской рати, отъ литовскихъ богатырей, отъ черныхъ Божіихъ людей, отъ бабьихъ зазоръ, отъ хитрой немочи, отъ всѣхъ недуговъ. И будетъ тебѣ топоръ, не въ топоръ, бердышь не въ бердышь, пищаль не въ пищаль, татарская пика не въ пику, поганая татарская сила не въ силу, казанская рать не въ рать, черные Божіе люди не въ люди, бабки зазоры не въ зазоры, богатыри не въ богатыри, недуги не въ недуги. Кручусь, верчусь отъ топоровъ, бердышей, пищалей, пикъ, бойцовъ, борцовъ, татарской силы, казанской рати, черныхъ Божьихъ людей. Отмахнусь по сей вѣкъ, по сей часъ, по сей день. *(Сказаніе Рус. Народа Сахарова, тамъ же).*

9. *Заговоръ ратнаго человѣка, идущаго на войну.* Встану я рано, утренней зарей, умоюсь холодной водой, утрусь сырой землей, завалюсь за каменной стѣной, Кремлевской. Ты, стѣна Кремлевская! бей враговъ супостатовъ, дюжихъ татаръ, злыхъ татарченковъ, а былъ бы я изъ нея цѣлъ, невредимъ. Лягу я поздно, вечерней зарей, на сырой зарѣ, во стану ратномъ; а въ стану ратномъ есть могучи богатыри княжей породы, изъ дальнихъ странъ, со ратной русской земли. Вы богатыри могучи, перебейте татаръ, полоните всю татарскую землю; а я былъ бы изъ-за васъ цѣлъ и невредимъ. Иду я во кровавую рать татарскую, бью враговъ и супостатовъ; а былъ бы я цѣлъ и невредимъ. Вы, раны тяжелыя; не болите; вы раны бойцовъ меня не губите, вы пищали меня не десятерите, а былъ бы я цѣлъ и невредимъ. Заговариваю я (раба такого то) ратнаго человѣка, идущаго на войну, симъ моимъ крѣпкимъ наговоромъ. Чуръ слову конецъ, моему дѣлу вѣнецъ! *(Тамъ же. Т. І. Ск. Рус. Нар. Сахарова).*

10. *Заговоры ратнаго человѣка, идущаго на войну.* Завяжу я рабъ (такой-то), по пяти узловъ всякому стрѣльцу не мирному, невѣрному на пищаляхъ, лукахъ и всякомъ ратномъ орудіи. Вы, узлы, заградите стрѣльцамъ всѣ пути и дороги, замѣните всѣ пищали, опутайте всѣ луки, повяжите всѣ ратныя оружія. И стрѣльцы бы изъ пищалей не били, стрѣлы бы ихъ до меня не долетали, всѣ ратныя оружія меня не побивали. Въ моихъ узлахъ сила могуча, сила могуча змѣиная сокрыта, отъ змія двунадесять главаго, того змія страшнаго, что прилетѣлъ со Океанъ-моря, со острова Буяна, со мѣднаго дома, того змія, что убитъ двунадесятью богатырями подъ двунадесятью дубами; въ моихъ узлахъ зашиты моей мачихою змѣиныя головы. Заговариваю я раба (такого-то) ратнаго человѣка, идущаго на войну моимъ крѣпкимъ заговоромъ, крѣпко на крѣпко. *(Тамъ же. Т. I. См. Ск. Рус. Нар. Сахарова).*

ЗАГОВОРЫ ЛЮБОВНЫЕ.

1. *Заговоръ молодца на любовь красной дѣвицы.* На морѣ на Океанѣ, на островѣ на Буянѣ лежитъ тоска; бьется тоска, убивается тоска, съ доски въ воду, изъ воды въ полымя, изъ полымя выбѣгалъ сатанина, кричитъ: „Павушка Романея, бѣги поскорѣе, дуй рабѣ (такой-то) въ губы, въ зубы въ ея кости и пакости, въ ея тѣло бѣлое, въ ея сердце ретивое, въ ея печень черную, чтобы раба (такая-то) тосковала всякій часъ, всякую минуту, по полуднямъ, по полуночамъ; ѣла бы не заѣла, пила бы не запила, спалабы, не заспала, а все бы тосковала, чтобъ я ей былъ лучше чужаго молодца, лучше роднова отца, лучше родной матери, лучше роду племени. Замыкаю свой заговоръ семьюдесятью-семью замками, семьюдесятью-семью цѣпями, бросаю ключи въ Океанъ море, подъ бѣлъ горючь камень Алатырь. Кто мудренѣй меня взыщется, кто перетаскаетъ песокъ изъ всего моря, тотъ отгонитъ тоску. *(Сказ. Русс. Нар. Томъ I. Сахарова. 1841 г.).*

2. *Заговоръ для любви.* Исполнена еси земля дивности. Какъ на морѣ, на Океанѣ на островѣ на Буянѣ есть горючь камень Алатырь, на томъ камнѣ устроена огнепалимая баня; въ той банѣ лежитъ разжигаемая доска, на той доскѣ, тридцать три

тоски. Мечутся тоски, кидаются тоски и бросаются тоски изъ стѣны въ стѣну, изъ угла въ уголъ, отъ пола до потолка, оттуда чрезъ всѣ пути и дороги и перепутьи, воздухомъ и аеромъ. Мечитесь тоски, киньтесь тоски въ буйную ея голову, въ тылъ, въ ликъ, въ ясныя очи, въ сахарныя уста, въ ретиво сердце, въ ея умъ и разумъ, въ волю и хотѣнье, во все ея тѣло бѣлое, и во всю кровь горячую, и во всѣ кости, и во всѣ суставы, въ 70 суставовъ, полусуставовъ и подсуставовъ; и во всѣ ея жилы въ 70 жилъ, полужилъ и поджилковъ, чтобы она тосковала, горевала, плакала бы и рыдала во всякъ день, во всякъ часъ, во всякое время; нигдѣ-бъ пробыть не могла, какъ рыба безъ воды. Кидалась бы, бросалась бы изъ окошка въ окошко, изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, на всѣ пути и дороги, и перепутья съ трепетомъ, туженьемъ, съ плачемъ и рыданьемъ, зѣло спѣшно шла бы и рыдала и пробыть безъ того ни минуты не могла. Думала бъ объ немъ не задумала, спала бъ не заспала, ѣла бы не заѣла, пила бъ не запила и не боялась бы ничего, чтобъ онъ ей казался милѣе свѣту бѣлаго, милѣе солнца пресвѣтлаго, милѣе луны прекрасныя, милѣе всѣхъ, и даже милѣе сна своего во всякое на молоду, подъ полнъ, на перекроѣ и на исходѣ мѣсяца. Сіе слово есть утвержденіе и укрѣпленіе, имъ же утверждается и укрѣпляется, и замыкается. Аще ли кто отъ человѣкъ, кромѣ меня, покусится отмыкать страхъ сей, то буди, яко червь въ свинцѣ орѣховомъ. И ничѣмъ, ни аеромъ, ни воздухомъ, ни бурею, ни водою дѣло сіе не отмыкается. *(Тамъ же. Томъ I. 1841. Ск. Русс. Нар. Сахарова).*

3. *Заговоръ полюбовнаго молодца на любовь красной дѣвицы.* За моремъ, за Хвалынскимъ, во мѣдномъ городѣ, во желѣзномъ теремѣ сидитъ добрый молодецъ, заточенъ во неволѣ, закованъ въ семьдесятъ-семь цѣпей, за семьдесятъ-семь дверей, а двери заперты семьюдесятью замками, семьюдесятью крюками. Никто добра молодца изъ неволи не ослобонитъ, никто добра молодца до сыта не накормитъ, до пьяна не напоитъ. Приходила къ нему родная матушка (такая-то) во слезахъ горючихъ, поила молодца сытой медовой, кормила молодца бѣлоснѣговой крупой, а кормивши молодца сама приговаривала: не скакать бы молодцу по чисту полю, не искать бы молодцу

чужой добычи, не свыкаться бы молодцу съ буйными вѣтрами, не радоваться бы молодцу на рать могучу, не пускать бы молодцу калену стрѣлу по поднебесью, не стрѣлять бы во бѣлыхъ лебедей, что лебедей княжiихъ, не доставать бы молодцу мечъ кладенецъ врага—супостата; а жить бы молодцу во терему родительскомъ, со отцемъ, со матерью, съ родомъ-племенемъ. Ужъ какъ возговоритъ добрый молодецъ: не чисто поле меня сгубило, не буйны вѣтры занесли на чужую добычу, не каленой стрѣлой доставалъ я бѣлыхъ лебедей, не мечемъ-кладенцемъ хотѣлъ я достать враговъ—супостатовъ, а сгубила молодца воля молодецкая, во княжемъ терему надъ дѣвицей красной (такой-то). Заговариваю я, родная матушка (такая-то) полюбовнаго молодца (такого-то) на любовь красной дѣвицы (такой-то). Вы вѣтры буйные, распорите ея бѣлу грудь, откройте ея ретиво сердце, навейте тоску со кручиною; чтобы она тосковала и горевала: чтобы онъ ей былъ милѣе своего лица, свѣтлѣе яснаго дня, краше роду племени, привѣтливѣе отца съ матерью; чтобы онъ казался во снѣ и на яву, въ день и полдень, въ ночь и полночь: чтобы онъ ей былъ во пригожество красное, во любовь залучную; чтобы она плакала и рыдала по немъ, и безъ него бы радости не видала, утѣхъ не находила. Кто камень Алатырь изгложетъ, тотъ мой заговоръ превозможетъ. Моему слову конецъ на любовь красной дѣвицы (такой-то). *(Томъ I. Сказ. Русс. Народа. Сахарова. 1841 г.).*

4. *Заговоръ на любовь.* На морѣ на Океанѣ есть бѣлъ горючъ (свѣтящiйся) камень Алатырь, никѣмъ невѣдомой, подъ тѣмъ камнемъ сокрыта сила могуча, и силы нѣтъ конца. Выпускаю я силу могучу (на такую-то) красную дѣвицу; сажаю я силу могучу во всѣ составы, полусоставы, во всѣ кости и полукости, во всѣ жилы и полужилы, въ ея очи ясны, въ ея щеки румяны, въ ея бѣлу грудь, въ ея ретиво сердце, въ утробу, въ ея руки и ноги. Будь ты, сила могуча въ (такой-то) красной дѣвицѣ неисходно; а жги ты сила могуча, ея кровь горючую, ея сердце кипучее на любовь къ (такому-то) полюбовному молодцу. А была бы красная дѣвица (такая-то) во всемъ послушна полюбовному молодцу (такому-то), по всю его жизнь. Ничѣмъ бы красна дѣвица не могла отговориться

ни заговоромъ, ни приговоромъ, и не могъ бы ни старъ человѣкъ, ни младъ отговорить ее своимъ словомъ. Слово мое крѣпко, какъ бѣлъ горючъ камень Алатырь. Кто изъ моря всю воду выпьетъ, кто изъ поля всю траву выщиплетъ, и тому мой заговоръ не превозмочь, силу могучу не увлечь.

5. *Какъ приворотить дѣвку*. Наговоръ на пряникѣ. Истопи баню жарко и войди въ нее; когда взопрѣешь, возьми чистую тряпицу, сотри потъ и выжми тряпицу на пряникъ. Когда станешь потъ стирать, тогда глаголи трижды сей заговоръ:

На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, стояло древо; на томъ древѣ сидѣло семьдесятъ, какъ одна птица; эти птицы щипали вѣти (вѣтви), эти вѣти бросали на землю; эти вѣти подбирали бѣсы и приносили къ Сатанѣ Сатановичу. Ужъ ты худъ бѣсъ! кланяюсь я тебѣ и поклоняюсь, — сослужи мнѣ службу и сдѣлай дружбу: зажги сердце (имя рекъ) по мнѣ (имя рекъ) и зажги всѣ печенья и легкое, и всѣ суставы по мнѣ (имя рекъ), буди мое слово крѣпко, крѣпче трехъ булатовъ во вѣки! *(Вели пряникъ съѣсть)* *).

6. *Наговоръ на любовь на пряникъ*. Взойди въ баню и глаголи трижды со вниманіемъ: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ, аминь. На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, на рѣкѣ Ярданѣ, стояла гробница, во той гробницѣ лежала дѣвица. Раба Божія (имя рекъ)! Встань, пробудись, въ цвѣтно платье нарядись, бери кремень и огниво, зажигай свое сердце ретиво по рабѣ Божіемъ (имя рекъ) и такъ зажигай крѣпко, и дайся по рабѣ Божіемъ (имя рекъ) въ тоску, въ печаль, какъ удавшему (удавленику) въ петлѣ, такъ бы рабѣ Божіей (имя рекъ) было бы тошно по рабѣ Божіемъ (имя рекъ). Какъ утопшему въ морѣ, такъ бы рабѣ Божіей (имя рекъ) было бы тошно по рабѣ Божіемъ (имя рекъ), какъ душа съ тѣломъ разстается во вѣки, аминь. Утверждаю Іисусомъ Христомъ, и Пресвятою Госпожею Богородицею, и всею небесною силою, во вѣки, аминь. Всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь. Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь.

---

*) Народные заговоры собр. Афонасьевымъ. См. Лѣтопись Русской Литературы. 1862 г.

Отца—аминь, Сына—аминь, Святаго Духа—аминь. *Дай пряникъ съѣсть* *).

6. *Заговоръ на любовь дѣвушки* **). Лягу я, рабъ Божій (имя рекъ) помолясь и встану перекрестясь, и пойду я изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, въ чистое поле, подъ чистыя звѣзды, подъ лунь (луну) Господень. И лежатъ три дороги: и не пойду, ни на право, ни на лѣво; пойду по середней дорогѣ, и та дорога лежитъ черезъ темный лѣсъ. Въ темномъ лѣсу стоитъ древо тоски; тоскуетъ и горюетъ тоска, печалуется (печалится) и поселяю я ту тоску въ рабу Божію (имя рекъ); взойди въ ея бѣлое тѣло и въ ретиво сердце, и въ русыя косы, въ кровь горячую—въ руду кипучую, чтобы она по рабѣ Божіемъ (имя рекъ) тосковала, и все бы она обо мнѣ думала; въ питьѣ бы она не запивала, въ ѣствѣ бы она не заѣдала, во снѣ бы она не засыпала и завсегда бы она меня, раба Божія, на умѣ держала. Какъ солнцу и мѣсяцу помѣхи нѣтъ, такъ бы и моему заговору помѣхи не было. Аминь, аминь, аминь.

7. *Слова присушить дѣвицу*. Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Стану, рабъ Божій, благословясь, пойду перекрестясь, выйду въ чистое поле, въ широкое раздолье; на встрѣчу мнѣ, среди чистаго поля и широкаго раздолья семьдесятъ буйныхъ вѣтровъ, семьдесятъ вихоровъ и семьдесятъ вѣтровичъ и семьдесятъ вихоровичъ. Пошли они на святую Русь зеленаго лѣсу ломать, и на полѣ изъ корени вонъ воротить, и пещеры каменныя разжигать. И тутъ, я, рабъ Божій (имя рекъ) помолюсь имъ и поклонюсь: о вы, есте: 70 буйныхъ вѣтровъ, 70 вихровъ, и 70 вѣтровичъ и 70 вихоровичъ. Не ходите вы на святую Русь, зеленаго лѣсу ломать, изъ корней вонъ воротить и пещеры каменныя разжигать, подьте вы, разожгите у рабы Божіей (имя рекъ) бѣлое тѣло, ретивое сердце, памятную думу, черную печень, горячую кровь, жилы и суставы, и всю ей, чтобы она раба Божія (имя рекъ) не могла бы ни жить, ни быть, ни пить, ни исть, ни слова говорить, ни рѣчи творить безъ меня раба Божія, (имя рекъ). Какъ меня она,

---

*) Лѣтоп. Русс. Народ. Литер. Заговоры. Афонасьева. 1862 г.

**) Тоже Афонасьева.

раба Божія (имя рекъ) увидитъ, или гласъ мой услышитъ, то бы радовалось ей (ея) бѣлое тѣло, ретивое сердце, памятная дума, черная печень, горячая кровь, кости и жилы, и всѣ у ней суставы веселились. И какъ ждетъ народъ Божія владычнаго праздника Свѣтлаго Христова Воскресенія и звону колокольнаго, такъ бы она, раба Божія (имя рекъ), дожидалась: на который день она меня не увидитъ, или гласа моего не услышитъ, такъ бы она сохла, какъ кошеная трава съ поля; какъ не можетъ быть рыба безъ воды, такъ бы не могла бы быть она безъ меня, раба Божія (имя рекъ). Тѣмъ моимъ словамъ и рѣчамъ ключевыя слова, аминь, аминь, аминь. *(Изъ стариннаго рукоп. Сборника, полученнаго изъ с. Ваймуги Холмогор. уѣзда *)*.

8. *Присушить дѣвицу на пряникъ.* Молодой человѣкъ, желающій возбудить къ себѣ любовь непреклонной дѣвицы, идетъ къ знахарю, съ просьбой присушить къ нему ту, которая была къ нему равнодушна.

Колдунъ вынимаетъ пряникъ и, принявъ таинственный видъ, начинаетъ, поводя глазами, и расширяя по временамъ ноздри, заговаривать на этотъ пряникъ: Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь. Стану я, рабъ Божій Н., благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверями, изъ двора воротами, въ чисто поле за дворами; взмолюся тремъ вѣтрамъ, тремъ братьямъ: Вѣтеръ Моvсей, вѣтеръ луна, вѣтеръ буйный вихорь! дуйте и винтите по всему бѣлому свѣту и по всему міру крещеному, распалите, разожгите, и сведите рабыню Н. со мною, съ рабомъ Божіимъ Н., душа съ душой, тѣло съ тѣломъ, плоть съ плотью, хоть съ хотью, не уроните той моей присухи, ни на воду, ни на лѣсъ, ни на землю, ни на скотину: въ воду сроните—вода высохнетъ, на лѣсъ сроните — лѣсъ повянетъ; на землю сроните—земля сгоритъ; на скотину сроните—скотина посохнетъ. Снесите и донесите, вяжите и положите въ рабицу Божію (имя рекъ), въ красную дѣвицу, въ бѣлое тѣло, въ ретивое сердце, въ хоть и въ плоть: чтобы красная дѣвица не могла безъ меня, раба Божія (имя рекъ), ни пить, ни быть, ни

---

*) Помѣщ. *Труды Этнограф. Отдѣла.* См. книгу V. Вып. второй. 1878 г. При Москов. Университетѣ.

дневать, ни часа часовать; о мнѣ, рабѣ Божіемъ (имя рекъ), тужила бы и тосковала и никогда бы не забывала. Есть въ чистомъ полѣ, сидитъ баба сводница, у бабы сводницы стоитъ печь кирпичная, въ той печи кирпичной стоитъ кунганъ литръ, въ томъ кунганѣ литрѣ всякая вещь кипитъ, перекипаетъ, горитъ, перегораетъ, сохнетъ и посыхаетъ. И такъ бы о мнѣ, рабѣ Божіемъ Н., сердцемъ кипѣла, кровью горѣла, и не могла бы безъ меня, раба Божія Н., ни жить, ни быть, ни дня дневать, ни часа часовать, ни питіемъ отпиться, ни думьемъ отдуматься, и ни въ парной банѣ отпариться. Тѣмъ моимъ словамъ ключь и замокъ, аки ключь на церкви. Во имя Отца и Сына, и Св. Духа, аминь, аминь, аминь.

Стану я, рабъ Божій Н., благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами въ чистое поле на три розстани, помолюся я, рабъ Божій, тремъ братамъ, тремъ вѣтрамъ: первый братъ, вѣтръ восточный, второй вѣтръ—западъ, третій вѣтръ—сѣверъ! Внесите тоску и сухоту въ рабицу Божію Н., чтобы она о мнѣ, рабѣ Божіемъ, сохла и тоскнула; не могла бы и дня дневать, ни часа часовать, отнынѣ и до вѣка и во вѣки, аминь, аминь, аминь!

Получивъ отъ колдуна пряникъ, молодой человѣкъ долженъ отдать его своей возлюбленной. Если это ему удастся, то она—побѣждена. (*Записано А. Харитоновымъ въ Шенкурскомъ уѣздѣ* *).

9. *На присушеніе* **). Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ, аминь.

На Русской и на Нѣмецкой землѣ есть огненный царь, высушилъ рѣки и озера, и мелкія источины, и какъ въ нынѣшнихъ вѣтрахъ (высушилъ) такъ бы сохла раба Божія Н. по рабу Божію Н. двадцати четырехъ часу денныхъ и ночныхъ, на новцѣ мѣсяцѣ и на перекроѣ мѣсяцѣ, и во вся меженны (промежуточные) дни; и не могла бы ни жить и ни быть, ни исть раба Божія Н., безъ меня раба Божія Н.: въ семидесяти суставахъ и въ семидесяти жилахъ, въ подпятное жиліе и въ

*) См. *Труды Этнограф. Отдѣла.* Император. Общества любителей Естеств. Антроп. и Этнограф. при Московс. Универс. 1878 г. Книга V. Выпускъ второй.

**) Тамъ же, стр. 140.

подколѣнномъ жилѣ, и въ пространной жилѣ, въ.... *) и вездѣ бы сохло и болѣло, по мнѣ, рабѣ Божіемъ Н. Еще есть въ чистомъ полѣ стоитъ Феоклистъ, да все высохло; днемъ на солнцѣ, а ночью при мѣсяцѣ и при частыхъ звѣздахъ, и при частыхъ дождикахъ въ семидесяти суставахъ, и въ семидесяти жилахъ, и въ подколѣнномъ жильѣ, и въ пространной жилѣ въ..... и вездѣ бы сохло у рабы Божіей Н. Двадцать четыре часу ночныхъ и дневныхъ, на утренней зарѣ, на вечерней зарѣ, на новцѣ мѣсяцѣ и на ветхи мѣсяцѣ, и на перекроѣ мѣсяцѣ, во вся меженные дни, не могла бы она, раба Божія Н., безъ меня, р. Б. Н. ни жить, ни быть. Есть въ чистомъ полѣ, печь мѣдная, накладено дровъ дубовыхъ, какъ отъ тѣхъ дровъ дубовыхъ сколь жарко разгорается, и такъ бы разгорѣлось у рабы Б. Н., по мнѣ рабу Б. Н., 24 часу денныхъ и ночныхъ, на новцѣ мѣсяцѣ и на ветху мѣсяцѣ, во вся меженные дни, не могла бы она р. Б. безъ меня ни жить и ни быть. Всѣмъ моимъ словамъ ключь и замомъ, аминь, аминь, аминь.

Трижды плюнь, а говорить на соль, или на пиво, или на пряникъ, или на вино. *(Списано со старинной рукописной тетрадки изъ Пинежскаго уѣзда г. Хромцовымъ).*

10. *Присушить дѣвку.* Выйду я на улицу, на Божій свѣтъ, посмотрю въ чисто поле. Въ чистомъ полѣ есть 77 мѣдныхъ, свѣтлыхъ каленныхъ печей, на 77 на мѣдныхъ, на свѣтлыхъ каленыхъ печахъ по 77 яги-бабъ, у тѣхъ у 77 яги-бабъ, есть по 77 дочерей, у тѣхъ у 77 дочерей есть по 77 клюкъ и по 77 метелъ. Помолюся и покорюся я, р. Б. Н., этимъ яги-бабовымъ дочерямъ: „ой еси! вы яги-бабовы дочери, присушите и прилуците рабу Б. Н. къ рабу Б. Н., метлами слѣды запашите, клуками заклучите, бейте, убивайте подпятную жилу, бейте убивайте подколѣнную жилу, бейте убивайте корекористый дубъ, бейте убивайте мѣдны калены печи. Коль горятъ пылко и жарко мѣдныя пеци, такъ же бы раба Б. (имя рекъ) пеклась и калилась во всякое время, во всякъ часъ, утра рано, вечера поздно, о середки дня, о полуноци, о утренней зарѣ и на вечерней, на нову и на ветху мѣсяцу, и на перекроѣ мѣсяцѣ; не могла бы она р. Б. Н. ни жить, ни быть, ни пить, ни

*) Извѣстный Membrum.

исть, во снѣ не засыпала, въ питіи не запивала, во ѣдѣ не заѣдала, съ добрыми людьми во бесѣды не засиживала, все меня, р. Б. Н., на умѣ держала; и казался бы я, р. Б. Н., свѣтлѣе свѣтлаго мѣсяца, краснѣе красна солнышка, любе отца, матери, толще и матерѣй всего міру крещенаго. Вѣтры вѣтероцки, буйны вихроцки, спущу я съ вами свои слова, свою статію, на свою сторону, гдѣ ее найдете, тутъ ее возьмите,— на широкой улицѣ, во мшаной хороминѣ, во дверяхъ, воротицкахъ.

(Этотъ заговоръ, кажется незаконченный, списанъ со старинной тетрадки, доставленной г. Хромцовымъ изъ Пинежскаго уѣзда, въ Труды Этнографическаго Отдѣла И. О. Л. Е. А. и Э. 1878 г.).

11. *На разженіе сердца у дѣвицы.* Стану я неблагословясь, пойду не перекрестясь, изъ избы не дворами, изъ двора не воротами, въ чисто поле. Въ томъ полѣ есть Океанъ-море, въ томъ морѣ есть Алатырь камень, на томъ камнѣ стоитъ столбъ отъ земли до неба огненный, подъ тѣмъ столбомъ лежитъ змѣя жгуча, опалюча. Я той змѣѣ, поклонюсь и покорюсь: Ой еси, ты змѣя! не жги, не пали меня, полетай подъ восточну сторону, въ высокъ теремъ, въ новый пкой (покой), пухову перину, шелкову подушку, къ дѣвицѣ Н., разожги и распали у той дѣвицы бѣлое тѣло, ретивое сердце, черную печень, горячую кровь, всѣ подпятныя и занокотныя жилы; чтобы она, дѣвица Н., не могла ни жить, ни быть, часу часовать и минуты миновать; по утру вставала—обо мнѣ бы вздыхала, пошла—ко мнѣ бы Н., величала, ни съ кѣмъ бы она думы не думала, мыселъ не мыслила, плоду не плодила, плодовыхъ рѣчей не говорила, ни съ отцемъ бы, ни съ матерью, ни съ родомъ, ни съ племенемъ, кромѣ меня, р. Б. Н., все бы она, дѣвица Н., со мной, р. Б. Н., думу думала, мысли мыслила, плодъ плодила, плодовыя мысли говорила, на ветху и на нову мѣсяцу, и на перекроѣ мѣсяцу. Будьте тѣ мои слова, недоговорены, переговорены, всѣ сполна говорены, ключь симъ словомъ въ зубы, замокъ—въ ротъ. *(Доставилъ въ Труды Этнографическаго отдѣла 1878 г. П. А. Ивановъ изъ г. Пинеги).*

12. *На разженіе дѣвичьяго сердца.* Встану я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы две-

рями, изъ двора воротами, въ чистое поле, погляжу и посмотрю подъ восточную сторону; подъ восточной стороной стоитъ есть три печи. Печка мѣдна, печка желѣзна, печка кирпична. Какъ онѣ разожглись распалились отъ неба до земли, разжигаются небо и земля и вся подвселенная, такъ бы разжигало у р. Б. (имя рекъ) къ рабу Божію (имя рекъ) легкое и печень, и кровь горячу, не можно бы ей ни жить, ни быть, ни пить, ни исть, ни спать, ни лежать, все на умѣ меня держать. Недоговорены, переговорены, прострѣлите мои слова, пуще востраго ножа и рысьяго когтя. *(Записалъ помощникъ миссіонера Батраковъ въ с. Ухтостровѣ* *).

13. *Слова, тоску напустить, присушить дѣвокъ.* Четыре зарницы, четыре сестрицы: первая Марья, вторая Марфа, третья Марина, четвертая Макрида; подьте вы, сымайте тоску и великую печаль съ гостей, съ властей, со кручинныхъ, но тюремныхъ людей, солдатовъ-новобранцевъ и съ малыхъ младенцевъ, которые титьку сосали и отъ матерей осталися; наложите ту тоску и тѣлесную сухоту, великую печаль, на рабу Божію (имя рекъ), чтобы она, раба Божія (имя рекъ), безъ меня, раба Божія (имя рекъ), не могла бы она ни жить, ни ходить, ни лежать, не спать, все по мнѣ рабѣ Божіемъ (имя рекъ) тосковать; тѣмъ словамъ и рѣчамъ ключенныя слова, аминь, аминь, аминь. *(Изъ стариннаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ села Ваймуги, Холмогорскаго уѣзда)* *).

14. *Слова, тоску напускать.* Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Стану я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверями, изъ двора воротами, выйду въ чистое поле; въ чистомъ поле стоитъ изба, въ избѣ изъ угла въ уголъ лежитъ доска, на доскѣ лежитъ тоска. Я той тоскѣ, рабъ Божій (имя рекъ), помолюся и поклонюся: о, сія тоска, не ходи ко мнѣ, рабу Божію (имя рекъ), поди тоска, навались на красную дѣвицу, въ ясныя очи, въ черныя брови, въ ретивое сердце, разожги у ней, рабы божіей (имя рекъ), ретивое сердце, кровь горячую по мнѣ, рабѣ Божіемъ

*) См. Труды Этнограф. Отд. *Императорскаго* общ. люб. Естествознанія, Этногр. и Антропол. 1878 г. Кн. V. томъ II.

**) Пом. тутъ же.

(имя рекъ), не могла бы ни жить, ни быть. Вся моя крѣпость, аминь, аминь. *(Изъ стараго рукописнаго сборника с. Ваймуги. Холмогорс. уѣзда).*

15. *Навести тоску.* Встану я, рабъ Божій, благословясь, пойду перекрестясь, изъ дверей въ двери, изъ дверей въ ворота, въ чистое поле, стану на западъ хребтомъ, на востокъ лицомъ, позрю, посмотрю на ясное небо; со ясна неба летитъ огненна стрѣла; той стрѣлѣ помолюсь, покорюсь и спрошу ее: „куда полетѣла огненная стрѣла?“ „Во темные лѣса, въ зыбучія болота, во сырое коренье!“ „О ты, огненна стрѣла! воротись и полетай, куда я тебя пошлю: есть на Святой Руси красна дѣвица (имя рекъ), полетай ей въ ретиво сердце, въ черную печень, въ горячую кровь, въ становую жилу, въ сахарныя уста, въ ясныя очи, въ черныя брови, чтобы она тосковала, горевала весь день, при солнцѣ, на утренней зарѣ, при младомъ мѣсяцѣ, при вихрѣ-холодѣ. На прибылыхъ дняхъ и на убылыхъ дняхъ, отнынѣ и до вѣка. *(Шенкурс. уѣздъ).*

16. *Присушать дѣвокъ* (наговоръ на пищу и питье). Держитца, сохнетъ, прочь не отходитъ. Какъ малый младенецъ отъ матери прочь не отходитъ, держится, сохнетъ по всякій часъ и на всякое время, какъ косякъ косяка держитца, прочь не отходитъ, такъ бы держалась раба Божія (имя рекъ) крѣпко и плотно прочь отъ меня, раба Божія (имя рекъ), не отходила, держалась и сохла крѣпко; какъ двери отъ ободверины не отходятъ, держатся крѣпко, какъ печная доска отъ печи прочь не отходитъ, такъ бы не отходила раба Божія (имя рекъ) отъ меня, раба Божія (имя рекъ), сохла, горѣла, прочь не отходила во всякій часъ, во всякое время. Стану я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, выйду на широкую улицу, пойду въ чистое поле, въ чистомъ полѣ красное солнце грѣетъ и огрѣваетъ сыроматерую землю; отъ краснаго солнца сохнетъ и обсыхаетъ роса медвяная, такъ бы сохло и обсыхало ретивое сердце у рабы Божіей (имя рекъ) по мнѣ рабѣ Божіемъ (имя рекъ). Какъ красное солнце огрѣваетъ сыроматерую землю, щепитце и колитца, и сохнетъ, какъ хмѣль вьетце и тянетце по сыроматерой земли, такъ бы вялось и тянулось ретивое сердце по мнѣ, рабѣ Божіемъ (имя рекъ) на всякой часъ,

на всякое время. Пойду я рабъ Божій по зарю Марью, по зарю Маремьянію, ко Господню престолу, на Господнемъ престолѣ мати Марія и Маремьянія; приду я къ тебѣ рабъ Божій (имя рекъ), низко помолюся и поклонюся, какъ на тебѣ нетлѣнныя ризы держатся, такъ бы держалась, раба Божія (имя рекъ). Пойду я, рабъ Божій (имя рекъ) подлѣсинье: есть въ морѣ ковылъ щука, безъ воды не можетъ ни жить, ни быть, ни дня, ни ночи, ни малой часъ. Поди, та тоска, въ семдесятъ жилъ, въ семдесятъ составовъ, во становыя въ двѣ жилы, и въ едину въ попятную, и спиновую жилу. Тѣмъ моимъ словамъ ключь и замокъ. Брошу замокъ въ морскую пучину, тѣмъ моимъ словамъ ключа не бывать и того замка не отпирать. Аминь, аминь, аминь. *(Изъ стариннаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Ваймуги, Холмогорскаго уѣзда).*

17. *Наговоръ на присушеніе.* Какъ рабъ Божій Н. любитъ рабу Божію Н., такъ чтобы и раба Божія Н., не могла безъ него ни жить, ни пить, ни ись, и любила, и почитала его лучше отца и матери, бѣлаго мѣсяца и краснаго ясна солнышка, вѣки по вѣки, отнынѣ до вѣку, аминь. *(Доставилъ г. П. А. Ивановъ изъ г. Пинеги).*

18. *Для присухи* (мужчины). Изъ свѣтлаго вѣника берется прутокъ, который кладутъ на порогѣ двери, въ которую пройдетъ тотъ, для кого назначена присуха. Какъ только перешагнутъ черезъ прутъ, то (прутъ) убирается (положившими его) въ такое мѣсто, гдѣ его никто не могъ бы видѣть. Потомъ прутъ берутъ и кладутъ въ жарко натопленной банѣ на полокъ приговаривая:

„Какъ сохнетъ этотъ прутъ, пускай сохнетъ по мнѣ рабъ Божій такой-то“. *(Доставилъ г. Никольскій изъ Мезени).*

19. *Старинное заклинаніе на любовь.* Стану отрокъ (имя рекъ) не благословясь, пойду не перекрестясь, изъ избы не дверми, изъ двора не воротами, и пойду въ чисто поле. Въ чистомъ полѣ стоитъ и три, и два и одинъ: бѣсъ Сава, бѣсъ колдунъ, бѣсъ Асаулъ, и я сойдусь поближе, отрокъ (имя рекъ), и поклонюсь пониже а.... (вырвано нѣсколько словъ). Вы тридевять бѣсовъ три, два и одинъ бѣсъ Сава, бѣсъ Колдунъ и бѣсъ Асаулъ, и какъ вы служили Ироду царю, и такъ послужите мнѣ, отроку (имя рекъ), пойдите по городамъ и по уѣз-

дамъ, и по деревнямъ, избирайте тоску и сухоту, со звѣрей и съ птицы и съ рыбы и со всякаго званія людей, и снесите ту тоску и сухоту въ отроковицу (имя рекъ), въ ясныя очи, въ черныя брови, въ румяное лице, въ сахарныя уста, въ горячую кровь, въ черную печень, въ тридевять жилъ и въ одну жилу, во становую, въ подпятную... (оторвано), чтобы отроковица (имя рекъ) не могла бы ни жить, ни быть, ни день по солнцу, ночью по мѣсяцу. Какъ младенецъ безъ матернаго молока жить не можетъ, такъ бы жила отроковица (имя рекъ); безъ воды жить не можетъ ни днемъ, ни ночью, ни въ которую пору. Есть въ чистомъ полѣ, стоитъ дубъ сорочинской и подъ тѣмъ дубомъ сорочинскимъ есть тридевять отроковицъ, изъ подъ того дуба сорочинскаго выходитъ Яга-баба и пожигаетъ тридевять саженъ дубовыхъ дровъ и коль жарко, и коль ярко разгоралось тридевять сажень дубовыхъ дровъ и столь жарко.... (вырвано) разгоралась отроковица (имя рекъ), разгорались ясныя очи и черныя брови, и румяное лицо, сахарныя уста, ретивое сердце и горячая кровь, черная печень, семдесятъ жилъ и семдесятъ суставовъ и семдесятъ одинъ суставъ, чтобы отроковица (имя рекъ) безъ отрока (имя рекъ) не могла бы съ себя тоски и сухоты снять, въ парной банѣ паритце, не могла бы въ чистомъ полѣ разгулятца и прѣснымъ молокомъ нахлѣбатце, ни сномъ отоспатце, въ бесѣди не отсидѣтце. И тѣмъ моимъ словамъ ключь и замокъ, и замокъ замкну, и снесу замокъ въ Окіянъ-море подъ Латырь камень. *(Списанъ со старинной рукописи, доставленной изъ Пинежскаго уѣзда г. Хромцовымъ).*

20. *На разожженіе сердца у дѣвицы.* Встану не благословясь, пойду не перекрестясь въ чистое поле. Въ чистомъ полѣ стоитъ терновъ кустъ; а въ томъ кусту сидитъ толстая баба, сатанина угодница. Поклонюсь я тебѣ, толстой бабѣ, сатаниной угодницѣ и отступлюсь отъ отца, и отъ матери, отъ роду и племени. Поди, толстая, баба разожги у красной дѣвицы сердце по мнѣ, рабѣ (имя рекъ). *(Заговоръ этотъ выписанъ изъ стариннаго дѣла, бывшей Архангелогородской Губернской канцеляріи. Дѣло значится по секретной описи подъ № 251-мъ 1734 г. и названо: Присланный его Императорскаго Величества изъ С.-Петербургской канцеляріи Тай-*

ныхъ и Розыскныхъ дѣлъ, указъ Кехотской волости о крестьянинѣ Трофимѣ Поповѣ).

21. *Заговоръ на тоску добру молодцу по красной дѣвицѣ.* Стану я, раба (такая-то), благословясь, пойду, перекрестясь, изъ избы въ двери, изъ двора въ ворота, пойду въ чистое поле, въ подвосточную сторону, въ подвосточной сторонѣ стоитъ изба, среди избы лежитъ доска, подъ доской тоска. Плачетъ тоска, рыдаетъ тоска, бѣлаго свѣта дожидается, бѣлый свѣтъ красное солнышко дожидается, радуется и веселится! Такъ меня, рабу такую-то, дожидался, радовался, и веселился, не могъ бы безъ меня ни жить, ни быть, ни пить, ни ѣсть; ни на утренней зарѣ, ни на вечерней; какъ рыба безъ воды, какъ младенецъ безъ материна молока, безъ материна чрева не можетъ жить, такъ бы рабъ такой-то, безъ рабы такой-то, не могъ бы жить, ни быть, ни пить, ни ѣсть, ни на утренней зарѣ, ни на вечерней, ни въ обыденъ, ни въ полденъ, ни при частыхъ звѣздахъ, ни при буйныхъ вѣтрахъ, ни въ день при солнцѣ, ни въ ночь при мѣсяцѣ. Впивайся тоска, въѣдайся тоска въ грудь, въ сердцѣ, во весь животъ рабу, такому-то, разростись, и разродись по всѣмъ жиламъ, по всѣмъ костямъ ноетой и сухотой по рабѣ такой-то. *(Сказ. Рус. Нар. Сахарова. Т. I. 1841 г.).*

22. *Напустить тоску парню* (по дѣвицѣ). Пойти въ баню, послѣ паренья стать на тотъ вѣникъ, которымъ парились и говорить:

Выйду изъ парной байны, стану своимъ бѣлымъ бумажнымъ тѣломъ на шелковъ вѣникъ; дуну и плюну въ четыре вѣтра буйныхъ. Попрошу изъ чиста поля четырехъ братьевъ, — четыре птицы востроносы и долгоносы, окованы носы. Лети изъ чистаго поля бѣлый кречетъ, вострый ножъ и востро копье; садись бѣлый кречетъ рабу Божію (имя рекъ) на бѣлы груди, на ретиво сердце, рѣжь же его бѣлы груди тѣмъ же вострымъ ножемъ, коли же его ретиво сердце тѣмъ же вострымъ копьемъ; вынимай изъ его ретива сердца, изъ черной печени, и изъ всей крови горячей еще тоску и кручину. Полети бѣлый кречетъ, понеси бѣлый кречетъ, всю тоску и кручину, на воду не опусти, на землю не урони, на стужѣ не позноби, на вѣтрѣ не посуши, на солнцѣ не повянь; донеси всю тоску-кручину,

всю сухоту, чахоту и юноту велику до раба Божія (имя рекъ), гдѣ бы его завидѣть, гдѣ бы его заслышать, хошь бы въ чистомъ полѣ, хошь бы при разстаньѣ великомъ, хошь бы при путяхъ-дорогахъ, хошь бы въ парной байнѣ, хошь бы въ свѣтлой свѣтлицѣ, хошь бы за столами дубовыми, хошь бы за скатертями перчатными, хошь бы за кушаньями сахарными, хошь при мягкой постели, при высокомъ сголовьѣ, хошь при крѣпкомъ сну. Садись бѣлый кречетъ на рабу Божію (имя рекъ), на бѣлы груди, на ретиво сердцѣ, рѣжъ его бѣлы груди, тѣмъ же вострымъ ножемъ, коли его ретиво сердце тѣмъ же вострымъ копьемъ, клади въ его бѣлы груди, въ ретиво сердце, въ кровь кипучую всю тоску кручину, всю сухоту, всю чахоту, всю вяноту великую во всю силу его могучую, въ хоть и плоть его въ семдесять семь жилъ, въ семдесятъ семь суставовъ, въ становой его суставъ, во всю буйную голову, въ лицо его бѣлое, въ брови черныя, въ уста сахарныя, во всю красоту молодецкую. Рабъ бы Божій (имя рекъ) чахъ бы чахотой, сохъ сухотой, вялъ вянотой, въ день по солнцу, въ ночь по мѣсяцу на полну и на ветху, въ перекрой мѣсяцу, во всѣ межные дни, въ утренни и вечерни зори, на всякій часъ и минуту. Какъ май мѣсяцъ мается, такъ бы рабъ Божіей (имя рекъ) за рабой Божіей ходилъ да маялся. Не могъ бы ее ходить и переходить, никакимъ словомъ обходить, вѣкъ по вѣки, и рабъ Божій (имя рекъ) по рабѣ Божіей (имя рекъ) не могъ бы ни жить, ни быть, ни пить, ни ѣсть, ни на новцу, ни на полну, ни на ветху, ни на перекрой мѣсяца, во всѣ межны дни. Какъ май мѣсяцъ мается, также бы рабъ Божій (имя рекъ) за рабой Божіей (имя рекъ) ходилъ и маялся, и не могъ бы онъ ее ни коимъ словомъ ходить и переходить, и не могъ бы безъ ее ни пить, ни ѣсть, ни жить, ни быть. Эти мои наговорны слова, которы договорены, которы переговорены, которы назади остались,—берите мои слова вострѣе востраго ножа, вострѣе копья, вострѣй сабли, ярѣй ключевой воды. И этимъ моимъ наговорнымъ словомъ заключенныя слова ключь и замокъ, ключь щукѣ, замокъ въ зубы,—щука въ морѣ. Нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь. *(Доставилъ въ Труды Этног. Отдѣла г. Никольскій изъ г. Мезени).*

23. *На прилученіе парня.* Пойду я въ чистое поле, есть

въ чистомъ полѣ бѣлый кречетъ. Попрошу я бѣлаго кречета: слеталъ бы онъ въ чистое поле, въ синее море, въ крутыя горы, въ темные лѣса, въ зыбучія болота и попросилъ бы онъ окаянную силу, чтобы дала она ему помощи сходить ему въ высокій теремъ и застать его хошь бы середка темной ночи соннаго. И сѣлъ бы бѣлый кречетъ на бѣлую грудь, на ретиво сердце, на горячую печень и вложилъ бы рабу Божію (имя рекъ) изъ своихъ окаянныхъ устъ, чтобы онъ не могъ безъ рабы Божіей (имя рекъ) ни жить, ни быть, ни пить, ни ѣсть. *(Доставилъ въ Труды Этног. Отдѣла. V кн. Томъ II. г. Никольскій изъ г. Мезени).*

24. *На людскую любовь* (чтобы пріобрѣсти общую любовь). Стану я рабъ Божій по утру, благословясь и перекрестясь; выйду я въ чистое поле, погляжу на всѣ четыре стороны: на восточной сторонѣ стоитъ святая церковь. Какъ на эту церковь смотрятъ и зарятся, такъ бы на раба Божія смотрѣли и зарились старыя старушки, старые старики, маленькіе ребята, красныя дѣвицы, молодыя молодицы, смотрѣли и зарились на раба Божія (имя рекъ), будьте слова мои крѣпки и емки, какъ ключи подземельные, аминь.

Это заклинаніе употребляется для привлеченія любви, какъ дѣвушекъ, такъ и всѣхъ вообще людей. *(Записано въ гор. Онегѣ).*

25. *На любовь дѣвушекъ и всѣхъ людей.* Наговорить на кольцо или на крестъ, и положить себѣ за пазуху, или въ платокъ.

Собирайтесь народъ, люди добрые, ко честному Христову празднику. Какъ глядятъ на кресты, да на маковки, на мать Пресвятую Богородицу, на различный образъ, такъ бы на раба Божія Н. глядѣли и смотрѣли старые старики, молодые мужики, старыя старухи, молодыя молодухи, красныя дѣвицы, малые робятки; такъ бы раба Божія Н. глядѣла и смотрѣла; такъ бы рабъ божій Н. (имя заговаривающаго) казался краше краснаго солнца, чище чистаго серебра, будьте мои слова, тверды и крѣпки, на вѣки нерушимы. Ключь въ воду, а замокъ въ руки. *(Записано въ г. Онегѣ).*

Остудные, противу любовные заговоры.

1. *На остуду между молодцомъ и дѣвицей.* Какъ мать быстра рѣка Волга течетъ, какъ пески со песками споласкиваются, какъ кусты, со кустами свиваются, такъ бы рабъ (такой-то) не водился съ рабой (такой-то) ни въ плоть, ни въ любовь, ни въ юность, ни ярость; какъ въ темной темницѣ и въ клѣвницѣ, есть нежить простоволоса, и долговолоса, и глаза выпучивши; такъ бы раба (такая-то) казалась ему (такому-то) простоволосой и долговолосой и глаза выпучивши; какъ у кошки съ собакой, у собаки съ россомахой, такъ бы и у раба (такого-то) съ рабой (такой-то) не было согласія ни днемъ, ни ночью, ни утромъ, ни въ полдень, ни въ набѣдокъ. Слово мое крѣпко. *(См. Сказанія Р. Н. Сахарова. Т. I. 1841 г.).*

2. *Остудныя слова.* Эти слова употребляются для того, чтобы сдѣлать немилымъ кого либо, или разлучить съ другимъ. Обыкновенно (въ Мезени) они наговариваются на землю, взятую между двухъ горъ, или на воду взятую, тогда оба берега считаются горами. Эту землю даютъ въ какомъ либо кушаньѣ. Для большей дѣйствительности, прибавляютъ въ нее мелко изрубленные медвѣжьи когти. Вотъ на этотъ случай заговоръ:

„Стану не благословясь, выйду не перекрестясь, изъ избы не дверьми, изъ двора не воротами,—мышьей норой, собачьей тропой, окладнымъ бревномъ; выйду на широку улицу, спущусь подъ круту гору, возьму отъ двухъ горъ земельки; какъ гора съ горой не сходится, гора съ горой не сдвигается, такъ же бы раб. (имя рекъ) съ р. Б. (имя рекъ) не сходился, не сдвигался. Гора на гору глядитъ, ничего не говоритъ, такъ же бы р. Б. (имя рекъ) съ р. Б. (имя рекъ) ничего бы не говорилъ. Чуръ отъ дѣвки, отъ простоволоски, отъ жонки, отъ бѣлоголовки, чуръ отъ стараго старика, чуръ отъ еретиковъ, чуръ отъ еретицъ, чуръ отъ ящеръ-ящерицъ. *(Доставилъ г. Никольскій изъ г. Мезени).*

3. *Заговоръ на остуду между мужемъ и женой.* Стану я не благословясь, пойду я не перекрестясь не дверьми, не воротами, а дымнымъ окномъ, да подвальнымъ бревномъ, положу шапку подъ пяту, подъ пяту, не на сыру землю, да въ

черный чоботъ; а въ томъ чоботѣ побѣгу я въ темный лѣсъ, на большо озерищо; въ томъ озерищѣ, плыветъ челнище, въ томъ челнищѣ сидитъ чертъ съ чертищей; швырну я съ подъ пяты шапку въ чертища. Что ты чертище, сидишь въ челнищѣ съ своей чертищей? Сидишь ты чертище прочь лицомъ отъ своей чертищи; поди ты чертище къ людямъ въ пепелище, посели чертище свою чертище къ такому то въ избище, не какъ ты, чертище съ своей чертищей живутъ людища мирно любовно, другъ друга любятъ, чужихъ ненавидятъ. — Ты чертище вели чертищѣ, чтобъ она чертища распустила волосища; какъ жила она съ тобою въ челнищѣ, такъ жилъ бы (такой-то) со своей женой въ избищѣ. Чтобъ онъ ее ненавидѣлъ. Не походя, не подступя, разлилась бы его, ненависть по всему сердцу, а у ней по тѣлу, на рожество, не могла бы ему ни въ чемъ угодить и опротивѣла бы ему своей красотой, омерзела бы ему всѣмъ тѣломъ. Какъ легко мнѣ будетъ (отступить) отъ тебя, какъ легко достать шапку изъ озерища тебѣ чертищу, хранить шапку въ озерищѣ, отъ рыбы, отъ рыбака, отъ злаго колдуна, чтобы не могли ее ни рыбы съѣсть, ни рыбакъ достать, ни злой колдунъ отколдовать на миръ и на ладъ. И вмѣсто рукописи кровной отдаю тебѣ я слюну. (*См. Сказанія Русскаго Народа, Сахарова. Томъ I. 1841 г. Русское Чернокнижіе*).

4. *На остуду.* Ручей съ ручьемъ сбѣгается, гора съ горой не сходится, лѣсъ съ лѣсомъ сростается, цвѣтъ съ цвѣтомъ слипается, трава развивается. Отъ той травы цвѣтъ сорву, съ собой возьму, выйду на долину, на таку большу тропину, возьму себѣ землину, сяду подъ лѣсину, выйду на широкій лугъ, посмотрю на всѣ четыре стороны, нейдетъ ли р. Б. (имя рекъ) и кину, и брошу я въ чисто поле; и какъ гора съ горой не сходится, такъ бы и р. Б. (имя рекъ) не сходился и не сдвигался. (*Доставилъ г. Никольскій изъ г. Мезени*).

5. *На разлученіе.* Зайду я во широкій дворъ, во высокій домъ, запишу я (имя рекъ) отстуду велику, отстудился бы р. Б. (имя рекъ) отъ р. Б. (имя рекъ), чтобъ онъ былъ ей ни на глаза, ни днемъ ни ночью, ни утромъ, ни вечеромъ; чтобы онъ въ покой, она изъ покоя, онъ бы на улицу, она бы съ улицы, такъ бы она ему казалась, какъ люта медвѣдица. И въ

какомъ бы она ни была платьѣ, хоть въ цвѣтномъ, хоть въ держимомъ (будничномъ, рабочемъ) все бы онъ не могъ ее терпѣть и кажиный бы разъ не сносилъ бы съ ея зубовъ своихъ кулаковъ. Хоть бы ладно она дѣлала, а ему все бы казалось не ладно, и хошь бы по уму дѣлала, а ему бы казалось не по мыслямъ. Пошелъ бы онъ по улицѣ, разогналъ бы грусть тоску кручину съ чужими людьми, и пошелъ бы онъ домой и повалился бы на мѣсто (на постель) и есть у него подружка, ночная подушка и разогналъ бы онъ съ ней грусть, тоску. (*Доставилъ г. Никольскій изъ г. Мезени*).

6. *Наговоръ на разлученіе.* Чертъ идетъ водой, волкъ идетъ горой; они вмѣстѣ не сходятся, думы не думаютъ, мыслей не мыслятъ, плоды не плодятъ, плодовыхъ рѣчей не говорятъ. Такъ бы у раба Божія (такіе-то), мыселъ не мысляли, плодовъ не плодили, плодовыхъ рѣчей не говорили, а все бы, какъ кошка да собака жили. (*См. Труды Этног. Отдѣла, кн. V. выпускъ II. 1878 г. Сообщено г. Ивановымъ изъ г. Пинеги*).

7. *На устудну.* Стану я, рабъ Н., не благословясь, и пойду не перекрестясь, изъ избы не дверьми, изъ воротъ не воротами, выйду подвальнымъ бревномъ и дымнымъ окномъ (трубою) въ чистое поле. Въ чистомъ полѣ бѣжитъ рѣка черна, по той рѣкѣ черной ѣздитъ чертъ съ чертовкой и водяной съ водяночкой, на одномъ челнѣ не сидятъ, и во одно весло не гребутъ, одной думы не думаютъ и совѣтъ не совѣтуютъ. Такъ бы рабъ Б. Н. Съ рабой Б. Н. на одной бы лавкѣ не сидѣли, въ одно бы окно не глядѣли, одной бы думы не думали, одного совѣта не совѣтовали. Собака бѣла, кошка сѣра—одинъ змѣиный духъ. Ключь и замокъ словамъ моимъ.

Заговоръ этотъ преимущественно употребляется въ г. Онегѣ, и наговаривается или на воду, или на съѣстное. (*См. Тр. Этн. Общ. при Имп. Моск. Ун. 1878 г. Книг. V. Вып. II Сообщ. С. Огородниковымъ*).

ЗАГОВОРЫ ДЛЯ ПРИЗЫВАНІЯ, ИЛИ ОТОГНАНІЯ НЕЧИСТОЙ СИЛЫ.

1. *Въ защиту отъ нечистой силы.* Наговори на воскъ и прилѣпи на крестъ отъ враговъ своихъ.

Знаменуйся рабъ Божій (имя рекъ) крестомъ животворящимъ—одесную и ошую, спереди и сзади. Крестъ на мнѣ, рабѣ божіемъ (имя рекъ), крестъ передо мною, крестъ за мною, крестъ—дьявола и всѣ враги побѣдиша. Да бѣжатъ бѣсове, вся сила вражія отъ меня, раба божія (имя рекъ), видѣвшу, яко молнію—крестную силу опаляющую. Близь меня Христосъ и вся сила небесная: Михаилъ, Гавріилъ, Уріилъ и Рафаилъ, архангелы и ангелы, начала, власти, престолы, Господни силы и нерушимо страшные серафимы, и святіи Ангелы—хранители преданные мнѣ на соблюденіе души и тѣлу моему отъ святаго крещенія. А далече отъ меня съ своею темнообразною силою стоитъ, и со всѣмъ человѣки прогнанъ бысть, третью стами и шестидесятью ангелы стали божіи. Молитвъ ради Пречистыя Твоея Матери, Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго раба Твоего (имя рекъ)—всегда и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь. *(Сообщено Афанасьевымъ См. Лѣтописи Русс. Нар. Лит. 1862 года).*

2. *Заговоръ на отганіе черныхъ муріевъ.* За моремъ за синимъ, за моремъ Хвалынскимъ, по срединѣ Океанъ-моря лежитъ островъ Буянъ, на томъ островѣ Буянѣ стоитъ дубъ, подъ тѣмъ дубомъ живутъ седмерицею семь старцевъ, ни скованныхъ, ни связанныхъ. Приходилъ къ нимъ старецъ, приводилъ къ нимъ тму темъ черныхъ муріевъ. Возьмите вы, старцы, по три желѣзныхъ рожна, колите, рубите черныхъ муріевъ на семдесятъ семь частей.

За моремъ за синимъ, за моремъ за Хвалынскимъ, посреди Океана-моря, лежитъ островъ Буянъ, на томъ островѣ Буянѣ стоитъ домъ, а въ томъ домѣ стоятъ кади желѣзныя, а въ тѣхъ кадяхъ лежатъ тенета шелковыя. Вы старцы ни скованные, ни связанные, соберите черныхъ муріевъ въ кади желѣзныя, въ тенета шелковыя, отъ раба (такого то).

За моремъ за синимъ, за моремъ за Хвалынскимъ, посреди Океанъ-моря, лежитъ островъ Буянъ, на томъ островѣ Буянѣ сидитъ птица Гагана, съ желѣзнымъ носомъ, съ мѣдными когтями. Ты птица Гагана сядь у дома, гдѣ стоятъ кади желѣзныя, а въ кадяхъ лежатъ черныя муріи, въ шелковыхъ тенетахъ; сиди дружно и крѣпко, никого не подпускай, всѣхъ

отгоняй, всѣхъ кусай. Заговариваю я симъ заговоромъ раба (такого то) отъ черныхъ муріевъ, по сей день, по сей часъ, по его вѣкъ, а будь мой заговоръ дологъ и крѣпокъ. Кто его нарушитъ, того черныя муріи съѣдятъ. Слово мое крѣпко! *(Сказанія Русскаго Народа, Сахарова. Томъ I. 1841 г. Чернокнижіе).*

3. *Заговоръ отъ дьявола.* Отъиде дьяволе отъ храму и отъ дому сего, отъ дверей и отъ всѣхъ четырехъ угловъ. Нѣтъ тебѣ, дьяволе, части и участія, мѣста и покою, здѣсь крестъ Господень, Матерь Христова, пресвятая Богородица, святый Петръ, святые Евангелисты, Іоаннъ, Лука, Марка, Матѳей, св. Архангелъ Михаилъ, Гавріилъ, Рафаилъ, Уріилъ, Угасіилъ, Егудіилъ, Варахаилъ. Силы небесныя ликовствуютъ, здѣсь святые Херувимы и Серафимы, святый Михаилъ нынѣ по всей вселенныя, по нихъ же полки держитъ святый Петръ палицу держа, здѣсь Рождество Предтечи, здѣсь тебѣ, діяволе, нѣтъ части и участія, мѣста и покою, не дѣлай пакости, діаволе, всему мѣсту и дому, и человѣку, и скоту, и всѣмъ рабамъ Божіимъ, бѣги отсюда во адъ кромѣшный, гдѣ твой настоящій пріютъ и тамо да обрѣтайся. Слово мое крѣпко, яко камень, аминь, аминь, аминь. *(Изъ рукописной тетради Г. Григорія Данилова Книголюбова).*

4. *Молитва отъ злаго чарованія.* Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Нравомъ причастникъ и Апостоламъ намѣстникъ, Апостоломъ бывъ, дѣяніе обрелъ еси боговдохновеннѣ, въ видѣніяхъ восходъ, сего ради слово истинны исправляя, вѣры ради пострадалъ еси даже до крови, священномученице Кипріане и Іустине, молите Христа Бога, избавите р. Б. отъ всякаго злаго волхованія и колдованія, отъ врага и супостата, и всякихъ вредовъ, козней и золъ, ликъ ангельскій отъ художества волшебнаго обратился богомудре къ познанію божественному, показався еси міру врачъ мудрѣйшій и исцѣленія даруя чевствующимъ тя, Кипріане со Іустиною, съ нею же молися человѣколюбчу владыцѣ очиститися и избавитися р. Б. (имя рекъ) отъ всякаго злаго очарованія, обаянія, колдованія и волшебства, козни и всѣхъ злыхъ дѣйствій, отъ сего часу и минуты по весь его вѣкъ и на всю его жизнь, во вѣки и въ вѣкъ, аминь.

5. *Заговоръ отъ змія къ женѣ летающаго въ домъ* *) Во всемъ домѣ—гилло магалъ—сидѣла Солнцева дѣва. Не теремъ златой—шингафа, искала дѣва; не богатырь могучъ изъ Новгорода подлеталъ; подлеталъ огненный змѣй Лифъ, лифъ, зауцапа калапуда. А броня не мѣдяна, не злата; а ширинки на немъ не жемчужены; а шлемъ на немъ не изъ краснаго уклада; а калена стрѣла не изъ дѣдовскаго ларца. Пицапо фукадалимо коройталима канафо.—Полканъ, Полканъ! разбей ты огненнаго змѣя; ты соблюди дѣвичью красу Солнцевой дѣвы.—Вихадимо гилло могалъ-дирафъ. Изъ за Хвалынскаго моря летѣлъ огненный змѣй по синему небу во дальнюю деревушку, во теремъ къ дѣвѣ: Могучъ богатырь—Шнялда-Шибулла качилла бараичихо дойцофо караиха дина.—Во малиновомъ саду камка волжская, а на камкѣ дѣва мертвая, со живою водою, со лютою свекровью, со злымъ свекромъ. Убитъ огненный змѣй, разсыпаны перья по Хвалынскому морю, по сырому бору муромскому, по мѣдвяной росѣ, по утренней зарѣ. Яниха-шойдега бираха вилдо.—А наѣхалъ злой татаринъ и узялъ во полонъ Солнцеву дѣву, во золотую орду, ко лютому Мамаю, ко нехристу басурманскому, ко проклятому барходѣю. — Уахама широфо.

6. *Заговоръ отъ летающаго змія въ домъ.* Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Встану я раба Божія, перекрестясь, пойду я, раба Божія, благословясь, изъ дому въ дверь, изъ дверей въ ворота; благослови меня Господи Іисусе Христе, и избави меня Господи не хитростью, не мудростью, но Твоею великою силою, Господи помилуй (трижды). Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его .. (до конца). Аллилуйа, аллилуйа, аллилуйа. На морѣ на Кіанѣ, на островѣ на Буянѣ, на бѣлъ-горючемъ камнѣ Алатырѣ, на храбромъ конѣ сидитъ Егорій Побѣдоносецъ, Михаилъ Архангелъ, Илія пророкъ, Николай Чудотворецъ побѣждаютъ змія лютаго, огненнаго, который леталъ въ невѣрное царство пожирать людей, убили змія лютаго, огненнаго, избавили дѣвицу царскую и всѣхъ людей, и скотъ избави и отгоните; и Ты Господи отъ рабы Божіей (имя) и отъ дому

---

*) Иначе—Чародѣйская пѣсня солнцевыхъ дѣвъ. (См. Сказанія Рус. Нар. Сахарова. Т. I. 1841 г. Чародѣйство. Стр. 17.

ея, летающаго змія огненнаго и духа нечистаго прикасливаго деннаго, нощнаго, полуденнаго и нощнаго и полуденнаго, и утренняго, и вечерняго, часоваго и минутнаго, и всю силу нечистую, отврати его отъ всѣхъ ея думъ и помысловъ, видѣній и мечтаній, дѣйствій и воли. Устрой и утверди, Господи, ея умъ и разумъ, чувство и память на Божеску путь и огради Господи рабу Божію (имя) своимъ крестомъ животворящимъ отъ всѣхъ золъ и пакостей, вредовъ и дѣйствій, отъ нечистаго духа и змія огненнаго, запрети ему, Господи, своею силою небесною и словомъ великимъ, чтобы никогда не летати, не ходити, не прикачатися, не пришататися, и не бывати вреда, пакости, обиды и зла не творити; спаси и сохрани и помилуй Господи святыми молитвами, и симъ словомъ на всякій день, на всякій часъ и на всякую минуту, врагъ, сопостатъ, змій летучій и духъ нечистый отшатнись отъ рабы Божіей (имя) отъ сего время, отъ сего часа, отъ сей минуты и по всю ея жизнь, и по весь ея вѣкъ: полети ты отъ насъ на свое старое время, во озеро Содомъ и Гоморъ и въ бездну преисподнюю, тамо и буди заклятъ вѣчно и безконечно во вѣки вѣковъ, аминь.

7. *Молитва, аще въ домѣ глумится.* Господи, Боже спасенія нашего, Сыне Боже живаго, на херувимахъ носимый, превыше всякаго начала, власти, силы и господства; Ты еси великій и страшный надъ всѣми сущими окрестъ Тебѣ. Ты еси поставивый небо, яко камору, Ты еси, сотворивый землю въ крѣпости Твоей, исправивый вселенную въ премудрости Твоей, трясый поднебесную отъ основаній, столпы же ея неподвижны; глаголай солнцу, не возсіяетъ, звѣзды же запечатлѣяй; запрещаяй моею и изсушаяй морю, изсушаяй его; его же ярости таетъ начала и власти, и камени сотрясошися отъ Тебѣ. Врата мѣдныя стерлъ еси, и верія желѣзныя сломилъ еси; крѣпкаго связалъ еси, и сосуды его раздралъ и мучителя крестомъ Твоимъ низложилъ еси, и змія удицею вочеловѣченія Твоего привлекъ еси и узами мрака въ тартарѣ посадивъ, связалъ еси. Самъ убо, Господи, утвержденіе, на Тя, Господи, надежду возлагающихъ, крѣпкая стѣно на Тя уповающихъ; отступити сотвори, отжени и въ бѣгство претвори всяко діавольское дѣйство и всякое сатанинское нахожденіе, всякъ навѣтъ сопротивный и надлежащія силы отъ крова сего и отъ обдержимыхъ

отъ него, и отъ обходящихъ предъ нимъ, знаменіемъ страшныя на демоновъ побѣды креста Твоего носящихъ и призывающихъ имя Твое благое; ей Господи, легіонъ бѣсовъ отгнавый и глухому и нѣмому, демону и нечистому духу удержавшемуся отъ человѣка изыти и исходу невозвратну быти, повелѣвый; все ополченіе враговъ невидимыхъ нашихъ потребивый, вѣрныя же и познавшія тебѣ умудривый, се даю вамъ власть, еже попрати верху зміевъ и скорпіевъ и на всю силу вражію. Самъ Владыко, высшій всякаго вреда и искушенія, вся сущія въ дому семъ сохрани и, избавляя ихъ отъ страха нощнаго и стрѣлы летящія, во дни отъ вещи во тмѣ преходящія, отъ страща и демона полуденнаго, до твоей раби, твоя рабыни и младенцы (молодицы?) наслаждающіяся, помощи и ангельскимъ силамъ воинствомъ хранимы, яко единъ все во единомысліи вѣрно поютъ: „Господь мнѣ помощникъ, не убоюся, что мнѣ сотворитъ человѣкъ и паки не убоюся зла, яко Ты со мною еси, яко Ты еси, Боже, утвержденіе мое, крѣпкій обладатель и князь міра, отецъ будущаго вѣка, и царство Твое и царство вѣчное, и Тебѣ единаго есть царство и сила, и слава со Отцемъ и святымъ Духомъ, и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь". *(Выписано изъ рукописной книжки Григорія Боголюбова).*

8. *Заговоръ отъ бѣсовъ.* Плакунъ! плакунъ! плакалъ ты долго и много, а выплакалъ мало. Не катись твои слезы по чистому полю, не разносись твой вой по синему морю, будь ты страшенъ бѣсамъ и полубѣсамъ, старымъ вѣдьмамъ Кіевскимъ; а не дадутъ тебѣ покорища, утопи ихъ въ слезахъ, да убѣгутъ отъ твоего позорища; замкни въ ямы преисподнія. Будь мое слово при тебѣ крѣпко и твердо вѣкъ вѣкомъ, аминь. *(Выписано изъ рукописной книжки Григорія Боголюбова).*

9. *Противъ черта* (О Святкахъ). Въ Святки отправляются на розстань, очертываются три раза, приговаривая за каждымъ разомъ: „За три черты, чертъ, не ходи!" потомъ слушаютъ, что чудится. *(Записано въ Холмогорахъ).*

10. *Призываніе домоваго на новоселье.* При переходѣ на житье въ нововыстроенный домъ, семейные хозяева приходятъ въ старый домъ и, раскланиваясь во всѣ четыре угла избы, говорятъ: „Хозяйнушка господинъ! пойдемъ въ новый домъ на богатый дворъ, на житье, на бытье, на богачество". *(См. Труды*

Этногр. Отдѣла. 1878 г. Кн. V. Вып. второй. Стр. 157. Сообщ. П. А. Ивановымъ изъ г. Пинеги).

11. *Къ домовому.* При переходѣ въ новый домъ, или на новую квартиру, прежде всего вносятъ образъ, квашню съ раствореннымъ тѣстомъ, а потомъ кошку, собственно для домоваго, приговаривая: „Вотъ тебѣ, хозяинъ, мохнатый звѣрь на богатый дворъ". *(Карм. кн. для любит. землевѣд. Изд. Геогр. Общ. въ 1848 г. Замѣтк. Верещагина, стр. 312—320).*

12. *Къ домовому, при покупкѣ скота.* Купивши скотинку, крестьянинъ молится вмѣстѣ съ продавцемъ Богу, творитъ молитву Іисусову, три раза обводитъ вокругъ себя коня, не смѣя держать узды голыми руками, и говоритъ: „Вотъ тебѣ, хозяйнушко, мохнатый звѣрь на богатый дворъ, пой, корми, рукавичкой гладь!" *(Записалъ священникъ Таратинъ въ селѣ Курьѣ, Холмогорскаго уѣзда).*

13. *Къ домовому, при вводѣ въ стойло скотины.* Вводя вновь купленную скотинку въ стойло, строго соблюдаютъ слѣдующій обрядъ: низко кланяются въ каждый изъ четырехъ угловъ хлѣва, или стойла, и приговариваютъ: „Вотъ тебѣ, хозяинъ, мохнатый звѣрь, моего (или „мого такого то" кличка скотины) люби, пой да корми. *(Изъ Карман. книжки для любителей землевѣденія. 1848 г. Изъ замѣтокъ Верещагина).*

14. *Тоже.* Когда приводятъ купленную скотину въ хлѣвъ, тогда употребляютъ слѣдующее воззваніе къ домовому: „Дѣдушка, отаманушко, полюби моего чернѣюшка, или пестрѣюшка, (смотря по шерсти) пой, корми сыто, гладь гладко, самъ не шути, и женой не спущай, и дѣтей укликай". *(Записано въ г. Онегѣ).*

15. *Заговоръ для того, чтобы видѣть двороваго.* „Дядя дворовой, приходи ко мнѣ не зеленъ, какъ дубравный листъ, не синь, какъ рѣчной валъ, приходи такимъ, каковъ я, я тебѣ христовско яичко дамъ".

Кто хочетъ видѣть двороваго, долженъ первый получить отъ священника, по окончаніи заутрени на Св. Пасху красное яичко и взять изъ церкви свѣчу, съ которой стоялъ у заутрени. Затѣмъ, долженъ ночью, до пѣтуховъ, взявъ въ одну руку зажженную свѣчу, а въ другую красное яйцо, стать передъ отворенною дверью хлѣва и сказать приведенныя выше

слова; дворовой выйдетъ, по виду совершенно подобный произносившему заклятіе. *(Записалъ А. Харитоновъ въ Шенкурск. уѣздѣ).*

16. *Къ банному.* При выходѣ изъ бани, благодарятъ банпаго словами: „Спасибо тѣ, байнушко, на парной байнечкѣ". *(Сообщилъ г. П. А. Ивановъ изъ г. Пинеги).*

17. *При знакомствѣ съ лѣшимъ.* Крестьянинъ, желающій снискать милость лѣшаго, долженъ въ ночь передъ Ивановымъ днемъ отправиться въ лѣсъ и, найдя осину срубить ее такъ, чтобы она вершиной упала на восточную сторону; на пнѣ срубленной осины, ставъ лицомъ на востокъ, онъ долженъ нагнуться и глядя въ отверстіе, образовавшееся между ногами, говорить: „Дядя лѣшій, покажись не сѣрымъ волкомъ, не чернымъ ворономъ, не елью жаровою, покажись такимъ, каковъ я". *(Запис. А. Харитоновымъ въ Шенкурс. уѣздѣ).*

18. *Отъ нечистаго.* Отъ Духа Святаго, причастника Христова, Спасова рука, Богородицынъ замокъ, Ангелъ мой, сохранитель мой! Сохрани мою душу, скрѣпи сердце мое; врагъ сатана! поди прочь отъ меня. Есть у меня три листа, написано все Маркъ, да Лука, да Никита великомученикъ; за грѣхи душу мучитъ, за меня Бога молитъ. *(Доставлено въ Труды Этногр. Отд. Св. Грандилевскимъ, изъ села Емецка, Холмог. уѣзда, Арх. губ.).*

Эта молитва отъ нечистаго духа, произносимая ежедневно на сонъ грядущій, составляетъ предохранительное и заклинательное средство отъ всякаго недуга и скорби.

19. *Молитва отъ нечистаго духа.* Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Облекохомся во единаго Христа и слова Божія; убойся діаволю, отъиди отъ меня, раба Божія (имя рекъ). Христосъ воскресе Своею волею, имѣяй силою изгоняти тя, страшный и нечистый дьяволю, имѣяй силу Вышняго Бога, Отца невидимаго, Христосъ погребенъ бысть; Христосъ воскресе, бѣжи діаволю, побѣдою Отца, и Сына, и Св. Духа, и во вѣки, вѣковъ. Аминь.

Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Стану я рабъ Божій (имя рекъ), благословясь, пойду изъ западу въ востокъ. Поднимается царь грозная туча и подъ грозною тучею мечетца царь громъ, царица молнія. Какъ отъ царя грома и отъ ца-

рицы бѣжатъ враги и дьяволы лѣсные, водяные и дворовые, и всякая нечистая тварь въ свои помѣстія—подъ пень и подъ колоду, во озера и во омуты, и такъ бы бѣжали и отъ живущихъ во оныхъ хоромахъ, отъ меня, раба Божія (имя рекъ), бѣжали всякіе враги и діаволы лѣсные, водяные, и дворовые подъ пень и подъ колоду, во озера и во омуты безотпятно, безотворотно, вѣкъ по вѣку, отнынѣ и до вѣка, аминь.

Христосъ родися, и роспяся, и воскресе, и въ третій день воскресенія и животъ дарова всему міру, и мнѣ, рабу Божію (имя рекъ) крестъ. Крестомъ человѣкъ родися, Богъ прославися, сатана связанъ бысть съ сильными своими бѣсъ; отъ нынѣ и до вѣка, и до втораго пришествія Христова, аминь.

Святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ, сѣдай въ вышнихъ, ходяй по громѣ, осѣняй силою небесною, призывай воду морскую, къ проливанію на лице всея земли, праведный самъ судія врагу нашему, діаволю, аминь.

Господи, Боже, благослови. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Стану я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь, и пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, въ чистое поле за дверьми, подъ утреннюю зарю и подъ восточную сторону, ко истинному Господу Саваоѳу, Спасу Іисусу Христу, Сыну Божію, Царю Небесному, и помолюся я рабъ Божій (имя рекъ), истинному Господу Богу Саваоѳу, Спасу Іисусу Христу, Сыну Божію, Царю Небесному и Св. Архангеламъ Михаилу и Гавріилу, шестокрылатымъ херувимамъ и серафимамъ и прочимъ безплотнымъ небеснымъ силамъ, и святому честному пророку Предтечи и крестителю Господню Іоанну, и святымъ четыремъ апостоламъ и евангелистамъ Матѳею, Марку, Лукѣ, Іоанну Богослову, и святому пророку Ильѣ Ѳезвитянину: создай, Господи, Свое Божіе великое милосердіе, отъ престола Господня грозную тучу темную, каменную, огненную и пламенную, изъ тое тучи грозной спусти, Господи, частаго дождика.

На небесахъ отъ престола Господня зачинается и поднимается Божія милость и грозная туча, сильный громъ и молнія; и спустилъ истинный Господь, Саваоѳъ Богъ, Спасъ Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій, Царь Небесный, Свое Божіе великое милосердіе, отъ престола Господня; Святый Духъ, царя грома,

царицу молонію; царь громъ грянулъ, царица молнія пламя спустила, молнія освѣтила, разскакались, разбѣжались всякіе нечистые духи. И какъ изъ тыя Божіей милости, изъ грозной тучи, изъ сильнаго грому, отъ молніи вылетаетъ грозная громовая стрѣла, и сколь она грозно, и пылко, и ярко, и принимчиво діавола изгоняетъ, и нечистаго духа демона К., С., С., Н. *) и мамонта посыльнаго и нахожего у меня, раба Б. (имя рекъ), изъ двора выганиваетъ, камень и древо разбиваетъ, камень и древо разбиваетъ, и какъ отъ тое грозныя громовыя стрѣлы не можетъ камень въ одно мѣсто сростать, древо отростать, и такъ же бы проклятый дьяволъ и нечистый духъ, демонъ К., С., С., Н., и мамонтъ посыльный и нахожій избѣжали бы отъ меня, раба Божія (имя рекъ), отъ сего мѣста прочь за 39 земель, за 39 городовъ, и за тридцать девять морей, и не могли бы меня, раба Божія (имя рекъ), видѣть и не могли бы слышить; и какъ ты и грозныя, огненныя, громовыя стрѣлы боится проклятый дьяволъ и нечистый духъ, демонъ К., С., С., Н., и мамонтъ посыльный и нахожій, и также бы раба Б. (имя рекъ) устрашилися и убоялися недруги и мои супостаты (имя рекъ), и всякіе нечистые духи, разскакалися и разбѣжалися отъ меня, раба Божія (имя рекъ), во свояси: водяной въ воду, а лѣсной въ лѣсъ подъ скрыпучее дерево, подъ корень, и вѣтряный подъ кустъ и подъ холмъ, а дворовой, мамонтъ посыльный и нахожій, и проклятый діяволъ, и нечистый духъ, демонъ, на свои на старыя на прежнія жилища. И какъ Господь умудряетъ слѣпцы, не видятъ, а все знаютъ, такъ же умудри, Господи, меня, раба Б. (имя рекъ), на нечистыхъ бѣсовъ; гласъ грома Твоего въ колеси, освѣтища молнія твоя, вселенная подвижеся, и трепетна бысть земля, такъ же бы трепетны были нечистые духи отъ меня, раба Божія (имя рекъ); и какъ наши родители въ землѣ лежатъ, не чуютъ звону колокольнаго, ни пѣнія церковнаго, и такъ бы сей мой заговоръ и приговоръ былъ бы крѣпокъ и силенъ во всякое время, до будущаго вѣку, во вѣки.

Крестъ на мѣстѣ, крестъ на рабѣ Божіемъ (имя рекъ), крестъ у меня, раба Божія, и крестомъ Христовымъ діавола проклинаю, отступи бѣсъ и діаволъ, и нечистый духъ отъ меня, раба

---

*) Вѣроятно бранныя слова.

Божія (имя рекъ), отъ сихъ дверей, отъ четырехъ угловъ фатеры моей; здѣсь сидятъ архангелы, ангелы, херувимы, серафимы,—Михаилъ архангелъ и Гавріилъ архангелъ, здѣсь сидитъ Пресвятая Богородица, родшая Творца плотію, Христа Бога Нашего, Царя Небеснаго; Силою Христовою діаволъ буди проклятъ, и нечистый духъ всѣми седьми соборами, всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь. Крестъ, хранитель всея вселенныя, крестъ красота церкви, крестъ царямъ держава, крестъ и дьяволамъ прогнаніе отъ раба Божія (имя рекъ). Во Имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Крестъ креститель, Христовъ хранитель, крестъ — красота, крестъ — церковная высота, крестъ ангеломъ слова, крестъ царю держава, крестъ тверди утвержденіе, крестъ бѣсомъ бо язва, крестъ и врагомъ прогонитель, храни мя и милуй, раба Божія (имя рекъ), ввету и въ молоду и въ перекроѣ мѣсяцѣ, и ото всякаго врага и сопостата, ото всякаго злаго человѣка, скорби и болѣзни, ненавидящаго и обидящаго человѣка.

Во Имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Стану я рабъ Божій (имя рекъ) благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, въ чистое поле задворьми, подъ восточную сторону, покорюсь и помолюсь Господу Іисусу Христу и Св. Архангеламъ и Ангеламъ Михаилу и Гавріилу, шестокрылымъ херувимамъ и серафимамъ, и евангелистамъ Матвѣю, Марку, Лукѣ, Іоанну Богослову: какъ васъ боится демонская сила, и какъ смущаетъ небесная стрѣла, молнія и громъ, а также бы устрашилися и убоялися меня, раба Б. (имя рекъ), во всякое время, и такъ бы приговоръ былъ столь силенъ и крѣпокъ, и какъ Господь умудрилъ слѣпцы, не видятъ, а все знаютъ, а также бы у меня, раба Б. (имя рекъ), столь бы силенъ и крѣпокъ мой заговоръ, а сей приговоръ; и какъ наши родители не чуютъ звона колокольнаго, ни пѣнія церковнаго, и столь бы былъ крѣпокъ сей заговоръ, во всякое время до будущаго вѣку, по вѣки, аминь.

Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. И ставитъ около меня, раба Божія (имя рекъ), самъ истинный Господь Богъ Саваоѳъ, Спасъ нашъ Іисусъ Христосъ, Царь Небесный со Своею Пресвятою Матерью Богородицею, Дѣвою Маріею, и со всею небесною силою, со ангелами, со архангелами, съ

херувимы, и серафимы, со апостолами и пророками, и со святителями, и съ врачами съ безсребрениками, съ мучениками и мученицами, съ страстнотерпцами и со страстнотерпицами, съ преподобными, и съ праведными, и со всѣми святыми, тынъ желѣзный, врата мѣдныя, вереи булатныя, замокъ пресвѣтлаго рая, ключь небеснаго царствія отъ земли до неба, отъ неба и до престола и по земли, отъ востока до запада, отъ запада и до сѣвера, отъ сѣвера и до лѣта (юга), со всѣхъ четырехъ сторонъ, и заграждаетъ самъ истинный Господь Богъ Саваоѳъ, Спасъ нашъ Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій, Царь небесный, меня, раба Божія (имя рекъ), отъ всякаго отъ злаго, отъ лихаго человѣка и супостата: отъ угроватаго, отъ возгриваго, отъ сопливаго, отъ шедливаго (вѣроятно шелудиваго), отъ киловатаго, отъ сутулатого, отъ старца и отъ старицы, отъ бѣльца и отъ бѣлицы, отъ чернца и отъ черницы, отъ схимника и отъ схимницы, отъ женки долговолоски, и отъ дѣвки частоволоски, отъ черноволосыхъ, отъ бѣловолосыхъ, отъ русоволосыхъ, отъ сѣдоволосыхъ, отъ пестрыхъ, отъ рябыхъ, отъ волосоватыхъ, отъ слѣпыхъ, отъ хромыхъ, отъ волшебниковъ, отъ волшебницъ, отъ колдуновъ, отъ колдуницъ, отъ вѣдуновъ, отъ вѣдуницъ, отъ кудесниковъ, отъ кудесницъ, отъ порчельниковъ, отъ порченицъ, отъ лихоглазыхъ, отъ лихозубыхъ, отъ лихокровыхъ, отъ лихощербыхъ, отъ Богоотступниковъ, отъ Богоотступницъ, отъ Богоотметниковъ, отъ еретиковъ, отъ еретицъ, отъ вѣщуновъ, отъ вѣщуницъ, и ото всякихъ отъ злыхъ, отъ лихихъ, отъ притчей, отъ скорбей, и отъ болѣзней, отъ щипоты, и отъ ломоты, отъ 12 проклятыхъ Иродовыхъ дщерей, отъ злыя, отъ лихія, отъ лихорадки: отъ Листопухи, отъ Комухи, отъ Лопухи, отъ Каркуши, отъ Пухоты, отъ Хрипоты, отъ Ломихи, отъ Знобихи, отъ Гнятеницы, отъ Огневицы, отъ Трясовицы *); отъ всякія вражія непріязненныя силы, и ото всякаго мечтанія, сатанина угодія, затворяетъ святые верховные апостолы, Петръ и Павелъ, тынъ желѣзный вратами мѣдными, и былотными вереями, запираютъ и замкомъ пресвѣтлаго рая, ключемъ небеснаго; и такъ, какъ не бывать въ пресвѣтломъ раю, въ небесномъ царствіи

*) Сравн. названія 12-ти лихорадокъ съ названіями, упомянутыми ранѣе.

проклятому діаволу и волшебнику, и волшебницѣ, колдуну и колдуницѣ, вѣдуну и вѣдуницѣ, кудеснику и кудесницѣ, порченику и порченицѣ, лихоглазому, лихозубому, лихокровому, лихошерстному, Богоотступнику, Богоотметнику, еретику и еретицѣ, вѣщуну и вѣщицѣ, и злому человѣку, лихому супостату, помышлителю нашему, во вѣкъ по вѣку, отнынѣ и до вѣку, и такъ бы не бывать на мнѣ, рабѣ Божіемъ (имя рекъ), тѣмъ злымъ, лихимъ притчамъ, скорбямъ и болѣзнямъ, хрипотамъ, ломотамъ, и 12 проклятымъ Иродовымъ дщерямъ, злой лихорадкѣ: Листопухѣ, Лопухѣ, Комухѣ, Коршухѣ, Коркушѣ, Пухотѣ, Хрипотѣ, Ломихѣ, Знобихѣ, Гнятеницѣ, Огневицѣ, Трясовицѣ и всякой вражьей непріязненной силѣ, и всякому мечтанію, сатанинину угодію, въ вѣкъ по вѣку, отнынѣ и до вѣку. И поставляетъ Господь Богъ Саваоѳъ, Спасъ нашъ Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій, Царь Небесный, у того желѣзнаго тына, у мѣдныхъ вратъ, святаго великаго святителя и теплаго заступника, и скораго помощника, Николая Мирликійскаго чудотворца; и святый великій святитель Христовъ, теплый заступникъ и скорый помощникъ, Николай Мирликійскій чудотворецъ стоитъ у того желѣзнаго тына и у мѣдныхъ вратъ, натягиваетъ свой мѣдный лукъ, накладываетъ булатныя стрѣлы, и стрѣляетъ, и отстрѣливаетъ отъ меня, раба Б. (имя рекъ), всякія злыя и лихія притчи, скорби и болѣзни: щипоту, ломоту, и двѣнадцать Иродовыхъ дщерей, злую, лихую лихорадку: Листопуху, Лопуху, Коршуху, Комуху, Коркушу, Пухоту, Хрипоту, Ломиху, Знобиху, Гнятеницу, Огневицу, Трясовицу и всякую вражью непріязненную силу, и всякое мечтаніе, сатанинино угодіе, стрѣляетъ и отстрѣливаетъ отъ того отъ желѣзнаго тына, отъ мѣдныхъ вратъ, и отсылаетъ вспять, откуда пришли, отъ проклятаго сатаны, изъ преисподней бездны, изо ада; и назадъ вспять возвратитесь въ преисподнюю, въ бездну, во адъ, къ дѣду своему, къ проклятому сатанѣ.

Глаголи сіе трижды.

Христосъ воскресе, адъ плѣнися и проклятая сатанинская сила побѣдися, и предъ адовымъ замкомъ не отмыкиваться и вратамъ не отвариваться, и такъ же бы впредь на мнѣ, рабѣ Б. (имя рекъ), тѣмъ злымъ лихимъ притчамъ, скорбямъ и болѣзнямъ, щипотамъ и ломотамъ и 12 проклятымъ Иродовымъ

дщерямъ, злой, лихой лихорадкѣ: Листопухѣ, Лопухѣ, Коршухѣ, Комухѣ, Коркушѣ, Пухотѣ, Хрипотѣ, Ломихѣ, Знобихѣ, Гнятеницѣ, Огневицѣ, Трясовицѣ и всякой вражьей непріязненной силѣ, и всякому мечтанію, сатанинину угодію, въ вѣкъ по вѣку, отнынѣ и до вѣку; уповающихъ на Господа Бога Саваоѳа, Спаса нашего Іисуса Христа, Сына Божія, Царя Небеснаго, сотворившаго небо и землю, бѣлый свѣтъ, луну Божію, и красное солнце, утреннюю зарю и вечернюю, младъ свѣтелъ мѣсяцъ и частыя звѣзды, и птицы небесныя, и рыбы морскія, и праотца Адама и бабку Еву, и всю тварь небесную, Истинному Господу Богу Саваоѳу и Спасу нашему Іисусу Христу, Сыну Божію, Царю Небесному, и Его непобѣдимой, непостижимой и божественной силѣ слава и держава, честь и поклоненіе; вси возрадуемся въ вѣкъ по вѣку, отнынѣ и до вѣку, всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь.

Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Во храминѣ, въ домѣ своемъ возстану я, азъ, р. Б. (имя рекъ), благословясь, умоюся ключевою водою, и говорю: буди вода сія чиста и свята, аки Іорданъ рѣка текущая, а въ ней крестился самъ Іисусъ Христосъ во своихъ свѣтлыхъ ризахъ Іисусовыхъ, утирался убрусомъ своимъ, самъ рекъ: буди убрусъ, аки пелена нетлѣнная Іерусалимскія Богородицы. Украшаюся азъ, рабъ Б. (имя рекъ), саваномъ свѣтлообразнымъ, ѳалетовы ризы, своей свѣтлообразною зарею, и стану предъ образомъ Божіимъ и святою иконою на мѣсто свое, аки на златый престолъ поднебесный, и реку глаголомъ, и творю молитву Іисусову; изыди глаголъ мой изъ устъ моихъ, аки громъ сильный съ каменіемъ, опальнымъ огнемъ, страшнымъ судомъ, изыди духъ изъ устъ моихъ, скорые буйные вѣтры, драло, да пахало и сушило отъ златокованныхъ трубъ Евангелистовыхъ. Помолюся азъ, рабъ Б. (имя рекъ), о своей многогрѣшной душѣ милости о помощи, и упрашиваю и умаливаю по числу херувимовъ и пасущихъ мя, по числу серафимовъ, стерегущихъ мя, и замкните меня, раба Божія (имя рекъ), въ родѣ семъ отъ злыхъ человѣкъ и пущайте изъ убрусовъ своихъ на сырую землю, на злыхъ человѣкъ, на мятежниковъ и на помышленниковъ, и на мя глаголющихъ, и, спустите изъ убрусовъ своихъ вся погубительная и страшная по земли, по воздуху несчетныхъ тмы ангеловъ,

возглаголите мнѣ, аки сильный громъ грянулъ: не бойся человѣче, рабъ Божій (имя рекъ), и утверждайся въ родѣ семъ ангельскимъ утвержденіемъ, вставъ силы небесныя и замкнувъ градъ въ вышнемъ небесными замками; то вы замкните и ключи положите подъ врата, и стогны града того обтеките со огненными удары, и около града того обтеките колесницы огненныя. Объѣхали конные и воеводы, небесныя силы, Михаилъ и Гавріилъ, херувимы и серафими, и Илья пророкъ, и апостолы, и евангелисты съ трубы златокованными, обставъ, и спустивъ около меня раба Божія (имя рекъ), громъ и молнію огненную, скипетромъ стрѣлы булатныя и рѣки огненныя, отъ востока до запада, отъ юга и до сѣвера, отъ земли и до воздуха; нача силы небесныя меня, раба Б. (имя рекъ), любить и хранить, изо всѣхъ орудій пламенныхъ, изъ убрусовъ и скипетровъ бити и палити, и громъ мя ради слать, молнію пожигать, супостатовъ моихъ стрѣлять, и кто испортитъ, порчи ихъ сжигать огнемъ, отъ моего порожденія до исхода души моей. И донеси ю Господи въ руцѣ живу, и сохрани меня раба Божія (имя рекъ) отъ всякія непріязненности дьявольскія, и мною хранимо, и во вѣки нерушимо. Аминь, аминь, аминь. *(Говорить дважды). (Извлечено г. И. А. Ефименкомъ изъ старинной рукописи).*

ОХОТНИЦКІЕ ЗАГОВОРЫ И МОЛИТВЫ.

1. *Для удачи на охотѣ.* Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй меня грѣшнаго (имя рекъ), аминь. Ложусь я, рабъ Божій (имя рекъ) ввечеру, поздно на поздно благословясь и перекрестясь; встаю, рабъ Божій, ранымъ на рано, и умываюсь триденной водой, и утираюсь шитымъ, бранымъ, тонкимъ полотенцемъ; пойду, рабъ Божій (имя рекъ), изъ избы дверями, изъ двора воротами; пойду во чисто поле, въ широко раздолье, въ зелену дубраву, и стану я эту збрую ставить на бѣлыхъ и на ярыхъ зайцевъ. Какъ же катятся ключи, притоки во единый ключь, такъ бы катились и бѣжали всякіе мои драгоцѣнные звѣри: сѣрые, ушастые, долгохвостые волки и черные медвѣди и красныя брунастыя лисицы, и бѣлые и ярые зайцы и зайни (зайчихи); назадъ бы они не ворочались, а посторон-

нихъ бы не бѣгали. Позади носятъ Михаилъ архангелъ и Гавріилъ архангелъ св. своею небесною силою. Во вѣки, вѣковъ, аминь. Создай, Господи, благополучіе. Сей заговоръ глаголи трижды. *(См. Таинст. чары. Москва. 1876 г.).*

2. *Заговоръ охотника на постановныхъ клѣтяхъ для зайцевъ.* Встану я. рабъ (такой-то, засвѣтло, умываюсь ни бѣло, ни черно, утираюсь ни сухо, ни мокро. Иду я изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ вороты, въ чисто поле, къ лѣсу дремучему; а изъ лѣса дремучаго бѣгутъ ко мнѣ на встрѣчу двадцать сатанаиловъ, двадцать дьяволовъ, двадцать лѣшихъ, двадцать полкановъ—всѣ пѣшіе, всѣ конные, всѣ черные, всѣ бѣлые, всѣ высокіе, всѣ низкіе, всѣ страшные, всѣ робкіе. Стали предо мной тѣ сатанаилы, тѣ дьяволы, тѣ лѣшіе, тѣ полканы, стали на мою услугу и подмогу. Подите вы сатанаилы, дьяволы, лѣшіе и полканы, въ (такой-то) островъ, пригоните русаковъ и бѣляковъ на мои клѣти поставныя: сумеречныя, вечернія, ночныя, утреннія, полуденныя, пригоните, остановите, и въ моихъ клѣтяхъ примкните. *(Сказаніе Русскаго Народа, Сахарова. 1841 г. Томъ I. Чернокнижіе. стр. 19—20).*

2. *Для успѣха на охотѣ.* Нужно взять съ собою кусокъ хлѣба, или мяса, на который наговаривать:

Въ чистомъ полѣ, въ темномъ лѣсѣ, въ туманѣ превеликомъ, есть птица полетуша, есть сѣрые гуси, сизыя утки. У нихъ бы крылья подломились, сами бы опустились, перье оборвалось и сѣли бы на бугоръ высокій, чтобы меня, раба Божія (имя рекъ) не видѣли и стрѣльбы моей не слышали, и долетѣла бы до нихъ дробь, какъ вольное перо. *(Доставилъ г. Никольскій изъ г. Мезени, въ Труды Этнограф. Отд. Изд. въ 1878 г. См. кн. V. Выпускъ 2-й).*

4. *На птичью охоту.* Пойду я, рабъ Божій (имя рекъ), къ церкви, погляжу, какъ православные собираются и празднуютъ, и радуются; такъ радуйся, веселися и летай ко мнѣ всякая живущая птица, которая Богомъ, Іисусомъ Христомъ, создана намъ на жертву; такъ не убойся и не устрашись ни меня, раба Божія (имя рекъ), ни лаюшекъ моихъ, кобелей; не моги ты ногой переступить, ни крыломъ встрепенуться до выстрѣла моего. Какъ изъ подъ Ивановской росы человѣкъ на конѣ не выѣзжаетъ, пѣшій не уходитъ, такъ не улетай отъ меня, ни-

какая благословенная птица. Слово мое крѣпко. Къ тѣмъ словамъ небо и земля—ключь и замокъ. Аминь. *(Зап. А. Харитоновъ, въ Шенкурс. уѣздѣ. См. Тр. Этног. От. за 1878 г.).*

5. *Охотничьи слова.* Такъ бы у меня, раба Божія (имя рекъ), собака не отбѣгала, птица не улетала, всякая живущая, которая создана у Господа Бога, Іисуса Христа, Царя небеснаго, намъ на жертву благословенная всякая птица: рябъ и рябушка, копала и тетерка, и косачушка, сѣрая, малая утица,—какъ птица не можетъ летать отъ гнѣзда своего, отъ дѣтей своихъ, такъ не бойся и не страшись лаюшекъ кобелей моихъ, и меня, раба Божія (имя рекъ), не бойся и не страшись, ни юку оружейнаго, ни дыму пороховаго, ни боя огненнаго. Радуйся птица и веселися по всякъ день, по всякъ часъ и по всякое время: утромъ рано, вечера поздно, въ ветхѣ мѣсяцѣ, въ новцѣ мѣсяцѣ и въ меженныхъ дняхъ перекройныхъ. Къ тѣмъ моимъ словамъ небо и земля, ключь и камень, аминь. *(Записано А. Харитоновымъ).*

6. *Отъ ворона, мѣшающаго охотнику.* Господи Боже, благослови! Стану я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь; пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами; выйду на широкую улицу, съ широкой улицы въ чистое поле, съ чистаго поля въ широкое лукоморье; пойду на свою милую тропу, на свой заводъ. Стану я, рабъ Божій (имя рекъ), становить пасточки, и силышки на благословенную птицу, которая создана намъ на жертву, на ряба и рябушку, копалу и тетеру, косача и косачушку. Проклятая птица, поганый черный воронъ, полети съ моей тропы, съ моего сгодья, за синее море ко Ироду царю; тамъ Иродъ царь бьется, дерется, кровь проливаетъ. Тутъ тебѣ черный воронъ столы разставлены, ѣвства, сподоблены. На моемъ лѣсѣ, на моей тропѣ, на моемъ заводѣ, смоливая спица въ глазъ. Къ тѣмъ моимъ словамъ небо и земля, ключь и замокъ. Аминь. *(Зап. А. Харитоновъ).*

7. *Чтобы воронъ не ѣлъ попавшихъ въ ловушку птицъ.* Стану я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь, пойду перекрестясь, въ темные лѣса по своему путику, по своему ухожью. Воззрю я, рабъ Божій (имя рекъ), чернаго ворона и ворокицу и слѣпыхъ его родителей; какъ ты, черный воронъ и вороница, не видаешь въ іюлѣ мѣсяцѣ воды въ рѣкахъ, ручьяхъ и озе-

рахъ заклятіемъ Ноя праведнаго, такъ бы ты не видѣлъ у меня, раба Божія (имя рекъ), на моемъ путикѣ, на моемъ ухожьѣ, уловныхъ моихъ тетерь, рябовъ, и куроптей, въ моихъ пастяхъ, въ моихъ слопцахъ, въ моемъ сильѣ, ни сверхъ, ни съ испода. Полети ты, черный воронъ и вороница съ моего путика, съ моего ухожья за синее Океанъ-море, тамо царь Соломонъ сына женитъ и дочерь замужъ даетъ, убилъ на свадьбу 300 гусей, 300 лебедей, 300 яловичь, 300 утей; тамъ тебѣ, черный воронъ съ воронихою много будетъ питенья и яденья; а на моемъ путикѣ, на моемъ угодьѣ, нѣтъ тебѣ ни спить, ни съѣсь, ни сверхъ, ни съ испода, ни въ день, ни въ ночь, ни на утренней зарѣ, ни на вечерней зарѣ, млада и ветха мѣсяца, ни въ полдни, ни въ перекроѣ и въ меженные дни, ни въ ночные часы, во всѣхъ мѣсяцахъ и во всѣ 24 часа всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь. *(Трижды читается).* Есть у меня, у раба Божія (имя рекъ), генеральный стрѣлецъ, Самъ Іисусъ Христосъ; у Господа нашего Іисуса Христа солнце—лукъ, мѣсяцъ—стрѣла стрѣляетъ, излучаетъ тебя, чернаго ворона и вороницу и слѣпыхъ твоихъ родителей и въ ночь, и по всяку пору. И гдѣ я, рабъ Божій (имя рекъ), тебя чернаго ворона и вороницу, на своемъ путникѣ и на своемъ угодьѣ, увижу, тутъ тебя и подстрѣлю и ухода своего лишу, всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь. *(Записалъ г. Шабунинъ въ Пинежскомъ уѣздѣ).*

8. *Противъ злаго человѣка, на охотѣ.* Стану я, рабъ Божій, благословясь и пойду перекрестясь, пойду по матери по сырой земли, небомъ покроюсь, зарею подпояшусь, звѣздами обтыцусь; злой, лихой человѣкъ не можетъ неба покрыти и зари потушити, и звѣздъ сосчитати, и на меня, раба Божія, ни зла подумать и лиха помыслить. Злой лихой человѣкъ зло подумать, поворотись къ нему на корень, положи между языкъ и щеки желѣзна спица: которое слово забыто назади, будь на переди въ лучшемъ мѣстѣ, которое слово прибавлено, то бы къ нимъ пристало; и берите мои слова, вострѣе востраго ножа, вострѣе булатнаго копія, вѣкъ по вѣки. Аминь, аминь, аминь. *(Изъ рукописной тетрадки г. Хромцова, изъ с. Суры, Пинежскаго уѣзда).*

9. *Слова утечьи.* Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Какъ

есть Окіанъ-море. бѣлой камень, на бѣломъ камени самъ Іисусъ Христосъ, самъ бѣлъ и рукавицы бѣлыя и кнутъ бѣлый, загоняетъ и залучаетъ всякую птицу. Стань и не усыпай по утренней зари. по вечерней зари, святый Лука залучи. изгони, святый Матѳей замани и залучи, святый Еремѣй закрѣпи отъ всякаго зла и лиха человѣка. отъ зуба и отъ когтя. и отъ всякаго грѣха человѣка. Вся крѣпость Святаго Духа, аминь. аминь, аминь. *(Изъ стариннаго рукописнаго сборника, изъ с. Ваймуги, Холмогорскаго уѣзда).*

10. *Молитва прикосная на звѣря* (на лисицъ). Стану я, рабъ Божій Н.. благословясь. пойду перекрестясь, изъ избы въ дверь. изъ дверей во дворъ, изъ двора въ ворота, подъ восточную сторону. Тутъ самъ Іисусъ Христосъ и Пречистая Мати Божія. Богородица. Научи же меня, Господи. ловить и промышлять разныхъ звѣрей: кривоногихъ, черноухихъ. красныхъ. черныхъ лисицъ и бурнастыхъ. каждыхъ ловецкихъ звѣрей. Посылаетъ меня самъ Іисусъ Христосъ къ Егорію Храброму чудотворцу: онъ тебя научитъ ловить и промышлять звѣрей кривоногихъ, черноушихъ, красныхъ и черныхъ, и бурнастыхъ лисицъ. Я пришелъ къ Егорію Храброму чудотворцу: онъ сидитъ выше тридевяти апостоловъ: научи же меня ловить и промышлять звѣрей кривоногихъ, черноушихъ, красныхъ. черныхъ и бурнастыхъ лисицъ, каждыхъ ловецкихъ звѣрей. По Христову велѣнію не ослушайтеся меня р. Б. Н.. Егорій Храбрый чудотворецъ беретъ отъ меня р. Б. Н.. веревки, капканы. тугіе луки и самострѣлы донскаго году. снимаетъ и вновь становитъ. и самъ святымъ духомъ наказываетъ и наговариваетъ: Ой еси звѣря. лисицы, подьте, побѣжите отъ тридевяти ловцовъ, отъ тридевяти промышленниковъ къ рабу Б. Н.. по своимъ полевымъ тропамъ, продольнымъ и поперечнымъ изъ подъ вычепу. не видѣть ни пружинья, ни капканья, ни подхода моего. впередъ безъ ускоку, назадъ безъ усмотру, ушкомъ не кивните. глазомъ не мигните. на сторону не скачите. назадъ не воротитесь, души ваши сквозь ловушки, а туши ваши въ ловушку; ой еси звѣри кривоногіе. черноухи, черны. красны лисицы и бурнасты; ой, еси ловетскія звѣри, лисицы, если не избѣжите сквозь петли и капканы. сквозь тугіе луки и самострѣлы. Господь нашлетъ съ небесъ огненное пламя. и васъ

лисицъ сожжетъ и спалитъ, не будетъ вамъ уходу, ни въ гору, ни въ воду, ни въ каменны печеры; вѣкъ отъ вѣку, до скончанія вѣка. Будьте мои наговорныя слова лики, ярки на новчу и на перекрой мѣсяцу. Тѣмъ моимъ наговорнымъ словамъ ключь и замокъ, ключь щука, а щука въ море отъ лихихъ людей, отъ завидящихъ, отъ своей думы, во вѣки вѣковъ, аминь. Богъ моя надежда.

Какъ идутъ съ ловли.

Какъ на мой булатный ножъ никто не можетъ думой подумать, мыслей помыслить, рѣчи выговорить, также на меня, р. Б. Н., на всѣ мои капканы и ружья дробовки и винтовки. Иду я, р. Б. Н., съ промысломъ звѣринымъ и птичьимъ за огнемъ забытымъ; ежели завидитъ человѣкъ, черный, черемный, частозубый, рѣдкозубый, женка бѣлоголовка, дѣвка простоволоска, попъ, попадья, дьяконъ, дьяконица, дьякъ, дьячиха, пономарь, пономарица, чернецъ, черница, отъ своей думы, отъ своей молвы и помолвы, отъ товарищевой думы, отъ своей семьи, черь моей думы, черь *) моей рѣчи, черь моей крови отъ колдуна, отъ колдуній, отъ говодуна **), отъ говодуньи, отъ всякаго злаго человѣка и всякую злую завидящею кровь, злому, лихому соли въ глазъ, смолы въ глазъ, дерсты ***) въ глазъ. Всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь. Тѣмъ моимъ словамъ небо—ключь, земля—замокъ.

Говорить три раза на ножъ, или на сукъ дерева, или на комъ снѣга. Сей грамоты не показывать никому и не сказывать. *(Доставлена въ редакцію Трудовъ Этногр. Отдѣла. Холмогор. мѣщ. Палеховымъ).*

11. *Охотничьи заклинанія на горностаевъ:* Господи, Боже благослови! Стану я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ дверей воротами, въ чистое поле за воротами, изъ чистаго поля во темный лѣсъ. Въ темномъ лѣсѣ стоитъ кипарисъ древо; подъ тѣмъ кипарисомъ сидитъ сама Мать Пресвятая Богородица. Держитъ она во своей десной рукѣ три прута: прутъ желѣзный, прутъ

*) Черь—чуръ.

**) Говодунъ—волшебникъ.

***) Дресва.

мѣдный, прутъ серебряный. Ударю я первымъ прутомъ по сырымъ лѣсамъ, ударю я другимъ прутомъ по мхамъ, по болотамъ: сырые лѣса спатаются, мхи-болота сколеблются; разбѣжалися бѣлые звѣри, горностаи на всѣ четыре стороны: побѣгите вы кривоноги, чернохвосты! Ударю я третьимъ прутомъ бѣлаго мужа, жубрила. Ай, ты бѣлъ мужъ, жубрило, самъ ты бѣлъ и конь подъ тобой бѣлъ; заѣзжай и залучай со всѣхъ четырехъ сторонъ, со стока и запада, и съ лѣта и съ сѣвера: идите со всѣхъ четырехъ сторонъ бѣлые звѣри горностали; какъ идетъ солнце и мѣсяцъ и частыя мелкія звѣзды и вся луна поднебесная, идетъ неотпятно, такъ идите на мой заводъ, на мои сгодья къ моимъ плашкамъ, бѣлые звѣри горностали, а минуйте, проходите мои силья пасти; они не по васъ излажены. Кушайте по плашкамъ мои ѣствы; тѣ мои ѣствы слаще матерняго молока. Къ этому моему слову ключь и замокъ, отношу я къ Окіанъ-морю. Есть на Окіанъ-морѣ островъ великъ, къ берегу лежитъ бѣлъ горючь камень Алатырь; подъ камнемъ стоитъ живая щука, пожретъ тотъ мой ключь и замокъ. Кто кругомъ Окіанъ-море обойдетъ, кто около Окіанъ-моря песокъ вызоблетъ, кто изъ Окіанъ-моря воду выпьетъ, кто ту живую щуку добудетъ, ключь и замокъ мой достанетъ — тотъ мой промыселъ попортитъ. *(Записалъ А. Харитоновъ въ Шенкурскомъ уѣздѣ).*

12. *На бѣличью ловлю.* Господи Боже благослови, Отче. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Какъ родился сей рабъ младенецъ, не знаетъ себѣ ни имени, ни вотчины, ни отца, ни матери, ни роду, ни племени: и ни страсти, ни боязни, не имѣетъ въ себѣ ни ума, ни разума, ни на ногахъ скораго и тихаго хожденія, ставанія, скаканія, и ни пути, и ни дороги, ни днины (дня) ни ночи, и тако же бы меня, раба Божія, ни огненнаго моего оружія, и свинцовой пули, ни пороху, ни моей промышленой собаки, бѣлые звѣри, бѣлки и всякія поголовныя птицы не знали бы и не имѣлъ о себѣ ни ума, ни разума, въ ногахъ скаканья, въ крылахъ маханьи, и ни страсти, ни боязни въ день, подъ краснымъ солнцемъ, въ ночь и подъ младымъ свѣтлымъ мѣсяцомъ, и находи на ихъ на умъ великой, на древахъ и будьте вы, мои слова, пушкой, бѣлой звѣрю и бѣлой голубой бѣлкѣ и всякой поголовной птицѣ, будьте

крѣпки лепче клею, крѣпче синяго булату Святымъ Духомъ, Божіимъ изволеніемъ, Господнимъ благословеніемъ, всегда, и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь: и не пути, и не дороги, и не дни, не ночи, всегда бы были тихи, кротки и смирены, тако-бъ передо мною, р. Б., бѣлые звѣри и всякія поголовныя птицы кротки и смирены. *(Извлечено изъ старинной рукописи, доставленной изъ Пинеж. уѣзда. Хромцовымъ).*

ЗАГОВОРЫ И ОБЕРЕГИ ОТЪ ПЬЯНСТВА.

1. *Отъ пьянства.* Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Хмѣль и вино отступись отъ раба Б. Н. въ темные лѣса, гдѣ люди не ходятъ и кони не бродятъ, и птица не летаетъ.

Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа (дважды). хмѣль и вино выходи на быструю воду, на которой воды люди не ѣздятъ; отъ раба Божія Н. хмѣль и вино поди на буйные вѣтры, которой вѣтеръ по дальности ходитъ. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, привяжись къ лихому человѣку, который на Н. лихо думаетъ, къ тому привяжись, который добра не сдѣлаетъ, отъ меня во вѣки отвяжись. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. *(Выписано изъ старинной рукописи, въ с. Ворзогорахъ, Онежскаго уѣзда).*

2. *Отъ запоя.* Чтобы пьющій запоемъ, уснулъ и послѣ этого пересталъ пьянствовать, нужно взять у него воскъ, на который наговаривать:

Заря зарница, красная дѣвица, сама мати и царица: свѣтелъ мѣсяцъ, ясныя звѣзды, возмите у меня безсонницу, бездремотницу, полунощницу, среди ночи приди ко мнѣ хоть красной дѣвицей, хоть матерью царицей и сложи съ меня и отведи отъ меня окаянную силу, и дай мнѣ Спасову руку, Богородицынъ замокъ. Ангелъ мой, архангелъ мой, сохрани душу мою, скрѣпи мое сердце, врагъ сатана откажись отъ меня. Крестомъ крещуся, крестомъ ограждуюсь, крестомъ ангела призываю, крестомъ лукаваго отгоняю. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Аминь. Знаю Святыя знаменія! *(Доставилъ г. Никольскій, изъ г. Мезени).*

3. *Отъ похмѣлья.* Господине еси хмѣль, буйная голова! не вейся внизъ головою, вейся по солонь по... а язъ тебя не знаю,

гдѣ ты живешь,—вверхъ сыра древа влѣзи къ своему господину въ мѣдныя бочки и пивныя; какъ не жить на огнѣ, такъ на семъ человѣцѣ лихія словеса (имя рекъ), аще изопьешь чашу сію, доколѣ мои словесе изъ меня сіи изошли, изъ его. раба Божія (имя рекъ), похмѣлье,: господине хмѣль, какъ царь сядетъ во царствіи своемъ: тако и ты сиди на мѣстѣ своемъ, гдѣ родился! *(Пермскій сборникъ. Книжка 2-я. 1860 г.)*.

4. *Человѣку похмѣлье умолвить.* Господи хмѣль, буявая голова, не вейся внизъ головою, вейся въ посонъ (посонь, то-есть по направленію движенія солнца), подъ воргою, а яжъ тебя не знаю, гдѣ живешь, въ верхъ сыра древа, лѣзь къ своему государю, въ медвяныя бочки и пивныя, какъ не лежитъ на огнѣ и такъ на семъ человѣкѣ лихая словеса (у имя рекъ): аще испіеши чашу сію, доколѣ изъ меня словеси сіи изошли, а изъ сего раба Божія (имя рекъ) похмѣлье. Господи хмѣль, какъ царь сидитъ на царствіи своемъ, такъ и ты сиди на мѣстѣ своемъ, государь родись. *(Изъ стариннаго рукописнаго лѣчебника, доставленнаго г. Колчинскимъ, изъ с. Пингишей, Холмог. уѣзда)*.

5. *Заговоръ отъ пьянства.* Явился еси рабу своему непорочне, самоволне тебѣ превелъ еси отъ пьянства, раба Божія (имя) иже отъ дѣвы тебѣ ради родитеся хотящему, святе вѣнценосце, премудре мученице Вонифатіе, избави, установи, и укрѣпи раба Божія (имя рекъ) отъ всякаго хмѣльнаго питія, и запойства, воздержи его отъ всѣхъ худыхъ дѣлъ и обстояній и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь. Пустынный житель, и въ тѣлеси ангелъ и чудотворецъ явился еси и богоносецъ, преподобне отче нашъ, Моусее Муринѣ, постомъ, бденіемъ и молитвою небесныя дарованія пріемъ, исцеляюще скорбныя и печальныя, избавляюще пьющія и запойныя, и души вѣрою приходяхъ ти. Слава давшему тебѣ крѣпость и терпѣніе, слава вѣнчавшему тя, слава дѣйствующе тобою всѣмъ исцѣленіе. Избави, устрани, установи и укрѣпи раба Божія (имя) отъ хмѣльнаго запойства и пьянства. Мурины заушивъ и лица демоновъ поплевавъ, мысленныя пріялъ еси, якоже солнце свѣтло свѣтомъ житія своего и ученіемъ, наставляя душу раба Божія (имя рекъ) избави, установи, и укрѣпи отъ всякаго хмѣльнаго пьянства, и запойства, отъ сего часа по

вись его вѣкъ, до гробовой доски, во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь. *(Изъ рукописной книжки Григорія Даниловича Книголюбова).*

6. *Заговоръ отъ запоя.* Ты небо слышишь, ты небо видишь, что я хочу дѣлать надъ тѣломъ раба (такого-то). Тѣло Мареена печень тезе. Звѣзды вы ясныя, сойдите въ чашу брачную; а въ моей чашѣ вода изъ-за горнаго студенца. Мѣсяцъ ты красный, зайди въ мою клѣть; а въ моей клѣти ни дна, ни покрышки. Солнышко ты привольное, взойди на мой дворъ; а на моемъ дворѣ ни людей, ни звѣрей. Звѣзды уймите раба Божія (такого-то) отъ вина, мѣсяцъ отврати раба такого-то отъ вина; солнышко усмири раба такого-то отъ вина. Слово мое крѣпко! *(Сказан. Русс. Народа. Сахарова. Томъ I. 1841 г. См. Чернокнижіе).*

ЗАГОВОРЫ ОТЪ ПОРЧИ И ОТЪ КОЛДУНОВЪ.

1. *Отъ колдуновъ.* Стану я, рабъ Божій, благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, въ чистое поле подъ восточную сторону, подъ восточной стороной есть Окіанъ синее море, на томъ на Окіанѣ на синемъ морѣ лежитъ бѣло-латырь камень, на томъ бѣло-латырь камнѣ стоитъ святая золотая церковь, въ той золотой церкви стоитъ золотъ престолъ, на томъ златѣ престолѣ сидитъ самъ Іисусъ Христосъ, Михаилъ архангелъ, Гавріилъ архангелъ, Иванъ Богословъ, Иванъ Предтеча, Георгій храбрый. Николай Святитель Христовъ, угодникъ; я приду рабъ Божій въ чистотѣ, поклонюсь и помолюсь: о, батюшка, истинный Христосъ, Михаилъ архангелъ, Гавріилъ архангелъ, Иванъ Богословъ, Иванъ Предтеча, Георгій храбрый, Николай Святитель Христовъ, угодникъ, обставьте кругъ меня, раба Б., тынъ желѣзный, вереи булатны, на 120 верстъ, окомъ не окинуть, глазомъ не увидѣть; пропущайте огненную рѣку! Отговариваюсь я, рабъ Божій, отъ колдуна, отъ вѣдуна, отъ колдуньи, отъ вѣдуньи, отъ чернова, отъ черемнова, отъ двоежонова, отъ троежонова, отъ двоезубова, отъ троезубова, отъ трубинова, отъ окошечнова, отъ сѣннова, отъ дѣвки простоволоски, отъ бабы отъ самокрутки, отъ всякаго отъ злаго находа человѣка. Можетъ ли злой, ли-

хой человѣкъ заговорить громче громову стрѣлу огненную. молнію, можетъ ли испортить. изурочить мертваго? можетъ ли злой, лихой человѣкъ, колдунъ. колдуница. еретикъ, еретица. не можетъ громъ, громову стрѣлу. и огненную молнію. не можетъ испортить, изурочить мертваго человѣка; бралъ бы злой, лихой человѣкъ. колдунъ, колдуница, еретикъ, еретица своими бѣлыми руками свой булатный ножъ, рѣзалъ бы онъ свое бѣлое тѣло своими бѣлыми руками, грызъ бы онъ свое бѣлое тѣло своими бѣлыми зубами; уста мои—зубы, замокъ—языкъ; во имя Отца, и Сына, и св. Духа. Аминь. *(Заг. изв. изъ рук. старообр. Ж. М. Н. Пр. 1863 г. № 1. Ст. Щапова).*

2. *Отъ портежа съ витра.* Берутъ съ трехъ прорубей или колодцевъ воду, которою окачиваютъ больнаго три раза: при черпаніи воду всегда размахиваютъ на посолонь. а почерпнувши приговариваютъ: „Царь рѣчной! дай воды наболтаной, на леготу, на здоровье рабу Божію (имя рекъ). Когда несутъ воду. не здороваются и не говорятъ. *(Записалъ священникъ Розановъ въ с. Зимней Золотицѣ, Арханг. губерніи).*

3. *Заговоръ отъ порчи.* Во Имя Отца. и Сына, и Святаго Духа, аминь. Отъ Богородициной молитвы, отъ Іисусова креста. отъ Христовой печати, отъ святыхъ помощи, отъ моего слова, отъиди бѣсъ нечистый, духъ проклятый. на сухія древа. на мхи и болоты и тамъ тебѣ мѣсто. житіе, пребываніе и воля. и тамъ кричи. а не въ рабѣ Божіей (имя рекъ) самовольничай. Самъ Господь Іисусъ Христосъ, сама мать Пресвятая Богородица. вся небесная сила, Михаилъ архангелъ, Авоидъ? ангелъ. и всѣ святые чудотворцы: Нифонтъ и Марофъ. Кипріанъ. Іустинія. Кононъ, Ісаврійскій. Димитрій Ростовскій, Ілія пророкъ. Николай чудотворецъ. Георгій побѣдоносецъ. и царь Давидъ, Іоаннъ Креститель и Власій, Истоферъ и Никита великомученикъ. и мое слово страшно и заговоръ силенъ: запрещаю тебѣ бѣсъ проклятый. духъ нечистый, нигдѣ не живи и не будь въ рабѣ Божіемъ (имя рекъ). выйди вонъ, сейчасъ. и сію минуту, со всѣми порчами и чарами и отъиди отъ рабы сей прочь и поди въ свое мѣсто. гдѣ былъ и куда тебя Господь Богъ, Іисусъ Христосъ. послалъ и гдѣ тебѣ велѣлъ жить, въ бездну преисподнюю. въ землю пустую недѣланную, туда и поди. тамъ и живи. а сію рабу остави навсегда, отъ нынѣ и до вѣка.

Аминь, аминь, аминь. *(Изъ рукописной книжки Гр. Дан. Боголюбова).*

4. *Заговоръ отъ порчи.* Выгоняю я, рабъ Божій, изъ рабицы Божіей (имя рекъ) всякаго нечистаго духа именемъ Господнимъ, Духомъ Святымъ, крестомъ животворящимъ, травою лютой, молитвами Святыхъ; посылаю адскаго князя; выведи изъ сей рабицы (имя рекъ) своего нечистаго духа и дай опять старому хозяину, прибери опять на свои прежнія руки, пошли его въ морскую глубину, заключи его на вѣки въ морской глубинѣ тремя ключами желѣзными, тремя замками булатными, запечатай его тремя печатьми Соломоновыми, заключи его тремя заклятіями Господними: а ты, нечистой духъ, не стани рабинами (рабынинами вѣроятно) тилесами въ правдѣ... *(Вырвана, къ сожалѣнію, страница изъ рукописной рукописи г. Гр. П. Боголюбова).*

5. *Заговоръ отъ порчи.* Во имя Отца, и Сына, и св. Духа, аминь. Сей заговоръ не на часъ, не на день, не на мѣсяцъ, не на годъ, а на вись вѣкъ и на всю жизнь, аминь, аминь, аминь, надъ аминями аминь. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Отъ Бога святые чудотворцы, преподобные отцы и мученики въ морѣ и возмутися море отъ облакъ, сыдоша съ моря на тридесять поприщъ окаянныхъ, нечистыхъ духовъ, бѣсовъ проклятыхъ, видѣнія діавола. О нихъ же вопрошая ихъ, святые чудотворцы, преподобные отцы и мученики Нифонтъ и Марофъ, Купріанъ, Іустинія, Кононъ Ісаврійскій и Димитрій Ростовскій, что вы за бѣсы проклятые пришли молитвою Христовою? Иже рекоша: Мы проклятые и духи нечистые дѣти сатаны, князя адскаго, и прочихъ вопросиша святые и великіе чудотворцы и преподобные отцы и мученики и рече имъ: по что есть нечистые духи пришли? Они же рекоша: пришли есть мучить родъ человѣческій христіанскій, кости ломити, разумъ и чувство расшибати, болѣзни и недуги предавати, пакости и вредъ творити, сердце щемити, въ тоску и печаль вдавати, всего разслабляти, владѣніе отнимати, разныя козни дѣйствовати, губити и къ смерти приводити, кто безъ молитвы ходитъ, пьетъ, ѣстъ, и что беретъ, и кто на пирахъ и свадьбахъ бываетъ, тотъ нашъ рабъ и домъ, въ того вселяемся, гнѣздаяся живемъ, въ того насъ и колдуны сажаютъ, и посылаютъ: и возмолятся сіи

святые великіе чудотворцы, преподобные отцы и мученицы, Нифонтъ и Марофъ, Кипріанъ, Іустинія, Кононъ Ісаврійскій и Димитрій Ростовскій Богу о болящемъ рабѣ (имя рекъ), Господи, Господи, Господи, избави родъ человѣческій отъ сей мучительной болѣзни, порчи. Господь услыша молитву ихъ, посла имъ святой крестъ на прогнаніе. Михаила Архангела, ангела Авоида, Илію пророка, и Николая чудотворца и учнутъ васъ разными муками мучити, мечами и жезлами желѣзными бити, и стрѣлами поражати, и дающе вамъ ненавидящимъ по тма темъ ранъ и ударовъ на день, они же начаша вопити, великимъ гласомъ молитися святымъ чудотворцы Нифонтъ и Марофъ, Кипріанъ, Іустинія, Кононъ Ісаврійскій, Димитрій Ростовскій, Михаилъ Архангелъ, ангелъ Авоидъ, Илія пророкъ и Николай чудотворецъ; не мучите насъ, и отпусти насъ въ гульбище наше, и гдѣ мы ваше святое и великое имя услышимъ, отъ того раба (имя рекъ) побѣжимъ, отъ роду его и отъ храмины его никакими познами не прикоснемся за тридевять поприщъ; и вопрошая ихъ святые и великіе чудотворцы, ангелы и архангели имена назваши, у нечистыхъ духовъ, какъ нареченный, первый рече: имя ми есть Трясунъ. Не можетъ человѣкъ согрѣтися въ печи, и тоже падаю, роняю, припадки разные навожу; и той буде проклятъ самимъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и св. отцами, аминь. Вторый рече: имя ми есть Огненный. Какъ разжигаются дрова смолистыя въ печи, такъ разжигаю всякаго человѣка сердце, главу; и той буде проклятъ самимъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и св. отцами, аминь. Третій рече: имя ми есть Сухотной. И той ложится у человѣка у сердца подъ ребромъ и въ боку, аки камень взымаетъ, вздохнуть не даетъ, съ души мечетъ сердце, сосетъ и щемитъ, всего крушитъ, мучитъ и сушитъ, на петитъ нѣтъ; и той буде проклятъ самимъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и св. отцами, аминь. Четвертый рече: имя ми есть *Безумный*. Творю, забываетъ умъ, счетъ не по порядку, не знаетъ людей, съ ума сбродитъ, не пьетъ, не ѣстъ, такъ и одуреность творю; и той буде проклятъ самимъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и св. отцами, аминь. Пятый рече: имя ми есть, *Давотной*. Къ горлу приступаетъ, хрипитъ, кашлять не даетъ, у сердца стоитъ, душу занимаетъ и зажимаетъ, ѣсть не даетъ; и той буде

проклятъ самимъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и святыми отцами, аминь. Шестой рече: имя ми *Пухотной*. Надымаю у человѣка брюхо, аки пузырь говяжій, душу занимаю, проговорить не даю, тяжкость дѣлаю; и той буде проклятъ самимъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и святыми отцами, аминь. Седмый рече: имя ми есть *Ломотный*. Ломлю и стрѣляю у человѣка кости, главу, руки, ноги, поясницу и спину, грудь и вездѣ, аки древо сырое ломитъ; и той буде проклятъ самимъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и св. отцами, аминь. Осмый рече: имя ми есть *Сухой* и *Потаенный*. Въ человѣкѣ кости и всего сушу, самъ таюсь и крѣплюсь, и тотъ человѣкъ, аки древо засыхаетъ и погибаетъ; и той буде проклятъ самимъ Господомъ нашимъ, Іисусомъ Христомъ и святыми отцами, аминь. Девятый рече: имя ми есть, *Бѣснующій*, *Припадочной и Родимечно*. Въ человѣкѣ сижу, мучаю, съ мѣста на мѣсто перхожу, кличу, плачу, пугаюсь, Божьяго всего не люблю, въ обмороки и въ припадки ударяю, разныя дѣйствія и зло творю, бьюсь, расшибаю; и той буде проклятъ самимъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и святыми отцами, аминь. Десятый рече: имя ми есть *Разслабленный*. У человѣка ноги отнимаю, ходить не даю, члены разслабляю, корчу жилы ручныя и ножныя, главу ломитъ, сердце щемитъ; и той буде проклятъ самимъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и св. отцами, аминь. Одинадцатый рече: имя ми есть *Пьяный* и *Распутный*. Человѣка въ запой и пьянство распутство и на блудъ понуждаю, въ тоску и грусть, задумчивость привожу, въ нощи спать не даю, бѣси приступаютъ, во очахъ визжатъ и на мѣстѣ не уснетъ; и той буде всѣхъ проклятій самимъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и св. отцами, аминь. Двѣнадцатый рече: имя ми есть *Смертный* и сильный начальникъ нечистыхъ духовъ надъ человѣками, страшный мучитель и погубитель въ человѣкахъ. Силяюся, мучаю, морю, гублю, разныя пакости и зло творю, все ругаю, горжусь, ненавижу, во чревѣ дѣтей гублю, похоть, плоть и уду владѣніе отнимаю. ничего не боюсь, всякую святыню принимаю, крѣпкій до смерти, вонъ изъ рабы не выхожу; и той буде всѣхъ проклятій, изыди вонъ, аминь. И прочіе многіе рече имя намъ: Многіе есть насъ родовъ и пакосники разные нечистые духи, проклятый скрадены,

бѣсы, дьяволы, демоны окаянные и прочія разныя неисчислимыя, вѣдомыя и невѣдомыя пакости, зло и дѣйствія творимъ; и тіи вси будете прокляти самимъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и св. отцами, аминь. Побѣжатъ всѣ ненавидящіе нечистые духи отъ роду Христа, отъ роду раба Божія (имя рекъ), призову на васъ архангеловъ, ангеловъ, херувимовъ, серафимовъ, престоловъ, господствъ, властей, силовъ, пророковъ, апостоловъ, мучениковъ, преподобныхъ, праведниковъ, угодниковъ и всѣхъ святыхъ, а сира сего ошире, аминь. Крестъ хранитель всей вселенной, крестъ красота церковная, крестъ царемъ держава, крестъ вѣрнымъ утвержденіе, крестъ ангеламъ слава, крестамъ бѣсамъ прогонитель и язва. Крестъ порченнымъ и больнымъ избавленіе и исцѣленіе. Главѣ, груди, сердцу и животу, рукамъ, ногамъ, тѣлу, составамъ, костямъ, жиламъ, удамъ, частямъ, членамъ, крови, чувству и всему человѣку на исцѣленіе, самимъ Господомъ Іисусомъ Христомъ, Михаиломъ, Авоидомъ, Иліею, Николаемъ, Ниѳонтомъ, Мароѳомъ, Кипріаномъ, Іустиніею, Канономъ, Димитріемъ и всѣми святыми Твоими Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй грѣшнаго раба Божія (имя рекъ), аминь, аминь, аминь. (*Изъ рук. тетрадки Книголюбова*).

НАГОВОРЫ НА РЫБНУЮ ЛОВЛЮ.

1. Какъ ты, матушка Шорда рѣка, течешь быстро и яро, берега смываешь, травы омываешь, кореньица сдираешь, такъ смывай и сдирай съ моей раба Божія (имя рекъ) вшетовки, съ рѣзки и съ мешени, съ огненнаго боя, со всей оружейной приправы, ото всякаго злаго и лихаго, и отъ помышленнаго, отъ колдовства и отъ всей нечистой думы. Къ тѣмъ моимъ словамъ небо и земля—ключь и замокъ: аминь. (*Записалъ А. Харитоновъ, въ Шенк. уѣздѣ*).

2. *Рыбій прикосъ.* Говорить слова на уды и на рыбицу, какую Богъ дастъ:

Буди моя рыбица непрікосливa, неурослива, иди ко мнѣ рабу Божію скоро, безпопятно и безповоротно, противъ быстрыя воды, осеннія рѣки, назадъ не оглядывайся и въ сторону не отворачивайся, иди ко мнѣ, рабу Божію, ежечасно на утрен-

ней зарѣ и на вечерней зарѣ, въ мои желѣзныя уды, рыбица налимъ большеголовый, и востроносица щука, красная рыбица семга, иди ко мнѣ, рабу Божію Н; по всякъ день, и по всякъ на утренней зарѣ и на вечерней зарѣ, въ день подъ солнцемъ, а въ ночь подъ мѣсяцемъ и подъ частыми звѣздами, и подъ всею окружностью Божіею... Тѣмъ моимъ словамъ ключь и замокъ, именемъ Господнимъ, Духомъ Святымъ, во вѣки вѣковъ аминь. А которое я, рабъ Божій, слово узабылъ, узапамятовалъ, то слово мое буди въ томъ же кругу и вострѣе вострагo ножа, булатнаго топора, быстрѣе ключевой воды, именемъ Господнимъ, Духомъ Святымъ, во вѣки вѣковъ, аминь, за аминемъ аминь. (*Крест. Леонтьевъ, Холмогор. уѣзда*).

3. *Тоже.* Для рыбной ловли и для налимовъ, и для щукъ, и для семги, и для всякой, какую Богъ дастъ на уду.

Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Стану я, рабъ Божій, благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ дверей воротами, пойду въ чистое поле подъ восточную сторону, въ зеленую дубраву, и стану я, рабъ Божій, на восточную сторону лицомъ и помолюся и поклонюся истинному Христу Царю небесному, и буди я рабъ Божій промышленникъ не уросливъ и не прикосливъ отъ своей крови, и отъ своей думы, и отъ буйнаго вѣтра, и отъ своего глаза, и отъ своего сердца, и отъ людской думы, и отъ молвы, отъ людскаго глаза. А кто злой, лютой человѣкъ подумаетъ на мой добытокъ и на промыселъ и то бы ему себѣ да въ пазуху, а что онъ радѣетъ себѣ, то и мнѣ на мой добытокъ и на промыселъ. По всякъ день, по всякъ часъ и по всяку ночь, и тѣмъ моимъ нагозорнымъ словесамъ ключь и замокъ именемъ Господнимъ, Духомъ Святымъ, во вѣки вѣковъ, аминь.

4. *Тоже.* Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Небесной Троицѣ, Отцу и Сыну, и Св. Духу, и всѣмъ святымъ ангеламъ и архангеламъ. Отступись, діаволъ отъ всѣхъ дверей и отъ всѣхъ угловъ храмины сія, и отъ всѣхъ узловъ ленныхъ и посконныхъ, и конопляныхъ, и всякихъ разныхъ ловушекъ. Здѣсь тебѣ нѣтъ, ни мѣста, ни части; здѣсь съ нами, съ рыболовами, рабами и рабынями (имя рекъ), честный крестъ Господень, здѣсь Святая Троица: Отецъ, Сынъ и Духъ Святый, здѣсь Мати Христа Бога нашего Пресвятая Богородица,

держитъ въ правой рукѣ цвѣтъ и траву и даетъ намъ, рабамъ и рабынямъ (имя рекъ) обкуриванія для сохраненія нашей рыбной ловли, льныхъ, посконныхъ и конопляныхъ ловушекъ, красной рыбы, семги, и бѣлой рыбы, рака и щуки, и проч. Здѣсь начальники силъ небесныхъ: Михаилъ, Гавріилъ и Уріилъ и Рафаилъ, Херувимы и Серафимы и всѣ небесныя силы. Здѣсь святой Іоаннъ Предтеча и здѣсь святые апостолы Петръ и Павелъ, и держатъ во правыхъ рукахъ Адамовъ крестъ, цвѣтъ и траву и золотые ключи и даютъ намъ, рыболовамъ, рабамъ и рабынямъ для ради сохраненія нашей рыбной ловли для красной рыбы семги, и бѣлой рыбы, рака, щуки и прочихъ разныхъ, бѣлыхъ рыбъ. И здѣсь всѣ святые апостолы, и три святителя и учителя: Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ честный: здѣсь съ нами, съ рабами и рабынями (имя рекъ) св. Николай великій хранитель, и здѣсь русскіе чудотворцы: Алексѣй и Іона; здѣсь мученикъ Агафонъ, здѣсь мученикъ Христовъ Никита. Здѣсь, съ нами съ рыболовами, съ рабами и рабынями (имя рекъ), мученицы Христовы, Екатерина и Варвара, держатъ ладонъ и кадило и даютъ (имя рекъ) для обкуриванія льняныхъ сѣтей и всякихъ разныхъ нашихъ ловушекъ. И всѣ честные ангелы-хранители наши, берегите и стерегите нашу рыбную ловлю на всякъ день, на всякъ часъ и на всяку ночь, въ ветху и въ новцу, и въ меженныхъ дняхъ, перекройныхъ, на заживъ дней, и на заживъ нощей. Силою честнаго и животворящаго креста Господня, сохраняй насъ Господи, рыболововъ, рабовъ и рабынь (имя рекъ), на семъ древѣ крестномъ распятый Іисусъ Христосъ. Аминь. (трижды). По благословенію Господню идите святые ангелы ко синю морю, съ золотыми ключами, отмыкайте и колебайте сине море вѣтромъ и вихеромъ и сильною погодою, и разбудите красную рыбу семгу, и бѣлую рыбу и раки и щуку, и прочихъ разныхъ рыбъ, и гоните изъ подъ мху и изъ подъ вищенаго куста, и изъ крутыхъ береговъ и желтыхъ кустовъ, и чтобъ она шла бы къ намъ рыболовамъ, рабамъ и рабынямъ (имя рекъ) въ Местушку рѣку, быструю Двину, и въ разныя рѣки и озера, и во всякіе водяные притоки: и не застоялась бы на красномъ солнцѣ, и не загулялась бы съ охотной травы, и шла бы къ намъ, въ нашъ рыболовный заводъ, и не боялась

бы и не пятилась нашихъ ленныхъ и посконныхъ, и коноплянныхъ сѣтей, и всякихъ разныхъ нашихъ ловушекъ. Не дайте, святые ангелы, очамъ ея виду, ушамъ ея слыху, и еще святые ангелы сохраните нашу рыбную ловлю отъ уроковъ и отъ прикосовъ, отъ еретика и отъ еретицы, отъ клеветника и клеветницы, отъ мужней жены и отъ вдовицы, и отъ дѣвки простоволоски, и отъ всякаго вѣтреннаго проходящаго человѣка, отнынѣ и до вѣка, аминь. Христосъ воскресе! (*Запис. А. Харитоновъ, въ Шенк. уѣздѣ*).

5. *Слова, рыбу лучить.* Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Какъ да народъ Божій, православные христіане изъ церкви, съ домовъ и изо всякихъ мѣстъ, и за Спасомъ и за Пресвятой Богородицей идутъ на Іорданъ, и прійдутъ на Іорданъ и станутъ, съ мѣста на мѣсто не перехаживаютъ и не погуливаютъ, также бы ко мнѣ, рабу Божію (имя рекъ), рыба въ лучь всякая шла: лоси, семги, харьюсы, сиги, щуки, налимы, язи, подъязки, окуни, сороги, и всякая рыба шла съ ямъ, съ плесъ и съ травы, изъ лапуги, изъ крежьевъ, изъ ручьевъ, изо всякихъ мѣстъ дресвы и на росити, и прійдутъ въ лучь и стали бы они, съ мѣста на мѣсто, не перехаживали, и не погуливали на утренней зарѣ и середи ночи темной, не боялись бы они ни козы, ни луча, ни лодки, ни остожья, ни шеста, ни меня, раба Божія (имя рекъ), ни товарища моего кормщика (имя рекъ). Всегда нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

Говорить сіе трижды, когда станешь лучить зажигать. (Ночная ловля рыбы при помощи огня).

Какъ престолъ Господень стоитъ среди алтаря, не шевелится, такъ бы не шевелиться, не похаживать, также бы у меня, раба Божія (имя рекъ), рыба съ луча не шевелилась и не похаживала на утренней зарѣ и на вечерней, и на середи ночи темной.

И говорить сіе трижды, и къ тому-жъ: „какъ попъ стоитъ на ерданѣ, не шевелится, и не похаживаетъ, такъ бы и у меня, раба Божія (имя рекъ), и рыба съ лучу не шевелилась и не похаживала на утренней зарѣ, на вечерней и среди ночи темной“. Говорить сіе трижды.

Обережъ: какъ первую рыбу добудешь и съ остроги снимешь и говорить въ ротъ ей трижды и плюнуть: чуръ моей

рыбы и чуръ моего промыслу, чуръ моей думы, крови, чуръ меня р. Б. (имя рекъ), промышленника, чуръ моего коршика. И положить рыбу въ лодку и поѣзжай, Богъ въ помощь. (*Въ Труды Этн. Отд. 1878. Отъ г. Хромцова*).

6. *Для удачнаго лова рыбы.* Пойду я на быстру рѣку, на ей есть рыбки потрепущи, и спустили бы мы неводъ, какъ шелковъ пожокъ, и въ этотъ неводокъ, въ каждый поводокъ наскакало бы рыбы, какъ чины *). (*Доставилъ г. Никольскій, изъ города Мезени*).

7. *При наживкѣ червей на крючекъ.* Когда наживляютъ на крючекъ червей, а иногда рыбу, то приговариваютъ: рыба свѣжа, наживка сильна, клюнь, да подерни, ко дну потяни. (*Записано г. Ефименко, въ Холмогорахъ*).

8. *На уженье.* Для того, чтобы на удочку попадалась крупная рыба, поймавши маленькую рыбку, сѣкутъ съ приговоромъ: Пошли отца, пошли мать, пошли тетку, пошли дядю и т. д. и пускаютъ обратно въ воду, освободивъ отъ крючка. (*Записано г. Елизаровымъ, въ г. Архангельскѣ*).

9. *Для удачи на промыслѣ.* По благословенію Господню, идите св. ангелы ко синю морю, съ золотыми ключами, отмыкайте и колебайте синее море вѣтромъ и вихремъ и сильною погодою, и возбудите красную рыбу и бѣлую рыбу и прочихъ разныхъ рыбъ и звѣрей морскихъ; и гоните ихъ изъ подъ моху и кустовъ, отъ крутыхъ береговъ и желтыхъ песковъ, и чтобъ они шли къ намъ рыболовамъ и звѣроловамъ (перечисляются имена всѣхъ промышленниковъ), и не застаивались бы при красномъ солнцѣ, и не залеживались бы на льдинахъ среди моря и шли бы въ наши заводы, сѣти и ловушки, и не пятились бы нашихъ ленныхъ и конопляннылъ сѣтей и всякихъ разныхъ ловушекъ, и не пужались бы нашихъ выстрѣловъ, и колотушекъ. Не дайте, св. ангелы, тѣмъ звѣрямъ и рыбамъ: очамъ ихъ—виду, ушамъ ихъ—слуху и еще, святые ангелы, сохраните нашу рыбную и звѣриную ловлю отъ уроковъ и отъ прикосовъ, отъ еретика и еретицы, отъ клеветника и клеветницы, отъ мужней жены и вдовицы, и отъ дѣвки простоволоски, и всякаго вѣтренаго, проходящаго человѣка и порчельника, отъ

*) Слово „чины" необъяснено доставителемъ.

нынѣ и до вѣка, аминь. Христосъ воскресе. (*Доставлено г. Никольскимъ изъ Мезени*).

ЗАГОВОРЫ ОТЪ ЛИХОРАДОКЪ.

1. *Отъ трясцы.* Писать по ровну на бумагѣ три имени:

Анфака, Іугалы, Ѳатулей.

(*Изъ стариннаго лечебника, доставленнаго свящ. А. Колчинымъ изъ с. Пингищей. Холмог. уѣзда*).

2. *Отъ лихорадки или дрожжалки.* Больной, если хватитъ силы, идетъ въ лѣсъ, находитъ осину, кланяется ей и говоритъ:

„Осина, осина, возьми мою тресину, дай мнѣ леготу!“ послѣ того перевязываетъ осину своимъ поясомъ. (*Записалъ Е. Ивановскій. въ Шенкурскомъ уѣздѣ*).

3. *Тоже.* Мать ты моя вечерняя звѣзда, жалуюсь я тебѣ на двѣнадцать, дѣвицъ Иродовыхъ дочерей.

Заговариваютъ по вечернимъ зарямъ, заговоръ читаютъ по три раза, отплевывая послѣ каждаго въ лѣвую сторону съ словами: „Покуда я плюю, потуда бъ рабу (имя рекъ) хворать. (*Изъ очерковъ Повѣрій. Обр. прим. и гад. въ Вор. г., свящ. маг. Ѳедора Никонова*).

4. *Отъ лихорадки.* Молитва отъ святаго Силинія и Сихайла и четырехъ евангелистовъ: Іоанна Богослова, Марка, Луки, Матѳея. Стоитъ среди моря столпъ камень, у столпа сидитъ Силиній и Сихайло и зритъ (съ?) святымъ Силиніемъ въ море: возмутилася вода подъ небесемъ, изыдоша изъ моря 12 женъ простовласыхъ, и окаянныхъ видѣніемъ ихъ діавольскимъ, и вопрошали ихъ св. Силиній и Сихайло: что есте за жены? и они рекоша ему: а мы есмы трясовицы и дщери Ирода царя. И вопрошаетъ ихъ св. Силиній и Сихайло: „окаянній діаволи! Почто ести семо пришли?“ И они рекоша ему: „мы есми пришли мучите христіанскаго роду: аще хто перепьетъ, того мы мучимъ; аще хто завтрену воскресенскую проспитъ, Богу ея не молитъ, въ праздники честные блудъ творитъ, не чистъ ходитъ, рано пьетъ и ѣстъ, то ваши (наши) угодники“. И помолился св. Силиній и Сихайло: „Господи, Господи! Избави родъ человѣчь отъ окаянныхъ діаволей!“ И услыша Господь Богъ

молитву и посла къ нимъ (*то-есть къ трясовицамъ*), Силиніа и Сихайла и четырехъ Евангелистъ: Матѳея, Луку, Марка, Іоанна Богослова—и велѣ мучити ихъ дубцы желѣзными и дати имъ по три тысящи на день ранъ. И они (онѣ?) рекоша и начаша молитися: святіи великіе Силиній и Сихайло и четыре Евангелиста: „Марко, Лука, Матѳей и Іоаннъ Богословъ! не мучьте насъ! Гдѣ ваши имена святыя да слышимъ и не противимся ни въ коемъ родѣ, въ мужескомъ и въ женскомъ,—и мы того роду, мужескаго и женскаго, бѣгаемъ за тридевять поприщь. И вопрошаетъ ихъ святый Силиній и Сихайло и Апостоли, четыре Евангелисты, что ваши имена? Едина рече: мнѣ имя Огнія: коего человѣка поймаю, тотъ человѣкъ разгорится, аки пламень въ печи, также я разжигаю всякаго человѣка. Вторая рече: мнѣ имя Ледиха: я коего человѣка поймаю, тотъ человѣкъ не можетъ въ печи согрѣться. Третья рече: мнѣ имя Желтая—аки цвѣтъ дубравный. Четвертая рече: мнѣ имя Глохня: котораго я поймаю, тотъ человѣкъ можетъ быть глухъ быти. Шестая рече: мнѣ имя Юдея: коего я человѣка поймаю, тотъ человѣкъ не можетъ насытиться многимъ брашномъ. Седьмая рече: мнѣ имя Корчея: коего человѣка поймаю, тотъ человѣкъ корчится вмѣстѣ руками и ногами, не піетъ, не ѣстъ. Восьмая рече: мнѣ имя Грудея: котораго человѣка изловлю (поймаю) лежу на грудяхъ и выхожу храпомъ внутрь. Девятая рече: мнѣ имя Проклятая: коего человѣка поймаю, лежу у сердца, аки лютая змія, и тотъ человѣкъ лежитъ друдно (трудно). Десятая рече: мнѣ имя Ломеня: аки сильная буря древо ломитъ, тако же и азъ ломаю кости и спину. Одинадцатая рече: мнѣ имя Глядѣя: коего человѣка поймаю, тому человѣку сна нѣтъ, и приступитъ къ нему и мутится.... Двѣнадцатая рече: мнѣ имя Огнеястра: коего человѣка поймаю стараго, тотъ не можетъ живъ быти“. Молитвами святыхъ апостолъ, ангелъ, Силинія и Сихайло и четырехъ Евангелистовъ: Матѳея, Марка, Луки и Іоанна Богослова, царь славы Іисусъ Христосъ ника (?). Крестъ хранитель вся вселенныя. Крестъ—красота церковная, крестъ—царевъ скипетръ, крестъ—княземъ держава, крестъ—вѣрнымъ утвержденіе, крестъ—бѣсамъ язва, крестъ трясовицамъ прогнаніе; прогонитесь отъ раба Божія (имя рекъ) всегда, и нынѣ, и присно и во вѣки вѣкомъ, аминь. А говорити сія мо-

литва трижды надъ главою больнаго, положа крестъ въ воду на блюдо, и та вода пити, давати больному. *(См. Пермскій сборникъ. 1860 г. Кн. II. Изъ рукоп. Сб. XVII в.).*

5. *Отъ лихорадки.* На горахъ аѳонскихъ стоитъ дубъ мокрецкой, подъ тѣмъ дубомъ стоятъ тринадесять старцевъ со старцемъ Пафнутіемъ. Идутъ къ нимъ двѣнадесять дѣвицъ простоволосыхъ, простопоясыхъ, и рече старецъ Пафнутій съ тремя надесять старцами: кто сіи къ намъ идоша? И рече ему двѣнадесять дѣвицы. Есть мы царя Ирода дщери, идемъ на весь міръ кости знобить, тѣло мучить. И рече старецъ Пафнутій своимъ старцамъ: зломите по три прута, тѣмъ станемъ ихъ бити по три зари утреннихъ, по три зари вечернихъ. Взмолились двѣнадцать дѣвъ къ тринадесять старцамъ съ старцемъ Пафнутіемъ. И не почто же бысть ихъ мольба. И начаша ихъ старцы, глаголя: ой, вы еси двѣнадесять дѣвицы! будьте вы трясуницы, водяницы, разслабленныя, и живите на водѣ студеницѣ, въ міръ не ходите, кости не знобите, тѣла не мучьте. Побѣгоша двѣнадесять дѣвицъ къ водѣ студеницѣ, тресуницами, водяницами, разслабленными.

Заговариваю я раба (такого-то) отъ изсушенія лихорадки. Будьте вы прокляти двѣнадцать дѣвицъ въ таръ-тарары! отъидите отъ раба, такого-то, въ лѣса темные, да древа сухія.

6. *Заговоръ отъ всякой лихорадки.* Во Имя Отца, и Сына, и св. Духа. Сей заговоръ не на часъ, не на день, не на недѣлю, не на мѣсяцъ, не на годъ, а на вись викъ и на всю жизнь, аминь, аминь, надъ аминемъ аминь. Въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово, аминь. Отъ Бога, посланный Святый Апостолъ Іоаннъ Креститель во Ердане, и возмутися море отъ облакъ, изыдоша изъ моря на вись свѣтъ многое множество окаянныхъ, простоволосыхъ, безобразныхъ и скаредныхъ женъ сихъ видѣнія діавола бѣлове, онихъ же вопрошая святый, апостолъ Іоаннъ Креститель, что вы за жены, проклятой лихорадки Ирода царя и прочихъ, попросипа многихъ святый апостолъ, великій Іоаннъ Креститель, кто вы скаредныя? куда идети? и по что есть бѣсови пришли? Онѣ же отвѣщаша ему: мы жены трясовицы, лихорадки, кумохи, ворчуши, дочери царя Ирода, жены бѣсовскія, роду нечистаго, насъ главныхъ двѣнадцать, злыхъ, а прочихъ насъ разныхъ нѣс-

колько тысячъ безъ числа есть, знаемыя и незнаемыя. Идемъ мы на всю землю, во весь міръ мучити родъ человѣческій, главы росщибати, кости ломати, сердце щемити, чувство и владѣнія отнимати, разнымъ недугамъ, немощамъ, хворобамъ, убожествамъ, скорбямъ и болѣзнямъ предавати, къ смерти приводити: человѣковъ изнуряти и губити; кто не бережется и безъ молитвы, не благословясь ходитъ, дѣлаетъ, піетъ, ѣстъ и грѣхи разные творитъ, и себя не хранитъ, тотъ нашъ и угодникъ, и мы въ него сами вселяемся и живемъ, вредъ и пакость творимъ, что хотимъ, что бѣсы въ человѣкѣ творятъ то и мы, еще ваще ихъ творимъ. Заклинаю я и запрещаю васъ окаянныя, скаредныя всѣхъ лихорадокъ именемъ Господа Бога нашего, Іисуса Христа, Святыя и Живоначальныя, и Нераздѣлимыя, Единосущныя Троицы, Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь. Силою честнаго и Животворящаго Креста Господня, и живоносньмъ Источникомъ Пресвятыя Владычицы Нашея Богородицы и присно Дѣвы Маріи, и всѣхъ небесныхъ силъ безплотныхъ, ангелами, архангелами, херувимами и серафимами, началами, престолами, господствами, властями, силами, и всѣми пророками, и семидесятью апостолами, и евангелистами и всѣми мучениками, преподобными и угодниками, праведниками, и святыми мужеска и женска пола соборами, и ликами, вскорѣ бѣжите отъ раба Божія (имя рекъ) за то поприще въ пустые лѣса, непроходимыя мѣста, иже же жилище человѣкомъ и скотомъ несть, аще же прослушайте мене и не побѣжите отъ раба Божія (имя рекъ) и я призову и попрошу на васъ имя Господне Саваоѳа, Іисуса Христа: и возмолися сей святый великій апостолъ Іоаннъ Креститель Предотеча Богу, о болящемъ рабѣ (имя рекъ): Господи, Господи, Господи! избави родъ человѣческій отъ сей великой мучительной болѣзни. Господь услыша его, молитву святаго апостола, посла апостолу святый крестъ и жезлъ, ему на прогнаніе грознаго воеводу Михаила, архангела Гавріила, Рафаила архангела, ангела Авоила, и Разоила, херувима и серафима, пророковъ Илію и царя Давида и Соломона, и четырехъ Евангелистовъ; Луку, Марка, Матѳея и Іоанна Богослова, и святыхъ чудотворцевъ и цѣлителей Кузьму и Даміана, Кира, Іоанна, Пантелеймона и Ермолая, Самсона и Деомида, Фокія и Анетиты, Фалалея и Триѳона и Св. мучен-

никъ Ѳеогнію, Руфа, Антипатра, Магна, Ѳеодота, Фавмасія, Фелимона, Ѳеостика, Артема, Факія, Ѳеогова, Мага, Фому, Мемнона, Фокія, Марона, Власія, Ермолая, Кирикъ, Іулита, и Фокинія, Прасковія Пятница, Николай Святый, отцы: Антоній и Ѳеодосій, Ізосима и Саватія, Василія новаго и Сахарія и Сахаила, Діонисія нароля, Пимена и Сосипія, Сисона и Пафнутія и Крестіа? Апласисія? Артемія веркольскаго, Николая чудотворца, Ивана велика, Іосифа прекраснаго и Александра Македонскаго, апостола Петра и Павла; и учнутъ васъ разными муками мучити и тысячами прутьями желѣзнами бити и дающе вамъ, ненавидящимъ, по тысячи ударовъ въ день и по тысячѣ ранъ неисцѣльныхъ, тяжкихъ, нестерпимыхъ; онѣ же начаша вопити, великимъ гласомъ молитися: святые архангелы, и ангелы, евангелисты, пророки, апостолы, мученики и святые, преподобные отцы всѣ, не мучите, насъ и отпустите насъ въ гульбище наше, и гдѣ мы ваше святое и великое имя сіе услышимъ и заговоръ сей кто читаетъ и читать станетъ, отъ того раба (имя рекъ) побѣжимъ, отъ роду его изнутри его и отъ храмены его, и никакими козням не прикоснемся за тысячу саженъ. И вопрошая ихъ святый и великій апостолъ Іоаннъ Предтеча креститель, архангели, ангели, пророки, апостоли, евангелисты, мученики, святые и преподобные отцы все сіи имена назвать.... (неразобрано) у дѣвицъ бѣсовицъ, какъ нареченныя. Первая рече: имя мнѣ есть *Женнохолла*, и Трясовица *): Трясу всякаго человѣка, что не можетъ согрѣтися въ печи яже жаръ и холъ великъ творю, ознобъ, подиръ и свербу творю. Та буде проклята Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и Св. отцами, аминь. Вторая рече: Имя мнѣ *Перемежающая и дневная*: Мучаю ежедневно двухдневно, трехдневно, четырехдневно и недѣльно, мѣсячно, да яже перемежаюсь разными новыми и недознанными болѣзнями, и немощами человѣка мучаю, и разныя хвори, недуги и убожествы всякія навожу и все на свѣти бывшія и небывшія новыя болѣзни творю, и открываю. И та буде проклята Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и Святыми отцами, аминь. Третья рече: Имя мнѣ *Безумная*: Съ ума сбродитъ, заговаривается, все мелетъ, гово-

---

*) Сравни съ именами лихорадокъ прочихъ заговоровъ.

ритъ что попало, не знаетъ людей и спитъ много и мало, не пьетъ, не ѣстъ, въ нощи и на мѣстѣ спать не даю. Бѣси, дѣвицы и бабы приступаютъ всѣ, во очахъ видется и преставляется, яже въ головѣ сижу, главу разбиваю, мозги ворочаю, умъ мѣшаю, непорядокъ, дурь, припадокъ и какъ бѣснующую творю, шумъ и ломъ главѣ, и слѣпоту и сны разные, и многія пакости навожу. И тая буде проклята самимъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и Св. отцами, аминь. Четвертая рече: имя мнѣ есть. *Переходная*: Перехожу у человѣка по различнымъ мѣстамъ съ мѣста на мѣсто, ломлю кости, спину, поясницу, главу, руки, ноги; ною, свербю, мощу, ложусь у человѣка подъ ребромъ, у сердца, поясницей, въ боку, въ животъ, аки камень или перокъ возымаю, вздохнуть и стоя кашлять и проговорить не даю, съ души мечу, душу занимаю, и зажимаю, кашель и одышку творю, сердце щемлю и ломлю, и сосу, сушу крушу человѣка; тоску, скуку, печаль, заботу, не веселіе творю, аки бѣсъ претворяю. И та проклята самимъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и Святыми отцами, аминь. Пятая рече: имя мнѣ *Скорбная*: Человѣку разныя немощи, недуги, хворости, убожествы, вреды, скорби и болѣзни всякія творю внутри и наружи и яже, подобна порчи всякой дѣлаю. И тая буде проклята самимъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и Святыми отцами, аминь. Шестая рече: имя мнѣ есть *Разслабья*: Разслабляю человѣка, аки мертва, нѣмѣютъ и дрожатъ всѣ члены и суставы яже отнимаю, ходъ и владѣнія безчувствія ногамъ и рукамъ, корчу руки, ноги, жилы, и свожу, нѣмоту и косноязычіе творю, умъ, память и чувство отнимаю, и многія пакости творю. И та буде проклята самимъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и Св. отцами, аминь. Седьмая рече: имя мнѣ есть *Пухлая*: Надымаю и разростаю у человѣка брюхо, аки пузырь говяжій; ноги и все тѣло отекаетъ и опухаетъ, желчь напускаю, душу занимаю, кашель и чахотку творю, гноеніе и запоръ дѣлаю. И та буде проклята самимъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и Св. отцами, аминь. Осьмая рече: имя мнѣ *Тайная*: Разныя скорби и невиданныя творю, яже хитрая, мудреная, неисповѣдимая, недознаемая, несказанная, неизвѣстная; никто не можетъ меня познати, и довѣдатися, и болѣзни мною творимой никакихъ врачествъ прибрати, исцѣ-

лити, яже лекарствъ Божества и ничего не боюсь, сама желаю, прошу, все, что хочешь принимаю и сижу, яже самая сильная, крѣпкая, таюсь, кроюсь, крѣплюсь, перехожу и творю, что бѣсы творятъ, только отъ сего заговора изыду. И тая буде проклята самимъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и Святыми отцами, аминь. Девятая рече: имя мнѣ *Бѣлая*: Жаръ, и огонь великъ въ человѣки навожу, безуміе, бѣснованіе, припадки, обморокъ творю, все въ очахъ, въ головѣ разной видѣніи и слухи преставляю, умъ, память, брожу, плачу, смѣюсь кричу, говорю, падаю, силу, дерзость, боязнь, страхъ, пугагіе, безсоніе, мечты, бредъ, пустованіе? и глаголы невѣрные навожу, и прочіе козни творю. И тая буде проклята самимъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и Святыми отцами, аминь. Десятая рече: имя мнѣ есть *Противна*: Ничего ненавижу, не терплю, не люблю, человѣку во всемъ надоѣдаю, противъ всѣхъ горжусь, грублю, ненавиствую, злюсь, бранюсь, все въ постылъ день, нехотѣніе, нежалость и зависть, и въ смѣхъ привожу, въ позоръ, и брань и смѣхъ навожу. И та буде проклята Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и Святыми отцами, аминь. Одинадцатая рече: имя мнѣ есть *Причудница*: Въ человѣки сижу, прячусь, когда меня выгоняютъ, чрезъ долгое время опять отрыгаюсь, прихочу, причужаю всего, пить и ѣсть хочу, а иногда не хочу, избавленія всякаго бѣгаю, ненавижу человѣка, отвращаю, отговариваю, въ очахъ сама являюсь женскимъ образомъ... (неразобрано слово), сны разные навожу, человѣка давлю, душу, и многія дѣйствія и козни творю. И та буде проклята самимъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и Святыми отцами, аминь. Двѣнадцатая рече: имя мнѣ *Смертная*: Та буде всѣхъ проклятій на болящемъ человѣкомъ страшная, плясовица, и представница, и угодница Ирода царя, та усѣкнула главу Іоанна Предтечи, и принесла предъ царемъ на блюдѣ. Она же въ человѣки сидитъ, до смерти мучаетъ разными муками, и болѣстями, къ смерти, пагуби и бѣдствію разному приводитъ, всякаго божества боится, а иногда и желаетъ творить подобно порчи, и бѣснуемому. Та буде всѣхъ проклятій самимъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и Святыми отцами, аминь. И прочія многія все рече: имена намъ и числа неисповѣдимыя, неисчислимыя, многія тысящи есть,

всякихъ разныя пакости, вреды, козни, скорби, недуги, хвори, убожествы, немощи и болѣзни творимъ человѣку. И тіи будете всѣ прокляты самимъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и Святыми отцами, аминь. Побѣжатъ всѣ ненавидящія діаволи отъ роду Христа, отъ роду раба Божія (имя рекъ), призову на васъ архангеловъ, ангеловъ, херувимовъ и серафимовъ, пророковъ, евангелистовъ, апостоловъ, мучениковъ, святыхъ отецъ, и чудотворцевъ, и прогнани будети въ преисподней ацкія мѣста, и даже скрежетъ зубный и огнь неугасимый. А Господень крестъ хранитель всей вселенной, крестъ красота церковная, крестъ царемъ держава, крестъ вѣрнымъ учрежденіе, крестъ ангеламъ слова, крестъ бѣсамъ язва, и вамъ окаяннымъ трясовицамъ прогонитель, крестъ больнымъ исцѣленіе, главѣ, груди, души, сердцу, утробѣ, рукамъ, ногамъ, крови, тѣлу, костямъ, жиламъ, составамъ, членамъ, удамъ, частямъ и всему человѣку исцѣленіе, самимъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, молитвами Пресвятыя нашея Богородицы и присно дѣвы Маріи, архангелами, ангелами, всѣми небесными силами безплотными, пророками, евангелистами и апостолами, и всѣми преподобными мучениками, угодниками, праведниками, и всѣми святыми отцами и женами, чудотворцами. Господи Іисусе Христе Сыне Божій и помилуй грѣшнаго раба Божія (имя рекъ). Сія вода съ креста Господня, да исцѣлитъ раба Божія (имя рекъ) не лживо, истинно, во вѣки вѣковъ, аминь. (Проточной воды наговорить и съ креста найденнаго дать пить, и умываться, и на главу лить).

7. *Заговоръ отъ лихорадки.* Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь. Вначалѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово. (Написать эти слова на верхней коркѣ съ хлѣба, и давать натощакъ ѣсть три утреннихъ зари.) (*Изъ рукописной книжки. Гр. Д. Книголюбова).*

8. *Отъ лихорадки.* Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь. При морѣ Черномъ стоитъ столбъ каменный и всѣ тутъ стоятъ четыре Евангелиста: Іоаннъ Богословъ, Лука, Матѳей, Маркъ и Ангелы Христовы, сами зрятъ на море. И вышедъ изъ моря 12 женъ сестеръ простоволосыхъ, и окаянныхъ видѣніемъ, и вопросиша ихъ святые отцы и ангелы: Что вы за жены окаянныя видѣніемъ? Куда идете? Онѣ же отвѣ-

чаша, что идемъ искати и мучити рода человѣческа. Они же начаша ихъ самихъ мучити и давали имъ по 300 ранъ по хребтамъ ихъ. И начаша окаянныя видѣнія молиться: Господи, ослабите намъ, и гдѣ заслышимъ имена ваши Святые то отъ того человѣка, раба Божія, бѣжимъ прочь за семь поприщъ; и вопросиша ихъ Святые отцы и ангелы Христовы, что суть имена ваша? Онѣ же окаянныя сказаша имена сія: Мы дщери Ирода Царя, а зовутъ насъ Трясовицами и имена наша: 1 Кашея, 2 Овена, 3 Каса, 4 Орыста, 5 Оледья, 6 Ломея, 7 Кашлея, 8 Горлея, 9 Пухлея, 10 Вертея, 11 Желтица, 12 Горница. И рекоша имъ святые отцы и ангелы Христовы: Съ нами Богъ, и гдѣ заслышите имена наши святыя и молитвы Іисуса Христа, то, отъ того человѣка, раба Божія, бѣжите прочь въ крутыя горы; на семъ рабѣ Божіемъ (имя рекъ) Христово знаменіе, крестъ хранитель всея вселенныя, крестъ красота церкви, крестъ царямъ держава, крестъ вѣрнымъ учрежденіе, крестъ ангеламъ слава, крестъ демонамъ язва, крестъ прогонитель бѣсовъ, огневицъ, трясовицъ и утреннихъ костоломныхъ, жильныхъ, корчуньевъ, крестъ избавляетъ всякаго человѣка, вѣрующаго въ него. Аминь. Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа, аминь. Рече ангелъ Господень: заклинаю васъ, окаянныхъ грозными воеводами: Михаиломъ и Гавріиломъ архангелами и святыми Апостолами и Евангелистами, Іоанномъ Богословомъ, Лукою, Матѳеемъ и Маркомъ, и преподобнымъ Сисиніемъ, всѣхъ огневицъ, трясовицъ, утреннихъ костоломныхъ, жильныхъ, корчуньевъ, да не прикоснется къ нему рабу Божію (имя рекъ) аминь. „Да Воскреснетъ Богъ... (говорить до конца). Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа, аминь. Въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ Богу, и Богъ бѣ Слово. Сей бѣ искони Богу, вся тѣмъ быша, и безъ него ничто же бысть, еже бысть. Аминь. Крестъ хранитель всея вселенныя, крестъ красота церкви, крестъ царямъ держава, крестъ вѣрнымъ утвержденіе, крестъ ангеламъ слава, крестъ демонамъ язва, крестъ прогонитель бѣсовъ, огневицъ, трясовицъ и утреннихъ костоломныхъ, жильныхъ, корчуньевъ. Аминь. О великій пророче, Предтечи и Креститель Господень Іоаннъ и Святые Апостолы, Христовы Евангелисты: Іоаннъ Богословъ, Лука, Матѳей и Марко, и святіи Архистратиги Божіи: Ми-

хаиле, Гавріиле и Святіи Кузьма и Демьяне, и святіи 9 мучениkъ, и преподобній отецъ Сисиніи и всѣ святіи, избавите сего раба Божія (имя рекъ) отъ всякой болѣзни, отъ лихорадки, огневицъ, трясовицъ и утреннихъ, костоломныхъ, жильныхъ корчуньёвъ, и изгоните изъ сего раба Божія (имя рекъ) изнутри живота и сердца его. Аминь.

Стихъ сей прочитать трижды передъ иконою, надъ водой и потомъ этой водой вымыть больнаго и напоить, а потомъ будетъ онъ здравъ. *(Выписано изъ старой рукописи П. Е. Ефименкомъ)*.

9. *Отъ лихорадки.* На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, лежитъ камень Алатырь, на томъ камнѣ сидятъ три старца съ желѣзными прутьями; идутъ къ нимъ на встрѣчу 12 сестеръ лихорадокъ.—Вы куда идете грѣшныя, окаянныя, проклятыя? „Идемъ въ міръ, у людей кости ломать, да силу вынимать“.—Воротитесь грѣшныя, проклятыя, окаянныя.—„Мы тогда воротимся, когда эти слова будутъ всѣ знать да по три раза читать“. *(Доставилъ г. Ивановъ изъ города Пинеги)*.

10. *Отъ Трясовицы.* Напиши на служащей просфорѣ, дай ясти больному, сію молитву:

а) Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, Якоже Святій Аркадій укроти львы въ пустыни, тако и ты, Господи, укроти Трясовицу сію въ рабѣ Божіемъ (имя рекъ), всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь.

б) Молитву вторую напиши на бумагѣ, которую когда болящій выноситъ три дня, сжечь и тотъ пепелъ выпить, растворя святою водою: (Молитва слѣдующая):

Шедшему святому Сисенію отъ горы Симойскія обрѣте бѣсица, имуща очи разжены и руцѣ желѣзны, и власы верблюжіе, и рече ей Святый Сисиній.—Гдѣ идешь нечистая душе и откуда еси? Она же отвѣща ему и рече: Азъ иду юность женску изсушити, млеко остановити, а младенцы погубити, очи возвратити, а другіе родятъ глухи и нѣмы, и погублю во чревѣ материномъ. Тогда помолися святой Сисеній Господу Богу, и предста ему святый архангелъ Михаилъ, ухвати ея вкова десной рукою своею, и рече ей: Аще ми не кленешися, не отъидешь отъ руки моея.—она же клятся ему и рече тако: Мышца великаго Бога и непоколебленная, яко не имать ти

солгати, да аще кто можетъ начитати, двѣнадцать именъ моихъ, не имамъ приближитись къ тому человѣку, ни къ дому его, а имена мои: 1-е Вящепца, 2-е Бясица, 3-е Преображница, 4-е Убійца, 5-е Елина, 6-е Пологляющая, 7-е Имарто, 8-е Урія, 9-е Изъѣдущая, 10-е Негризущая, 11-е Голяда, 12-е Налукія *). И рече ей архангелъ Михаилъ: Заклинаю, проклятая сатана, Іисусомъ Христомъ, Сыномъ Маріинымъ, той изгонитъ Трясовицу отъ раба Божія (имя рекъ) и отъ дому его, молитвами и заступленіемъ честныхъ, небесныхъ силъ безплотнихъ, и святія причастія преблагословенныя Владычицы нашея Богородицы, и присно Дѣвы Маріи, и святаго великомученика и побѣдоносца Георгія, и всѣхъ святыхъ молитвами; оставися трясавица отъ раба Божія (имя рекъ). Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь. *(Списано П. С. Ефименкомъ, со старинной рукописи, въ Холмогорахъ).*

Общее заключеніе о лихорадкахъ и заговорахъ на эту болѣзнь. Лихорадки дѣйствительно, какъ это извѣстно и въ медицинѣ, очень близки къ горячкамъ. Тѣ и другія по большей части происходятъ отъ простуды, или появляются въ человѣкѣ во время разстройства здоровья. Часто раненый, отъ потери крови, получаетъ лихорадку. Лихорадки вообще господствуютъ между жителями приморскихъ странъ, а также въ странахъ обилующихъ болотами, отъ того то, можетъ быть, народная поэзія создала миѳъ лихорадки, непремѣнно возникающія или изъ Чернаго моря, или изъ моря Океана. Кромѣ разнообразныхъ названій, встрѣчающихся въ разныхъ предложенныхъ читателю заговорахъ, встрѣчается множество другихъ, какъ напримѣръ встрѣчаемъ въ заговорѣ (его не помѣщено здѣсь) заимствованномъ г. Батраковымъ, помощникомъ миссіонера изъ старинной рукописи въ с. Ухтостровѣ, Холмог. уѣзда, слѣдующія имена лихорадокъ: Тресея, Огнія, Недра, Ломѣя, Усма, Оглухица, Томея, Пухлея, Желтѣя, Окоркуша и Гладѣя.

Кромѣ упомянутыхъ заговоровъ на лихорадку есть еще множество другихъ примѣтъ и заговоровъ. Но мы должны напомнить читателямъ одно, что кажется всѣ внутреннія болѣзни, какими въ старину страдали наши предки, по ихъ по-

*) Ср. съ названіями упомянутыми на стр. 361.

нятію и по смыслу заговоровъ, считались лихорадками, и по смыслу нѣкоторыхъ заговоровъ можно заключить, что лихорадки по мнѣнію народному, были тоже что демоны, а болѣзненныя дѣйствія сравнивались съ порчею и часто эти болѣзни перемѣшивались и отчитывались безразлично.

Г. Сахаровъ говоритъ, что понятія Русскаго Народа о лихорадкахъ заимствованы отъ Павликіянъ. Православною церковью были преданы проклятію: *Вопросы къ Богородицѣ о недузѣ естественномъ, еже именуется Трясовица.* Смот. Іоанна, Экз. Болгарскаго, изданнаго Калайдовичемъ, стр. 210.

ЗАГОВОРЫ ПРОТИВЪ ЗУБНОЙ БОЛИ.

1. *Отъ зубной боли.* Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ! Господня Храмина тебѣ не гарывать, у раба Божія (имя рекъ) зубамъ не болѣвать отъ нынѣ и до вѣку, во вѣки, аминь. (Сей заговоръ отъ зубовъ проговори трижды. Которая изба на другое мѣсто переставлена, приди и отковырь щепочку, и положи на больной зубъ какъ разъ проговоришь, избѣ поклонись *).

2) *Тоже.* Матушка крапивушка, святое деревцо! Есть у меня рабъ Божій (имя рекъ), есть у него на зубахъ черви, а ты оныхъ выведи; а ежели не выведешь, то я тебя высушу; а ежели выведешь, то я тебя въ третій день отпущу. (Проговоривши, крапиву растущую на свободѣ, привязать къ низу, то есть, преклонивъ къ землѣ, а на третій день отвязать).

3. *Тоже.* Въ полночь, когда часы начнутъ бить 12-ть, въ то время сходи къ церкви, и укуси трижды коренную паперть, (у главнаго входа) и три раза скажи: какъ камень сей крѣпокъ, такъ закаменѣй зубы мои крѣпче камня. (При семъ три раза плюнь и поди прочь, и не оглядывайся и, прочти три раза „Вѣрую".

4. *Тоже.* На морѣ на Океанѣ, на островѣ на Буянѣ, стоитъ соборная апостольская церковь, стоитъ Мать Пресвятая Богородица, и преподобный Антипій, зубной исцѣлитель. Онъ проситъ и молитъ угодниковъ Божіихъ, о рабѣ Божіемъ (имя

*) См. Таинственныя Чары.

рекъ), какъ бы у васъ, угодники Божіи, зубы не болѣли, такъ бы у р. Б. (имя рекъ) зубы не болѣли. Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь, аминь, аминь. (Наговори на сучекъ, или рѣдьку, или на сучекъ ели).

5. *Тоже.* Каинъ! Каинъ! Каинъ! вели спросить брата своего Авеля: не болятъ ли у него зубы? Нѣтъ.—Такъ бы у раба Божія (имя рекъ), нѣтъ. Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь, аминь, аминь. (Наговори на соль и клади на зубы).

6. *Тоже.* Если пойдешь случайно улицей, и найдешь кость бараньей челюсти, то перекрестись три раза и говори три раза: „Отче нашъ". Потомъ скажи еще три раза: „Кость ты моя, кость зубная! избави меня отъ зубной ломовой болѣзни, а я тебя избавлю отъ мокроты".—И взявъ эту кость подоткни ее въ горницѣ, гдѣ въ сухое мѣсто, и будешь здоровъ.

7. *Тоже.* Заря зарница, красная дѣвица, полунощница! въ полѣ заяцъ, въ морѣ камень, на днѣ Лимарь. Покрой ты зарница мои зубы скорбны, своею фатою отъ проклятаго Лимаря; за твоимъ покровомъ уцѣлѣютъ мои зубы. Врагъ Лимарь, откачнись отъ меня, а если будешь грысть, мои бѣлые зубы, сокрою тебя въ бездны преисподнія. Слово мое крѣпко! *(Сказанія Русскаго Народа. Сахарова. Томъ I, Русскаго Чернокнижія, стр. 22).*

8. *Тоже.* Мѣсяцъ ты, мѣсяцъ, серебряны рожки, златыя твои ножки. Сойди ты мѣсяцъ, сними мою зубную скорбь, унеси боль подъ облака, моя скорбь не мала, не тяжка, а твоя сила могуча. Мнѣ скорби не перенесть. Вотъ зубы, вотъ два, вотъ три; всѣ твои; возьми мою скорбь. Мѣсяцъ, ты мѣсяцъ, сокрой отъ меня свою скорбь. *(Сказанія Русскаго Народа. Сахарова. Томъ I. 1847 г. См. Чернокнижіе. стр. 23).*

9. *Тоже.* Иду я не улицею, не дорогою, а по пустымъ переулкамъ, по оврагамъ, по каналамъ. На встрѣчу мнѣ заяцъ. Заяцъ, ты заяцъ: гдѣ твои зубы? отдай мнѣ свои, возьми мои. Иду я не путемъ дорогою, а сырымъ боромъ темнымъ лѣсомъ. На встрѣчу мнѣ сѣрый волкъ. Волкъ, ты сѣрый волкъ, гдѣ твои зубы? Вотъ тебѣ мои зубы, отдай мнѣ свои. Иду я не землею, не водою, а чистымъ полемъ, цвѣтнымъ лугомъ. На встрѣчу мнѣ старая баба. Старая ты баба, гдѣ твои зубы? возьми ты волчьи зубы, отдай свои выпалые. Заговариваю я

зубы крѣпко на крѣпко у раба (такого-то). по сей день, по сейчасъ, на вѣки вѣковъ. *(См. Сказанія Русскаго Народа. Сахарова. Т. I. Чернокнижіе).*

10. *Тоже.* Марфа, Марія и Пелагея, три сестры Лазаревы, подите къ своему брату Лазарю, спросите у своего брата Лазаря: не ломятъ ли у него кости? Нѣтъ, сестрицы! не болятъ у меня зубы. не ломятъ у меня кости. Заговариваю я раба (такого-то), чтобы у него не болѣли кости, не ломили зубы по сей часъ. по сей день, по всю жизнь. Чудо водяной! возьми зубъ ломовой у раба (такого-то). Не болятъ у раба (такого-то). зубы. Болятъ зубы у кошки, у собаки, у лисицы, у волка, у зайца, у крота, у быка, у коровы, у свиньи, у лошади, у козла, у барана, у овцы, по вся дни, во всѣ часы, по всю ихъ жизнь. злымъ мученьемъ и сокрушеньемъ. (*См. Сказанія Русскаго Народа. Сахарова. Т. I. Чернокнижіе*).

11. *Тоже.* Если у какого человѣка болятъ зубы, то берутъ шепотки въ соль, и кладутъ на зубы.

Стану я. рабъ Божій Н.. благословясь, пойду перекрестясь изъ избы дверьми. изъ двора воротами. въ чистое поле за дворами, въ восточную сторону. по пути же мнѣ святый Авраамъ, Исаакъ. Яковъ. насупротивъ ихъ въ синемъ Океанѣ-морѣ плаваетъ утоплой мертваго человѣка трупъ, а по подъ ясному небу летитъ ясной соколъ. И спрашиваютъ святой Авраамъ, Исаакъ и Яковъ: что ты утоплой мертваго человѣка трупъ, не болятъ ли у тебя зубы, не щипятъ ли щеки, не грызетъ ли алаковъ? Отвѣтъ имъ держитъ мертвый трупъ съ синяго моря: Св. Авраамъ, Исаакъ и Яковъ у мертваго человѣка не болятъ зубы, не щипитъ щекъ и не грызетъ алаковъ, а у яснаго сокола не пришеваютъ губы, такъ же у р. Б. Н. не болѣли бы зубы, не щипали бы щеки, не пришевели губы. и не грызло бы алаковъ. вѣкъ по вѣку, отнынѣ и до вѣку. Будьте мои слова крѣпки. какъ камень на водѣ, и на землѣ, на хлѣбѣ и соли. Всѣмъ моимъ добрымъ словамъ небо ключь, земля замокъ и нынѣ, и присно. и во вѣки вѣковъ. аминь. *(Нарядъ Устьнад. Удѣл. Приказа о достав. въ Арханг. Конт. Этногр. Свѣд. 1847 г. за № 60).*

11. *Тоже.* Говорить три раза на вино:

Яостъ есть островъ, Яостъ полонъ людей, вень при своей

простотѣ, и хвалитца Арханъ на Русь побывать и Русь (воевать?) и молюся я, рабъ Божій (имя рекъ), Пречистой Богородицы, чтобы Архану Царю на Руси не бывать, Русь не воевать; такъ бы у меня, раба Божія (имя рекъ), зубному недугу не бывать, щекамъ не пухнеть, зубамъ не болѣть, въ полнѣ мѣсяцѣ и въ ущерби мѣсяцѣ. Моимъ словамъ небо и земля—ключь и замокъ. Аминь, аминь, аминь. *(Изъ стар. рук. сборника, получ. изъ с. Ваймуги, Холмогор. уѣзда).*

ЗАГОВОРЫ ОТЪ БОЛѢЗНИ ГЛАЗЪ.

1. *Отъ ячменя.* Господи, благослови! Солнце на западъ, день на исходъ, сучекъ на глазу на изводъ, самъ пропадетъ, какъ чело *) почернѣетъ. Ключь и замокъ словамъ моимъ. Смачиваютъ указательный палецъ слюною и мажутъ имъ больной глазъ, приговаривая на палецъ три раза слова заговора. *(Записалъ г. Огородниковъ. См. Труд. Арх. ст. Ком. за 1865 г., стр. 44).*

2. *Отъ сучьяго сучка.* (Воспаленіе глазнаго вѣка). Лечатъ искрами, высѣкаемыми изъ огнива прямо въ больной глазъ. Искры высѣкаетъ на вечерней зарѣ старшій или младшій въ семействѣ. Больной спрашиваетъ: „что сѣчешь?" Ему отвѣчаютъ: огонь огнемъ засѣкаю раб. Б. Н. Больной опять говоритъ: „сѣки горазне, чтобы въ вѣкъ не было". Это повторяется три раза. *(Карм. книжка для люб. землев. Изд. Рус. Геогр. Общ. г. Верещагина, стр. 312—320).*

3. *Отъ боли глазъ съ озьву.* Когда кто укоритъ другаго какимъ либо недостаткомъ глазъ, съ пожеланіемъ еще худшаго, и если укоренный подумаетъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ не случилось съ нимъ этого, тогда непремѣнно явится боль въ глазахъ. Отъ такой боли моютъ глаза водой, въ которую наговариваютъ:

„Сама себя озѣвала, сама себя окаркала, сама себѣ и пособлю". *(Записалъ Е. Ивановскій. въ Шенкурс. уѣздѣ).*

---

*) Устье печи.

ЗАГОВОРЫ ПРОТИВЪ МУЖСКАГО БЕЗСИЛІЯ.

1. *Противъ безсилія.* Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Есть святое Окіанъ-море, на томъ святомъ Окіанѣ-морѣ есть стоитъ островъ, на томъ острову стоитъ дубъ булатной, у того дуба булатнаго корени булатные, сучье булатное, вершина булатная. Кругъ того дубу булатнаго вѣтромъ не согнетъ, вихоремъ не сломитъ, такъ бы у меня, раба Божія (имя рекъ), стояли семдесятъ жилъ и единая жила... на женской ликъ красныя дѣвицы, на старыя бабы, на молодыя молодицы, на сивыя кобылицы. Еще же подъ тѣмъ булатнымъ дубомъ кузовъ ярости и юрости, и азъ, рабъ Б. (имя рекъ) возьму кузовъ ярости и юности, распущу ярость и юность на раба Божія (имя рекъ) въ ретивое сердце въ 77 жилъ и въ едину жилу сердечную и въ едину жилу... Еще же на верху булатнаго дуба сидитъ веселая птица пѣтухъ, ставаетъ рано, голову дымаетъ и поетъ весело, столь же бы стояли у раба Божія (имя рекъ) 77 жилъ и едина жила... Ставали бы у раба Божія (имя рекъ) 77 жилъ и одна жила... ставали бы рано на женскій полкъ и на мужской, на молодыя молодицы, на красныя дѣвицы, на старыя бабы; и злаго человѣка порчельника, кто на меня зло думаетъ и мыслитъ, ударь его колѣнки о камень, убей его; у меня, раба Божія (имя рекъ), стали 70 жилъ и одна жила... стали лучше стараго, хоробрѣе прежняго, что турей рогъ, что еловой сукъ, толь бы тотъ рабъ Божій (имя рекъ) пылокъ иярокъ на женскую похоть, на полое мѣсто, во вѣки вѣковъ, аминь.

(Изъ старинной рукописи, доставленной крест. Дохтуровымъ изъ с. Ракузы. Холмог. уѣзда, въ Труды Этн. Отд. 1878 г. См. часть 2).

2. *Тоже.* Господи Боже, благослови Отче. Во имя Отца, и Сына и Святаго Духа, аминь. И пойду въ чистое поле, и помолюся истинному Христу Царю Небесному, и какъ стоитъ путъ желѣзный жерновной, не тряхнется, не ворохнется, не шатается, такъ бы у раба Божія (имя рекъ) стояли семдесятъ жилъ и одна жила... 70 суставовъ противъ полаго мѣста, противъ женскія, не погнулся бы, не ворохнулся бы, не поша-

тался бы. Всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь. (Говорить трижды на воду чистую, испить не много и достальною обкатиться въ банѣ на парное тѣло). *(Изъ той же рукописи, что и № 1. Доставлено въ Труды Этн. Отдѣла Дохтуровымъ).*

3. *Тоже.* Во имя Отца, и Сына и Св. Духа, аминь. Есть Окіанъ-морѣ, на пуповинѣ морской лежитъ Латырь камень, на томъ Латырѣ камени стоитъ булатной дубъ, и вѣтвіе и корень булатной, коль тотъ булатной дубъ стоитъ крѣпко и плотно, столь бы крѣпко и плотно стоялъ бѣлой... ярой... п... жила на женскую похоть, на полое мѣсто. Изъ подъ того камени выходитъ быкъ порозъ, булатны рога, и копыта булатныя и ходитъ около дуба булатнаго, и тотъ дубъ бодетъ и толкаетъ и не можетъ того дуба сломить и повалить. Сколь тотъ крѣпко булатной дубъ стоитъ, и сколько крѣпко рога у пороза, столь бы крѣпко стояла ярая п.... жила на женскую похоть, на полое мѣсто. Изъ подъ того Латыри камени вылетаетъ пѣтухъ, съ нимъ вылетаетъ тридевять курицъ, и онъ пѣтухъ на тридевять курицъ топчетъ и скачетъ пылко и ярко, столь бы (имя рекъ) былъ пылокъ и ярокъ на женскую похоть, на полое мѣсто, во вѣки вѣковъ аминь. *(Тоже доставлено г. Дохтуровымъ изъ Холмогор. уѣзда въ Труды Этногр. Отдѣла. Часть 2. 1878 г. Народ. Слов.).*

4. *Тоже.* Возстани и взыграйся оный, у раба Божія (имя) и унеси на синее море, моему слову аминь, трижды. (Пропусти три раза мочу чрезъ вѣнчальное кольцо). *(Изъ рукописной книжки Г. Д. Книголюбова).*

ЗАГОВОРЫ ОТЪ ГРЫЖИ И СЪ ГЛАЗУ, И БАЕННОЙ НЕЧИСТИ.

1. *Отъ грыжи, а также съ глазу и баенной нечисти.* Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Сходитъ Егорій съ небесъ, по золотой лѣстницѣ, сноситъ Егорій съ небесъ триста луковъ златополосныхъ, триста стрѣлъ златоперьихъ и триста тетивъ златополосныхъ, и стрѣляетъ и отстрѣливаетъ у раба Б. Н. уроки, прикосы, грыжи, баенной нечисти, и отдаваетъ черному звѣрю, медвѣдю, на хребетъ: и понеси черный звѣрь

медвѣдь въ темные лѣса, и затопчи черный звѣрь, медвѣдь, въ зыбучія болота, чтобы вѣкъ не бывала, ни въ день, ни въ ночь... во вѣки вѣковъ, аминь. Три раза произносятъ и за каждымъ разомъ трижды сплевываютъ. *(Зап. П. С. Ефименкомъ въ г. Холмогорахъ).*

2. *Отъ грыжи.* (Говорить на теплую воду обданную на дресвѣ). Господи Боже, благослови. Стану я, рабъ Божій Іоаннъ, благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, пойду въ чистое поле: есть въ чистомъ полѣ окіанъ-море и есть на окіанѣ-морѣ бѣлый камень, есть подъ бѣлымъ каменемъ щука золотая и перезолотая, и кости золотыя, и приди щука къ рабу Божію (имя рекъ) и выгрызи у раба Божія (имя рекъ) своими золотыми зубами грыжу вѣтряную, грыжу напущенную, грыжу жильную, грыжу костяную, сосцовую грыжу, красную грыжу, мокрую грыжу, отъ отца грыжу, отъ матери грыжу, всякую бывающую, и спустись грыжа къ поясу и выйди мочью и шулятами на дресвянъ камень, и поживи три часа денныхъ; и пойди грыжа съ дресвяна камени на пустое мѣсто, въ темное мѣсто, гдѣ солнце не огрѣваетъ, гдѣ люди не ходятъ и не бываютъ, гдѣ птицы не летаютъ, гдѣ звѣри не заходятъ, и пойди грыжа за быстрыя рѣки, и пойди грыжа за гремучіе ручьи, и когда будетъ Христово второе пришествіе, обратись грыжа вспять; тѣмъ словамъ во вѣки вѣковъ, аминь. *(Выписано изъ стариннаго сборника заклинаній. Въ Труды Этногр. Отдѣла за 1878 г.).*

3. *Отъ дѣтской грыжи.* Повивальная бабка приговариваетъ: „Бабушка Соломонидушка у Пресвятой Богородицы грыжу заговаривала (или заѣдала) мѣдными щеками, желѣзными зубами, такъ и я заговариваю у раб. Б. Н. *(Доставилъ Свящ. Өедоровъ изъ сел. Лисестрова Арх. у. Въ Труды Этногр. Отдѣла. См. часть 2. 1878 г.).*

4. *Отъ грыжи.* Господи Боже, благослови. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Есть море Окіанъ; въ томъ морѣ Окіанѣ есть бѣлый камень Латырь, высота его 60 сажень. На томъ на камени Латырѣ стоитъ хрустальный теремъ, въ томъ хрустальномъ терему стоитъ золотой стулъ, на томъ стулѣ сидитъ красная дѣвица, подпоясалась золотымъ поясомъ, подперлась золотымъ посохомъ. Государыня ты, красная дѣвица, дай

ты мнѣ р. Б. грыжнныхъ словъ добрыхъ. Грызетъ и меня р. Б. вотчину золотая грыжа, истовая грыжа, пуповая грыжа, мокрая грыжа, бѣлая грыжа, красная грыжа, родимая грыжа, привязанная грыжа, кила грыжа, та затеченная грыжа. отрочная грыжа, сердечная грыжа, десная грыжа, поясовая грыжа, водяная грыжа, кровавая грыжа, пригнойная грыжа, суставная грыжа, нутренная грыжа, верхняя грыжа, ручная грыжа. и ножная грыжа. Грызетъ та грыжа ветха мѣсяца, и молода мѣсяца, и въ перекрой мѣсяца, по утреннимъ зарямъ и по вечернимъ зарямъ, и по всякъ день и по всякой часъ, и по всякое время. И возговоритъ красна дѣвица: „ой еси грыжа, вошла еси ты въ р. Б. Н. въ вотчину щукою, и ты выйди изъ него окунемъ, и пойди къ бѣлому каменю, буди тамо до скончанія вѣка, да свѣй себѣ, грыжа, въ камени гнѣздо круглое, а не грызи ты у меня р. Б. Н. ни крови, ни тѣла, ни костей, ни мозговъ. грызи себя злая грыжа у тридевять рѣкъ, головы, и не ѣшь ты, злая грыжа, у меня раб. Б. Н. ни крови, ни тѣла. ни костей, ни мозговъ, грызи себѣ злая грыжа у тридевять горъ головы, а не ѣшь ты у меня, р. Б. Н. ни крови, ни тѣла. ни костей, ни мозговъ, грызи себѣ злая грыжа у тридевять древъ головы, а не ѣшь у меня р. Б. Н. ни крови, ни тѣла, ни кости, ни мозговъ, грызи себѣ злая грыжа, горькое древо осину, а не ѣшь у меня р. Б. Н ни крови, ни тѣла, ни костей. ни мозговъ отъ нынѣ и до вѣку, и до гробовой доски, въ день и въ ночь по всякій часъ, аминь“.

Указъ: говори трижды на сало ворванное, или на кислыя щи, или на матерно млеко, или на щучьи зубы. и мазать безымяннымъ перстомъ противъ того мѣста, гдѣ грызетъ. *(Изъ рукописной ст. Ив. Костылева)*.

ЗАГОВОРЫ ПРОТИВЪ НАСѢКОМЫХЪ.

1. *Заговоръ отъ осы.* Оса, мать всѣмъ осамъ, ты мнѣ не мать, осятки дѣтки, всѣмъ дѣтямъ дѣтки, вы мнѣ не дѣти. Беру я закрученъ траву, сушу на сыромъ бору. жгу на зеленомъ лугу. Осятки, летите на дымъ; оса. бѣги въ сырой боръ. Слово замокъ, ключь языкъ! *(См. Сказанія Русск. Нар. Сахарова. Т. I. Чернокнижіе)*.

2. *Отъ червей.* Се умолвити червь въ человѣцѣ, или въ конѣ, или въ нивѣ: какъ зайдетъ солнце, плюнь на камень, или на руки и глаголи сіе надъ масломъ, или надъ солью, да промолви сіе: сѣдла гремятъ, узды бренчатъ, въ порожныи мѣха ѣхати по хмѣль, по легкой товаръ червямъ, и полетите за море тамъ у червей свадьба, *овча яловица печена*, а здѣсь червямъ огонь, сѣра горючая, и смола кипучая,—побѣгите черви отселѣ за море! *(Изъ рук. сбор. XVII стол. См. Перм. Сбор. Кн. 2. Прил. XXXV).*

3. *Отъ червей.* Татаринъ, татаринъ, злодѣйской породы, уродъ изъ всѣхъ уродовъ! зачѣмъ татаринъ съешь червей у моей лошади изъ такого то мѣста? Если не выведешь, то вырву тебя съ корнемъ, заброшу за синюю даль, ты засохнешь, какъ порошинка. Вспомнишь свою ошибку, да будетъ поздно.

4. *Червь умолвити, въ конѣ, или на нивѣ.* Священникъ Колчинъ прислалъ въ редакцію Трудовъ Этнографическаго Отдѣла (см. 1878 г. книгу 2. стр. 177), вышесказанный заговоръ во всемъ схожій съ заговоромъ № 2, съ тѣмъ различіемъ, что въ немъ не упомянуто: „овча яловица печена", а также вмѣсто слова: „Побѣгите черви за море"—сказано: Аминь, аминь, аминь. и потомъ: „*Червь разгрызь и плюй, гдѣ черви*".

СЛОВА НЕВѢСТЪ, ЖЕЛАЮЩИХЪ ЗАМУЖЪ.

Въ праздникъ Покрова Пресвятыя Богородицы, то-есть 1 октября. въ деревняхъ въ церковь собираются дѣвушки и молятся: „*Пресвятая Мати Богородица! покрой мою голову, краснымъ кокошникомъ, золотымъ подзатыльникомъ*". Объ этомъ же дѣвушки молятся на сей день всю ночь на пролетъ, или же просто; „Батюшко Покровъ, мою голову прикрой краснымъ повойникомъ, золотымъ подзатыльникомъ". Въ день святой великомученицы Параскевіи, нареченной Пятницею, 28 октября, какъ и въ день Покрова, дѣвушки молятся: „Пятница Парасковея, пошли жениховъ поскорѣе".

СВАДЕБНЫЕ ЗАГОВОРЫ, ОБЕРЕГИ, ПОДХОДЫ.

1. *Подходъ свата.* Въ деревняхъ посылаютъ сватовъ для переговоровъ съ родителями избранной дѣвушки. Сватъ предъ

началомъ исполненія порученія, встаетъ предъ иконою Божіей Матери, обтираетъ ее чистымъ полотенцемъ и трижды шепчетъ:

„Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Стану я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь, пойду перекрестясь, войду въ чистое поле, встану на востокъ лицомъ, на западъ хребтомъ, помолюся Господу нашему, Іисусу Христу, и Матери Пресвятой Владычицѣ Богородицѣ, и всѣмъ святымъ; надѣну утроранній бѣлый свѣтъ; и застегаюсь утророаннними мелкочастыми звѣздами, умоюсь мокрою росою Соломоніею, утруся бѣлымъ полотенцемъ,бѣлымъ свѣтомъ, положу царскій колпакъ, пойду къ рабу Божію, ко властелину (имя рекъ) въ свѣтлыя очи и въ радостное сердце. Какъ рабъ Божій (имя рекъ) зритъ и глядитъ на Мать Пресвятую Богородицу и на истиннаго Христа, Царя Небеснаго, такъ и на меня-бъ (имя рекъ) раба Божія зрѣлъ и глядѣлъ, и ярымъ не взбудилъ, и зубомъ не скрипнулъ, и головой не тряхнулъ, и ногой не топнулъ, и зла-лиха не подумалъ. Будъте слова эти сполна и крѣпки на рабѣ Божіемъ (имя рекъ). Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь. *(Рукоп. описаніе свадьбы въ Турчасовскомъ приходѣ, Онеж. у., свящ. Алексѣевымъ. Помѣщено въ Трудахъ Этн. Отдѣла Кн. 2. 1878 г.).*

2. *На наговоренное пиво.* Въ Холмогорскомъ уѣздѣ Арханг. губ. есть такой обычай, что въ дѣвишникъ невѣста умывается наговореннымъ пивомъ. Наговоръ этотъ слѣдующій: „Какъ ты чисто злато-серебро, чисто и прилично; какъ на тебя, злато-серебро, всякъ зарится, заглядывается, старъ и младъ, женатый и холостой, старыя старухи, и молодыя молодицы, и красивыя дѣвицы, и молодые молодцы, такъ бы на тебя, рабу Н., зарились бы и заглядывали всѣ, казалась бы ты имъ златомъ-серебромъ, глядѣли бы и смотрѣли бы, и очей съ тебя не спускали. *(Доставилъ въ Труды Этног. Отдѣла священникъ А. Колчинъ).*

3. *Когда случится отпустить свадьбу*, говорятъ: „Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Отчего тѣ слова говорятся? отъ евангелія Христова, Царя Небеснаго. Михаилъ Архистратигъ, святый Петръ, и Павелъ верховніи апостолы, ставьте тридесять тыновъ мѣдныхъ отъ земли, подошвы и до небесной, до морской глубины, отъ

восточныя до западныя, отъ лѣта до сѣвера, отъ земли и до небеси, и со всѣхъ четырехъ сторонъ стоитъ около меня, раба Божія (имя рекъ); у тѣхъ же тридесяти тыновъ, есть тридесять воротъ, есть тридесять замковъ, у тѣхъ же, у тридесяти замковъ—есть тридесять ключей. Приду я, рабъ Божій, (имя рекъ) и затворю тѣ тридесять замковъ, и брошу тѣ тридесять ключей во святое Хвалынское море, и пріидетъ щука золотая, челюстью ухватитъ тѣ ключи и понесетъ во глубину морскую, въ пуповину, подъ колоду бѣлодубовую. И тѣмъ словамъ ключевыя слова, аминь, аминь, аминь. *(Изъ стариннаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Ваймуги, Холмогорскаго уѣзда).*

4. *Оберегъ невѣсты.* При входѣ послѣ вѣнца, въ домъ мужа молодая говоритъ:

Первая, другая, я иду третья! всѣ вонъ, мнѣ одной домъ.

Этотъ приговоръ молодой употребляется ею, вѣроятно, для того, чтобы первенствовать надъ другими снохами. *(Записалъ свящ. Алексѣевъ, въ селѣ Турчасовѣ, Онежск. уѣзда).*

5. *Оберегъ жениха.* Когда молодой идетъ въ домъ невѣсты на жительсто (зять-пріемышъ) то, вступая въ избу послѣ вѣнца, произноситъ слова, глядя на потолокъ:

— Я иду, звѣрь лапистъ и гордъ, горластый, волкъ зубастый; я есть волкъ, а вы есть овцы мои. *(Записалъ свящ. Алексѣевъ въ с. Турчасовѣ, Онеж. у.).*

6. *Свадебный оберегъ.* Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Есть въ западной сторонѣ море Черное; въ томъ морѣ есть островъ. На томъ же острову выросло древо, на томъ же древѣ корень и вѣтвіе, на томъ же древѣ сидитъ желѣзенъ мужъ, осматриваетъ желѣзенъ мужъ всякаго вѣдуна, колдуна, кудесника, чтобы видѣти мнѣ, сторожу колдуна и вѣдуна, мужика, и женку, и дѣвку. Окажи мнѣ на всѣхъ четырехъ сторонахъ, окажи мнѣ сторожу въ избѣ, или на улицѣ, въ пиру или на свадьбѣ, или у заплота, или за плахами, или за рѣкою, вездѣ, кто гдѣ не стоитъ, какъ бы сторожа не тронуть. Тотъ же желѣзенъ мужъ, кабы на колдуна и вѣдуна тянетъ онъ лукъ, отворачиваетъ недобрыя словеса, и рѣчи колдунове и вѣдунове, аще онъ врагъ, или на меня вражитъ, онъ отворживаетъ тотъ же желѣзенъ мужъ. Или баба еся съ тыми же, тотъ же

врагъ ее же, кабы она легонько въ зубки подола зняла и подругу бы оказала, руку бы зняла, своего дьявола звеселила, да тотъ же желѣзенъ мужъ, въ избу привяжи ее къ печному столбу, а на улицѣ къ огороду, а мужикъ тотъ же колдунъ, надо мною пытаетця; ты же желѣзенъ мужъ; кабы насъ не няла ево ни молитва, а ему колдуну нечѣмъ бы ему отъ меня не онятця: сведи его, тотъ же желѣзенъ мужъ, сведи его въ баню и поставь его въ каменицу головою, иже его врага, кой вражитъ, и повѣсь его же вверхъ ногами, у стропилъ къ одному углу, и броси его же о сыру землю, да тотъ же желѣзенъ мужъ не отпущай меня, раба Божія (имя рекъ) его врага о землю порази, его стречника. Или, у князя молодова лошадь подтыкается; отъ подтычки, или у свахи, у тысяцкаго, у дружекъ, у сторожа, у всего княжева поѣзда прибору отъ воженія, которая врагъ повалить захочетъ о крѣпосцѣ, тотъ же желѣзный мужъ обороняетъ меня, раба Божія (имя рекъ), сторожа, князя и княгиню, тысяцкаго, дружекъ, и весь княжой приборъ, бросаетъ его, того же врага, какъ бы на насъ не думалъ, броси его о сыру землю; во вѣкъ вѣковъ, аминь. *(Списанъ П. С. Ефименкомъ изъ старинной рукописи, доставленной крестьяниномъ Холм. уѣзда, Дохтуровымъ).*

7. *Заговоръ вѣжливца* *). Покорюсь—помолюсь, сей день—сей часъ, утромъ рано—вечеромъ поздно! Благослови меня, Пресвятая Мати Богородица, Егорій храбрый—съ княземъ, со тысяцкимъ, со большими боярами, со свахой, съ дружкой и съ поддружкой, ко княгинѣ ѣхати, княгиню получити, съ княгиней въ Божью церковь доѣхати, законъ Божій приняти! Стану—благословлюсь, пойду—перекрещусь на восточную сторону; благослови меня Михайло Архангелъ! дай намъ путь—дорогу. *(Пермскій Сборникъ. Кн. 2. 1860 г. Мат. для опис. быта Пермяковъ. Стат. Рогова).*

ЗАГОВОРЫ НА ПОДХОДЪ.

Подходъ происходитъ отъ глагола, подходить. Заговоры на этотъ случай, какъ увидимъ, точно также какъ и молитвы,

*) Вѣжливцами въ Пермской губ. называются знахари, приглашаемые на свадьбы, какъ оберегатели молодыхъ отъ порчи и лихаго глаза.

употреблялись и употребляются въ томъ случаѣ. когда приходилось подходить къ важному лицу съ просьбою. съ покорностью. или съ повинною головою: вообще кого нибудь умилостивить или расположить въ свою пользу.

1. *Заговоръ на подходъ вообще.* Стану я, рабъ такой-то. благословясь. пойду перекрестясь, изъ избы дверьми. изъ двора воротами; выйду я въ чистое поле. стану на востокъ лицомъ. на западъ хребтомъ. *Акиры и Оры.* и како идутъ цари. царицы, короли, королицы. князи. княгини. всѣ православные роды. и не думаютъ зла и лиха. такожде и на меня. раба (такого-то) не думали бы зла и лиха, какъ цари. царицы. короли. королицы. князи, княгини, и всѣ вельможи, и всѣ православные роды, возрадуются и возвеселятся. такожде меня. раба (такого-то), увидѣли бы цари, царицы. короли. королицы. князи, княгини, и всѣ православные роды христіанскіе. возвеселились: И какъ не видитъ мати отлученнаго дитя многія лѣта. а увидитъ возвеселится, и возрадуется зѣло весело и радостно, такожде меня. раба такого-то. увидѣвъ. возрадовались бы и возвеселись цари, царицы, короли. королицы, князи и княгини, всѣ вельможи. и всѣ православные роды христіанскіе. Какъ не можно небесныя колесницы превратить. такожде вы меня и моихъ словъ не могли бъ превратить во вѣки вѣковъ. *(Сообщено г. Порихинымъ и помѣщено въ I томѣ сказаній Русс. Нар. 1841 г.).*

2. *Подходъ предъ царскія очи.* Господи благослови! Какъ утренняя заря размыкается. Божій свѣтъ разсвѣтается. звѣри изъ пещеры. изъ берлогъ. выбираются. птицы изъ гнѣздъ солетаются. такъ бы рабъ Божій Н. отъ сна пробуждался. утренней зарей умывался, вечерней зарей утирался. краснымъ солнцемъ одѣвался. свѣтлымъ мѣсяцемъ подпоясался. частыми звѣздами подтыкался. Покорюсь и помолюсь. Вы же кормилицы царскія очи. какъ служили царямъ. царевичамъ, королямъ. королевичамъ, такъ послужите рабу Б. Н. день послужите и ночь послужите, по утру рано. и въ вечеръ поздно. въ каждый часъ. въ каждую минуту, вѣкъ по вѣку, и отъ нынѣ до вѣку. Ключь и замокъ словамъ моимъ. *(Изъ стариннаго Сборника. См. Матеріалы по Этногр. Арх. Губ. 1878 г. Час. 2)*

3. *Подходъ ко властямъ.* Стану я, рабъ Божій (имя рекъ).

благословясь. пойду перекрестясь. помолюся я и поклонюся Воскресенію Христову. Какъ къ тебѣ. Воскресеніе Христово, на праздникъ на Христово Воскресеніе ходятъ цари и царевичи, князи и бояре. цари и царевичи, бояре и священны ереи. а вся православна христіана, на тебя. на Воскресеніе Христово, не супаюце, не сердяце, не ретуюце, лиха не думаютъ. зла не творятъ, тебѣ, Воскресенію Христову. всегда радуются и веселятся, и поклоняются тебѣ, Воскресенію Христову. Тако же бы на меня, раба Божія (имя рекъ), цари и царевичи. князи и бояре, и великіе вельможи. и священные ереи. и вся православные христіаны не супались, не сердились, не ретовались, лиха не думали. зла не творили. всегда бъ мнѣ, рабу Божію (имя рекъ) радовались. веселились. и поклонялись бы мнѣ, рабу Божію (имя рекъ), по всякъ день и по всякъ часъ и по всякое время. Стану я, рабъ Божій (имя рекъ). благословясь, пойду перекрестясь, помолюся и поклонюся самому Іисусу Христу, Царю Небесному. Самъ Господь, Іисусъ Христосъ, обвертитъ во облака меня, раба Божія (имя рекъ), покрыетъ краснымъ солнцемъ, подпоящетъ зарею утреннею. подтычетъ частыми звѣздами. Какъ тебѣ царю и царевичи, князи и бояре и великіе вельможи. и священные и вся православные христіаны радовалисе и веселисе сонцу красному и свѣту бѣлому, зарѣ утренней. дитяти своему милому. Маріи Божіи, хлѣбу и соли. такоже бы мнѣ рабу Б. (имя рекъ) цари и царевичи, князи и бояре и великіе вельможи, и священные ереи, и вся православные христіане радовалисе и веселилисе и поклонялисе бы мнѣ. рабу Б. (имя рекъ), по всякъ день. и по всякъ часъ, на всякое время. всегда, нынѣ. и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь. Слава тебе Христе Боже. Упованіе наше. слава тебѣ. *(Изъ того же источника, что и предъид. № 2).*

4. *Подходъ къ начальству.* Спать и стать по утру рано не мывши. взять чистыя воды и съ той воды вымыть Спасителевъ образъ, и Богоматеринъ образъ съ предвѣчнымъ младенцемъ, и какъ вымоешь. въ той водѣ наговаривай. а какъ наговоришь, вымой лицо свое и той воды оставь ложки три. а какъ оставишь той воды. и попрыщи шапошный платъ. а какъ попрыщешь, приди ко властямъ и платомъ тѣмъ потри лице свое и говори:

Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Стань я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь по утру рано, и пойду далече въ чистое поле, отъ отца благословенъ и отъ матери прощенъ, и отъ роду и отъ племени, ближняго и дальняго; войду далече въ чистое поле и стану на востокъ лицемъ, а на западъ хребтомъ. Земля мать, небо отецъ, заря Марія, заря Маремьянія, красное сонце въ очи вставлю, младъ свѣтелъ мѣсяцъ въ тынъ положу, частыми звѣздами подтычуся, ризой Господнею, нетленною, прикроюся. И какъ зрятъ цари, и князи, и бояре, и всякія пестрыя власти, и всѣ православные христіане, и какъ зритъ сія власть на Господа Бога Саваоѳа, и на ангеловъ и на архангеловъ, и на херувимъ, и на серафимъ, и на апостоловъ, и на пророковъ, и на всякіехъ святителей, и на красное солнце, и на младъ свѣтелъ мѣсяцъ, и на частыя звѣзды, и на луну небесную, и на вышную. И не думаютъ они цари, и князи, и бояре, и всякія пестрыя власти, и всѣ православные, и не думаетъ ни на Господа Бога Саваоѳа, и на ангеловъ, и на архангеловъ, и на херувимовъ, и на серафимовъ, и на апостоловъ, и на всѣхъ святыхъ святителей, и на красное солнце, и на младъ свѣтелъ мѣсяцъ, и на луну небесную, и на вышнюю ни зла, ни лиха, и на меня, раба Божія (имя рекъ), и казался бы я, рабъ Божій, властямъ нимъ въ очахъ краснѣе краснаго солнца, свѣтлѣе свѣтлаго мѣсяца и частыхъ звѣздъ, всегда, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ, вся крѣпость святаго Духа, аминь, аминь, аминь. *(Заговоръ изъ того же источника какъ второй и третій).*

5. *Подходъ къ начальству.* Помяни Господи, царя Давида, и всю кротость его. Сколь былъ царь Давидъ смиренъ, и кротокъ, и милостивъ, такъ бы были у меня, р. Б. Н., всѣ начальные и чиновные люди и судьи праведные, смиренны и кротки, и милостивы. *(Записано помощн. Миссіонера, г. Батраковымъ).*

6. *Заговоръ для идущаго въ судъ.* Иду я рабъ Божій (имя рекъ), къ рабу Божію (имя рекъ) отъ Духа Свята, и отъ Христовой печати, отъ Спасовой руки, отъ пречистаго замка, отъ престола Господня. Ангелъ мой, хранитель мой, сохрани мою душу, мой домъ, сердце мое пріими къ себѣ, въ пріятіе раба Божія (имя рекъ) ключь небо, земля—замокъ, аминь.

Богородице Дѣво радуйся. (до конца прочитать). И съ во-

стоку идетъ Господь нашъ Іисусъ, Христосъ, и съ полудня Михаилъ Архангелъ, съ вечерней зари Миколай Милостивый, городятъ каменную ограду около раб. Б. (имя рекъ) замыкаетъ тремя замками, тремя ключами; ключи относятъ въ окіанъ море, подъ китъ камень, въ щуку рыбу; кто можетъ окіанъ море выпить, тотъ можетъ и меня, раба Божія (имя рекъ) осудить и оговорить; ключь—небо, земля замокъ, аминь, аминь, аминь. *(Изъ рукописной книжки. Г. Д. Книголюбова).*

7. *Чтобы власти и судьи были милостивы.* Господи, благослови Отче! Одѣясь свѣтомъ, яко ризою, покрываюся облакомъ, препояшуся поясомъ Пресвятыя Богородицы, Милостивыя заступницы! Свяжи уста, и языкъ, и гортань у князей, и у боярей, у правителей, и у всякихъ властей, и у приказныхъ служителей. *(См. Таинственныя чары).*

8. *Оберегъ противъ суда и несправедливаго обвиненія.* Иду я, рабъ Божій, изъ избы въ дверь, изъ двора въ ворота, въ зеленые луга, въ чистыя поля, въ темные лѣса, рабъ Божій (такой-то), не мой къ кому иду: нашелъ тридесять волжаниновъ прутьевъ, лежатъ тридесять гробовъ, тридесять мертвецовъ; въ тѣхъ тридесяти мертвецахъ сердца не разгараются, руки не преподнимаются, уста не отворяются, такъ бы у раба (имя рекъ) на раба (имя рекъ) сердца не разгорались, руки не поднимались, уста не отверзались, аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа. Христосъ съ нами оставися, вчера и днесь и нынѣ. Ты еси Богъ великъ, пошли побѣдить демонскія силы и мнѣ рабу Божію (имя рекъ) побѣдить всѣхъ враговъ возстающихъ на мя неправедно, аминь, аминь, аминь. *(Изъ рукоп. Книж. Г. Д. Книголюбова).*

ЗАГОВОРЫ ПЧЕЛИНЫЕ.

1. *Заговоръ на посаженіе пчелъ въ улей.* Пчелы роятся, пчелы плодятся, пчелы смирятся. Стану я на востокъ противъ дальней стороны, и слышу шумъ и гулъ пчелъ. Беру я пчелу роя, окарая сажу въ улей. Не я тебя сажаю, сажаютъ тебя бѣлыя звѣзды, рогоногій мѣсяцъ, красное солнышко, сажаютъ тебя и укорачиваютъ. Ты, пчела, ройся у (такого-то), на округъ садись. Замыкаю я тебѣ, матка, всѣ пути дороги

ключемъ, замкомъ; а бросаю свои ключи въ Океанъ-море, подъ зеленый кустъ: а въ зеленомъ кустѣ сидитъ матка, всѣмъ маткамъ старшая, сидитъ и держитъ семдесятъ семь жалъ, а жалитъ непокорныхъ пчелъ. А буде вы, пчелы, моимъ словамъ не покоритесь, сошлю я васъ въ Окіанъ-море, подъ зеленый кустъ, гдѣ сидитъ матка всѣмъ маткамъ старшая, и будетъ за ваше непокорище жалить васъ матка, въ семьдесятъ семь жалъ. Слово мое крѣпко! *(Сказ. Р. Н. Сахарова. Т. I. Чернокн).*

2. *Пчелиныя слова.* Изосимъ и Саватій Соловецкіе, которые, по преданію первые ввели пчеловодство, даже на Соловецкомъ островѣ, признаны были распространителями и покровителями пчелъ и бортей во всей русской землѣ. Въ народѣ составился особый молитвенникъ, въ родѣ цѣлаго молебна, объ изобиліи и сохраненіи пчелъ, въ ульяхъ пчеловода. Уставъ чтенія этого молитвенника таковъ; „сей молитвенникъ и свитокъ читать на праздникъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, на Вербное и Свѣтлое Христово Воскресеніе, между заутренями и обѣднями, въ мщеникѣ или на пчельникѣ. И высѣки изъ громовой стрѣлы огня, и положи въ чистый сосудъ, и въ тотъ сосудъ положить роснаго ладону, и окружить на пчельникѣ, или во мшеникѣ и поставить свѣчу Изосимѣ и Саватію, Соловецкимъ чудотворцамъ, и помолиться имъ съ вѣрою и держать сей свитокъ въ самой чистотѣ, три раза, аминь“.

Въ молитвенникѣ этомъ послѣ прославленія, „благости Господа, къ уповающимъ на него“ состоящаго изъ псалма: „Живый въ помощи вышняго“ и прочее. Читается дважды, молитва къ пчеламъ: Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй меня грѣшнаго раба своего (имя рекъ). Господи Благослови, аминь. Затѣмъ слѣдуютъ самыя молитвы. Ихъ всѣхъ семь. Программа нашего изданія не допускаетъ помѣстить эти молитвы; но тѣмъ, кто желаетъ поближе познакомиться, то просимъ читать № 1. журналъ Мин. Н. Пр. статью г. Щапова, стр. 52—54. *(Ист. Очер. Нар. Міроз. и Суевѣрій).*

ЗАГОВОРЫ ОТЪ ВСЯКОЙ БОЛѢЗНИ.

1. Господи Боже, благослови! Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Какъ Господь Богъ небо и землю, и воду, и

звѣзды и сыро-матерной земли, твердо утвердилъ и крѣпко укрѣпилъ, и какъ на той сыроматерной землѣ, нѣтъ ни которой болѣзни, ни кровныя раны, ни щипоты, ни ломоты, ни опухоли, такъ же сотворилъ Господь меня, раба Божія (имя рекъ), какъ сотворилъ Господь, твердо утвердилъ и крѣпко укрѣпилъ жилы мои, и кости мои, и бѣлое тѣло мое, также у меня, раба Божія (имя рекъ), не было бы на бѣломъ тѣлѣ, на ретивомъ сердцѣ, ни на костяхъ моихъ, ни которой болѣзни, ни крови, и ни раны, и ни щипоты, ни ломоты, ни опухоли. Единъ архангельскій ключь; во вѣки вѣковъ, аминь. *(Выписано изъ старинной рукописи, доставленной изъ Шенкурска).*

2. *Молитва отъ всѣхъ скорбей.* О Пресвятая Госпоже Богородице, выше еси всѣхъ ангелъ, архангелъ, всѣхъ тварей, честнѣйше помощница еси обидимыхъ, исцѣляющейся надѣяніе, убогихъ одѣяніе, больныхъ исцѣленіе, грѣшныхъ спасеніе, христіанъ всѣхъ поможеніе и заступленіе; спаси Господи и помилуй раба Божія (имя рекъ) ризою твоею честною, защити, умоли, госпоже, тебѣ безсеменнаго воплотившагося Христа Бога нашего. Да препояшетъ насъ силою свыше невидимые враги наша. О всемилостивѣйшая госпожа Богородица, воздвигни насъ изъ глубины грѣховныя, избави насъ отъ глада, губительства, отъ труса и потопа, отъ огня и меча, отъ нахожденія иноплеменныхъ, и междуусобной брани, отъ напрасной смерти, отъ нападенія вражея, отъ тлетворныхъ вѣтровъ, и смертоносныя язвы, отъ злой порчи, отъ духовъ нечистыхъ, отъ всякаго зла; подаждь Господи, миръ и здравіе рабу твоему (имя рекъ), просвѣти ему умъ и очи сердечные, еже ко спасенію, сподоби его грѣшнаго, царствія Сына твоего Христа Бога нашего, яко держава его непоколебимая, благословенная и препрославленная, со единоначальнымъ его Отцемъ, со Пресвятымъ, Благимъ, и Животворящимъ Его Духомъ, и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь. (*Изъ рукописной книжки Г. Д. Книголюбова).*

3. *Заговоръ отъ недуговъ.* Заговариваю я у раба Божія (такого-то) двѣнадцать скорбныхъ недуговъ: отъ трясовицы, отъ колючки, отъ свербежа, отъ стрѣльбы, отъ огневицы, отъ колотья, отъ дерганья, отъ морганья, отъ слѣпоты, отъ глухоты, отъ черной немочи. Ты, злая трясовица уймись, а не то

прокляну въ таръ-тарары; ты неугомонная колючка остановись, а не то сошлю тебя въ преисподнія земли; ты, свербежь прекратись, а не то утоплю тебя, въ горячей водѣ; ты стрѣльба, а не то засмолю тебя въ смолѣ кипучей; ты, огневица охладись, а не то заморожу тебя крещенскими морозами; ты, ломотье сожмись, а не то сокрушу тебя о камень; ты колотье притупись, а не то распилю тебя на мелкія частички; ты, дерганье воротись, а не то запружу тобою плотину на мельницѣ; ты, морганье окрутись, а не то въ печи банной засушу; ты слѣпота скорчись, а не то утоплю тебя въ дегтю; ты, глухота исчезни, а не то засмолю въ бочку, и по морю пущу; ты черная немочь отвяжись, а не то заставлю воду толочь.

Всѣ недуги откачнитесь, отвяжитесь, удалитесь отъ раба. (такого-то), по сей часъ, по сей день, по его жизнь, моимъ крѣпкимъ словомъ. *(Сказ. Рус. Нар. Сахарова. Т. I. 1841 г.).*

ЗАГОВОРЪ НА ПОКРАДЕННУЮ ВЕЩЬ.

На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, стоитъ желѣзный сундукъ, а въ желѣзномъ сундукѣ лежатъ ножи булатные. Подите вы, ножи булатные, къ такому-то и сякому-то вору, рубите его тѣло, колите его сердце, чтобы онъ, воръ, воротилъ покражу такого то, чтобы онъ не утаилъ ни синя пороха, а выдалъ бы все сполна. Будь, ты, воръ, проклятъ моимъ сильнымъ заговоромъ, въ землю преисподнюю, за горы Араратскія, въ смолу кипячую, въ золу горючую, въ тину болотную, въ плотину мельничную, въ домъ бездонный, въ кувшинъ банный; будь прибитъ въ притолкѣ осиновымъ коломъ, изсушенъ суше травы, замороженъ пуще льда, окривѣй, охромѣй, ошалѣй, одервянѣй, обезручѣй, огалодѣй, отощяй, валяйся въ грязи, съ людьми не свыкайся, и не своей смертью умри. *(Сказ. Рус. Нар. Сахарова. Т. I. 1841 г.)*

ЗАГОВОРЪ ОБОРОТНЯ.

На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, на полой полянѣ, свѣтитъ мѣсяцъ на осиновъ пень, въ зеленъ лѣсъ, въ

широкій долъ. Около пня ходитъ волкъ мохнатый, на зубахъ у него весь скотъ рогатый: А въ лѣсъ волкъ не заходитъ, а въ домъ волкъ не забродитъ. Мѣсяцъ, мѣсяцъ—золотые рожки! Расплавь пули, притупи ножи, измочаль дубины, напусти страхъ на звѣря, человѣка и гады, чтобы они сѣраго волка не брали, и теплой бы съ него шкуры не драли. Слово мое крѣпко, крѣпче сна и силы богатырской. *(Сказ. Рус. Нар. Сахарова. Т. I. 1841 г.)*.

ЗАГОВОРЪ ОСТРОВНИКА НА ЗЕЛЕНУЮ ДУБРАВУ.

Хожу я, рабъ (такой-то), кругомъ острова (такого-то) по крутымъ оврагамъ, буеракамъ, смотрю я чрезъ всѣ лѣса: Дубъ, березу, осину, липу, кленъ, ель, жимолость, орѣшину; по всѣмъ сучьямъ и вѣтвямъ, по всѣмъ листьямъ и цвѣтамъ, а было въ моей дубровѣ по живу, по добру и по здорову, а въ мою бы зелену дуброву, не заходилъ ни звѣрь, ни гадъ, ни лихъ человѣкъ, ни вѣдьма, ни лѣшій, ни домовой, ни водяной, ни вихрь. А былъ бы я большой набольшой; а было бы все у меня во послушаніи. А былъ бы я цѣлъ и невредимъ. *(Сказ. Рус. Нар. Сахарова. Т. I. 1841 г.)*.

ЗАГОВОРЫ ОТЪ ЗЛОБЫ ЛИХИХЪ ЛЮДЕЙ И О СПАСЕНІИ.

1. *Заговоръ отъ лихаго человѣка.* Иду я по чистому полю, на встрѣчу мнѣ семь бѣсовъ съ полудухами, всѣ черные, всѣ злые, всѣ нелюдимые. Идите вы духи съ полудухами, къ лихимъ людямъ. Держите ихъ на привязи, чтобы я отъ нихъ былъ цѣлъ и невредимъ по пути и дорогѣ, во дому, и лѣсу, въ чужихъ и родныхъ, во землѣ и на водѣ, во обѣдѣ и на пиру, въ свадьбѣ и на бѣдѣ. Мой заговоръ дологъ, слова мои крѣпки, кто слово испровержетъ, ино быть во всемъ наиново, по худу, по добру, какъ во преди сказано. *(См. Сказанія Рус. Нар. Сахарова. Т. I. 1841 г.)*.

2. *Заговоръ о спасеніи.* Пойду, благословясь изъ избы дверями въ сѣни, изъ сѣней во дворъ, изъ двора въ вороты, подъ красное солнышко, подъ чистое поле, въ чистомъ полѣ

стоитъ святая Божія церковь, сами царскія двери растворяются, самъ, рабъ Божій (имя) заговаривается отъ ♁ колдуновъ, отъ ♁ вѣдуновъ, отъ ♁ колдуньевъ, отъ ♁ вѣдуньевъ, кто на меня лиху думаетъ, тотъ, считай въ лѣсѣ лѣсокъ, въ море песокъ, а на небѣ звѣзды, во вѣки, вѣковъ, аминь (трижды) *до солнышка прочись. (Изъ рукописной книжки. Г. Д. Книголюбова).*

3. *Заговоръ отъ злобы.* Не великъ я день родился, тыномъ желѣзнымъ я оградился, пошелъ я къ своей родимой матушкѣ къ родному батюшкѣ, и ко всему роду и племени, загнѣвалась моя родимая родушка, ломали мои кости, щипали мое тѣло, топтали меня въ ногахъ, пили мою кровь. Солнце мое ясное, звѣзды свѣтлыя, небо чистое, море тихое, поля желтыя, всѣ вы желтыя, всѣ вы стойте тихо и кротко, и смирно, такъ бы были тихи и смирны, и кротки моя родимая матушка, родимый батюшка вись родъ и племень, во вся дни, во вся часы, въ нощи и полунощи; какъ пчела поноску носитъ, такъ бы родимая матушка, родимый батюшка, вись родъ и племень плодили добрыя словеса за меня роднова раба (имя рекъ); какъ воскъ горитъ и таетъ отъ лица огня, такъ бы таяло и горѣло сердце у родныхъ моихъ; какъ лебедь по лебедкѣ тоскуетъ, такъ бы мой родъ и племень вись тосковалъ по мнѣ, своемъ родномъ рабѣ (имя рекъ); какъ студенецъ льетъ воду по вся дни, такъ бы текло сердце роду и племени у всѣхъ по мнѣ, по рабѣ (имя рекъ), какъ дверь къ косяку притворяется, такъ бы мои словеса къ роду и племени притворялись, по вся дни, по вся часы, во дни и въ ночи, въ полдень и полночь. *(Изъ рукописной книжки Г. Д. Книголюбова).*

4. *Молитва отъ злобы.* Союзъ любви апостолу Твоя связавый Христе, и насъ Твоихъ вѣрныхъ рабовъ къ себѣ тѣмъ крѣпко связавъ творити заповѣди Твоя: Другъ друга любити нелицемѣрно, сотвори молитвами Богородица едине человѣколюбче. Пламенемъ любви распали ко мнѣ раб. Б. (имя рекъ) сердца всѣхъ Христе Боже, до того разжигаеши сердцемъ, мыслію же, душею и всею крѣпостью человѣческою, возлюбятъ мя и искренняго своего, яко себе и повелѣнія моя хранящe славятъ мя и тя, всѣхъ благихъ дателя. Избави Господи раб. Б. (имя рекъ) отъ ненависти, злобы, не мирности и не любы.

Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Аминь *(Изъ рукописной книжки Г. Д. Книголюбова).*

ЗАГОВОРЪ НА КУЛАЧНЫЙ БОЙ.

Стану я, рабъ Б., благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы въ двери, изъ воротъ въ вороты, въ чистое поле, на востокъ, въ восточную сторону, къ Окіанъ-морю, и на томъ святомъ Окіанѣ-морѣ стоитъ старъ мастеръ мужъ и у того святаго Окіана-моря, сырой дубъ крековастый, и рубитъ тотъ мастеръ мужъ своимъ булатнымъ топоромъ сырой дубъ, и какъ съ того сыраго дуба щепа летитъ, тако же бы и отъ меня, (имя рекъ) валился на сыру землю борецъ, добрый молодецъ, по всякій день и по всякій часъ. Аминь. (Трижды). И тѣмъ моимъ словамъ, ключь въ морѣ, замокъ на небѣ, отъ нынѣ и до вѣка. *(Загов. извл. изъ рук. Староб. Ж. М. Н. П. 1863 г. № 1. Статья Щапова. Стр. 60).*

Заговоръ отъ боли въ ушахъ. Прикладываютъ дитя къ угловому кресту у избы образовавшемуся изъ древесной сѣры отъ дѣйствія жара, и говорятъ:—уголъ рубленъ и крестъ дубовъ; у того креста не болѣло, не щипѣло, ухо не вертѣло; и такъ бы у раба Б. Н. не болѣло, не щипѣло, и ухо не вертѣло, ни въ день, ни въ ночь, ни въ утреннюю зарю, ни въ вечернюю, ни на нову, ни на вѣтру и ни на перекрою мѣсяцу. Во вѣки, вѣковъ, аминь *(Зап. г. Ефименкомъ, въ Холмогорахъ).*

МОЛИТВЕННЫЕ ЗАГОВОРЫ ОТЪ БЕЗУМІЯ, РОДИМЦА, БѢЛОЙ ГОРЯЧКИ.

1. *Молитва отъ безумія, порчи, родимца, припадковъ бѣлой горячки* и пр.

Словеса божественнаго Евангелія: да угаснутъ, исчезнутъ въ тебѣ, р. Б. (имя рекъ), вся сила лукаваго діавола, да вселится сила Божественнаго духа. Аминь. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Богъ Боговъ, Господь Господей, Христе Сыне Божій, Пречистая Пресвятая Богородица, Дѣва Марія, вся небесная сила безплотная, Ангели Хранители, Архангели, Херувимы, Серафимы, Начала, Престоли, Господства, Власти, Силы, и всѣ праотцы, цари, пророки, Апостоли и Евангелисты,

и всѣ преподобніи, праведніи, мученики, угодники, святители, священный и всѣ святые собори и лики, мужескъ и женскъ полъ, избавите, исцѣлите и помилуйте раба Божія (имя рекъ). аминь, аминь, аминь.

Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его, и возвеселятся Ангелы, и обступятъ, а грѣшники отъ лица Его возвеселятся. Самъ Господь Богъ Іисусъ Христосъ и всѣ Святіи, Святый Николай чудотворецъ. Никита великомученикъ. Разоилъ, Кузьма и Даміанъ, Кипріанъ. Іустинія, Нифантъ и Марофъ, Пресвятая Троица, Богородица будетъ почивать, и Св. Духъ дунетъ на воду и на р. Б. (имя) Святымъ духомъ. Аминь, аминь, аминь.

Человѣкъ родися, крестъ водрузися, и сатана связася сильне и Богъ прославися, во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. аминь. Святый отецъ Остафій и святый отецъ Наумій, поставь его Господи раба Божія (имя) на святое мѣсто, про Божіе думать и Божіе дѣлать: Святый Духъ найдетъ на него и вся небесная возсіяетъ на него, и вся вышняя мимо идетъ его. Спасова рука, Христова печать, Божіей Матери крестъ, во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь, аминь, аминь. Какъ Господь Богъ, Іисусъ Христосъ, установилъ источники, рѣки и потоки, тако установи и утиши болѣзнь и недугъ въ рабѣ Божіемъ (имя рекъ) молитвами Пречистыя Пресвятыя Богородицы и Приснодѣвы Маріи и всѣхъ святыхъ и небесныхъ силъ. Во вѣки, аминь, аминь, аминь. *(Изъ рукописной книжки Г. Д. Книголюбова).*

2. *Заговоръ отъ безумія.* Святый отче Остафіе, святый отче Наумій, поставь меня, Господи, на святое мѣсто, про Божіе думать и Божіе дѣлать, и Святъ Духъ найдетъ на насъ, и вся небесная возсіяетъ на насъ, и вся вышняя мимо идетъ насъ, Спасова рука, Христова печать, Божіей Матери крестъ. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. *(Изъ рукопис. книж. Г. Д. Книголюбова).*

МОЛИТВЫ, ЗАГОВОРЫ И ОБЕРЕГИ ОТНОСЯЩІЕСЯ ДО СКОТОВОДСТВА.

1. *Правила пастуху. (Заговоръ отъ нападенія звѣрей).* Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Самъ Господь Іи-

сусъ Христосъ, Сынъ Божій, помози мнѣ р. Б. Н., и постави Господи около моего скота, милаго моего живота, Власьева рода кругомъ, со всѣхъ четырехъ сторонъ чернаго, и бѣлаго, и краснаго, и пестраго, и бураго, и сѣдоватаго, и рогатаго, и комолаго, желѣзный тынъ отъ земли и до неба, отъ неба и до земли. И обыди, Господи, около того тына желѣзнаго. Ты, еще рѣку огненную отъ востока и до запада, и отъ запада и до сѣвера, отъ сѣвера и до лѣта; и со всѣхъ четырехъ сторонъ, отъ земли и до небеси; отъ небеси и до земли. Кабы не приходилъ сѣрый волкъ и сѣра волчица и рыскуша и лютый звѣрь и люта волчица, и люта черная медвѣдица. Кабы не обходили всякіе звѣри мимо моего живота, Власьева рода, всякаго чернаго, и бѣлаго, и краснаго, и сѣдатаго и черемнаго, рогатаго, комолаго, быковъ, коровъ, и телятъ, и подтелковъ, и повредили бы зубомъ, и ногтемъ и ничѣмъ его не враждалъ по всякой часъ, и по всякой день и по всякую нощь, во вѣки вѣковъ, аминь. *(Матеріалы для Этногр. Отдѣла. Дост. П. А. Ивановъ, Пинежск. у.)*.

2. *Заговоръ отъ болѣзней скота.* Владыко Господи Боже нашъ власть имѣя всякой твари, Тебе молимъ, Тебе просимъ, якоже благоволилъ и умножилъ еси стада патріарха Іакова благослови и стада скотъ сихъ (такого-то) и умножи, и укрѣпи сотвори его въ тысячу кратъ и избави его отъ насилія діавола и отъ иноплеменническаго нашествія, отъ плѣненія и звѣря, и отъ всякаго навѣта враговъ, и отъ воздуха смертнаго, и губительнаго недуга, и повѣтреннаго падежа, и отъ звѣря хищнаго, и отъ гадины ядовитой, огради его ангелы Твоими святыми, всякую немощь, всякую зависть и искушеніе, чаровства же и волшебства отъ дѣйства находящійся діавольскаго отгоняй отъ него, яко Твое есть царство, сила и слава, Отца и Сына, и Св. Духа, и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь. *(Изъ рукоп. книжки Г. Д. Книголюбова)*.

3. *Отъ недуговъ скота.* Святые мученики и чудотворцы великіе: Медосте *), Флора и Лавръ, Власій и Харлампій, Николай Чудотворецъ и Георгій Побѣдоносецъ, вашими всесильными мольбами ко Господу, Спасу Всемилостивому, исцѣлите

*) Должно быть Модестъ.

и избавите скота сего (такого-то) отъ повѣтрія, отъ падежа, отъ тлетворнаго воздуха, отъ смертоноснаго недуга, отъ смертоносной язвы, отъ всякой немощи, хвори, скорби и болѣзни, и отъ вяскаго зла, спасите, сохраните и помилуйте съ Матерью Божіею Пречистою Владычицею Богородицею, и приснодѣвой Маріею, сотворите и явите милость, купно же воздвигните съ собою святыхъ безсребренниковъ и чудотворцевъ Козму и Даміана, Кира, Іоанна, вись скотъ помилуйте и сохраните со Отцемъ, и Сыномъ, и Святымъ Духомъ, и нынѣ присно, и во вѣки вѣковъ, аминь. *(Изъ рукописной книжки Г. Д. Книголюбова).*

4. *Для предохраненія теленка отъ падежа или болѣзни.* Помяни Господи Царя Давида, матери Елены до цернавина житья. Какъ бѣлая березонька стоитъ вѣки по вѣки, не тронется, не ворохнется, такъ бы и теляте жило вѣки по вѣки, не дрогнулось не ворохнулось. *(См. Труды Этног. Отдѣла, Народная Словес. 1878 г. Дост. г. Никольскій, изъ Мезени).*

5. *Молитва отъ падежа скота.* Христосъ съ нами уставися вчера и днесь, и нынѣ, Ты еси Богъ великъ, пошли Господи побѣдителя, Архангела Михаила, побѣдить демонскія силы, защитить щитомъ своимъ отъ тлетворнаго воздуха и наносной болѣзни, и отъ падежа скотскаго, и благослови скотъ сей, избави его отъ всякаго зла и обстоянія, видимыхъ и невидимыхъ враговъ и губительныя смерти, повѣтрія и падежа, и всѣхъ діавольскихъ злодѣяній, и умножи имени Твоимъ святомъ и о вопользованіи сими цѣленіями, здравіе, тому даруй. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. *(Изъ рукописной книжки Г. Д. Книголюбова).*

6. *Чтобы скотина стояла смирно во время доенія.* Помяни Господи царя Давида и всю кротость его; укроти, Господи, корову сію крѣпостями своими. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Утренная заря Марія, вечерняя Маремеянія. утолите мою тоску-кручину, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь, аминь. *(Изъ Старинннаго рукоп. Сборника, изъ с. Ваймуги, Холм. уѣзда).*

7. *Отъ ляганья коровы во время доенія.* Господи, Боже благослови! Какъ основана земля на трехъ китахъ и на трехъ китицахъ, какъ съ мѣста на мѣсто земля не шевелится, такъ

бы любимая скотинка (чернушка, пеструшка и пр.) съ мѣста не шевелилась. Не дай ей, Господи, ни ножнаго ляганья и хвостоваго маханья, ни роговаго боданья. Стой горой, дой рѣкой, озеро смѣтаны, рѣка молока, ключь и замокъ словамъ моимъ.

Наговариваютъ на воду, которою потомъ обмываютъ вымя коровы. *(Зап. г. Огородниковъ, въ Соломбалѣ).*

8. *При леченіи лошади.* Стану поутру, по раннему, по вечеру по позднему, выйду на сильный вѣтеръ, на легкій воздухъ, возьму я осинову вичку (вѣтку), пойду я къ доброму хозяину на честенъ пиръ. Изъ-подъ лѣвой ноги, изъ-подъ праваго копыта обложу и обвяжу—кругомъ обнесу, чтобы былъ по старому, по прежнему, чище и лучше, чтобы болѣе не чула, куда бы не поѣхали. *(Доставилъ г. Никольскій, изъ г. Мизени).*

ЗАГОВОРЪ ОТЪ БѢШЕНОЙ СОБАКИ.

На морѣ на Океанѣ, на островѣ на Буянѣ стоитъ домъ, а въ томъ домѣ сидитъ старица, а держитъ она жало. Ты старица возьми свое жало и приди къ рабу (такому-то), вынь изъ раба (такого-то) жало смертное. Заговариваю раны колючія на рукахъ, на ногахъ, на головѣ, во лбу, на затылкѣ, на бровяхъ и подбородкѣ. Будьте во вѣки вѣковъ на собакѣ черной, сѣрой, красной, сѣдой, рыжей, бѣлой; сидите, во вѣки не сходите.

ЗАГОВОРЪ НА ТОРГОВЛЮ.

Дѣла, Господи, рекъ еси пречистыми усты Своими, яко безъ меня не можете творити ничто же. Господи мой, Господи, вѣрою объемъ души нашей, помози мнѣ грѣшному, рабу Божію (имя рекъ), сію нашу жизнь торговлею въ куплѣ, продажѣ и мѣняльствѣ и во всемъ. Ты владыко, Господи, самъ ее соверши во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Св. Архангелъ Михаилъ во твое святое имя торгуемъ, спаси, сохрани и благослови своими святыми молитвами раба Божія (имя рекъ) начати и совершити счастливую и благополучную торговлю. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь. *(Изъ рукоп. книжки Г. Д. Книголюбова).*

ЗАГОВОРЪ, ЧТОБЪ ДѢЛО СОШЛОСЬ.

Какъ этотъ узелъ завязанъ, такъ и у насъ, рабовъ Божіихъ (имя рекъ) дѣло (такое-то) скоро сошлось (трижды). (Завязать узломъ нитку, положить чрезъ порогъ, проговоря идти). *(Книголюбова).*

ЗАГОВОРЫ ОТЪ РОДИМЦА.

1. *Молитва отъ родимца..* Мученикъ Твой, Господи, Никита во страданіи своемъ вѣнецъ пріятъ нетлѣнный отъ Тебя Бога нашего, имѣяй бо крѣпость Твою, мучителей низложи, сокруши демоновъ немощныя дерзости, того молитвами избави раба Божія (имя рекъ) отъ родимца и младенчества, отъ прилога и безумія, отъ порчи и притчи, и отъ всѣхъ его скорбей и болѣзней, отъ нашедшаго и налетящаго, крестъ Христовъ, яко нѣкое оружіе, усердно воспріимъ и къ боренію враговъ притеклъ еси, и за Христа пострадалъ еси, послѣди огнемъ священную твою душу, Господу предалъ еси. Откуду же даровъ исцѣленія отъ него сподобился еси пріяти, великомученице Никито, моли Христа Бога, исцѣлитеся и избавитися рабу Божію (имя рекъ) въ нихъ, аще прелести посѣкъ, державу стояніемъ Твоимъ, и побѣду пріемъ вѣнецъ во страдальчиствахъ Твоихъ, со ангелы славны радуешися, Никито, тезоименито съ ними Христа Бога моли непрестанно о избавленіи и исцѣленіи раба Божія (имя рекъ) отъ скорби и болѣзни его обдержащія, и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь. *(Рукописный сборникъ Г. Д. Книголюбова).*

2. *Заговоръ отъ родимца.* На морѣ на Окіанѣ, среди моря Бѣлаго стоитъ мѣдный столбъ, отъ земли до неба, отъ востока до запада; а во томъ мѣдномъ столбѣ закладена мѣдная мѣдяница отъ болѣстей, и хворостей. Посылаю я раба (такого-то) въ тотъ мѣдный столбъ, что на морѣ на Окіанѣ, и заповѣдаю ему своимъ словомъ заповѣданнымъ закласть родимецъ во тотъ мѣдный столбъ. А былъ бы съ того заповѣданія (такой-то) цѣлъ и невредимъ, и отъ родимца избавленъ, по сей часъ. по всю жизнь. *(Сказ. Рус. Нар. Сахарова. 1841 г.).*

3. *Заговоръ отъ родимца.* У каждаго ребенка непремѣнно бываетъ родимецъ. Всѣхъ же родимцевъ двѣнадцать. Они носятъ названіе по той части тѣла, которая болитъ у ребенка: родимецъ пуповой, сердцевой, внутряной, суставной, жиленой, костяной, ручной, глазной, ревунъ, говорунъ.

Ребенка, подвергшагося родимцу, поятъ и моютъ водой, надъ которою говорятъ слова:

„Грызу я, загрызаю, уйму я, унимаю на рабѣ Божіемъ (имя рекъ) двѣнадцать родимцевъ (слѣдуетъ перечисленье ихъ). Какъ мертвый отъ могилы не ворочается, такъ бы и на раба Божія (имя рекъ) эти двѣнадцать родимцевъ никогда бы не ворочались, вѣки по вѣки. Отнынѣ я довѣка". *(Записалъ Е. Ивановскій, въ Шенкурскомъ уѣздѣ).*

МОЛЬБА ВѢТРУ.

Въ поморьѣ Кемскаго уѣзда, предъ возвращеніемъ промышленниковъ съ Мурманскаго берега домой, бабы цѣлымъ селеніемъ отправляются къ морю *молить вѣтеръ*, чтобы не серчалъ и давалъ бы льготу дорогимъ лѣтникамъ. Для этого онѣ предварительно молятся крестамъ, поставленнымъ во множествѣ на всемъ бѣломорскомъ прибрежьѣ. На слѣдующую ночь, послѣ богомолья, всѣ выходятъ на берегъ своей деревенской рѣки и моютъ здѣсь котлы; затѣмъ бьютъ полѣномъ флюгеръ, чтобы тянулъ повѣтерье и притомъ стараются припомнить и сосчитать ровно двадцать семь 3×9 плѣшивыхъ изъ знакомыхъ своихъ въ одной волости и даже въ деревнѣ, если только есть возможность къ тому. Вспоминая имя плѣшиваго, дѣлаютъ рубежекъ на лучинкѣ углемъ или ножемъ; произнеся имя послѣдняго, 27-го, нарѣзываютъ уже крестъ. Съ этими лучинами все женское населеніе деревни заходитъ за задворки, и выкрикиваетъ сколь возможно громко. „Встокъ, да обѣдникъ, пора потянуть! Западъ да шалоникъ, пора покидать! Тридевять плѣшей, всѣ сосчитанныя, пересчитанныя; встокова плѣшь напередъ пошла". Съ этими послѣдними словами, бросаютъ лучинку черезъ голову, обратясь лицомъ къ востоку, и тотчасъ же припѣваютъ: „Встоку да обѣднику каши наварю и блиновъ напеку; а западу шалонику спину оголю. У всто-

ка да обѣдника жена хороша, а у запада шалоника жена померла!“ Съ окончанiемъ этого припѣвка спѣшатъ посмотрѣть на кинутую лучину: въ которую сторону легла крестомъ, съ той стороны ждутъ вѣтра. Но если она опять провозвѣститъ неблагопрiятный вѣтеръ, то прибѣгаютъ къ послѣднему извѣстному отъ старины средству: сажаютъ на щеку таракана и спускаютъ его въ воду, приговаривая: „поди таракан̆ъ на воду, подними таракан̆ъ сѣвера“. *(Годъ на сѣверѣ. Максимова. I. 385).*

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ЧАРЫ И ОБЫЧАИ.

РУССКІЕ ОБЫЧАИ. ЧАРЯДЫ И ПРОЧЕЕ.

1. *Заговоръ при исканіи клада.* Когда покажется счастливцу кладъ, онъ долженъ проговорить: „чуръ! чуръ! свято мѣсто, чуръ, Божье да мое. Или „мой кладъ, съ Богомъ на пополамъ“.

Затѣмъ, желающій пріобрѣсть кладъ, долженъ накинуть на мѣсто клада шапку съ головы, что значитъ, оставить въ залогъ голову и никому не повѣдать тайны. Наконецъ приговариваютъ: „Аминь, аминь, аминь, разсыпься“. Послѣднія слова говорятся по тому случаю, что клады обыкновенно являются въ родѣ огоньковъ, горящихъ воску яровыхъ свѣчей, золотыхъ пѣтушковъ и тому подобныхъ предметовъ. *(Записалъ Ивановъ, въ г. Пинегѣ).*

2. *Заговоръ при собираніи Папоротника.* Въ одномъ травникѣ о папоротникѣ сказано: есть трава черная папороть, растетъ въ лѣсахъ, около болотъ, въ мокрыхъ мѣстахъ: въ лугахъ, ростомъ въ аршинъ и выше стебель, а на стеблѣ маленьки листочки, и съ испода большіе листы. А цвѣтетъ она наканунѣ *Иванова дня*, въ полночь... Тотъ цвѣтъ очень надобенъ, если кто хочетъ богатъ и мудръ быти, а брать тотъ цвѣтъ не просто, съ надобностями, и очертясь кругомъ говорить: Таланъ Божій, судъ твой: Да воскреснетъ Богъ! *(Ж. М. Н. Пр. 1863 г. № 1. Ст. Щапова. Стр. 21).*

3. *Навести красоту.* Чтобы навести красоту или казаться красивѣе, берется платокъ, съ которымъ выходятъ на улицу,

произносятъ вышеприведенныя слова и потомъ, придя домой, утираются тѣмъ платкомъ, говоря:

Стану благословясь, выйду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, выйду на широку улицу, стану на востокъ хребтомъ, на западъ глазами, на западной сторонѣ сидитъ тамъ обрученный Іосифъ, зритъ и смотритъ на Госпожу Пресвятую Богородицу, такъ и на меня бы рабъ Божій весь вѣкъ смотрѣлъ бы и глядѣлъ. (*Доставилъ Никольскій. Смот. Труды Этногр. Отдѣла за 1878 г. Вып. II. кн. V.*).

4. *Чары на вѣтеръ.* Чары на вѣтеръ извѣстны были въ русскомъ чернокнижіи еще въ XVI ст. Курбскій, участникъ славы царя Іоанна Грознаго, описывая казанскую битву говоритъ, что Казанскіе Татары, желая очаровать русскую рать, навѣвали вѣтры съ своей стѣны. Люди, незнаемые съ русской семейною жизнью, до сихъ поръ обвиняютъ Курбскаго за это извѣстіе. Дѣйствительно ли существуютъ чары на вѣтеръ? Стоитъ только заговорить съ первымъ крестьяниномъ и сотни примѣровъ будутъ передъ глазами. Чародѣи производятъ эти чары, слѣдующимъ образомъ: Узнавъ въ которой сторонѣ живетъ супостатъ обиженнаго, при попутномъ вѣтрѣ, велитъ обиженному подать ему съ земли, или комъ земли, или снѣга, или горсть пыли; говоритъ слѣдующее, бросивъ поданное обиженнымъ въ сторону супостата по вѣтру: „Кулла, Кулла! ослѣпи (такого-то) человѣка, вороныя, голубыя, карія, бѣлыя, красныя очи. Раздуй его утробу толще угольной ямы, высуши его тѣло тоньше луговой травы, умори его скорѣе змѣи мѣдяницы".

Проговоривши проклятіе, чародѣй глубоко задумывается, потомъ разсказываетъ видъ, примѣты, мѣсто, куда долетѣли его чары; увѣряетъ, какъ коробило очарованнаго человѣка; какъ онъ лишился зрѣнія; какъ раздувался своею утробою; какъ началъ чахнуть, и наконецъ какъ томится смертнымъ недугомъ.

Но такъ какъ это все, по большей части, оказывается ложью, то чародѣи оправдываютъ себя тѣмъ, что ихъ чары попали на посторонняго человѣка. (*Изъ Сказан. Русск. Нар. Сахарова. Т. I. 1845 г.*)

5. *На собираніе Адамъ травы.* (Заговоръ). На утро глаголи сице: „Боже милостивый, буди мнѣ грѣшному; Боже очи-

сти грѣхи мои, безъ числа согрѣшихъ.—Господи, прости мя. Достойно есть... (до конца). Псаломъ 50. Помилуй мя Боже! Вѣрую во единаго Бога; Господи, Iисусе Христе, Сыне Божій, Молитвъ ради Пречистыя Твоея Матери и всѣхъ святыхъ помилуй!“

„Благослови сію траву копати. Озимая Мати, благослови мнѣ своего плоду взяти, и ты трава, Адамъ, на что я тебя копаю, и ты буди къ тому пригодна. Аминь“. *(Народные заговоры Аѳанасьева. См. Лѣт. Русск. Лѣт. 1862 г.)*

Въ народ. Ботан. будетъ сказ. о знач. этой травы въ народѣ.

6. *Заговоръ отъ лая собаки.* Проговорить три раза: щенилась слѣпая, теперь будь нѣмая; причемъ плевать каждый разъ на лѣво.

7. *Отъ преслѣдованія гусей.* Читать „*Богородицу*“, и при этомъ идти къ нимъ напротивъ.

8. *Отъ укушенія змѣи.* На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, стоитъ дубъ. Подъ тѣмъ дубомъ, стоитъ ракитовъ кустъ, подъ тѣмъ кустомъ лежитъ бѣлъ камень Алатырь; на томъ камнѣ лежитъ рунецъ, подъ тѣмъ рунцемъ лежитъ змѣя, скорпія; есть у ней сестры: Арина, Катерина. Мы Богу помоляемся, на всѣ четыре стороны поклоняемся; возьмите свою лихость, отъ раба (или отъ рабы, имя рекъ), или отъ его скотины (сказанъ цвѣтъ шерсти), по сей день, по сей часъ. Крестообразно дунуть.

9. *Отъ жабы въ горлѣ.* Въ городѣ Iерусалимѣ, на рѣкѣ Ерданѣ, стоитъ древо Кипарисъ, на томъ древѣ птица орелъ сидитъ, щиплетъ и теребитъ когтями и ногтями, и подъ щеками, и подъ жабрами у раба Божія (имя рекъ) жабу. Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь. Святый Духъ, аминь. Святый Духъ, аминь. Святый Духъ, аминь. Когда этотъ заговоръ будешь говорить, то въ это время, нужно тыкать въ горло указательнымъ пальцемъ и говорить его три раза.

10. *Чтобы испортить, или навязать килы.* Чтобы испортить кого либо, необходимо взять шерстяную нитку и навязать на ней узлы. Эту нитку нужно бросить, гдѣ либо въ такомъ мѣстѣ, въ которомъ могъ бы наступить на нее тотъ, кого нужно испортить. При завязкѣ восьми двойныхъ узловъ говорятся слѣдующія слова: 1) Выйду я на улицу, 2) брошу

въ чисто поле. 3) въ разстанье, 4) межъ дворы, 5) въ луга, 6) въ моря, 7) въ лѣса, 8) въ зыбучія болота. Когда завяжутся всѣ восемь узловъ, то говорится: Хотя и здѣсь оставлю; куда пойдетъ, тутъ и очутится.

При завязываніи каждаго изъ 13 узловъ говорится:

По позднему вечеру выйду я на улицу, и откажусь я отъ Іисуса Христа, отъ царя земнаго, отъ Бога вышняго, отъ вѣры православной, отъ батюшки, отъ матушки. Предаюсь я къ нечистому духу, къ окаянной силѣ, прошу я ей помощи, чтобы она помогла ей и пособила: поступаю я на вора—разбойника, на деннаго грабильщика, на ночнаго полунощника, на (имя рекъ). Я хочу его свержить, хочу я его испортить: хоша среди дня, хоша среди ночи, хоша въ чистомъ полѣ, хоша въ темныхъ лѣсахъ, хоша въ зыбучихъ болотахъ, хоша соннаго, хоша дремучаго, хоша въ терему, хоша за столами дубовыми, хоша со явствами медовыми, хоша пошелъ бы онъ и запнулся бы, самого себя заклянулся бы. Окаянные духи, придайте мнѣ силы, помогите и пособите мнѣ, чтобы не было (имя рекъ) ни въ день житья, ни въ ночь спанья, ни въ часъ моготы, ни въ полчаса терпежу. Хошь бы схватило его грыжами, или стрѣлами, взяло бы его въ минуту или въ двѣ и узналъ бы онъ всѣ скорби и печали.

Заклинаніе произносится обыкновенно вечеромъ; причемъ заклинатель непремѣнно долженъ быть безъ креста. Знатоки этого дѣла, совѣтуютъ предъ началомъ убить совершенно чернаго кота или кошку. Коль скоро тотъ, для кого приготовлено заклинаніе, наступитъ на заговоренную нитку, то онъ споткнется, и если при этомъ скажетъ какое либо скверное слово, заговоръ начнетъ свое дѣйствіе. *(Доставилъ г. Никольскій, изъ Мезени *)*.

11. *Икоту напускать.* При самомъ началѣ, когда учиться напускать икоту, снять съ шеи крестъ, положить въ сапогъ подъ пятку, продержать полсутки, говорить слова:

Отрекаюсь Бога и Животворящаго Его креста, отдаю себя въ руки дьяволамъ.

*) См. Труды Этногр. Отдѣла. Выпускъ второй. Кн. V. 1878 г. подъ редакціей предсѣдателя Отдѣла, Н. А. Попова.

Шептать на соль, упоминая имя человѣка, коему зло намѣренъ сдѣлать не иначе во первыхъ (прежде всего) какъ родственницѣ, упоминать слова:

„Пристаньте сему человѣку скорби, подъ названіемъ икоты, трясите и мучьте (имя рекъ) до окончанія жизни. Послѣ, вынувши изъ сапога крестъ, повѣсить на спину, въ то время будутъ дьяволы у тебя; помѣшкавъ сутки, перемѣнить по обыкновенному, напередъ, тогда дьяволы отъ тебя отойдутъ, а будутъ мучить того, на кого сіе учинишь. Соль же бросить на дорогу, или въ другое мѣсто, коимъ тотъ человѣкъ ходитъ, съ приговоромъ:

„Какъ будетъ сохнуть соль сія, такъ сохни и (имя рекъ, то-есть тотъ, кому таковое зло учинишь), отступитесь отъ меня діаволы, а приступите къ нему.

И не вдолгѣ сходить, соль ту разрыть, и сказать: „Поди, дьявольщина, отъ меня прочь!“ И тогда злой духъ (икота) начнетъ мучить того человѣка. *(Это выписано г. И. С. Ефименкомъ изъ дѣла Пинежскаго Уѣзднаго Суда 1875 г. о признавшемся чародѣѣ въ напускѣ болѣзней, подъ названіемъ икотъ, крестьянинѣ Нильегорской волости, Мих. Чупаревѣ, апрѣля 13 дня, 1875 г. По генер. описи, подъ № 985.* *)*.*

12. *Чары на слѣдъ (слѣдъ снять).* Производятся слѣдующимъ образомъ: Замѣтивши слѣдъ того человѣка, (отпечатокъ ноги на землѣ) которомъ намѣрены нанести порчу, тщательно его прикрываютъ, обороняютъ чѣмъ-либо, чтобы кто нибудь другой не замѣтилъ, или не наступилъ на него. Чародѣи и чаровницы считаютъ тотъ слѣдъ лучшимъ для своихъ враждебныхъ цѣлей, который былъ на пескѣ, пыли, грязи, росѣ, снѣгѣ, то-есть болѣе вѣрно отпечатлѣны, въ особенности же тѣ изъ нихъ, на которыхъ кромѣ ихъ вѣрнаго отчетливаго отпечатка, можно было найти волосы людей или животныхъ.

Разумѣется, снимать слѣдъ приглашается колдунъ, или опытный, бывалый человѣкъ. Этотъ-то бывалый человѣкъ снимаетъ этотъ слѣдъ, вырѣзывая изъ почвы ножемъ такъ ловко, что онъ, то-есть слѣдъ, служитъ чистымъ отпечаткомъ подошвы

---

*) См. Труды Этногр. Отдѣла, 1878 г. Выпускъ II. Книга V. Подъ ред. предсѣдателя Попова.

сапога или ноги человѣка. Для вырѣзыванія слѣда употребляютъ широкій ножъ, иногда даже окровавленный вихремъ *). Надъ снятымъ слѣпкомъ читаютъ тайные заговоры. Когда обиженный требуетъ только нанесенія тоски, тогда колдуны прячутъ слѣдъ только подъ матицу, или подъ князекъ. Когда же обиженный требуетъ смертельнаго отмщенія, тогда онъ въ глухую полночь сжигаетъ слѣдъ въ банѣ.

Простой народъ ужасно боится этого снятія слѣда. По ихъ убѣжденію, человѣкъ, у котораго снятъ слѣдъ, сохнетъ. лишается умственныхъ способностей, постепенно и медленно погасая жизнью, умираетъ. Нужно замѣтить, что есть такая болѣзнь въ природѣ подъ именемъ старческаго увяданія, (*Маразмъ*, *Marasmus)*, гдѣ человѣкъ въ этой болѣзни чахнетъ. сохнетъ отъ потери дѣятельности нервовъ, теряетъ съ каждою минутою способность жизненныхъ отправленій, умственныхъ способностей и наконецъ умираетъ; а поселяне въ простотѣ души, такую болѣзнь считаютъ за порчу вслѣдствіе снятія слѣда.

13. *Противудѣйствіе волшебству на слѣдъ.* Какъ скоро родственники замѣтятъ въ какомъ либо человѣкѣ изъ своихъ тоску, то обращаются къ знахарю или докѣ, и просятъ его, чтобы онъ избавилъ больнаго отъ недуга. Знахарь, прежде всего осматриваетъ въ избѣ матицу, потомъ князекъ, пересчитываетъ волосы. Поселяне слѣпо вѣрятъ, что докамъ извѣстно, сколько у каждаго человѣка есть волосъ и что вылѣзающіе волосы всегда попадаютъ подъ слѣдъ. Если они найдутъ слѣдъ и замѣтятъ въ немъ волосы, тогда обѣщаютъ избавленіе. Когда же обѣщаніе не сбывается, тогда увѣряютъ. что замѣченные ими въ слѣдѣ волосы, вѣроятно, принадлежали другому. Это служитъ оправданіемъ колдунамъ не попавшимъ на искомую тему. Въ этомъ случаѣ знахарь (дока) выноситъ снятый слѣдъ на дорогу и бросаетъ его по направленію вѣтра. Этимъ самымъ сгоняется тоска. Когда дока не отыщетъ слѣда, тогда предлагаетъ больному сжечь бѣлье подъ Благовѣщеніе, увѣряя что только это средство можетъ его избавить отъ страшнаго недуга.

*) Будетъ далѣе.

14. *Чары для калѣкъ.* Въ былое время наша Россія изобиловала калѣками разнаго рода, особенно Москва и ея окрестности. Особенно пѣшеходный путь отъ Москвы къ обители Преп. Сергія изобиловалъ на каждомъ шагу слѣпцами и уродами ростовскаго изобрѣтенія *). Изуродованіе существовало искуственное не смотря на то, что было много и естественнаго безобразія по неуходу за дѣтьми, вслѣдствіе наслѣдственныхъ болѣзней, а также по неискусству повивальныхъ бабокъ (повитухъ), и отсутствію даже самаго понятія о врачебномъ искусствѣ. Простосердечный русскій народъ, ожидая въ каждомъ новорожденномъ будущаго работника, надежду на подпору въ старости, въ рожденномъ уродѣ видѣлъ наказаніе Божіе за свои грѣхи, и уродство невиннаго младенца считалъ дѣломъ дьявола или прямо, или чрезъ посредство злыхъ людскихъ козней. Привычка крестьянъ ходить босикомъ, или въ лаптяхъ легко пропускающихъ сырость и воду, а также въ онучахъ, которыя долго удерживаютъ сырость и холодятъ ноги, тоже причиняютъ ногамъ болѣзни, особенно въ томъ случаѣ, когда человѣкъ долго ходитъ; ходитъ по лѣсамъ и болотамъ и по другимъ влажнымъ мѣстамъ, пропитаннымъ иногда вредными отъ растеній и земли веществами.

Есть въ народѣ повѣрье, что земля изъ свѣжей могилы, зола изъ семи печей и соль изъ семи избъ, зашитыя въ чьи либо онучи наносятъ тому, кому онучи принадлежатъ, калѣчество, родъ ревматизма, что понятно, если взять во вниманіе химическій составъ золы, земли и соли, и также дѣятельность кожи способной всасывать постороннія вещества, и отдѣлять потъ, чтобы заключить о дѣйствительности этого чарованія, основаннаго на простомъ мщеніи и естественныхъ законахъ природы.

15. *Чары на лошадь.* Чтобы совершить надъ лошадьми чары, злые люди вытаскиваютъ изъ гробовъ гвозди и бросаютъ ихъ въ конюшни, надѣясь, что отъ этого лошади будутъ хромать или страдать ногами, по убѣжденію въ то, что будто бы мерт-

---

*) Ростовъ, Ярославской губерніи, въ прежнее время славился уродами. Промышленники нищенствомъ, или за деньги, или воровствомъ пріобрѣтали дѣтей подрѣзывали жилы, выкалывали глаза, или дѣлали другое нарушеніе здоровья тѣла и уродованіе и уродовъ возили по Россіи эксплоатируя ихъ.

вецы изъ зависти къ живымъ людямъ, пользующимся земными благами всегда расположены причинять людямъ зло при посредствѣ тѣхъ, кто желаетъ ихъ содѣйствія.

Понятно однако каждому изъ читателей, что гвоздь самъ по себѣ можетъ причинить лошадкѣ уколъ, опухоль и заставить ее хромать.

Пастухи, табунщики, часто употребляютъ такія мѣры на хозяйскихъ лошадей и другой скотъ для того, чтобы наверстать обиды полученные ими отъ владѣльцевъ скота. И тутъ вовсе нѣтъ, судя по смыслу, никакого колдовства, кромѣ зла.

16. *Старую, лѣнивую лошадь сдѣлать молодою и бодрою* (цыганскій обманъ). Продайте цыгану большую, старую, лѣнивую лошадь, разумѣется за дешевую цѣну, чтобы только сбыть лишній ротъ, и повѣрьте, что чрезъ нѣсколько времени ее не узнаете, до того ваша лошадь будетъ оживлена, поправлена. Онъ подчиститъ зубы, подчернитъ ихъ каленымъ желѣзомъ, чтобы наложить знаки молодости, и сдѣлать изъ двадцатилѣтней пятилѣтнею; застегаетъ ея ребра до того, что бѣдная лошадка пополнѣетъ въ ночь не отъ избытка мяса и жира, а отъ опухоли сплошь покрывшей все ея тѣло. Если у лошадки вашей хвостъ отвисъ и расположенъ, цыганъ его подниметъ при помощи иглы или булавки, воткнутой подъ хвостъ и этотъ товаръ такимъ злодѣйскимъ образомъ прихоленый и принаряженый ловко сбываетъ съ рукъ. Такая лошадь, запряженная въ дрожки, телѣгу, или сани, не проситъ кнута, куда! она бѣжитъ какъ угорѣлая, боясь не только его, а самаго нѣжнаго прикосновенія къ частямъ, окружающимъ хвостъ. Но лишь купите эту лошадь, и чрезъ два дня узнаете вашу ошибку. Лошадь ваша перестанетъ окончательно ѣсть, потому, что приженные зубы ея болятъ, опухоль тѣла причиняетъ тяжелый недугъ и прочее, и вамъ приходится цыганское издѣліе продать за безцѣнокъ.

17. *Чтобы плѣнникъ не ушелъ (Киргизс. ворожба).* У Киргизовъ есть колдуны: Фалча, Яурунчи, Бакша, Рамча, и Джа-Адугаръ, раздѣляющійся по роду гаданій, и способамъ. Колдуны—носящіе названія Джа-Адугаръ занимаются между прочимъ околдовываніемъ невольниковъ, и другихъ плѣнниковъ такъ, что они, будто бы, при своемъ побѣгѣ заблуждаются и

опять попадаются къ своему господину. Или. если хотя и уйдутъ, то опять попадутъ купцамъ въ неволю. Киргизскіе колдуны поступаютъ слѣдующимъ образомъ; Вырываютъ у плѣнника нѣсколько волосъ изъ головы, а у britаго изъ бороды, спрашиваютъ его имя и ставятъ посреди кибитки, на расчищенномъ и солью посыпанномъ мѣстѣ, на которомъ они обыкновенно раскладываютъ огонь; потомъ колдунъ или колдунья, чинитъ заговоръ, и въ тоже время приказываетъ плѣннику трижды отступать назадъ, на свои ступени плевать и каждый разъ выскакивать изъ кибитки. Напослѣдокъ сыплетъ плѣннику на языкъ нѣсколько золы, на которой онъ стоялъ, и тѣмъ колдовство кончается. Яицкіе (Уральскіе) казаки вѣрятъ, что если плѣнникъ объявитъ настоящее свое имя. то это колдовство дѣйствительно *).

18. *Бѣсова игра.* Такъ у башкировъ называется болѣзнь роженицы сопряженная съ судорогами въ животѣ. Башкиры приписываютъ эти шалости нечистому духу и призываютъ своихъ чародѣевъ, называемыхъ Шайтанъ-Курязя (Чертовидецъ), который извѣстнымъ ему образомъ сражается съ чертомъ и его, будто бы, прогоняетъ.

19. *Скитская клюква* **). Въ былое время раскольники брынскихъ лѣсовъ, ревностные распространители своихъ убѣжденій, если не могли словомъ убѣжденія склонить на свою сторону имъ, почему-либо, нужнаго человѣка и обратить въ свою вѣру, то употребляли такое хитрое средство: они давали этому человѣку клюкву, напоенную нѣкоторою отравѳю ***), которую если кто съѣдалъ, то получалъ желаніе идти въ брянскіе скиты. а когда съѣвшій оную видѣлъ огонь, то въ изступленіи бросался въ него, такъ какъ здѣсь представлялся ему рай и сѣдящіе въ немъ ангелы ****).

20. *Вихрь, ранить вѣдьму или колдуна.* Случается иногда, что на улицѣ поднимается вихрь и кружитъ пыль столбомъ винтообразно. болѣе и болѣе поднимаясь къ верху. Въ этомъ

---

*) Смотри *Абевега рус. суевѣрій.* 1876 г. Москва. Стр. 76.

**) Смотри Абевега рус. суевѣрій. 1876 г. Москва. Стр. 223.

***) Вѣроятно изъ числа наркотическихъ ядовъ, куда принадлежатъ: дурманъ, бѣлена, белладона, мухоморъ и др.

****) Смотри Абевега. Стр. 223.

вихрѣ все попавшееся: бумага, трава, віясь поднимаются къ верху: по народному повѣрью это пляска чертей съ вѣдьмами, и для того, чтобы прекратить это, нужно, будто бы, въ этотъ столбъ вьющейся пыли бросить ножъ съ молитвою. Если брошенный ножъ попадетъ въ центръ, средину, и воткнется въ землю, то онъ будетъ окровавленъ, что служитъ знакомъ того, что вѣдьма или колдунъ ранены. *(Записалъ М. Евстигнѣевъ).*

21. *Порча на голикъ.* По увѣренію Пермяковъ въ свадебномъ поѣздѣ встрѣтившійся на пути голикъ считается опасною вещью относительно благополучія молодыхъ, особенно если голикъ на дорогѣ поставленъ внизъ камлемъ, стоймя; тутъ ясно, что онъ поставленъ человѣкомъ досужимъ, и съ цѣлью. Замѣтивъ голикъ дружки непремѣнно останавливаются, спѣшиваются, и три раза, крестообразно хлещутъ себя нагайкой: тоже дѣлаетъ выйдя изъ экипажей, или спѣшившись, весь поѣздъ. По вѣрованію Пермяковъ, въ голикѣ заключается нечистая сила, отъ вреднаго вліянія которой на свадебныя и супружескія дѣла можно только и избавиться посредствомъ троекратнаго крестообразнаго хлестанія.

22. *Каша.* Въ старину, бабы, воспринимавшія младенцевъ, варили кашу, на собраніе роженицамъ: въ честь имъ стригли первые волосы съ дѣтей: а въ память умершихъ ставили роду и роженицамъ особую трапезу. Эта трапеза долго считалась необходимою, хотя въ тоже время, готовили кутейную трапезу, принятую церковью. Трапеза называлась трапезою роду и уроженицамъ. *(Статья Срезневска, въ Архивахъ Калачева, VI. I. 162, 163. Изъ слова Христолюбца, хранящагося въ Румянцовскомъ Музеѣ. № 181).*

23. *Плотину разрушить, колодецъ подсушить.* Это искусство принадлежитъ въ настоящее время всѣмъ домохозяевамъ и не составляетъ новости. Каждый, въ наше время, знаетъ свойство ртути или живаго серебра, которое въ старину называлось *змѣиное молоко.* Чтобы разрушать земляную плотину, колдуны бросали ртуть въ воду, которая своею тяжеловѣсностью, просачиваясь въ дѣйствительности чрезъ слабоутрамбованныя мѣста увлекала за собою воду, а послѣдняя дѣлала промоины и разрушала плотины хоть медленно, но вѣрно, если только не предупредятъ этого препятствія, заткнувъ

отверстіе промоины коровьимъ навозомъ перемѣшаннымъ съ глиною.

24. *Чары надъ змѣею и вообще—змѣя.* На мрачномъ, суровомъ, лѣсистомъ сѣверѣ народная фантазія помѣщала змѣю аспиду, крылатыхъ змѣй съ птичьимъ носомъ и съ двумя хоботами; эта змѣя, по народному мнѣнію, жила въ печерскихъ горахъ, не садилась на землю и на камень; эта пестрая змѣя куда полетитъ, можетъ всю землю опустошить; но есть заклинатели—знахари-обаянники, которые умѣютъ ее заговаривать. Аспидъ, змія крылата, носъ имѣетъ птичій и два хобота, и въ коей землѣ вселится, ту землю пусту учинитъ; живетъ въ горахъ каменныхъ, не любитъ ни трубнаго гласа. Пришедше же обаянницы, обаяти ю, и копаютъ ямы, и садятся въ ямы съ трубами, и покрываютъ дномъ желѣзнымъ и замазывается сунглинкомъ, и ставятъ у себя уголіе горящее: да разжигаютъ клещи и егда вострубятъ, тогда она засвищетъ, яко горы потрястися, и прилете къ ямѣ, ухо свое приложитъ на землю, а другое заткнетъ хоботомъ, и нашедъ диру малу начнетъ битися, человѣцы же, ухватившію клещами горящими, держатъ крѣпче; отъ ярости же ея сокрушаются клещи не едины, не двои, не трои, но тако сожжена — умираетъ; а видомъ она пестра всякими цвѣтами и на землю не садится, только на камень. *(Погод. Сборн. Публ. Библ. 344)*.

25. *Баранецъ.* Пустынные берега широкой Волги также представлялись въ народномъ воображеніи въ чудесномъ свѣтѣ. Говорили, что выше Саратова есть гора Зміева, гдѣ обитаетъ шестиглавый драконъ, налетавшій на Русь и причинявшій опустошенія; но богатырь убилъ его, а драконъ обратился въ камень *(Olear. 361)*. Русскіе увѣряли иностранцевъ, что на низовьяхъ Волги растетъ животно-растеніе — баранецъ, оно приноситъ плодъ, похожій на ягненка; стебель его идетъ чрезъ пупокъ и возвышается на три пяди; ноги мотаются, роговъ нѣтъ, передняя часть, какъ у рака, а задняя, какъ совершенное мясо. Она живетъ не сходя съ мѣста до тѣхъ поръ, пока имѣетъ вокругъ себя пищу. Показывали мѣховыя шапки и увѣряли западныхъ европейцевъ, что эти шапки изъ мѣха „баранца“.

26. *Волховники и сборники примѣтъ.* Между разными ви-

дами волшебниковъ были волхвы, *Чародѣи*, *чаровницы*, *зелейщицы*, *обаянники*, *кудесники*, *сновидцы*, *звѣздочеты*, *облакопрогонники*, *облако-хранительники*, *вѣдуны*, *вѣдуньи*, *лихія бабы* *). *Обаянниками* назывались въ старину фокусники, которыхъ призывали, или посѣщали, хотяще нѣкая увидѣти отъ нихъ неизрѣченная **). Они же заклинали змѣй и злыхъ животныхъ. *Кудесникъ* совершалъ различныя заклинанія и чародѣйственные обряды (кудесы бьютъ) и предвѣщалъ будущее. *Сновидцы* разсѣевали въ народѣ разныя предзнаменованія на основаніи видѣнныхъ ими сновъ и увѣряли, что они приняли извѣщеніе свыше. Иногда они толковали сны другимъ, приходившимъ къ нимъ. Иногда разсказывали о собственныхъ видѣніяхъ. Во время народныхъ бѣдствій они толковали народу причины несчастія, часто указывали на какія-либо лица, называя ихъ виновниками, и обрекали ихъ народному мщенію.

27. *Облако-прогонники*, какъ ихъ называлъ *Домострой*, были волшебники, которые, по народному преданію, повелѣвали дождемъ и ведромъ, и чрезъ то насылали урожай и неурожай. Вѣрованіе это очень древнее, какъ видно изъ нашихъ лѣтописей, по разсказу о избіеніи въ Ростовѣ въ VI вѣкѣ и въ Суздалѣ въ 1124 году женщинъ за то, что будто бы онѣ спрятали въ себя хлѣбное жито и съѣстные припасы. Столь же древнее было вѣрованіе въ волшебниковъ, снѣдающихъ солнце и луну. „Погибе солнце и бысть яко мѣсяцъ, его же глаголитъ невѣгласи снѣдаемое солнце". *(Ип. лѣт.)*, Въ Кормчей книгѣ эти волшебники называются волкодлаками „влъкладп луну изѣдоша или слънце". (Арх. П. Стр. 84). Вѣдунами и вѣдуньями назывались вообще всѣ лица обоего пола, вѣдавшія тайную силу управлять обстоятельствами жизни. Всѣ лица, занимавшіяся волшебствомъ, составляли въ иныхъ мѣстахъ какъ бы особые цехи, передавали однѣ другимъ свое искусство и промышляли, помогая тѣмъ, кто къ нимъ прибѣгалъ въ своихъ нуждахъ. Иногда этимъ занимались и мужчины ***), но чаще пожилыя и старыя женщины. Во всѣхъ мѣстахъ Россіи

*) *(Доп. къ Суд. Д. II. I. 252).*

**) *Домострой.*

***) *Правос. Испов. 1855 г. Кн. II. 64.*

можно было отыскать ихъ. Особенное уваженіе существовало къ тѣмъ, которыя жили на сѣверѣ въ корельской землѣ. Тамъ искалъ ихъ великій Князь Василій Іоанновичъ, когда женившись въ другой разъ на молодой Глинской, хотѣлъ имѣть дѣтей и прибѣгалъ къ чародѣямъ, чтобы они помогли ему къ плодотворенію. Въ самой Москвѣ жило множество колдуновъ, особенно въ замоскворѣчьи.

28. *Привораживатели и умилостивители.* Такъ въ первой половинѣ XVII вѣка тамъ были извѣстны жонки: Улька, Наська-Черниговка, Дунька, Ѳеклица, Машка Козмиха, какъ видно изъ дѣла, возникшаго въ 1638 году, по поводу подозрѣнія въ порчѣ царицы Евдокіи. (О ворожбѣ. Забѣлина. Ком. 491—492). Эти чаровницы предлагали свои услуги посредствомъ наговоровъ надъ какою нибудь вещью. Такимъ образомъ къ московской чародѣйкѣ Наськѣ-Черниговкѣ прибѣгали женщины, страдавшія отъ побоевъ, которыми надѣляли ихъ мужья. Колдунья должна была *отымать сердца и ревность отъ мужьевъ*; а когда жены жаловались на холодность мужчинъ (мужьевъ), приворожить ихъ и отнять *сердцо и умъ*.

Она наговаривала на *соль, мыло* и *бѣлила*, приказывала женщинѣ умываться мыломъ и бѣлилами бѣлиться, а соль давать въ питье и явство мужьямъ; брала у женщинъ воротъ рубашки и сжигала его, наговаривала на пеплѣ и приказывала также сыпать его въ питье мужу. Завораживая соль, чародѣйка говорила: „какъ тое соль люди въ ѣствѣ любятъ, такъ бы мужъ жену любилъ“. Надъ мыломъ говорилось: „сколь скоро мыло съ лица смоется, столько бы мужъ жену полюбилъ“. Когда сжигался воротъ рубашки, колдунья говорила: „какова была рубашка на тѣлѣ, таковъ бы мужъ къ женѣ былъ“. Сожженный воротъ рубашки служилъ также случаемъ для умилостивленія господъ: надобно было посыпать этого пепла на слѣдъ, когда господинъ или госпожа будутъ идти.

Одна изъ такихъ жертвъ наивно созналась, что послѣ того, какъ она исполнила надъ своимъ мужемъ все, чему научила ее колдунья, мужъ ея, вмѣсто ожидаемой перемѣны поведенья и ласки, чуть не убилъ ее; тогда она, увидя что нѣтъ помощи отъ чародѣйства, бросила съ досады, наговорныя вещи.

Узнаніе невѣрности. Ревнивые мужья, если хотѣли отъ во-

рожей узнавать о невѣрности своихъ женъ, для чего приглашали ихъ къ себѣ въ домъ: тѣ присматривались къ сердцу женщины, которую мужъ подвергалъ испытанію; если ворожея замѣчала, что у жены сердце трепещетъ, то укоряла ее въ невѣрности, и часто неповинную, но робкую, отдавала на произвольную расправу мужа.

29. *Отысканіе воровъ.* Если въ домѣ случалась пропажа, и признаковъ никакихъ не было, кромѣ одного подозрѣнія, то призывали ворожею, или вѣдуна, и эти обличители присматривались къ животу подозрѣваемаго. Какъ это производилось, неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ нужно предполагать, что отъ этой ворожбы возникла пословица: „плохо лежитъ—брюхо болитъ“.

30. *Наговоръ на товаръ.* Когда залеживался товаръ, то колдунья наговаривала на медъ, приговаривая: „какъ пчелы яροся роятся, такъ бы (къ такому то человѣку) купцы для его товару сходились. Потомъ приказывала торговому человѣку умываться этимъ медомъ.

31. *Противъ княжескаго или боярскаго гнѣва.* Если на кого царь, князь или другая важная особа гнѣвъ держитъ, нужно при себѣ носить подъ лѣвой мышкой правое око орла, завязавъ въ ширинку. Этого орла нужно поймать непремѣнно въ Ивановъ день о вечернѣ, понести на распутіе и заколоть острою тростью.

32. *Ворожба на ловлю рыбы и птицъ.* Если у вышесказаннаго убитаго орла выколоть лѣвое око и смѣшать его съ коровьею кровью, то око можетъ, по народному повѣрью, служить охотникамъ и рыбакамъ. У Буслаева *) сказано: „лѣвое око добро мѣшать съ коровьей кровью и селезеневою, да все то изсуши, да завяжи въ синій платъ чистый. И когда хочешь ловить рыбу и ты привяжи къ цѣпу и наловишь рыбы много. Таже вещь ко многимъ ловушкамъ годна, ко звѣринымъ, птичьимъ, и ко всякой ловлѣ“.

33. *Ворожба противъ невѣрности, (любовныя зелія)* **), Аще жена бѣгаетъ, и дай пити воробьево сердце (?) и нач-

*) Буслаевъ *О Народной Поэзіи.* 31.

**) *Домаш. обилоог.*

нетъ мужа любить. Аще небрегчи мужъ жены начнетъ, то помажь его (?) саломъ медвѣжьимъ, внегда не будетъ ему на другую жену похотѣнія.

34. *Узнать во снѣ о вѣрности жены.* Совино сердце положить на суконный платъ, приложить женщинѣ къ лѣвому боку и она все во снѣ на себя выскажетъ, что была безъ мужа *).

35. *Чары на благополучное разрѣшеніе младенцемъ.* Напиши на бумагѣ: „Помяни Господи сыны эдомскіе во дни Іерусалимовы глаголющіе:—истощайте до основанія его!“ — А то письмо положи къ роженицѣ за пазуху **).

36. *Средства противъ непріятностей отъ недоброжелателя, или неудачъ.* Аще уловишь лося, и урѣжи правыя ноги, копыто, и сдѣлай перстень, и носи на рукѣ, и на того человѣка не придетъ никакая злая пригода, ни золъ человѣкъ ***).

37. *Чары на успѣхъ въ судѣ.* Бывало, начинавшій судиться, или призванный (въ судъ) чрезъ пристава или недѣльника къ судебному отвѣту, спѣшилъ къ колдуну, который заговаривалъ языкъ и сердце противной сторонѣ ****). Идя на судъ, надобно взять съ березки *переперъ*, который трясется, и говорить: „Такъ какъ сей переперъ трясется, такъ бы мой супостатъ, (имя рекъ) и его языкъ трепеталсья *****)“.

38. *Чары о поединкахъ старины, кулачныхъ бояхъ тоже.* Въ Россіи, какъ и въ другихъ странахъ, существовали поединки судебные по характеру. И здѣсь чародѣи являлись на помощь; нерѣдко случалось, что спорщики были готовы помириться, да чародѣи начинали снова *бить кудесы*, (смущать) и разжигали снова вражду ******).

Въ этомъ случаѣ чародѣи совѣтовали такимъ образомъ запасаться силою для поединка судебнаго: „убей змѣю черную саблею или ножемъ, да вынь изъ нея языкъ, да вверти въ тафту зелену и въ черную, да положи въ сапогъ въ лѣвый; а обуй

*) Рук. сборн. XVII ст. *тоже.*

**) См. Приложеніе ко 2 кн. Пермскаго Сборника, 1860 г.

***) Изъ того же приложенія Пер. Сборн. 1860 г.

****) Арх. Калач. II. 2. 50.

*****) Буслаева о Нар. поэзіи, стр. 30.

******) См. Стогл. вопр. 17.

на томъ же мѣстѣ. Идя прочь, назадъ не оглядывайся, а кто спроситъ, гдѣ ты былъ, и ты съ нимъ ничего не говори. А когда надобно, и ты въ тотъ сапогъ положи три зубчика чесноковые, да подъ правую пазуху привяжи себѣ утиральникъ и бери съ собою, когда пойдешь на судъ, или на поле битвы". Когда холопъ обкрадывалъ господъ, или бѣжалъ, призывали ворожею и она производила заклятіе всѣмъ бѣжавшимъ.

Трудно, очень трудно передавать все то, что случалось; лѣтописи немного сказывали; но и изъ того, что сказывали можно бы много извлечь изъ тѣхъ враждебныхъ заклинаній и проклятій, которыя произносили безграмотныя женщины, преимущественно старухи. Русская старина говоритъ, между прочимъ, что колдовство и чародѣйство производилось не надъ одними только зельями (вредными травами), а также кореньями, водою, костьми, огнемъ, громовыми стрѣлами, надъ мертвыми, надъ медвѣжьимъ ноготкомъ, надъ снятою рубашкою мертвеца, надъ мертвою рукою, надъ выбраннымъ изъ подъ человѣческой ноги слѣдомъ (*Чары на слѣдъ*).

39. *Чары на слѣдъ.* Эти чары совершаются такимъ образомъ, по народному преданію: Когда человѣкъ идетъ, то измѣряютъ его слѣдъ лучиною, веревочкою или тесьмою, вообще чѣмъ нибудь и жгли на огнѣ до тла, или замуравливали въ печи, можетъ быть съ наговоромъ, и говорятъ, будто бы отъ того *пропадаютъ ноги*, то-есть теряютъ ноги, слабнутъ, страдаютъ ногами. Оно тоже сопровождалось наговорами.

40. *Чары надъ мертвой рукой.* По сіе время существуетъ обыкновеніе въ простомъ народѣ и между мошенниковъ, что для благопріятнаго успѣха въ кражѣ нужно имѣть мертвую руку, которая, по ихъ увѣренію, благопріятствуетъ воровству, если ее удержать при себѣ во время производства кражи. Намъ неизвѣстно только одно, есть ли по этому случаю какіе нибудь приличные наговоры.

41. *Чарованіе надъ мертвымъ тѣломъ* *). Въ старину было большое вѣрованіе въ силу вліянія мертвыхъ тѣлъ на людей, то въ цѣлебномъ, то въ зловредномъ отношеніи. Мы даже ранѣе писали, упоминая нѣсколько объ этомъ; скажемъ, одинъ

*) На татьбу мертваго, зубы волшовеніе. Прав. Собес. 1855 г. Кн. III. 64.

случай *). Въ одномъ семействѣ умеръ младенецъ; одинъ изъ родителей страдалъ слезотеченіемъ изъ праваго глаза. По существующему вѣрованію, болящій потеръ пальцемъ мертваго младенца глазъ, и скоро слезотеченіе пропало, а вмѣстѣ съ тѣмъ заросла слезная желѣза. Глазъ все-таки повредился, какъ неовлаживаемый слезою, но все-таки чары сдѣлали свое дѣло и по своему.

42. *Приворотный корень Ибрагимъ*, то-есть *обращающій*, имѣлъ, по мнѣнію старины, свойство имѣющихъ его привлекать къ тому человѣку всякаго и любить. Колдунья давала этотъ корень женщинѣ, и та, положивъ его за зеркало и смотрясь въ него, приговаривала:—„Какъ смотрюсь въ зеркало, да не насмотрюсь, такъ бы (такой то) на меня не насмотрѣлся". Въ одномъ изъ травниковъ XVII вѣка, подобное приворотное свойство приписывается нѣсколькимъ травамъ, напр. травѣ *кукоосъ* въ ней корень на двое, одинъ муженекъ, а другой женочка; муженекъ бѣленекъ, а женочка смугла. Когда мужъ жены не любитъ, дай ему женскій испить въ винѣ, и съ той поры станетъ любить. Тоже приписывалось травѣ *Оданъ*: кто тебя не любитъ, то дай пить, не можетъ отъ тебя до смерти отстать. А когда пастухъ хочетъ стадо пасти, и чтобъ у него скотъ не расходился, держать при себѣ, то не будетъ расходиться; похочешь звѣрей пріучить — дай того корня ѣсть, то скоро пріучишь **). Въ числѣ вѣрованій о приворотныхъ средствахъ принадлежитъ очень странное о травѣ Симтаринѣ, которую называли въ травахъ, Царь-трава, о шести листахъ: первый—синь, второй—червень, а четвертый —багровъ, а брать вечеромъ объ Ивановъ день, сквозь золотую гривну или серебренную, а подъ корнемъ той травы, человѣкъ, и та трава выросла у него изъ реберъ. Возьми человѣка того, разрѣжь ему перси, вынь сердце: если кому дать сердца того, тотъ изгаснетъ по тебѣ. Если мужъ жены не любитъ, возьми голову его и поставь предъ мужа,—только что увидитъ, будетъ любить пуще прежняго. Десная рука его—добро: если которая жена мужу

---

*) Разсказъ автора.

**) *Арх.* 1859 г. I. 78.

невѣрна, или мужъ женѣ, стерши (?) мизиннымъ перстомъ, дай пить *).

До насъ не дошло, существовали ли такія травы въ дѣйствительности?, имѣли ли такія свойства? и какія онѣ носятъ сейчасъ названія? намъ неизвѣстно также.

43. *Насылка на вѣтеръ.* Насылка на вѣтеръ, и выборъ слѣда были чародѣйства злыя; они производились съ цѣлью сдѣлать зло человѣку, и потому ихъ боялись въ особенности. Такъ въ подкрестныхъ заговорахъ на вѣрность царю, вѣрноподданный присягалъ, между прочимъ: „*вѣдовствамъ по вѣтру, никакого лиху не насылати, на слѣду не вынимати*". Насылка на вѣтеръ состояла въ томъ, что лихой колдунъ, знавшій искусство возбуждать вѣтры и направлять ихъ куда угодно своими заговорами (см. заговоръ), производилъ вѣтеръ, потомъ направлялъ его по назначенію и бросалъ по вѣтру пыль, съ извѣстнымъ ему приговоромъ, въ которомъ колдунъ выражалъ требованіе, чтобы тому, на кого насылался вѣтеръ причинялись корчи, мяло, ломало, сушило и проч.

44. *Чары надъ просфорою.* Наговаривали надъ просфорою для успѣха въ чемъ либо и также въ воровствѣ. Для этого просфору приносили къ ворожеѣ, которая произносила надъ ней промовленія и этой просфорѣ сообщалась сила къ содѣйствію въ успѣхѣ.

45. *Наузы или узлы.* Одно изъ самыхъ обычныхъ способовъ волхованія. Надъ узлами наговаривали и отдавали желающему: имъ придавали силу предохранять отъ разныхъ несчастій. Матери брали отъ волшебниковъ чародѣйственные узлы, и навязывали ихъ на дѣтей. Баба начнетъ на дѣти на узы класти, смѣривати, плюющє на землю, рекше бѣса проклинать. Этотъ древній обычай высказанъ въ нашей старой лѣтописи, въ повѣствованіи о Всеславѣ, котораго мать даже родила при участіи волшебства (отъ волхованія); ему волхвы навязали наузъ на голову; онъ носилъ его всю жизнь, и вліянію этого чародѣйственнаго узла, приписывались его воинственнаго и жестокость, „того ради немилостивъ на кровопролитіе". Многіе приходили къ ворожеямъ и брали отъ нихъ

*) *Буслаева. О Нар. Поэз.* 31.

наузы, для предохраненія отъ всякаго рода опасностей *(нѣкакая бѣсовская обаянія наузы)*.

Въ старину узлы навязывали на оружіе, и думали сообщать ему твердость и уничтожать силу противнаго оружія, какъ это видно изъ стариннаго заговора: „Завяжу я по пяти узловъ „всякому стрѣльцу немирному, невѣрному, на пищаляхъ, „на лукахъ, и всякомъ ратномъ оружіи. Вы, узлы, заградите „стрѣльцамъ всѣ пути и дороги, замкните всѣ пищали, спутайте всѣ луки, повяжите всѣ ратныя оружія; въ моихъ вся „сила могуча!“ На этомъ основаніи вѣрили, что нѣкоторые изъ ратныхъ людей умѣли такъ навязывать чужое оружіе, что ихъ самихъ не брали ни пули, ни сабли.

Такое мнѣніе существовало и сохранилось въ преданіи о Стенькѣ Разинѣ. Наузы давались отъ вліянія злыхъ чародѣевъ и отъ зломыслія враговъ вообще, какъ видно изъ заклятій: „Завяжи Господи, колдуну и колдуньѣ, вѣдуну и вѣдуньѣ, и „упирцу, на раба Божія (такого-то) зла не мыслити, отъ „черница и черницы, отъ красной дѣвицы, отъ бѣловолосаго, „отъ черноволосаго, отъ русоволосаго, отъ рыжеватаго, отъ „русобородаго, отъ одноглазаго, разноглазаго и упорца“ *). Конечно, отъ этого стариннаго вѣрованія во всемогущество наузовъ осталось выраженіе: *завязать*, въ мысль не допустить, преградить.

Это особенно видно въ малороссійскомъ языкѣ, въ выраженіяхъ въ родѣ слѣдующихъ: *„Завязанный світъ! Мині, якъ завязано“* (т. е. *не удается*). Видно, что наузы давались не столько для того, чтобы сообщить какую нибудь силу тому, кому давались, сколько для того, чтобы предохранить отъ враждебнаго дѣйствія и уничтожить его силу. Чаще всего наузы давались противъ болѣзней, не какъ лекарство, а какъ предохранительное средство.

Народное воображеніе, всегда старалось отыскивать фантастическія причины болѣзней. Вообще болѣзни происходили отъ вліянія злыхъ духовъ, или даже сами были злыми духами, или отъ злаго умысла и силы слова, которое можетъ управлять природою человѣка какъ на добро, такъ и на зло. Лихорадка

*) Арх. Калач. Кн. II. Полов. 2.53.

обыкновенная называлась бѣсомъ—трясцею. („Недуги лѣчатъ чарами и наузами, нѣкотораго бѣса глаголемаго трящу прогоняюще“ *).

Этому бѣсу трясцѣ, подвластны выходящія изъ огненнаго столба двѣнадцать (по другимъ семь) простоволосыхъ дѣвицъ тщерей Иродовыхъ *(По Арх. Калач. 2. 51)*: Невѣя, Синя, Легкая, Трясуница. Желтуница, Мученица, Огненная, Акиледъ, Временная, Безыменная, Осенняя, Листопадная. Имена семи не русскія: Лилія, Херхурія, Загрѣя, Невѣя, Тухія, Нешія, Злыднѣя, еще старшая Трясовица; а низшія всѣ повинны насъ слушати (вѣроятно каждая изъ нихъ). Ихъ прогоняли заговорами, завязывали наузами, и отписывали письменами. Въ этихъ письменахъ писались еллинскія имена лихорадокъ; записочки давали носить больнымъ. Другія писали имена лихорадокъ на яблокѣ, и яблоко клали въ церкви во время литургіи. Множество разныхъ болѣзней приписывалось урокамъ, призорамъ и сглазамъ. Подъ уроками разумѣлись злодѣйственныя рѣчи; подъ послѣдними недобрые взоры **). Лѣченіе состояло въ томъ, чтобы отогнать и уничтожить дѣйствіе враждебной губительной силы. Ворожеи употребляли наузы, примовленія. разныя манипуляціи и зелья ***). Наузы, какъ выше сказано, были болѣе предохранительное средство; они не допускали враждебную силу дѣйствовать, какъ придетъ случай, („хотя мало поболитъ или жена, или дѣтя, то оставше Бога, врача душамъ и тѣламъ, ищемъ проклятыхъ бабъ, чародѣйницъ наузовъ... Глаголющи нань наузы навязывати“. Примолвки и заговоры употреблялись, какъ для предотвращенія болѣзней, такъ и еще болѣе, какъ прямое средство противъ недуга, уже поразившее болящаго. Иногда заговоры говорились безъ особенныхъ обрядовъ и безъ посредства вещей, но чаще ворожеи наговаривали на какіе либо предметы, особенно съѣдомые и испиваемые, и сообщали имъ силою своею желанія цѣлительное свойство. Вода играла въ этихъ случаяхъ главнѣйшую роль. особенно въ тѣхъ случаяхъ болѣзней, когда признава-

*) Арх. II. Полов. 2.
**) Арх. Калач. 2. 51.
***) А. Э. I. 462.

лось, что онѣ постигли болящаго отъ призора и сглаза; тогда надобно было смыть или обрызнуть прочь призоръ, то есть вліяніе дурнаго взора. Бросивъ въ ковшъ съ водою три угля, ворожея въ своемъ примолвленіи, наговаривала воду обмыть съ хвораго хитки и притки, уроки и призоры, скорби и болѣзни, щипоты и ломоты, злу худобу, и понести за сосновый лѣсъ, за осиновый тынъ. Кромѣ цѣлящаго свойства, водѣ, употребляемой съ знаменательными обрядами, приписывали также и предохранительное; волхвы и бабы-вѣдуньи совѣтовали купаться въ рѣкахъ и озерахъ, во время грозы и въ новолуніе, умываться съ серебра, а потомъ встрѣчать молодой мѣсяцъ, и этими средствами хотѣли предохранить отъ недуговъ на будущее время *).

46. *Чары на порчу человѣка, на икоту.* Подъ именемъ порчи разумѣются нервныя болѣзни, которыя внезапностью и исключительнымъ ужасомъ припадковъ потрясаютъ воображеніе настроенное къ таинственнымъ толкованіямъ. Не только вѣрили, но даже избѣгали сомнѣнія въ томъ, что причины такого явленія надобно искать исключительно во вліяніи злыхъ духовъ, а не въ обыкновенной природѣ. Очень часто, въ разныхъ мѣстностяхъ появлялись бѣснующія и кликуши: въ особенности онѣ толпились тамъ, гдѣ была какая нибудь чудотворная икона или мощи святаго,—вообще мѣста, прославленныя религіозною святостью. ***Кликушами*** онѣ назывались оттого, что выкликали или кликали на кого нибудь, то-есть указывали, что такой-то ихъ испортилъ. Припадки ихъ усиливались также еще во время литургіи: тутъ, по выраженію вѣка. *они мѣтаются всякими козноднйствами.* Преимущественно этими болѣзнями страдали женщины. О такихъ бѣснующихся ходили изустные и письменные разсказы самые мрачные и вмѣстѣ самыя затѣйливые. Въ одномъ изъ сборниковъ XVII вѣка есть замѣчательная повѣсть въ этомъ родѣ объ одной священнической дочери, въ первую ночь своего брака подвергнувшейся власти бѣсовъ, потому, что мужъ ея неосторожно вышелъ, оставивъ дверь отворенною и неосѣненною крестнымъ знаменемъ. Бѣсы таскали ее на болото, терзали ее и мучили. Она дѣлалась бере-

*) А. И. IV. 225.

менною и рождала чудовищъ на подобіе змѣй, которыя сосали ее до крови. Послѣ несказанныхъ мученій, эта страдалица исцѣлилась спасительнымъ вліяніемъ чудотворной иконы Пресвятой Богородицы. Независимо отъ несчастныхъ, которые дѣйствительно страдали нервными болѣзнями, несравненно болѣе было такихъ, которые или усвоили себѣ эти припадки отъ впечатлительности воображенія, или же притворялись. Выкидывая разные фарсы, показывали видъ, будто бы они могутъ пророчествовать. Стоглавый соборъ просилъ царя, чтобы онъ повелѣлъ жителямъ, гонять отъ себя лукавыхъ пророковъ и пророчицъ, которые являлись тогда во множествѣ. То были преимущественно старыя дѣвки: онѣ бѣгали босыя, съ распущенными волосами, тряслись, падали, коверкались, бились, и такимъ образомъ предсказывали будущее и возвѣщали, какъ сивиллы, народу разныя заповѣди въ родѣ слѣдующихъ: „бабы не прядите и печей не топите по средамъ и по пятницамъ: Святые апостолы и святая Пятница намъ явились и невелѣли“. Другія же порицали людей на разные пороки. Появленіе кликушъ въ городахъ было истиннымъ наказаніемъ для всего общества; ихъ указанія часто принимались и преслѣдовались судомъ. По одному клику бѣснующейся женщины брали обвиняемаго ею человѣка и подвергали пыткамъ; иногда притворныя кликуши служили орудіемъ корыстолюбивымъ воеводамъ и дьякамъ; послѣдніе нарочно подучали ихъ обвинять богатыхъ хозяевъ, чтобы потомъ придираться и обирать ихъ. А если кто нибудь, обезумленный страданіемъ пытки, наскажетъ на себя, что онъ дѣйствительные колдунъ, то его сжигали въ срубѣ (по образцу инквизиторскаго суда). Между тѣмъ, правительство, получивъ извѣстіе о распространеніи порчи и появленіи кликушъ въ какомъ нибудь краѣ посылало туда нарочныхъ сыщиковъ отыскивать и выводить вѣдуновъ и вѣдуній: всеобщее зло удвоивалось. Часто обыкновенная болѣзнь человѣка служила началомъ дѣла о колдовствѣ (А. г. Шуи. 95. Описаніе Шуи. 337—340). Больное воображеніе искало причинъ болѣзни и тотчасъ нападало на ту мысль, что болѣзнь происходитъ отъ супостатъ. (С. Г. Гр. III. 265). Томитъ сухота сердечная, ѣсть, пить не хочется, свѣтъ бѣлый не милъ, вѣрно напустили, можетъ быть изъ-подъ вѣтру, или со слѣда, а можетъ быть зелія чревоотрав-

наго дали. что чаровница собирала на ночь Купала. Домашніе придумывали отъ кого бы могла случиться бѣда. Они имѣли право указывать на вѣдуна и просить сыску; а нужно, чтобы только заподозрили въ вѣдовствѣ—до пытки недалеко, особенно, если у истцевъ есть средства расположить въ свою пользу правосудіе. Въ 1606 г. въ Перми производилось слѣдствіе о томъ, что нѣкоторые вѣдуны напускали на людей икоту. Обвиняемыхъ жгли, давали на пыткахъ по три встряски, потомъ сажали въ тюрьму. Если послѣ всѣхъ операцій, подсудимый не признавался, то наряжали обыскъ; священники, посадскіе, старосты, цѣловальники съ выборными обывателями подавали для окончательнаго обвиненія или оправданія. И обвинители и обвиняемые равно не безполезны были для воеводъ и дьяковъ. Самый ничтожный фактъ, если его не могли объяснить, былъ достаточенъ, чтобы обвинить человѣка въ колдовствѣ. Такимъ образомъ, во время пожара въ Москвѣ, при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, хотѣли сжечь, какъ колдуна, одного нѣмца живописца за то, что нашли у него черепъ и никакъ не могли объяснить себѣ, для чего онъ его держитъ *).

Порча сообщалась черезъ разные предметы: выше было упомянуто о томъ, какъ наносили порчу здоровью человѣка посредствомъ вѣтра и выемки слѣда. Равнымъ образомъ колдуны пересылали свое зложелательство чрезъ *подметъ* (подкидку) разныхъ вещей, къ которымъ случайно могъ прикоснуться тотъ, на кого обращалось злое намѣреніе. Вотъ, напримѣръ, въ Шуѣ, въ 1672 г. производилось уголовное дѣло о колдовскомъ подметѣ: одинъ посадскій подалъ челобитную, что въ углу на краю своего огорода онъ нашелъ куски печенаго хлѣба, калачи и нѣсколько меда **). Волшебство переходило чрезъ все, что принадлежитъ къ конской упряжи и вообще къ ѣздѣ. Отъ этого къ царскимъ лошадямъ не допускали никого, чтобы лихой человѣкъ не положилъ зелья и коренья лихаго въ ихъ государевы сѣдла, и въ узды, и въ войлокъ, и въ рукавки, и въ наузы, и въ кутазы, и въ возки, и въ сани, и въ полость санную, и въ коверъ, и въ попонку. Въ 1598 году,

---

*) 134. Олеарій.

**) Опис. Шуи. 341.

русскіе присягали Борису своему государю „въ ѣствѣ и въ питьѣ, и въ платьѣ, или въ иномъ въ чемъ лиха-напасти не учиняти; людей своихъ съ вѣдовствомъ да и со всякимъ лихимъ кореньемъ не посылати, и вѣдуновъ и вѣдуній не добывати, ни слѣду всякимъ вѣдовскимъ мечтаніемъ не испортити, ни вѣдовствомъ, по вѣтру никакого лиха не насылати, и пр.“ *).

Во время войны боялись, чтобы чужіе государи не подослали волшебницъ испортить государеву семью **), успѣхи самозванца, всеобщее мнѣніе приписывали ничему иному какъ знанію волшебства (доп. 1. 225.) Опасеніе, чтобы лихіе люди не нанесли порчи царю и царскому семейству, не имѣло границъ. Чуть только случилось прихворнуть государынѣ, или кому нибудь изъ царскихъ дѣтей, сейчасъ подозрѣвали, что ихъ испортили. Это происходило скорѣе всего отъ того, что медицина или наука врачевства еще пока не существовала въ полномъ ея развитіи и допускала старыя миѳологическія понятія простолюдиновъ въ связи съ христіанскими догматами и перепутанныя отъ недостатка и правильности разумѣнія. Новорожденныхъ младенцевъ и до сего времени по этому случаю оберегаютъ отъ постороннихъ взоровъ до шестинедѣльнаго возраста ***).

Серебрянный цвѣтъ, *Интеринова мятная трава*, *дягилъ*. Къ сильнымъ убѣжденіямъ въ преданія своихъ предковъ вѣроятно и самъ царь Алексѣй Михайловичъ не чуждъ былъ нѣкоторыхъ убѣжденій суевѣрнаго свойства. Такъ мы видимъ изъ очерка домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа, Н. И. Костомарова, что Алексѣй Михайловичъ, отецъ Петра Великаго, преслѣдовавшій вѣдовство, какъ богопротивное дѣло, въ 1650 году приказывалъ стольнику Матошкину высылать въ купальскую ночь искать серебряннаго цвѣта, интериновой травы, мятной и дягилу, а предъ концемъ своей жизни, въ 1675 году, приказывалъ воеводамъ въ Сибири собирать знахарей, узнавать отъ нихъ травы, свойства ихъ, и присылать самыя травы въ Москву. Вообще видно изъ исторіи, что ме-

*) А. А. Э. II. 58.
**) О ворожбѣ. Забѣл. 485.
***) Коших. 14.

дицина въ Россіи, если и была, то въ рукахъ иностранцевъ которыхъ считали еретиками и басурманами, а между тѣмъ простой народъ довольствовался только одними симпатіями, примѣтами и ворожбою и своими преданіями.

Но благочестивые люди не только гнушались обращаться къ чародѣямъ, но вообще считали грѣхомъ искать въ чемъ бы то ни было помощи отъ несчастья, кромѣ молитвы; а самыя болѣзни или несчастіе считали гнѣвомъ Божіимъ, и прибѣгали къ молитвѣ.

48. *Чарованія противъ бѣса въ домѣ.* Иногда бѣсы поселялись въ домѣ, во дворѣ, производили стукъ, пугали привидѣніями и вообще дѣлали разныя шалости. Вѣрившіе знахарству употребляли противъ этого различныя симпатическія средства, напр. сожечь совиные когти, и тѣмъ дымомъ храмину свою кадить и дворъ курить—и исчезнетъ бѣсъ; а потомъ ослинымъ саломъ назнаменуй двери и всякое зло, которое найдешь на дворѣ, исчезнетъ. Для того же хорошо держать корольковое каменіе, отъ него нечистый духъ бѣгаетъ, потому, что тотъ камень крестообразно растетъ. Набожные люди прогоняли изъ домовъ бѣсовъ внесеніемъ чудотворныхъ иконъ, какъ о томъ гласитъ надпись на оградѣ церкви Гребенской Божіей Матери, въ Москвѣ. Въ старину ходило такое вѣрованіе: ангелъ хранитель (человѣка) всегда стоитъ на стражѣ ввѣренной ему души противъ дѣйствія нечистаго духа, и потому къ нему нужно постоянно обращаться. Каждый день въ первый часъ дня ангелъ хранитель является на поклоненіе Богу и объявляетъ всѣ дѣла и мысли человѣческія. Поэтому надобно было всегда прилежно молиться и благодарить Бога въ конецъ дня и въ конецъ ночи, именно, когда ангелы являются на поклоненіе Богу *).

НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА.

Отъ простуды. Кто спотѣвъ изопьетъ, и отъ того болѣзнь придетъ, — овечьяго молока ложку, да желчи медвѣжей

*) Рукоп. Рум. Муз. № 358.

съ гороховое зерно, да, стерши испить на тще сердце укваcивъ дважды *).

Отъ кашля. Аще кто кашляетъ, давай ему пить воду яичную съ сахаромъ, и поможетъ **).

Отъ хрипоты. Аще человѣкъ охрипнетъ, горло ему затечетъ, то шелковую траву водяную, изгневши лити на него. Аще не будетъ шелковыя травы вода, тогда пшеничныя отруби съ укропомъ изгневши, пити, и хрипота исчезнетъ и минетъ ***).

Отъ водяной. Съ разваренняго или завареннаго сверчка воды выпить. Смотри въ концѣ книги.

Отъ лихорадки. Аще кого трясца держитъ, и ты возьми чесноку, да хрѣну, да истолки обое вмѣстѣ, да вяжи себѣ на шею, а какъ станетъ подрогивать, ино по суставамъ чесноковымъ хрѣномъ мазать и кто станетъ говорить: чеснокомъ де отъ тебя пахнетъ,—и не отпиратися. И тотъ чеснокъ и хрѣнъ дѣлаетца, чтобы люди не знали ****).

Тоже отъ Трясовицы. Комониное коренье варити въ пивѣ и пити на тще сердце и она покинетъ *****).

Отъ зубной боли. Змію живую добыть, вынуть изъ нее желчь изъ живыя; а (буде) змія живая безъ желчи съ того мѣста сползла, и тою желчью мазати, и въ тотъ часъ жерви (т.-е. черви) пропадутъ; а буде змія съ того мѣста безъ желчи не ползетъ и въ той желчи нѣтъ пособія.

Отъ глухоты. 1) Аще человѣкъ оглохнетъ, возьми воронову желчь и пусти въ уши. 2) Сала свинаго, да сала курячья, да соку луковаго укапливай въ ухо и услышитъ. 3) Возьми молока сучья и укапливай трижды въ ухо.

Отъ потери голоса. Ясти чеснокъ печеной на тще сердце, и будетъ голосъ.

Отъ шелудей. Аще человѣкъ шелудивъ, ящерицу сожги на пепелъ и мажь тѣло.

Отъ нарывовъ. Аще варимъ и толчемъ, и прикладываемъ

---

*) Прилож. ко второй кн. Пермс. Сборн.

**) Тамъ же.

***) Тамъ же.

****) См. *Пермскій Сборникъ.* Прил. ко 2 книжкѣ. XXXII, изъ рукописной. рукоп. XVII столѣтія.

*****) Тамъ же.

(чеснокъ) къ чирьямъ на тѣлѣ или къ инымъ болячкамъ, кои бываютъ безъ верху, тогда гной выводитъ.

Отъ ранъ. 1) Раненому кому — желчь медвѣжья съ яичное зерно, да приложити къ ранѣ, привить платомъ — ино выдетъ кровь. 2) Возьми дрожжей, да вина горѣлаго, да ладону, да набити яицъ куречьихъ и мазать раны.

Излѣчить отмороженный членъ. Гусинымъ саломъ да утечьимъ и растворомъ ржанымъ мазать ознобъ, (то-есть отмороженный членъ) и живетъ оттого, да мозгу коневаго, да истолчи все то вмѣстѣ и приложи къ озяблой ранѣ.

Тоже отъ ранъ. Коли не можешь излѣчить, возьми молодые листы (?) сожги въ пепелъ, да доспѣй щелокъ, да мой болячку, да присыпай,—ино заживетъ.

Отъ ушиба. 1) Аще у человѣка изломъ, еловый пепелъ смѣси съ желткомъ яичнымъ, прикладывай къ излому; у кого нога гніетъ, собачье ребро сожги, истолки, и приложи вверхъ раны листъ попутниковый или капустный. 2) Прививать можжеveловымъ пепломъ съ яичнымъ бѣлкомъ смѣси (смѣся?) вельми добро. 3) Противъ кровной струи, помазывай дрожжами медовыми, осоли и поможетъ. 5) Масло деревянное, да соль жженая—присыпать къ болячкамъ.

Отъ болѣзней глазъ. 1) Егда бѣльмо на оцѣ, терніе изъ лѣсу нажещи, пепеломъ посыпай, то и лекарство. 2)... Ресница стряхнется и прыски изъ него (?) пойдутъ въ очи человѣку, и съ того ресницы ростутъ въ очахъ и волосы кривляются, тому помогати: держать клей вишневый и размачивати въ водѣ, обмывая водой и вытирати, и въ очи пущати тотчасъ. Стекло зеленое истолки мелко, да козью желчь обое смѣшай вмѣсто (вмѣстѣ) и мажь тѣмъ—откуду волосы растутъ. 3) Бѣлаго голубя кровь суши по холоду, а не на солнцѣ и не на вѣтрѣ: истерши та кровь пущати въ очи рано. 4) Мазати мозгомъ заячьимъ изъ головы сырымъ. 5) Листъ смородиный, да варити въ трехъ водахъ и тѣмъ мажь очи. *(Къ приведеннымъ 2, 3, 4 и 5 статьямъ въ рукописи относится отмѣтка на полѣ: у кого въ очахъ волосы растутъ).* 6) Добыти сова, да совиною желчью мазать, и сгонитъ. *(Это лѣкарство отъ бѣльма).* Яицо куричье провертѣти, да бѣлокъ выцѣдить, желтокъ оставить въ скорлупѣ, да утерти соли самосадки, и положити въ

яицо, да обмажь его глиною, и сожги на попелъ, да просѣй ситомъ, и посыпли на бѣльмо. 7) Лебяжью желчь мазать, масло яичное жежчи-же, да тотъ пепелъ мѣшати съ преснымъ медомъ и съ масломъ деревяннымъ мазати. 8) Аще у человѣка глаза кровавы, изсуши семя (?) смѣси съ тремя бѣлками яичными, да заткни хлопьемъ, да прикладывай къ очамъ. 9) Аще у человѣка прѣетъ, изотри сабуръ траву, да ртути, да масло древеное со сцемъ, помажъ вѣки, а въ очи не пущай. 10) Козьи го... девять пер.... истолки, смѣшай съ медомъ, съ преснымъ, впущай въ очи, и будет(ш)ъ здравъ. 11) Изсуши желчь коровью, изотри и сыпли въ очи. 12) Сахаръ леденчатой да женское молоко, у которое съ чужимъ не бывало, или черные коровы, пущай въ очи.

Отъ обморока. Аще у кого душа займетца напрасно, языкъ отъиметца—зажещи двѣ свѣщи вощаны, да погасити одна и подкурити подъ носъ, пременяя.

Отъ грыжи. 1) Конскій мозгъ добро отъ грыжи мазати. 2) Аще у кого грыжа, и ты помажь собачьею кровью, и поможетъ ему.

Отъ зуда. Возьми кропивки, да соли, да яичной желтокъ, да смѣшай вмѣсто, да мажь по три дни кудѣ свербить.

Отъ недержанія мочи. Который человѣкъ часто сц..., пити кровь заячья, да мясо ясти заячье.

Отъ чахотки. Аще человѣкъ чахнетъ, ходячи, неоживетъ, ни умретъ, въ ... день зарѣзати корова, да лѣсти на лохтяхъ въ брюхо до горла и минетъ болѣзнь *).

Поясъ, какъ средство отъ порчи. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Заговорю твое тѣло бѣлое и закрѣплю крѣпче стали и булату, крѣпче мѣди и укладу, крѣпче желѣза нѣмецкаго, крѣпче тугаго лука и каленой стрѣлы, и подпояшу своимъ заговорнымъ поясомъ; и запру и замкну въ тридевять замковъ и тридевять ключей, и пущу ключи въ Окіанъ-море, а взяла ихъ щука; какъ щуку въ морѣ не поймать, такъ и тебя, раба Божія Н., не отмыкать, а кто ключи достанетъ, тотъ и отмыкнетъ. Аминь.

Отъ всѣхъ колдуновъ и отъ всѣхъ заговоровъ и всякой порчи

---

*) Рук. XVII. Стол. См. Пермс. сбор. 1860 г.

носятъ на голомъ тѣлѣ изъ тонкой сѣтки (вязаной шарфъ). И при этомъ талисманѣ не можетъ дѣйствовать никакое колдовство и никакая порча. *(Простон. Медицин. рук. ст. Ив. Костылева)*. Можно видѣть изъ этого, что здѣсь дѣйствуютъ тоже узлы, какъ о томъ было сказано выше.

Составъ о голосу Ѳиламента, философа Афинейскаго. Взять отъ трехъ колодцевъ или отъ трехъ разныхъ источниковъ воды и на то устроить мѣсто и сосудъ, и окрестъ его поставить четыре свѣщи возженыхъ, и поверхъ сосуда положить два ножа накрестъ, и тогла лити воду въ сосудъ, да въ туже воду положить мѣди тертыя зазвоннаго колокола, и глаголати молитвы сія трижды:

„Глазъ грома твоего освѣтища, молнія твоя вселенную подвиже, и трепетна бысть земля, въ мори путія твои и стези твои, въ водахъ многихъ и стопы твоя подвижутся, наставилъ есть овцы, и люди твоя рукою Моисеевою и Ааронею“.

И та вода пити чрезъ лебяжье горло да тою жъ водою и окатиться. По сотвореніи сего глаголати подобаетъ:

И яко потрясеніемъ поколебатися всѣмъ удомъ человѣческимъ.

Изъ стариннаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Пингишей, Холмогорс. уѣз., отъ свящ. Колчина.

Утинъ прискать. Утинъ, или спинную боль лечатъ преимущественно старухи, слѣдующимъ образомъ: Больной лежитъ ницъ черезъ порогъ, и когда онъ такъ ляжетъ, лекарка—старуха кладетъ на спину его вѣникъ (листоватикъ) и ударяетъ по немъ остріемъ топора. Послѣ каждаго удара топоромъ, больной спрашиваетъ:—что сѣчешь?—Утинъ сѣку! отвѣчаетъ лекарка.—Сѣки крѣпче, говоритъ больной. Это повторяется до трехъ разъ. Вѣникъ, лежащій на спинѣ больнаго утиномъ, выносится имъ на улицу и бросается на отмашку *).

При родахъ. (Арх. губ.). Къ женщинѣ, начинающей мучиться родами, призываютъ повивальную бабку. Деревенская повивальная бабка, какъ только заходитъ въ двери къ больной, говоритъ:

„Отпирайте, отпирайте! отперли, отперли. Запрягайте, запрягайте! поѣзжайте, поѣзжайте! поѣхали, поѣхали! ѣдутъ, ѣдутъ!“

Это говорится для того, чтобы больная скорѣе разрѣшилась

*) Доставилъ свящ. Макаровъ изъ Шенкур. уѣзда въ труды Этногр. От. 1878 г.

отъ бремени. Послѣ этого, бабка осматриваетъ больную и начинаетъ помогать ей своими средствами.

Бабка беретъ квашню, замѣшиваетъ въ ней ржаное тѣсто и приговариваетъ: „Я тебя квашночка творю съ вечера до утра; тако бы рабицѣ Божіей (имя рекъ) мучиться одинъ часокъ минутный“. И даетъ больной принимать это тѣсто съ ложки. Если приведенныя слова не помогаютъ, то бабка наливаетъ въ какой либо сосудъ воды и шепчетъ про себя въ воду три слова:

Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа: Изъ города Іерусалима идетъ Іисусъ Христосъ, Мати родила Сына, Іисуса Христа, не болѣвши, не стонавши, и люди не слыхавши; такъ бы рабицѣ Божіей (имя рекъ) родить младенца не стонавши, не болѣвши и люди не слыхавши. И даетъ эту воду пить больной. Не помогаютъ и эти слова, также въ воду говорятъ другія:

„Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Стану я, рабица Божія (имя рекъ), благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверями, изъ двора воротами, въ чисто поле за дверями, въ восточную сторону. Въ восточной сторонѣ Океанъ-море, на Океани-мори лежитъ бѣлъ камень, на бѣлому камню лежитъ гробъ Господень, у того гроба Господнего стоитъ Богородица съ четырьмя евангелистами: Іоаннъ и Лука, Матвѣй и Маркъ и вся силы небесныя, и отстрѣляйте отъ р. Б. Н уроки и прикосы, и откуда пришли и туда подите и отъ царя и отъ царицы, и отъ попа и отъ попадьи, и отъ мужика до женки, и отъ парня, и отъ дѣвки простоволоски, о черноволоски и русоволоски, и красноволоски, и отъ двоеглазаго, и отъ одноглазаго, и отъ слѣпаго, и отъ своей лихой думы и мысли, и отъ чужой думы и мысли, и рабъ Божій, которыхъ словъ не доумѣю и тѣ слова въ число, которыя слова не лишнія и не нелишнія, и тѣ слова не уменьшаютъ, и тѣ слова ключь и замокъ отъ земли и до неба, отъ нынѣ и до вѣка, и вѣкъ повѣку, аминь, за аминемъ аминь“.

Приговорить на звѣря, въ мырку, по правому боку провести хвойной три раза и проговорить: Слава Богу, добрымъ людямъ на похвальбу, а завистливымъ на завидость. *(Рук. достав. крест. Леонтьевымъ).*

Средство къ размноженію пчелъ. Когда ударятъ къ утрени

на великъ день, быть на колокольнѣ и послѣ перваго удара отломить кусокъ мѣди отъ колокола. Этотъ кусокъ мѣди приносятъ на пасѣку и кладутъ въ передовой улей *).

Тоже. Чтобы пчелы не отлетали и чужія не воровали. Варятъ дурманъ съ тысячелистникомъ, обрызгиваютъ плетень, деревья, строенія съ цѣлію истребить сосѣднихъ пчелъ и отучить своихъ отъ полета, на чужой дворъ **).

Усыплять чужихъ пчелъ. Знахари собираютъ маковыя головки, и варятъ ихъ въ козьемъ молокѣ. Молоко, всосанное залетною пчелою можетъ пріучать чужихъ пчелъ къ переселенію.

Соняшница—врачеваніе отъ брюшныхъ болѣзней. Знахарь требуетъ миску, въ которую бы взошло три штофа воды, пеньки и кружку. Миску съ водой ставитъ больной на животъ; пеньку зажигаетъ. Какъ скоро загорится пенька, онъ обматываетъ ею больную. Часто случается, что больная отъ того остается обожженою въ нѣсколькихъ мѣстахъ; раны полученныя на тѣлѣ, приписываютъ знахари тому, что чрезъ обожженое этимъ мѣсто, выходитъ болѣзнь, которая тутъ находилась. Пеньку послѣ того кладетъ знахарь въ кружку, а кружку ставитъ въ миску. Въ это время начинаются наговоры, между тѣмъ, какъ больная вопитъ отъ болѣзни, а окружающіе считаютъ вопль страдалицы удаленіемъ нечистой силы изъ больной. Прочтя наговоры, знахарь даетъ пить эту воду и удаляется ***).

Лѣкарство отъ стени. (Изнурительная сухотка дѣтей, дѣтская дряхлость, Atrophia infantum). Для этого больное дитя несутъ въ лѣсъ, ищутъ раздвоеннаго дерева, кладутъ его въ этотъ промежутокъ на двое или на трое сутокъ, сорочку вѣшаютъ на дерево, потомъ вынимаютъ его, и ходятъ трижды девять вокругъ дерева. Послѣ того приносятъ домой, купаютъ въ водѣ собранной изъ девяти рѣкъ, или колодцевъ, обсыпаютъ золою, собранною изъ семи печей, кладутъ на печь. Если дитя послѣ этого засыпаетъ, то это вѣрный приз-

---

*) Сах. Бытъ Р. Н. Томъ I.

**) Тамъ-же.

***) Сахаровъ. Бытъ Русск. Нар. Т. I.

накъ исцѣленія, а если оно кричитъ, то должно умереть. Часто случается, что дитя умираетъ въ лѣсу, оставленное обнаженнымъ, или испускаетъ дыханіе при обливаніи холодною водою.

Съ глазу. Берутъ воды непитой, неотвѣданной никѣмъ, вынимаютъ изъ печи три уголька, достаютъ четверговой соли, все это кладутъ въ стаканъ, дуютъ надъ нимъ три раза, потомъ плюютъ три раза въ сторону. Послѣ сего нечаянно сбрызгиваютъ больнаго три раза, даютъ три раза хлебнуть, вытираютъ грудь противъ сердца, заставляютъ рубашкою обтирать лицо, а остальную воду выливаютъ подъ притолоку. Нѣкоторые къ этому составу прибавляютъ клочекъ моху, вынутый изъ угла, другіе читаютъ надъ водою молитвы. Этимъ оканчивается лѣченіе съ глазу.

Хлѣбная завязка. Хлѣбная завязка, почитается грозящимъ бѣдствіемъ хозяину той поляны, гдѣ она будетъ замѣчена. Народъ думаетъ, что это сдѣлано злыми людьми на сокрушеніе всего семейства и родни.

Для отвращенія бѣдствія отъ хлѣбной завязки, знахари велятъ хозяевамъ полей брать изъ хлѣба то мѣсто, гдѣ почиваютъ свиньи, положить въ телѣгу, запречь неѣзжанную лошадь и скакать къ полю во весь скокъ.

Если поклажа упадетъ съ телѣги, то это недобрый признакъ. Пріѣхавши въ поле, надобно накрыть хлѣбную завязку этою поклажею, не касаясь рукою. Прикосновеніе рукою предвѣщаетъ худой сбытъ будущаго хлѣба. Потомъ должно ѣхать не оглядываясь назадъ, иначе нечистая сила свернетъ на сторону голову. Послѣ этого запрягаютъ ѣзжалую лошадь, кладутъ лошадиный навозъ и ѣдутъ къ полю. Такою поклажею обсыпаютъ кругомъ всю повязку.

Зубы лѣчить. Къ числу средствъ въ народѣ существуетъ обычай лѣченія пальцемъ. При этомъ палецъ обмачиваютъ наркотическими ядами и трутъ больной зубъ, или ловятъ крота, умерщвляютъ его указательнымъ пальцемъ, безъ всякаго орудія, приговаривая при этомъ слѣдующій наговоръ: „Кротикъ ты, кротикъ! И пальцемъ своимъ изъ тебя всю кровь испускаю, и имъ больные зубы излечаю“, при чемъ держатъ этотъ палецъ на больномъ зубѣ. Послѣ чего полощутъ утромъ и вечеромъ кислымъ уксусомъ.

Куриная слѣпота. Болѣзнь, поражающая поселянъ, работающихъ передъ огнемъ или на солнцѣ. Названа эта ночная слѣпота *„куриною“* будто бы отъ того, что ее напускаютъ злые люди, что она соскабливается ножемъ, которымъ зарѣзываютъ старыхъ курицъ и что эту слѣпоту злодѣи пускаютъ по вѣтру, кому хотятъ отомстить. Такое заблужденіе легко объяснить. Органическо-динамическія вліянія природы, непонятныя простолюдинамъ, производятъ *ночную слѣпоту*—*Hemera lopiam*—названной „Куриною“. Люди, страждующіе куриною слѣпотою, по совѣту знахарей, выходятъ въ лавку, нагибаются надъ дегтярною кадушкою, и при этомъ говорятъ слѣдующій наговоръ:

„Деготь! деготь! возьми отъ меня куриную слѣпоту, а мнѣ дай свѣтлые глазушки“.

Народъ думаетъ, какъ говоритъ г. Сахаровъ, что деготь приходится съ родни куриной слѣпотѣ, и только изъ жалости беретъ къ себѣ бродягу—слѣпоту подъ свое попеченіе. Послѣ сего, больной долженъ идти на перекрестокъ, сѣсть на дорогу и искать что нибудь. Если его кто нибудь изъ проходящихъ будетъ спрашивать, то онъ долженъ сказать: „Что найду, то тебѣ отдамъ“, потомъ утираетъ рукою глаза и махаетъ на проходящаго. Отъ исполненія этого обряда, изчезаетъ Куриная слѣпота.

Морозъ. Въ деревняхъ думаютъ, что неурожаи льна, овса и конопли происходятъ отъ мороза; морозъ же олицетворяютъ слѣдующимъ повѣрьемъ:

Старина наша сохранила понятіе о баснословномъ происхожденіи мороза отъ злыхъ духовъ. Зимою, когда установятся сильные морозы, злымъ духамъ становится тѣсное житье. Въ это время они налетаютъ на бѣлый свѣтъ, бѣгаютъ по полямъ, и дуютъ себя въ кулакъ. Отъ такой прогулки морозъ сдавливаетъ снѣгомъ жито, отъ пятокъ духовъ отдается трескъ и отъ подутія въ кулакъ бываетъ или вѣтеръ съ мятелью, или иней садится на дерево. Для отвращенія сего зла, знахари выдумали проклятіе на морозъ съ совершеніемъ обряда.

Подъ великъ день, поселяне, наученные знахарями, приступаютъ къ заклятію мороза. Старикъ семейства беретъ ложку

овсянаго киселя, влѣзаетъ съ нимъ на печь, просовываетъ голову въ волоковое окно, и тамъ говоритъ: „Морозъ! Морозъ! приходи кисель ѣсть. Морозъ! Морозъ! не бей нашъ овесъ, ленъ да канапи, въ землю вколоти“. Окончивъ эти слова, онъ оборачивается въ избу и старшая изъ женщинъ въ домѣ, окачиваетъ его водою, въ то самое время, когда онъ слѣзаетъ съ печи. Старушки увѣряютъ, что проклятіе, высказанное старикомъ на ленъ и конопли, замираетъ на его устахъ отъ воды. Морозъ же удовольствованный киселемъ, не убиваетъ ни льна, ни конопли, ни овса.

НАРОДНЫЙ ЦВѢТНИКЪ.

Въ народѣ и до сихъ поръ существуетъ убѣжденіе въ волшебномъ свойствѣ растеній. Нѣкоторыя изъ нихъ существуютъ въ народѣ, а не въ ботаникѣ.

Волшебный горохъ *). Возьмите и убейте весною змѣю, разрѣжьте ей брюхо, и положивъ въ брюхо три горошины, заройте въ землю. Когда выростетъ цвѣтъ, то сорвите его въ полночь или въ полдень, закатайте его, будучи въ чистотѣ сами, въ воскъ и положите въ ротъ; то вы можете узнавать, что у каждаго человѣка на умѣ.

Калина считается полезною относительно своего сока, которымъ нужно примачивать раны на тѣлѣ.

Папоротникъ, папороть, кочедыжникъ. Папоротникъ принадлежитъ къ тайнобрачнымъ растеніямъ, и потому къ такимъ, которыя не носятъ цвѣта. Между тѣмъ баснословное преданіе приписываетъ ему цвѣтокъ серебристаго вида, чрезвычайно блестящій, напоминающій собою огонекъ. Цвѣтеніе продолжается въ полночь не болѣе часа.

Этотъ цвѣтъ, по народному вѣрованію, очень полезенъ тѣмъ, кто желаетъ быть умнымъ и богатымъ; разумѣется, какъ ни быть ему богатымъ и мудрымъ, кто можетъ ухитриться до того, чтобы сорвать цвѣтокъ съ такого растенія, на которомъ никогда его не бываетъ. Проще всего что это свѣтлякъ, то есть червякъ, издающій въ ночную пору фосфорическій свѣтъ.

---

*) Лѣт. Русск. Лит. Томъ IV. 1862 г.

Взявшій, то есть сорвавшій этотъ цвѣтокъ, долженъ бѣжать домой не оглядываясь, несмотря на преслѣдованіе его чертями, которые непремѣнно будутъ бѣжать и кричать ему, чтобы онъ воротился. И вообще стращаютъ страшнымъ образомъ. Обернувшійся погибаетъ задушеннымъ или станетъ безумнымъ.

Поступаютъ такъ: въ Ивановъ день, достигнувъ куста папоротника (папороти) или Иванова цвѣтка, собиратель долженъ вокругъ куста на землю подослать бѣлой бумаги или холста, очертить вокругъ себя лучиной обгорѣлой кругъ и наблюдать предварительно сказавъ: Талантъ Божій, судъ Твой, и потомъ затѣмъ прочитать: „Да воскреснетъ Богъ". Цвѣтокъ этотъ употребляется также: для отысканія кладовъ, предъ такимъ цвѣткомъ открываются клады безъ препятствія, дѣлаться невидимкою, имѣть власть надъ чертями.

Плакунъ трава. Трава Плакунъ пользуется во всѣхъ деревняхъ и селахъ уваженіемъ и страхомъ. Чародѣи создали объ ней особенный миѳъ противный религіи и обставили обрядами, достойной сожалѣнія.

Чародѣи сбираютъ Плакунъ траву въ Ивановъ день, утреннею зарею безъ всякихъ желѣзныхъ орудій, выкапываютъ ея корень. Простолюдины полагаютъ, что это растеніе обладаетъ удивительною силою: приводить въ страхъ нечистыхъ духовъ, смирять ихъ и приводить въ покорность. Этою силою обладаютъ только корень и цвѣты. Знахари употребляютъ корень Плакуна для изгнанія домовыхъ, вѣдьмъ и нечистой силы, стерегущей клады *). Этой травѣ приписываютъ, что она заставляла плакать нечистыхъ духовъ, отъ чего и получила названіе. Когда будешь при себѣ имѣть сію траву, то всѣ непріязненные духи ей покоряются. Она одна въ состояніи выгнать дѣдушекъ домовыхъ, кикиморъ и прочихъ, и открыть приступъ къ заклятому кладу, который стерегутъ нечистые духи **).

Съ горестью упоминаемъ о суевѣріи нашихъ поселянъ надъ этою травою. Можетъ быть наши слова дойдутъ до тѣхъ лицъ, которыя имѣютъ хоть нѣкоторое вліяніе на массу народа,

*) Сахаровъ. Сказ. Русскаго Народа. Т. I. Чернокнижіе.

**) См. Абевега. Русск. Суевѣрій.

извѣстнаго или подвѣдомственнаго кружка, или области. Наши суевѣры до того простерли свою дерзость, что раскрытіе ихъ проказъ невольно приводитъ въ негодованіе. Выкопавши траву Плакунъ съ корнемъ, являются въ церковь, стараются съ сею травою стоять въ алтарѣ, держа въ рукѣ корень, обращенный на востокъ. Въ это время производятъ заговоръ:

„Плакунъ, Плакунъ! Плакалъ ты долго и много, а выплакалъ мало, не катись твои слезы по чистому полю, не разносись твой вой по синю морю. Будь ты страшенъ злымъ бѣсамъ, старымъ вѣдьмамъ кіевскимъ. А не дадутъ тебѣ покориться, утопи ихъ въ слезахъ; а убѣгутъ отъ твоего позорища, замкни въ ямы преисподнія; будь мои слова при тебѣ крѣпко и твердо. Вѣкъ вѣковъ!"

Для нихъ бываетъ недовольно сихъ вздорныхъ словъ; они вздумали еще однимъ образомъ придать особенную силу этой травѣ, о которомъ невозможно и упоминать. По словамъ г. Сахорова, эти заклинанія и самое понятіе о травѣ Плакунѣ польскаго происхожденія и внесено въ наши народные цвѣтники во времена самозванцевъ.

Трава колюка. Трава *Колюка* собирается чародѣями въ Петровки, во время вечерней росы, засушивается, хранится въ коровьихъ пузыряхъ и раздается по особенному расположенію птичьимъ охотникамъ. Поселяне думаютъ, что ружье окуренное этою травою, мѣтко стрѣляетъ, и что ни одна птица не ускользнетъ отъ его выстрѣла и, что такое ружье нельзя заговорить кудеснику никакимъ заговоромъ *).

Адамова голова. Трава, Адамова голова находится въ большомъ уваженіи у поселянъ. Чародѣи, какъ и папоротникъ, собираютъ ее въ Ивановъ день, и хранятъ скрытно до великаго четверга. По народному понятію, чародѣйская сила Адамовой головы простирается только на дикихъ утокъ. Охотники получившіе эту траву изъ рукъ записнаго чародѣя, окуриваютъ всѣ снаряды, употребляемые ими при ловлѣ утокъ, въ великій четвергъ **), не иначе.

Впрочемъ говорятъ также, что тотъ, кто имѣетъ этотъ ко-

*) Смотр. Сахарова. 1) Бытъ Русс. Нар. 2) Абевега русс. суевѣрій.

**) По Сахарову. Бытъ Русс. Нар. Чернокнижіе. См. Абевега русс. суевѣрій стр. 3.

рень, вездѣ бываетъ главою, душою общества, и будетъ распоряжаться прочими *).

Крапивное коренье. Накопай крапивнаго коренья, изсуши, истолки, просѣй ситомъ, натирай лицо, руки и ноги — и не озябнетъ **).

Трава козлецъ. Возьми дрова и наклади жару въ избѣ, и на тотъ жаръ положи козлецу травы снопъ и запечатай, ино съ того духу помрутъ клопы ***).

Корень свеклы. Свари корня свеклы въ водѣ и тою водою поливай стѣны. Аще хочешь изморити, истопи избу ясневыми дровами, да вмѣси въ печь конопляныхъ головицъ, какъ поспѣютъ.

Трава Галганъ. Трава Галганъ тепла, суха и пригодна, имѣетъ въ себѣ много силы: хощешь кровь пускати, возьми Галганъ въ ротъ свой, своей силою выганиваетъ. А кто его ввечери порану ѣлъ, и съ виномъ земскимъ держалъ, тотъ отъ женокъ испорченъ не будетъ. Аще у кого языкъ болитъ, порохомъ тое же травы мажъ. Аще которая рана вельми гніетъ, того же пороху смѣшай съ медомъ, преснымъ, приложить на рану и уздравливаетъ, и сушитъ ****).

О чеснокѣ. Отъ духа чеснокoваго бѣгаетъ всякъ гадъ, которой ядовитой. Хто такъ грызетъ, вельми вредительно есть очамъ. А хто пріемлетъ по разсужденію, того да глисты и змѣи и жабы изнутри выганиваетъ. Чеснокъ въ маслѣ изжженъ девяннымъ и тѣмъ пользуетъ елеемъ по укушенію ядовитаго звѣря, гдѣ на тѣлѣ не будь *****).

Составы пластырей. 1) *Спускъ малхану живучему.* Масло коровья два жеребья, ветчины сала жеребей, сѣры пихтовыя жеребей, меду преснаго жеребей—спусти вмѣсто въ горшкѣ, на огнѣ растопить, да процѣдить сквозь платъ. 2) *О малханѣ гноючемъ.* а) Сала ветчиннаго два жеребья, смолы жеребей, муки ржаные положить немного, и согрѣти на огнѣ въ гор-

---

*) См. Таинств. Чары. Стр. 117.

**) См. прилож. ко 2 книж. Пермс. Сбор.

***) Тоже.

****) См. прилож. къ Перм. Сбор. 1860 г.

*****) Тоже.

шечкѣ все вмѣсто. б) Воску краснаго жеребій, сала ветчиннаго жеребей, смолы противъ всего того положить и стопить все вмѣсто. 3) *Спускъ зелью шепотному.* Масла коровья фунтъ, квашеннаго сала, или коровья топленаго осмой жеребей фунта, сала ворванья 10 золотниковъ, да коневаго калу свѣжаго жечи къ черепу на огнѣ въ бѣлый пепелъ.—положить четверть малой гривенки, да бити въ ставу на дню гораздо какъ смѣтана густа и въ теплѣ не держать *).

Противъ плѣшивости. Аще у кого на головѣ волосъ нѣтъ, возьми коневью брюшину и сожги въ пепелъ, да истолокши просѣй мелко, столкши съ древянымъ масломъ, и мажъ голову гораздо, да увяжи платомъ, — ино у человѣка волосы наростутъ **).

Тоже. Коневій калъ, да козевій калъ истолки съ древянымъ масломъ, мажъ голову гораздо, обвяжи платомъ, въ три дня волосы выростутъ (?).

Отъ рябинъ на лицѣ. Мазать саломъ волчьимъ, ино сгоnитъ, у кого—видѣніе (лицо) рябо и угриловато.

Тоже. Колосъ (а?) пшеничной (аго?) цвѣтъ утри мелко и смѣшай съ бѣлокъ яичьной, доспѣй, какъ масть, (то-есть мазь) и мажъ—видѣніе рябье будетъ гладко.

Тоже. Возми мозгъ оленей изъ голеней, мажъ видѣніе. Платъ новый избери и тѣмъ платомъ росу снимай со пшеничнаго колоса и той росой мой видѣніе рябое и угриловатое. Дрожжи медвяныя мазати.

Чернѣніе волосъ. Варити въ маслѣ орѣшки чернильные и приложити (?) и развести въ теплой водѣ жиденько, вшедъ въ баню не подать пару, вымыти борода на чисто высушить и вытирать да пытать то зелье въ бороду и въ платъ, да посѣдѣть (то-есть посинѣть) чтобъ не выпустить, да пытать рукою не чернитъ ли руки, въ тѣ волосы вошли (вошло?) ли да вымой водою ***).

Трава Прикрышъ. Трава Прикрышъ собирается чародѣями отъ 15 августа до 1 октября. Люди свѣдующіе въ чарованіи

---

*) См. прил. Перм. Сбор. 1860 г.

**) Тоже.

***) Приб. къ 2 кн. Пермс. Сборника за 1860 г. стран. XXXVI.

употребляютъ эту траву противъ свадебныхъ наговоровъ. Когда невѣсту привезутъ изъ церкви въ жениховъ домъ, тогда знахарь забѣгаетъ впередъ и кладетъ траву Прикрышъ подъ порогъ. Невѣста, предупрежденная впередъ родными о дѣйствіи знахаря, при входѣ въ домъ должна перепрыгивать чрезъ порогъ, если же она наступитъ на эту траву, тогда всѣ эти наговоры обрушиваются надъ невѣстиною головою; въ противномъ же случаѣ жестокое ихъ дѣйствіе обнаруживается надъ людьми, желавшими несчастія новобрачной четѣ *).

Одоленъ трава. Корень этого растенія держать въ домѣ очень хорошо; по мнѣнію простонародья, кто имѣетъ его въ домѣ, въ силахъ преодолѣть разныя препятствія; съ нимъ можно ходить по разнымъ судебнымъ учрежденіямъ, чтобы выиграть тяжбу, съ нимъ можно побѣдить сердце молодой дѣвушки. Хорошо съ него поить коровъ во время теленія.

Сонъ-трава. Эта трава сбирается чародѣями въ маѣ мѣсяцѣ при желто-голубомъ цвѣтеніи, съ разными обрядами и наговорами. Поселяне полагаютъ, что она обладаетъ пророческою силою—предсказывать людямъ во время сна, добро и зло. Собранная чародѣемъ съ утреннею росою, опущенная въ холодную воду, она вынимается при полнолуніи и начинаетъ шевелиться. Въ это время поселянки кладутъ Сонъ траву подъ подушку и засыпаютъ со страхомъ и надеждою.

Трава Тирличь. Трава Тирличь собирается подъ Ивановъ день на Лысой горѣ, близь Днѣпра, подъ Кіевомъ. Поселяне думаютъ, что эта трава обладаетъ возможностью превращенія и достается въ удѣлъ однимъ вѣдьмамъ. Изъ Тирлича, выжимается сокъ, которымъ вытираютъ оборотни свои подмышки, при совершеніи чаръ. Вѣдьмы, духи-оборотни проницательные, знавши свойство этой травы, стараются истребить ее. Кудесники и чародѣи дорожатъ Тирличемъ, какъ сокровищемъ.

Петровъ крестъ. Корень этого растенія обыкновенно принимается суевѣрами за сильное средство для одолѣнія демонской вражьей силы. Если кто несчастливо или неудачно живетъ, то совѣтуютъ этотъ корень носить на крестѣ закатан-

---

*) Сахаровъ. Сказ. Русс. Народа. Т. I. 1841 г. Ст. Чернокнижіе, стр. 42.

нымъ въ видѣ порошка съ воскомъ, отъ свѣчей стоявшихъ во время молебна предъ Спасителемъ и Богоматерью.

Разрывъ трава, иначе *прыгунъ*, *скакунъ*. Это растеніе столь рѣдко, что люди только посвященные въ таинство чернокнижія, могутъ находить его. Поселяне думаютъ, что тотъ, кто имѣетъ цвѣтъ Кочедыжника, то есть папоротника, у кого есть корень Плакуна, то всегда можно поздравить съ обладаніемъ этой драгоцѣнной травы.

Чародѣи приписываютъ этой травѣ, разныя свойства: разрѣзывать и разрушать желѣзо, сталь, золото, серебро, мѣдь, на мелкіе клочки. Въ народныхъ преданіяхъ доселѣ есть повѣріе о кладахъ, скрываемыхъ по разнымъ мѣстамъ. Въ старину, говорятъ старики, разбойники зарывали награбленное имущество на извѣстное число лѣтъ, запирали желѣзными ключами, а ключи бросали въ воду. Сила человѣческая недостаточна бываетъ для разрушенія дверей и замковъ; потому, что нечистая сила, которой поручено стеречь кладъ, защищаетъ его своею спиною. Кладокопатели издерживаютъ большія деньги для полученія Разрывъ травы *).

Эта таинственная и баснословная трава, достается человѣку слѣдующимъ образомъ: Отыскиваютъ гнѣздо черепахи, и выжидаютъ времени, когда черепаха, оставивъ гнѣздо съ яицами, уйдетъ изъ него. Тотчасъ же не медля, гнѣздо огораживаютъ желѣзными гвоздями, вколотивъ ихъ въ землю и устроивъ такой тынъ, удаляются, чтобы черепаха не могла видѣть непріятеля. Въ извѣстное время черепаха подползаетъ къ гнѣзду и видитъ, что при всѣхъ ея усиліяхъ она не можетъ взойти въ свое гнѣздо, тогда она удаляется на нѣкоторое время и затѣмъ возвращается обратно къ гнѣзду, съ травою во рту, отъ прикосновенія съ которой каждый гвоздь вылетаетъ. Тогда наблюдатель подходитъ уже смѣло къ гнѣзду, беретъ траву и врѣзываетъ ее въ ладонь лѣвой руки, а не правой, иначе тогда ему нельзя будетъ держать въ правой рукѣ оружіе. На основаніи свойства этой травы, тѣ арестанты не могутъ быть заключены въ темницу, которые имѣютъ эту траву, и освобождаются.

---

*) Сахар. Сказ. Русс. Народа. Томъ I. Чернокнижіе

Трава Не чуй-вѣтеръ. Эта трава, по сказанію чародѣевъ, растетъ зимою по берегамъ и озерамъ. Простолюдины думаютъ, что тотъ, кто обладаетъ этою травою, всегда можетъ: Остановить вѣтеръ на водѣ, избавить себя и судно отъ утопленія, наконецъ ловить рыбу безъ неводовъ. День для собиранія травы Не чуй вѣтеръ назначается у поселянъ 1-го января, подъ Васильевъ вечеръ, въ глухую полночь. Они думаютъ, что въ это время нечистая сила, прогуливаясь по озерамъ, и рѣкамъ, бросаетъ траву Не чуй-вѣтеръ для уничтоженія бури. При всемъ томъ люди зрячіе не могутъ находить это растеніе; одни только слѣпые отъ рожденія чувствуютъ присутствіе его. Когда они, наступаютъ на эту траву, тогда ихъ слѣпые глаза кто-то колетъ иглами. Если они умѣютъ поднять и схватить ихъ не руками, а ртомъ, тогда они обладаютъ ея силою.

Разсматривая возможность полученія этой травы, одними только слѣпыми, мы смѣло можемъ сказать, что изобрѣтатели этого чарованія суть слѣпцы, бродящіе по деревнямъ, кочующіе всю жизнь насчетъ ближняго. Довѣренность къ словамъ слѣпыхъ людей, и жалкое состояніе привлекли на ихъ сторону сердца простодушныхъ поселянъ. Вотъ гдѣ возникло вѣрованіе въ траву, Не чуй-вѣтеръ, принимаемое всѣми поселянами.

Девясилъ (enula companea). Если это растеніе сорвать наканунѣ Иванова дня, до восхода солнца, высушить эту траву и истолочь и смѣшать съ роснымъ ладономъ, то послѣ нужно сдѣлать ладонку, носить не снимая на тѣлѣ девять дней, а потомъ зашить въ платье любимой особѣ, чтобы это было ей не вдомекъ. По увѣренію крестьянъ и другихъ простолюдиновъ, дѣйствіе девясила отъ того велико, что онъ заключаетъ въ себѣ девять силъ.

Подсолнечникъ. Это извѣстное всѣмъ растеніе, будучи сорвано въ августѣ и завернуто вмѣстѣ съ волчьимъ зубомъ, по народному преданію, должно носить при себѣ на поясѣ; вѣрятъ, что онъ сохраняетъ къ носившему общее доброе расположеніе и избавляетъ отъ воровъ.

Спорынья, ржаные маточные рожки (Secal cornit). Наши крестьяне, пользуясь названіемъ, встрѣчаютъ на колосьяхъ

ржи появляющіеся обыкновенно во время сыраго лѣта черные наросты въ видѣ рожковъ. Эти зернышки крестьяне вообще для спорыньи, въ припекѣ запекаютъ въ хлѣбъ, между тѣмъ, какъ это самый сильный ядъ, отъ котораго можно умереть, или наконецъ пріобрѣсти самые сильные припадки сопровождаемые корчами, нервнымъ разстройствомъ, криками, стонами, тоскою, и даже онѣмѣніемъ въ нѣкоторыхъ частяхъ тѣла. Эта болѣзнь называется рафанія, или *злая корча*. Поэтому, въ такихъ случаяхъ, нужнѣе всего остерегаться рожковъ и тщательно отдѣляя ихъ, зарывать въ землю, чтобы кому нибудь не попало по вѣтру въ ротъ.

Трава Песій языкъ. Говорятъ, что эта трава, положенная съ сердцемъ лягушки привлекаетъ къ этому мѣсту окрестныхъ собакъ, а носимая подъ пальцемъ ноги, будто бы избавляетъ отъ нападенія собакъ, а повѣшенная на шею собакѣ заставляетъ ее вертѣться до смерти. Этой травѣ приписываютъ такое свойство, что если ее положить по всѣмъ угламъ того помѣщенія, гдѣ находятся мыши, то всѣ они разбѣгутся.

Кильная трава. Такая трава извѣстна въ Костромской, Вологодской губерніяхъ; а можетъ быть и въ другихъ сѣверныхъ лѣсныхъ сторонахъ Россіи, которая избавляетъ отъ зоба, или отъ килы. Для этой цѣли накаливаютъ кирпичи до красна, кладутъ эту траву на кирпичи и предлагаютъ больному держать лицо надъ дымомъ или парами, исходящими отъ накаливающейся травы, и прикрываютъ этого больнаго сверху на глухо и такъ, чтобы пары эти, какъ можно болѣе поглощались ртомъ *).

Трава Желѣзнякъ. Говорятъ, будто порошокъ этой травы, брошенный между разговаривающими, производитъ ссору.

Сѣмена розановъ. Сѣмена розановъ повѣшенныя съ сѣменами горчицы и съ ногою ласки, будто бы лишаетъ плодовое дерево его плодовъ.

Чернобыльникъ. Въ первыхъ числахъ сентября, или въ концѣ августа, нужно нарвать чернобыльника и зашить въ шкурку

*) Слышано М. Евстигнѣевымъ отъ мельника, въ имѣніи г. Лугянина. Въ Костр. губ. Ветлужск. уѣзда.

молодаго зайца, которую, если носить въ видѣ подвязки, то говорятъ, что человѣкъ пріобрѣтетъ такую ловкость на бѣгу, что можетъ бѣжать скорѣе лучшей лошади.

Бузина. Бузинной трости приписываютъ волшебное свойство оберегать и защищать путника отъ опасныхъ звѣрей и злыхъ людей, для сего совѣтуютъ поступать такъ:

Наканунѣ праздника „всѣхъ святыхъ" срѣзать бузинную трость желаемыхъ размѣровъ, и съ нижняго конца выдолбить мягкую сердцевину и въ эту пустоту положить волчьи глаза, языки отъ трехъ зеленыхъ ящерицъ, сердце собаки и три ласточкины сердца, все это превращенное въ порошокъ должно положить въ сказанную пустоту. Къ этому порошку нужно прибавить порошка желѣзняка и прикрыть желѣзнымъ набалдашникомъ.

Ятрышникъ. Кукушкины слезы. По народному преданію ятрышнику приписываютъ свойство дѣлать бѣгъ лошади быстрымъ и неутомимымъ; для этого къ овсу нужно примѣшать горсть Ятрышника, изрѣзаннаго въ мелкіе кусочки и предъ тѣмъ временемъ, какъ ей нужно бѣжать, смазать брюхо и и ноги оленьимъ жиромъ, а на шею привѣсить два волчьихъ зуба *).

Крапива. Крапива, по народному преданію, одарена свойствомъ опредѣлять, или лучше угадывать, будетъ ли больной жить или умретъ? Для этого, только что въ отлитую больнымъ мочу, положить нѣсколько свѣжей крапивы, и дать въ мочѣ крапивѣ мокнуть. Ежели, по истеченіи сутокъ, крапива высохнетъ, сожмется и потеряетъ цвѣтъ, то больной умретъ. Когда же крапива останется зеленою, и какъ бы свѣжею, то больной выздоровѣетъ.

Крапива также употребляется въ простонародіи отъ ломотнаго ревматизма, простуды... Для этой цѣли крапиву вяжутъ въ вѣники и нажигаютъ, (сѣкутъ, нахлестываютъ) больное мѣсто. Для этого употребляютъ всегда свѣжую крапиву только что сорванную **).

Петунія. (*Петунея*). Это извѣстное садовое растеніе. Ему

---

*) См. Таинств. Чары.

**) Тутъ дѣйствуютъ эфирное масло и муравьиная кислота.

приписываютъ свойство сохранять отъ опьянѣнія, что очень важно было бы для людей, много употребляющихъ спиртные напитки. Говорятъ, что для этой цѣли стоило только предъ отправленіемъ на балъ, или на званый обѣдъ, на пирушку, принять двѣ ложки порошка этой травы и запить ложкою оливковаго масла.

Трава Чистотѣлъ. По народному понятію, если эту траву носить кому нибудь при себѣ, тотъ человѣкъ будетъ всегда жить со всѣми въ мирѣ и правымъ на судѣ.

Ноготки. Ноготкамъ придается такое же значеніе, какъ и Чистотѣлу; аррагонскій король Іоаннъ совѣтуетъ присоединить къ этому волчій зубъ и, завернувъ въ лавровые листы и въ матерію изъ голубаго шелка, носить при себѣ.

Любовныя яблоки. Это такія яблоки, чрезъ которыя можно снискать вниманіе и любовь желанной особы. Дѣлается это очень просто: стоитъ только разрѣзать яблоко пополамъ, въ средину его положить записку съ именемъ любимой особы и выложить на солнопеку. Будто бы по мѣрѣ того, какъ яблоко будетъ сохнуть, будетъ страдать и любимая особа.

Трава Блекота. Этой травѣ приписываютъ такія могущественныя свойства, что кто держитъ ее въ рукѣ, то не боится никакой опасности. Она же можетъ, будучи брошена въ воду, привлекать рыбъ и дѣлаетъ ихъ ручными.

Дурманъ. (Datura). Растеніе это произрастающее близь мѣстъ, куда сваливаютъ всякую нечистоту, или гдѣ есть много труповъ, содержитъ въ зернахъ своихъ одуряющій (наркотическій) ядъ. Такъ, какъ онъ дѣйствуетъ на мозгъ и глаза, съ расширеніемъ зрачковъ на послѣднихъ; на мозгъ же дѣйствуетъ такъ, что притупляетъ его постоянную разумную дѣятельность и развиваетъ ложное воображеніе до того, что производитъ разныя видѣнія, это и побудило, какъ средневѣковыхъ алхимиковъ на западѣ, такъ и нашихъ знахарей и чародѣевъ употреблять его, какъ средство для исполненія какихъ либо хитрыхъ замысловъ; а мошенники нашего времени употребляютъ его, какъ средство легко и скоро обобрать простяка. Нѣкоторыя вѣтреныя жены употребляли это средство, чтобы усыпить бдительность мужей. Послѣ пріема этого дурмана, свѣтъ дѣлается утомительнымъ, и они ясно видятъ въ темнотѣ, при-

чемъ всѣ предметы увеличиваются въ своихъ размѣрахъ. Химически можно извлечь ядъ *датуринъ* *).

Сонная одурь, белладонна. (Atropa belladonna). Ягода этого растенія, черная и блестящая, много похожа на вишню, отчего въ деревняхъ дѣти часто наѣдаются плодами этого наркотическаго растенія, считая ихъ лакомыми ягодами. Вкусъ корня и листьевъ белладонны остры и горьковаты. Она, какъ и дурманъ, производитъ, смотря по темпераменту, веселый и пріятный бредъ. Оказывается при большихъ пріемахъ — спячка и слабость членовъ. Всѣ предметы также кажутся увеличивающимися, сообразно настоящаго размѣра, такъ напримѣръ: лужа кажется — озеромъ, соломина — бревномъ; если капля бѣлены или дурмана будетъ пущена въ глазъ, тѣ же явленія для глазъ. Изъ дурмана получается сильный ядъ *атропинъ* **).

Мухоморъ. Мухоморъ по своимъ дѣйствіямъ ядовитъ, какъ сильное наркотическое средство, которымъ, впрочемъ, не брезгуютъ инородцы; мухоморомъ, или настоемъ изъ мухомора, протравляютъ бумагу и употребляютъ для окармливанія мухъ. Въ восточной Сибири употребляется инородцами, для настаиванія водокъ, который производитъ въ большихъ пріемахъ смерть, но въ малыхъ—дѣлаетъ человѣка веселымъ, или грустнымъ, смотря по темпераменту.

Бѣленное масло. Бѣленное масло употребляется снаружи, какъ болеутолительное средство. Но однако нужно масло держать все-таки закупореннымъ, чтобы оно не выдѣляло удушливый газъ своего эфирнаго масла. Говорятъ, что оно, разнося по воздуху эфирныя начала, причиняетъ какое-то раздраженіе въ человѣкѣ, отчего онъ ищетъ причины къ ссорѣ; особенно это происходитъ въ теплой комнатѣ, или еще хуже, если будетъ сохраняемо въ печи, и этимъ масломъ будетъ мазать больной свои больныя части. Говорятъ даже, что отъ натиранія этимъ масломъ, этотъ человѣкъ во снѣ летаетъ по воздуху.

Тминное и анисовое масла. Въ Англіи нашли, что запахъ этихъ маслъ очень нравится подпольнымъ обитателямъ, какъ-то: мышамъ, крысамъ и хорькамъ. Эти средства даже стали

---

*) Сообщено Евстигнѣевымъ.

**) Тоже.

употреблять для приманки этакого рода животныхъ, съ цѣлью уничтоженія.

Общее заключеніе.

Если мы доставили мало матеріаловъ, для своего цвѣтника, то извиняемся тѣмъ, что размѣры нашего сборника по своей разнообразности не допускаютъ развитія, въ излишкахъ одной части предъ другой. Мы очень хорошо понимаемъ, что русская народная поэзія полна вымысловъ, въ которой зачастую затушована святая истина, до которой можно добраться только путемъ науки, и тогда легко разъяснить все, что понадобится; но, къ сожалѣнію, свѣдѣній весьма мало и они далеко не розысканы, а между тѣмъ было бы весьма не дурно для полноты изученія нашего народнаго быта, какъ пособника исторіи, развить этими путями такія дорогія свѣденія, какъ наша народная медицина и народная ботаника обогащенная самыми чудесными врачеваніями и волхованіями, и когда только ихъ силы и дѣйствія были бы хоть сколько нибудь изслѣдованы, то можетъ быть многое оказало бы вещественную пользу.

КЛАДЫ.

Кладомъ называется сокровище, зарытое въ землѣ. Встарь, какъ извѣстно, некуда было прятать или отдавать подъ вѣрное обезпеченіе сокровища, во время отъѣзда, или изъ опасности грабежа со стороны непріятеля, или бродягъ, разбойниковъ, скитавшихся по Россіи шайками. И богатства полученныя изъ земли ввѣряли ей же подъ сохраненіе. Эти богатства преимущественно состояли изъ пріобрѣтеннаго золота или серебра въ монетахъ и вещахъ, и рѣже въ драгоцѣнныхъ каменьяхъ.

Если припомнить только, какъ пытали разбойники богатыхъ людей огнемъ, то легко понять и то, что болѣе злой обладатель богатства съ своей стороны принималъ всѣ мѣры, и хоронилъ ихъ, какъ можно лучше и потайнѣе, то просто, то съ зарокомъ, то есть съ заклинаніемъ, иначе съ завѣщаніемъ (словеснымъ заговоромъ) на имя какого нибудь лица или че-

ловѣка, а часто на такого человѣка, которому попадется запись или бумажное завѣщаніе, въ которомъ между прочимъ описано мѣсто, гдѣ положенъ кладъ. Случается и такъ, что завѣщатель при зарываніи клада дѣлаетъ заклинаніе, что кладъ этотъ зарывается на столько-то головъ, значитъ достанется тому, кто будетъ изъ числа пытавшихся взять кладъ, сверхъ означеннаго числа лицъ. По понятію кладовщиковъ, кладъ положенный на столько-то головъ (наприм. „на сорокъ головъ") причиняетъ сорока кладоискателямъ смерть, а сорокъ первый кладоискатель получаетъ кладъ безпрепятственно. Разсказываютъ, что клады показываются по ночамъ, въ видѣ свѣтлыхъ огоньковъ надъ тѣмъ мѣстомъ гдѣ кладъ схороненъ, и обыкновенно въ ночное время, иногда въ видѣ свѣчи горѣвшей; также, говорятъ сторожилы, что свѣча показывается горящей предъ иконой. Тутъ нужно сдѣлать ударъ по той вещи и сказать: *аминь, аминь, разсыпься!* И будто кладъ покажется въ видѣ котла, сундука, съ разными драгоцѣнностями и монетами, то въ видѣ боченка, а то иногда многихъ боченковъ. Иногда, говорятъ, кладъ показывается въ пустынномъ мѣстѣ человѣку въ видѣ какого либо животнаго, или птицы, и показывается, кому долженъ достаться этотъ кладъ не однажды и всегда на одномъ мѣстѣ. Тутъ нужно, по словамъ автора „*Абевега*", имѣть предосторожности, потому, что опытъ взятія клада сопряженъ съ различными опасностями и страхомъ, такъ какъ черти, оберегающіе этотъ кладъ, угрожаютъ опасностью жизни, крича: „*Бей! жги! рѣжь!*" и потому тотъ, кто пріобрѣтетъ кладъ, долженъ не озираясь назадъ зааминить мѣсто, и брать съ собою денегъ, сколько можно. Иногда, случалось, что сокровища клада можно выбрать въ нѣсколько разъ, но иногда случалось, что все въ первый разъ взятое, было и послѣднимъ. Послѣ того кладъ не открывался.

Одинъ крестьянинъ нашелъ кладъ, который ему дался, или открылся, взялъ съ собою денегъ сколько могъ и ушелъ, замѣтивъ мѣсто и сказалъ между прочимъ кладу, что онъ по истеченіи такого то (сказалъ время) возвратитъ деньги. Такъ и случилось, онъ принесъ въ свое время, и возвратилъ деньги въ кладъ. Такъ повторился заемъ нѣсколько разъ. Только однажды крестьянину не удалось этого исполнить въ срокъ, хотя онъ

и произвелъ уплату, но спустя нѣсколько времени. Чтоже? Кладъ болѣе не открывался крестьянину. Да и самъ онъ потерялъ все, что пріобрѣлъ при щедрости клада.

Клады Стеньки Разина. Разина считаютъ колдуномъ, и вотъ какъ описываютъ о немъ: *).

Памятенъ Стенька народу. Исторія разсказываетъ о немъ одно, совсѣмъ другое говорятъ народныя преданія. Въ нихъ онъ и богатырь, и чародѣй.

Еще до Разина, услышите на Волгѣ, Ураковъ разбойничалъ, только давно уже это было. Стенька, совсѣмъ мальчишкой, лѣтъ пятнадцати въ шайку къ нему пошелъ изъ Ярославля, и въ кашевары поступилъ. Скоро не поладилъ онъ съ атаманомъ. Идетъ разъ судно купеческое, Ураковъ и хотѣлъ остановить, а кашеваръ кричитъ: „Брось, не стоитъ: бѣдно!“ Тотъ и пропустилъ. Идетъ другое, Стенька опять кричитъ: Бѣдно! брось! Пропустилъ атаманъ и это судно, озлился на Стеньку и ударилъ въ него изъ пистолета, а Стенька хоть бы пошатнулся, вынулъ пулю, да назадъ и подаетъ; возьми, говоритъ, пригодится другой разъ. Ураковъ со страху на земь упалъ, а шайка, въ разсыпную; потому, такого чуда ей видѣть и не доводилось. Послѣ того Стенька Уракова разряженнымъ пистолетомъ застрѣлилъ, и самъ атаманомъ сталъ. И пошелъ Стенька разбойничать, да вольничать... Ему все нипочемъ, все одно—царскія ли, купеческія ли суда идутъ—со всѣхъ бралъ положенное. Вотъ и шлетъ ему разъ царь строгій спросъ: Зачѣмъ ты Стенька мои царскія суда грабишь? А Стенька въ отвѣтъ: „Не знаю, Ваше Царское Величество, которыя суда ваши, которыя не ваши“. Тутъ царь на свои-то гербы велѣлъ ставить. Послѣ Стенька долго не трогалъ. Купцы и догадались; давай гербы на своихъ посудинахъ прибивать. Стенька опять безъ разбору началъ грабить, не стало отъ него ходу никому. Царскаго войска онъ не боялся. Шелъ онъ разъ съ войскомъ мимо царева бугра, и велѣлъ каждому по полной шапкѣ земли съ него взять—такъ что чуть—чуть вершинку сняли: ну а у Стеньки, кромѣ людской другая, сила была; онъ себя съ малыхъ лѣтъ нечистому продалъ—не боялся ни пули,

---

*) См. Нива. 1875 г. 2 марта. XII кн.

ни желѣза, на огнѣ не горѣлъ, ни въ водѣ не тонулъ. Бывало сядетъ въ кошму, по Волгѣ на ней плыветъ. На воздухъ поднимался на ней, потому, что былъ чернокнижникъ, глаза умѣлъ отводить. Его въ острогъ посадятъ, да за запоры; а онъ возьметъ уголь, напишетъ на столѣ лодку, спроситъ воды испить, плеснетъ этой водой, рѣка станетъ. Сядетъ въ лодку, кликнетъ товарищей, и ужъ на Волгѣ Стенька. Ничѣмъ убить его нельзя было: отъ всего былъ заговоренъ—ну, и не боялся страху. На что грозный воевода въ Астрахани, а какую надъ нимъ Стенька шутку сшутилъ! Пріѣхалъ изъ персидской земли, сталъ ему челомъ бить; что вотъ, молъ, разбойничалъ, а теперь Царю русскому новую землю покорилъ, отпиши, что прошу отъ него милости. Много Стенька добра всякаго изъ-за моря привезъ. Воевода кричать было началъ, задарилъ его Стенька и разбѣжались у воеводы глаза. Всего то ему хочется: и того и другаго—что ни завидитъ. Понравилась ему шуба, а была она у Стеньки завѣтная. „Подай шубу! подари“! нѣшто тебѣ, говоритъ, жалко ея? Грозитъ воевода: „Царю пожалуюсь!“ Отдалъ Стенька шубу, да и молвилъ: „на тебѣ шубу, да чтобы не надѣлала она шуму!“ Такъ и вышло, Стенька послѣ всю Астрахань раззорилъ, а съ воеводы астраханскаго шкуру спустилъ по самыя пятки. И добро сдѣлалъ Стенька, комара не заклялъ. Астраханцы все къ нему приставали: „закляни, да закляни у насъ комара“. „Не закляну, говоритъ, вы же безъ рыбы насидитесь!“ Такъ и не заклялъ. Изъ Персидской земли княжну вывезъ, да и милуется съ ней. Товарищи и давай смѣяться: „Видно“, говорятъ, „она тебѣ дороже насъ стала?—все съ ней возишься“. Такъ что же сдѣлалъ Стенька? Взялъ княжну въ охапку, да въ Волгу и бросилъ, не пожалѣлъ. На, кормилица, говоритъ, ничѣмъ то я тебя не подаривалъ. Стенькѣ все нипочемъ было. Безбожникъ былъ Стенька: грабилъ онъ съ своей шайкой и обители святыя—монастыри, на все Богъ Стеньку попускалъ, только разъ остановила его Казанская Божія Матерь. Подошелъ онъ къ Усть-Медвѣдицкому монастырю, на Дону и сталъ требовать съ него откупъ. „Не дадите откупа—раззорю“, говоритъ, и васъ всѣхъ перебью. Просилъ монастырь Стеньку повременить до утра. Ночь накрыла; шайка вокругъ

стѣнъ стоитъ, огни развели, спать улеглись. И явилась ночью Стенькѣ во снѣ чудной красоты женщина, явилась и сказала: „отойди отъ этого мѣста“. Утромъ Стенька пришелъ въ монастырь и требовалъ, чтобы всѣ иконы показали, какія есть. Показываютъ Стенькѣ иконы, все не та. Наконецъ, сыскали одну греческаго письма.—Икона Казанской Божіей Матери.—Взглянулъ Стенька и въ ней узналъ ту женщину, что ночью во снѣ видѣлъ.

Зазрила Стеньку совѣсть, помолился онъ Владычицѣ, монастырь наградилъ и ушелъ, ничего не тронулъ.

Послѣ опять Бога забылъ, и много погубилъ христіанскихъ душъ; дворянъ больно не любилъ Стенька, мучилъ ихъ всячески, а въ Астрахани Архіерея съ колокольни сбросилъ. Прокляли за это Стеньку на всѣхъ соборахъ, а послѣ свои же начальству выдали, да онъ опять бѣжалъ и смерти ему по сію пору нѣтъ, гдѣ пропадаетъ—не вѣдомо. Старые люди сказываютъ, что судно въ горахъ у моря Каспійскаго мучается, видали, говорятъ, его тамъ. Постарѣлъ Стенька, пидо мохомъ весь обросъ, выходитъ изъ горъ и все спрашиваетъ у прохожихъ, не умножился ли грѣхъ на Руси? Не сожигаютъ ли сальныхъ свѣчь за мѣсто восковыхъ? И по другому разсказываютъ—въ Жегуляхъ.

Шло разъ, по Волгѣ судно, а на немъ одинъ бурлакъ хворый былъ. Видитъ хозяинъ, что работать бурлаку не подъ силу, далъ ему лодку и ссадилъ на горахъ. „Иди“ говоритъ „куда нибудь выйдешь, а перевозить я тебя даромъ не хочу; кто тебя знаетъ выздоровѣешь ты или нѣтъ?“ И пошелъ бурлакъ по тропинкѣ въ лѣсъ; еле тащится. Ночь пришла, зги не видать, только впереди огонекъ мелькаетъ. Пошелъ онъ на него, и вошелъ въ землянку; сидитъ въ землянкѣ старикъ, волосатый весь и сѣдой, пресѣдой.

Попросился бурлакъ переночевать, тотъ сперва не пускалъ, а послѣ и говоритъ: „Пожалуй ночуй, коли не боишься“. Прохожій человѣкъ подумалъ:—чего бояться? разбойникамъ у меня взять нечего. Легъ и заснулъ. Вдругъ просыпается—шумъ, гамъ, крикъ, свистъ и вѣтеръ по лѣсу, и влетѣла въ землянку всякая нечисть. Давай старика мучить, тискать, груди у него сосать, груди у него большія, словно у бабы. Только

зорька черкнула, они и отлетѣли. Передохнулъ и говоритъ: А знаешь ли, у кого ты ночевалъ, и кто я?—Не знаю, говоритъ тотъ. Я Стенька Разинъ, великій грѣшникъ—смерти себѣ не знаю, и здѣсь за грѣхи свои муки терплю. У бурлака хворь давно, какъ рукой сняло—стоитъ, слушаетъ старика. Далеча отсюда въ землѣ съ кладомъ вмѣстѣ ружье зарыто, говоритъ Стенька—спрыгъ травой заряжено—тамъ моя смерть. На вотъ тебѣ грамотку! И далъ старикъ запись на богатый кладъ—зарытъ былъ онъ въ Симбирской губерніи, въ селѣ Шатромаиахъ и столько казны въ немъ было, что, по его сказаніямъ, можно было Симбирскую губернію сорокъ разъ выжечь и сорокъ разъ обстроить лучше прежняго. Все было прописано въ грамоткѣ—сколько чего и какъ взять.

Первымъ дѣломъ, надо было икону Божіей Матери, часть денегъ по церквамъ и по нищей братіи раздать, а послѣ взять и изъ ружья выпалить да сказать три раза: „Степану Разину вѣчная память!“ Тогда, въ ту же минуту умеръ бы Стенька и кончились бы его муки, да не случилось такъ: Кладъ бурлаку не дался: человѣкъ онъ былъ темный, грамотѣ не зналъ, и отдалъ запись въ другія руки; а грамотники словомъ однимъ обмолвились—кладъ въ землю пошелъ; совсѣмъ было до него дорылись, дверь видно было. Передъ тѣмъ какъ сгинуть, много успѣлъ Стенька, всякаго добра схоронить. Денегъ дѣвать было некуда. Струги у Стеньки разукрашены, уключины позолочены, на молодцахъ бархатъ съ золотомъ, дорогія шапки на бекрень сбиты, ѣдутъ Волгой, пѣсни удалыя поютъ, казной сорятъ, по буграмъ, да по курганамъ, Стенька казну закапывалъ.

Въ Царицинскомъ уѣздѣ, неподалеку отъ Песковотовки курганъ небольшой стоитъ всего какихъ нибудь сажени двѣ вышины. Въ немъ, говоритъ народъ, заколдованный кладъ положенъ, цѣлое судно, какъ есть полно серебра и золота. Стенька его въ полную воду завелъ его на это мѣсто. Когда вода сбыла—судно обсохло, онъ курганъ надъ нимъ и намѣталъ, а для примѣты, на верху яблоновую палку воткнулъ. Не простой человѣкъ посадилъ ее: стала палка рости, выросла въ большое дерево и яблоки съ нея были только безсѣмянныя, сказываютъ. Всѣ доподлинно знали, что въ курганѣ кладъ лежитъ, да рыть было страшно; кладъ не простой былъ

положенъ, изъ за кургана каждый разъ кто то выскакивалъ страшный, престрашный. Нечистые стерегли Стенькино добро.

Есть еще на Волгѣ Настина гора. Не кладъ въ ней схороненъ, а Стенькина полюбовница; самъ онъ въ одно время жилъ здѣсь, а Настасья при немъ жила. Уходилъ Стенька куда, и разбойниковъ ставилъ сторожить. Берегъ атаманъ Настасью пуще, глаза да не уберегъ отъ смерти. Умерла дѣвица. Зарылъ ее Стенька на бугрѣ и закручинился, не знаетъ чѣмъ мѣсто замѣтить, чѣмъ помянуть. А съ бугра все видно; и обозы, и степи, и суда на рѣкѣ. Вотъ видитъ Стенька три воза со стеклами. „Стой, опрастывай! тащи на верхъ!" Въ степи взять больше было нечего; на Волгѣ, какъ на грѣхъ, тоже не видать ничего. Высыпалъ на бугоръ кучу битаго стекла, чѣмъ и мѣсто замѣтилъ, а возщикамъ въ память отвалилъ не одну мѣру серебра, да по разнымъ дорогамъ и отпустилъ, чтобы они, выходитъ, другъ надъ другомъ, никакого не сдѣлали. Вотъ какой былъ Стенька! Битаго стекла и сейчасъ много находятъ. На Дону у Стеньки камень былъ, а на Волгѣ бугоръ. Атаманъ на кошмѣ своей то и дѣло перелеталъ съ Волги на Донъ, съ Дону на Волгу.

По правому берегу послѣдней рѣки дѣйствительно много показываютъ Стенькиныхъ бугровъ; чуть покруче, глядишь и его. Народъ самъ забылъ, гдѣ настоящій бугоръ Стеньки Разина и креститъ его именемъ, то одинъ, то другой. „Тутъ Стенька, станомъ стоялъ" говорятъ „вотъ, здѣсь шапку оставилъ", такъ и зовутъ это мѣсто „Стенькиной шапкой". На томъ, бугрѣ стольничалъ, тамъ кладъ положенъ и заклятъ.

У всѣхъ этихъ бугровъ есть общія сходныя черты: всѣ они одной крутой стѣной обрываются въ Волгу, а съ сосѣднихъ возвышенностей отдѣляются глубокими ущельями. Недалеко отъ д. Банновки между селомъ Золотымъ, Саратовской губерніи и устьемъ большаго Еруслана, обрывъ на Волгѣ носитъ названіе бугра Стеньки Разина.

Одинъ человѣкъ тамъ не такъ давно пропалъ чрезъ него. Вотъ какъ дѣло было:

Заночевало у Стенькина бугра судно. Одинъ бурлакъ и сталъ у товарищей спрашивать, согласенъ ли кто съ нимъ идти на бугоръ посмотрѣть, что тамъ есть. Сыскался охот-

никъ, пошелъ. А бурлакъ-то былъ изъ дошлыхъ, хотѣлось ему кладъ добыть. Вышелъ съ товарищемъ на берегъ, да и говоритъ ему: Молчи знай, чтобы тебѣ не померещилось.—Ну ладно. Влѣзли на самую вершину, видятъ: яма не яма, а словно погребъ какой, съ дверью. Спустились туда, въ землянку попали. Въ переднемъ углу предъ иконою, лампадка горитъ и такъ хорошо, что не вышелъ бы изъ нея. Посередкѣ гробъ стоитъ; на гробу три желѣзныхъ обруча и молотокъ большой возлѣ лежитъ да пучекъ прутьевъ желѣзныхъ. А по стѣнамъ чего только нѣтъ? и бочки съ серебромъ и бочки съ золотомъ; камней разныхъ, золота, посуды сколько!... и все какъ жаръ горитъ.

Помолились бурлаки иконѣ и дока поднялъ молотъ и сбилъ обручи съ гроба долой. Крыша у гроба отскочила, вышла дѣвушка—раскрасавица и спрашиваетъ, чего вамъ молодцы надо? Берите всего, чего хотите? Красавица эта была Маришка безбожница. Дока, ни слова не говоря, схватилъ желѣзныя прутья и давай ее полосовать, что есть силы. Товарища индо жалость взяла, „что ты, говоритъ, дѣлаешь? Побойся Бога!“ Только онъ эти слова сказалъ, какъ въ ту же минуту все пропало; подняло его невидимой силой и вынесло на верхъ. Нѣтъ ни ямы, нѣтъ ни двери, только слышалъ изъ подъ земли, какъ крикнулъ кто-то „девятаго“.

Кладъ былъ заклятъ на много человѣческихъ головъ. Отъ страха бурлакъ обезпамятѣлъ, чрезъ силу сползъ со Стенькина бугра и три года былъ безъ языка. Съ той поры не выискивалось охотниковъ, кладъ добывать, потому, кто его знаетъ, насколько онъ головъ положенъ.

Выше Камышина, верстъ за сорокъ, показываютъ еще бугорокъ Стеньки Разина, а верстъ на восемь выше слободки Даниловки лежитъ ущелье, *Стенькина тюрьма* прозванная *Дурманомъ*. Въ старые годы, говорятъ, оно было окружено такимъ густымъ лѣсомъ, такой чащей, что плѣнному выдти некуда было, оставалось только кинуться въ воду. И Уранову гору укажутъ вамъ неподалеку отъ колоніи *Добринки*. Это высокій, сажень въ 70 бугоръ, изъ котораго убитый Стенькой Урановъ, говоритъ преданье, сряду 7 лѣтъ послѣ смерти кричалъ зычнымъ голосомъ, проходившимъ по Волгѣ судамъ: „При-

во-ра-чи-вай!" Гдѣ только не жилъ Стенька,—по разсказамъ! Пещеру его показываютъ и въ Жегуляхъ; толкуютъ про подземный ходъ въ нѣсколько сажень, вырытый имъ подъ всю лугу. Про Стенькины ходы говорятъ и въ Симбирскѣ.

Народъ помнитъ про своего неумирающаго атамана и ни о комъ здѣсь нѣтъ столько преданій, какъ объ этомъ удаломъ разбойникѣ—чародѣѣ—богатырѣ и объ его несмѣтныхъ богатствахъ и кладахъ.

Преданія о кладахъ въ Ветлужскомъ уѣздѣ, Кост. губ. Мнѣ разсказывали, что по Вятскому тракту въ Верховьѣ, въ лѣсной мѣстности есть кладъ, который въ этой мѣстности близь дороги показывается народу въ самомъ очаровательномъ видѣ. Онъ показывается въ видѣ разсыпаннаго на полянѣ золота, въ видѣ монетъ; а также въ видѣ боченковъ съ золотомъ и серебромъ. Разсказываютъ, что нѣкоторые крестьяне проѣзжая мимо, пользовались этимъ золотомъ и богатѣли отъ того, но набравши одинъ разъ золота, сколько можно, въ карманы, за пазуху, за голенища, не могли уже вторично найти это сокровище, да и мѣста не могли отыскать. Кладъ пропадалъ.

Тоже. Въ Костромской губерніи *), одинъ крестьянинъ такъ разсказывалъ: однажды ему приснилось во снѣ, что въ извѣстной мѣстности есть зарытъ кладъ, причемъ были разсказаны примѣты, кромѣ того было сказано также и то, кладъ этотъ зарытъ разбойникомъ, у котораго была подруга жизни. Умирая, онъ наградилъ ее такъ, какъ только умѣлъ, чтобы слишкомъ богато обезпечить ея существованіе съ сыномъ ея. Но его богатство было несмѣтно, и зарыто въ землѣ. Умирающій разбойникъ написалъ запись и въ немъ завѣщалъ все свое наслѣдство зарытое въ землѣ внукамъ и дальнѣйшему потомству. Такъ было возвѣщено во снѣ. Крестьянинъ видѣлъ сонъ этотъ три раза сряду и рѣшился попытать дѣйствительно ли существуетъ хоть мѣстность, привидѣвшаяся во снѣ? Мѣстность дѣйствительно была найдена, но какъ ни рылись, не могли найти такого клада. Потомъ крестьянину опять привидѣлся сонъ, гдѣ говорилось, что кладъ можно получить только

*) Разсказъ слышанъ составителемъ сей книги, проѣздомъ отъ Костромы къ Нижнему Новгороду, почтовымъ трактомъ.

по записи, что запись эта находится въ Казани у богатыхъ (нынѣ) купцовъ, праправнуковъ разбойника, что ее нужно отъ нихъ взять и только тогда можно взять кладъ, когда дашь обѣщаніе, на эти богатства построить три церкви. Понятно, что богатство было громадное, если была возможность построить три церкви. Крестьянинъ, былъ человѣкъ зажиточный, онъ нашелся побывать въ Казани, найти этихъ наслѣдниковъ и хранителей записи, поговорилъ съ ними, но владѣтели записи, не рѣшились отдать ее; а крестьянинъ на томъ же основаніи не рѣшился соединиться съ ними по недовѣрію, такъ дѣло и кончилось.

Тоже. Кладъ въ Верховьѣ *). Одна женщина какъ то видѣла во снѣ, что нѣкто, явившись къ ней, открывалъ ей кладъ говоря, что если она пойдетъ съ своимъ кровнымъ племянникомъ или племянницею вдвоемъ, а нѣтъ, такъ съ кѣмъ нибудь изъ ближнихъ родственниковъ въ полночь, то кладъ ей откроется. Сонъ повторился три ночи сряду. Нельзя было не повѣрить, наконецъ. Обратилась баба къ своему родному племяннику и стала приглашать его съ собою для отрыванія клада. Мѣсто, гдѣ былъ кладъ, осмотрѣли. Во снѣ ясно было обозначено мѣсто и его еще днемъ нашли. Наступила ночь. Баба до смерти боится идти одна, не менѣе ее боится идти и племянникъ.—„Не позвать ли съ собою кого, тетушка?"—Да пожалуй возьмемъ, кто посмѣлѣе, соглашается тетка. Взяли какихъ-то двоихъ, троихъ смѣльчаковъ. Мѣсто благо знакомое. Вооружились дубинками (противъ нечистой-то силы), и пошли. Не дошли сажень пятнадцать, смотрятъ: на томъ мѣстѣ огонекъ сверкаетъ, скачетъ, а вѣтеръ такъ и гудитъ! Мѣсто то лѣсное, свищетъ по хвою холодный, такъ сердце и замираетъ; вѣдь, время то самое полуночное. Идутъ словно упираются да назадъ оглядываются. Не дошли до клада и сажень пяти, а ужъ имъ чудища стали показываться и плясать и скакать предъ огнемъ. „Глядитъ мой племянникъ", повѣствуетъ баба: „а ужъ провожатые то бѣгутъ отъ насъ только пятки улипаютъ. не выдержали и мы съ племянникомъ, за ними же слѣдомъ побѣгли. не помнимъ, какъ съ ужасу то до домовъ добѣжали. потому

*) Слышанъ самимъ составителемъ.

што очень ужъ страхъ обуялъ, да и вѣтеръ то очинно круто свисталъ и посвистывалъ... бѣда! Заключила разскащица.

Золотой пѣтушокъ. Тоже разсказывали про одну крестьянку, которая въ скорое время разбогатѣла и поправила хозяйство слѣдующимъ случаемъ *):

Однажды, взобравшись на возвышенность, находящуюся близь дороги, въ видѣ луговины, женщина увидѣла волотистаго пѣтушка. Первый разъ баба не обратила на это вниманія, второй разъ тоже. Въ два первыхъ раза баба смѣтила, что-то такое необыкновенное, изъ ряда вонъ, причемъ, конечно замѣтила, что ни курицъ, ни пѣтуховъ такихъ нѣтъ въ окрестности да и небывало. На третій разъ смѣтливая женщина прихватила съ собою въ передникъ овсеца и пошла на эту гору, гдѣ видѣла золотистаго пѣтуха. А онъ, какъ тутъ. Бросила эта женщина овса, пѣтушекъ подбѣжалъ клевать; вотъ она и начала, идучи къ своей деревни, подсыпать, словно сѣять овесъ; пѣтушекъ идетъ за ней да идетъ, знай клюетъ, а баба торопко къ дому идетъ, чтобы овса хватила... вотъ и до воротъ дошла... черезъ порогъ перешагнула... перебѣжалъ порогъ пѣтушокъ. Какъ только пѣтушокъ вбѣжалъ во дворъ, смѣтливая женщина, затворивъ ворота, убила на отмашъ золотаго пѣтушка и онъ разсыпался въ чистую золотую монету. Баба деньги подобрала и счастливо жить стала.

---

*) Составителю показывали и мѣстность.

ПОРЯДКИ, ХАРАКТЕРЪ И ОБЫЧАИ РУССКАГО НАРОДА.

ЖИЛЫЯ МѢСТНОСТИ.

Жилыя мѣстности въ Старой Руси, были: городъ, пригородъ, посадъ, слобода, погостъ, село, сельцо, починокъ *). Это уже было въ то время, когда образовалась прочная осѣдлая жизнь русскаго народа. Но гораздо ранѣе того, мы видимъ, какъ говоритъ Терещенко, Славяне, а затѣмъ и наши Россы жили безпорядочно, потому что боясь ежедневно набѣговъ, какъ беззащитные, при неимѣніи правильнаго государственнаго строя, должны были защищаться и массами и поодиночно. Каждый славянинъ, защищая свое имущество, свою родную семью, скрывался въ землянкахъ, вѣроятно также и по неумѣнію строиться. Понятно изъ этого, что они основывали весь свой добытокъ на скотоводствѣ, отъ котораго получали пищу, одежду и даже источникъ дохода—выгодную мѣну съ другими сосѣдними народами, съ которыми были въ благопріятныхъ сношеніяхъ.

Образованіе городовъ, пригородовъ, посадовъ, селъ и прочихъ общественныхъ поселеній образовалось тогда, когда народъ созналъ и укрѣпился въ мысли, что дѣйствуя массою, онъ скорѣе можетъ укрѣпиться въ защитѣ противъ непріятеля, что и подтверждаетъ исторія. Сила народа выражается единствомъ духа, единствомъ мысли и силою противодѣйствовать до извѣстной степени, чтобы противустать нападенію. Въ этомъ случаѣ извѣстная масса, состоявшая изъ силы и родственниковъ дружно живущихъ, принимала всѣ средства къ тому, чтобы оградить себя отъ разнаго рода нападенія, не только отъ людей, но даже отъ нападенія звѣрей, и разумѣется ограждалась тыномъ, загородками разнаго рода, вообще преградами, которыя были бы недоступны противъ людей и защищали бы отъ нападенія звѣрей.

Со дня на день, семьи увеличивались, согласіе развивалось во имя общей безопасности, съ тѣмъ вмѣстѣ и принимались

*) Очеркъ домаш. жизни и нравовъ Рус. Нар. Н. И. Костомарова.

мѣры защиты противъ всякаго рода непріятеля; нужно замѣтить, что лѣса представляли такое необозримое пространство, затруднявшее пути даже для пѣшеходовъ, что часто путники утопали въ бортяхъ. Но какъ бы то ни было, а обиліе лѣсовъ и организація города (огорода, огородки), дали возможность развить правильность управленія, а съ тѣмъ вмѣстѣ охраны и защиты.

Отсюда мы понимаемъ, что слово: „городъ" принималось въ различныхъ смыслахъ, первоначально это означало огороженное мѣсто, равносильно съ „*оградой, огорожей*". На основаніи этого, мѣстности для укрѣпленія представляли болѣе надежды на безопасность въ случаѣ внѣшнихъ нападеній и эти мѣстности тщательно ограждались, а вмѣстѣ съ тѣмъ подпадали подъ нѣкоторую зависимость, которая по духу того времени, когда владычествовала сила, могла легко обратиться въ порабощеніе.

Такимъ образомъ состоялись города при болѣе или менѣе благопріятныхъ условіяхъ: одни возрасли подъ вліяніемъ сильныхъ напусковъ, давленія внѣшнихъ силъ, другіе, напротивъ, сами переходили границы и далеко бодрствовали за предѣлами. И дѣйствительно, какъ о томъ есть сказанія и ихъ не мало, напримѣръ, возьмемъ сказаніе объ Ильѣ Муромцѣ, который былъ представитель земской охраны, и въ тоже время защиты народа.

Плохо согласовалась между собою междугородовая связь, разгромъ былъ большой при неурядицѣ, существовавшей по долгу, и это то была причина, что города были центрами прилива народонаселенія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и центромъ сбыта различныхъ произведеній, какъ жизненныхъ продуктовъ, такъ и другихъ предметовъ. Послѣдняя причина тоже способствовала къ централизаціи населенія, при чемъ конечно эти ународованныя мѣстности нуждались въ судѣ, расправѣ, по причинѣ разныхъ народныхъ столкновеній, болѣе чѣмъ другія, по своей скученности и по тому также, что какъ мѣстности укрѣпленныя, требовавшія лицъ спеціально посвященныхъ стратегическому искусству, имѣло начальство. Такимъ образомъ города получили значеніе преимущества предъ неукрѣпленными населеніями и послѣднія подпали имъ въ зависимость, которая по духу того времени, когда владычествовала сила, замѣнялась легко и часто

порабощеніемъ. Но не всѣ города имѣли равное достоинство своей крѣпости; крѣпчайшіе дѣлались центромъ власти и имъ подчинялись многіе. Тогда между городами образовались два рода: старшіе и младшіе, сильнѣйшіе и слабѣйшіе, или *города* (градъ) и *пригороды* (то-есть состоящіе подъ администраціей городской власти и стратегическихъ связей). Такимъ образомъ собственно слово „городъ" приняло значеніе государственнаго мѣста. Народные интересы заставляли обитателей скучиваться и вотъ время отъ времени около города образовались нѣсколько пригородовъ, селъ, деревень. Такъ городъ Кіевъ былъ городомъ земли Русской, Черниговъ — городомъ земли Сѣверской, Псковъ—земли Псковской, Хлыновъ—земли Вятской, а Вышгородъ, Бѣлгородъ—были пригороды Кіева, Ладога—пригородъ Новгорода, а современемъ Москва—городомъ всей земли Русской, послѣ того самое значеніе города было измѣнено. Городомъ стало называться не главное правительственное мѣсто, гдѣ сосредоточивалось правленіе и судъ, а только, какъ укрѣпленное мѣсто, или какъ правительственный пунктъ.

Посадомъ *) называлось то, что теперь мы привыкли называть *городомъ* и названіе *посадскій человѣкъ* (житель посада) означало тоже что теперь *мѣщанинъ*. Посады были пунктами торговой и промышленной дѣятельности, строились всегда близь городовъ; городъ въ такомъ случаѣ назывался *кремлемъ*, а посадъ раскидывался около него. Часто городъ былъ на горѣ, а посады внизу, какъ видимъ это на Москвѣ. Посады эти обводились валами тамъ, гдѣ жителямъ было опасно жить по случаю внѣшнихъ нападеній. Посадъ раздѣлялся на двѣ части на *острогъ* и *поселокъ*. *Острогомъ* называлось укрѣпленное мѣсто, служащее для защиты города отъ внѣшнихъ нападеній, а поселокъ—населенное мѣсто для жителей, собственно—посадъ, а за нимъ *слободы* **).

Слободами первоначально назывались поселенія, которыхъ жители пользовались какими либо льготами, причемъ эти

---

*) За границей, на западѣ, посады назыв. *Сити* въ Англіи, *Борго* во Франціи, Штатъ—въ Германіи, и пр.

**) И теперь у зап. Славянъ существуетъ это дѣленіе. Варошъ—острогъ, Паланка—поселеніе, посадъ и градъ.

льготы давались обществамъ, которыхъ дѣятельность посвящена была опредѣлительно какимъ нибудь особымъ занятіямъ, преимущественно ремесламъ.

Погостъ, *село*, *сельцо*, *деревня*, *поселокъ*, *займище*, были заняты земледѣльческимъ сословіемъ, при которыхъ была церковь, сосредоточивалось управленіе и даже былъ сборный пунктъ окрестнаго населенія. Но когда число церквей умножилось и такихъ поселеній стало много, они естественно начали утрачивать прежнее преимущественное значеніе и назывались селами. Слово погостъ было нѣкогда во всеобщемъ употребленіи, въ XVI и XVII ст. сохранилось только въ новгородской землѣ, въ смыслѣ большаго села, со средоточіемъ администраціи для окрестнаго края. Сейчасъ же погостомъ называютъ кладбище съ церковью.

Между сельцомъ и селомъ различіе было только въ величинѣ ихъ. Въ позднѣйшее время „селами“ стали называться деревни съ храмами а „сельцами“ деревни, гдѣ помѣщаются дома владѣльцевъ имѣнія.

Починки. Починками назывались мало населенныя деревни и недавно населенныя, которыя, впрочемъ удерживали это названіе однажды навсегда.

Займище. Такъ называлось небольше поселеніе на дикой новой землѣ, занятое однимъ дворомъ. Когда современемъ къ этому двору присоединялись еще нѣсколько, тогда изъ займища образовался починокъ.

АРХИТЕКТУРА ГОРОДОВЪ И ЗДАНІЙ.

По вышесказаннымъ причинамъ, города возникали вмѣстѣ съ населеніемъ, и даже ранѣе, такъ какъ сплоченная масса населенія требовала защиты отъ нападенія непріятеля или дерзкихъ хищниковъ при недостаткѣ полицейской (охранительной) власти. Города, въ старину, представляли болѣе или менѣе укрѣпленія, въ которомъ правительство сосредоточивало защиту и правленіе. Какъ замки на западѣ Европы, города ограждались рвами, валами; стѣны дѣлались каменныя, кирпичныя, земляныя и деревянныя, послѣднія представляли собою тынъ изъ бревенъ расположенный по земляному валу. Города распола-

гались такъ, чтобы близь ихъ была всегда естественная защита: вода или ущелья горъ. Случалось такъ, что одна изъ стѣнъ города примыкала къ болоту, рѣкѣ, или пруду, а прочія стороны окружались рвомъ. При нынѣшнихъ системахъ войны, эти преграды—ничтожны, но въ былое время, когда не существовало огнестрѣльнаго оружія, а лишь мечи и стрѣлы, подобныя преграды могли представляться непреоборимыми. Часто случалось, что городъ окруженный однажды тыномъ и рвомъ, еще разъ опоясывался осыпью или деревянною стѣною, что называлось острогомъ, между которыми находилось поселеніе. Такое расположеніе для городовой защиты мы видимъ и въ Москвѣ: Кремль съ Китай-городомъ составлялъ сердцевину столицы; на значительномъ промежуткѣ отъ нихъ была проведена кругомъ другая стѣна, называемая бѣлымъ городомъ или бѣлъ-городомъ. Далѣе, также на значительномъ промежуткѣ, былъ расположенъ земляной валъ, обшитый деревянною стѣною. Такое устройство существовало и въ другихъ городахъ: въ Казани былъ каменный кремль, а за нимъ слѣдовалъ посадъ окруженный острожной деревянною стѣною; въ Астрахани также былъ деревянный кремль, а его окружала другая каменная стѣна, соединявшаяся съ кремлевскою. Вдоль Волги и промежутокъ между кремлевскою стѣною и этой послѣдней, какъ и въ Москвѣ,—бѣлымъ городомъ. Во Псковѣ, середнее укрѣпленіе называлось—Дѣтинецъ. Оно стояло въ углу, образуемое рѣкою *Великою* и впадающею въ нее *Псковою*.

Вообще какъ каменныя, такъ и деревянныя стѣны городовъ не имѣли никакихъ правильныхъ очертаній. Въ каменныхъ стѣнахъ всегда дѣлались зубцы иногда вышиною, составляющіе треть всей вышины. По протяженію всей стѣны возвышались башни, въ каменныхъ городахъ каменныя, въ деревянныхъ и земляныхъ деревянныя; но иногда случалось, что при деревянныхъ городскихъ стѣнахъ, самыя башни были каменныя, какъ то было въ Ярославлѣ *). Кромѣ башенъ въ стѣнахъ дѣлались разнаго рода уступы, носившіе названія: *городки*, *выводы*, *костры*. *кружала*, *бары*, *абламы* (скатныя пристройки выпятившіяся наружу), съ деревянными котами (катками или колесами безъ спицъ), которые

---

*) См. Кн. Большаго Чертежа.

спускались на непріятеля во время осады. *Печоры* (углубленія внутрь стѣны). *Быки*, то-есть расположенные рядами большіе выступы, на которыхъ строились большія укрѣпленія, образовывающія другую стѣну *). Стѣны раздѣлялись по пространствамъ между башнями называемыми *Пряслами*. Эти пространства имѣли различное протяженіе въ одномъ и томъ же городѣ. Такъ, въ Новгородскомъ каменномъ городѣ пространство между башнями въ одной сторонѣ было до 70 саженей, а въ другой до 50, въ третьей до 40 и менѣе. Въ Новгородскомъ земляномъ городѣ между одними башнями было до 150 саженей, между другими 46. Въ Тотьмѣ вообще отъ 70 до 25 саж. Словомъ расположеніе башенъ было расчитано не равенствомъ разстояній, а выгодами въ стратегическомъ отношеніи.

По прясламъ устраивались окна, при которыхъ припасались камни и колья, чтобы мегать въ осаждающихъ и бои, узкія отверстія, откуда стрѣляли изъ пушекъ и пищалей. Такихъ боевъ въ большихъ городахъ было три: Подошевный, средній и верхній. Толщина стѣнъ была различная, такъ что, по сказаніямъ Англичанъ, стѣны Московскаго кремля въ XVI вѣкѣ имѣли въ толщину 18 футовъ (болѣе $1\frac{1}{2}$ саж.). Эти стѣны внутри имѣли лѣстницы и ходы изъ одной башни въ другую. По мѣстамъ эти ходы имѣютъ выходы наружу. На большихъ выступахъ, или *быкахъ*, устраивались мосты, на которыхъ, какъ выше сказано возвышалась другая стѣна. Вдоль городскихъ стѣнъ, устраивался мостъ, по которому можно было имѣть движеніе по всей окружности. Пространство между стѣнами засыпалось землею, или было соединяемо поперечными бревнами или же вовсе оставался пустымъ промежуткомъ **), надъ которымъ устраивалась кровля изъ теса или рѣшетины и которыя были довольно высоки.

Дворы и дома. Въ глубокую старину дворы были очень просторны, это видно уже изъ того, что для предохраненія отъ пожаровъ приказывали варить кушанье и печь хлѣбы далеко отъ жилыхъ строеній въ городахъ ***). Въ старину, при

*) Доп. II. 31. III. 6. V. 295. А. И. III. 283. Ворон. акты. II. 99.
**) Поѣздка въ Кирилл. Бѣлоз. монастырь. 26. А. И. I. 322 Влад. Сб. 170.
***) П. С. З. I. 165.

Великихъ Князьяхъ, въ Москвѣ были дворы, принадлежащіе князьямъ, до того огромные, что дѣлились какъ удѣлы, и даже два князя владѣли однимъ дворомъ *). Въ завѣщаніи Іоанна III о дворахъ, данныхъ имъ своимъ дѣтямъ, говорится о томъ, что въ нихъ заводили торги, и вели судныя дѣла, касавшихся живущихъ въ этихъ дворахъ; это указывается на обширность и населенность такихъ дворовъ **). Въ XVII в. Царская усадьба въ Измайловѣ простиралась на четыре десятины ***). Въ Александровской слободѣ конюшенный дворъ занималъ болѣе десяти десятинъ (Влад. сбор. 173 ****).

Особенность русскаго двора была та, что дома строились не рядомъ съ воротами, а посрединѣ; отъ главныхъ воротъ пролегала къ жилью дорога, иногда мощеная, которую добрый хозяинъ содержалъ постоянно въ чистотѣ и наказывалъ слугамъ счищать съ нея грязь въ дождливое лѣтнее, и сугробы въ зимнее время (Домострой. 166). Вмѣсто того, чтобы по надобности строить большой домъ или дѣлать къ нему пристройки, на дворѣ сооружали нѣсколько жилыхъ строеній, которыя имѣли общее названіе „*хоромъ*“ *****). Надворныя постройки вообще были жилыя, служебныя или кладовыя. Жилыя носили названія: избы, горницы, повалуши, сѣнника. Изба была общее названіе жилаго строенія. Горница, какъ показываетъ самое слово, было строеніе горнее или верхнее, надстроенное надъ нижнимъ и обыкновенно чистое и свѣтлое, служившее для пріема гостей. Названіе „*повалуши*“, холодной кладовой (Акты *относ. къ юр. б. 366)*, но были также и жилыми покоями. Неизвѣстно въ чемъ состоитъ ихъ отличіе отъ горницъ, тѣмъ болѣе, что они часто были рядомъ съ горницами и занимали верхнюю часть зданія. *Сѣнникомъ* называлась комната холодная, часто надстроенная надъ конюшнями и амбарами, служившая лѣтнимъ покоемъ и необходимая во время свадебныхъ обрядовъ. Бывало и такъ, что въ одномъ домѣ было по три

---

*) С. Г. Гр. I. 137.
**) С. Г. Гр. I. 397.
***) Оп. Изм. Дв. От. зап. 1851 г. Мартъ.
****) Очеркъ дом. жизни и нр. Великорусс. Народа. Костомарова. Спб. 1860 г.
*****) Опис. Г. Шуи. 309.

горницы и одна повалуша, а иногда двѣ горницы и три повалуши *). При каждомъ отдѣльномъ зданіи были сѣни и часто двое: переднія и заднія, нерѣдко теплыя **). Часто отдѣльныя зданія соединялись крытыми переходами или корридорами, какъ то видимъ въ Измайловскомъ и Коломенскомъ селахъ и у царей, которыя какъ къ центру, вели къ домовымъ храмамъ ***). У простолюдиновъ были избы черныя, то-есть курныя, безъ трубъ. Дымъ выходилъ въ маленькое волоковое окно: при собственно такъ называемыхъ избахъ были постройки, называемыя комнатами. Въ этомъ пространствѣ жилъ бѣдный русскій мужикъ, какъ живетъ во многихъ мѣстахъ и теперь съ своими курами, свиньями, гусьми и телками, посреди невыносимой вони. Печь служила логовищемъ цѣлому семейству, а отъ печи поверху, подъ потолокъ придѣлывались полати ****). Къ избамъ придѣлывались разныя пристѣнки и прирубки *****).

Въ богатыхъ домахъ крыльца дѣлались съ кувшинообразными колонами, и покрывались остроконечными кровлями ******).

Входъ въ нижній этажъ чаще всего былъ чрезъ особую дверь отъ крыльца или изнутри; ступени крыльца вели обыкновенно на террасу, называемую *рундукомъ*, огороженную балясами *******), потомъ прямо въ сѣни вторага яруса. Соотвѣтствующая ему часть въ нижнемъ этажѣ дополнялась также сѣньми и называлась подсѣнье. Какъ сѣни, такъ и подсѣнье пристраивались съ двухъ сторонъ дома и однѣ были переднія, а другія заднія. Въ этихъ сѣняхъ и подсѣньяхъ дѣлались чуланы и каморки, иногда свѣтлыя, иногда темныя ********).

Первоначальныя жилища. Первоначальныя жилища въ нашу старину состояли изъ лѣсныхъ срубовъ; ставили ихъ по произволу и по удобству хозяйственныхъ помѣщеній. Внутрен-

---

*) А. Юр. 132 и 126.

**) 133. А. Ю.

***) Описаніе Изм. Д. О. З. 1851 г. Мартъ 18—10. Рус. Ст. 140.

****) Carl. 355. Petr. 414. Барб. Ю. Ог. Ш. 13. Врем. XX.

*****) А. Юр. 147.

******) Рус. Ст. 146.

*******) Подр. на Пост. дома Цар. Ив. О. З. 1851 г. Мартъ 23.

********) А. Ю. 132.

ность ихъ состояла изъ одной общей комнаты, въ смежности съ коею находились пристройки для домашняго обихода, то-есть, для помѣщенія скота и птицъ и для храненія хлѣба и жизненныхъ припасовъ, людей и скота. Овинъ или гумно стояли не далеко отъ избы. Мы не имѣемъ самыхъ древнихъ свѣденій о постройкѣ по наружности нашихъ домовъ. Судя о простотѣ тогдашнихъ нравовъ должно думать, что избы и хоромы предполагались безъ наружныхъ украшеній и изъ дерева. Жилые покои стояли внутри двора и обводились деревянными заборами, съ рѣшеткою и безъ рѣшетки, и часто коломъ. Конечно это дѣлали одни богатые, прочіе огораживали плетнемъ, а то и совсѣмъ не огораживали.

Нѣтъ сомнѣнія, что за исключеніемъ Ольгина терема, всѣ тогдашнія сельскія избы не отличались отъ нынѣшнихъ; вообще были не высокія, крылись у богатыхъ досками и соломою. Горожане строили высокіе дома, и жили обыкновенно вверху или въ верхнемъ жильѣ; это видно изъ того, что когда язычники Кіевляне хотѣли принесть въ жертву идолу Перуну христіанина, родомъ варяга, тогда подрубили сѣни и убили его съ отцемъ. Тѣло умершаго Владиміра I-го спустили по веревкамъ изъ верхняго жилья, разобравъ помостъ между двумя клѣтьми.

Устройство въ домѣ. Низъ дома служилъ для погребовъ называвшихся „медушами" потому, что въ нихъ преимущественно находился медъ; а также, и для кладовыхъ. Домъ дѣлился на клѣти (комнаты). Онъ раздѣлялся пополамъ сѣнями, называвшимися иногда *помостомъ*; вдали отъ дома строились одрины или опочивальни. Наши предки любили уснуть послѣ обѣда и это называлось у нихъ, маленько отдохнуть.

Въ XV вѣкѣ дома дворянъ и горожанъ по большей части были небольшіе, крытые соломою; въ нихъ ставили хлѣбныя печи, гдѣ варили и пекли отъ чего покои назывались „*дымомъ*" *). „*Избами*" дома назывались какъ, предполагаютъ, сокращенія слова: истоплево. Въ тѣхъ избахъ нерѣдко толпились телята другія домашнія животныя, какъ доселѣ. По недостатку въ

*) Въ старину подать съ поселянъ брали съ дыма, съ трубы, особенно это началось съ татарскаго ига, отчего наши поселяне затыкали избы и образовали курныя, чтобы не платить.

стеклѣ, обтягивали окна говяжьими пузырями или проникнутой масломъ холстиною, которую впослѣдствіи замѣнили слюдою. Въ концѣ XVI в. столица величалась прочными зданіями: каменными лавками и домами. Но нашлись злодѣи: Кн. Вас. Щепинъ, дворяне Василій Лебедевъ и два Байкова, отецъ и сынъ, которые сговорились зажечь Москву въ разныхъ мѣстахъ; однако умыселъ ихъ былъ открытъ, виновниковъ схватили и казнили. Это было въ 1597 г. *).

Нужно замѣтить, вѣря, по словамъ Ченслера, что Москва была обширнѣе Лондона, въ 1520 г. Въ Москвѣ, было за 100000 человѣкъ жителей, и Москва рѣка считалась судоходною.

Гридница. Такъ называлась у великихъ князей пріемная, еще до Великаго князя Владиміра I-го. Въ его время, въ ней угощались бояре, гридни, сотники и всѣ нарочитые люди (именитые граждане). Изъ этого разряда, гридни составляли отборную дружину княжескую, которая потомъ преобразовалась въ мечниковъ. **) На дворѣ строили вышки и повалуши для голубей, которыхъ любили наши предки издревле, и назывались еще голубницами. Хоромами назывались у насъ высокіе деревянные дома, а теремами—покои или комнаты расположенныя въ верхнемъ ярусѣ.

Жилые покои освѣщались свѣчами и свѣтильнею. Въ великокняжескихъ домахъ и хоромахъ горѣли восковыя свѣчи, потому, что воску было у насъ въ изобиліи; его снимали въ лѣсахъ изъ дикихъ пчельниковъ и продавали вѣроятно дешево. Недостаточные люди жгли обыкновенное масло (конопляное, льняное) наливаемое въ глиняные круглые сосуды, какъ по нынѣ въ обыкновеніи между малороссіанами, у коихъ такой сосудъ называется *коганецъ*, а въ Великороссіи—*жирникъ*, *ночникъ*, *свитецъ*.

Иностранцы, бывавшіе у насъ по дѣламъ посольскимъ въ XVI и въ XVII в. говорятъ единогласно, что путь ихъ въ ночное время освѣщали лучинами, которыя горѣли такъ свѣтло, какъ бы самое солнце среди дня; что по дорогамъ зажигали

---

*) Никон. Лѣт. час. VIII. С. 29.

**) Гридни или гридень происходитъ отъ Шведскаго слова: мечь (gred), придворная стража. Вѣроятно слово варяжское.

смоляныя бочки, пуки соломы и костры дровъ.—Сальныя свѣчи явились у насъ не прежде XVII вѣка; въ это время употребляли ихъ многіе.

Строителями домовъ были природные русскіе. Нашъ мужичекъ отъ природы смѣтливый самъ плотникъ и зодчій; такъ было и въ самой отдаленной древности, въ XII вѣкѣ распространялись у насъ ремесла и полезныя знанія; мы имѣли живописцевъ и строителей иноземныхъ, кои преимущественно занимались украшеніемъ храмовъ. Кремлевскій дворецъ былъ первоначально деревянный, какъ дворцы, великій дворецъ Великихъ князей въ Кіевѣ. В. К. Іоаннъ Калита, украшая Москву каменными храмами, обвелъ ее въ 1339 г. дубовыми стѣнами и возобновилъ сгорѣвшій въ его время кремликъ.

Въ его время были возобновлены соборы Успенскій, Архангельскій, Успенскій св. Іоанна Лѣствичника и Преображенія. До XV вѣка не было здѣсь кромѣ храмовъ и городскихъ укрѣпленій ни одного каменнаго дома; князья и вельможи строили деревянные по избытку лѣса и трудной выдѣлкѣ кирпича, который продавался безъ сомнѣнія дорого, сверхъ того требовалъ искусства въ построеніи.

Украшеніе комнатъ. Стѣны комнатъ были голыя, столы и лавки дубовыя только у богатыхъ, они стояли вокругъ стѣнъ. Стѣны эти покрывались у богатыхъ коврами, даже въ то время, когда не знали ни стульевъ ни креселъ. Великіе князья садились на сѣдалище замѣнявшихъ тронъ, во время обѣда на лавкахъ покрытыхъ тканями иногда, да бархатомъ. Лучшимъ украшеніемъ были образа святыхъ угодниковъ.

Каменные дома начали распространяться только съ XV вѣка. Иностранные художники, призванные въ Россію для построенія городовъ и каменныхъ церквей построили въ 1491 г. впервые, грановитую палату; знатные люди также стали строить каменные дома (хоромы). Митрополитъ Зосима поставилъ на своемъ дворѣ три келіи каменныя съ подклѣтами; голова Дм. Вл. Ховринъ, и Вас. Ѳед. Образецъ построили каменные домы (въ 1485 г.) Тогда многіе явно чувствовали превосходство европейцевъ въ гражданскомъ искусствѣ; старались заимствовать все полезное,—кромѣ обычаевъ, къ коимъ оставались вѣрными. Нельзя оставить безъ вниманія, что постройка и укрѣ-

пленіе многихъ заграничныхъ городовъ, было производимо знаніемъ русскихъ, познакомившихся уже съ искусствомъ военнымъ. Въ домахъ печи дѣлались изращатыя, стѣны комнатъ расписывались изображеніями изъ церковной исторіи. Въ свѣтлицахъ были печи съ лежанками, на которыхъ любили покоиться ночью и сиживали днемъ въ зимнее время. Въ печныхъ стѣнкахъ дѣлались печурки, назначенныя для того, чтобы въ нихъ подогрѣвать кушанье и что было надобно для хозяйства; или держали посуду домашнюю, и такія печурки, часто замѣняли шкафы. Петръ Великій построивъ для себя небольшой деревянный домикъ изъ трехъ комнатъ (на Петербургской сторонѣ) имѣлъ такую же печь съ печурками, въ коихъ онъ ставилъ свой чайный приборъ, разныя домашнія вещи и тамъ нагрѣвалъ воду. Его домикъ, обращенный теперь въ часовню, не имѣетъ прежней печи. Въ холодныхъ мѣстахъ, понынѣ дѣлаютъ у насъ печи съ лежанками. Высота дома и обширность двора, означала богатство и важность хозяина. Встарь было заведено въ извѣстный часъ во всѣхъ домахъ гасить огни и ложиться спать, зачѣмъ наблюдали нарочные пристава.

Внутреннія стѣны каменныхъ покоевъ въ зажиточныхъ домахъ обшивалось досками, а въ богатыхъ домахъ обивались Голландскою позолоченною кожей; у Царицы Ирины, супруги Ѳеодора были росписаны стѣны великолѣпно: стѣны были изукрашены мусіею съ изображеніемъ на ней Спасителя, Божіей Матери, Ангеловъ, Іерарховъ, мучениковъ; на потолкѣ лежалъ прикрѣпленный къ своду левъ, который держалъ въ зубахъ змѣю, съ висящими на ней роскошными подсвѣчниками. Двѣ царскія палаты: Большая Грановитая и Золотая Грановитая, были росписаны событіями изъ священной исторіи, аллегорическими изображеніями добродѣтели, временъ года, и явленій природы *). Картины, эстампы и портреты появились въ это время и первый сталъ употреблять бояринъ Артемій Сергѣевичъ Матвѣевъ, украшая ими внутренность дворца, который однако былъ деревянный. Почти при каждомъ домѣ находился садъ и огородъ для украшенія, а иногда сопряжено было съ расчетомъ пользованія фруктами и прохладой лѣтомъ, но луч-

*) Arsenii Descrip. itinerisin Moscoviam, пом. въ собран. Вихмана.

шимъ украшеніемъ дома и сада считались пруды иногда очень обширные.

Курени. Въ безлѣсныхъ и степныхъ мѣстахъ существовали еще курени (землянки), служившіе преимущественно жилищемъ запорожцевъ и украинскихъ казаковъ. Эти курени выкапывались ямами въ землѣ для помѣщенія отъ 5 до 10 человѣкъ. Внутри обмазывались стѣны, которыя укрѣплялись на подпорахъ, вмѣстѣ съ кровлею, состоявшею изъ земляной насыпи и поверхъ ее покрывали соломою, очеретомъ, травою, или дѣлали прежде верхъ изъ плетенаго хвороста, а потомъ его посыпали землею. Кровля вскорѣ заростала травою, и оставались видными только торчавшія трубы, а часто одни диры чрезъ которыя проходилъ дымъ и обкуривалъ верхъ, отъ чего и возникло названіе *куреней.* Въ курень входили по землянымъ ступенямъ; двери дѣлались довольно крѣпкія, хотя и маленькія и внутри запирались. Посреди куреня стояла печь, а иногда просто раскладывали огонь (костеръ) и дымъ произвольно выходилъ въ трубу и двери; окна въ куреняхъ были только тамъ, когда курень поднимался нѣсколько выше земли. Курени занимали пространство многолюднаго города и отличались отъ него только невидимыми жителями. Такіе курени существовали встарь у прочихъ казаковъ, какъ то: у Волжскихъ, Гребенскихъ, Донскихъ и Яицкихъ (Уральскихъ).

Мазанки. Въ югозападной Россіи строились съ самыхъ давнихъ временъ, мазанки, которыя современемъ переименовались въ хаты (избы). Но между ними существуетъ и различіе. Мазанки дѣлались, какъ и нынѣ у горскихъ и всѣхъ полуднихъ и степныхъ жителей Кавказа, довольно незатѣйливо. Предназначенное мѣсто для жилья огораживали плетнемъ: раздѣливъ внутренность на части или покои, разгораживали ихъ другимъ плетнемъ, который состоялъ изъ хворосту, или тростника называемаго въ Малороссіи *очеретомъ.* Плетень облѣпливали землею, смѣшанной съ глиною, или просто глиною, потомъ смазывали иагладко глиною; и вотъ, отъ этого то мазанья произошло самое названіе *мазанокъ.* Посреди мазанокъ становилась кирпичная печь, которая топилась изъ сѣней, очеретомъ, кизяками, (засушеннымъ навозомъ) или валежникомъ; полъ былъ земляной, иногда онъ укрывался травою или соломою, но чаще

всего смазывался желтою глиною. Стѣны внутри и снаружи обѣливали или завохривали (желтили вохрою), а поверхъ земляной насыпи часто выводили соломенныя крыши. Въ стѣнѣ прорѣзывали небольшія окошки. Со стороны наружныхъ дверей придѣлывали по бокамъ призьбы *) (завалинки), домъ огораживали тыномъ или плетнемъ.

Хата. Хаты строются, какъ строились прежде, въ лѣсу обмазываются глиною съ обѣихъ сторонъ. Внутреннее расположеніе удобное и широкое; оно раздѣляется на двѣ половины: въ одной живутъ и готовятъ кушанье, а въ другой принимаютъ гостей и это послѣднее помѣщеніе называется *„свитилкою“ (свѣтелкою. свѣтлицею)*. Полъ здѣсь обмазываютъ глиною, печи бѣлятъ; а у богатыхъ онѣ дѣлаются изъ кахли разноцвѣтной (израсцовъ), окна довольно большія, покои очень свѣтлые, чистые и опрятные; а такъ, какъ ихъ часто бѣлятъ, то въ нихъ нѣтъ ни тараканов, ни клоповъ, что очень важно для спокойствія обитателей, пользующихся самымъ умѣреннымъ сномъ **).

ДОМОВОДСТВО.

Въ своей патріархальной простотѣ наши предки довольствовались весьма немногимъ: полусырая пища, мясо, коренья и шкуры дикихъ или домашнихъ звѣрей удовлетворяли ихъ нужды. Наши предки долго не знали роскоши; въ XI ст. они питались еще просомъ, гречихою и молокомъ, потомъ уже выучились готовить явства, и прочее; и встарь отличались хлѣбосольствомъ.

Напитокъ. медъ. Медъ дѣлался встарь, какъ любимое русское питье весьма крѣпкій. до такой степени, что имъ упивалися также, какъ виномъ. Можетъ быть самый секретъ его составленія и потерянъ. Знаемъ однако же. что медъ не славянское названіе, а греческое и при томъ древнее, на коемъ медъ *μέδυ* означаетъ опьяненіе. Эдда называетъ медъ божественнымъ питьемъ. Жители Даніи употребляли его вмѣсто вина. Крѣпость опьяненія меда сравнивалась съ водкою. Мы знаемъ

*) Призба, сокращеніе: „при избѣ“.

**) Извлечено изъ кн. „Бытъ Русск. Народа“. А. Терещенко. Ч. I.

изъ нашей исторіи, что великая княгиня Ольга, будучи у древлянъ (945 г.) повелѣла жителямъ Искоростеня (нынѣ Коростень Волынской губ.) приготовить для нея меду, которымъ она хотѣла угостить ихъ самихъ *). Меда были: вишневый, смородинный, можжевельный, оборный, приварный, красный, бѣлый, бѣлый паточный, малиновый, черемховой, старый, вешній, медъ съ гвоздикой, княжій, и боярскій. Для лучшаго вкуса, и цвѣта выжимали изъ зрѣлыхъ вишень сокъ и подливали въ медъ. Нашимъ русскимъ медамъ удивлялись иностранцы, такъ хорошо приготовляли его **).

Квасъ и хлѣбъ. Извѣдавъ выгоды гражданской осѣдлой жизни русскіе стали заниматься земледѣліемъ для полученія хлѣбнаго зерна и тогда же стали печь хлѣбы и готовить квасъ, а въ X столѣтіи мы узнаемъ, что квасомъ поддавали въ баняхъ и обливались кислымъ квасомъ для здоровья ***). Квасъ готовили изъ хлѣбныхъ зеренъ разнаго рода обработки и даже изъ рѣпы и арбуза.

Начало введенія кваса во всеобщее употребленіе вышло изъ народной памяти, знаемъ только, что искусство печь хлѣбы и дѣлать квасъ, еще въ X вѣкѣ было уже во всеобщемъ употребленіи, чему способствовали изобиліе земли плодородной и удобной, исключая юго-запада. Квасъ продавался въ посадахъ, въ лавкахъ, и былъ въ употребленіи въ монастыряхъ по буднямъ. Квасъ былъ разнаго сорта, какъ по сортамъ солода, такъ и по приправамъ, они носили названія: *медвяные* и *ягодные*.

Пиво. По старинному *Олуй* ****), дѣлалось крѣпкимъ и носило разныя названія по цвѣтамъ и качествамъ.

Переваръ, взваръ, сбитень, существующій и по сіе время, составлялъ теплое питье въ родѣ нашего чая, и готовился изъ меда на звѣробоѣ, шалфеѣ, лавровомъ листѣ, инбирѣ и стручковомъ перцѣ. Это народное питье, чрезвычайно полезное, нынѣ замѣнено чаемъ, разносилось въ *сакляхъ*, мѣдныхъ чайникахъ

---

*) Это доказываетъ, что въ Россіи медъ былъ въ изобиліи и варили его при первой надобности.

**) См. „Бытъ Русск. Народа". Терещенко. Часть I.

***) Рус. л. по воскр. спис. „*И обмоются квасомъ кислымъ*". Часть I. Стр. 62—63.

****) Вѣроятно скандинавское, не отъ нихъ ли и мы русскіе научились варить и пить пиво?

обернутыхъ полотенцами и преимуществено зимою. Напитокъ этотъ существуетъ и по нынѣ.

Пища и питье. Русская кухня вообще для всѣхъ была національная и подчинялась обычаю, а не искусству. Кушанья были просты и однообразны, хотя русскіе столы отличались множествомъ блюдъ, но многіе изъ блюдъ были похожи одно на другое. Богатые люди имѣли обыкновеніе назначать себѣ блюда на цѣлый годъ (гастрономическій календарь), причемъ счетъ велся по церковнымъ праздникамъ, по мясоѣдамъ и постамъ; такъ что для каждаго дня, сообразно его значенію въ церковномъ кругѣ, назначался заранѣе столъ, хотя впрочемъ измѣнить его значеніе зависѣло отъ воли хозяина.

Столъ дѣлился на постный и скоромный повсюду, начиная съ царей и кончая послѣднимъ мужикомъ; а по припасамъ изъ которыхъ онъ готовился, его можно было раздѣлить на пять отдѣловъ: мучнистые, молочные, мясные, рыбные, растительные.

Русскіе ѣли преимущественно хлѣбъ ржаной, не исключая богатыхъ и владѣтельныхъ особъ. Иногда примѣшивали къ ржаной, муку ячную, но это не было постояннымъ правиломъ, такъ какъ ячмень въ Россіи мало разводился. Пшеничная мука употреблялась на просфоры и калачи, которые были для простаго народа лакомствомъ въ праздничные дни. Отъ этого даже возникла пословица: „калачемъ не заманишь", въ смыслѣ томъ, что и пріятное не поможетъ заинтересовать. Лучшіе калачи пеклись изъ крупичатой муки въ видѣ колецъ, не въ большомъ размѣрѣ, другой сортъ пекся изъ толченой муки круглыми булками, эти калачи назывались *„братскими"*, былъ третій сортъ называемый *смѣсными* калачами, ихъ пекли пополамъ пшеничную со ржаною. Такіе калачи пекли къ царскому столу не изъ экономіи, а ради особаго вкуса. Вообще, какъ хлѣбы ржаные, такъ и пшеничные пеклись безъ соли, и не всегда заботились, чтобы мука была свѣжа. Домострой, образецъ хозяина XVI вѣка, совѣтуетъ печь хлѣбы изъ муки, которая уже подверглась затхлости и научаетъ давать такую же муку взаймы, тому, кто попроситъ *).

---

*) А. И. П. 203, 428, Коших. 63. Steph. Borr. Hoel. 308—Мейерб. прим. 476.—Колл. 17.

Въ XVI и XVII вѣкѣ было въ употребленіи между народомъ толокно, приготовленное изъ овсяной муки съ водою. Въ сухомъ видѣ оно отпускалось служилымъ людямъ для продовольствія на ряду съ ржаною мукою (А. И. I. 327.). Мельницы у насъ распространились не прежде XIV вѣка, а ранѣе того по большей части ограничивались ступами и толченіемъ зерна. Впрочемъ, изъ устава Ярослава видно уже, что мельницы у насъ въ Россіи были извѣстны, хотя это было гораздо прежде XI вѣка.

Простой народъ питался очень умѣренно, и ограничивался слѣдующими матеріалами для пищи: зерномъ ржи, ячменя, овса и др. хлѣбныхъ зеренъ, соли, луковицами чеснока, лука, мясомъ свинины, баранины (преимущественно), рогатаго скота, куръ и дичи, птичьихъ яицъ и прочаго, и изъ этого комбинировали разнаго рода кушанья при помощи приправъ, изъ сахара, пряныхъ кореній, перца, гвоздики, корицы и другихъ веществъ *).

Пироги. Изъ кушаньевъ, приготовляемыхъ изъ тѣста, занимаютъ первое мѣсто — пироги. По способу печенья они были пряженые и подовые. Подовые были всегда изъ кваснаго тѣста, а пряженые изъ кваснаго, а иногда изъ прѣснаго. Мука для нихъ употреблялась пшеничная, крупичатая, или толченая, смотря по важности дня, когда они готовились. Пеклись также и ржаные пироги. Всѣ вообще русскіе пироги, въ старину, имѣли продолговатую форму и различную величину: большіе назывались: пирогами, кулебяками, маленькіе — пирожками. Въ скоромные дни, они начинялись бараньимъ, говяжьимъ и заячьимъ мясомъ, и нѣсколькими мясами вмѣстѣ, напримѣръ: бараниной и говяжьимъ саломъ, также мясомъ и рыбою вмѣстѣ съ прибавкою каши или лапши. На масляницѣ пекли пряженые пироги съ творогомъ и съ яицами на молокѣ, на коровьемъ маслѣ, съ рыбой вмѣстѣ и съ яицами, или съ тѣльнымъ, какъ называлось рыбное блюдо приготовляемое въ видѣ котлетъ. Въ постные рыбные дни пеклись пироги со всевозможными родами

---

*) Перецъ возили изъ Царьграда и Болгаріи, оттуда же: миндаль, кардамонъ, анисъ, имбирь, корица, лавровый листъ, гвоздика, кардамонъ и др. Пряности извѣстны были со временъ св. Владиміра.

рыбъ, особенно съ сигами, снятками, лодогой, съ одними рыбными молоками, или съ визигой, на маслѣ конопляномъ, маковомъ или орѣховомъ. Крошенная рыба перемѣшивалась съ кашей, или сарацинскимъ пшеномъ; въ постные, не рыбные дни пироги пеклись съ рыжиками, съ макомъ, горохомъ, сокомъ, рѣпою, грибами, капустою, и другими предметами, на какомъ нибудь растительномъ маслѣ или сладкіе—съ изюмомъ и другими разными ягодами; сладкіе пироги пеклись и не въ постъ, вмѣсто пирожнаго. Вообще пироги, за исключеніемъ сладкихъ, подавались межъ *ухъ*.

Другой видъ печенья былъ *каравай*, — сдобный хлѣбъ, съ различными способами приготовленія. Былъ *каравай битый*, который сбивался съ масломъ, въ сосудѣ ставленный, въ родѣ кулича на молокѣ. *Яцкій*, на большомъ количествѣ яицъ, *каравай съ сыромъ*, каравай *братскій* и проч.

Яица, масло, или говяжье сало, сыръ и молоко служили добавкою въ караваѣ; а различные виды его зависѣли отъ того, сколько класть муки и съ чѣмъ ее клали, и въ какомъ количествѣ.

Къ печеньямъ изъ тѣста принадлежали: курникъ, то-есть *пастетъ*, который былъ пирогъ, то начиненный мясомъ курицы, то баранины, то яицами, съ масломъ, или бараньимъ саломъ.

Изъ легкихъ печеній у насъ на Руси были: аладьи, котлома, сырники, блины, хворосты, кисели. Нужно полагать, что какъ аладьи, такъ и котлома были тождественны. Какъ аладьи требовали масла, яицъ и муки, такъ равно и котлома того же состава, но въ ней меньше количество яицъ, а въ постные дни—патоки. Нужно замѣтить, что въ постные дни, въ эти приготовленія вмѣсто скоромныхъ маслъ или сала, клались постныя (растительныя) масла и подавались съ патокой, сахаромъ и медомъ.

Сырники готовились изъ творога, яицъ, молока, съ небольшимъ количествомъ крупичатой муки.

Блины дѣлались красные и молочные; первые изъ гречневой, вторые изъ пшеничной муки; молоко и яицы входили въ послѣдній сортъ. Встарь, по словамъ профессора Костомарова, не были символомъ масляничныхъ дней. Въ то время

были пироги съ сыромъ и хворосты—вытянутое тѣсто съ масломъ. Пекли также тѣстныя шишки, левашники, перепечи; орѣшки въ Ярославлѣ и по сейчасъ существуютъ, всѣ эти виды хлѣбнаго печенья: варенцы, лапша, каша разныхъ родовъ, сыръ изъ творога съ сметаною и прочее.

Мясныя кушанья. Мясныя кушанья были вареныя, или пареныя; вареныя подавались во щахъ, ухѣ или разсолѣ и подъ взварами, щи забѣливались сметаною во время варенія, а не при столѣ. Обыкновенный приварокъ къ щамъ была кочанная и крошенная, свѣжая и кислая капуста. Ко щамъ подавалась грешневая каша.

Уха. Ухой вообще называлась похлебка, какъ рыбья, такъ и другая; нужно полагать, что этимъ словомъ выражался вообще „супъ“ что нибудь жидкое приправленное пряностями, это видно уже изъ того, что *черною ухою* называлась уха съ гвоздикою, съ перцемъ — бѣлою, а безъ пряностей — голою. Разсолъ былъ въ родѣ нынѣшней солянки; это дѣлалось такъ: варилось мясо въ огуречномъ разсолѣ съ примѣсью пряныхъ кореньевъ, и подавалось на столъ.

Соусъ назывался *взваромъ.*

Жаркія, или жареныя кушанья были: верченыя, шестныя, печеныя, сковородныя. Баранина составляла самый обычный видъ мясныхъ кушаньевъ въ скоромные дни, съ весны до поздней осени. Домострой научаетъ какъ поступать съ бараньимъ мясомъ: купивъ цѣлаго барана, облупить его и распредѣлить на нѣсколько частей его мясо: грудинка подавалась на уху или щи; лопатки или почки — на жареное; крюки подавались подъ кзваромъ. Ножки начинивались яицами; рубецъ кашею; печенку изсѣкали съ лукомъ и обернувъ перепонкою жарили на сковородѣ; легкое приготовляли со взболтаннымъ молокомъ, мукою и яицами. Изъ головы вынимали мозги и дѣлали изъ нихъ особую похлебку, или соусъ съ пряностями, а изъ густо сваренной съ бараньимъ мясомъ ухи, ставя ее на ледъ, приготовляли холодный студень.

Для говядины служили яловыя коровы; поэтому говядина въ старину носила названіе яловичины. Яловицъ покупали осенью и убивали. Мясо солили впрокъ, а потроха, къ которымъ причисляли губы, уши, сердце, ноги, печень, языки, —

служили для обыденной жизни, и подавались подъ студнемъ, подъ взварами, съ кашей, на жареное. Вообще свѣжей говядины русскіе ѣли мало и употребляли болѣе соленую. Многіе содержали на дворахъ своихъ свиней и откармливали ихъ въ теченіи цѣлаго года, а передъ праздникомъ Рождества кололи. Свиное мясо солилось или коптилось и ветчина употреблялась на зимнія щи; а голова, ноги, кишки, желудокъ подавались свѣжими въ разныхъ приготовленіяхъ, какъ-то: голова подъ студнемъ, съ чеснокомъ и хрѣномъ: изъ кишекъ дѣлали колбасы, начинивая ихъ смѣсью мяса, гречневой каши, муки и яицъ. Русскіе въ старину любили свинину, кажется болѣе, чѣмъ теперь. Зайцы подавались душеные (духовые), разсольные (въ разсолѣ вареные) и подъ взварами, особенно сладкими. Были и тогда люди, которые считали зайцевъ нечистыми животными, какъ и теперь; но другіе объясняли, что его ѣсть не грѣшно, только надобно смотрѣть, чтобы онъ не былъ задушенъ во время травли. Стоглавъ запрещаетъ продавать зайцевъ безъ спущенія крови. Такое же предостереженіе издано было отъ московскаго патріарха въ 1636 г. (См. А. А. Э. III. 46). На равнѣ съ зайцами, нѣкоторые чуждались или остерегались оленины и лосины; но мяса этихъ животныхъ почитались роскошью даже въ царскихъ и боярскихъ торжествахъ.

Куры подавались во щахъ, въ ухѣ, въ разсолѣ, жареныя на рожнахъ, на вертелахъ, называемыя по способу ихъ приготовленія нарожными и верченами. Щи съ курицей назывались богатыми щами и всегда забѣливались. Къ жареной курицѣ обыкновенно подавалось что нибудь кислое: уксусъ или лимонъ. Куря рафленое былъ употребительный въ XVII вѣкѣ. Супъ изъ курицы съ сарацинскимъ пшеномъ, изюмомъ и разными пряностями; куря безкостное — соусъ изъ курицы безъ костей, съ начинкою изъ баранины, или яицъ съ шафранною похлебкою. За роскошными обѣдами подавались особыми блюдами: куриные пупки, шейки, печенки и сердца.

Утки, гуси цапли и друг. птицы какъ то: лебеди, журавли, тетерева, рябчики, куропатки, жаворонки, тоже шли въ пищу. Утки во щахъ и жареныя. Гуси—шестные начинивались гречневой кашей и подправлялись говяжьимъ саломъ; изъ гусей

приготовляли полотки, которые ѣли зимою съ хрѣномъ и уксусомъ. Гусиные потроха шли въ уху, или въ особыя кушанья подъ взварами. Рябчики, тетерева и куропатки—кушанья зимнія обыкновенно подавались: первый—приправленный съ молокомъ; прочіе жареные со сливами и другими плодами. Люди во всякое время считали ихъ изысканнымъ блюдомъ: ихъ подавали подъ взваромъ съ топешками, то-есть изрѣзанными ломтиками, опущенными въ коровье масло; потроха лебяжьи, какъ и гусиные подавались подъ медвянымъ взваромъ, иногда же съ говядиной, или въ пирогахъ и перепечахъ. Прочей дичи въ Москвѣ было много и она была дешева; но вообще русскіе мало любили ее и мало употребляли. Каждое мясо имѣло свои огородныя и пряныя приправы: такъ—рѣпа шла къ зайцу, чеснокъ къ говядинѣ и баранинѣ, лукъ къ свининѣ.

Похмѣлье. Исчисляя мясныя кушанья нельзя не упомянуть объ одномъ оригинальномъ кушаньѣ названномъ *похмѣлье*. Это кушанье состояло изъ холодной разрѣзанной на тонкіе ломтики баранины, смѣшанной съ мелкоискрошенными огурцами, огуречнымъ разсоломъ, уксусомъ и перцемъ. Его употребляли на похмѣльє (Врем. VI. А. И. II. 431. Пав Іов.—Olear. 209—Petr. 318—Jenkins 350).

Рыба и рыбныя кушанья. Московское государство изобиловало рыбою, составлявшею половину года обычную пищу. Употребительные сорты рыбы были: лососина, привозимая съ сѣвера изъ Корелы, осетрина шехонская и волжская, волжская бѣлорыбица, ладожская ладога и сыртъ, бѣлозерскія снятки и рыбки всѣхъ небольшихъ рѣкъ: судаки, караси, щуки, окуни, лещи, гольцы, пискари, ерши, вандыши, хохолки, вьюны. По способу приготовленія рыба была свѣжая, вяленая, сухая, соленая, провѣсная, вѣтряная, паровая, подвареная, въ прокъ щипаная, копченая. По принятому обыкновенію закупать для дома провизію въ большемъ количествѣ, вездѣ продавалось множество рыбы заготовленной въ прокъ посредствомъ соли. Домовитый хозяинъ покупалъ для домашняго обихода большой запасъ, складывалъ въ погребъ, а чтобы она не испортилась, то вывѣшивалъ на воздухъ и это называлось *провѣсной*, а если хорошо провѣтрилась, то *провѣтреной*. Съ тѣхъ поръ рыба складывалась не въ погребѣ, а въ сушилѣ пластами и

прутами. Пластовая рыба, клалась на придѣланныхъ къ стѣнамъ сушила полицахъ, а прутовая кучею подъ рогожею.

Русскіе не умѣли хорошо солить рыбу, какъ не умѣютъ этого дѣлать и теперь: она у нихъ воняла: но простой народъ, по замѣчанію иностранцевъ, не только не отворачивался отъ ней, но предпочиталъ ее свѣжей. Взявъ въ руки рыбу, русскій подносилъ ее къ носу и пробовалъ; достаточно ли она воняетъ, и если въ ней вони было мало, то клалъ и говорилъ: „еще не поспѣла“. При затруднительности путей сообщенія, свѣжей рыбой могли пользоваться только тѣ, кто жилъ близь рыбныхъ мѣстъ. Въ Москву свѣжая красная рыба доставлялась только для царскаго стола и для знатныхъ князей и бояръ: она привозилась живая и содержалась въ прудахъ, сдѣланныхъ нарочно въ ихъ садахъ. Масса жителей довольствовалась соленою осетриною, приготовляемою въ Астраханскихъ учугахъ.

Горячія рыбныя кушанья были: щи, уха и разсольное. Рыбная уха дѣлалась изъ разныхъ рыбъ, преимущественно чешуйчатыхъ, а также изъ рыбьихъ потроховъ, смѣшанныхъ вмѣстѣ съ пшеномъ, или съ крупами и съ большимъ прибавленіемъ перца, шафрана и корицы. По способамъ приготовленія въ русскомъ столѣ различалась: уха рядовая, красная, черная, опеканная, вялая, сладкая, пластовая; въ уху бросали мѣшечки или толченики, приготовленные изъ тѣста съ искрошенной рыбой. Щи дѣлались кислыя съ свѣжей и соленой рыбой, иногда съ нѣсколькими сортами рыбъ вмѣстѣ, часто съ рыбой сухой, въ родѣ стертой въ порошекъ муки. При этихъ горячихъ кушаньяхъ, подавали пироги съ рыбными начинками или кашею.

Разсольное приготовлялось также обыкновенно изъ красныхъ рыбъ, какими и по сіе время называются осетрина, бѣлужина и лососина. При горячихъ кушаньяхъ подавали пирожки съ разными рыбными начинками и съ кашею. Въ постные дни, лѣтомъ подавалась *ботвинья* съ лукомъ и разными кореньями. Изъ тертой рыбы разныхъ родовъ смѣшанныхъ вмѣстѣ съ примѣсью крупы и разнаго пшена приготовлялось кушанье, подъ названіемъ „рыбная каша“, а въ скоромные дни примѣшивали туда и мяса: такую же кашу (фаршъ) клали и въ пироги.

Тѣльное. Тѣльное приготовляли изъ рыбы въ родѣ котлетъ;

смѣшивали съ мукою, обливали орѣховымъ масломъ, прибавляли туда пряностей и толкли. Это называлось рыбнымъ караваемъ. Жареную рыбу подавали облитую какимъ нибудь взваромъ.

Икра была въ числѣ обычныхъ кушаньевъ. Свѣжая зернистая изъ осетра и бѣлорыбицы и составляла роскошь. Но во всеобщемъ употребленіи были: паюсная, мѣшечная, армянская—раздражающаго свойства и мятая—самаго низшаго достоинства, которую употребляли простолюдины. Икру употребляли съ уксусомъ, перцемъ и накрошеннымъ лукомъ. Кромѣ сырой икры употребляли еще икру вареную въ уксусѣ или маковомъ молокѣ и пряженую. Въ посты, русскіе дѣлали икряники или икряные блины. Это была взбитая, послѣ продолжительнаго битья, икра, съ примѣсью крупичатой муки и потомъ запаренная.

Балыкъ. (тат.) живая рыба. Собственно копченая осетрина и вяленая была любимымъ кушаньемъ (закускою) русскихъ.

Растительныя явства. Въ тѣ постные дни, когда считалось грѣхомъ употреблять рыбу, пища русскихъ состояла изъ растительныхъ веществъ. Ѣли кислую и ставленную капусту, свеклу съ постнымъ масломъ и уксусомъ, пироги съ горохомъ, съ начинкою изъ растительныхъ веществъ, гречневою и овсяную кашу съ постнымъ масломъ, луковники, овсяный кисель, левашники, оладьи съ медомъ, караваи съ грибами, и съ пшеномъ, разнаго рода грибы, вареные и жареные, (масляники, грузди, сморчки, рыжики) разныя приготовленія изъ гороха: горохъ битый, горохъ тертый, горохъ цѣженый, сыръ гороховый, то-есть твердо сбитый мятый горохъ съ постнымъ масломъ, лапшу изъ гороховой муки, творогъ изъ маковаго молока, хрѣнъ, рѣдьку и разныя овощныя приготовленія: взваръ изъ овощей и коливо.

Вообще ко всякимъ кушаньямъ русскіе любили примѣшивать пряныя приправы, а въ особенности лукъ, чеснокъ и шафранъ. По запаху чеснокомъ русскіе отличались отъ прочихъ иноземныхъ обитателей, которые даже замѣчали въ своихъ сочиненіяхъ о Россіи, что они не могли выносить вонючей ухи *)

---

*) Изв. изъ очерка домашней жизни и нравовъ Великорусскаго народа. Н. И. Костомарова. 1860 года.

въ которой кромѣ рыбы, воды и чесноку ничего не было. Для русскихъ лукъ и чеснокъ представлялся первой необходимостью, перецъ, горчица и уксусъ ставились, какъ необходимость обѣда, при чемъ каждый гость бралъ, сколько хотѣлъ. При изготовленіи блюдъ не употребляли соли, солить предоставлялось каждому обѣдающему. Но соль любили вообще и всѣ соленые предметы въ прокъ и не только употребляли, какъ уже сказано, мясо и рыбу въ соленомъ видѣ, но и заправляли съ солью и уксусомъ разные овощи и плоды: огурцы, сливы, яблоки, груши и вишни. У домовитыхъ хозяевъ всегда стояло нѣсколько посудинъ съ такими соленьями, нагнетенныхъ каменями, и засѣченныхъ въ ледъ. Они подавались къ жареному мясному и рыбному, а бѣлая соленая капуста была обычнымъ запасомъ на зиму, какъ у богатыхъ, такъ и у бѣдныхъ *).

Лакомства и десерты. Лакомства и десерты состояли изъ плодовъ, свѣжихъ или приготовленныхъ въ патокѣ, съ медомъ или сахаромъ. Плоды эти отчасти туземнаго приготовленія, отчасти привозные. Хозяева употребляли яблоки и груши въ патокѣ, или въ квасу.

Леваши. Это лакомство дѣлали изъ малины, черники, смородины и земляники. Ягоды сперва варили, потомъ протирали сквозь сито, и вслѣдъ затѣмъ варили снова уже съ патокой густо мѣшая во время варенія. Потомъ выкладывали эту густую смѣсь на доску, прежде смазанную патокой, и ставили на солнцѣ или противъ огня; когда она высыхала, то свертывали ее въ трубочки.

Пастила. Пастила тоже составляла лакомство, она готовилась изъ яблокъ. Яблоки клали въ сыту и парили въ ней, потомъ протирали сквозь сито, клали патоку, снова запаривали, мѣшали, били, мяли, потомъ выкладывали на доску и давали подняться вверхъ, наконецъ складывали въ мѣдныя, луженыя творила, давая закиснуть, и опрокидывали внизъ. Пастилу дѣлали также изъ другихъ овощей, напримѣръ, изъ калины.

Мазюня. Рѣдьку въ патокѣ приготовляли такимъ образомъ: сначала искрашивали рѣдечный корень въ мелкіе ломтики,

---

*) Домострой 102. — Врем. VIII. — Русск. Вѣст. 1841 г. 733. Олеаріи 209. — Іовій 16.—и проч.

вздѣвали на спицы, такъ, чтобы ломтикъ не сталкивался съ другимъ ломтикомъ и вывяливали на солнцѣ, или въ печахъ послѣ печенія хлѣбовъ; когда въ растеніи не оставалось сырости, толкли его, просѣвали на сито. между тѣмъ варили въ горшечкѣ бѣлую патоку, и, уваривъ, выливали въ рѣдечную муку, прибавляя туда разныхъ пряностей, какъ-то: перцу, мускату, гвоздики, и, запечатавъ горшечекъ, ставили въ печь на два дня и на двѣ ночи. Смѣсь эта должна быть густа, какъ паюсная икра, и называлась *мазюня*; такую же мазюню приготовляли подобнымъ же образомъ изъ сухихъ вишенъ, арбузовъ, привозимыхъ въ Московію съ низовьевъ Волги. Изъ послѣднихъ приготовлялось слѣдующее лакомство: изрѣзавъ арбузъ пальца на два отъ коры, кусками, не толще бумаги, клали на сутки въ щелокъ, между тѣмъ варили патоку съ перцемъ, имбиремъ, корицею и мускатомъ, и потомъ клали туда арбузы. Тоже самое приготовляли изъ дынь.

Вообще, какъ всѣ коренные русскіе были любители сладкаго, то варили въ сахарѣ и въ патокѣ привозные плоды; изюмъ съ вѣтвями, коринку, смоквы (фигу), имбирь и разныя пряности. Обыкновенное русское лакомство было взваръ, приготовляемый изъ винныхъ ягодъ, изюму, фиников, вишенъ и другихъ плодовъ съ медомъ, сахаромъ или патокою, съ большимъ количествомъ гвоздики, кардамона, корицы, шафрана, инбиря и прочаго. Одинъ родъ взвара, назывался медвянымъ, другой—квасным.

Сахарныя лакомства и печенія. Къ лакомствамъ также должно отнести пряники и коврижки, русское національное печеніе. Сахаръ и леденецъ, привозимые русскими изъ-за границы служили предметомъ лакомствъ для богатыхъ. На царскихъ и боярскихъ пирахъ ставили на столъ приготовленныя изъ сахара изображенія орловъ, лебедей, утокъ, голубей, кремлей, теремовъ, людей и также цѣлыя сахарные головы. По способу приготовленія и по цвѣту различалось нѣсколько сортовъ сахара: сахаръ свароборинный, сахаръ зеренчатый, узорочный, леденецъ бѣлый и красный. Все это привозилось черезъ Архангельскъ и переходило въ народное употребленіе изъ-за боярскихъ столовъ *).

*) Кн. о явствахъ. 28. Врем. VI.—Olear. 174.—А. И. 327. I. 14. 423.

Напитки. Вина виноградныя. Еще Олегъ, по возвращеніи его изъ похода Константинопольскаго (907 г.) привезъ съ собою въ Кіевъ: золото, ткани, овощи и вина *), слѣдовательно мы тогда еще были знакомы съ винами греческими; но неизвѣстно какія именно были это напитки. Въ концѣ XV столѣтія у насъ въ Россіи упоминается бѣлое и красное вино. Новгородскій архіепископъ Ѳеофилъ при прощаніи съ В. К. Іоанномъ III (1476 г.) подарилъ ему три бочки вина *бѣлаго*, двѣ *краснаго* и двѣ меду стараго **). Нѣтъ сомнѣнія, что вина были извѣстны ранѣе этого времени. Въ началѣ XVI вѣка, мы узнаемъ *Бургонское*, носившее названіе „Романеи“. Его къ намъ привозили нѣмецкіе купцы. Романеею, по словамъ Карамзина, называлась еще въ питейныхъ домахъ наливка, настоянная на водкѣ съ медомъ, также на черникѣ съ клюквой.—*Канарское вино*, или *бастръ* и *мальвазію* пили за столомъ одни богатые и этими винами подчивали отличныхъ гостей, особенно мальвазіею: ее давали понемногу и принимали, какъ лекарство.

Водка. Водка произведеніе Аравіи и перешла въ не ранѣе конца XIII вѣка. Раймундъ Лулій находясь на островѣ Майоркѣ бывшемъ тогда въ рукахъ аравитянъ, узналъ тамъ отъ одного ученаго мужа способъ приготовленія водки, называемой „жизненною водою“ (Aqua Vitae) и привезъ ее въ Европу (въ 1290 г.). Тогда весь свѣтъ считалъ эту водку за воду полученную отъ философскаго камня. Ее предписывали принимать каплями, и она производила цѣлебное дѣйствіе. Генуэзскіе купцы, узнавъ способъ приготовленія этого напитка отъ Арнольда де Виллана, который вывѣдалъ отъ Луллія, продавали въ стклянкахъ за дорогую цѣну, какъ цѣлительный бальзамъ, подъ именемъ „жизненной воды“. Они производили ее посредствомъ выгонки изъ винныхъ дрожжей, сочныхъ плодовъ и хлѣбнаго зерна.

Послѣ паденія Генуэзской торговли въ XV столѣтіи, тайна выдѣлыванія сдѣлалась всѣмъ извѣстною; за всѣмъ тѣмъ водка долго еще продавалась, какъ лекарство. Весьма вѣроятно, что по открытіи способа Генуэзцами, курить вино, оно вскорѣ

*) Нест. по Кенигсб. Сп. с. 26.

**) Русск. лѣт. по Никон. списк.

перешло на югъ Россіи, а тогда Генуезцы, владѣя приморскими мѣстами, Таврическимъ полуостровомъ, имѣли съ нами сношеніе по торговлѣ. Правдоподобнѣе полагать можно, что водка появилась у насъ не ранѣе 1398 года, тогда уже Генуезцы доставляли водку въ Литву и ознакомили насъ съ пагубнымъ напиткомъ *).

Русская водка дѣлалась изъ ржи, пшеницы и ячменя. Водка вообще называлась виномъ и раздѣлялась на сорта: обыкновенная водка носила названіе простаго вина, лучше этого сортъ назывался — вино доброе; еще выше — вино боярское, наконецъ еще высшій сортъ—вино двойное, чрезвычайно крѣпкое. Кромѣ этихъ водокъ, дѣлались водки съ подслащеніемъ патокою, эта водка посвящалась женскому полу. Хозяева настаивали водки на разныхъ пряностяхъ и душистыхъ травахъ, также настаивали на корицѣ, звѣробоѣ, бодягѣ, амбрѣ, селитрѣ, на разныхъ коркахъ и плодахъ. Русскіе пили водку не только предъ обѣдомъ, но во весь день.

Иностранныя вина, въ XVI столѣтіи, употреблялись только въ знатныхъ домахъ и то въ торжественныхъ случаяхъ. Но помѣрѣ того, какъ торговля стала знакомить насъ съ европейскою жизнію, употребленіе виноградныхъ винъ распространилось между зажиточными людьми, а въ XVII вѣкѣ явились въ Москвѣ погреба, гдѣ не только явились вина, но куда сходились веселыя компаніи. Изъ винъ было въ большомъ употребленіи: греческое, церковное, мальвазія, бастръ, алканъ, венгерское, бѣлое, красное, французское, ренское, романея.

Продажа горячаго вина и всѣхъ хмѣльныхъ напитковъ была у насъ сперва вольная, но какъ излишнее употребленіе причиняло бѣдность и раззореніе безчисленнымъ семействамъ, то это побудило Великихъ Князей, ограничить неумѣренное употребленіе. В. К. Іоаннъ III совершенно запретилъ приготовлять крѣпкіе напитки. Въ бытность въ Москвѣ посла барона Герберштейна (нач. XVI в.), позволялось народу пить крѣпкіе напитки только въ нѣкоторые праздничные дни. Царь Іоаннъ IV, построивъ для своей опричины *кабакъ* въ Москвѣ, на Балчугѣ, дозволялъ имъ пить сколько угодно. Затѣмъ всѣмъ, онъ не

*) Бытъ Русскаго Народа. А. Терещенко. Часть I.

любилъ пьянствующихъ; онъ позволилъ народу веселиться въ кабакахъ, только: На святой недѣлѣ, въ Рождество Христово и въ Дмитріевскую субботу. Во всякое другое время велѣлъ сажать въ тюрьму *).

У зажиточныхъ хозяевъ напитки хранились въ ледникахъ или въ подвалахъ, которыхъ бывало нѣсколько при домѣ. Они дѣлались отдѣлами, каждый отдѣлъ былъ наполненъ льдомъ на лѣто. Въ нихъ ставились бочки, они назывались „*беременныя и полубеременныя*“. Вмѣстимость тѣхъ и другихъ не всегда и не вездѣ была одинакова, вообще же можно положить беременную бочку положить въ тридцать, а полубеременную въ пятнадцать ведеръ. Въ монастырскихъ подвалахъ бочки отличались своею огромностью, напримѣръ въ три сажени въ длину и въ двѣ въ ширину; онѣ никогда не сдвигались съ мѣста, а питье пропускалось въ нихъ, и добывалось изъ нихъ чрезъ особое отверстіе, продѣланное въ сводѣ погреба. Напитки наливали изъ бочки сначала въ оловянники или мѣрники—большую посуду, потомъ уже разливали для подачи къ столу въ меньшіе сосуды **).

Продажа горячаго вина, и всѣхъ хмѣльныхъ напитковъ сперва была вольная; но какъ излишнее ихъ употребленіе причиняло бѣдность и раззореніе безчисленнымъ семействамъ, то это побудило Великихъ князей ограничить неумѣренное потребленіе. Великій князь Іоаннъ III совершенно запретилъ приготовлять крѣпкіе напитки. Въ бытность въ Москвѣ посла барона Герберштейна (нач. XVI вѣка) позволялось народу пить крѣпкіе напитки только въ нѣкоторые праздничные дни.

Царь Ѳедоръ велѣлъ разломать кабакъ, но Борисъ Годуновъ, думая о государственныхъ доходахъ болѣе, чѣмъ о народной нравственности, приказалъ вновь выстроить и отдалъ всѣ крѣпкіе напитки *на откупъ*. Въ началѣ XVII вѣка находились во всѣхъ городахъ и селеньяхъ кабаки, называемые *кружечными дворами*, происходящими отъ слова: *кружка*,

---

*) Въ Пермоустюсжс. грам. 1553 г. сказ. Пермичъ пожаловалъ, далъ симъ имъ въ году три недѣли питья варити и пити: недѣля великоденная, другая въ осень Дмитровская, третья въ зимѣ Рождественская, тѣмъ тремъ недѣлямъ вино пити доспѣти безъ явки.

**) См. Очеркъ домашней жизни и нравовъ Великор. Народа А. Терещенко.

которою мѣрилось вино. Въ Сибири были заведены такіе же дворы въ 1617 году со стороны казны. Но какъ многіе перестали заниматься работами, проводя жизнь въ пьянствѣ и приходя въ нищету, то царь Михаилъ Θеодоровичъ, уничтожилъ всѣ кабаки, учредилъ одни питейные дома въ коихъ продавалось вино только въ большомъ количествѣ. Царь Алексѣй отдалъ опять на откупъ и повелѣлъ завесть кабаки во всѣхъ городахъ по одному, а въ Москвѣ три; въ послѣдствіи ихъ размножилось до чрезмѣрности *).

Намъ нечего болѣе говорить о томъ, что развитіе по части хмѣльныхъ питей получило значеніе благодаря факту открытія водки; но этого недостаточно, чтобы осмыслить полное значеніе пьянства или вѣрнѣе—полной потребности неослабнаго запоя, нужно много писать, и много писать; а еще лучше—ничего не писать. Скорѣе всего не выдумывать пьянство, не выдумывать напитковъ и водки—вотъ и все. А пробовать искоренять то, что съ корнемъ заточилось—трудно!

Попойки. До временъ Петра I знатные люди проводили время въ попойкахъ, которые не считалось порокомъ. Это было нерѣдкостью во всей Европѣ. Хозяинъ, не уподчивавшій своихъ гостей считался неласковымъ, и съ нимъ не хотѣли знаться.

Благовидною причиною къ опьяненію служили въ старину тосты за здравіе государя, потомъ, государыни, тамъ за каждое царственное лицо, патріарха, знаменитыхъ сановниковъ, за побѣдоносное оружіе и наконецъ за каждаго изъ присутствующихъ. Не опорожнить за здоровье каждаго кубокъ вина, значило имѣть не уваженіе къ дому, не желать ему добра, а также и тому за чье здоровье отказывались пить. Хозяинъ начиналъ первый и неотступною просьбою заставлялъ выпивать до капли. Въ половинѣ XVIII вѣка попойки происходили только въ дружескихъ обществахъ, на именинахъ, крестинахъ и свадьбахъ, и никогда гости не расходились, не упившись, даже первостепенныя особы. Какъ по деревнямъ, такъ и по домамъ не было веселости безъ вина. Тамъ, съѣзжаясь другъ къ другу, проводили время въ попойкѣ иногда цѣлыя недѣли, и по оконча-

*) Отзывы иностранцевъ о кабакахъ. См. стран. 217. Бытъ Русск. Нар. А. Терещенко.

ніи разгулья начинали опохмѣляться, столько же времени. Не пить, значило унижать себя. Женскій полъ не довольствуясь крѣпкимъ медомъ, пилъ тоже и зеленое вино. Въ концѣ XVIII вѣка покончили неумѣренное подчиваніе (въ столицахъ), а дамы изгнали пьянство изъ своего общества. Но и по сей часъ, въ простомъ народѣ существуетъ (въ отдаленныхъ губ.) обычай угощать гостей и ***неволить*** по пословицѣ: „въ чужой монастырь со своимъ уставомъ—не суйся". Нынѣ впрочемъ существуетъ противоположная пословица: „подчивать велѣно, а неволить—грѣхъ".

Буза. Со временъ татарскаго ига, мы получили понятіе о приготовленіи бузы изъ проса холоднымъ путемъ, Теперь этотъ напитокъ вышелъ изъ употребленія. У татаръ разумѣютъ подъ этимъ словомъ брагу, и по словамъ Ксенофонта напитокъ, этотъ найденъ въ Арменіи въ зарытыхъ въ землѣ сосудахъ.

ДОМАШНЯЯ УТВАРЬ И МЕБЕЛЬ.

Главное украшеніе домовъ составляли кромѣ вышеупомянутой обстановки, образа: не было покоя, гдѣ бы ихъ не висѣло нѣсколько. И чѣмъ хозяинъ былъ зажиточнѣе, тѣмъ болѣе это выказывалось множествомъ образовъ. Ихъ ставили не только въ жилыхъ покояхъ, но въ сѣняхъ, лавкахъ, и амбарахъ *). Большому числу образовъ въ домахъ способствовало еще и то, что въ старину было въ обычаѣ дарить пріятелей образами. Такимъ образомъ также царей и князей дарили образами монастыри, владыки и бояре.

Всѣ иконописныя произведенія были русскихъ мастеровъ; такъ какъ по общему вѣрованію благодать надъ тѣмъ образомъ не могла существовать, который былъ писанъ иновѣрцемъ.

Образа ставились въ переднемъ углу и этотъ уголъ задергивался занавѣсомъ, называемымъ застѣнокъ. Сверхъ того каждый образъ отдѣльно задергивался привѣшеннымъ къ концу его убрусомъ, а внизу спускался конецъ матеріи, называемый ***пеленою***, часто (у богатыхъ) украшенный дорогими камнями,

*) Carl. 356.—Petr. 387.

жемчугомъ, блестками и т. д. Въ праздники ихъ мѣняли на болѣе дорогія и красивыя.

Въ домахъ зажиточныхъ хозяевъ, кромѣ образовъ, находящихся въ каждой комнатѣ было по комнатѣ, назначенной исключительно для молитвы. Здѣсь находилось все, что должно служить для моленія: образа, аналой, молитвенныя книги, просфора Пресвятой Богородицы, которой приписывали благодатную силу и ставили во время трапезы на столѣ, а по бокамъ подсвѣчники съ восковыми свѣчами. На полицѣ подъ образами лежало крылышко для обметанія пыли, и губка для обтиранія. Таковыя комныты назывались крестовыми, позже молельнями, гдѣ священники совершали утреню, вечерню, часы; нѣкоторые имѣли своихъ священниковъ; а набожные вельможи имѣли даже домовыя церкви.

Въ сѣняхъ каждаго дома лежали рогожи или ковры. Они положены были для того, чтобы обтирать подошвы ногъ, такъ какъ въ старину не было въ употребленіи калошъ. Для сидѣнія служили лавки, придѣланныя, какъ сказано было, къ стѣнамъ на глухо. Какою матеріею были обиты стѣны, тою же матеріею обивались и лавки. Затѣмъ, на лавки накладывались куски матеріи называемыя полавочниками; они дѣлались о двухъ полотнищахъ, такъ что одно было длиннѣе другаго. Первое закрывало лавку во всю длину, а послѣднее свѣшивалось до земли закрывая средину пространства между лавкою и поломъ. Ихъ длина и ширина были различны, смотря по лавкамъ, которыхъ величина была соразмѣрна покоямъ. Такъ, напримѣръ, были полавочники въ 6 аршинъ длиною и два шириною; но изъ этого нельзя заключать, чтобъ лавки были широки, ибо здѣсь принималась широта всего полавочника, въ двухъ полотнищахъ. *) Полавочники перемѣнялись: въ будни клались по проще, въ праздники и во время пріема гостей—понаряднѣе. Такимъ образомъ въ будни полавочники клались суконные, а вь праздники изъ шелковой матеріи, подбитые какою нибудь простою тканью, и отороченные кускомъ матеріи другаго цвѣта. Также куски клались на окна и назывались *наоконниками*. Въ будни клались простые коврики, въ праздники шелковыя

---

*) Опис. Хорозина. Нар. О. З. 1851 г. Сент. 115.

матеріи, вышитыя золотомъ. Длина ихъ была отъ двухъ до трехъ аршинъ, а ширина около двухъ; вѣроятно они спадали внизъ съ оконнаго карниза.

Вообще какъ налавочники, такъ и наоконники были разныхъ цвѣтовъ: свѣтлотемнаго, голубаго, кирпичнаго, гранатнаго, и преимущественно красныхъ отливовъ, иногда вышитые узорами. На налавочникахъ узоры на меньшемъ полотнищѣ дѣлались другіе, чѣмъ на большомъ. Кромѣ лавокъ для сидѣнія дѣлались еще скамьи и стольцы. Скамьи были шире лавокъ, напримѣръ: до двухъ аршинъ шириною, длиною дѣлались до четырехъ аршинъ; въ одномъ концѣ ихъ придѣлывалось возвышеніе называемое *приголовникомъ*. На нихъ не только садились, но и ложились послѣ обѣда. Онѣ покрывались, какъ и лавки, полавочниками. Иныя скамьи служили постоянно кроватями. Стольцы были обыкновенными табуретами для сидѣнья одному лицу и также накрывались кускомъ матеріи. Скамей и стольцевъ въ домѣ было немного; а кресла и стулья составляли роскошь царскаго двора и знатныхъ бояръ, даже и тамъ были въ небольшомъ количествѣ; въ народѣ же вовсе не употреблялись. Столы дѣлались деревянные, большею частію дубовые, длинные и узкіе. У зажиточныхъ людей иногда ихъ разрисовывали изображеніями изъ Св. Писанія, а бока и ножки украшались рѣзьбою. Кромѣ большихъ столовъ были столы маленькіе, то аспидные, то украшенные разными камнями. Большіе столы покрывались подскатертниками, это была вещь необходимая для приличія. Во время трапезы поверхъ подскатертника накрывался столъ скатертью. Скатерти и подскатертники работались вообще дома и служили предметомъ занятій для многочисленной прислуги. Какъ налавочники и наоконники, такъ скатерти и подскатертники перемѣнялись по праздникамъ. Въ будни столы покрывались полотняными и суконными кусками, въ праздники бархатными, алтабасовыми, каановыми подскатертниками съ золотошвейными каймами. Скатерти у бѣдныхъ людей были полотняныя, грубой отдѣлки. У богатыхъ шитыя, браныя съ бахромами. Всѣ эти покрывала вообще на столахъ, окнахъ и лавкахъ назывались *хоромнымъ нарядомъ*. Стѣнныхъ зеркалъ у русскихъ вообще не было. Церковь не одобряла ихъ употребленія. Особенно духовнымъ лицамъ

соборъ 1666 г. положительно запретилъ имѣть зеркала въ своихъ домахъ; благочестивые люди избѣгали ихъ какъ одного изъ заморскихъ грѣховъ; только зеркала въ маломъ форматѣ привозились изъ за границы въ большомъ количествѣ и составляли принадлежность женскаго туалета. Также старинное благочестіе избѣгало стѣнныхъ картинъ и эстамповъ, не допуская другихъ украшеній въ этомъ родѣ кромѣ иконъ; но въ XVII вѣкѣ мало-по-малу начали входить въ общій обиходъ картины и эстампы сначала въ церквахъ, хоромахъ, потомъ у знатныхъ лицъ. Вкусъ къ нимъ началъ распространяться и между прочими сословіями и уже въ концѣ XVII вѣка, ихъ продавали въ овощномъ ряду въ Москвѣ. Впрочемъ, эстампы, которые тогда дозволяли себѣ вѣшать въ золоченыхъ рамахъ богатые люди. заключали преимущественно священные предметы, но ихъ строго отличали отъ образовъ и они вовсе не имѣли никакого священнаго значенія.

Кровати. Кроватью въ старину служила прикрѣпленная къ стѣнѣ скамья или лавка, къ которой приставляли другую лавку. На этихъ лавкахъ клали постель состоявшую изъ трехъ частей. Пуховика или перины, изголовья и подушекъ. Было два изголовья — нижнее называлось бумажнымъ и подкладывалось подъ верхнее. на верхнее клались подушки обыкновенно три; постель покрывалась простынею, изъ полотна, или шелковой матеріи, а сверху одѣяломъ, входящимъ подъ подушки. Постели убирались понаряднѣе въ праздники, или на свадьбахъ, попроще въ обычные дни. Въ нарядныхъ постеляхъ на изголовья и подушки надѣвались наволоки камчатныя, бархатныя, атласныя обыкновенно краснаго цвѣта, шитыя золотомъ и серебромъ, унизанныя жемчугомъ по окраинамъ. Одѣяла постилались подбитыя соболемъ атласныя, краснаго цвѣта, съ гравами, то-есть съ каймами золотой и серебряной матеріи, подбитыми соболями. Самыя перины были набиты лебяжьимъ или чижовымъ пухомъ. Навлоки были на простыхъ постеляхъ тафтяныя. бѣлыя или красныя, подбитыя крашениною. Простыя одѣялы подбивались заячьимъ мѣхомъ. Вообще однако, постели были принадлежностью только богатыхъ людей. да и у тѣхъ стояли болѣе для вида въ своемъ убранствѣ, а сами хозяева охотнѣе спали на простой звѣриной шкурѣ. или на матрасѣ. У людей

посредственнаго состоянія обычною постелью служили войлоки, а бѣдные поселяне спали на печахъ, постилавши подъ головы собственное платье или же на голыхъ доскахъ. Дѣтскія колыбели дѣлались висячія, всегда широкія и длинныя, для того чтобы дитя могло рости, а внутри ихъ всегда привѣшивались образки или крестики.

Для храненія домашнихъ вещей употреблялись *скрыни* *) *сундуки*, погребцы и чемоданы. Посуду ставили въ поставцахъ, эти поставцы были столбы, уставленные со всѣхъ сторонъ полками. Къ низу ихъ дѣлали шире, къ верху уже; на нижнихъ полкахъ ставили болѣе массивную посуду, на верхнихъ мелкую. Разныя женскія украшенія хранились въ ларцахъ, которые сами по себѣ украшались великолѣпно, наводились яркими красками и золотомъ, расписывались узорами и окаймлялись металлическими кружевами. Такіе ларцы передавались изъ рода въ родъ вмѣстѣ съ драгоцѣнностями, какія тамъ сохранялись. Для украшенія въ домахъ, зажиточные люди раскладывали разныя бездѣлки, въ родѣ слѣдующихъ: серебряныя яблоки, позолоченное изображеніе пѣтуха съ бѣлымъ хвостомъ, на поддонѣ мужичекъ серебряный, костяной городъ съ башнями, и миніатюрныя изображенія разныхъ домашнихъ принадлежностей изъ золота и серебра, напримѣръ: жукъ, въ которомъ было паникадило, столъ, четыре подсвѣчника, разсольникъ, рукомойникъ, четыре блюда, четыре тарелки и проч., все въ маломъ видѣ, такъ что вмѣсто два фунта и 38 золотниковъ; или напримѣръ, ставецъ, серебряный, въ которомъ была бочка, зеркальце и т. п. Знакомство съ Европой ввело къ намъ часы. Такъ у Артамона Сергѣевича Матвѣева было нѣсколько часовъ; одни показывали часы астрономическаго дня, на другихъ означалось время отъ восхода до заката солнца, третьи показывали теченіе сутокъ съ полуночи, въ полдень, какъ наши часы нынѣшняго времени. Часы стѣнные карманные, составляли рѣдкость, и гораздо употребительнѣе были часы боевые, стѣнные и столовые. Устройство ихъ отъ нашихъ отличалось тѣмъ, что въ нихъ не стрѣлка по циферному кругу, а самый кругъ двигался. Столовые часы дѣлались

---

*) Родъ колоццевъ съ выдвижными ящиками.

съ затѣйливыми фигурами, напримѣръ. съ четвероугольною крынкою. съ перилами на верху, или мѣдное изображеніе слона съ сидящимъ на немъ человѣкомъ. или въ видѣ башни. На чердакѣ ея сдѣланы были изображенія людей. а на самой вершинѣ изображеніе орла *).

Освѣщеніе. Освѣщеніе въ домахъ было свѣчами восковыми и сальными. Восковыя употреблялись преимущественно у богачей и то единственно въ праздничные дни и во время торжественныхъ собраній. Въ самомъ царскомъ дворцѣ зажигали сальныя свѣчи. Свѣчи вставлялись въ подсвѣчники, которые были стѣнные, прикрѣпленные къ стѣнамъ, стоячіе, значительной величины и малые, и ручные. Вообще они назывались шандалами. дѣлались обыкновенно изъ мѣди. иногда изъ желѣза. Въ XVII вѣкѣ у зажиточныхъ людей были въ домахъ такъ называемые струнные, мѣдные подсвѣчники, сдѣланные изъ натянутыхъ и расположенныхъ удобно мѣдныхъ проволокъ. Ночью, чтобы имѣть огонь держались ночники. По случаю большихъ собраній освѣщали дома висящими паникадилами, которыя въ богатыхъ и знатныхъ домахъ были серебряныя и дѣлались съ разными фигурами.

Для домашняго обихода держались стоячіе фонари, съ ними прислуга ходила въ конюшни и кладовыя. У простыхъ поселянъ избы освѣщались лучинами. (А. Ю. 445. А. И. П. 406. Доп. VI. 105.—Врем. XIII. Расх. кн. 9. 52. Мejerѣ. 232.—Бербер. 32).

Предметы вмѣстимости. Для храненія громоздкихъ хозяйственныхъ припасовъ въ клѣтяхъ употреблялись бочки, кади, лукошки разной величины и объема. Бочки въ старину были самымъ обыкновеннымъ вмѣстилищемъ и жидкостей. и сыпучихъ тѣлъ, напр. хлѣбнаго зерна, муки. льну, рыбы, мяса сушенаго, поскони и разнаго мелкаго товара. какъ-то: гвоздей, цѣпей, замковъ, топоровъ и другихъ принадлежностей хозяйства. Сосуды для варенія въ поварняхъ были котлы: мѣдные и желѣзные: тамъ, гдѣ приготовлялась каша на большое количество людей. въ дворѣ они достигали большихъ размѣровъ, напр. въ 7 ведеръ. Другіе были въ 4 ведра, въ ведро.

*) Chensel. Hacl. 277. Домост. 93. Коллинсъ 21. Мат. для Ист. Ст. Раз. 200. Врем. IV см. 22—VIII Оп. им. тат. 37. Раз. кн. Ник. 9. Дом. Б. Р. Ц. Забѣл. Отъ Зап. 1851 г. Сент.

въ полведра, и вообще назывались *творенными и тѣстовыми котлами*, въ отличіе отъ пивныхъ и винныхъ, достигавшихъ размѣра пятидесяти ведръ. Для небольшаго количества пищи употреблялись горшки. Жаренье производилось на сковородахъ, не только желѣзныхъ, но и на мѣдныхъ, луженыхъ съ рукоятьями; для мѣсива тѣста употреблялись деревянныя корыта и большіе чаны; для мытья бѣлья, корыта, ночвы, буки, для носки воды, ведра, кумчаны, корчаги, едновы, кувшины. По окончаніи обѣда у рачительныхъ хозяевъ всѣ сосуды вымывались, вытирались, потомъ опрокидывались внизъ и ставились на полкахъ въ кухнѣ или чуланѣ. Въ праздники, когда все въ домѣ облекалось въ праздничный видъ и въ поварню отпускалась посуда лучшей доброты *).

Для омыванія употреблялись рукомойники и лохани; у богатыхъ людей они были серебряные и позолачивались. У людей посредственнаго состоянія мѣдные и оловянные. Нерѣдко рукомойникъ былъ оловянный, а лохань мѣдная. Примѣромъ богатаго стариннаго прибора для умыванія можетъ служить рукомойникъ Ивана Васильевича, серебряный, позолоченный, съ изображеніемъ фигуръ (образомъ) на стоянцѣ, тоже изпещренномъ чеканными фигурами; при немъ серебряная лохань съ чеканнымъ изображеніемъ рыбъ и раковъ.

Столовая посуда. Столовая посуда для пищи и питья носила общее названіе судковъ. Жидкое кушанье изъ поварни для стола носили въ кострюляхъ и оловянникахъ—мѣдныхъ или оловянныхъ съ покрышниками. Другая посуда для носки жидкихъ кушаньевъ была разсольникъ, также съ покрышкою, родъ соусника: онъ употреблялся также и для соленыхъ плодовъ. За столомъ жидкая пища разливалась въ мисы: у богатыхъ они были серебряныя, у небогатыхъ оловянныя и деревянныя. Твердыя кушанья приносились на блюдахъ. Были блюда разной фигуры и различной величины, приспособленныя къ извѣстному роду кушаньевъ и поэтому назывались: блюдо гусиное, блюдо лебяжье. На однихъ блюдахъ приносилось кушанье изъ поварни, другія оставались передъ гостями такъ, чтобы два человѣка и болѣе могли ѣсть съ одного блюда.

*) А. И. I. 285. II. 399.—А. Ю. 499. Врем. VIII. Оп. Им. Тат. 22. XIII. Рас. кн. 43. Домост. Врем. I. 67.

Послѣдняго рода блюда назывались *„блюдцами“*. Овощи подавались на блюдахъ особой формы, называемыхъ „овощниками“. Къ большимъ блюдамъ придѣлывались кольца по два, по четыре. Это показываетъ, что ихъ носили человѣка по два. У богатыхъ блюда были серебряныя съ выбойчатыми мишенцами по обводу: у людей посредственнаго состоянія—оловянныя или полуженныя, мѣдныя. Тарелки называемыя тарели, не были въ повсемѣстномъ употребленіи, и тамъ, гдѣ онѣ ставились передъ гостьми, не перемѣнялись во все продолженіе обѣда, а поэтому въ домахъ ихъ было немного; у богатыхъ онѣ были серебряныя, граненыя, иногда позолоченыя; у менѣе зажиточныхъ изъ польскаго серебра или оловянныя. Вѣсомъ онѣ до полфунта, а нѣкоторые и массивнѣе, напримѣръ, въ три четверти фунта. Въ домашнемъ сервизѣ немногія изъ нихъ были больше остальныхъ. Вѣроятно названіе тарели смѣшивали съ названіемъ блюда, такъ что въ одномъ мѣстѣ плоскую посуду, поставленную передъ гостьми, называли тарелями, а въ другомъ блюдами. Ложки у богатыхъ были серебряныя, позолоченыя, съ фигурою на концѣ рукояти и съ надписью, кому принадлежитъ. Ножи въ богатыхъ домахъ оправлялись золотомъ и серебромъ съ драгоцѣнными камнями: ихъ не подавали гостямъ, потому, что кушанье подавалось уже разрѣзанное. Вилки были двухзубыя, а иногда ихъ вовсе не клали. Салфетки не употреблялись. Но необходимою принадлежностью столоваго прибора почитались: солоница, уксусница, перечница, иногда горчица. Когда готовили столъ къ трапезѣ, то, постилавши скатерть, ставили на нее эти сосуды. Солоницы дѣлались на стоянцахъ съ покрышками и съ рукоятками, уксусницы и перечницы на ножкахъ; эти сосуды иногда соединялись въ одинъ, напримѣръ, солоница, а въ верху ея перечница. Серебряныя солоницы и перечницы украшались узорами и литыми изображеніями, напримѣръ, солоница на звѣркахъ, солоница съ верхомъ, украшеннымъ финифтью съ изображеніемъ людей по бокамъ *).

---

*) А. Юр. 444. 445.—Вр. IV. См. 22.—Врем. VII. Оп. Им. Цар. Ив. Вас. VIII, Оп. им. Тат.—Врем. XVIII. Рас. кн. 38. Собр. Гос. гр. 1. 320. 401. 406. 409. Достопр. Кремля 36. 49.—А. И. I. 4. 406. 428.—Доп. VI. 101.—Рус. Стар. 87. Пов. о пос. Щилѣ. Рук. И. П. Б.

Столовые сосуды для приноса питій были: ендовы, мутормы, ведра, кувшины, сулеи, четвертины, братины. Ендова былъ сосудъ болѣе кухонный, но употреблялся и какъ столовый для приноса питья; ендовы имѣли различную величину, напримѣръ, иныя заключали въ себѣ цѣлое ведро, другіе по шести ведеръ, а нѣкоторыя были столь малы, что заключали въ себѣ вѣсу только двѣ гривенки. Рѣдко употребляемыя при обыкновенномъ обиходѣ, онѣ были мѣдныя, выложенныя, съ носкомъ и рукояткою. Мушорма была сосудъ близкій по виду къ ендовѣ, также съ носкомъ и съ рукоятью, въ чемъ заключалось ихъ различіе—неизвѣстно. Ведра были только служебною посудою, но сдѣланныя въ маломъ размѣрѣ ставились съ напитками на столѣ; были такимъ образомъ серебряные сосуды, въ формѣ ведра, носившіе это названіе съ душкою на верху, цилиндрической формы, а иногда многосторонниками.

Кувшинами, какъ теперь называютъ сосуды съ раздутыми боками по срединѣ, съ съуженою шейкою, съ расширенными краями, съ носками и съ кругообразной рукоятью. Были кувшины—серебряные съ обручами на шейкахъ, съ крышкою на верху, на которой становились какія нибудь фигуры выпуклыя, напр. яблоко и такъ далѣе, иногда къ ручкѣ кувшина придѣлывалась цѣпочка. *Четвертиною*, какъ показываетъ ея названіе, была четвертая часть единицы ведра, то есть кварта; но въ домашнихъ приборахъ этимъ именемъ называли сосудъ, раздутый по бокамъ, нѣсколько похожій на суповую чашку съ крышкою; въ нихъ отсылали питье изъ дома отсутствующимъ особамъ. *Четвертины* были разной величины даже такъ малы, что вставлялись въ небольшую шкатулку. *Братина*, какъ показываетъ ея названіе, былъ сосудъ, предназначенный для братской, товарищеской попойки, на подобіе горшка съ покрышкою. Изъ нихъ пили, черпая чумками, черпальницами, ковшами. Братины были разной величины: небольшія употреблялись даже прямо для питья изъ нихъ и назывались братинками. *Сулеи*—были маленькія бутылки съ узкимъ продолговатымъ горломъ и съ цѣпью; онѣ привѣшивались къ поясу въ дорогѣ *).

*) С. Г. Гр. I. 401. 406. 409.—Врем. IV. См. 20.—VII. Оп. Им. Ив. Вас. 25. 45. VIII. Оп. Им. Тат. 22. 35.—А. г. Шуи. 176.—А. И. I. 285.

Кружки, чаши, корцы и проч. Къ прочимъ сосудамъ принадлежали: кружки, чаши, кубки, корцы, ковши, подстаканы чарки, овкачи и болванцы.

Кружки были цилиндрическіе сосуды, съ рукоятью и крышкой, всегда въ одну стѣну съ низу до верху, къ верху нѣсколько уже, обыкновенно круглаго вида, какъ показываетъ самое названіе; но были также кружки осмигранныя; онѣ ставились на поддонахъ. Нормальная величина кружки опредѣлялась ея мѣрнымъ значеніемъ, такъ какъ кружками собственно называлась опредѣляемая мѣра (половина четвертины $^1/_8$ ведра). Но эта мѣра не всегда соблюдалась, какъ показываетъ различіе вѣса, напр. 4 фунта и въ 1 фунтъ. Слѣдовательно объемъ кружекъ былъ различенъ.

Чашами назывались большіе разложистые сосуды круглаго вида съ рукоятками, съ кольцами, съ намостками, со скобами, вѣсившіе иногда до двухъ фунтовъ и болѣе; но вообще подъ этимъ названіемъ разумѣли пропорцію выпиваемаго собесѣдниками вина; въ этомъ смыслѣ на одной братинѣ находится надпись: „Въ сію братину наливается богородицына чаша". Пить сію чашу: значило, пить въ честь кого нибудь или за чье либо здоровье. Такимъ образомъ говорилось: „Государева чаша, патріаршая чаша".

Кубками назывались сосуды съ круглымъ, иногда досчатымъ или плоскимъ дномъ, съ крышками, на подставкѣ, иногда на ножкѣ и на поддонѣ. Къ нимъ иногда придѣлывались цѣпочки. Дѣлались кубки двойчатые, то есть раздѣлявшіеся на двѣ половинки, изъ которыхъ каждая составляла особый сосудъ для питья. Величина кубка была различна. Всѣмъ извѣстенъ громадный сосудъ Ивана Васильевича Грознаго, хранящійся въ Оружейной палатѣ, вѣсомъ въ 1 пудъ восемь фунтовъ, въ сажень вышиною. У знатныхъ и богатыхъ домохозяевъ были большіе кубки вѣсомъ до четырехъ и до пяти фунтовъ, но они большей частію служили только для украшенія въ поставцахъ. Въ употребленіи были кубки, вѣсомъ въ полфунта, фунтъ, около того. Были изъ строфокамиловыхъ яицъ, оправленныхъ дорогими камнями, золотомъ и серебромъ.

Стопы были большіе высокіе стаканы, иногда съ рукоятью, съ носками и крышкою.

Достаканы были средней величины стаканы, иногда съ рукоятью, на ножкахъ, обыкновенно съ разложистыми круглыми краями, иногда же съ угольчатыми и ставились на маленькихъ поддонахъ.

Ковши были низенькіе сосудцы, круглые и овальные съ дномъ въ видѣ полушарія, съ досчатою ручкою, называемой *Полкою*, иногда съ загибомъ на концѣ. Ковши были обсыпаны по краямъ жемчугомъ и вѣсили по три фунта и болѣе.

Кромѣ этихъ сосудовъ были разные другіе сосуды болѣе или менѣе нужные въ домашнемъ хозяйствѣ какъ-то: солонки, *орѣхъ индѣйской* (вѣроятно кокосовый) оправленный въ серебро, *Туриный* или *турій рогъ*, оправленный въ золото и серебро, съ искустно придѣланной къ нему ножкою, чтобы ставить. Изъ него пили вино. Потомъ ихъ отливали изъ серебра или золота.

Корцы отличались отъ ковшей тѣмъ, что дно у нихъ было плоское; маленькіе корцы назывались корчиками. Ихъ названіе произошло отъ того вѣроятно, что прежде ихъ дѣлали или изъ березовой коры, или изъ древесныхъ кореньевъ.

Чарки. Такъ назывались маленькіе сосудцы съ круглымъ или плоскимъ дномъ, или на ножкахъ съ закругленною ручкою, иногда съ покрышкою.

Болванцы или овкачи. Хотя эти сосуды существовали въ числѣ домашней посуды; но отличительной ихъ формы не знаемъ. Изъ описаній видно, что они были массивны, иногда вѣсили до $4\frac{1}{2}$ фунтовъ.

У богатыхъ и знатныхъ людей сосуды были золотые и серебряные и относительно работы различныхъ видовъ: чеканные, гладкіе, сканные, то есть витые, граненые (грановитые), травчатые, камфаренные, стклянистые, пупчатые, рѣшетчатые и др. Фонъ стѣны сосуда назывался землей, по которой и дѣлались различныя выпуклыя изображенія травъ, людей животныхъ и пр., какъ-то видимъ на стѣнкахъ кубковъ и чашъ. Сосуды съ покрышками иногда украшались затѣйливыми изображеніями. Кромѣ узоровъ травъ и фигуръ было въ обычаѣ писать надписи касающіяся вѣса и относительно какого либо изреченія, а иногда надпись говорила о томъ, отъ кого и кому сосудъ подаренъ. Надписи дѣлались или на днѣ, или по наружнымъ стѣнамъ сосуда.

Кромѣ металлической посуды была и другая, конечно. У богачей сосуды были агатовые, серделиковые, изъ горнаго хрусталя, а между тѣмъ входила въ употребленіи стеклянная и хрустальная посуда, съ тѣми же названіями. Стеклянная посуда привозилась изъ-за границы. Причемъ эта посуда не рѣдко была и разноцвѣтная. Изъ деревянной посуды, которой пользовался простой народъ извѣстны были чашки, *тарели* и прочее, также ковши, корцы, солоницы. Эта посуда дѣлалась по селамъ и развозилась по городамъ, по рынкамъ. Деревянными издѣліями въ особенности славились калужане, гороховцы и карельцы. Деревянныя издѣлія нерѣдко украшались рѣзьбою весьма затѣйливою и расписною.

РУССКІЕ ОБѢДЫ.

Семейные обѣды бояръ, дворянства и остальнаго сословія намъ болѣе или менѣе извѣстны. Есть нѣкоторыя извѣстія о великокняжескихъ обѣдахъ.

Великокняжескіе обѣды *). Въ большой комнатѣ ставились въ нѣсколько рядовъ столы, по поданіи на столъ кушанья объявляютъ царю: „Государь! кушанье подано", тогда онъ отправлялся въ столовую и садился на возвышенномъ мѣстѣ; подлѣ царя садились его братья или митрополитъ; тамъ вельможи, чиновники и простые воины.

Во время принятія посла, бар. Герберштеинъ, В. К. Василій, одинъ сидѣлъ на возвышенномъ мѣстѣ, окруженный пышнымъ дворомъ, съ правой его стороны лежалъ колпакъ, а съ лѣвой посохъ,—тутъ же стоялъ готовый сосудъ съ полотенцемъ. Подавши руку послу, онъ послѣ мылъ ее, думая, что католическій законъ нечистый. Въ срединѣ, на высокомъ столѣ, блестѣло множество золотыхъ сосудовъ, чашъ и кубковъ. Первымъ блюдомъ всегда были жареные лебеди **), за обѣдомъ разносили кубки съ мальвазіей и другими греческими винами. Государь посылалъ со стола своего кушанье, въ знакъ осо-

*) См. Бытъ Русск. Народа Терещенко. Стр. 242.

**) И сейчасъ по народному преданію, лебедь называется царскимъ и свадебнымъ блюдомъ; говорятъ, будто бы простымъ людямъ ихъ ѣсть грѣшно, а потому лебедей не бьютъ.

бой милости, отличенному имъ гостю, который тогда вставалъ и кланялся ему, другіе также вставали изъ уваженія къ милостивому гостю, а онъ долженъ былъ имъ кланяться *). Во время обѣдовъ вели разговоры безъ принужденія. Обѣдали серебряными ложками, которыя сдѣлались у насъ извѣстными въ концѣ X вѣка **).

При обѣдахъ царскихъ находились: *Кравчій*, *чашникъ*, и *чарошники*; каждый изъ нихъ смотрѣлъ за своевременнымъ подаваніемъ кушаньевъ и напитковъ; но сверхъ ихъ назначались еще къ столу особые чиновники, которые должны были *встолы смотрѣть, встолы всказывать*. Они подавали за столомъ ковши или чаши, кому государь приказывалъ. Поднося знатному боярину ковшъ съ виномъ, именовали его съ прибавленіемъ *ста* или *су*, напримѣръ, если ему имя Василій — *Василій-ста! великій государь жалуетъ тебя чашею*. Тотъ принявъ ее, выпивалъ стоя и кланялся, а подносившій докладывалъ царю: *Василій-ста выпилъ чашу, челомъ бьетъ*. Менѣе знатныхъ именовали: *Василій-су*, остальныхъ безъ всякаго прибавочнаго окончанія, просто Василій.

Иностранцы съ изумленіемъ отзывались о пышности царскаго стола: гости пили и ѣли изъ золотыхъ сосудовъ; слуги во время обѣдовъ, три раза перемѣняли свое платье и обѣдъ продолжался до ночи. Обѣды Іоанна IV продолжались до 6 часовъ; отъ 600 до 700 гостей пресыщались не только изобильными, но дорогими явствами, плодами и винами. Однажды въ кремлевскихъ палатахъ обѣдало 2000 нагайскихъ воиновъ ***). Борисъ Годуновъ давалъ пиры въ Серпуховѣ, въ продолженіи шести недѣль и каждый разъ угощалъ подъ шатрами по 10000 человѣкъ.—Кушанье подавали на серебряной посудѣ ****). Разставаясь съ войскомъ, онъ далъ раскошный обѣдъ въ полѣ 50000, пировавшимъ на лугахъ р. Оки. Яства, медъ и вино развозили обозами; чиновниковъ дарили бархатами, парчами и и камками. Иностранецъ Варбочь посолъ императора Герман-

*) Herb. Rer. Moscov. com. c. 137.

**) Со временъ св. кн. Ольги, при дворѣ введены св. Владиміромъ.

***) Navigat. Пом. въ Гакл. с. 349 и 352.

****) Margeret—Estat de l'empire de Russie, etc. Всѣ иностранные писатели этого времени, съ любопытствомъ вели счетъ гостямъ и самой посудѣ.

скаго, не могъ исчислить серебряной и золотой посуды, которая лежала горой въ комнатѣ смежной съ столовой. При немъ подавали на столъ около ста различныхъ блюдъ.

За торжественными царскими обѣдами служили по 200 и 300 жильцевъ въ парчевой одеждѣ съ золотыми цѣпями на груди и въ черныхъ лисьихъ шапкахъ. Государь садился на возвышенномъ мѣстѣ; слуги низко кланялись ему, и потомъ, по два въ рядъ, отправлялись за кушаньемъ. Между тѣмъ, подавали водку; на столахъ тогда ничего не ставилось, кромѣ хлѣба, соли, уксусу, перцу, ножей и ложекъ; тарелокъ и салфетокъ не знали.—За однимъ разомъ приносили сто блюдъ и болѣе, отвѣданныя поваромъ при стольникѣ; послѣ отвѣдывались кравчимъ въ глазахъ царя. Потомъ царь посылалъ гостямъ ломти хлѣба, явства, вина, медъ и въ концѣ стола раздавалъ самъ сушеныя венгерскія сливы.

Всякій гость отпускался домой съ блюдомъ мяса или пироговъ *). По нынѣ соблюдается обыкновеніе, что хозяйка при отпусканіи гостей отъ обѣда или ужина, навязываетъ имъ узелки съ разными лакомствами: пряниками, орѣхами, сушеными плодами, пирогами сладкими и пр. Крайнею было бы для нея обидою, если бы не приняли. Хлѣбъ, соль—даръ Божій, говорятъ русскіе. Не принять хлѣба,—значитъ прогнѣвить Бога.

За столомъ царя Ѳеодора были уже дорогія вина и мальвазія; обѣды его продолжались до полуночи **).

Богатыя сокровища русскихъ царей. Иностранные послы всегда говорили съ удивленіемъ о богатствѣ серебряной и золотой посуды. *Бурхардъ*, посланникъ императора нѣмецкаго Генриха IV, увидѣвъ блескъ двора, сказалъ: никогда мы не видали столько золота, серебра и богатыхъ одеждъ.—А другой посолъ императора, *Ламбертъ*, не вѣрилъ своимъ глазамъ, видя кучи золота и серебра и пишетъ, что столы, накрытые блестящею серебряною посудою гнулись отъ тяжести. Герберштейнъ говоритъ, что на посудномъ столѣ лежали одни серебряные и золотые сосуды, и разсказываетъ за рѣдкость,

---

*) Флечеръ. Com. Vealth., пом. въ собр. Гакл. Margeret. Estat l'empire de Russie.

**) Beschr. der Rais in die Moscow. so H. Varbotsch gethan. 1593 г. Ч. I. с. 159. въ собр. Вихм.

что первое блюдо состояло изъ жаренаго лебедя; что послѣ обѣда подавали разные прохладительные напитки и заѣдки: сахарные, анисовые и изъ корицы. — Франдискъ де Колло пишетъ, что денегъ, серебра и золота столько было у В. К. Василія, что онъ есть богатѣйшій и могущественнѣйшій изъ европейскихъ владѣтелей; что онъ сверхъ богатства, хранящагося въ казначействѣ, собираетъ ежегодно огромное количество золота и дорогихъ мѣховъ, съ разныхъ мѣстъ своего царства; что великій князь щедро одарилъ самаго Франциска де-Колло серебренно-позолоченными сосудами и другими вещами. Другіе видѣли въ кремлевскихъ палатахъ: горы жемчугу, золота и серебра *). Маржеретъ видѣлъ въ кладовой литыя серебряныя бочки, огромные серебряные тазы, коихъ поднимали за ручки четыре человѣка; онъ видѣлъ еще три или четыре вазы съ большими серебряными чашами, назначенными для черпанія меду. Эти вазы были такъ велики, что надобно было 300 человѣкъ, чтобы наполнить какимъ либо напиткомъ. Все это было сдѣлано руками русскихъ и при томъ изъ серебра **). Польскій посолъ князь Гедроцкій, и патріархъ Іеремія, приходили въ изумленіе, отъ великаго множества серебра и золота. Принятіе Датскаго принца Іоанна, жениха Ксеніи, дочери Бориса Годунова, ослѣпило блескомъ и пышностью глаза иностранцевъ. Столы трещали отъ серебра и золота. Посрединѣ столовой находился четырехъугольный столъ искусстно украшенный серебряными подносами, чашами, блюдами, кубками; многія вещи были изъ чистаго золота. Кресло царское, было изъ одного золота, столъ серебряный, съ позолоченными ножками, который былъ покрытъ вязаной изъ золота скатертью; комнату украшала тонкой работы люстра съ боевыми часами. Посолъ Лжедимитрія, Аѳанасій Власьевъ, поднесъ въ подарокъ Маріи Мнишекъ, отъ имени ея жениха: рубиновое перо, гіацинтовую чашу, золотой корабль осыпанный драгоцѣнными каменьями; золотаго быка, павлина и пеликана: часы съ флейтами и трубами, три пуда жемчугу, 640 рѣдкихъ соболей, кипы бархата, парчи, штофу и атласа, сверхъ того

*) Navig. пом. у Гакл. с. 349 и 354.

**) Richter Gesch. des Medic. Часть I. Стр. 72 и Мержеретъ. Издан. 1607 г. Пар.

многіе подарки ея родственникамъ, всего на 230000 червонцевъ. Иностранцы, описывая блескъ Лжедимитріева двора, съ изумленіемъ говорятъ о его престолѣ вылитомъ изъ чистаго золота, обвѣшанномъ кистями алмазными и жемчужными, утвержденномъ внизу на двухъ серебряныхъ львахъ, и покрытомъ накрестъ четырьмя богатыми щитами; надъ нимъ блистали золотой шаръ и золотой орелъ.

Самозванецъ имѣлъ колесницы и сани, окованныя серебромъ, обитыя бархатомъ и соболями. На его коняхъ: узды, сѣдла и стремена сіяли золотомъ, изумрудами и яхонтами. Онъ заказывалъ безпрестанно драгоцѣнныя вещи и въ три мѣсяца издержалъ на одну пышность царскую, болѣе 7 милліоновъ рублей серебромъ. Народъ роптал, потому что не любилъ расчетливости государей, страшась новыхъ налоговъ. Корбъ, бывшій въ Москвѣ въ концѣ XVII вѣка, не могъ исчислить царскихъ палатахъ. Арсеній, бывшій съ патріархомъ Іеремією въ Москвѣ въ 1590 г., удивляясь богатству и разнообразію сосудовъ, говоритъ: я былъ пораженъ неисчислимымъ сокровищемъ: необыкновенною пышностью первостепенныхъ сановниковъ, облитыхъ въ золото. Я видѣлъ серебряные сосуды съ золотыми коронами наполняемые критскимъ виномъ. Изъ многихъ золотыхъ чашъ была одна, которую едва съ трудомъ несли 12 человѣкъ. Великій князь Іоаннъ Даниловичъ отправляясь въ орду, раздѣлилъ свои дорогія вещи между тремя сыновьями и супругою Еленою. Старшему сыну, Симеону, отдалъ четыре золотыя цѣпи, три пояса, двѣ чаши, блюдо съ жемчугомъ, три блюда изъ серебра и два ковша. Ивану, четыре золотыя цѣпи, два пояса съ жемчугомъ и каменьями, третій сердоликовый, два ковша, двѣ круглыя чаши, и три блюда серебряныя. Андрею, четыре золотыя цѣпи, поясъ фряжскій, другой жемчужный съ крюкомъ (съ застежкою) на красномъ шелку, третій ханскій, два ковша, двѣ чарки и три блюда серебромъ (изъ серебра). Дочери Фетиньѣ 14 колецъ, новый складень (ожерелье) чело (головное украшеніе) и гривну. Большое серебряное блюдо о четырехъ кольцахъ, въ храмъ Владимірскія Богоматери *).

*) Собр. Гос. Грам. и догм. Т. I. стр. 31. Пис. въ 1388 г. и въ 1331 г.

Внукъ его, Вел. кн. Іоаннъ II, завѣщалъ (въ 1359 г. ноября 13), дѣтямъ своимъ князю Димитрію золотую шапку (корону), бармы, жемчужную серьгу, коробку сердоликовую, золотую саблю и шишакъ; князю Іоанну: саблю и шишакъ; жемчужную серьгу и стаканъ цареградскій, а двумъ будущимъ зятьямъ по золотой цѣпи и поясу. Когда великій князь Іоаннъ III гостилъ въ Новгородѣ въ 1467 г., тогда его дарили шелковыми тканями, сукнами, ловчими птицами, рыбьими зубьями (вѣроятно моржевыми), иностранными винами и драгоцѣнными сосудами. Владыка Θеофилъ подарилъ ему золотой ковшъ съ жемчугомъ, два рога окованные серебромъ, серебрянную мису. Вас. Казиміръ—золотой ковшъ. Яковъ Коробъ—рыбій зубъ; знатная вдова Анастасія Ивановна—два рыбьихъ зуба и пр. По приведеніи Великаго Новгорода *во всю волю* Іоанна (1478 г.). ему поднесъ въ даръ на Поозерьѣ, одинъ архіепископъ Θеофилъ: панагію, обложенную золотомъ и жемчугомъ, (князья и цари носили ихъ на груди, на золотой цѣпи); строкофамилово яйцо (страусово) окованное серебромъ, въ видѣ кубка; сердоликовую чарку, кристальную бочку, серебряныя мисы, цѣпи, чары, два ковша золотые, и поясъ серебряный, вѣсомъ въ 31 фунтъ. Если вѣрить сказанію современнаго историка Длугоша, что Іоаннъ нагрузилъ тогда 300 воловъ серебромъ, золотомъ и драгоцѣнными каменьями. Князь Іоаннъ Борисовичъ Волоцкой, исчисляетъ въ завѣщаніи 1504 г. 29 серебряныхъ блюдъ 5 мисъ, 1 уксусницу, 1 перечницу, 1 солонку большую, 2 солонки малыя гладкія, чарку серебряную, 11 ложекъ, 7 ковшовъ, 7 чарокъ гладкихъ, 1 чарку съ полкою, 2 чарки большихъ, 4 чарки малыхъ, 3 кубка, 1 рогъ, 3 стакана, ковшъ большой, сковороду серебряную съ вѣнцомъ, серебренникъ и посуду каменную.

Боярскіе обѣды (встарь). При боярскихъ столахъ бояръ и дворянства, подавали явства и напитки въ простой посудѣ. Принцъ Бухау пишетъ *), что въ его время по большей части кушали и пили изъ деревянной посуды, коей края позоло-

*) Daniel prinz fon Buchau: De Moscobrae ortu et progressu и проч. въ половинѣ XVI вѣка.

чены и эта посуда была позолочена, а работа производилась монахами.

Принцъ Бухау, обѣдая у Іоанна IV, говоритъ, что онъ не имѣлъ ни тарелки, ни ножа, ни вилки: но пользовался ими, заимствуя отъ сидѣвшаго возлѣ него боярина.

Олеарій, бывшій въ Москвѣ въ началѣ XVII вѣка *), пишетъ, что у богатыхъ людей рѣдко встрѣчалась оловянная посуда, и что за рѣдкость считалось, если серебряная появлялась у бояръ. Маербергъ, бывшій въ Москвѣ, въ половинѣ XVII вѣка, говоритъ что у многихъ богачей оловянная посуда, ложки, ножи, вилки и тарелки подавались однимъ знатнымъ и почетнымъ гостямъ.

Званые обѣды. Чтобы показать болѣе отличій въ царскихъ милостяхъ и польстить суетности вельможей, Борисъ Годуновъ первый ввелъ званые обѣды, въ царствованіе еще Ѳеодора, который приглашалъ думныхъ сановниковъ и угощалъ ихъ въ своихъ чертогахъ, обнаруживая предъ ними всю гостепріимность обыкновеннаго хозяина **). Хлѣбосольство, извѣстное однимъ нашимъ русскимъ, отличалось у насъ болѣе всего въ частныхъ домахъ, гдѣ вольность въ обращеніи, соединенная съ равенствомъ, ничьего не обижали честолюбія.

Хозяинъ съ радостью принималъ гостя, не скупился съ нимъ, ставилъ все на столъ, что имѣлъ: явства, медъ и водку, чтобы не прослыть въ своей средѣ не гостепріимнымъ, отъ чего возникла поговорка: „*Все на столъ мечи, что есть въ печи*".—Самымъ величайшимъ упрекомъ было еще, кто скажетъ: „*Ты забылъ мой хлѣбъ соль!*"

ОДЕЖДА.

1. Мужской костюмъ.

Старинная русская одежда представляетъ съ перваго вида большую сложность и разнообразіе: но, присмотрѣвшись къ частностямъ ея, легко узнать во множествѣ наименованій сходство. Г. проф. Костомаровъ, сравнивая одежду русскаго на-

---

*) Смотр. Олеарій; его Voyage. С. 127.

**) К. И. Г. Р. ч. 10. стр. 72.

рода нашелъ, что одежда крестьянъ была одинакова съ одеждою царей и даже носила одинаковыя названія, только отличалась достоинствомъ матеріала и убранствомъ.

Славяне прибалтійскіе, еще по свидѣтельству Тацита, не отличались отъ германскихъ народовъ, они едва закрывали наготу свою. Славяне Дунайскіе сражались еще въ VI вѣкѣ почти полунагіе, прикрывая только нижнюю часть тѣла исподнимъ платьемъ. Шкуры звѣрей лѣсныхъ и домашнихъ, согрѣвали ихъ въ холодное время. Женщины носили длинныя одежды, украшались бисеромъ и металлами, отнятыми на войнѣ или вымѣненными у иностранныхъ купцовъ.

Аравійскій посолъ Ахметъ, будучи у Волгскихъ Болгаръ, въ началѣ X в., видѣлъ многихъ Славянъ и описываетъ ихъ нарядъ, довольно грубымъ. Мущины, пишетъ онъ, не носятъ ни кафтановъ, ни камзоловъ, но набрасываютъ на себя съ боку толстую одежду, оставляя другую (правую) свободную. Они никогда не ходятъ безъ оружія; у каждаго большой ножъ, мечъ и топоръ; и всякая женщина носитъ ножъ, а на шеѣ цѣпи золотыя и серебряныя. Главное ихъ украшеніе зеленый бисеръ *). При описаніи погребенія одного изъ старшинъ, онъ говоритъ, что покойникъ былъ одѣтъ въ два исподнія платья, сапоги, куртку, кафтанъ изъ золотой парчи съ золотыми пуговицами и парчевую шапку опушенную соболемъ **). Счастливыя войны и торговыя сношенія съ Константинополемъ и Болгарами въ продолженіи двухъ столѣтій измѣнили образъ жизни: поселили изобиліе и роскошь. Великіе князья, сановники и воины ознакомились съ пышностью царьградскою, стали носить длинныя, широкія по восточному вкусу платья. Отъ нихъ рисунокъ платья всѣ прочія сословія, потому всѣ одежды наши (русскія) были подражательныя греческимъ. Нерѣдко послы наши требовали отъ греческихъ императоровъ именемъ своихъ князей и царской одежды, и вѣнца. Императоры отговаривались отъ нихъ тѣмъ, что порфира и короны дѣланы руками ангеловъ.

*) Этотъ посолъ былъ отправленъ багдадскимъ калифомъ Муктедиромъ къ королю Болгаръ, въ 922 году. Пер. Акад. Френемъ.

**) Бытъ Русскаго Народа. А. Терещенко. Стр. 314.

Женщины, одѣваясь въ длинныя платья, убирали грудь монистами, ожерельями и золотыми цѣпями; а пальцы кольцами и перстнями. Волосы заплетали въ косу, а головной нарядъ блисталъ жемчугомъ и золотомъ *).

Богатые люди носили шелковое платье, драгоцѣнный поясъ и сафьянные сапоги. Въ XI и даже въ XV столѣтіяхъ мы встрѣчаемъ сапоги съ загнутыми вверхъ носами; подошвы подбивались гвоздями; голенища были до икоръ круглыя. Въ XIV в. голенища шились подъ самыя колѣна и здѣсь стягивали ихъ ремнями и тесьмою. Знатные люди и великіе князья носили по большей части голенища короткія, унизывали ихъ золотыми или серебряными прошвами, галунами, жемчугомъ и каменьями. Впрочемъ, такая рошкошь появилась, какъ кажется, въ XVI вѣкѣ, что увидимъ въ своемъ мѣстѣ.

Исподнее платье называлось *портами*, шитыми изъ полотна. *Рубашки* назывались *сорочками*, а по славянски *срачицами*, шились изъ холста длинными до колѣнъ съ разрѣзнымъ на переди воротомъ и подпоясывались шнуркомъ поверхъ исподняго платья. По завладѣніи Россіи татарами измѣнились многія наши одежды; самыя сорочки и исподнее платье приняли другой покрой и едва ли не тогда вошли въ употребленіе штаны и шальвары. Сорочки тогда шились не длиннѣе колѣнокъ; воротъ, ожерелье, ожерелокъ **), разрѣзывали на лѣвой сторонѣ, украшали запонками и шитьемъ шелковымъ, или у простаго народа, разноцвѣтнымъ. Для украшенія же дѣлали на груди и спинѣ *подоплекъ* вышитый красными нитками и шелкомъ. Подъ пазухою нашивали красныя и синія *ластовки*, или *ластовицы*. Воротникъ и края рукавовъ вышивали красными нитками, шелкомъ, серебромъ и золотомъ, смотря по состоянію и званію. Воротникъ застегивали металлической пуговкой. Исподнее платье шилось весьма просторнымъ: изъ холста, бумажной и шелковой матеріи, и подвязывали на шнурѣ подъ рубашкою. Концы исподняго платья засовывали въ сапоги. Богатые и знатные

*) Египтянамъ вообще приписывается много изобрѣтеній, въ числѣ ихъ—изобрѣтеніе колецъ, а за тѣмъ римлянамъ, евреямъ и прочимъ другимъ народамъ.

**) Ожерелокъ, ожерелье, воротъ. въ старину отдѣльно пристегивали къ рубашкѣ и называли сорочкою, а уже послѣ XVII вѣка стали называть такъ все верхнее бѣлье. Кост. Очеркъ жизни и нр. Р. Н. Стр. 64.

носили шелковые и парчевые штаны, которые были холодные и теплые.

В. К. Святославъ I, гроза восточной Имперіи, ничѣмъ не отличался одеждою отъ простаго ратника;—тогда воины и мирные воины, и мирные граждане одѣвались одинаково. Когда онъ увидѣлся съ Іоанномъ Цимисхіемъ на берегу Дуная подъ Даростелемъ (Силистріею), тогда греки смотрѣли на него съ изумленіемъ. Императоръ, окруженный облитыми въ золото конниками, сидѣлъ на конѣ, а Святославъ въ лодкѣ въ простой бѣлой одеждѣ, съ длинными усами, рѣденькой бородой и съ клокомъ волосъ на головѣ; въ ухѣ его висѣла серьга украшенная жемчужиной и рубинами *). Вообще одежда была одинакова, какъ у царей, такъ и у крестьянъ, носила однѣ и тѣже названія.

Ношеніе серегъ между мужчинами было во всеобщемъ употребленіи до начала XV вѣка. Въ завѣщаніи В. К. Іоанна, отца Димитрія Донскаго, видно, что онъ отказалъ сыновьямъ своимъ по жемчужной серьгѣ (см. собр. госуд. гр. и догов. Дух. грам. В. К. Іоанна подъ 1356 г.). По извѣстіямъ иностранныхъ писателей XVI вѣка и начала XVII вѣка, они видѣли много бояръ, купцовъ и простолюдиновъ съ серьгами. И нынѣ многіе изъ простаго народа видятъ ихъ.

Обувь простаго народа была—лапти изъ древесной коры. Это обувь изъ древности и носилась еще во времена язычества. Кромѣ лаптей изъ коры, носили башмаки изъ прутьевъ лозы, тоже плетеныя **), вѣроятно эту обувь называли плеиицы ***), нѣкоторые же носили подошвы изъ кожи и подвязывали ихъ ремнями, обмотанными вокругъ ноги ****). Эта обувь (сандаліи) вѣроятно заимствована была отъ грековъ. Простолюдины обоего пола носили эту обувь *****). Обувь

*) Малороссы, какъ и Запорожцы носили до половины нашего столѣтія чубы, чупрыни, то есть клокъ волосъ на маковкѣ головы, обвитый около праваго уха и называемый иначе оселедцемъ. Обычай ношенія чубовъ древній и онъ существуетъ съ древнихъ временъ. Объ этомъ упоминаетъ Тацитъ.

**) Petr. 314.

***) А. Отв. къ Ю. Б. 53.

****) Dass. gr. Reich. v. Moscov. 187.

*****) А. И. VI. 399. Доп. III. 145. Врем. XVI. Рас. Кн. Ник. 60. Вар. Акты 1. 116. Олеарій 182.

достаточныхъ людей составляли, сапоги, чоботы, башмаки и четыги. Всѣ эти виды дѣлались изъ телячьей кожи, изъ коровьяго опойка, изъ конской кожи, изъ юфти, а у богатыхъ изъ персидскаго и турецкаго сафьяна *). Сапоги носились до колѣнъ и служили вмѣсто штановъ для нижней части тѣла, и для того подкладывались холстиною. Ихъ снабжали высокими желѣзными подборами и подковами со множествомъ гвоздей по всей подошвѣ; у царей и знатныхъ лицъ эти гвозди были серебряные. *Чоботами* назывались полусапожки съ остроконечными носками, поднятыми къ верху. Башмаки были принадлежностью не только женщинъ, но и мужчинъ. Встарину также носили *и чедыги* или *ичеготы*, иначе *ноговицы*, обувь заимствованную отъ татаръ; такая обувь состояла изъ сафьяннаго чулка и состояла изъ двухъ видовъ: полные, достигавшіе до колѣнъ, и полуполные. При сапогахъ и чоботахъ носились чулки шерстянные или шелковые, а зимою подбитые мѣхомъ. Женская обувь была почти таже, что у мужчинъ и была съ такими высокими подборами, что передняя ступня не касалась земли, если стать на каблукъ. При нихъ были шерстяные или шелковые чулки **). Посадскія жены носили также сапоги до колѣнъ; но дворянки ходили въ башмакахъ и чоботахъ. Бѣдныя крестьянки ходили въ лаптяхъ, какъ и мужья ихъ.

Вся эта обувь, кромѣ лаптей, была цвѣтная, яркихъ красокъ, а иногда тѣльнаго, то есть слаборозоваго цвѣта и расшивалась золотомъ въ различные узоры, иногда жемчугомъ и до того густо, что иногда нельзя было разсмотрѣть цвѣта сафьяна ***). Вся эта обувь въ зажиточныхъ домахъ изготовлялась опытными холопами, которыхъ при каждомъ домѣ было довольно.

Штаны, порты. Они шились безъ разрѣзовъ съ узломъ, такъ, что ихъ можно было дѣлать или шире, или уже. У бѣд-

---

*) Подъ лапти и другую обувь подвертывались *онучи*, *портянки*, то есть лоскутья холстины, ветошь.

**) Чулки вязать въ Россіи научились только при Петрѣ Великомъ, который даже завелъ для ихъ производства у Калинкина моста, въ Петербургѣ, чулочную фабрику.

***) См. Домострой 4. 54. Вых. Цар. 492—4. Ворон. Акты. 1.115.

ныхъ они были изъ холста бѣлаго или крашенаго, также изъ сермяги, то есть грубой шерстяной ткани. У зажиточныхъ изъ сукна зимою, а лѣтомъ богатые и знатные носили тафтяные, или изъ другой шелковой матеріи штаны. У царей, да и у бояръ штаны были изъ тяжелыхъ шелковыхъ тканей разныхъ цвѣтовъ, преимущественно краснаго, малиноваго, лазореваго и желтаго. Вообще же въ старину штаны достигали только до колѣнъ, дѣлались съ карманами, которые тогда назывались *зепью* *).

Верхняя одежда **). На рубаху и штаны надѣвались разнаго рода верхнія одежды: такъ мы видимъ на рисункѣ въ Публичной Библіотекѣ, что Олегъ одѣтъ въ высокую синюю шапку на подобіе колпака, съ палевой опушкою, на шеѣ золотой парчи платокъ съ развѣвающимися концами на груди. Кафтанъ багряный обложенъ алой бахромой, подпоясанъ золотымъ поясомъ и въ жолтыхъ сапогахъ. Давидъ и Романъ одѣты только въ алыхъ кафтанахъ, но костюмъ одинаковъ. Княгиня въ синей высокой шапкѣ съ алымъ покрываломъ; платье красное съ золотой бахромой, подпоясана золотымъ поясомъ; на рукавѣ золотое ожерелье, башмаки малиновые, крытые золотомъ; она держитъ за руку юнаго Ярослава, который представленъ въ багряномъ кафтанѣ съ золотой бахрамой; подпоясанъ, золотымъ кушакомъ съ бантомъ, сапоги красные. Кн. Святославъ съ усами и съ бородой, стоитъ въ круглой, низенькой желтаго цвѣта шапкѣ, съ красною опушкою и въ синихъ сапогахъ; кафтанъ на немъ синій съ красной бахромой, поверхъ кафтана золотая княжеская мантія; въ рукахъ его книга, окованная золотомъ и покрытая малиновымъ бархатомъ.

Вся роскошь одежды, какъ мы видимъ изъ этого рисунка, состоитъ въ блескѣ золота и разноцвѣтой парчи ***).

---

*) А. И. I, 335. Домострой 51. Вых. Цар. 219, 622. А. Ю. 371. Оп. Шуи 453. А. г. Шуи 174. Оп. Им. Тат. врем. VIII. Herberst 36. Барб. 54. Tuberv. 455. Petr. 306. Olear. 181. Mejerb. 100 и пр.

**) Памятникомъ одеждъ XI вѣка можетъ служить рисункомъ Черниговск. Князя Святослава съ его семействомъ, подлин. котораго въ Императорской Библіотекѣ.

***) Въ историческомъ описаніи одеждъ и вооруженій россійскихъ, состав. г. Висноватымъ, ч. I, стр. 7, сказано, что Черниговскій Князь Святославъ одѣтъ въ

Великіе Князья имѣли частыя сношенія съ Византіею, получали оттуда богатыя ткани и узоры, а купцы производя значительную торговлю съ Греціею, вывозили ихъ (сказанныя матеріи) для богатыхъ и вельможъ. Великіе князья и бояре отличались пышностью одеждъ, а заслуженные изъ нихъ отъ незаслуженныхъ ношеніемъ на груди золотой цѣпи съ золотой гривной. Впослѣдствіи времени тысяцкіе Новгородскіе носили золотую цѣпь на шеѣ въ ознаменованіе ихъ власти. Великіе князья и удѣльные, цари и патріархи, носили на золотыхъ цѣпяхъ кресты и панагіи осыпанные драгоцѣнными камнями и жемчугомъ.

Простой народъ одѣвался въ толстыя одежды: женщины въ *поневы*, мущины въ зипуны—это самое древнее одѣяніе. Мантія называлась въ древности *корзнемъ*, *коцемъ*, мечемъ. Вѣроятно и мантія Святослава была тоже *корзно*, то-есть верхняя одежда. Князь Владиміръ, желая защитить Игоря отъ убійства Кіевлянъ, соскочилъ съ лошади и покрылъ его *корзнемъ* *). Великій кн. Андрей Боголюбскій женатый на дочери боярина Кучки былъ убитъ приверженцами Кучки и тѣло его было брошено въ огородъ. Кіевлянинъ Козьма, усердный слуга несчастнаго государя стоялъ надъ трупомъ и плакалъ, и потомъ отнесъ въ церковь, положилъ въ притворъ и прикрылъ *корзнемъ* **). Черниговскій князь Михаилъ прибывъ въ станъ Батыя, не хотѣлъ поклониться священному огню и кумирамъ. Ему объявили, что онъ долженъ или исполнить ханскую волю или умереть. „Для васъ не погублю своей души“ сказалъ онъ, снялъ съ себя *кочь* и бросилъ убійцамъ. Возьмите славу этого міра, хочу небесной ***). Великій князь Іоаннъ Калита въ завѣщаніи своемъ отказалъ сыну своему Симеону между прочимъ одеждами, *кочь* съ бармами. Это доказываетъ, что *корзно*, *кочь* или *коцъ*, была великокняжеская одежда, хранилась въ Софійскомъ соборѣ въ Кіевѣ и въ храмѣ Божіей Матери, что во

зеленоватое платье въ родѣ подризника съ красною до пола обшивкою, съ длинными рукавами и съ золотыми нарукавьями, съ верху накинутъ плащъ съ золотой бахрамой синяго цвѣта, застегнутый на правомъ плечѣ, съ красной подкладкой.

*) Лѣт. Нестора, стр. 96—204.

**) См. Кіевская лѣтопись.

***) Воскр. Лѣт. ч. II. стр. 223.

Владимірѣ на Клязьмѣ. Половцы, опустошивъ Кіевъ въ 1201 г. января 4, не оставили въ церквахъ ни одного сосуда, ни иконы и похитили драгоцѣнныя одежды нашихъ князей, которыя вѣшались во храмѣ на память потомству. *Корзно* обратилось потомъ въ *приволоку*, то-есть въ короткій плащъ, который носили дворяне до временъ Петра I.

Пояса. Пояса золотые, осыпанные камнями, украшали мужской уборъ. Они никогда не складывались и надѣвались гладко и ровно. Были пояса шелковые и плетеные золотомъ и серебромъ, бархатные, кожанные. Ихъ усаживали каменьями, золотыми и серебранными бляхами, жемчугомъ. При поясѣ висѣли капторги *), тузлуки и калита (кошелекъ). За одинъ изъ поясовъ возгорѣлась война. Князь Василій Косой и Дмитрій Шемяка пировали однажды на свадьбѣ, у роднаго своего дяди. В. К. Василья въ 1433 г.). Всѣ были веселы и всѣ изумлялись драгоцѣнному поясу Василья Косаго. Между тѣмъ намѣстникъ Ростовскій, Петръ Константиновичъ, узналъ и сказалъ о томъ Софіи, матери В. К. Василія, которая обрадовавшись своей находкѣ и забывъ пристойность сняла поясъ съ Косаго. Произошла ссора, Косой и Шемяка оставили дворецъ съ гнѣвомъ, отправились въ Галичь, собрали войско и начали непріятельскія дѣйствія. Этотъ золотой поясъ съ цѣпями, осыпанный драгоцѣнными каменьями первоначально былъ подаренъ кн. Суздальскимъ Дмитріемъ Константиновичемъ, нареченному его зятю князю Дмитрію, въ послѣдствіи „Донскому"; тысяцкій Василій, во время свадьбы этого князя (1367 г.) тайно обмѣнялъ его на другой гораздо меньшей цѣны и отдалъ сыну своему Николаю, женившемуся на Маріи, старшей дочери князя Суздальскаго. Переходя изъ рукъ въ руки этотъ поясъ достался Василью Косому.

Кушаки. Кушаки складывались нѣсколько разъ. Они были шерстяные, шелковые, а иногда переплетались золотомъ и серебромъ, концы кушаковъ висѣли впереди. За кушаками и за поясами висѣли, по азіатскому обычаю, кинжалы (*кинджары*) и ножи **).

---

*) Застежки.

**) Собраніе Госуд. гр. и догов. Ч. I. Стр. 33.

Нарядъ XIII вѣка. Почти такой же нарядъ былъ въ XIII вѣкѣ. Но здѣсь встрѣчаемъ гораздо болѣе описаній о женскомъ одѣяніи и ихъ уборѣ.

Костюмы мужчинъ въ XIII вѣкѣ. Мужчины въ это время носили епанчи подобно нѣмецкимъ, покрывали головы остроконечными и довольно высокими колпаками изъ войлока. Рубреквисъ при этомъ говоритъ, что костюмъ русскихъ женщинъ мало имѣлъ различія съ европейскимъ вообще.

Костюмы мужчинъ въ XVI вѣкѣ. Павелъ Юлій, писавшій въ началѣ XVII вѣка, хвалилъ наружность русскихъ, а Олеарій хвалилъ русскую мощь и дородность, причемъ говоря о костюмахъ того вѣка упоминалъ, что мужчины любятъ подпоясываться подъ брюхо, отчего животы казались отвислыми. Баронъ Герберштеинъ, посолъ германскаго Императора Максимиліана, одинъ изъ лучшихъ наблюдателей нашихъ нравовъ сохранилъ въ точности названія костюмовъ.

Зипунъ. Исподняя одежда называлась *зипунъ*, какъ у царей, такъ и у крестьянъ. Это было платье узкое и короткое, иногда достигавшее до колѣнъ и рѣдко до икоръ. Въ *кроильной* книгѣ царскаго двора длина зипуна означена въ одинъ аршинъ, когда платье сдѣланное на тоже лицо во весь ростъ имѣло въ длину два аршина три вершка. У людей простыхъ и небогатыхъ зипуны дѣлались изъ крашенины, зимніе изъ сермяги, у людей достаточныхъ, изъ легкой шелковой матеріи, напр. тафты, часто бѣлаго цвѣта, съ пуговицами. Иногда рукава зипуна придѣлывались изъ другой матеріи, напр. зипунъ былъ изъ бѣлаго атласа, а рукава изъ серебряной объяри. Но часто зипуны были совсѣмъ безъ рукавовъ. Воротники къ нимъ дѣлались узкіе и малые, а иногда къ зипунамъ, какъ и къ рубахѣ, пристегали шитый, разукрашенный жемчугомъ и камнями отдѣльный воротникъ называемый *обнизью.* Такихъ обнизей хранилось много и ихъ пристегивали по мѣрѣ надобности показаться нарядиѣе или проще. Онѣ были разной величины: большія и малыя.

Сарафанецъ. Кромѣ зипуна въ XVI вѣкѣ была подобная же комнатная одежда, называемая сарафанецъ, какъ кажется, начавшій выходить изъ употребленія въ XVII столѣтіи. Ихъ носили вмѣсто зипуна съ обнизьми. Они были длинны.

Кафтанъ. кафтанецъ. Кафтанъ достигалъ до пятъ, или же только до икръ, чтобъ оставлять на показъ разшитые золотомъ сапоги. По своему произношенію видно, что онъ перенятъ у татаръ. Кафтанецъ былъ тотъ же кафтанъ, только короткій. Рукава у кафтановъ были очень длинны, такъ что достигали до земли и собирались въ складки или брыжжи, такъ что ладонь можно было по произволу закрывать и оставлять открытою и такимъ образомъ концы рукавовъ замѣняли перчатки или муфты зимою, и удобство брать руками что либо горячее. Въ нарядныхъ кафтанахъ концы рукавовъ украшались *запястьями*, то-есть вышивкою золотомъ, серебромъ, жемчугомъ и даже дорогими каменьями. Разрѣзъ на кафтанѣ былъ только спереди и оторачивался тесьмою, а равно и подолъ. Къ этой тесьмѣ прикрѣпляли металлическое кружево (золотое или серебряное) сдѣланное съ разными фигурами. Вдоль по кафтану, параллельно съ разрѣзами, по обѣимъ сторонамъ, дѣлались нашивки изъ другой матеріи и другаго цвѣта въ видѣ четыреугольниковъ или круговъ, и на эти нашивки пришивались завязки съ кистьми и снурки, чтобы застегивать кафтанъ; иногда же вмѣсто завязокъ дѣлали на одной сторонѣ прикрѣпляли пуговицы. Въ XVI в. кафтаны застегивались чаще завязками и на подобіе татарскихъ. Но русскіе отличали свои отъ татарскихъ тѣмъ, что застегивали не на лѣвую, а на правую сторону. Впослѣдствіи начали употреблять чаще пуговицы до 12 и до 30 на кафтанѣ. Онѣ всѣ были на груди. Остальная часть разрѣза всегда была незастегнутою. Воротники на кафтанахъ всегда были узкіе и малые; изъ подъ нихъ высовывалась обнизь зипуна или рубашки. Но иногда къ кафтану пристегивалось отложное ожерелье, разшитое золотомъ и усыпанное жемчугами. Изнанка кафтана подбивалась всегда матеріями низшаго достоинства, чѣмъ лицевая и сверхъ того кафтаны, кромѣ тесьмы по подолу подъ нею и выше ея, окаймлялись полосою матеріи другаго цвѣта, чѣмъ кафтанъ: она называлась подпушкою. Зимніе кафтаны дѣлались на мѣхахъ, но обыкновенно легкихъ, напр. на собольихъ пупкахъ или бѣличьихъ черевьяхъ: такіе теплые кафтаны назывались *кожухами*.

Чуга. Такъ называлась верхняя одежда, приспособленная къ путешествію в верховой ѣздѣ. Это былъ узкій кафтанъ съ ру-

кавами только по локоть и короче обыкновенныхъ кафтановъ, какъ это видно изъ кройки ея, ибо кафтанъ былъ длиною въ два аршина 6 вершковъ съ рукавами длиною въ 1 аршинъ 5 вершковъ. Чуга же для той же особы была длиною въ одинъ аршинъ съ тремя четвертями, и съ рукавами въ 9 вершковъ. Чуга подпоясывалась поясомъ, за который закладывался ножъ и ложки, а на грудь привѣшивалась перевязь съ дорожною сумою. Тѣже принадлежности, какими украшались кафтаны—нашивки, кружева, подпушки дѣлались по желанію и на чугахъ; чуги застегивались всегда пуговицами.

Ферязи. Такъ назывались встарь мужскія одежды надѣваемыя какъ и кафтаны на зипуны. Онѣ были съ длинными рукавами, широкія въ плечахъ, и уже кафтановъ въ подолѣ, почти всегда безъ кружева и отложнаго ожерелья, лѣтомъ изъ какой нибудь матеріи, зимою теплыя, на мѣхахъ. Трудно себѣ представить, чѣмъ отличалась эта одежда отъ кафтановъ. У Флетчера при описаніи русской одежды—она поставлена третьимъ верхнимъ платьемъ, первое—зипунъ, второе или среднее—узкій кафтанъ съ ножемъ и ложкою за поясомъ, (подъ которымъ этотъ англичанинъ разумѣлъ чугу). Третье—ферязь, просторное платье, окаймленное позументомъ. У Олеарія, напротивъ, говорится, что русскіе надѣвали рубаху и штаны, потомъ зипунъ, на зипунъ ферязь сдѣланную изъ какой нибудь легкой матеріи, а на ферязь—кафтанъ (Olear. 181), такъ, что у Олеарія выходитъ четыре одежды, съ верхнею или накидною, а ферязью называлась одежда средняя между зипуномъ и кафтаномъ.

Во всякомъ случаѣ, по словамъ профессора Костомарова, ферязь была комнатная одежда; названіе это персидское. На ферязяхъ были нашивки называемыя *образцами.* Нашивки эти имѣли форму круглую или четыреугольную и отдѣлялись другъ отъ друга другой матеріей. Ферязи застегивались *завязками.*

Кромѣ кафтана, чуги и ферязей къ разряду средней одежды принадлежали: *армякъ, тегиляй, терникъ*

Ормякъ, армякъ. Ормяки дѣлались съ прорѣхами, съ кружевами, съ образцами, какъ ферязи и съ вышитыми воротниками. Его полы не сходились вмѣстѣ, а закидывались одна на другую.

Тегиляй. Эта одежда имѣла множество пуговицъ какъ напр. 68 или 56. Особенности покроя неизвѣстны.

Терликъ. Терликъ, по словамъ проф. Костомарова, напоминаетъ чугу потому, что онъ употреблялся для верховой ѣзды и надо предполагать составлялъ короткое платье поверхъ кафтановъ.

Опашень. Однорядка. Такъ называлась лѣтняя верхняя одежда, такъ какъ въ царскихъ выходахъ она упоминается только лѣтомъ. Осенью и весною, вообще въ ненастную погоду надѣвали *однорядку.* Какъ опашень, такъ и *однорядка.* дѣлались широкіе длиною до пятъ, съ длинными рукавами, съ кружевами по краямъ разрѣза, нашивками по бокамъ, вдоль разрѣза застегивались пуговицами; иногда къ воротнику пристегивалось ожерелье, (шитый золотомъ и унизанный жемчугомъ воротникъ). Опашени дѣлались изъ сукна, а у богатыхъ и знатныхъ нерѣдко изъ шелковыхъ матерій. Однорядка всегда изъ сукна.

Охабень. Охабень былъ плащъ съ рукавами и съ капишономъ сзади.

Ферезея. Плащь съ рукавами—надѣвался во время пути.

Епанча. Эта одежда была двухъ родовъ: одна дорожная изъ медвѣжьей шерсти или грубаго сукна, другая нарядная изъ богатой матеріи, подбитая мѣхомъ, болѣе изъ пышности, чѣмъ для тепла. Послѣдняго рода епанчу надѣвали, когда выѣзжали верхомъ и красовались предъ народомъ; она дѣлалась безъ рукавовъ и безъ прорѣхъ для рукъ, накидывалась на плеча и застегивалась на шеѣ пуговицами или завязками.

Шубы. Шубы были самымъ нарядныыъ платьемъ для русскаго, потому что русскіе при бѣдности природы своего отечества, только и могли щеголять передъ другими народами, что мѣхами. Множество мѣховъ составляло признакъ довольства и зажиточности. Случалось, что русскіе не только выходили въ шубахъ на морозъ, но сидѣли въ нихъ въ комнатахъ, принимая гостей, чтобы выказать свое богатство. У бѣдныхъ были шубы овчинныя или тулупы и заячьи, у людей средняго сословія и состоянія бѣличьи и куньи, у богатыхъ собольи и лисьи разныхъ видовъ: лисицъ чернобурыхъ, черныхъ, сѣрыхъ, сиводушчатыхъ. Дѣлали также шубы изъ горностаевъ, вѣроятно только изъ щегольства. На шубы употреблялись различ-

ныя части звѣринаго мѣха, не смѣшивая одну съ другою. Шубки дѣлались на путкахъ, черевахъ и хребтахъ, и поэтому имѣли свои названія; шубы обыкновенно покрывались сукномъ, но часто и шелковыми тканями. На нихъ помѣщались по бокамъ разрѣза нашивки изъ другой матеріи, на которыя пришивались петли и пуговицы, а самый разрѣзъ окаймлялся металлическимъ кружевомъ. Впрочемъ, цѣна мѣха и ихъ достоинство, многіе предпочитали носить нагольныя шубы. Такъ, однажды, говоритъ проф. Костомаровъ, царь Михаилъ Ѳедоровичъ сидѣлъ за параднымъ столомъ въ нагольной шубѣ. Вообще шубы различались въ этомъ отношеніи на нарядныя и санныя. Въ первыхъ только ходили въ церковь, въ гости, да являлись дома передъ гостьми на показъ. Въ послѣднихъ выѣзжали въ дорогу *).

Кунтушъ (польская одежда). Это была тоже ферязь съ нашивками и пуговицы на немъ были до пояса.

Доломаны, какъ и кафтаны представляли короткія платья съ пуговицами и прорѣхами на бокахъ.

Матеріи употреблявшіяся для русской одежды. Мужчины небогатаго сословія носили одежду изъ зуфи (родъ камлота), а въ высокоторжественные дни — сукномъ крытую одежду и шелкомъ, которая предпочиталась. Къ числу шелковыхъ матерій принадлежали: *дороги*, *киндяки*, тафта, камки, бархатъ, объярь, алтебасъ и изорбекъ. Вкусъ того времени требовалъ самыхъ яркихъ односложныхъ цвѣтовъ, черныя цвѣта употреблялись, какъ траурныя. По понятіямъ того времени яркіе цвѣта внушали уваженіе въ народѣ, и потому то сами цари, какъ говоритъ проф. Костомаровъ, приказывали подчасъ являться начальствующимъ лицамъ предъ народомъ въ яркаго цвѣта одеждѣ, вѣроятно потому, что нашъ простой народъ ходилъ въ некрашеныхъ, по недостатку умѣнія, костюмахъ и потому преимущественно сѣраго цвѣта. Каждый другой цвѣтъ на него дѣйствовалъ поразительно.

Встарь были въ модѣ штофы и парчи. Изъ тогдашнихъ шелковыхъ матерій извѣстны были самыя цѣнныя: бархатъ, атласъ, алтабасъ и зорбекъ; алтабасъ и зорбекъ привозились съ во-

---

*) А. И. III. 334.

стока и употреблялись на самыя драгоцѣнныя одежды царей и знатныхъ бояръ. Золотое платье считалось принадлежностью достоинства у бояръ и думныхъ людей, окружающихъ царскую особу и когда принимали пословъ, то всѣмъ, которые не имѣли такого рода платьевъ раздавали ихъ на время изъ царской казны. Особенная драгоцѣнность русскихъ мужскихъ нарядовъ заключалась преимущественно въ нашивкахъ, ожерельяхъ, запястьяхъ, кружевахъ и пуговицахъ, иногда съ куриное яйцо, иногда жемчужныя. Нашивки дѣлались изъ другой матеріи, отличной отъ той, изъ которой сшита вся одежда.

Перчатки, рукавицы. Длинные рукава замѣняли рукавицы; но русскіе цари надѣвали *перстатыя рукавицы*, то-есть перчатки, и то во время холода и разумѣется на мѣху, отороченныя бобромъ *), послѣ эти рукавицы появляться стали и у прочихъ при чемъ большія назывались руковицы, а маленькія—*рукавки.*

Шапки. Русская шапка была четырехъ родовъ; зажиточные люди, слѣдуя восточнымъ обычаямъ, носили маленькія шапочки, называемыя *тафьями*, которыя прикрывали только одну маковку, ихъ расшивали шелками, золотомъ, унизывали жемчугомъ. Ихъ носили, какъ и въ началѣ нашего XIX столѣтія знатные особы ермолки и фески въ комнатахъ; а царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный ходилъ въ ней и въ церковь и за это поссорился съ митрополитомъ Филиппомъ. Другой видъ шапки, остроконечный, назывался *колпакъ*. Богатые дѣлали колпаки изъ атласа обыкновенно бѣлаго, по его окраинѣ пристегался околышекъ, называемый ожерельемъ, который унизывали жемчугомъ или жемчужными пуговками. Сверхъ того на передней сторонѣ колпака прикалывали золотую запону. Зимою такой колпакъ подбивался мѣхомъ, который заворачивался къ верху и наружу широкою полосою. Эти колпаки дѣлались съ продольными разрѣзами на переди, а сзади до половины. Разрѣзы эти окаймлялись жемчужными нитями и застегивались пуговками. Этой формы шапки носили и бѣдные мужики изъ сукна или изъ войлока, зимою подбитые овчиною, или какимъ нибудь недорогимъ мѣхомъ. Третій родъ шапокъ былъ — четвероугольная низкая

*) Поэрле, 36. Кильбургъ 76.

шапка съ мѣховымъ околышкомъ изъ черной лисицы, соболя или бобра. Лѣтомъ этотъ околышекъ пристегивался для красоты, а зимою вся шапка была подбита мѣхомъ или хлопчатой бумагой. На ней дѣлались также прорѣхи, какъ и на колпакѣ съ пуговками по шести на каждой прорѣхѣ. Вершокъ ея былъ чаще всего вишневаго, червнаго, зеленаго и часто иногда чернаго цвѣта: избѣгая чернаго цвѣта въ костюмахъ, русскіе считали его приличнымъ на шапкахъ. Этого рода шапки носили дворяне, дьяки и бояре, когда не были въ народѣ. Четвертый родъ шапокъ были, такъ называемыя горлатныя шапки— исключительная принадлежность князей и бояръ. Одинаковость одежды у всѣхъ сословій здѣсь имѣла границы. По шапкѣ можно было заключить о происхожденіи и достоинствѣ. Можетъ быть отсюда возникла и самая пословица: „*по Сенькѣ и шапка*". Высокія шапки означали знатность породы и сана. Такъ, что какъ бы не одѣлся посадскій, онъ не смѣлъ надѣть высокой шапки и даже въ самыхъ колпакахъ обыкновенной народной шапки вышина соразмѣрялась съ достоинствомъ рода.

Горлатныя шапки дѣлались изъ драгоцѣнныхъ мѣховъ съ высокимъ верхомъ иногда мѣховымъ. По свой фигурѣ она составляла обратную противуположность колпаку, ибо къ верху была шире, къ низу уже; спереди дѣлалась прорѣха, окаймленныя вдоль образцами или плащами съ насѣчками. На одной сторонѣ прорѣхи дѣлались петли, густо обложенныя жемчугомъ, изображавшую какую нибудь фигуру. Во время парада бояринъ надѣвалъ тафью, на тафью колпакъ, а на колпакъ горлатную шапку. Также и въ царскихъ выходахъ царямъ подавались шапки съ колпакомъ. Знатные люди считали приличіемъ и достоинствомъ своего сана кутать какъ можно болѣе голову и часто въ комнатѣ за нарядными столами сидѣли въ своихъ тяжелыхъ шапкахъ. Когда они возвращались домой, то снявъ шапку надѣвали ее на болванецъ, расписанный нарядно иконописцами, и составлявшій украшеніе въ домѣ.

Стриженіе и бритье головы. Обычай окутывать голову поддерживался тѣмъ, что русскіе по восточному обычаю очень плотно стриглись, иногда даже и брили голову. Только тѣ, которые теряли родныхъ или попадались въ царскую немилость, отращивали себѣ волосы, въ знакъ печали. За то всѣ носили

бороды, и чѣмъ она была длиннѣе, тѣмъ осанка человѣка считалась почтеннѣе и величественнѣе, каждый имѣвшій ее, носилъ съ собою гребешокъ и поминутно охорашивалъ. При Василье Іоанновичѣ началъ было входить въ обычай бритье бородъ и самъ Великій князь послѣдовалъ этому обычаю, но духовенство вопіяло противъ него и Стоглавъ предалъ неблагословенію церкви, дерзавшихъ отступать отъ дѣдовскаго обычая. Подъ вліяніемъ церкви борода долго сохранялась и почиталась необходимою принадлежностью человѣка, и если у кого отъ природы не росла борода, къ тому имѣли недовѣріе и считали его способнымъ на дурное дѣло *).

Серьги, цѣпи. Въ дополненіе блеска своихъ одеждъ, русскіе украшали уши свои серьгами или одной серьгой и вѣшали на шеѣ драгоцѣнныя золотыя или позолоченныя цѣпи, а къ самымъ цѣпямъ прикрѣпляли крестъ; и такія цѣпи передавались вмѣстѣ съ крестами отъ родителей къ сыновьямъ, какъ залогъ благословенія; также цари жаловали своихъ приближенныхъ. Иногда они были такъ массивны, что вѣсили до двухъ фунтовъ.

Перстни, печати. На пальцы надѣвали русскіе множество перстней съ алмазами, яхонтами, изумрудами и сердоликами, съ вырѣзанными на нихъ печатями. Можно было встрѣтить перстни въ золотыхъ ободочкахъ и съ желѣзною печатью. Въ старину не было наслѣдственныхъ и гербовыхъ печатей, а каждый дѣлалъ на перстняхъ рисунки, какіе заблагоразсудится. Распознавать камни, русскіе не умѣли, и потому ихъ было много **).

Носовые платки. Для отиранія носа русскіе носили платки, которые у зажиточныхъ дѣлались изъ тафты и оторачивались золотою бахромою. Но ихъ хранили не въ карманахъ, а въ шапкахъ и когда сидѣли въ гостяхъ, то держали въ рукахъ шапку, а въ ней платокъ. Впрочемъ, не считалось неприличнымъ высморкаться и двумя пальцами, даже и за столомъ и потомъ обтереть руки о скатерть. Простонародье не знало платковъ.

Оружіе. Въ довершеніе костюма, люди знатные привѣши-

---

*) Fletch. 241. Olear. 271. Врем. VII. Матер. для Ист. Икон. 73. и пр.
**) Времен. VII. 28—37. Коших. 22. А. И. II. 406. С. г. гр. I. 271. 406.

вали съ боку оружіе, даже не въ военное время. Право носить оружіе предоставлялось только служилымъ и тѣмъ, которые по своему происхожденію его заслуживали, именно: боярамъ, окольничьимъ, стольникамъ, иноземцамъ, начальнымъ людямъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ. Простолюдинамъ, посадскимъ и крестьянамъ запрещалось ходить съ оружіемъ (С. г. гр. 467). Знатные и незнатные не иначе выходили изъ дому какъ съ тростью или палкою, которая отдѣлывалась набалдашникомъ или наконечникомъ изъ кости или металла; палки или посохи у богатыхъ и знатныхъ снаружи отдѣлывались перламутромъ *). Посохъ служилъ эмблемою степенности или важности, поэтому цари не иначе выходили изъ своихъ палатъ, какъ съ посохомъ.

II. Женскій костюмъ.

Женскій костюмъ, по свидѣтельству очевидцевъ, былъ похожъ на мужской тѣмъ болѣе, что послѣднія были по большей части длинныя. Но однако въ одеждахъ двухъ половъ были и особенности, такъ что можно было съ перваго раза отличить женщину издали. Не говоря уже о головныхъ уборахъ, къ самымъ одеждамъ, носившимъ тѣ же названія какъ и у мужчинъ, прибавлялось слово „женскій“, напр. женская шуба, женскій опашень.

Женская рубаха. исподница была длинная, съ длинными рукавами, цвѣта бѣлаго или краснаго. Красныя рубахи считались нарядными бѣльемъ. Къ рукавамъ рубахи пристегивались запястья вышитыя золотомъ, серебромъ, и украшались жемчугомъ.

Лѣтникъ. Сверхъ рубахи надѣвался лѣтникъ; одежда эта не была длинна и покрайней мѣрѣ не доходила до пятъ, какъ это видно изъ кроильной книги, гдѣ на царицу Евдокію Лукьяновну полагается длина лѣтника въ аршинъ три четверти, тогда какъ длина другой одежды на ту же особу простиралась до двухъ аршинъ съ полувершкомъ. Рукава его были такъ длинны, какъ цѣлый лѣтникъ и чрезвычайно широки, на-

---

*) Кильб. 32.

примѣръ, до тринадцати вершковъ и даже до тридцати. Эти рукава назывались *накапками*: они нашивались золотомъ и унизывались жемчугомъ. Подолъ обшивался другою матеріей съ золотою тесьмою, со шнуркомъ и бахромою. Вдоль одежды, на передней сторонѣ дѣлался разрѣзъ, который застегивался по самое горло, потому, что приличіе требовало, чтобы грудь женщины была застегнута какъ можно плотнѣе. Зимою лѣтники подбивались мѣхомъ и назывались *кортелями*.

Принадлежность лѣтника составляли *вошвы*, то-есть вшитыя мѣста; но трудно рѣшить, гдѣ онѣ вшивались. Нѣкоторые полагали, что онѣ пристегивались къ рукавамъ, но такъ какъ онѣ были очень широки, напримѣръ въ 17 вершковъ, то едва ли можно было пришить ихъ къ рукавамъ или накапкамъ, которые были и безъ того широки. А если только онѣ были тоже, что накапки, то можетъ быть онѣ накладывались на полы лѣтника по обѣимъ сторонамъ разрѣза. какъ нашивки на мужскихъ кафтанахъ. Эти вошвы были всегда разцвѣчены и распещрены разными въ видѣ листьевъ, травъ, звѣрей и т. п.

Матеріи на лѣтники употреблялись легкія, какъ у мужчины для зипуна, напр. тафта; но иногда изъ тяжелыхъ золотоцвѣтныхъ матерій и сребротканныхъ. На подкладку употребляли менѣе цѣнныя матеріи, напр. *киндяки или дороги*. Цвѣта были различны. Упоминаются лѣтники лазоревые, зеленые, желтые, но чаще всего червчатые. Небогатыя женщины носили лѣтники изъ зуфи. дороги, киндяка, а вошвы расшивали шелками и цвѣтной пряжей.

Къ лѣтникамъ, какъ къ мужскимъ зипунамъ пристегивалось шейное ожерелье. У женщинъ оно тѣснѣе прилегало къ шеѣ, чѣмъ у мужчинъ и потому иностранцы находили сходство его съ собачьимъ ошейникомъ. Оно состояло изъ тесьмы, вышитой золотомъ и унизанной жемчугомъ; къ воротнику лѣтника оно пристегивалось пуговками, числомъ до пяти *).

Жен. опашень. Это была одежда длинная съ частыми пуговками сверху до низу. У богатыхъ пуговицы были золотыя и серебряныя, а у бѣдныхъ оловянныя. Эта одежда дѣлалась

*) Допол. къ акт. Ист. I. 76. Пэрле 54. Ак. Юр. 47. 444. Оп. Шуи, 403. Времен. IV. См. 22. V. См. 25.

изъ сукна красныхъ цвѣтовъ; рукава были длинны до пятъ, но пониже плеча были проймы, сквозь которую легко проходила рука, а остальная часть рукава висѣла. Такимъ образомъ женщина могла показывать не только широкія накапки своего лѣтника, но и запястья своей рубашки, шитыя золотомъ. Кругомъ шеи пристегивался широкій мѣховой, обыкновенно бобровый воротникъ, называемый *ожерельемъ*, круглаго вида, покрывавшій грудь, шею и спину. По прорѣзу и по подолу опашни окаймлялись кусками другой матеріи расшитыми шелками и золотомъ *).

Тѣлогрѣя. Эта одежда составляетъ другой видъ верхней женской одежды. Въ подробности отличіе покроя ея неизвѣстно. Въ плечахъ дѣлалась она уже, къ подолу шире; рукава были длинные съ проймами, какъ въ опашнѣ, на краяхъ этой одежды пристегивалось запястье изъ другой матеріи, обыкновенно вышитое; подолъ имѣлъ подпушку широкою полосою другой матеріи, а разрѣзъ окаймлялся металлическою тесьмою или такимъ же кружевомъ, на которой нашивались пуговицы числомъ 16. Тесьма расшивалась золотомъ. Тѣлогрѣи были теплые и холодные.

Женскія шубы отличались отъ мужскихъ; эта шуба, кажется не всегда была теплая. Если лѣтникъ въ женскомъ платьѣ сходствовалъ съ зипуномъ у мужчинъ, то опашень и тѣлогрѣя соотвѣтствовали кафтану, а шуба означала вообще верхнюю накидную одежду. Кромѣ шубы встрѣчаются названія женскихъ охабней, однорядокъ, ферязей, которыя женщины носили съ поясомъ; въ другихъ случаяхъ эти верхнія одежды вообще назывались *шубы*. Мѣховыя женскія шубы дѣлались на соболѣ, куницахъ, лисицахъ, горностаяхъ, бѣлкахъ, зайцахъ, смотря по состоянію, покрывались сукнами, и шелковыми матеріями, какъ-то: объярью, камкою, атласомъ, тафтою—цвѣтовъ червчатаго, желтаго, зеленаго и бѣлаго. Послѣдній цвѣтъ на женскихъ шубахъ былъ въ употребленіи въ XVII вѣкѣ, покрывались часто цвѣтными тканями съ золотыми узорами. Отъ верху до низу на переди былъ разрѣзъ; онъ за-

*) Акты от. къ юр. б. 563: А. И. I. 211. III. 63. Olear. 183. Carl. 333. Crull. 138, и пр.

стегивался пуговицами и окаймлялся кружевомъ метталическимъ кованнымъ или плетенымъ, либо шелковымъ, расшитымъ золотомъ и усаженнымъ дробницами. Вдоль разрѣза по обѣимъ сторонамъ дѣлались нашивки съ золотыми вышивками и съ кистями, а по шеѣ пристегивалось къ шубѣ ожерелье изъ другаго мѣха, такъ, что, если шуба была бѣличья или лисья, то ожерелье бобровое. Рукава женскихъ шубъ украшались по краямъ кружевомъ, они особливо снимались и хранились, переходя отъ родителей къ дѣтямъ, какъ фамильная драгоцѣнность *).

Подволока. Въ торжественныхъ случаяхъ женщины надѣвали на себя сверхъ обыкновеннаго платья богатую мантію, называемую по русски „подволокою". Она дѣлалась изъ шелковой матеріи червляной и бѣлой, но чаще всего изъ золотной или сребротканной съ вошвами (вѣроятно вшитыми мѣстами). Края этой мантіи обшивались золотымъ шитьемъ, жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями: они пристегивались къ подволокѣ и снимались, когда было нужно. Они назывались подволочнымъ заперньемъ **).

Головные уборы женщинъ. Женщины любили украшать голову и вмѣстѣ съ тѣмъ прикрывать волосы (замужнія).

Волосники и подзубрусники. Эти головные уборы, на подобіе скуфьи изъ шелковой матеріи, нерѣдко изъ золотной, дѣлались съ узломъ, посредствомъ котораго можно было ихъ съуживать, и съ ушивкою или оторочкою по краю: эти ушивки унизывались жемчугомъ и камнями и перешивались съ одного волосника въ другой и такимъ образомъ переходили изъ рода въ родъ. Волосникъ игралъ большую роль въ судьбѣ замужней женщины, ибо онъ былъ символомъ брачной жизни и составлялъ необходимую принадлежность приданаго. По понятіямъ вѣка, для замужней женщины считалось и стыдомъ, и грѣхомъ оставлять на показъ свои волосы. Опростоволосить (открыть волосы) женщину было большимъ безчестіемъ. Это и нынѣ считается за обиду, когда кто нибудь сорветъ съ головы женщины платокъ или другой головной уборъ. Скромная женщина боялась

*) С. г. гр. 1. 303. 340. 407. Olear. 220. А. И. I. 24. Доп. 1. 76. О. г. Шуи. 132. 174. 187.

**) С. г. гр. 1. 303. 340.

въ старину, чтобы кто либо изъ членовъ семейства, исключая мужа не увидалъ ея волосъ, а въ новгородской землѣ вошло даже въ обычай замужнимъ женщинамъ брить свои волосы. но этотъ обычай не одобрялся церковью.

Правило скромности переходило въ щегольство: такъ что нѣкоторыя женщины, укрывая волосы подволосникомъ стягивали ихъ такъ туго, что едва могли моргать глазами, это казалось имъ красиво. Поверхъ волосника накладывался ими платокъ, обыкновенно бѣлый, и подвязывался подъ подбородокъ. Его висячіе концы густо унизывались жемчугомъ. Этотъ платокъ назывался *убрусомъ*, и считался домашнимъ головнымъ уборомъ.

Кика, кичка. Кичка —была шапка съ возвышенною плоскостью на лбу, называемой *кичнымъ челомъ*; чело было разукрашено золотомъ, жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями, а иногда все состояло изъ серебрянаго листа, подбитаго матеріею. По бокамъ дѣлались возвышенія, называемыя „*переперы*“ также разукрашенныя: изъ подъ нихъ, ниже ушей спадали жемчужныя шторы, числомъ около четырехъ, или по шести на каждой сторонѣ и достигали плечь. Задняя часть кики дѣлалась изъ плотной матеріи, соболинаго или бобровaго мѣха и называлась: „*подзатыльникъ*“. По окраинѣ всей кики пристегивалась жемчужная бахрома, называемая „*поднизью*“. Третій родъ головнаго убора былъ „*кокошникъ*“ у богатыхъ обложенный жемчугомъ.

Когда женщина выѣзжала, то на убрусъ надѣвала шляпу бѣлаго цвѣта съ полями, у богатыхъ покрытый золотными матеріями, жемчужинами и камнями, съ этой шляпы спадали на спину длинные снурки; когда шляпа была бѣлаго цвѣта, снурки обыкновенно были красные. Также надѣвали шапки очень часто чернаго цвѣта, изъ бархата или другой матеріи, отороченные дорогимъ мѣхомъ, иногда съ золотой запоной напереди и съ поднизью или кружевомъ по окраинѣ. Дѣвицы носили на головѣ вѣнцы, они имѣли ѳорму городовъ или теремовъ. Напримѣръ, изображеніе дома въ нѣсколько ярусовъ, отдѣлявшихся одинъ отъ другаго жемчужными поясками. У вѣнцовъ были поднизи называемыя „рясы“. У другихъ вѣнцы были проще фигурою и состояли только изъ золотой проволоки въ нѣсколько рядовъ, которые иногда украшались кораллами и камнями.

Дѣвичій вѣнецъ всегда былъ безъ верха, потому что открытые волосы считались символомъ дѣвичества. Очень часто эти вѣнцы состояли изъ широкой повязки вышитой золотомъ и усаженной жемчугами. Такая повязка съуживалась на затылкѣ, и связывалась широкими лентами, иногда вышитыми, спадавшими на спину *). Зимою дѣвицы покрывали голову высокою шапкою, собольею или бобровою, съ верхомъ изъ шелковой матеріи; она называлась „столбунцемъ". Изъ подъ шапки выпадали одна или двѣ косы на спину, въ которыя вплетались красныя или алыя ленты. Иныя вовсе не вплетали лентъ, не заплетали косъ, а носили волосы распущенными по плечамъ; дѣвицы простаго состоянія носили повязки, которыя спереди были шире, сзади съуживались, и наконецъ спускались на спину длинными концами. Въ знакъ печали женщины и дѣвицы постригали себѣ волосы. Тоже дѣлали и бывшіе помѣщики во имя осрамленія женщины или дѣвушки; такое постриженіе считалось поводомъ къ укоризнѣ, срамомъ, поношеніемъ. Мы читаемъ въ заговорахъ между прочимъ, прося отъ дѣвки „простоволосой" избавленія; не то ли же значеніе имѣетъ дѣвушка остриженная, то-есть ознаменованная ножничнымъ стриженіемъ косы вслѣдствіе проступка? Кто знаетъ, можетъ ее боялись, какъ чумы, чуждались, и не отъ этихъ ли падшихъ созданій при строгихъ правилахъ нашихъ укрѣпившихся издавна убѣжденій, часто неправильныхъ, породилось понятіе о вѣдьмахъ и другихъ вредныхъ существахъ изъ рода людей, которые имѣя видъ людей, рѣшаются вредить и по смерти.

Женскія серьги. Какъ женщины, такъ и дѣвицы носили серьги. Какъ только дѣвочка начинала ходить, мать прокалывала ей уши и втыкала въ нихъ серьги или кольца. Обычай этотъ равно сохранялся и у знатныхъ и у простолюдиновъ. Самая обычная форма серегъ была продолговатая; иныя назывались двоичны, другія троичны (то есть двойныя и тройныя), а то одинцы (одиночныя). Вообще русскія серьги были продолговатыя. На что бѣдныя женщины и тѣ носили серьги, хотя разумѣется, мѣдныя, а тамъ болѣе зажиточныя—подъ часъ серебряныя и позолоченыя, но что касается до богатыхъ женщинъ, то

*) De Bruyns. 48.

серьги — золотыя украшаемыя алмазами, и другими камнями, о которыхъ мы упоминали въ запястьяхъ и ожерельяхъ. При чемъ употреблялись мелкіе камешки, называемые „искорки“.

Зарукавья, браслеты. На рукахъ женщины носили зарукавья или браслеты, также съ жемчужинами и камнями, а на пальцахъ ихъ были, какъ у мужчинъ, перстни и кольца. Женскіе перстни отличались отъ мужскихъ тѣмъ, что были безъ печатей, хотя не менѣе массивны и драгоцѣнны; вообще отдѣлка и форма такихъ ювелирныхъ вещей не имѣла существенной разницы. Шея женщины, или дѣвицы, была увѣшана множествомъ крестовъ, образковъ и нѣсколькими рядами монистъ (наборовъ) жемчужныхъ и золотыхъ, часто составленныхъ въ видѣ цѣпочки, на которыхъ рядами были коротенькія цѣпочки, каждая при этомъ снабжена крестикомъ. Кромѣ монистъ, знатныя женщины носили золотыя или позолоченныя цѣпи, на которыхъ висѣли разнаго рода финифтяные крестики.

Вообще на шеяхъ и на груди знатныхъ госпожъ въ Московіи, какъ и повсюду, укладывались крупные капиталы и между прочимъ жемчуга такъ много, что въ приданое везли часто болѣе пуда. Нужно замѣтить, что часто на свадьбахъ на одно платье шло жемчуга болѣе пуда. Доказательствомъ этого чуда дамскихъ платьевъ прежняго времени можемъ привести слѣдующее: Платье Натальи Кириловны, которое на нее надѣли послѣ взятія во дворецъ и нарѣченія царской невѣстой, было такъ тяжело отъ вышиваній и жемчугу, что у ней заболѣли ноги.

Румяна и бѣлилы. Русскія женщины любили румяниться и бѣлиться, но такъ, какъ въ то время парфюмеровъ не существовало, можетъ быть бѣлилъ и красокъ порядочныхъ не было, то женщины, по замѣчанію Олеарія, сами по себѣ красивыя бѣлились и румянились до того, что совершенно измѣняли выраженіе своего лица и походили на размалеванныхъ куколъ. Кромѣ того они размалевывали себѣ шею и руки бѣлою, красною, голубою, и коричневою красками; окрашивали рѣсницы и брови и при томъ самымъ уродливымъ образомъ—чернили свѣтлыя, бѣлили черныя. Даже тѣ изъ женщинъ, которыя были хороши собою и сознавали, что онѣ хороши и безъ разныхъ постороннихъ прикрасъ, должны были бѣлиться и румяниться,

чтобы не подвергнуться насмѣшкамъ. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ одна русская боярыня, княгиня Черкасская, красивая собою, не хотѣла румяниться, такъ тогдашнее общество издѣвалось надъ нею: такъ силенъ былъ обычай; а между тѣмъ церковь его не оправдывала и въ 1661 году новгородскій митрополитъ запрещалъ пускать въ церковь набѣленныхъ женщинъ *).

Платки. Ширинки. Въ рукахъ у женщины былъ платокъ называемый ширинкою; у богатыхъ эти ширинки были шелковыя съ золотыми коймами и кистями.

Зонтики. Зонтики были въ употребленіи у знатныхъ госпожъ, ихъ насили надъ ними рабыни **).

Одежда поселянокъ. Бѣдныя поселянки ходили въ длинныхъ рубахахъ; на рубахи надѣвали *лѣтники* иногда бѣлаго цвѣта, похожіе также на рубаху, иногда крашеные, а голову повязывали платкомъ изъ крашенины или шерстяной матеріи, подвязывая его подъ подобродокъ. Сверху всего, вмѣсто накиднаго платья, поселянки надѣвали одежду изъ грубаго сукна или серемяги, называемую „сѣрникъ“.

При большой зажиточности поселянки носили на головахъ платки шелковые, а сверху лѣтника однорядки изъ красной или синей крашенины, зенденя, или зуфа; зимою носили овчинные тулупы. Дѣвицы дѣлали себѣ кокошники изъ древесной коры вмѣсто короны. Впрочемъ, при малѣйшей возможности мужъ не скупился принарядить свою жену. Въ тѣ времена у посадскихъ и у крестьянъ встрѣчались такіе богатые наряды, какихъ теперь трудно отыскать въ этихъ классахъ. Ихъ дорогія одежды были скроены просто и переходили изъ рода въ родъ: о томъ, чтобъ платье сидѣло хорошо—не имѣли понятія. По большей части шили и кроили одежду дома, такъ какъ за стыдъ считалось для хорошаго семейства отдавать одежду на сторону. Въ одеждахъ не было таліи, не существовало гармоніи въ цвѣтахъ, а заботились только о томъ, чтобы одежда была крѣпко сшита.

Красота женщины. По русскимъ понятіямъ красота жен-

---

*) Olear. 180.—Crull. 139.—Petr. 307.—А. И. IV. 297.

**) (О. г. Шуи. 174. Mejerb).

щины состояла изъ толщины и дородности. Женщина стройнаго стана не считалась красавицею. При этомъ, по словамъ г. Костомарова, русскіе любили женщинъ съ длинными ушами и нѣкоторыя щеголихи вытягивали ихъ себѣ насильно. Этотъ обычай какъ нельзя болѣе согласовался съ раскрашиваніемъ и съ покроемъ платья, непонятнымъ уже для насъ вкусомъ, который нынѣ считается: *безвкусіемъ.*

Сохраненіе одежды. Какъ мужскія, такъ и женскія одежды почти всегда лежали въ клѣтяхъ, въ сундукахъ подъ кусками кожи водяной мыши, которую считали предохранительнымъ средствомъ отъ моли и затхлости. Только въ большіе праздники, въ торжественные случаи, какъ напримѣръ, свадьбы, ихъ доставали и надѣвали. Также хранили платье въ клѣтяхъ.

ОБРАЗЪ ДОМАШНЕЙ ЖИЗНИ.

У Славянъ всегда почитали старшихъ себя. Глава семейства былъ родоначальникъ или отецъ. Жена, дѣти, родственники и слуги повиновались этому главѣ безпрекословно. Великодушіе Славянъ было извѣстно даже врагамъ, потому что самые враги могли найти пріютъ, защиту и хлѣбъ—соль въ домѣ каждаго Славянина.

Предки наши отличались трезвостью, умѣренностью, почтительностью въ отношеніи къ старшимъ себя, почему и существовало общее согласіе и любовь. Къ тому же они отличались долговѣчностью, здоровьемъ и веселостью. Любили хороводы, пляску, музыку и пѣсни. Мало зная болѣзней, привыкнувъ къ стужѣ съ молода, они легко переносили безслѣдно для своего здоровья всѣ атмосферическія перемѣны.

Простой, безупречно честный народъ, не положилъ на себя упрека, а между тѣмъ оставилъ и по сей часъ слѣды своего добродушія, словоохотности и хлѣбосольства.

Хлѣбосольство. Какъ остатокъ старины, мы встрѣчаемъ и сейчасъ его въ отдаленіи отъ столицъ и большихъ городовъ. Тамъ и до сего времени существуетъ обычай, чтобы проѣзжаго и прохожаго пригласить къ себѣ въ домъ, накормить и успокоить его по возможности. Такъ было и встарь. Со случайнаго

прохожаго за хлѣбъ—соль денегъ не брали, существовала пословица. что „хлѣбъ соль разбойника побѣждаетъ“. Это добродушіе существуетъ и по сіе время въ Малороссіи, какъ странѣ, гдѣ колыбель русскаго христіанства, да и во всей остальной Россіи. Эту прекрасную черту, наслѣдіе нашихъ предковъ, можно было въ прежнее время видѣть, какъ между помѣщиками, такъ и въ крестьянскомъ кругу. Хозяева обижались, если ихъ гости мало пили и ѣли. И подчиваніе постоянно сопровождалось поклонами и чевствованіями. Когда бывало гость былъ не въ состояніи болѣе ѣсть и пить, тогда хозяинъ со своею женою и дѣтьми становится передъ ними на колѣна (если гость болѣе уважаемый) и умоляли его: еще хоть немножко! еще что нибудь отвѣдай, и такъ далѣе.

Набожность. Садился ли кто за столъ, или вставалъ изъ за стола, то непремѣнно осѣнялъ чело свое крестнымъ знаменіемъ. Въ древнія времена вставали до восхожденія солнца, молились тотчасъ Богу, испрашивая Его помощи на всѣ добрыя дѣла и не помолясь, не начинали никакого дѣла. Отправлялись-ли въ дорогу, строили-ли домъ, засѣвали-ли поле, всегда ходили прежде въ церковь помолиться. Въ важныхъ и опасныхъ предпріятіяхъ исповѣдывались и причащались. Выступая въ походъ, или осаждая приступомъ городъ, всѣ воины исповѣдывались и причащались, и потомъ шли безстрашно на смерть. Сражаясь за отечество, охотно умирали мучениками, бывъ убѣждены, что ихъ души пріимутъ ангелы и отнесутъ въ царство вѣчнаго блаженства. Такое дѣйствіе вѣры укрѣпляло и укрѣпляетъ нашъ народъ среди его продолжительныхъ невзгодъ и бѣдствій, какъ встарь, такъ и по сіе время. И по сей часъ, наши войска прежде молебна не отправятся въ походъ *).

Время сна и бдѣнія. Предки наши, безразлично, какъ богатые, такъ и бѣдные, какъ знатные, такъ и простые вставали рано: лѣтомъ съ восходомъ солнца, осенью и зимою за нѣсколько часовъ до свѣта. Встарину счетъ часовъ былъ восточный, заимствованный изъ древней Византіи вмѣстѣ съ церковными книгами. Сутки дѣлились на ночные и дневные часы.

*) На этотъ случай прекрасный примѣръ можно видѣть изъ жизни Владиміра Мономаха.

Часъ солнечнаго восхода былъ первымъ часомъ дня. Часъ заката—первымъ часомъ ночи. Такимъ образомъ число часовъ могло быть равно только во время равноденствія. А потому это время и принималось за норму. Изъ двадцати четырехъ суточныхъ часовъ, двѣнадцать относили ко дню, а другіе двѣнадцать къ ночи, несмотря на то, что на самомъ дѣлѣ во время зимнее, число ночныхъ часовъ доходило до семнадцати.

Седьмой часъ утра по нашему часосчисленію былъ первымъ часомъ дня; седьмой часъ вечера—первымъ часомъ ночи. Счисленіе это находилось въ связи съ восточнымъ богослуженіемъ. На исходѣ ночи отправлялась заутреня; Богослужебные часы—первый, третій, шестой и девятый знаменовали равноимянные денные часы, а вечерня—окончаніе дня. Русскіе на основаніи такихъ познаній о суточномъ времени, согласовали свой домашній образъ жизни съ богослужебнымъ порядкомъ и въ этомъ отношеніи дѣлали его похожимъ на монашескій. Разумѣется, что такой порядокъ могъ имѣть мѣсто только тамъ, гдѣ спокойная и обезпеченная жизнь на одномъ мѣстѣ позволяла располагать временемъ по произволу.

Молельни, моленны. У зажиточныхъ людей по чему либо, хотя бы по болѣзни, уходить и выѣзжать въ приходъ, были свои домовыя церкви, свои священники духовники, содержимые на жалованьѣ. Но эти церкви были только у бояръ, у знатныхъ лицъ. Между тѣмъ у лицъ болѣе или менѣе зажиточныхъ, имѣвшихъ собственное недвижимое имѣніе (богатыхъ обывателей), нерѣдко были устроены особенныя комнаты, въ которыхъ не было ничего болѣе, кромѣ образовъ, налоевъ, священныхъ книгъ и прочихъ предметовъ, относящихся до молитвы. Такія комнаты назывались *образницы, божницы, крестовыя.* Въ этихъ комнатахъ находилось больше образовъ, чѣмъ въ прочихъ. Хозяинъ, какъ домовладыка, читалъ предъ всѣми въ слухъ молитвы утреннія, куда являлись и слуги, и домочадцы. Разумѣется, въ этомъ случаѣ зажигались лампады, свѣчи, и курился ладонъ. Кто могъ пѣть, пѣлъ. Священникъ въ такихъ моленнахъ служилъ вечерню, заутреню или всенощную, иногда молебенъ.

Окончивъ молитвословіе, погашали свѣчи и лампады и рас-

ходились по своимъ занятіямъ задернувъ пеленами *) образа. Тамъ, гдѣ мужъ допускалъ жену по домашнимъ занятіямъ и по дому, то хозяйка держала съ мужемъ совѣтъ, что дѣлать на предстоящій день, заказывала кушанье, и задавала на цѣлый день уроки въ работахъ служанкамъ. Въ такихъ домахъ на хозяйкѣ лежало много обязанностей; она должна была трудиться и показывать собою примѣръ служанкамъ; раньше всѣхъ вставать и другихъ будить, позже всѣхъ ложиться; если служанка будила госпожу, это относилось къ стыду госпожи. При дѣятельной женѣ мужъ ни о чемъ не заботился по домашнему хозяйству, такъ что женѣ должно было знать всякое дѣло лучше всѣхъ тѣхъ, которые исполняли работу.

Дворецкіе и ключники. Въ большихъ боярскихъ домахъ, хозяйка не знала занятія по дому, а этимъ занимались ключники и дворецкіе. Напримѣръ, дворецкій (Мажоръ домъ, метръ дю-пале) завѣдывалъ всѣмъ хозяйствомъ, какъ относительно порядка въ домѣ, такъ стола и домашняго хозяйства, и вмѣстѣ съ тѣмъ властвовалъ надъ холопами. При такихъ управителяхъ, какими считались ключники и дворецкіе, хозяинъ дома имѣлъ свой надзоръ только надъ лошадьми, надъ полями, надъ мельницами, надъ скотными дворами, и прочее; а хозяйка надъ работами относительно разнаго женскаго рукодѣлія. Въ большихъ боярскихъ домахъ сѣнныя дѣвушки, которыхъ было очень много, были подвѣдомственны исключительно хозяйкѣ. Ключники распоряжались приготовленіемъ стола, часто безъ вѣдома хозяина, по годовой росписи.

Обѣденный обычай. Въ полдень наступало время обѣда. Холостые лавочники, парни изъ простонародія, холопы, заѣзжіе въ городахъ и посадахъ, наполняли харчевни; люди домовитые садились за столъ дома или у пріятелей въ гостяхъ.

Цари и знатные люди, живя въ особыхъ покояхъ въ своихъ дворахъ, обѣдали отдѣльно отъ прочихъ членовъ семейства и семьи. Жены ихъ и дѣти трапезовали особо. Но незнатные дворяне, дѣти боярскіе, посадскіе и крестьяне—хозяева осѣдлые обѣдали вмѣстѣ съ женами и съ прочими членами семьи. Впрочемъ, иногда семейные члены, составлявшіе съ своими

---

*) Занавѣсями.

семьями одно семейство съ хозяиномъ, обѣдали отъ него особо. Во время же званыхъ обѣдовъ, особы женскаго пола никогда не бывали тамъ, гдѣ сидѣлъ самъ хозяинъ съ гостями. Столъ накрывался скатертью, но не всегда это наблюдалось, очень часто люди незнатные обѣдали безъ скатерти и ставили на голый столъ соль, уксусъ, перецъ и клали ломтями хлѣбъ. Двое домашнихъ служителей завѣдывали порядкомъ обѣда въ зажиточномъ домѣ: ключникъ и дворецкій. Ключникъ въ поварнѣ при отпускѣ кушаньевъ, дворецкій при столѣ и при поставцѣ съ посудой, стоявшемъ всегда противъ стола въ столовой. Нѣсколько слугъ носили кушанье изъ поварни. На обязанности дворецкаго и ключника было пробовать кушанье, рѣзать мясо на куски.

Царскій столъ. Въ обыденномъ царскомъ быту каждое поданное кушанье отвѣдывалъ прежде всего поваръ въ присутствіи дворецкаго, который являлся предъ каждою перемѣною съ толпою жильцовъ. Сдавъ кушанье жильцамъ, дворецкій шелъ впереди нихъ въ столовую и передавалъ кравчему, который также отвѣдывалъ и ставилъ передъ царемъ. Обыкновенно кушанье подавали, гдѣ мясо было изрѣзано въ тонкіе куски, такъ что можно было взять каждый изъ нихъ въ руки и поднести ко рту. Отъ этого тарелки, поставленныя въ началѣ обѣда передъ обѣдавшими, не перемѣнялись, потому что каждый бралъ руками съ стоявшаго передъ гостьми блюда куски и клалъ въ ротъ, касавшись своей тарелки только тогда, когда случалось бросать въ нее обгрызанную кость. Жидкое кушанье иногда подавалось на два или на три человѣка въ одной мисѣ и всѣ ѣли изъ нея своими ложками. Такой способъ обѣдать приводилъ въ омерзѣніе иностранцевъ, чуждыхъ нашихъ обычаевъ. Также не нравилось иностранцамъ и то, что русскіе за столомъ зѣвали, потягивались, рыгали и—къ запаху чеснока, лука и гнилой рыбы.

Прежде всего за обѣдомъ пили водку и закусывали хлѣбомъ, потомъ подавали въ скоромные дни холодныя кушанья, состоявшія изъ варенаго мяса съ разными приправами, потомъ ѣли горячія, потомъ жареныя; и далѣе разные звары, за ними молочныя кушанья, лакомыя печенья, и наконецъ овощныя сласти. Въ постные дни, тѣмъ же порядкомъ подавали холодную

рыбу или капусту, потомъ жидкія кушанья, далѣе жареную рыбу, звары и наконецъ овощи. Какъ велось при царскихъ дворахъ, такъ бывало и у богатыхъ бояръ, разумѣется съ большею или меньшею простотою (упрощеніемъ). Нужно замѣтить, что на *званыхъ обѣдахъ* бывало до 40 или 50 перемѣнъ, понятно при этомъ, что стряпчіе, то-есть слуги, подававшіе кушанье, заслуживали уваженіе по своимъ трудамъ, а между тѣмъ подавали кушанье голыми и часто грязными руками.

Послѣдствіе званыхъ и вообще обѣдовъ. Послѣ обѣда хозяинъ пересматривалъ посуду и, находя все въ порядкѣ, хвалилъ дворецкаго и стряпчихъ, подчивалъ ихъ хмѣльнымъ; иногда всѣхъ дарилъ и вся прислуга обыкновенно обѣдала послѣ господскаго стола.

Послѣ обычнаго обѣда всѣ гости ложились отдыхать, это было въ обычаѣ. Спали всѣ отъ царей до послѣдняго изъ чернорабочихъ. Самая простая чернь отдыхала на улицахъ. Тогда то на улицахъ въ Москвѣ „на Вшивой горкѣ" (тогда на Вшивомъ рынкѣ) собиралась толпа мужчинъ; которые тамъ стриглись и отъ этого рынокъ былъ постоянно покрытъ волосами, будто полостью.

Время сна. Не спать, или по крайней мѣрѣ не отдыхать, послѣ обѣда считалось ересью, какъ и всякое отступленіе отъ предковыхъ обычаевъ.

Вставши послѣ обѣденнаго сна, русскіе опять принимались за обычныя занятія. Цари ходили къ вечернѣ, а часовъ съ шести вечера, по нашему счету, предавались уже забавамъ и бесѣдамъ. Впрочемъ, смотря по важности дѣла, иногда бояре собирались во дворецъ и вечеромъ, сидѣли тамъ за дѣлами часовъ около трехъ. Въ приказахъ собирались по вечерамъ. Былъ случай, что въ 1669 году было постановлено правиломъ, чтобы приказные сидѣли съ перваго до осьмаго часа ночи, такъ, какъ это было зимою, то вѣроятно до десяти часовъ, по нашему счету, считая нашимъ счетомъ первый часъ ночи на седьмой часъ дня суточнаго дѣленія, сообразно восточно-византійскому счисленію, а четвертый, когда ночь дѣйствительно наступала въ Москвѣ. Вечеръ въ домашнемъ быту былъ временемъ развлеченій: зимою собирались другъ къ другу родные

и пріятели въ домахъ, а лѣтомъ въ палаткахъ, которыя нарочно раскидывались передъ домами.

Ужины. Русскіе всегда ужинали; а послѣ ужина благочестивый хозяинъ отправлялъ вечернее моленіе, послѣ чего уже не дозволялось ѣсть и пить, и всѣ въ скорости ложились спать.

Благочестивыя ночи женатыхъ. Сколько нибудь зажиточныя женатыя лица, имѣли всегда особыя спальни, съ тою цѣлью, чтобы не спать вмѣстѣ въ ночи предъ Господними праздниками, воскресеньями, средами и досточтимыми почему-то пятницами и посты. Въ эти ночи благочестивые люди вставали и тайно молились въ спальняхъ предъ образами. Ночная молитва считалась, въ то время, будто бы пріятнѣе Богу, чѣмъ дневная: „тогда бо нощію умъ ти есть легче къ Богу и могутъ тя убо на покаяніе обратити, нощныя молитвы паче твоихъ дневныхъ молебъ....“ *).

Бани. Русскіе ходили въ баню очень часто. Это считалось первою потребностью русской домашней жизни, довольно грязной по большей части. Обычай мыться, по многимъ случаямъ доставлялъ удовольствіе и наслажденіе, да иначе и быть не могло по многимъ предразсудкамъ, а также и по многимъ домашнимъ суевѣріямъ, тѣсно связаннымъ съ религіозными правилами.

Почти въ каждомъ зажиточномъ домѣ находилась *мыльня*, а въ городахъ, разумѣется съ платежемъ, были, по увѣренію Котошихина, общественныя и царскія мыльни, за входъ въ которыя платили деньги.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

---

*) Рук. Пол. Собр. Публ. Библ. № 1310.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

МУЗЫКА, СЛУЧАЙНЫЯ ПРАЗДНОВАНІЯ, ПОХОРОНЫ, ОХОТА, ПРИСЛОВЬЯ, ПѢСНИ, ЗАГАДКИ И ПОГОВОРКИ.

Выраженіе удовольствія и радости высказывалось у нашихъ предковъ пѣніемъ, музыкою и пляскою и еще задолго до времени политической жизни Руси.

Византійскіе историки повѣствуютъ, что славяне, жившіе по берегамъ Балтійскаго моря, не знали войны, или если и знали, то всегда предпочитали миръ войнѣ, любили удовольствія и мирныя занятія.

Трудно рѣшить какіе музыкальные инструменты прежде всего существовали у славянъ. Можно только догадываться, что прежде всего употребляли деревянные трости и также рога домашнихъ животныхъ. Поэтому можно полагать навѣрное, что дудка и рожокъ были у славянъ самымъ первымъ инструментомъ. Потомъ появилась жилейка, рогъ и свирѣль; наконецъ волынка, гудокъ, балалайка, ложки и гусли.

Дудка самый простой пастушескій инструментъ, существующій и по сей часъ въ Малороссіи; онъ называется *сопѣлкою*.

Но дудку или сопѣлку нельзя смѣшивать со свирѣлью, потому, что въ книгѣ пророка Даніила, сказано, что въ Храмѣ построенномъ Соломономъ употреблялись *сопѣли, гусли, кимвалы, трубы, органы, свирѣли, самвики, и псалтири* и всякаго рода мусикійска *).

Рожокъ. Въ рукахъ хорошаго музыканта можетъ замѣнить кларнетъ въ заунывныхъ пѣсняхъ. Тоже принадлежитъ къ древнимъ пастушескимъ инструментамъ.

---

*) Кн. Прор. Даніила, гл. 3, стр. 5—15. Паралипоменъ гл. 5, стр. 12—14. Кн. 3. Царствъ, гл. 40, стр. 12.

Жилейка или *Сиповка*, образуетъ двойную дудку, издаетъ сиповатый голосъ.

Рогъ дѣлается изъ двухъ деревянныхъ согнутыхъ стволовъ, похожихъ на военныя трубы; употреблялся на охотѣ. Музыка роговая была въ употребленіи при Екатеринѣ II. И любителемъ этой музыки былъ Оберъ-Егермейстеръ Нарышкинъ. Музыка эта была имъ введена за обильными пирами.

Свирѣль. Самый древній инструментъ. Онъ состоялъ изъ семи вмѣстѣ сложенныхъ рядомъ створовъ, длина каждаго изъ нихъ различна, притомъ, такъ срѣзанъ каждый изъ нихъ, что первый длиною болѣе вдвое, сравнительно съ послѣднимъ. Изобрѣтателемъ этого инструмента былъ богъ Панъ. Этотъ инструментъ употреблялся долгое время пастухами въ Украйнѣ и въ Малороссіи. Въ Россіи ихъ также употребляли на пирушкахъ и въ хороводахъ.

Волынка. Представляетъ весьма своеобразный по характеру инструментъ, напоминающій собою гармонику или мѣхъ въ валахъ; здѣсь дѣйствуетъ воздухъ заключенный въ бараній мѣхъ къ которому приложены три дудки и трубочка. Въ трубочку прикрѣпленную къ верху напускается воздухъ съ двухъ противуположныхъ сторонъ, опредѣлены двѣ разной величины трубки, чрезъ которыя воздухъ проходя, даетъ басистые голоса, а третья небольшая трубочка, имѣетъ нѣсколько отверстій сбоку, даетъ возможность играющему производить пальцами разные голоса и звуки.

Гудокъ. Этотъ инструментъ струнный, походитъ на скрипку, на которомъ находится три струны; играютъ посредствомъ смычка. Рукоятка его вверху загнута, какъ у баса—съ тремя колышками; по струнамъ водятъ смычкомъ и гудокъ производитъ гуденіе.

Балалайка. Всѣмъ извѣстный трехъ струнный инструментъ, высоко настроиваемый, служитъ для плясовыхъ пѣсенъ.

Ложки. Это два деревянные инструмента, напоминающихъ двѣ сложенныя вмѣстѣ ложки. Рукоятки ихъ унизываютъ сквозными бубенчиками и оставляютъ ихъ висячими, подобно виноградным кистямъ; во время музыки трясутъ ложками, которыя отъ движенія шариковъ издаютъ многообразныя звуки. Тоны ихъ многимъ нравятся лучше бубенъ.

Гусли.—Они имѣютъ видъ легкой ручной арфы съ мѣдными струнами; строй ихъ свободной, можно настраивать то очень высоко, то очень низко; Этотъ инструментъ былъ извѣстенъ въ глубокой древности Евреямъ. Еще Давидъ, будучи оруженосцемъ у Царя Саула часто усыплялъ его гнѣвъ кифарами и воспѣвалъ славу Божію *). Въ Малороссіи долгое время играли на гуслямъ, но нынѣ они выводятся. Но у Сербовъ этотъ инструментъ существуетъ и по сей часъ.

Трубная музыка. О трубной музыкѣ впервые упоминается въ Кіевской лѣтописи, именно въ словѣ о полку Игоревѣ (кар. И. Г. Р. часть III. Пр. 165). Что при осадѣ Кіева въ 1151 г. Князьями Георгіемъ Суздальскимъ и Владиміромъ Галицкимъ, осажденные и осаждаемые трубили въ трубы, и били въ буббы. Во время междуусобія Новгородцевъ съ Владимірцами (въ 1216 г.) первые имѣли 60, а послѣдніе 40 трубъ и 40 буненъ. Во время похода Русскихъ противъ волжскихъ болгаръ (въ 1220 г.) въ нашемъ стану были трубы, бубны, сурны, сопѣли. Въ это время были извѣстны флейты. Въ XVI вѣкѣ онѣ дѣлаются повсемѣстны, какъ то видно изъ пѣсни того же вѣка:

То ляхи въ бубны вдаряютъ
У свистинска да у трубы выгрываютъ,
У се войско свое до купы у громаду скликаютъ.
. . . .

Въ томъ же столѣтіи появляются набаты, литавры (накры) флейты и сиповки.

Первоначальный видъ трубъ намъ не извѣстенъ, но должно думать, что онѣ были прямыя, какъ у древнихъ народовъ, и состояли изъ одного колѣна, и потомъ, измѣняясь въ устройствѣ, онѣ получили нынѣ существующій видъ то есть трехъколѣнныя и прямыя.—Къ трубамъ привѣшивали кисти на шнурахъ и завѣсы четырехъ угольныя: изъ парчи, камки, тафты съ серебреной и золотой бахрамой **).

---

*) Исповѣдатися Господеви въ гусляхъ, во псалтыри десятиструнномъ, пойте Ему Каө. 5, стр. 2. Потомъ ап. Каө. 8, ст. 9. Каө. 10, ст. 22 и пр. Смотр. Псалтирь съ толкованіемъ. Изд. Кіев. Печ. Лав. 1814 г.

**) Въ рис. къ путешествію бар. Майерберга. Изд. Гос. Канцл. Гр. П. Румянцевымъ въ 1827, изобр. трубачи играющіе на трубахъ съ завѣсами.

Бубнами или накрами называется подобіе нашихъ литавръ. Это была небольшая мѣдная чаша съ натянутою поверхъ ея кожею. Конные привязывали ее къ сѣдлу, а пѣшіе держали лѣвою рукою и били *восчагою* изъ толстаго ремня съ прикрѣпленнымъ на концѣ ея ременнымъ шаромъ. У каждаго воеводы былъ привѣшенъ къ сѣдлу *Тулумбасъ* или *жулумбасъ*, поменьше описанныхъ бубенъ, въ который онъ самъ билъ во время надобности.

Сурни. Такъ называлась длинная узкая труба и прямая съ закрытымъ нижнимъ отверстіемъ.

Набатъ. Такъ назывался большой мѣдный барабанъ, который укрѣплялся на деревянномъ щитѣ помощію цѣпей: его утверждали на четырехъ рядомъ поставленныхъ лошадяхъ. Для ударенія въ него употребляли восемь человѣкъ *).

Каждый воевода имѣлъ свой набатъ въ который по его распоряженію били тревогу въ войскѣ, отъ чего произошло слово бить въ набатъ, то есть дѣлать тревогу; но нынѣ эта тревога производится церковными колоколами.

Кромѣ музыки военной, да музыки на свадьбахъ, духовенство запрещало ее вводить во всегдашнее употребленіе на пирахъ, кромѣ жившихъ въ Москвѣ нѣмцевъ. Олеарій говоритъ, что однажды Патріархъ приказалъ собрать всѣ музыкальные инструменты у частныхъ лицъ, нагрузивши ими пять возовъ, за рѣкой Москвой сожгли.

Простой народъ бѣгалъ отъ музыки, боясь нечистой силы, будто бы кружившейся во время игры. Веселившихся считали погибшими на томъ свѣтѣ: раскаявшихся не допускали къ причастію. Такъ было до Петра Великаго, который успѣлъ разсѣять мракъ невѣжества убѣжденіемъ, что музыка возвышаетъ чувство, смягчаетъ грубость нравовъ, доставляя самое невинное удовольствіе.

Въ продолженіе XVII столѣтія появились въ Россіи многіе музыкальные инструменты, изъ которыхъ перечислимъ:

Барабанъ. Былъ извѣстенъ у Римлянъ. Его употребляли для собиранія воиновъ для войны. Приписываютъ Сарацинамъ его изо-

---

*) Нѣкоторые думаютъ, что набатъ перешелъ къ намъ отъ Татаръ. См. Истор. опис. одеждъ и вооруженій. Ч. I, стр. 10.

брѣтеніе. Эдуардъ III, король Англійскій, въ первый разъ услышалъ его, при въѣздѣ въ Кале въ 1347 г. *).

Первоначальная наружность барабана была та же, что и нынѣ: деревянное лукошко вызолоченное или выкрашенное, два вокругъ его обруча и двѣ натянутыя кожи составляли все его устройство. Въ полкахъ носили барабанъ на широкой тесьмѣ или на кожанномъ ремнѣ, повѣшенномъ черезъ правое плечо; хранили въ суконныхъ чахлахъ, называвшихся *нагалищемъ* и *чемоданомъ*.

Литавры были тоже самое, что бубны, но больше видомъ, мѣдныя, а часто серебряныя. Къ нимъ привѣшивали для *украшенія завѣсы* камчатныя, суконныя изъ яркихъ цвѣтовъ и обшивали шнурами и кистями. Въ литавры били небольшими палочками, съ закругленнымъ на концѣ шарикомъ.

Варганъ тоже музыкальный инструментъ, зашедшій къ намъ изъ Польши, а Польша получила его изъ Германіи, представляетъ небольшое металлическое орудіе съ язычкомъ въ срединѣ. Приложивъ его на зубы, и вдыхая въ себя воздухъ бьютъ пальцемъ по языку, который приэтомъ производитъ довольно пріятные звуки, по мѣрѣ движенія вдыхаемаго воздуха.

Органъ, отъ него испорченное слово варганъ, введенъ католическимъ духовенствомъ, при богослуженіи не ранѣе IV столѣтія; употребляется нынѣ почти во всѣхъ христіанскихъ церквахъ кромѣ грекороссійской. Органы изъ духовнаго преобразовались въ танцовальные и застольные, а эти послужили къ устройству клавировъ, роялей, клависинъ и шарманокъ.

Во времена Екатерины второй существовала кавалергардская музыка, или трубачи; однако она не простиралась далѣе гвардіи. Императоръ Павелъ I началъ вводить музыку во всѣхъ полкахъ, отчего она и стала называться *военною*. Александръ I позаботился окончить намѣреніе своего отца и теперь она неразлучна съ потребностью вкуса.

Бандура, кобза. Бандура родъ арфы съ 12, а иногда 28 металлическими струнами: ихъ вѣшали на шею и ходили съ ними изъ деревни въ деревню слѣпцы или старики. Этотъ инструментъ преимущественно извѣстенъ въ Малороссіи.

---

*) Барабанъ древнее названіе Франконскихъ Славянъ, Baraban.

Цимбалы или кимвалы. Родъ фортепіано съ металлическими струнами. Струны эти натянуты на рамкѣ; по этимъ струнамъ ударяютъ стальною палочкой, или надѣтымъ на палецъ стальнымъ наперсткомъ. Игра на Цимбалахъ сопровождается или пѣніемъ, или какимъ либо духовымъ инструментомъ. Звукъ ея громкій и пріятный.

Случайныя и частныя празднованія *).

Рожденія младенца. Зажиточные люди утверждали родильные столы, а крестьяне приготовляли особое пивцо и брали для того разрѣшеніе отъ начальства (А. А. Э. 420). Родильницы получали отъ гостей подарки обыкновенно деньгами. Это соблюдалось и у знатныхъ, но только для исполненія обычаевъ; ибо родильницѣ въ домѣ боярскомъ давали по золотому. Русскіе спѣшили крестить младенца и чаще всего крещеніе происходило на осмой день, но иногда и въ сороковой, такъ какъ эти числа напоминали въ младенческой жизни Іисуса Христа событія обрѣзанія и срѣтенія. Имя изрекали чаще всего случайно, по названію святаго, котораго память случалась въ день крещенія. Крещеніе происходило у всѣхъ сословій въ церквахъ, и въ домахъ допускалось только по болѣзни или крайней слабости новорожденнаго и непремѣнно не въ той комнатѣ, гдѣ онъ рожденъ, такъ какъ та комната долгое время считалась оскверненною.

Выборъ воспріемника падалъ чаще всего на духовнаго отца или родственника. При крещеніи на новорожденнаго надѣвали крестъ мѣдный, серебряный или золотой, который на немъ оставался на всю жизнь. Воспріемнику священникъ возлагалъ на шею бѣлый платокъ и связывалъ его обѣими концами; а по окончаніи обряда платокъ этотъ снимался и оставался въ церкви (Стогл. гл. 45.). Послѣ обряда, въ тотъ же день учреждался *крестинный* столъ и при этомъ, кромѣ гостей кормили и нищихъ. Царь въ день крещенія дѣлалъ торжественный столъ для патріарха, духовныхъ властей и свѣтскихъ сановниковъ;

---

*) Заимств. изъ очерка жизни и вр. рус. нар. Терещенко. 1860 г.

по окончаніи обѣда духовные благословляли новорожденнаго, а прочіе гости подносили ему дары. Въ царскомъ быту это былъ единственный разъ, когда царское дитя показывали до совершеннолѣтія; съ тѣхъ поръ оно долго оставалось въ глубинѣ царскихъ хоромъ. Крещеніе царскаго младенца не ограничивалось однимъ обычнымъ крестиннымъ столомъ.

По городамъ и монастырямъ ѣздили жильцы съ грамотами, возвѣщавшими о рожденіи царскаго дѣтища, и всѣ монастыри спѣшили везти къ новорожденному подарки; тѣмъ. которые мало давали, замѣчалось, что они мало желаютъ добра новорожденному изъ царскаго дома.

Въ свою очередь, однакожъ, по случаю рожденія дитяти, царь прощалъ виновныхъ и оказывалъ царскія милости (Доп. I. 119).

Духовное рожденіе считалось значительнѣе тѣлеснаго и отъ того день рожденія оставался незамѣтнымъ, а день ангела или именины во всю жизнь праздновался каждымъ, кому позволяло состояніе.

Родины у Пермяковъ *). Пермячка вообще мало обращаетъ вниманія на беременность и работаетъ, какъ и внѣ беременности, до послѣднихъ часовъ. Зимою — если пермячка дома, она удаляется для разрѣшенія въ баню, а лѣтомъ—въ хлѣвъ, впрочемъ, изъ хлѣва, хотя это и лѣтомъ, она все же разрѣшившись отъ бремени, идетъ въ баню и часто сама ее затопляетъ, если нѣтъ при ней домашнихъ женскаго пола. Если же родитъ въ дорогѣ, въ полѣ или на пути къ дому, то неминуемо топятъ баню тамъ, куда она придетъ.

Повивальная бабка называется у нихъ *гогъ-баба*. то-есть пуповая баба, или *бабитчись-баба*, то-есть—повивальная. Ее призываютъ нерѣдко передъ родами, но чаще послѣ родовъ. Эти бабки у нихъ — старухи, изъ числа тѣхъ, которыя по себѣ, подобныхъ случаевъ много испытали и знаютъ при этомъ много молитвъ, заговоровъ, умѣющая лечить, въ случаѣ трудныхъ родовъ и знающая примѣты.

Родильница передъ родами, прежде всего развязываетъ на себѣ всѣ узлы, снимаетъ поясъ, скидаетъ дубасъ, расплетаетъ косы, иногда разрываетъ станъ рубашки. Это. по мнѣнію пер-

---

*) Пермскій Сборникъ. 1860 г. Книж. II.

мячекъ, облегчаетъ и ускоряетъ роды. Но если, вопреки такой предосторожности, она „мучится", та бабка приводитъ ее въ избу, раскрываетъ столъ скатертью, ставитъ на нее хлѣбъ, соль и брагу; потомъ отодвигаетъ столъ отъ лавокъ, распускаетъ на родильницѣ всякіе, какіе бы то ни было узлы и трижды обводитъ вокругъ стола, каждый разъ, приговаривая: „какъ скоро раба (такая-то) обойдетъ кругъ стола, такъ скоро и родитъ", затѣмъ беретъ съ божницы образъ, обмываетъ его свѣжею водою надъ дномъ опрокинутаго ведра, которая приэтомъ скопится на обороченномъ кверху донцѣ, даетъ пить родильницѣ изъ трехъ мѣстъ, поворачивая ведро по солнцу; въ заключеніе, оставшеюся водою спрыскиваетъ родильницу въ расплохъ, чтобы испугомъ ускорить актъ разрѣшенія, а домашніе съ этой же цѣлью, неожиданно производятъ тревогу, крича въ избѣ, или подъ окномъ, на улицѣ, что нибудь такое, что способно возбудить чувство испуга, напр.: горимъ! пожаръ!.. Такими средствами достигаютъ разрѣшенія родильницы отъ бремени.... Послѣ родовъ уводятъ въ баню родильницу. Неблагополучные роды бываютъ очень рѣдки, благодаря крѣпкой натурѣ пермяцкихъ женщинъ.

Какіе бы не случились роды: трудные или легкіе, во всякомъ случаѣ первое дѣло бабки приготовить въ банѣ „воду отъ уроковъ". Вода для этаго употребляется непремѣнно рѣчная, бабка нарочно ходитъ за ней съ чистымъ ведромъ и зачерпываетъ ее всегда по теченію рѣки. Возвратившись съ рѣки въ баню и сотворивъ Іисусову молитву, бабка погружаетъ въ ведро правую руку и зачерпнувъ тамъ горстью воду, спускаетъ ее по рукѣ черезъ локоть въ нарочно приготовленный туясъ, нашептывая: „какъ вода на локтѣ не держится, такъ на рабѣ Божіей (имя родильницы) ни уроки, ни призоры не держались". Такимъ образомъ черпается воды тридевять локтей (то есть три раза по девяти, 18), которые всегда считаются съ отрицаніемъ, какъ говорится „сзади": не одна, не двѣ, не три, не четыре.... и т. д., до девяти, потомъ считаются вторые и третьи девять. Съ молитвою спустивъ въ эту воду три накаленныя до красна уголька, бабка горстью правой руки черезъ локоть лѣвой, льетъ эту воду трижды на крайній камень каменки, потомъ трижды на дверную скобку, придерживая

туясъ такъ. что пролитая вода опять стекаетъ въ него же; при этомъ: каждый разъ она приговариваетъ: „какъ на камнѣ (или скобѣ) вода не держится, такъ на рабѣ Божіей (имя) ни уроки. ни призоры не держитесь!" Этимъ кончаются чары надъ водой,—и она послѣ этого считается такъ сильно заговоренною, что ни одинъ колдунъ, дѣлается не въ силахъ уничтожить ея цѣлительную силу. Затѣмъ. бабка становитъ родильницу лицомъ на востокъ—если только она можетъ стоять—въ противномъ случаѣ. сажаетъ ее на банный порогъ и три раза брыжжетъ ей въ лицо, набранной ей въ ротъ наговоренною водою, приговаривая: „какъ вода на лицѣ не держится, такъ на рабѣ Божіей (имя) ни уроки, ни призоры не держитесь!" Выливъ изъ туяса остальную воду родильницѣ на голову, бабка подхватываетъ воду при ея паденіи съ головы въ правую горсть и брыжжетъ ею на каменку изъ подъ лѣвой своей ноги.

Въ домѣ, между тѣмъ приготовляютъ родильницѣ теплую брагу. а у кого есть—и рыбные пироги. Родильница остается съ бабкой два. три дня и болѣе. въ банѣ, смотря по состоянію своего здоровья, по выходѣ же вскорѣ принимается за свои обыкновенныя домашнія занятія. Принеся новорожденнаго въ первый разъ въ избу, бабка передаетъ его на руки отцу, который самъ кладетъ его въ люльку, и тѣмъ, какъ бы оффиціально признаетъ его своимъ дѣтищемъ.

Вскорѣ послѣ родовъ въ пермяцкихъ семьяхъ были крестины. Для этой цѣли зажиточные отцы приглашаютъ священника къ себѣ въ домъ; у всѣхъ же прочихъ. составляющихъ большинство, бабки приносятъ новорожденныхъ для крещенія въ церковь. во всякую пору года. въ ближайшіе послѣ родовъ, воскресные дни. Разумѣется, бываютъ случаи, что крещеніе слѣдуетъ иногда тотчасъ послѣ родовъ. При крещеніи родители рѣдко просятъ священниковъ, дать то или другое имя ребенку; обыкновенно эта статья представляется рѣшенію самого священника, который и даетъ ребенку имя святаго, котораго память празднуется въ день крещенія, или ближайшій къ нему. Воспріемниками отъ купели родители назначаютъ кого-либо изъ родственниковъ, или иногда изъ коротко знакомыхъ; ихъ приглашаетъ обыкновенно отецъ. Никакихъ расходовъ

о этому случаю воспріемники не дѣлаютъ. замѣтьте: крестъ, поясъ, рубашка, ризки — холстъ, на который принимаютъ отъ купели — бываютъ хозяйскіе, домашніе. Если воспріемницею бываетъ дѣвушка, то случается, что во время крещенія она распускаетъ свою косу у своего затылка въ одинъ пучекъ; когда новорожденнаго крестятъ дома, то послѣ совершенія таинства, отецъ угощаетъ священника дома вмѣстѣ съ кумомъ и кумою, обѣдомъ.

Крестные отецъ и мать у Пермяковъ уважаются. какъ близкіе родные.

Спустя шесть недѣль послѣ крещенія, воспріемницѣ приносятъ отъ крестника подарокъ — холстину аршина въ два длиною. Въ день своего ангела, для выраженія почтенія, крестники, или крестницы ходятъ иногда къ своимъ воспріемникамъ, если они живутъ близко, съ челпанами хлѣба. Воспріемники отдариваютъ малютокъ деньгами. Понятно, что отдарки бываютъ не велики и ограничиваются двумя, тремя копѣйками серебромъ.

Въ домѣ родителей, новорожденному приготовляли люльку называемую (Дютьтятанъ). Люльку эту привѣшиваютъ обыкновенно подъ полатями, или грядками на едва гнущемся очепѣ (шестъ). Вмѣсто постели кладутъ грязные обноски одежды и разное грязное тряпье. Полога у колыбели не бываетъ.

Пермячки по большей части кормятъ сами дѣтей своей грудью и всегда около года; нѣкоторыя даютъ ребенку рожокъ съ коровьимъ молокомъ. Чуждыя всякой застѣнчивости, пермячки кормятъ грудью открыто, какъ при домашнихъ, такъ и при посторонних. Отнимаютъ дѣтей отъ грудей, кормя дѣтей предъ наступленіемъ года коровьимъ молокомъ, а потомъ крошками хлѣба въ горячихъ щахъ, или просто въ горячей водѣ, а коль-скоро, дитя достигнулъ полуторо-годовалаго возраста, то кормятъ тѣмъ, что ѣдятъ взрослые *).

Имянины. Духовное рожденіе считалось значительнѣе тѣлеснаго и отъ того день рожденія оставался незамѣтнымъ, а день ангела или имянины во всю жизнь праздновались каждымъ, кому позволяло состояніе. Съ утра имянинникъ или имянинница

*) См. Пермскій Сборн. кн. 11. 1860 г.

разсылали гостямъ именинные пироги; знатность лица, которому посылались пироги, измѣрялась величиною посылаемаго пирога. Гости, по приглашенію, сходились на именинный столъ и приносили имянинникамъ подарки; духовные благословляли имянинниковъ образами, а свѣтскіе подносили матеріи, кубки или деньги. Въ царскомъ быту, царь въ день своихъ имянинъ по выходѣ изъ храма отъ обѣдни, раздавалъ изъ своихъ рукъ имянинные пироги; тоже дѣлала царица у себя въ свои имянины. Совершеннолѣтніе царевичи отъ себя раздавали именинные пироги, а въ день именинъ царевны, или малолѣтняго царевича раздавалъ пироги отъ имянинника царь. Но все таки почиталось необходимымъ, чтобъ отъ имянинника были розданы пироги. Если бояринъ или окольничій былъ имянинникъ, то являлся съ пирогами къ царю: царь принималъ пирогъ и спрашивалъ имянинника о здоровьѣ, потомъ имянинникъ представлялся царицѣ и также подносилъ ей пироги.

Съ другой стороны царю, какъ и частнымъ лицамъ, на имянины подносили подарки, какъ и подносимые царю и въ другихъ случаяхъ, уже обратились въ законъ. Всѣ торговые люди должны были поднести царю подарки, которые отсылались на казенный дворъ и съ казеннаго двора продавались: нерѣдко случалось, что купецъ покупалъ на казенномъ дворѣ ту самую вещь, которую когда то подарилъ царю и теперь подносилъ ее государю въ другой разъ. За имянинными столами приглашенные гости пѣли многолѣтіе, а послѣ стола именинникъ съ своей стороны иногда отдаривалъ гостей; по крайней мѣрѣ такъ водилось у царей *). У русскихъ долго было въ обычаѣ кромѣ христіанскаго имени имѣть еще другое прозвище, или не крещеное имя; обычай этотъ водился въ удѣльные времена между князьями, которыя, кромѣ крещенаго имени всегда имѣли еще княжее, старо-славянское и болѣе были извѣстны подъ послѣднимъ. Въ XVI и XVII вѣкахъ мы встрѣчаемъ множество именъ и прозвищъ, которые существовали вмѣстѣ съ крещенымъ именемъ и употреблялись чаще послѣдняго, такъ что и въ дѣловыхъ бумагахъ назывался человѣкъ не христіанскимъ именемъ, а прозвищемъ: напр. Смирный, пер-

*) Доп. Б. Рус. цар. От. Зап. 1854 г. янв. 31.

вый. девятый, злодѣй, Козелъ, Паукъ, Руснпъ, Злоба, Шестакъ, Неупокой, Нехорошко, Бѣляница, Дулай, Май, Доспѣлко, Распуга, Мясоѣдъ, Кобякъ *). Даже священники носили такія имена. Иногда было три имени: прозвище и два крещеныхъ имени—одно явное, другое тайное, извѣстное только тому, кто его носилъ, духовнику, да самымъ близкимъ. Это дѣлалось по тому вѣрованію, что лихіе люди могутъ дѣлать ему вредъ разными способами и вообще иногда легко сглазить человѣка. Поэтому въ глазахъ людей прикрывались чуждымъ именемъ, скрывая настоящее. Случалось, что человѣка котораго всѣ знали за какого нибудь Ивана, послѣ кончины на погребеніи называли Павломъ и тутъ узнавали его имя. Случалось, что крещеное имя перемѣнялось по волѣ царя; напр., Дѣвицу Марію Климову, взятую на царскій дворъ въ 1653 г., съ намѣреніемъ быть ей невѣстою государя, переименовали Анастасіей; но когда Государь не захотѣлъ взять ее къ себѣ женою, тогда она опять стала Маріею. Другіе, особенно бѣглые—самопроизвольно перемѣняли свои имена и прозвища и оставались навсегда съ новыми, такъ и записывались.

Нерѣдко цари давали почетныя прозвища людямъ и эти прозвища оставались навсегда и потомъ переходили въ потомство какъ фамильное названіе. Напр. въ 1564 г. одного мордвина царь нарекъ Дружиною (Врем. V. см. 52).

Прозвища классическія, столь обыкновенныя въ семинаріяхъ, были въ употребленіи еще въ XVII вѣкѣ, ибо въ 1635 году встрѣчается фамилія Нероновыхъ, (А. И. П. 333).

Старинныя женитьбы и свадьбы. Русскіе женились вообще очень рано; бывали случаи, что женихъ имѣлъ только 12 или 13 лѣтъ. Нужно замѣтить, этимъ родители спѣшили удалить юношу или дѣвушку отъ соблазновъ холостой жизни, такъ какъ вообще по тогдашнимъ понятіямъ непозволенныя любовныя связи считали непростительнымъ и незамолимымъ, и ставили наравнѣ съ тяжкими преступленіями.

Рѣдко случалось, чтобы русскій оставался не женатымъ, развѣ только болѣзнь или обѣщаніе вступить въ монастырь. При женитьбѣ женихъ и невѣста часто не знали другъ друга,

---

*) См. очеркъ Дом. жизни и нравовъ Р. Н. Костомарова. ст. 156.

и подъ вліяніемъ родителей играли страдательную роль. Нравственныя понятія того времени не позволяли соблазняться молодымъ людямъ обоего пола, и даже женихъ не имѣлъ права сказать о томъ, что онъ хочетъ жениться, находясь въ полномъ повиновеніи родителя. Только тотъ могъ вполнѣ распоряжаться по собственному соображенію, когда былъ въ зрѣломъ возрастѣ, вступалъ во второй бракъ или вовсе не имѣлъ родителей. Сами цари дѣйствовали такимъ образомъ. Михаилъ Ѳеодоровичъ предлагалъ дочь свою за датскаго принца *). Иногда браки начинались по волѣ высшихъ особъ; такъ цари и великіе князья женили своихъ бояръ и ближнихъ людей и сами выбирали имъ невѣстъ, а господа совершали браки между своими слугами, также не испрашивая ихъ согласія. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ правительство, желая умножить народонаселеніе въ Сибири, хотѣли непремѣнно, чтобы пашенные крестьяне, тамъ поселенные, отдавали дочерей своихъ за ссыльныхъ; но какъ честные поселяне не хотѣли брать себѣ въ зятья мошенниковъ и воровъ, то ихъ принуждали къ тому силою и брали за ослушаніе большую пеню.

Въ старину бракъ совершался такъ: Родители, предпринявъ намѣреніе женить своего сына, совѣтовались съ своими ближайшими родственниками, и часто не говорили объ этомъ жениху; избравши семейство, съ которымъ не стыдно было завести родственную связь, они посылали къ родителямъ невѣсты свата или сваху для предварительнаго объясненія.

Если родители невѣсты не желали вовсе отдать дочь свою за предлагаемаго жениха, то имѣли ту же, какъ и нынѣ отговорку на молодость дочери. При согласіи же, заявляли его тотчасъ, но все таки не спѣшили повидимому, ссылаясь на то, что они будутъ совѣтоваться съ родственниками и назначали день рѣшительнаго отвѣта.

Когда, наконецъ, давалось согласіе, сватъ или посредникъ, просилъ дозволенія видѣть невѣсту. Случилось и такъ, что дозволенія этого не давалось, иногда изъ кичливости, а иногда по безобразію невѣсты. Но чаще случалось, что родители соглашались показать невѣсту и тогда пріѣзжала мать жениха

---

*) С. Г. Гр. III. 406.

или посылалась женщина называемая смотрительницею, но все таки смотрѣлъ невѣсту не женихъ. Показъ невѣсты происходилъ различнымъ образомъ. Иногда смотрительницу вводили въ убранную комнату, гдѣ невѣста стояла въ лучшемъ своемъ нарядѣ, съ лицомъ закрытымъ покрываломъ; иногда же невѣста сидѣла за занавѣсомъ, и занавѣсъ отдергивался, когда приближалась смотрительница. Смотрительница прохаживалась по комнатѣ, заговаривала съ нею, стараясь выпытать, умна ли она *), хороша ли, не безъязычна ли, и рѣчью во всемъ исправна ли. Бывало у родителей дочь-невѣста уродъ, то показывали младшую дочь, а то и служанку показывали смотрительницѣ. Такъ какъ женихъ не имѣлъ права видѣть невѣсту до брака; а потому долженъ былъ довольствоваться тѣми свѣдѣніями, которыя сообщала смотрительница. Онъ узнавалъ обманъ только послѣ вѣнчанья. Обманутый женихъ могъ жаловаться духовнымъ властямъ; производился розыскъ, допрашивали сосѣдей, знакомыхъ и дворовыхъ людей, и если обманъ открывался, то виновнаго наказывали кнутомъ и бракъ расторгали; но это случалось очень рѣдко, чаще, подводили дѣло такъ, что женихъ долженъ былъ жить съ своей новобрачной и ему тогда говорили позднее нравоученіе: „не провѣдавъ доподлинно, не женись“.

За то мужъ, въ утѣшеніе себѣ, колотилъ свою жену, принуждалъ ее постричься, а иногда тайно умерщвлялъ: поэтому, нѣкоторые женихи, чувствуя въ себѣ довольно силы и значенія передъ семьею невѣсты настаивали, чтобы ему дозволили самому видѣть невѣсту и родители позволяли, если дорожили женихомъ. Но тогда этому жениху было трудно отдѣлаться. Видѣть невѣсту и отказаться отъ нее считалось безчестіемъ и родители невѣсты могли напутать на жениха духовнымъ властямъ много такого, что и не снилось жениху и вовлечь его въ бѣду и отвѣтственность. Пр. Костомаровъ приводитъ такой примѣръ *). Одинъ молодой человѣкъ, вѣроятно не имѣвшій родителей, задумалъ жениться и поручилъ свату найти ему невѣсту. Пріятель условился съ однимъ посадскимъ

*) Комис. 120.
**) (Strauss. 199. Колл. 11).

обмануть его. У этого посадскаго была кривая дочка. Родитель этой красавицы обѣщалъ пріятелю щедрую награду, если онъ сбудетъ ее за охотника. Сватъ отправляется къ жениху и говоритъ, что онъ можетъ видѣть изъ окна невѣсту, когда онъ пройдетъ по улицѣ. Дѣвицу провели во всемъ убранствѣ и женихъ смотрѣлъ на нее изъ окна. Дѣвица идя, держалась такъ, что женихъ видѣлъ только ея здоровый глазъ и, не замѣтивъ другаго, рѣшился на ней жениться. Плохое житье было какъ мужу такъ и женѣ; выигралъ въ этомъ только одинъ сватъ.

И нынѣ есть въ обычаѣ въ старинныхъ русскихъ семействахъ и особенно между провинціалами — старовѣрами, что родители не спрашивая согласія своихъ дѣтей, соглашаются между собою и насильно совершаютъ бракъ, ради своихъ дружескихъ отношеній, коммерческихъ выгодъ, или хорошаго собутыльничества.

Великокняжескія, а впослѣдствіи царскія свадьбы начинались смотромъ дѣвицъ. Собирали изъ разныхъ мѣстъ дѣвицъ дворянскихъ фамилій и царь смотрѣлъ на нихъ и выбиралъ изъ нихъ ту, которая ему нравилась. Когда великій князь Василій Іоанновичъ собирался жениться, то на смотръ ему предоставили полторы тысячи дѣвицъ*). Іоаннъ Васильевичъ Грозный приказывалъ князьямъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ отовсюду свозить дочерей своихъ дѣвокъ. Въ Новгородской области изъ всѣхъ пятинъ всѣ помѣщики должны были свозить дочерей своихъ къ намѣстнику и намѣстникъ обязанъ былъ ихъ представлять къ царю по требованію. Это была обязанность отцевъ, и кто оказывался виновнымъ въ непослушаніи, тотъ подвергался, опалѣ и даже казни. Эта честь, какъ говоритъ проф. Костомаровъ не слишкомъ соблазняла отцевъ, такъ какъ тогда многіе вяземскіе, дорогобужскіе дворяне получили выговоръ за промедленіе. При второмъ бракосочетаніи царя Алексѣя Михайловича дѣвицы были собраны въ домъ Артамона Сергѣевича Матвѣева и царь, въ противность принятому издавна обычаю, не посѣщать домовъ своихъ подданныхъ, смотрѣлъ на нихъ въ окошко изъ потаенной комнаты. Онъ выбралъ

---

*) Герберштейнъ. 19.

трехъ и приказалъ довѣреннымъ женщинамъ (можетъ быть бабкамъ) освидѣтельствовать ихъ душевныя и тѣлесныя достоинства. И потомъ уже, по рекемендаціи этихъ смотрительницъ избралъ Наталью Кириловну. Избранную царскую невѣсту брали во дворецъ, облекали въ драгоцѣнныя одежды, нарекали царевною, причемъ она жила до самаго брака въ совершенномъ отчужденіи отъ царя. Таковъ былъ обычай народный: самъ царь до бракосочетанія имѣлъ право только разъ видѣть свою невѣсту.

Послѣ смотра, происходилъ сговоръ, первая часть брачнаго праздника или вступленіе къ торжеству. Сговорный день назначался родителями невѣсты. Родители жениха, самъ женихъ, и его близкіе родственники пріѣзжали къ нимъ. Это случалось иногда до обѣда, иногда послѣ обѣда, вечеромъ, смотря потому, какъ угодно было это назначить родителамъ невѣсты. Тутъ родители невѣсты принимали гостей съ почестями, выходили къ нимъ на встрѣчу, кланялись другъ другу до земли, сажали гостей на почетныхъ мѣстахъ въ переднемъ углу подъ божницей, а сами садились возлѣ нихъ. Нѣсколько времени проходило въ молчаніи, глядя другъ на друга. Этого требовало приличіе того времени.

Потомъ, или отецъ жениха, или родственникъ жениха, человѣкъ близкій говорилъ рѣчь такого смысла, гдѣ высказывалась причина пріѣзда и доброе его назначеніе. Родители невѣсты необходимо должны были отвѣчать, что они рады этому пріѣзду. Послѣ того писалась рядная запись, гдѣ означалось, что обѣ стороны постановляли: Въ такое время женихъ обязывался взять себѣ въ жены такую-то, а родственники ея должны были выдать и дать за нея такое то приданое. Сроки были различные, смотря по обстоятельствамъ: иногда свадьбы совершались и чрезъ недѣлю послѣ сговора, а иногда между сговоромъ и вѣнчаньемъ проходило нѣсколько мѣсяцевъ. Приданое, какъ и теперь, всегда было важнымъ условіемъ русской свадьбы и состояло въ постелѣ, платьяхъ, домашней утвари и украшеніяхъ, въ рабахъ и деньгахъ, и не движимыхъ имѣніяхъ, если дѣвица принадлежала къ дворянскому происхожденію. Отъ жениха ничего не требовалось: старинный обычай давать за невѣстой вено въ XVI и XVII столѣтіяхъ совер-

шенно исчезъ *). Обыкновенно приданое доставлялось въ домъ новобрачныхъ послѣ свадьбы; но недовѣрчивость родителей жениха нерѣдко достигала того, что вызывала немедленное исполненіе обѣщаннаго по пословицѣ: „денежки на столъ, дѣвушку за столъ". Роспись приданаго въ прежнее время называлась *рядною записью*, гдѣ писалось подробно все, что давалось за невѣстою; причемъ въ противномъ случаѣ договарилась неустойка или попятное **).

Та сторона, которая отступала, обязывалась платить извѣстную сумму. Такія суммы были велики, смотря по состоянію, и всегда таковы, что могли быть отягощеніемъ для нарушителя своего обязательства. Рядную запись писалъ подъячій, котораго нарочно для того приглашали ***). Случалось, что въ той же рядной записи прибавлялось въ видѣ условія, чтобы мужу не бить своей жены; чтобы при случаѣ можно было взыскать обиду судомъ. Эта мѣра считалась необходимою, потому, что въ противномъ случаѣ, новобрачный могъ въ полной мѣрѣ выражать свою лютость и досаду безнаказанно, надъ супругою.

При сговорѣ невѣсты въ то время не было. Но по окончаніи условій одна изъ женщинъ принадлежащихъ къ членамъ семейства, или состоя въ близкой роднѣ невѣсты, приносила жениху и сопровождающимъ его родственникамъ, отъ имени невѣсты—подарки. Сговоръ вообще представлялъ собою характеръ укрѣпляющій для будущей цѣли брачнаго союза, нарушить который со стороны жениха, значило оскорбить семью невѣсты.

Какъ бы то нибыло, но начиная отъ сговора до свадьбы, какъ бы ни былъ продолжителенъ срокъ, женихъ не видитъ своей будущей невѣсты. Но вотъ наступаетъ день бракосочетанія: у жениха и невѣсты дѣлаются приготовленія: собирали поѣзжанъ, снаряжали разные свадебные чины, которые по духу времени, составляли необходимость брачнаго торжества: замѣчаніе профессора Костомарова чрезвычайно удачно, когда онъ

*) Флетчеръ (Fletch). 240.

**) См. Оп. Шуи. 444.

***) Petr. 321. Очерки жизни Нр. В. Н. Костомарова. 1860 г.

говоритъ, что вступленіе въ новую жизнь жениха и невѣсты имѣло подобіе съ возведеніемъ старинныхъ князей въ достоинство ихъ власти, а потому женихъ носилъ названіе князя, а невѣста—княгини. Здѣсь подразумѣвается и то еще, по нашему мнѣнію, что каждый отецъ и каждая мать обѣщаетъ новое потомство, которое во всякомъ случаѣ своего родоначальника или родоначальницу, можетъ почтить высокимъ достоинствомъ и очень почтеннымъ.

Главный чинъ со стороны жениха былъ тысячскій, точно также, какъ такіе чины существовали во времена удѣльновечевыя. Должность тысячскаго была сопровождать повсюду жениха и всюду остерегать и предупреждать его дѣйствія и совершать по порядку, при томъ такъ, чтобы изъ правилъ соблюдаемыхъ при вѣнчаніи и на пиру свадебномъ не нарушался порядокъ церемоніи ни на одну черту. Затѣмъ слѣдовали посаженные отцы и матери, если не было родныхъ; въ болѣе благопріятномъ случаѣ эту должность исполняли самые родители. Отецъ и мать жениха благословляли его на бракъ; отецъ и мать выдавали невѣсту. Съ обѣихъ сторонъ выбирались старшіе и меньшіе дружки и двѣ свахи изъ замужнихъ женщинъ; одна сваха была со стороны жениха, а другая со стороны невѣсты; съ обѣихъ сторонъ выбирались *сидячіе бояре и боярыни*, которые должны были образовать почетный совѣтъ; также съ обѣихъ сторонъ назначались *свадебныя дѣти боярскіе*, или поѣзжане, сопровождавшіе шествіе жениха и невѣсты и во время церемоніи составлявшіе второй классъ гостей, послѣ бояръ.

Наконецъ, къ свадебному чину принадлежали лица, выбранныя изъ прислуги: свѣчники, коровайники и фонарщики. Сверхъ всѣхъ свадебныхъ чиновъ былъ одинъ очень важный, котораго должность была оберегать свадьбу отъ всякаго лиха и предохранять ее отъ колдовства и порчи, ибо свадебное дѣло въ старину считалось особенно удобнымъ для порчь и колдовскихъ лиходѣйствъ. Онъ назывался ясельничій или конюшій *).

Наканунѣ свадьбы собирались къ жениху его гости, а также и къ невѣстѣ ея гости, которые должны были составлять

---

*) Оп. Шуи. 456.

поѣздъ и тѣ и другіе пировали. Въ царскихъ свадьбахъ царь сидѣлъ съ невѣстою за однимъ столомъ и всѣ приносили поздравленіе. У простыхъ же людей въ эти дни выбранные свадебные чины съ обѣихъ сторонъ находились отдѣльно. У посадскихъ и у крестьянъ велось въ обычаѣ, что женихъ въ то время посылалъ невѣстѣ въ подарокъ шапку, пару сапогъ, ларецъ, въ которомъ румяна, перстни, гребешокъ, мыло и зеркальцо *), а нѣкоторые, что проф. Костомаровъ приписываетъ обычаямъ XVI и XVII вѣка, посылали принадлежности женскихъ работъ: ножницы, нитки, иглы а вмѣстѣ съ тѣмъ лакомства, состоящія изъ изюма и фигъ, и розгу. Это было символическимъ знакомъ того, что если молодая жена будетъ прилежно работать, то ее будутъ кормить и лакомить, а если лѣниться, то будутъ сѣчь розгами.

Вѣнчаніе происходило большей частью вечеромъ. Утромъ, въ день торжества, иногда наканунѣ, сваха невѣсты отправлялась въ домъ жениха приготовлять брачное ложе. Въ тѣ времена суевѣріе допускало особенное приволье дѣйствіямъ колдуновъ, тамъ, гдѣ *рядятъ свадьбу*, и потому принимали всѣ мѣры предосторожности.

Такъ, напримѣръ, сваха обходила кругомъ хоромину, гдѣ устраивалось брачное торжество и кровать, гдѣ постилалось брачное ложе, съ рябиновой вѣтвью въ рукахъ, на которой нарѣзывались какіе то знаки **). Ея шествіе совершалось церемонно. За свахою человѣкъ пятьдесятъ и болѣе несли принадлежности брачнаго ложа и брачной комнаты. Брачною комнатою избирался сѣнникъ, часто нетопленный. Необходимо было, чтобы на потолкѣ не было земли, для того, чтобы такимъ образомъ, брачная спальня не имѣла никакого подобія съ могилою. Сѣнникъ обивался по стѣнамъ и устилался по помосту коврами; подъ стѣнами, всегда были лавки съ полавочниками, по четыремъ угламъ комнаты втыкалось по стрѣлѣ, а на стрѣлы вѣшали мѣха соболей, въ великокняжескихъ и царскихъ брачныхъ ложахъ по сорока, а въ другихъ по одному соболю, и сверхъ того на оконечности стрѣлы втыкался

*) Olear. 215.—Оп. Гор. Шуи. 63.

**) См. Буслаева. О нар. Поэзіи. 32.

калачь; на лавкахъ, по угламъ ставили по оловяннику питейнаго меда; надъ дверьми и подъ окнами какъ внутри, такъ и снаружи по стѣнамъ прибивали по кресту. Когда въ этотъ покой вносили постель, то впереди несли образа Спаса и Богородицы и большой крестъ.

Постель приготовлялась на кровати или на широкой скамьѣ такимъ образомъ: сперва настилали снопы (въ царскихъ свадьбахъ число ихъ было тридевять, то есть 27) въ обыкновенныхъ свадьбахъ по сорока: то и другое имѣло символокабалистическія значенія и вѣроятно употреблялось по произволу. На снопы клали коверъ, а на него перины: на свадьбѣ Михаила Ѳеодоровича положено было семь перинъ одна на другую *); а у простыхъ людей клали двѣ перины и болѣе, по желанію, или по средствамъ. На перины клали изголовье и двѣ подушки; на подушки натягивались шелковыя наволоки. Постель была застлана шелковою простынею, на нее сверху постилали холодное одѣяло; въ довершеніе всего клали на подушку шапку, а въ ногахъ теплое одѣяло соболье или кунье, съ оторочкою изъ болѣе богатой матеріи, чѣмъ самое одѣяло; шубу и коверъ закрывали простыней. Вокругъ постели навѣшивались тафтяныя занавѣси; надъ постелью ставились образа и крестъ, тѣ самые, которые предшествовали при вносѣ постели. Образа были задернуты убрусами, или застѣнками, смотря по ихъ величинѣ. Возлѣ самой постели ставили кади или открытыя бочки со пшеницею, рожью, овсомъ и ячменемъ, это означало обиліе, котораго желали новобрачнымъ въ ихъ новомъ домоводствѣ *). На царскихъ свадьбахъ сѣнникъ устроивался во дворцѣ. Между тѣмъ и у жениха, и у невѣсты пекли свадебные хлѣбы, или короваи и готовили столъ.

Когда время вѣнчанія приближалось, невѣсту начинали одѣвать къ вѣнцу въ самое лучшее платье и навѣшивали на нее сколько возможно болѣе украшеній; въ это время дѣвицы пѣли ей свадебныя пѣсни. Между тѣмъ въ парадно убранной комнатѣ ставили столы, накрывали ихъ брачными скатертями, уставляли уксусницами, солоницами и перечницами, устраивали по-

---

*) См. Древ. Русск. Вивліот. 32—34. Оп. Шуи. 187.
**) Olear. 211.

ставецъ, какъ это всегда водилось на пирахъ, и убирали мѣсто для жениха и невѣсты на возвышеніи, что называлось рундукомъ. На этомъ мѣстѣ клали бархатныя или камчатныя золотыя изголовья, а сверху покрывали ихъ соболями, подлѣ самаго мѣста становилось одно лицо изъ свадебныхъ чиновъ; это лицо держало въ рукѣ пукъ соболей: его должность была *опахивать* молодыхъ. Предъ мѣстомъ сидѣнія новобрачныхъ ставили столъ, накрытый тремя скатертями, одна на другой; на нихъ клали соль въ солоницѣ, калачь или перепечу и сыръ (творогъ). Надъ мѣстомъ прибивали икону, и кромѣ того въ комнатѣ, назначенной для торжества, ставили во всѣхъ четырехъ углахъ по одной иконѣ.

Въ тоже время женихъ въ домѣ своихъ родителей собирался съ своими поѣзжанами. Убравшись въ вѣнчальный нарядъ, онъ ожидалъ, какъ ему подадутъ знать, когда ѣхать за невѣстою. Въ числѣ его гостей находился всегда священникъ, который долженъ былъ вѣнчать.

Послѣ того, какъ въ домѣ невѣсты было все готово и сама невѣста одѣта, ей на голову возлагали вѣнецъ—символъ дѣвичества и вели съ торжественностью въ залу, гдѣ было устроено мѣсто для нея съ женихомъ. Впереди шли женщины—плясицы, которыхъ обязанностью было плясать и пѣть пѣсни. За ними каравайники несли на полкахъ, обшитыхъ богатыми матеріями караваи. На караваяхъ лежали золотыя монеты, называемыя въ описаніи царскихъ свадебъ „пѣнязями“. Потомъ слѣдовали *свѣчники* со свѣчами и фонарщики съ фонарями для свѣчь. Какъ у жениха, такъ и у невѣсты было по свѣчѣ; два свѣчника несли одну свѣчу, такъ она была массивна, напримѣръ, женихова въ три пуда, а невѣстина—въ два пуда. На свѣчи надѣвались серебренные или серебрено-вызолоченные обручи и бархатные или атласные кошельки. Возлѣ свѣчь несли обручальныя свѣчи и богоявленскую (крещенскую свѣчу), которою зажигали брачныя свѣчи.

Въ царскихъ свадьбахъ, отправляемыя во дворцѣ, свѣчи жениха и невѣсты несли разомъ передъ будущею царицею. Въ частныхъ свадьбахъ, жениховы караваи, свѣчи и фонари несли передъ нимъ, когда онъ прибывалъ къ невѣстѣ. За каравайниками, свѣчниками и фонарщиками невѣсты шелъ дружка

и несъ осыпало, то была большая серебряная миса или просто металлическая. Въ ней лежали на трехъ углахъ: хмѣль, собольи и бѣличьи мѣха, платки шитые золотомъ, червонцы и деньги. Двое по сторонамъ предшествовали княгинѣ, или невѣстѣ и держали путь, чтобы кто нибудь не перешелъ дороги. За ними двѣ свахи вели невѣсту въ вѣнцѣ подъ покрываломъ. За невѣстой слѣдовали сидячія боярыни, составлявшія ея свадебный чинъ; двѣ изъ нихъ держали по мисѣ или по блюду. На одномъ лежала кика—головной уборъ замужней женщины съ принадлежностями, какъ то: подубрусникомъ или волосникомъ, гребешкомъ и чаркою съ медомъ, разведенномъ въ водѣ или въ винѣ. На другомъ лежали убрусы, назначенные для раздачи гостямъ. Блюдо съ осыпаломъ и съ убрусами ставилось на столѣ передъ главнымъ мѣстомъ, гдѣ лежала перепеча съ сыромъ. По бокамъ становились каравайники, свѣчники и фонарники.

Невѣсту сажали на мѣсто, а возлѣ нея сажали какое нибудь лицо, чаще всего брата или родственника, иногда мальчика возрастомъ. Всѣ составлявшіе чинъ невѣсты садились по своимъ мѣстамъ, каждый по своему чину.

Когда всѣ занимали свои мѣста, то какъ отецъ, такъ и мать невѣсты, какъ дѣйствительные, такъ по недостатку ихъ нареченные, посылали дружку къ жениху. Приходя, онъ извѣщалъ, что время ему идти по невѣсту.

Священникъ первый вставалъ съ мѣста и провозглашалъ: „Достойно есть!" Вставали родители, брали по образу и становились рядомъ. Женихъ кланялся имъ въ ноги, целовалъ имъ ноги, цаловалъ образъ и получалъ родительское благословеніе. Потомъ поѣздъ отправлялся; въ такомъ торжественномъ шествіи впереди шли каравайники съ караваями, свѣшники и фонарники съ своими принадлежностями, потомъ шелъ священникъ съ крестомъ, потомъ бояре, а за ними женихъ, котораго велъ подъ руку тысяцкій, за нимъ поѣзжане, то есть всѣ тѣ лица, которыя составляли чинъ жениха. Они садились на лошадей или въ сани. Такимъ образомъ, смотря по времени года, церемоніальнымъ шествіемъ женихъ достигалъ двора невѣсты. Родители невѣсты выходили на встрѣчу поѣзду жениха и встрѣчали его. Женихъ и поѣзжане входили въ покой, гдѣ

находилась невѣста. Женихъ молился, ограждая себя крестомъ и кланялся на всѣ четыре стороны находящимся по угламъ образамъ. Потомъ вмѣстѣ съ дружкомъ подходилъ къ своему мѣсту: но мѣсто это занималось мужчиною или мальчикомъ изъ родственниковъ невѣсты, который занималъ мѣсто жениха. Непремѣнно требовалось жениху дать занимавшему его мѣсто рядомъ съ невѣстой дать откупъ, то есть нѣсколько монетъ, и тотъ уступалъ свое мѣсто, а женихъ садился рядомъ съ невѣстою и притомъ, на одну подушку съ нею.

Въ царскихъ свадьбахъ занимавшаго мѣсто жениха подлѣ невѣсты, сводили съ мѣста подъ руки.

Эти обычаи сходки (сближенія) жениха съ невѣстою были одинаковы и въ царскихъ свадьбахъ, съ тою разницею, что на свадьбѣ у царей все это происходило въ одномъ и томъ же дворцѣ. Царь собирался въ одну изъ палатъ, будущая царица въ другую. Сначала царица шла въ грановитую палату; ей предшествовалъ священникъ и кропилъ святою водою мѣсто, гдѣ ей должно было садиться. На мѣстѣ, гдѣ ей было нужно садиться, клалось сорокъ соболей, которые были подняты, когда она садилась *). Возлѣ невѣсты непремѣнно садился, кто нибудь изъ знатныхъ князей. Когда все это было устроено, посылали сказать царю. Царь отправлялъ прежде всего нареченнаго отца: тотъ, вошедши въ царицыну палату, кланялся на всѣ стороны, ударялъ челомъ будущей государынѣ и садился на большомъ мѣстѣ возлѣ жены своей, если она была здѣсь. Посидѣвъ немного, этотъ нареченный отецъ посылалъ къ царю одного боярина съ рѣчью: „Государь царь и великій князь всея Россіи! Бояринъ (такой то) велѣлъ говорити: прося у Бога милости, время тебѣ идти государю къ своему дѣлу!“ Государь вставалъ, принималъ благословеніе митрополита и со всѣмъ своимъ поѣздомъ шелъ въ грановитую палату, впереди его шли двое духовныхъ особъ: Благовѣщенскій протопопъ съ крестомъ и крестовый недѣльный священникъ. Священники кропили водою путь, тысяцкій велъ царя подъ руку за нимъ слѣдовали: стольникъ съ колпакомъ и стряпчіе. При-

*) Можно полагать, что это былъ мѣхъ сшитый изъ сорока соболей. У мѣховщиковъ и по сейчасъ существуетъ слово; „сороковой мѣхъ“.

бывши въ палату и благословившись, царь подходилъ къ своему мѣсту; большой дружка поднималъ посаженное близь невѣсты лицо, а царь садился на его мѣсто близь будущей жены.

Когда такимъ образомъ усаживались, начинали разносить кушанья и ставить ихъ на столы. По словамъ Котошихина, гости ѣли, но съ умѣренностью и только для того, чтобы совершить чинъ, другими словами — оказать вѣжливость, внимание хозяину. Едва ставили на столъ всѣ блюда перваго кушанья, какъ священникъ прочитывалъ „Отче нашъ", потомъ молитву „покровенія". По окончаніи послѣдней молитвы—сваха подходила къ отцу и къ матери невѣсты и просила благословенія невѣсту чесать и крутить. — „Благослови Богъ!" отвѣчали родители. Зажигались свадебныя свѣчи богоявленскими свѣчами; свѣчники, поставивъ свои свѣчи, держали протянутый между женихомъ и невѣстою большой кусокъ тафты, съ нашитымъ крестомъ, такъ, что женихъ и его поѣзжане, которые сидѣли на одной съ нимъ сторонѣ, не могли видѣть невѣсты. Сваха снимала съ невѣсты покрывало, потомъ вѣнокъ; другая женщина подносила мису съ кикой и гребнемъ. Сваха омочала гребень въ чарку съ медомъ и расчесывала невѣсту, потомъ свивала или скручивала ей волосы и надѣвала волосникъ, кику и подзатыльникъ и наконецъ закрывала иногда тѣмъ же покровомъ, который раздѣлялъ ее отъ жениха. Вѣнокъ отдавался на сохраненіе, на память о дѣвичествѣ. Послѣ того подносили свахѣ мису съ осыпаломъ; она осыпала невѣсту и жениха и опахивала сорока соболями, которые держалъ, какъ выше сказано, одинъ изъ свадебныхъ чиновъ, называемый *держальникомъ*. У посадскихъ людей во время расчесыванія былъ такой обычай: когда женихъ и невѣста сидѣли отдѣленные другъ отъ друга покровомъ, имъ приказывали приложить щеки къ покрову. Передъ нимъ держали зеркальцо и женихъ могъ увидѣть въ зеркало лицо будущей своей жены и дружелюбно ей улыбнуться; въ то же время одинъ изъ гостей подходилъ къ нимъ въ вывороченной шубѣ въ верхъ шерстью и желалъ невѣстѣ столько дѣтей, сколько шерстинокъ въ тулупѣ.

Во все продолженіе обряда окручиванія невѣсты, сидячія боярыни и дѣвицы пѣли свадебныя пѣсни; а дружка, взявъ ножъ, подходилъ къ отцу и матери невѣсты и говорилъ:

— Благословите рѣзать перепечу и сыръ?

— Благослови Богъ! отвѣчали тѣ.

Дружка рѣзалъ перепечу и сыръ на мелкіе куски, клалъ на большое блюдо, накладывалъ туда же множество ширинокъ и отдавалъ поддружему или меньшому дружкѣ; самъ получалъ отъ невѣсты вышитый ея руками убрусъ и подносилъ его жениху; а меньшой дружка разносилъ и раздавалъ всѣмъ гостямъ куски перепечи и ширинки, также посылалъ отцу и матери жениха, оставшимся въ своемъ домѣ. Въ тоже время сваха осыпала свадебныхъ бояръ и гостей, то есть бросала въ толпу ихъ горстями все, что было на осыпалѣ,—серебряныя деньги, хмѣль, куски матерій и проч., и всякъ на лету хваталъ, что успѣвалъ схватить.

Между тѣмъ подавали другую явству, за нею подавали третью: какъ только она появлялась на столѣ, сваха подходила къ родителямъ невѣсты и просила благословенія—везти молодыхъ къ вѣнцу.

„Благослови Богъ!" отвѣчали тѣ. Всѣ вставали. Родители брали по образу, обыкновенно въ окладахъ съ драгоцѣнными украшеніями. Подлѣ нихъ становился священникъ. Новобрачные кланялись и принимали благословеніе. Отецъ и мать размѣнивали ихъ кольцами и, взявъ дочь за руку, отдавали ее жениху, взаимно кланяясь другъ другу.

Наконецъ отецъ бралъ плеть и ударялъ ею свою дочь говоря: „По этимъ ударамъ ты, дочь, знаешь своего отца; теперь эта власть переходитъ въ другія руки; вмѣсто меня, за ослушаніе, тебя будетъ бить твой мужъ!" Съ этими словами плеть была передаваема жениху, который, принимая ее такъ говаривалъ: „Принимаю какъ подарокъ, но думаю, что въ ней нужды имѣть не буду" и затыкалъ плеть за кушакъ.

Въ продолженіи этого обряда, каравайщики и свѣшники выходили. За ними выступали свадебные гости. Устилался путь кусками матерій и новобрачные шли по этимъ кускамъ къ дверямъ. Женихова и невѣстина свахи вели невѣсту за руки, все еще закрытую. Тысяцкій устраивалъ порядокъ шествія. Между тѣмъ тѣ, которые держали сорокъ соболей взятыхъ съ мѣста, гдѣ сидѣли новобрачные, клали ихъ на то же мѣсто, а ска-

терть. на которой рѣзали перепечу и сыръ складывали и отдавали клюшнику.

На дворѣ, передъ крыльцомъ стояло множество осѣдланныхъ лошадей и колымагъ или каптановъ. Когда свадьба происходила у бояръ, близкихъ особъ царя. то имъ на этотъ торжественный день давались царскіе лошади и экипажи.

Сани невѣсты убирались до того нарядно, какъ только допускалъ это достатокъ; описываютъ, что она поволакивалась атласомъ, а на сѣдалищѣ клалась бархатная подушка; богатый коверъ спускался со спинки: подъ дугой. привѣшивались лисьи и волчьи хвосты. Къ такимъ санямъ подводилась невѣста. въ саняхъ сидѣло другое лицо: его слѣдовало свести, точно такъ. какъ сводится сидѣвшій подлѣ невѣсты, вмѣсто жениха. Невѣста садилась вмѣстѣ съ двумя свахами. Надъ нею держали соболей.

Этотъ обрядъ соблюдался также и относительно жениха:

У крыльца стоялъ его аргамакъ, а на аргамакѣ сидѣлъ другой: когда являлся женихъ, то этотъ другой вставалъ и шелъ пѣшкомъ, а женихъ садился на аргамака и ѣхалъ къ вѣнчанью. Если же, по причинѣ непогоды нельзя было ѣхать верхомъ, то женихъ садился съ тысячскимъ въ сани или въ коляску. а тотъ, кто прежде сидѣлъ въ экипажѣ шелъ пѣшкомъ. Женихъ долженъ былъ ѣхать съ своимъ поѣздомъ впередъ и прибыть ранѣе невѣсты.

Въ самыхъ простыхъ свадьбахъ новобрачные ѣздили. а не ходили пѣшкомъ. Въ царскомъ бракосочетаніи путь до церкви устилался камками и двадцать человѣкъ боярскихъ дѣтей царицыныхъ наблюдали, чтобы никто не переходилъ между женихомъ и невѣстою.

Въ простонародныхъ свадьбахъ впереди поѣзда пѣли свадебныя пѣсни и забавники отпускали шутки. Это не одобрялось церковью и духовныя особы свадебныя пѣсни называли нелѣпымъ крикомъ и козлогласованіемъ.

Когда молодые входили въ церковь. то ясельничій съ своими двумя помощниками стерегъ коня и сани, чтобъ кто нибудь не перешелъ дороги. между верховымъ конемъ жениха и санями невѣсты, и чтобъ вообще лихіе люди не надѣлали чего либо дурнаго колдовствомъ. въ которое тогда сильно вѣрили.

Путь отъ церковныхъ дверей до налоя устилался кусками матерій: самое мѣсто предъ налоемъ также устилалось и сверхъ того, на немъ клали соболей. Когда свадьба была вечеромъ, то женихъ и невѣста тотчасъ послѣ прихода въ церковь становились на свои мѣста; но иногда свадьбы были послѣ обѣдни: тогда женихъ и невѣста становились у церковныхъ столбовъ и слушали литургію и по окончаніи его становились къ налою.

Въ царскихъ свадьбахъ XVI вѣка вѣнчаніе происходило послѣ обѣдни, а въ XVII—вечеромъ и тогда высокая чета вѣнчалась тотчасъ по прибытіи во храмъ.

Послѣ вѣнчанія, невѣсту раскрывали и священникъ читалъ новобрачнымъ поученіе: въ немъ, обыкновенно наставлялъ ихъ ходить часто въ церковь, слушаться духовниковъ, хранить посты и праздники, подавать милостыню, а мужу повелѣвалъ жену учить палкою, какъ подобаетъ главѣ. Потомъ бралъ жену за руку, вручалъ мужу и приказывалъ имъ поцѣловаться.

Жена въ знакъ повиновенія, припадала къ ногамъ супруга и касалась челомъ его сапога, мужъ же покрывалъ ее полою своего платья въ знакъ будущаго покровительства и защиты *).

Наконецъ священникъ давалъ новобрачнымъ деревянную чашу съ виномъ; мужъ принималъ, отпивалъ и давалъ женѣ; та отвѣдывала и опять подавала мужу. Такимъ образомъ оба пили три раза, наконецъ мужъ допивалъ, бросалъ подъ ногу чарку и топталъ ее разомъ съ женою, приговаривая: „пусть такъ подъ ногами нашими будутъ потоптаны тѣ, которые станутъ посѣвать между нами раздоръ и не любовь“.

Существовало повѣрье, что кто изъ супруговъ прежде успѣетъ наступить на чашу, тотъ удержитъ за собою первенство предъ другимъ. Но какъ ни старались въ этомъ жены, имъ никогда этого первенства не удавалось **). Потомъ подходили свадебные гости, и поздравляли обвѣнчавшихся, а между тѣмъ тысяцкій уже посылалъ дружку впередъ къ отцамъ жениха и

---

*) Fletcher. 247.

**) Нынѣ стараются невѣсты вступить на платки, постланные предъ жертвенникомъ первыми, но это тоже пустое повѣрье. Нужно замѣтить, что гдѣ женщина хозяйствуетъ, тамъ всегда въ домѣ безпорядокъ.

невѣсты и къ оставшимся въ домѣ свадебнымъ чинамъ извѣстить, что молодые обвѣнчались въ добромъ здоровьи.

Въ тоже время дружко разрѣзывалъ каравай и священникъ его (вѣроятно чрезъ того же дружку) посылалъ отцамъ обоихъ семействъ, какъ символъ будущаго ихъ свойства и родственной пріязни *), и оба рода давали обѣщаніе быть людьми одного стола и одного хлѣба—*хлѣбосолами*, и жить дружно, какъ зерна одного колоса. Объ этомъ говоритъ Флетчеръ, какъ о происходившемъ въ церкви, но, какъ извѣстно, родители въ церкви не бывали, слѣдовательно обычай соблюдался чрезъ пересылку; впрочемъ, вѣроятно порядокъ этотъ не всегда наблюдался, а въ царскихъ свадьбахъ никогда, такъ какъ тамъ равенства между семьями никогда быть не могло.

При выходѣ изъ церкви, сваха осыпала новобрачныхъ хмѣлемъ, сѣменами льна и конопли, желая счастія, другіе дергали за рукавъ, показывая видъ, будто хотятъ разлучить ее съ женихомъ, а жена тѣсно прижималась къ своему суженому.

На значительныхъ свадьбахъ существовалъ обычай бросать окружающимъ монеты **). Изъ церкви весь поѣздъ отправлялся въ домъ мужа; у простаго народа сопровождался онъ пѣснями, криками и плясками.

Послѣ вѣнчанія, какъ мы сказали, весь поѣздъ отправлялся въ домъ мужа, а на царскихъ свадьбахъ въ тотъ покой, гдѣ было окручиваніе. Но когда въ XVI вѣкѣ свадьбы происходили послѣ обѣдни, то царица отправлялась въ свои покои; свѣчи и каравай уносили въ сѣнникъ къ постели, а царь ѣздилъ по монастырямъ, и возвращаясь домой, посылалъ звать жену и всѣхъ гостей къ обѣду. Вѣроятно, на свадьбахъ частныхъ людей, если вѣнчаніе было послѣ обѣдни, новобрачные разъѣзжались по своимъ домамъ, а уже къ вечеру жену проводили въ домъ мужа и тамъ происходило брачное торжество. Если же, какъ чаще случалось, вѣнчаніе было вечеромъ, то всѣ, какъ выше сказано, ѣхали прямо къ жениху. Когда поѣздъ прибывалъ въ его домъ, на встрѣчу выходили отецъ и мать жениха съ образомъ и съ хлѣбомъ-солью благословляли новобрачныхъ.

---

*) Fletch. 247.

**) Паэрле. 50.

При входѣ въ домъ, потѣшники, по распоряженію ясельничьяго играли въ сурьмы и бубны чинно, благолѣпно, доброгласно. Тогда новобрачные садились за столъ: всѣ также садились на свои мѣста, и невѣста, будучи открытою, должна была плакать (по обычаю), выражая тѣмъ разлуку съ родителями, и робкій страхъ новаго образа жизни, причемъ женщины и дѣвицы пѣли печальныя пѣсни.

Ни женихъ, ни невѣста не должны были ничего ни пить, ни ѣсть, хотя передъ ними ставили разныя кушанья.

Когда гостямъ подавали третью перемѣну—Лебедя, передъ новобрачными ставили жареную курицу; дружко бралъ эту жареную курицу и обвертывалъ скатертью, второю изъ трехъ скатертей, положенныхъ на постели передъ новобрачными до вѣнчанія.

При этомъ онъ обращался къ отцу и матери и говорилъ:

— Благословите вести молодыхъ опочивать!

Тѣ отвѣчали:

„Богъ благословитъ", и шли къ дверямъ; отецъ останавливался у дверей. а мать шла къ сѣннику. Тогда дружка уносилъ курицу въ сѣнникъ, за нимъ шли свѣшники, каравайники и ставили свѣчи въ кадь со пшеницею, стоявшею въ изголовьѣ брачнаго ложа молодыхъ.

Тысяцкій, дружко и свахи вставали, женихъ и невѣста подходили къ дверямъ; и отецъ бралъ за руку невѣсту и говорилъ жениху:

— Сынъ нашъ! Божьимъ повелѣніемъ, (а если свадьба устраивалась по повелѣнію царя, то прибавлялось и „царскимъ желаніемъ") и благословеніемъ нашимъ и матери твоей повелѣлъ тебѣ Богъ сочетатися законнымъ бракомъ и понять (взять) *такую то.* Пріемли ее и держи, какъ повелѣлъ Богъ, и какъ Онъ чадолюбивый устроилъ въ законѣ нашей истинной вѣры и святые апостолы и отцы предаша".

Сынъ бралъ жену за руку, выходилъ съ нею изъ дверей и шелъ изъ сѣнника; тутъ встрѣчала ихъ мать, или сваха въ вывороченой шубѣ, мѣхомъ къ верху, посыпала ихъ хмѣлемъ или льнянымъ семянемъ. Такимъ образомъ новобрачные входили въ сѣнникъ. Гости уходи въ покой, откуда вышли, и продолжали допировывать, а дружко и сваха вступали съ новобрачными

въ сѣнникъ и раздѣвали—дружко жениха, а сваха невѣсту и потомъ сами уходили, чтобы присоединиться къ прочимъ гостямъ и продолжать пирушку.

Тогда, въ старину, между женихомъ и невѣстою происходилъ обрядъ разуванія, обрядъ, существовавшій со временъ язычества. Онъ состоялъ въ томъ, что жена, въ знакъ будущей покорности должна была снять съ мужа сапоги. Въ одномъ изъ сапогъ подъ ногою лежала монета; существовала примѣта, что если молодая снимала первымъ тотъ сапогъ, въ которомъ лежела монета, то это значило, что ей будетъ счастливая жизнь замужемъ: въ противномъ же случаѣ во избѣжаніе неудачь въ жизни, ей нужно было угождать мужу.

При этомъ мужъ, въ знакъ своей власти, ударялъ будущую свою спутницу въ жизни по спинѣ плетью, полученною, какъ мы уже ранѣе говорили, отъ тестя.

Когда молодые были на сѣнникѣ, а гости пировали въ комнатѣ, около сѣнника ходилъ или ѣздилъ ясельничій, съ обнаженнымъ мечомъ для предохраненія отъ всякаго чародѣйства и лиходѣйства.

По прошествіи нѣкотораго времени отецъ и мать посылали дружку узнать о здоровьи новобрачныхъ; если чрезъ дверь женихъ отвѣчалъ, что онъ въ добромъ здоровьи, это значило, что между ними *доброе совершилось*, и тысяцкій тотчасъ посылалъ къ родитедямъ невѣсты сказать, что новобрачные въ добромъ здоровьи: дружко за то получалъ подарки и всѣ свадебные гости отправлялись въ сѣнникъ кормить новобрачныхъ. Какъ женихъ, такъ и невѣста ничего не ѣли въ тотъ день и теперь пищею была имъ та самая курица, которую дружко имъ приносилъ въ сѣнникъ, обернутая скатертью. Затѣмъ подавали имъ и другія блюда.

Въ царскихъ свадьбахъ Государя кормили передъ сѣнникомъ въ сѣняхъ, а царицу, по старинному обычаю, въ самомъ сѣнникѣ. Взявши курицу, новобрачный долженъ былъ, по старинному обычаю, отломить у ней ножку и крыло и бросить чрезъ плечо назадъ. По другимъ извѣстіямъ этотъ обрядъ совершался предъ укладываніемъ молодыхъ въ постель. Во время кормленія новобрачныхъ, мужъ подавалъ гостямъ вино и всѣ пили съ поздравленіями. Потомъ новобрачныхъ снова укла-

дывали въ постель, а гости возвращались въ прежнюю комнату и продолжали веселиться. Тогда веселіе часто переходило въ оргію, и нерѣдко забывались всякія приличія. Музыки не было: только трубили въ сурьмы, били въ бубны и накромы.

На другой день новобрачныхъ вели, при звукѣ сурьмъ и литавръ и пѣніи пѣсенъ въ отдѣльныя мыльни. Въ мыльняхъ ихъ поили виномъ, также мыли виномъ и медомъ. Жена шла въ мыльню со свахою и матерью жениха и показывала знаки своего дѣвства; съ нея снимали сорочку и вмѣстѣ съ простынею прятали, какъ свидѣтельство цѣломудреннаго поведенія. Мужъ мылся съ тысяцкимъ и дружкою, тогда молодая присылала ему въ мыльню сорочку, обыкновенно унизанную жемчугомъ.

На царскихъ свадьбахъ цари кушали въ мыльняхъ, а царицы въ избушкахъ. По выходѣ изъ мыльни, новобрачный шелъ впередъ въ сѣнникъ: за нимъ приходила новобрачная. Тутъ являлись женщины, а впереди ихъ, сваха несла горшечекъ, или два горшечка поставленные на одномъ блюдѣ и обернутые соболями: въ этихъ горшкахъ была каша: сваха кормила ею и мужа, и жену; передъ мужемъ держалъ горшечекъ дружка, передъ женою сама сваха: этотъ обычай наблюдался и у царей и у крестьянъ. На царскихъ свадьбахъ происходилъ въ это время обрядъ раскрыванія. Бояринъ, нареченный отецъ царскій, раздвигалъ стрѣлою покровъ, заслонявшій царицу: до того времени даже и послѣ вѣнчанія, ее никто не видалъ; только послѣ обряда всѣ подходили къ ней и могли имѣть счастіе увидать ея свѣтлыя очи. Послѣ этого всѣ шли къ столу.

Въ частныхъ свадьбахъ этотъ послѣдній обрядъ не наблюдался; и послѣ кормленія кашею, женихъ вмѣстѣ съ своимъ родителемъ, съ тысяцкимъ, дружкою и со всѣми свадебными поѣзжанами, ѣхалъ къ родителямъ невѣсты.

Вступая къ нимъ въ домъ, новобрачный билъ челомъ и благодарилъ за то, что они вскормили и вспоили дочь свою, его жену, и ласково приглашалъ къ себѣ на обѣдъ со всѣми гостями невѣстина чина. Тогда у жениха былъ торжественный пиръ, называемый и по сіе время повсюду у русскихъ *Кня-*

жимъ. Это названіе и по сейчасъ существуетъ у крестьянъ, которые никогда не равнялись князьямъ, и у царей, которые были всегда выше всѣхъ князей. Когда, въ концѣ пира, подавали на столъ овощи и разныя лакомства, отецъ и мать благословляли новобрачныхъ образами, и всѣ гости дарили ихъ разными вещами и тканями; всѣ ѣли, пили въ изобиліи и веселились.

Но, если бы невѣста не сохранила своего дѣвства, то общее веселіе омрачалось и посрамленіе ожидало ея бѣдныхъ родителей. Отецъ мужа, подавалъ имъ кубокъ проверченный снизу. Когда сватъ бралъ кубокъ, отецъ жениха отнималъ палецъ отъ отверстія въ кубкѣ, и вино лилось при общемъ поруганіи и насмѣшкахъ, и жизнь молодой съ этого времени подчинялась вѣчнымъ попрекамъ въ средѣ чужой семьи.

Впрочемъ, Котошихинъ говоритъ, что въ подобныхъ случаяхъ самъ новобрачный, скрывая проступокъ жены отъ прочихъ, пенялъ только тестю и тещѣ и затѣмъ все проходило безслѣдно.

Въ этотъ день новобрачный, если онъ имѣлъ къ царю доступъ, послѣ посѣщенія родителей невѣсты, являлся во дворецъ со всѣмъ поѣздомъ, состоявшимъ тоже изъ лицъ, имѣвшихъ пріѣздъ ко двору. Государь принималъ ихъ сидя въ шапкѣ. Всѣ кланялись въ землю. Государь милостиво спрашивалъ ихъ о здоровьи (такой вопросъ считался большою милостью), поздравлялъ жениха съ законнымъ бракомъ, благословлялъ его съ женою образами и жаловалъ подарками, состоявшими обыкновенно въ соболяхъ и разныхъ матеріяхъ, или въ серебренныхъ сосудахъ. А въ заключеніе приказывалъ подать всѣмъ по кубку романеи, да по ковшу вишневаго меда. Всѣ выпивали и уѣзжали домой. Новобрачная не ѣздила съ мужемъ къ царю, а посылала къ царицѣ и къ царевнамъ подарки, шитые золотомъ и серебромъ тафтяные убрусы.

Царицы и царевны, принимая эти знаки челобитья, спрашивали объ ихъ здоровьи. Если же невѣста не сохранила дѣвства, то женихъ не смѣлъ являться царю на глаза.

На третій день послѣ брака, начиналось пиршество у родителей невѣсты. При окончаніи стола отецъ и мать невѣсты благословляли молодыхъ, а гости дарили ихъ.

На свадьбѣ рѣдко дарили деньгами. а по большей части вещами, также скотомъ и лошадьми.

По окончаніи пировъ, дары отсылались на рынокъ и оцѣнивались, потомъ женихъ долженъ былъ отдаривать подарками равнаго достоинства. Герберштейнъ говоритъ. что женихъ долженъ былъ въ теченіи цѣлаго года непремѣнно отдарить всѣхъ, подарившихъ ему подарки послѣ свадьбы, а если не успѣвалъ, то долженъ былъ отдаривать вдвое, судя по цѣнности каждаго подарка.

Если же женихъ не отсылалъ принятыхъ вещей къ цѣновщикамъ, то отдаривалъ по желанію тѣхъ. которые ему дарили.

Въ эти послѣсвадебные дни пиршествъ невѣста почти ничего не говорила, кромѣ обыкновенныхъ форменныхъ рѣчей. потому. что малословность и пристойная молчаливость въ то время считались достоинствомъ женщины.

Но за то всѣ другія женщины приглашенныя на свадебное пиршество, пользовались большою свободою. чѣмъ когда либо и часто случалось, что дѣло доходило до безумія. Все это весьма понятно объясняется: женщины, въ обыкновенное время скромныя и цѣломудренныя, на свадьбѣ напивались, позволяли себѣ смѣлыя выходки и даже невольно впадали въ грѣшки среди общей суеты.

Въ эти-то минуты разгула, по народнымъ вѣрованіямъ, всего удобнѣе колдуны могли портить людей неогражденныхъ молитвою и богомысліемъ отъ ихъ навѣтовъ. Тогда вдругъ находила на кого нибудь скорбь.

На одной посадской свадьбѣ въ XVII вѣкѣ, мать жениха, а потомъ и сноха вдругъ начали кликать безъ ума и безъ памяти. Явился знахарь, взялся ихъ поставить на прежнюю степень, но взявшись за дѣло не исполнилъ, и на него подали челобитную (жалобу).

Царскіе свадебныя обряды продолжались нѣсколько дней. На другой день отправлялся княжій столъ, на третій—столъ отъ царицы: нареченные родители благословляли молодую высокую чету, а гости подносили дары; на четвертый день царь дѣлалъ столъ духовенству и при окончаніи обѣда Патріархъ и духовныя власти благословляли новобрачныхъ образами, и всѣ гости дарили имъ кубки и ковши, а потомъ царь отда-

ривалъ ихъ деньгами, тканями, и чевствовалъ подачами. Въ слѣдующіе дни дѣлались столы другимъ сословіямъ: стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ, гостямъ, выборнымъ людямъ, посадскимъ, которые нарочно пріѣзжали къ царскому двору съ поздравленіями.

Всѣ подносили къ царю дары. За то и царь въ эти дни, свѣтлые, радостные въ его жизни, имѣлъ право и возможность щедро вознаграждать всѣхъ: онъ нѣсколько дней щедро кормилъ духовенство на дворѣ, раздавалъ ему деньги, разсылалъ въ дальніе города молебныя грамоты, ѣздилъ съ молодою царицею на богомолье по монастырямъ, кормилъ и дарилъ монаховъ, которые въ свою очередь отдаривали царя окладными образами и подносили хлѣбъ—соль. Царь не забывалъ угнетенныхъ и нищихъ, посѣщалъ богадѣльни и тюрьмы и отпускалъ на свободу узниковъ, заключенныхъ за долги или за неважныя преступленія. Не всегда, впрочемъ, подносимые дары царями принимались, такъ, при бракосочетаніи царицы Наталіи Кириловны царь ихъ не принялъ *).

Свадебные обряды были одинаковы, какъ у первобрачныхъ, такъ и у тѣхъ, которые женились или выходили замужъ въ другой и въ третій разъ. Второй бракъ, по мнѣнію народа, не имѣлъ уже той святости, какъ первый, а если изъ вѣнчавшихся оба были вдовые, то на нихъ не возлагали вѣнцовъ, а держали на плечахъ. Церковный обрядъ третьяго брака, состоялъ въ одномъ молитвословіи безъ вѣнчанія и не одобрялся церковью, такъ напримѣръ, патріархъ Фотій въ одномъ изъ своихъ посланій въ началѣ XV вѣка приказывалъ священникамъ на основаніи словъ Григорія Богослова не допускать мирянъ до третьяго брака **). Несмотря на воспрещеніе четвертыхъ браковъ церковью, они случались, и правительство дозволяло дѣтямъ отъ четвертаго брака, пользоваться правами законныхъ дѣтей въ отношеніи наслѣдства. У казаковъ было въ обычаѣ брачное сожитіе безъ благословенія церкви. А въ старину нѣ-

*) См. очеркъ домашней жизни и нравовъ Великорусскаго народа въ XVI и XVII, ст., Костомарова. 1860 г.

**) Св. Григорій Богословъ говорилъ первый бракъ—законъ, второй—по нужи прощеніе слабости ради человѣческой, третій—законопреступленіе, четвертый—нечестіе, понеже свинское есть житіе. Доп. 1, 329.

которые вопреки христіанскимъ понятіямъ. вѣроятно по обычаямъ язычества или магометанства, имѣли по двѣ жены разомъ. (С. Дост. 91).

Новоселье. Новоселье у насъ въ старой русской жизни, сопровождалось торжественными обрядами. Въ старое время, время доброе, каждый имѣлъ свой собственный домъ и если, кто переходилъ во вновь построенный домъ, то сзывалъ священниковъ на освященіе, а потомъ сзывалъ родныхъ и знакомыхъ.

Гости непремѣнно являлись съ хлѣбомъ и солью, какъ символами обилія и благополучія, а люди нечуждающіеся колдовства и ворожбы, напротивъ, являлись на новоселье съ черною кошкою, съ чернымъ пѣтухомъ, тащили растворенную квашню, и катали три хлѣба, а потомъ замѣчали, какъ эти хлѣбы ложились и записывали „на хартіяхъ, и ключи въ псалтирь вложатъ, оттуда ложися вѣщующе“ *).

Надобно было умѣючи выбирать мѣсто для дома, и въ старину для этого примѣнялись разныя гаданія. Такъ, напримѣръ, для того, чтобы опредѣлить качество грунта земли, то на то мѣсто гдѣ строить домъ, клали дубовую кору, можетъ быть въ нѣсколькихъ мѣстахъ, а то и сплошь, неизвѣстно. Это на три дня, на четвертый поднимали кору и замѣчали, что покажется подъ корой: если подъ корой находили паука или муравья —то считали мѣсто это лихимъ; напротивъ, если находили червяковъ или черную мурашку, то можно домъ строить.

Они же гадали на счетъ трехъ хлѣбовъ, которые пускали на землю изъ за пазухи. Если всѣ три хлѣбца лягутъ кверху верхнею корой, то мѣсто доброе, тутъ съ Божьей помощію, ничего не боясь ставить избу и всякія хоромы можно, а если же лягутъ къ низу верхнею корою, то мѣсто покинь.

Во время пиршества на новосельѣ полъ устилался травою, и на большомъ столѣ покрытомъ скатертью, клали принесенные хлѣбы и ставили въ солоницахъ соль. Послѣ пирушки каждый гость долженъ былъ что нибудь подарить хозяевамъ.

Похороны. Много остатковъ отъ былой жизни народовъ разсѣяно по бѣлому свѣту, въ поляхъ, лѣсяхъ, озерахъ, рѣкахъ; но лучше всего объясняютъ старину древнія могилы. Хо-

---

*) Румянц. Музей. Рукоп. № 374.

роня покойника. люди всегда думали, что отправляютъ его на новое житье подобно настоящему, но гораздо *худшее*. Поэтому снаряжали покойника въ лучшее убранство и клали съ нимъ въ могилу, все, что ему нужно было и при жизни, да по временамъ приносили ему на могилу покормку. У нашихъ сибирскихъ инородцевъ до послѣднихъ временъ это дѣлалось, и можетъ быть еще дѣлается.

Поэтому вещи, находимыя въ могилахъ при костяхъ, всего менѣе могутъ быть объясняемы случайностью и нерѣдко самымъ положеніемъ своимъ около костей даютъ намъ возможность уяснить ихъ значеніе и употребленіе. Кромѣ того здѣсь можно наблюдать различные способы погребенія людей, разные обычаи и тѣмъ еще болѣе опредѣлять житье-бытье того народа, который оставилъ по себѣ эти могилы. Наконецъ самыя кости людей, погребенныхъ въ могилахъ, при сличеніи ихъ съ костями извѣстныхъ уже породъ людскихъ, могутъ указать намъ, какому именно племени людскому принадлежатъ тѣ или другія могилы?

Похороны въ глубокой древности различались отъ похоронъ послѣдняго времени. Такъ напримѣръ, въ памяти народовъ Кавказа, какъ то у осетинъ, армянъ, курдовъ, персіянъ и другихъ, умершихъ или подвѣшивали къ деревьямъ на подмосткахъ плотно укутавъ покойнаго, или клали его на вершины деревъ высоко отъ земли. У Арійскихъ народовъ было въ обычаѣ спускать трупъ на лодкахъ, или на плотикѣ по водѣ. Память объ этомъ способѣ сохранилась у Руссовъ, Норманскихъ нѣмцевъ при похоронахъ, которые описали очевидцы. Покойника сожигали въ лодкѣ, и даже въ словахъ тѣхъ народовъ нашего арійскаго племени, съ которымъ наши предки составляли одинъ народъ, одинъ языкъ, „новь, навье“ то есть могила, гробъ происходитъ отъ древне-Итальянскаго navis—лодка, судно, или отъ греческаго нао (νάω) теку, нео (νέω)—плаваю. То отсюда берется понятіе о похоронахъ въ лодкѣ трупа, которое, когда-то плыло.

„Въ новье глядѣть“ прежде значило глядѣть въ могилу, быть на волосъ отъ смерти. Въ Малороссіи русалокъ называютъ „мовки“ или новки, слово означающее покойничковъ, пущенныхъ по водѣ.

Наконецъ самая форма, такъ называемыхъ колодъ, или гробовъ близко похожа на лодку.

У древнихъ родственныхъ намъ народовъ, воспоминаніе о погребеніи такого рода хранилось на ихъ памятникахъ, гдѣ изображалась лодка, или выкладывали ее изъ камня.

Въ зимнее время тѣ же племена, зашедшія на сѣверъ, не могли по водѣ спускать покойниковъ, а потому и обычай сталъ другой: тамъ, запрягали въ сани неосвоенныхъ коней, или оленей и, положивъ на нихъ лодку съ покойникомъ, или просто покойника, спроваживали его такимъ образомъ въ неизвѣстную даль, въ неизвѣстную новую жизнь.

Память о похоронахъ такого рода, сохранилась до позднѣйшаго времени въ древнихъ нашихъ обрядахъ при похоронахъ и въ народныхъ сказаніяхъ *о ночныхъ разъѣздахъ мертвецовъ—колдуновъ* и также одинъ рисунокъ въ рукописномъ (XIV в.) описаніи житія св. Бориса и Глѣба. По указанію этой рукописи, мощи святаго Глѣба вездѣ везутъ изъ Вышегорода въ Кіевъ на саняхъ. Тѣло св. Равноапостольнаго Владиміра, сынъ его, Святополкъ, кладетъ въ сани. Кіевскій лѣтописецъ, говоря о поученіи какое писалъ своимъ дѣтямъ Владиміръ Мономахъ, замѣчаетъ, что онъ писалъ его *сѣдя въ сѣняхъ*, то есть передъ смертью, на смертномъ одрѣ.

Когда человѣкъ испускалъ дыханіе, встарину ставили на окнѣ чашу со святой водой и мису съ мукой или кашей (кутьей). Это былъ какой-то остатокъ язычества, существовавшій также у татаръ.

Мертвеца обмывали теплою водою, надѣвали чистую сорочку и завертывали въ бѣлое покрывало, или саванъ, обували въ сапоги или башмаки, на голову ему надѣвали корону. Толпы знакомыхъ и сосѣдей посѣщали покойника, причемъ домъ оглашался плачемъ съ причитаніями разнаго характера, выражающее сожалѣніе и скорбь.

Затѣмъ посылали за духовенствомъ, и съ посланнымъ священнику препровождали водки, меда и пива.

Когда мертвеца клали въ гробъ, то по какому-то повѣрью, клали ему въ ротъ нѣсколько мелкихъ монетъ, какъ будто для издержекъ въ дальней дорогѣ на тотъ свѣтъ, а къ гробу привѣшивали кафтанъ покойника.

Лѣтомъ русскіе хоронили очень скоро, въ теченіе сутокъ; а если по какому либо случаю погребеніе откладывалось, то трупъ, во избѣжаніе зловонія, относили на погребъ. Мертвеца выносили изъ дома покрытымъ покровомъ, или шубою и непремѣнно на рукахъ; если мертвецъ былъ монашескаго званія, то несли его монахи, или монахини.

Для большей церемоніи богатые и знатные нанимали плакальщицъ. которыя шли по бокамъ и впереди похороннаго шествія, съ распущенными волосами и нарочно искаженными лицами. Онѣ кривлялись и вопили, громко вскрикивали и заливались въ причитаніяхъ.

Всѣ сопровождавшіе гробъ шли съ зажженными свѣчами, обвязавъ платками головы.

Когда гробъ слѣдовало опустить въ могилу, то открывали гробъ и всѣ прощались. Жена, или близкій родственникъ, должна была плакать и причитывать; а плакальщицы всѣмъ хоромъ тоже вторить причитывая. Священникъ давалъ въ руки покойника отпустительную грамоту; послѣ опущенія гроба въ могилу, всѣ цѣловали образа, потомъ ѣли кутью, непремѣнно каждый въ три пріема. начиная съ ближайшихъ родственниковъ.

Зимою не спѣшили хоронить и ставили покойниковъ въ церковь, гдѣ духовенство служило каждодневно литургію и панихиды, и на осьмой день предавали тѣло землѣ.

Для людей бѣдныхъ было чрезвычайно дорого рыть могилу зимою; поэтому мертвецовъ ставили въ усыпальницы или притворы при колокольняхъ, и тамъ держали до весны.

Весною семейства разбирали своихъ мертвецовъ и хоронили на кладбищахъ. Должность гробокопателей исполняли особыя лица за извѣстную плату, какъ и нынѣ могильщики.

Бѣдняки, которымъ не на что было похоронить, просили милостыню на погребеніе, отъ чего никто въ этой жертвѣ не отказывалъ.

Для городскихъ жителей кладбища отводились за городомъ; но въ селахъ и деревняхъ. кладбища эти помѣщались при храмахъ.

Утопленниковъ и удавлениковъ, не хоронили на кладбищахъ. Было убѣжденіе, что если гдѣ нибудь похоронить утопленика или удавленика. то за это весь край постигаетъ бѣдствіе; на

этомъ основаніи, въ старину, народъ, приведенный въ волненіе несчастьемъ, какъ напримѣръ: неурожаемъ, моромъ, эпидеміей, выгребалъ мертвецовъ изъ могилы *).

Но вообще умершихъ внезапно на улицѣ, убитыхъ въ дорогѣ, хоронили въ убогомъ домѣ. Убогіе дома были не только въ Москвѣ, но и въ другихъ городахъ. Въ нихъ также хоронили отверженныхъ, которыхъ считали недостойными кладбища, воровъ, разбойниковъ, казненныхъ, между тѣмъ, какъ самоубійцъ хоронили въ полѣ, или въ лѣсу.

Царское погребеніе совершалось черезъ шесть недѣль послѣ смерти, и тѣло ставилось въ домовой церкви въ гробѣ. Крестовые дьяки денно и нощно читали надъ нимъ псалтырь и поперемѣнно дневали бояре, окольничные, стольники надъ усопшимъ. Между тѣмъ по всему государству посылались гонцы, которые во всѣ монастыри и церкви возили деньги для служенія панихидъ; въ праздники при служеніи панихиды ставили кутью. Эти панихиды служились шесть недѣль, каждый день, исключая воскресеньевъ.

Въ сороковой день кончины совершалось погребеніе царственной особы. Отовсюду стекались въ Москву духовныя власти, архимандриты и игумены.

Въ погребальной процессіи впереди шло духовенство; наблюдалось, чтобы важнѣйшія особы, архіереи и патріархи, шли сзади духовенства, за духовными слѣдовали свѣтскіе сановники, бояре и окольничьи, за ними — царское семейство, а за нимъ боярыни.

Множество народа толпилось за гробомъ, безъ чиновъ и различнаго достоинства. Прощанія предъ опусканіемъ въ могилу не было.

Опустивъ тѣло въ могилу, не засыпали гроба землею, а закрывали каменною доскою. Пышность и издержки на погребеніе соразмѣрялись съ значеніемъ усопшей особы, такъ, что погребеніе царя производилось великолѣпнѣе, чѣмъ царевичей, а погребеніе царевичей великолѣпнѣе погребенія царевенъ.

Вообще у всѣхъ классовъ 40-й день послѣ смерти опредѣлялся на поминовеніе. Семейные нанимали духовныхъ лицъ

---

*) Поѣздка въ Кирил. монаст. 2. 37.

читать псалтырь по усопшимъ. Чтеніе это у иныхъ происходило въ двухъ мѣстахъ разомъ; въ домѣ, гдѣ умеръ покойникъ, и на могилѣ; для этого устраивался на могилѣ деревянный голубецъ или голбецъ, покрытый сверху рогожею; тамъ стоялъ образъ и каждое утро при зажженой свѣчи монахъ, или церковный дьячекъ, читалъ псалтырь *).

Семейные по покойникѣ носили скорбное платье, синее, или черное и непремѣнно ветхое, а не новое. Въ это время траура стыдно было ходить опрятно, какъ будто это было неуваженіе къ памяти покойнаго.

Вмѣстѣ съ молитвами объ усопшихъ, отправлялись *кормы* или поминальные обѣды. Такихъ было по желанію родственниковъ и семейныхъ не менѣе двухъ и не болѣе четырехъ: въ 3-й, 9-й и 12-й и наконецъ очистительный въ 40-й день, или сорочины; въ этотъ же день снимался трауръ. Чаще всего поминали три раза: толковали, что троекратное поминовеніе совпадаетъ съ перемѣнами, какія испытываетъ тѣло покойника въ гробу: въ третій день измѣняется его образъ, въ девятый распадается тѣло, въ сороковой истлѣваетъ сердце. Затѣмъ это троекратное поминовеніе совпадаетъ съ вѣрованіемъ о путешествіи души на тотъ свѣтъ: въ третій день ангелъ Господень приводитъ душу на поклоненіе Богу. „Якожъ бо отъ царя земнаго послани будутъ воины привести нѣкоего и связавши его, повѣдаютъ ему повелѣніе царево, трепещетъ же и держащихъ и ведущихъ его немилостивно къ путному шествію, аще и ангелы отъ Бога послани будутъ пояти душу человѣчу".

Если въ этотъ третій день совершаются приношенія памяти усопшаго въ церкви, то душа получаетъ утѣшеніе въ скорби прежь бывшія ей отъ разлученія тѣлеснаго и разумѣетъ отъ водящаго ангела, яко память и молитва ея ради въ церкви Божіей и такъ радостна бываетъ. Съ тѣхъ поръ начинаются путешествія ея съ ангеломъ, который показываетъ ей блаженство рая и муки ада. Въ девятый день ей дается отдыхъ: душа, сохраняя еще земныя привязанности, слетаетъ то къ дому, гдѣ жила съ тѣломъ, то къ гробу, гдѣ лежитъ

*) Олеарій. 316.

тѣло. въ которомъ была заключена; душа добродѣтельная посѣщаетъ мѣсто, гдѣ она „имѣяше обычай дѣлать правду“.

Тогда душѣ грѣшной указываетъ ангелъ мѣста, гдѣ она согрѣшала, и ей необходима для ободренія—молитва церкви. Наконецъ въ сороковой день. ангелъ приводитъ ее снова къ Богу и тогда ей назначается мѣсто по заслугамъ: „добре держитъ святая церковь въ сороковой день. память сотворяя по усопшемъ“ *).

Кутья была главною принадлежностью постнаго обѣда. О кутьѣ говорилось такъ:

„Кутья благовѣрна святымъ воня; святіи бо не ѣдятъ, не пьютъ, но вонею и благоуханіемъ тѣмъ сыти суть“ **).

Обычай поминовенія былъ и во времена язычества и потому къ нему примѣшивались и посторонніе обряды. не одобряемые церковью. Такъ преподобный Ѳеодосій запрещаетъ ставить по усопшемъ обѣды и ужины. класть на кутью яйца и ставить воду; вѣроятно яйца и вода были какими нибудь символами древняго языческаго поминовенія.

ЗВѢРИНАЯ И ПТИЧЬЯ ОХОТА ВЪ РОССІИ.

Отъ царя, или Великаго князя, до послѣдняго дворянина, охоту считали самою лучшею забавою и даже полезною въ старину. Звѣриная охота пріучала молодыхъ людей къ перенесенію голода, зноя, холода: пріучала ихъ встрѣчать опасности и трудности, и преодолѣвать ихъ, своимъ безстрашіемъ; пріучала ихъ къ ловкости, гибкости, и быстротѣ движеній, наконецъ эта охота давала возможность привыкнуть къ успѣшному управленію всякаго рода оружіемъ.

Владиміръ Мономахъ такъ говоритъ самъ о себѣ: „Любя „охоту мы ловили звѣрей, я вязалъ самъ своими руками въ „густыхъ лѣсахъ дикихъ коней, вдругъ по нѣскольку. Два ра„за буйволъ металъ меня рогами, олень бодалъ, лось топтала „ногами, ветрь вырвалъ мечь съ моего бедра, медвѣдь проку-

*) Св. Макарія. Погод. Сборникъ. Биб. № 1321.

**) Пуб. библ. рукоп., стр. 203.

„силъ сѣдло: лютый звѣрь однажды бросился и сбилъ коня по-„до мною, нѣсколько разъ я падалъ съ лошади, два раза раз-„бивалъ свою голову, повреждалъ руки и ноги, я самъ все то „дѣлалъ, что могъ приказать другимъ: смотрѣлъ за конюшнею, „охотою, ястребами и соколами“ *).

Андроникъ Комнинъ, Греческій Императоръ, перенималъ многіе наши обычаи: онъ любилъ нашу звѣриную ловлю и бѣганье въ запуски.

Ловля звѣрей, какъ мы уже сказали, была любимымъ занятіемъ русскихъ со временъ древнихъ и великіе князья съ удовольствіемъ проводили праздное время на охотѣ.

В. К. Василій былъ даже особенно пристрастенъ къ травлѣ.

Вотъ какъ разсказываетъ о немъ Герберштейнъ:

— Увидѣвъ государя, мы оставили своихъ лошадей и подошли къ нему. Онъ сидѣлъ на гордомъ конѣ въ терликѣ парчевомъ, въ колпакѣ высокомъ, осыпанномъ драгоцѣнностями и украшенномъ золотыми листьями, которые развѣвались, какъ перья; на бедрѣ его висѣлъ кинжалъ, за спиною ниже пояса, кистень. Съ правой его стороны находился казанскій царь Шигъ-Алей, вооруженный лукомъ и стрѣлами, а съ лѣвой двое молодыхъ князей: одинъ изъ нихъ держалъ сѣкиру, другой булаву или шестоперъ; вокругъ ихъ находилось болѣе 300 всадниковъ.

Сначала охотились ловлею зайцевъ въ лѣсу, неподалеку отъ Москвы.

Государь предоставилъ первую честь спустить собакъ, важнымъ сановникамъ и посламъ: Герберштейну и польскимъ посламъ Кишкѣ и Богушу. На каждаго зайца приходилось по четыре собаки. Государь былъ веселъ и хвалилъ ловцевъ. Въ короткое время поймали болѣе трехъ сотъ зайцевъ. Потомъ послѣдовала соколиная охота. Для этого пускали кречетовъ, бить лебедей, журавлей и другихъ птицъ.

Кречеты по тонкому своему чутью, открывали, гдѣ летали любимыя ими птицы, пускали ястребовъ и соколовъ, изъ породы орловъ, и тетерей, которые были замѣчательны тѣмъ, что по крику узнавали фазановъ, и съ быстротою ихъ пре-

---

*) Духовное завѣщаніе Мономаха, см. Пушкинскій харат. списокъ Нестора

слѣдовали. Они черные, величиною съ гуся, и брови у нихъ красныя.

Затѣмъ вызывали охотниковъ бить медвѣдей. Отважные ловцы бросались на звѣря съ деревянной рогатиной. Если его ранилъ медвѣдь, то онъ являлся къ Государю и, показывая ему свои раны, говорилъ смѣло:

— Государь! я раненъ. — Я тебя награжу, отвѣчалъ Великій князь. Онъ приказывалъ раненаго вылечить и щедро обдаривалъ его платьемъ.

Вечеромъ мы всѣ сходили съ коней, и для насъ разбивали шатеръ на лугу.

Государь, перемѣнивъ свою одежду, разговаривалъ весело съ боярами въ своей палаткѣ, объ удачѣ или неудачѣ этого дня. Слуги разносили коріандеръ, миндаль, орѣхи, сахаръ: всѣ преклонялись предъ Государемъ и ѣли. Потомъ пили за его здоровье, медъ и вино *).

Любимой забавой царя Θеодора былъ медвѣжій бой. Дикихъ медвѣдей, ловимыхъ тенетами и въ ямахъ, держали въ клѣткахъ, Въ назначенный день для забавы собирался дворъ и множество народа къ тому мѣсту, гдѣ предстоялъ бой. Мѣсто обводилось глубокимъ рвомъ для безопасности зрителей и чтобы ни звѣрь, ни охотникъ не могли уйти другъ отъ друга. Являлся отважный боецъ съ рогатиной, и тотчасъ выпускали медвѣдя, который увидя своего врага, становился на заднія лапы, ревѣлъ и съ отверстою пастью бросался на него. Охотникъ стоялъ неподвижно, онъ наблюдалъ его движенія и однимъ сильнымъ розмахомъ вонзалъ рогатину въ звѣря, а другой конецъ ея прижималъ къ землѣ ногою, чтобы разъяренный звѣрь не кинулся на него, такъ какъ яростный звѣрь лѣзъ грудью на желѣзо, которое орошалъ своею кровью и пѣною, если не преодолѣвалъ, то падая на бокъ издавалъ раздирающій душу стонъ.

Народъ, громкими восклицаніями провозглашалъ имя побѣдителя. Его представляли царю и потомъ поили виномъ изъ царскихъ погребовъ.

---

*) Карамзинъ полагаетъ, что псовая охота чуть ли не введена въ первые В. К. Васильемъ, такъ какъ до того времени собаками гнушались, какъ нечистыми животными.

Каждый охотникъ билъ звѣря въ грудь; въ случаѣ промаха онъ былъ имъ изуродованъ, и это случалось часто. Счастливецъ былъ доволенъ тѣмъ, что оставался въ живыхъ и не получалъ никакого награжденія, кромѣ того, что его поили. Раненымъ выдавалось награжденіе, а жёны и дѣти растерзанныхъ содержались на царскомъ иждивеніи *).

Пристрастіе русскихъ къ охотѣ, оправдывалось убѣжденіемъ того времени, что охота — занятіе благородное и потому всѣ охотно привязывались къ ней; даже въ XVII вѣкѣ было издано особенное наставленіе для охотниковъ подъ названіемъ: „книга глаголемая Урядникъ и устроеніе чина Сокольничаго пути".

Были особенные чиновники, которые наблюдали за охотою, а именно: ловчіе и сокольничьи. Ловчіе раздѣлялись на ловчихъ рязанскаго и московскаго пути: послѣднему были подчинены— городовые. Ловчій равнялся нынѣшнему егермейстеру. Сокольничій смотрѣлъ за кречетами, ястребами и другими охотниками, и его званіе равнялось званію оберъ - егермейстера.

Бояре много разъ силились отклонить царя Петра I отъ воинскихъ забавъ, которыми великій монархъ занимался съ любовью, еще въ младенчествѣ. Предъ Петромъ I псовую и птичью охоту до того расхваливали, что Государь, не любившій охотиться, какъ то разъ рѣшился выѣхать въ поле.

Въ назначенный день къ государю явились охотники со множествомъ слугъ и собакъ.

Государь Петръ Алексѣевичъ поблагодарилъ охотниковъ за усердіе къ нему и видя, что ихъ сопровождала большая свита псарей, изъявилъ свое желаніе лично охотиться только съ самими охотниками, безъ участія слугъ, общество кототорыхъ онъ считаетъ неприличнымъ и просилъ ихъ отпустить слугъ.

Вельможи, взявъ собакъ изъ рукъ слугъ, отправились съ Государемъ. Но лишь только явились на мѣсто, какъ пришли въ крайнее недоумѣніе и разстройство. Собаки, которыми бояре не умѣли управлять, подбѣгали подъ ноги лошадей и ихъ пугали. Испуганные лошади носились со своими всадниками по полю, и нѣкоторыхъ сшибали съ сѣдла.

---

*) Флечеръ. Com. Wealth. помѣщ. въ собр. Гакл.

Позабавившись надъ неумѣлыми охотниками, Государь возвратился въ Преображенское. На другой день Петръ назначилъ птичью охоту, для чего и пригласилъ прежнихъ охотниковъ: но нѣкоторые изъ нихъ были изувѣчены и лежали въ постелѣ, а другіе не явились.

Царь спросилъ у явившихся: „не желаютъ ли они поохотиться, но вопрошаемые отвѣчали, что не желаютъ.

Тогда Государь сказалъ имъ:

— Не лучше ли имъ быть воинами, нежели псовыми охотниками? Я царь, а слава царя въ благоденствіи народа; охота же—есть слава псарей *).

Петръ I порицалъ охоту, какъ напрасную потерю времени, отвлекавшую отъ государственныхъ занятій.

Петръ II былъ съ намѣреніемъ увлекаемъ къ псовой охотѣ. Графъ Остерманъ, его наставникъ, бывшій потомъ Государственнымъ Канцлеромъ много разъ жаловался на князей Долгоруковыхъ, что они поселили въ Государѣ страсть къ псовой забавѣ; отвлекали его отъ Государственныхъ дѣлъ, чтобы только самимъ управлять.

Послѣ смерти Петра II охота окончательно исчезла въ царственномъ домѣ.

Ей предавались въ послѣдствіи, отъ нечего дѣлать, помѣщики, да сибирскіе промышленники, которые бьютъ медвѣдей, пушныхъ звѣрей и тѣмъ доставляютъ себѣ пользу, а прочимъ возможность имѣть теплую одежду **).

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ ПРИСЛОВІЯ.

Арзамасцы.—Лукоѣды, гусятники.

Архангельцы.—Моржеѣды. „Ивановичъ, Ивановичъ слѣзь съ крыши, я къ тебѣ пріѣхала!“

Такъ кричала пришедшая изъ Архангельска жена къ мужу—кровельщику, поглядывая на одну изъ крышъ, гдѣ стояла ста-

---

*) Гол. Дѣя. Петра В. С. 175.

**) Заимствовано изъ книгъ: Оч. Дом. Жизни и Нрав. Великор. Народа въ XVI и XVII ст. Бытъ Рус. Нар. Терещенко и друг.

туя и долго бы прокричала, если бы ее не увѣрили добрые люди, что это не человѣкъ.

Балахонцы.—Балахна, стоитъ ротъ распахня.

Болховитяне.—Рака съ звономъ встрѣчали. „Вотъ воевода къ намъ ползетъ, щетинку въ зубахъ несетъ".

Борисоглѣбцы.—Кислогнѣздые. Встарину здѣсь были скорняки и клееввры; дворы ихъ издавали пренепріятный запахъ, отъ чего окрестные жители и дали этимъ жителямъ такое названіе.

Боровичи.—Луковники.—Луку, луку зеленаго. Жители города Боровска (Кал. губ.) занимаются огородничествомъ.

Брянцы.—Куралесы. Брянская коза. Куда изъ дома не поѣдутъ, а далеко не отъѣдутъ, а все къ кружалу или къ своему гумну пріѣдутъ.

Бѣжечане.—Колокольню рожкомъ подколотили. Въ старину еще жители города Бѣжецка очень любили нюхать табакъ и держали его въ рогѣ. Соберутся къ церкви въ праздничный день за часъ, чтобы къ началу поспѣть, расположатся на паперти, и давай одинъ другаго табакомъ подчивать; разумѣется сперва рогомъ постучатъ въ стѣну или о паперть. Вотъ отсюда и пошло присловье.

Бѣлозерцы.—Бѣлозерскіе снятки.

Буевцы.—Буй да Кадуй чортъ три года искалъ, а Буй да Кадуй у воротъ сидѣлъ. Буй городокъ, отбей кошелекъ. Домосѣды. Лѣсники. Поговорка съ татарскаго времени. Татары хотѣли раззорить этотъ городъ и искали его, переходя изъ лѣса въ лѣсъ.

Валдайцы.—Колокольники. Молодецъ! купи баранокъ, а поцѣлуй въ придачу.

Вильняне.—Кто въ Вильнѣ не бывалъ, тотъ чудесъ не видалъ. Въ Вильнѣ семь дорогъ для жида и три для поляка.

Витебцы.—Волынка и гудокъ сберегли нашъ домокъ: соха и борона раззорили наши дома.

Варнавинцы.—Медовики.

Ветлужане.—Санники. Санникъ телѣжникъ, а выѣхать не на комъ.

Вичуговцы.—Салфеточники.

Владимірцы.—Клюковники. „По клюкву, по клюкву, по крас-

ную клюкву“. Собрались кулики на болотѣ сидючи, они Суздальцы да Володимірцы, и волынка, и гудокъ.—Деревянныя печи, золотыя ворота и желѣзныя церкви.

Вологжане.—На словахъ, какъ на маслѣ, а на дѣлѣ, какъ на Вологдѣ. Теленка съ подковой съѣли.—Толокномъ Волгу замѣсили.

Вытегоры.—Камзольники.

Вязмичи.—Прянишники. — „Мы люди не грамотные, ѣдимъ пряники неписаные“.—Коврижки съ анисомъ.—Глупая Вязьма, безтолковый Дорогобужъ.

Вятичане.—Вятская баталія.—Хлыновскіе бояре.—Свистоплясцы.—Слѣпороды.—Вятка, всему богатству—матка!

Галичане.—„Що парь галуньки“.—Корову въ баню тащили.—Городъ Галивонъ, озеро Миронъ, а люди Кривичи.—Овчинники. —Толокно весломъ въ рѣкѣ мѣшали, и толокна не достали.

Глуховцы.—Попутный табачекъ.

Даниловцы. — Любимые ловцы. — Даниловцы, невыдавцы. — Кошкодавы: кошку не купили, а задавили.

Дѣдновцы.—Макары.

Есть въ народѣ преданіе, что Дѣдновцы Рязанской губерніи отправили своего старосту съ выборными людьми отъ всего міра встрѣтить Петра Великаго съ хлѣбомъ-солью. Государь, принимая отъ нихъ приношеніе спросилъ старосту объ имени. Староста огласилъ себя Макаромъ. Государь сказалъ: „хорошо!“ Потомъ спросилъ у другихъ объ ихъ именахъ.

Дѣдновцы будто вообразили, что имя старосты ихъ нравится царю, всѣ до одного назвались „Макарами“. Государь на это сказалъ смѣясь: „будьте же всѣ вы Макарами!“ Съ тѣхъ поръ и зовутъ ихъ—Макарами.

Дмитровцы. — Лягушешники. Отъ болотъ, окружающихъ Дмитровъ, и лягушекъ, оглашающихъ окраины города.

Егорьевцы.—Головотяпы.

Ельчане. — Сычужники. — Радуга ушатъ воды выпила.—У насъ въ Ельцѣ, на Соснѣ рѣцѣ, курица втенка (утенка) вывела.

Ефремовцы.—Въ кошелѣ воду варили.

Егорьевцы.—Самъ ножъ точитъ, а говоритъ: „не бось!“—Рудометы, коновалы.

Заднѣпровцы. Запорожцы.—Задрипанцы.

Ивановцы.—Богатъ, да хвастливъ, какъ Ивановскій мужикъ.

Казанцы.—Казань прогребли и орду прошли.

Кадуевцы.—Кадошники.

Калужане.—Калужанинъ поужинаетъ, а тулякъ, такъ ляжетъ. Щагольники: Щаголъ щаглуетъ на осиновомъ дубѣ, да воскогуркнетъ „ткау! ткау!“ „Наша Колузя Москвы болѣе да болѣе, а калачами да квасомъ удалѣй“. Козла въ соложеномъ тѣстѣ утопили.

Калязинцы.—Свинью за бобра купили. У нашего Макара по три деньги Натальи, а грошъ дай, любую выбирай.

Капорцы.—Крошевники, — Капорское крошево и кисло, и дешево.

Каргопольцы.—Чудь бѣлоглазая, сыроѣды.

Кашинцы.—Собаку за волка убили, да деньги заплатили.

Каширцы.—Шапку долой!—А що?—Все бо бояре.

Кижане.—Золотую грамоту просили.

Кимряки.—Пѣтуха на канатѣ кормили, чтобъ на чужую землю чрезъ межу не перешелъ. Склеенный сапогъ.—Свои сапоги на лапоть промѣняли, лапти, молъ, нашего товара прочнѣе.

Кинешемцы.—Суконщики.—Кинешма да Решма кутитъ да мутитъ, а Вологда—убытки платитъ.

Климовцы.—Лапотники.

Костромичи.—Лучше бы три раза погорѣла, чѣмъ разъ овдовѣла.—Костромичи въ кучу, Ярославцы прочь: они на руку нечисты; лапти растеряли, по дворамъ искали, было шесть, а стало семь.

Кологривцы.—Дегтярники.

Коломенцы.—Чернонебые.

Крапивенцы.—Сѣно съ колокольнымъ звономъ встрѣчали, а воеводы не видали.

Какъ-то разъ прослышали Крапивенцы, что съ Соловы поднялся къ нимъ воевода. Нарядились міряне въ праздничные кафтаны, и сѣли по лавкамъ. А чтобы знать, когда встрѣчать воеводу, то послали десятскаго на колокольню съ наказомъ: „какъ будетъ“ де, „подъѣзжать воевода, звони“.

Заклубилась пыль по дорогѣ, десятскій зазвонилъ, затрезво-

нилъ. Вышли міряне съ хлѣбомъ—солью. глядятъ, ѣдетъ мужикъ съ сѣномъ. Ему то міряне и били челомъ.

Кремляне.—Живетъ въ Кромахъ, въ разныхъ домахъ.

Ливенцы.—Соломатой мостъ обломили. Въ какое то незапамятное время пріѣхалъ въ Ливны на воеводство воеводичъ. Ливенцы наварили соломаты по горшку со двора и понесли въ подарокъ воеводичу. Поѣхалъ обозъ съ соломатой по мосту; а мостъ ни крытый. ни шитый. изъ тычинокъ собранный. хворостомъ покрытый, подъ соломатой-то и подломился.

Лихвинцы.—Лихвинскія горы, да Новосильскіе воры—злѣе всѣхъ.

Лучанцы.—Въ Луцкѣ все не по людски: на вколо вода. въ срединѣ бѣда.

Это старинное присловье произошло отъ уніатовъ и жидовъ наполнявшихъ городъ въ началѣ XVII столѣтія. Точно такое же присловье говорили и о Каменцѣ. Каменецъ—вѣнецъ, кругомъ вода, въ срединѣ—бѣда!

Любимцы.—Козу пряникомъ кормили.—Водохлебы.—Не учи козу. сама станетъ съ воза. а пречиста рука все причиститъ.—Двѣнадцатый часъ. а матушка изъ міру не бывала. (Сынъ изъ Питера пріѣхалъ съ часами, половымъ тамъ былъ. а матери ничего не высылалъ. такъ что та по міру начала ходить. подаяніемъ жить).

Водохлебами ихъ называютъ по ихъ страстной привязанности къ чаю.

Въ незапамятную старину двое Любимскихъ поселянъ собрались покататься на масляницѣ. Заложили лошадь въ сани. У обоихъ были одни сапоги; вотъ они надѣли ихъ, кто справа сидѣлъ на правую ногу, а кто съ лѣва тотъ—на лѣвую. Тѣхъ двухъ ногъ, что внутри саней и не видать, что онѣ въ лаптяхъ, а все же питерщиной нужно побахвалить.

Выѣхалъ экипажъ: дуга золоченая, сбруя ременная, лошадь три дня некормленая. Ѣдутъ да остановятся, будто конь ихъ до того заѣлся и горячится, что лѣзетъ изъ хомута вонъ; а конь изъ за голода ни съ мѣста и безъ хомута. Принялись мужики за кнутья. подъ гору бьютъ въ четыре кнута, а съ горы—въ десять. конь стоитъ все тутъ же.

Ладожане.—Щуку съ яицъ согнали.

Луговцы.—Разнощики.

Малороссы.—Мазепинцы.—Хохлы.—Чубы.—Хохолъ глупѣе вороны, а хитрѣе чорта.—Москаль продалъ съ хохла поясъ на ярмаркѣ за три деньги, а хохолъ въ придачу пошелъ ни за калачъ, ни за денежку.—Цапъ (козелъ) ведетъ сто барановъ на базаръ, а татаринъ сто хохловъ въ Крымъ.—Что это за люди? — Мы бо не люди, а малороссы. — Казакъ, коли не пье, такъ воши бье, а все таки не гуляе.

Можайцы.—Можайскій вѣтеръ.—Такое названіе вѣроятно дано Можайцамъ изъ стари по той причинѣ, что они легко переходили отъ одного властителя къ другому, напримѣръ: отъ Москвичей къ Шемякѣ, потомъ къ Полякамъ противъ князя Василія Васильевича Темнаго.

Мосали.—Гуторы гуторили, гуторили, да и загуторили воеводу.—Матушка Заугра, не потопи нашего города Мосальска и нашего старосту Гаврюшку.

Когда то Мосальцы отправили своего старосту Гаврюшку провѣдать въ Москву, почемъ тамъ православные принимаютъ людей на заработки?

Староста выѣхалъ въ саняхъ прямо по рѣкѣ Угрѣ, дѣло было во время ростопѣли. Рѣка Угра поднималась изъ береговъ. Староста долго не думалъ, сѣлъ въ сани, махнулъ кнутомъ по лошади, и взъѣхалъ прямо на льдину, а Масальцы провожали его всѣмъ міромъ. Вдругъ вода поднялась изъ береговъ, икры пошли за икрами, старосту затерло во льдинахъ; Изъахались Мосали, припали къ берегу и стали голосить: „Матушка Заугра! Не потопи нашего города Мосальска и нашего старосту Гаврюшку!“

Мецняне. — Амчинина быте во дворъ. Бабы кружевницы — мужья лежебоки.

Москвичи. Въ Москвѣ недороду хлѣба не бываетъ. Живетъ въ Москвѣ, не въ малой тоскѣ.—Два брата съ Арбата, а оба горбаты. — Съ Москвы съ посада съ овощнаго ряда. — Рака съ звономъ встрѣчали. — Московскій часъ — подожди. Съ Москалемъ дружи, а камень за пазухой держи. Москаль невеликъ человѣкъ, да опасенъ. — Правда Московская. Москаля верти (обманывай). Видь Москаля — поли *фажи, да втекай* (бѣги).

Поэтому случаю г. Сахаровъ приводитъ маленькій анекдотъ изъ Малороссійскаго быта:

Мать. Кто иде?

Дочь. Чертъ.

Мать. Добре, дочушка, абы не Москаль. отъ черта открестишься, а отъ Москаля дубиной не отобьешся. — Затѣмъ слѣдуютъ и другія поговорки.

Въ Москвѣ толсто звонятъ. да тонко ѣдятъ.—Москва стоитъ на болотѣ, хлѣбъ въ ней не молотятъ, а больше деревенскаго ѣдятъ.—Вишь, какъ намоскалился, що изъ пидъ живаго пьяты рѣжетъ.—Видно городъ великъ. коли семь воеводъ.

Многія изъ этихъ сказаній принадлежатъ историческимъ эпохамъ; Такъ, по словамъ г. Сахарова. „*Правда Московская*" появилась отъ Псковичей, когда Москвичи взяли Псковъ. когда они на Москвѣ били челомъ въ своей покорности. — *Видно великъ городъ семь воеводъ* — указываетъ прямо на семибоярщину. Другія же выдуманы Малороссами. Такъ напр. *Московскій часъ — подожди.* указываетъ на медленность прежняго стариннаго судопроизводства. Во многихъ случаяхъ можетъ быть указывалось на солдатъ, которыхъ наши хохлы тоже называли „Москалями".

Муромцы.—Колошники. Вертячія бабы.—Святогоны.

Послѣднее слово относилось къ XIII вѣку. когда Муромцы выгнали изъ своего города Епископа Василія.

Нерехотцы. — Село Лупино, Арменки глупые. а Нерехта на умъ поставитъ.—Не бойся по Арменской дорогѣ воровъ. а бойся въ Нерехтѣ каменныхъ домовъ.—Нерехотскіе бѣгуны *).

Нижегородцы. — Дома каменные, люди желѣзные. Татинецъ да Слатинецъ—ворамъ кормилецъ.—Нижегородцы не уродцы.

Нужно замѣтить, что селенія Татинецъ и Слотинецъ находящійся отъ Нижняго-Новгорода въ 60 верстахъ были въ старь опасными мѣстами для путешественниковъ, такъ какъ въ этихъ двухъ селеніяхъ часто имѣли пребываніе волжскіе разбойники, о которыхъ и сейчасъ можно слышать отъ старожиловъ.—Бородка-Нижегородка—усъ Макарьевскій.

---

*) Бѣгунами названы Нерехотцы потому, что бѣгаютъ по зимамъ съ безмѣномъ скупать пряжу.

Новгородцы. — Долбежники. — Гущеѣды. — Упрямъ — какъ Новгородецъ. — Ты вѣдь не Новгородскій дворянинъ. — Сига въ Волховъ столкнули.

Долбежниками Москвичи называли Новгородцевъ по ихъ дубинкамъ, съ которыми они въ старину ходили на бой. Гущеѣдами прозвали Новгородцевъ за постное кушаніе во время поста, приготовляемаго изъ обожженаго ячменя, свареннаго въ простой водѣ.

Въ старину, хлѣбосольные Москвичи, выговаривая спѣсивому гостю, что онъ не пріѣзжалъ къ обѣду, говорили: ты вѣдь не Новгородскій дворянинъ.

Новоторы. — Городъ Коростеня, владѣніе Ольгино, народъ Кривичи. — Новоторы — воры.

Олончане. — Олонцы — добры молодцы. — Наши молодцы не бьются, не дерутся, а кто больше съѣстъ, тотъ и староста. — У насъ одинъ молодецъ съѣлъ тридцать три пирога съ пирогомъ да все съ творогомъ. — Одинъ молодецъ ѣлъ хлѣба мягка, ножа былъ востра, а какъ шапка свалилась, на полъ покатилась, до рѣки пихалъ ногой, а войдя въ рѣку почуялъ, что-то лопнуло. „Не брюхо ли лопнуло?“ подумалъ; глядитъ: брюхо цѣло, а ремень лопнулъ, голову нагнулъ и цапку надѣлъ. — Любезный Олонецъ — бѣлые берега. — Кайваны въ Олонцѣ не бывали.

Онежане. — На рогахъ онучи сушили. — Прохорята. — Прохоровы дѣти. — Прохоръ письмо прислалъ и любодырному велѣлъ деньги сбирать. Во всей Онегѣ нѣтъ телѣги. — Лѣтомъ воеводу возили на саняхъ по городу.

Орловцы. — Проломленныя головы. — Орелъ да Кромы — первые воры, да и Карачи на поддачу.

Одоевцы. — Молодечь, молодечь продай за грошъ постныхъ яичь.

Разъ Одоевцы привезли товаръ въ Москву, пришло время обѣда; вотъ вощика одного изъ своихъ послали купить провизію къ обѣду. Молодецъ впервые Москву видитъ. Подходитъ парень къ лотку съ огурцами и спрашиваетъ: „что это за товаръ?“ Москвичь, смѣкнулъ, что это за птица, и отвѣчаетъ: „Постныя яица“. Одоевецъ призарясь на огурцы и слыша, что яйца эти постныя, а дѣло было въ Петровки, началъ торговаться.

Осташи.—Волчьи объѣдки.—Ершеѣды.—Опозорили, опозорили, а чѣмъ же? Ужъ и не говори!

Пензяне.—Сура рѣчька у насъ важная, течетъ потихоньку, донышко у нея серебреное, круты бережка позолоченные.

Петрозаводцы. — Качу лавочку, качу мытный дворъ, качу свой торжокъ.—Боску съѣли.—Боска, боска, на тебѣ костку!

Псковичи.—Небо кольями подпирали. — Хоцу скацу, хоцу не скацу.

Пенѣжане.—Покупала по цетыре денецки, продавала по два грошика; барыша куца куцей, а денегъ ни копѣицки.

Пошехонцы.—Слѣпороды.—Въ трехъ соснахъ заблудились. За семь верстъ комара искали, а комаръ у Пошехонца на носу сидѣлъ.—На сосну лазили Москву смотрѣть.

Рэжевцы.—Батьку на кобеля промѣняли.

Романовцы.—Схорони концы.—Барана въ зыбкѣ закачали. Дѣло было такъ: у одного поселянина украли маленькаго барашка. Завопилъ мужикъ благимъ матомъ, а его жена такъ затосковала, что хоть руки на себя наложить. Сосѣди сжалились. Ударили въ набатъ, сдѣлали сходку и рѣшили сдѣлать повальный обыскъ, съ тѣмъ, что если у кого найдутъ пропажу, то утопить вора.

Поискали, поискали, приходятъ къ вору, а Романовецъ, только услышалъ приговоръ, спеленалъ ягненка и положилъ въ зыбку. Вошедшіе пришли и стали обшаривать избу и подполье. Романовецъ, качая своего барана, сказалъ старикамъ:

— Вотъ вамъ правая рука черезъ милое дитя и чтобы ему съ матерью на ножѣ поторчать—отвѣчалъ романовецъ.

Ростовцы —Вислоухіе.—Лапшеѣды.—Озеро соломой зажигали. — У насъ-ти въ Ростовѣ, чесноку-ти, луку-ти много, а навозъ-ти все коневій.

Вислоухими названы по зимней шапкѣ съ ушами. Лапшеѣдами потому, что лапша ихъ любимое кушанье.

Когда-то въ Москвѣ потребовалось много рыбы. Стали отвсюду ее требовать, и вѣсть эта достигла до Ростовцевъ. Дѣло прибыльное; но жаль, что озеро замерзло, такъ какъ запросъ былъ по зимѣ.

Думали, думали Ростовцы и придумали растопить озеро и наловить рыбы. Натаскали множество соломы съ избъ и ста-

роста скомандовалъ. „Ну, ребята! валяй на счастливую. Зажигай, подпаливай!“

Озера не растопили, а свою деревню спалили.

Рязанцы.—Кособрюхіе.—Мѣшкомъ солнышко ловили.—Блинами острогъ конопатили.

Сибиряки.—Сибирь.—Золотое дно.—Тепло, жарко да масляно—Сибирякъ любитъ.—Чевошники.

Смольяне.—Якой губерніи?—Смоленской. Якого уѣзда? города?—Драгобужска.—Якой волости?—Демьяновской посады!—Якова боярина?—Про то не вѣдамъ.—Кружники.—Хоть бейся о Малаховскія ворота.—Крѣпки какъ Малаховскія ворота.

Серпуховцы.—Дядя ѣдетъ отъ Серпухова, бороду гладитъ, а денегъ нѣтъ.

Старичане.—Возьми сорокъ алтынъ?—Сороци, не сороци, а меньше рубля не отдамъ. Пѣтуха встрѣчали съ хлѣбомъ-солью.

Спасцы. — Откуда ты молодечь? — Спаской купечь.—Чѣмъ торгуешь?—Краснымъ товаромъ: свѣщами и чистымъ дехтемъ.

Старорусcы. — Лошадь съѣли, да въ Новгородъ писали, чтобъ еще прислали.

Судиславцы.—Грибовики.

Солигаличане.—Бревенники, извесгняки.

Суздальцы.—Мазанники.—Мазилы.—Въ Суздалѣ да Муромѣ Богу помолиться, въ Вязникахъ погулять, въ Шуѣ напиться.

Тверитяне.—Ряпучинники. Забѣгай! забѣгай!—А что? —Не видишь, что куница бѣжитъ? — Это собака съ Клементьева двора.—Ну, такъ пускай бѣжитъ. — Новоприведенная дѣвонька.—Цвякалы, цуканы.

Тамбовцы.—Молоканы.—Хрептуки степные.

Тихвинцы.—Свято то мѣсто, гдѣ Тихвинца нѣтъ.—Козу на колокольню тащили.

Торопчане. — Таботеры. — Торопчанина обманетъ цыганъ, цыгана—жидъ, жида—грекъ, а грека—чортъ.—Цыгану лошадь на лапти промѣнялъ.

Тройчане.—Поляки съ пушками, а мы съ клюшками.

Туляки. — Живетъ въ Тулѣ да ѣстъ дули. Бей челомъ на Тулѣ, ищи на Москвѣ.—Стальная душа.—Блоху на цѣпь приковали. — Бачика присядь, присядь — чижи летятъ. — Хорошъ заяцъ, да тумакъ, хорошъ малый, да Тулякъ.

Усольцы.—Огуречники.

Угличане.—Небось, небось батька! Вѣдь это не наше.

Въ старину было: Погода ненастная, а время голодное. Пошли отецъ съ сыномъ поворовать съ горя. Ночь была темная, а отецъ къ тому же былъ полуслѣповатъ. Какъ вышли со двора, такъ и дорога пропала. Пропѣли третьи пѣтухи, дорога опять нашлась, когда уже стало проходить удобное время. — „Поди батько“ говоритъ сынъ, „ты посмѣлѣе меня“ и указалъ ему на чужой домъ. А въ домъ то попали въ свой. Дивится старикъ, что все въ избѣ словно какъ свое, да знакомое; а сынъ кричитъ: „Не бойсь батька! Это не наше.— „Какъ не наше“, возражаетъ отецъ, да и старуха-то моя!

Устюжане. —Мазы.—Черносеребреники,—Красноязыки.

Холмогорцы. — Заугольники.—Царя изъ за угла встрѣчали.

Чухломцы. — Рукосуи. — Рукавицы за поясомъ, а другихъ ищетъ.

Шуяне.—Бѣса въ солдаты отдавали. — Въ Питерѣ бывалъ, на полу сыпалъ и тутъ не упалъ.—Кабы мнѣ крѣпкаго мыльца.

Юрьевцы.—Китаешники.

Ярославцы. — Красавцы-бѣлотѣлы. — Ярославъ городокъ — Москвы уголокъ. — Пудъ мыла извели, а родимаго пятна у сестры не смыли.

СТАРИННЫЯ И НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

I. ПѢСНИ СВЯТОЧНЫЯ.

Слава Богу на небѣ,
Слава!
Государю нашему на сей землѣ!
Слава!
Чтобы нашему Государю не стариться,
Слава!
Его цвѣтному платью не изнашиваться,
Слава!
Его добрымъ конямъ не изъѣзживаться,
Слава!
Его вѣрнымъ слугамъ не измѣниваться.
Слава!
Чтобы правда была на Руси
Слава!
Краше солнца свѣтла;
Слава!
Чтобы Царева золота казна
Слава!
Была вѣкъ полнымъ полна;
Слава!
Чтобы большимъ-то рѣкамъ
Слава!
Слава неслась до моря;
Слава!
Малымъ рѣчкамъ до мельницы.
Слава!
А эту пѣсню мы хлѣбу поемъ,
Слава!

Хлѣбу поемъ, хлѣбу честь воздаемъ.
Слава!
Старымъ людямъ на потѣшеніе,
Слава!
Добрымъ людямъ на услышаніе.
Слава!

Катилося зерно по бархату,
Слава!
Еще ли то зерно бурмитское,
Слава!
Прикатилося зерно ко яхонту,
Слава!
Крупенъ жемчугъ со яхонтомъ,
Слава!
Хорошъ женихъ со невѣстою.
Слава!

Идетъ кузнецъ изъ кузницы,
Слава!
Шубенка на немъ худехонька;
Слава!
Одна пола во сто рублей.
Слава!
Другая пола въ тысячу,
Слава!
А всей-то шубенкѣ цѣны нѣтъ.
Слава!
Цѣна ей у Царя въ казнѣ,
Слава!
У царя въ казнѣ, въ золотомъ ларцѣ.
Слава!

Еще ходитъ Иванъ по погребу,
Слава!
Еще ищетъ Иванъ неполнаго,
Слава!

Еще хочетъ Иванъ дополнити
Слава!
Свою братину зеленымъ виномъ
Слава!
Что неполнаго, и покрытаго.
Слава!

РОЖДЕСТВЕНСКІЕ СТИХИ *).

(Которые поются дѣтьми, ходящими со звѣздою).

Днесь пресвѣтлая
Небу и земли царица,
Христа царя рождаетъ
И млекомъ его питаетъ.
Пеленами увиваетъ,
Въ ясли полагаетъ,
Звѣзда пути являетъ,
Надъ вертепомъ сіяетъ;
Волсви же пониже
Христу царю пріидоша.
Трои дары принесоша:
Злато, ливанъ, смирну.
Вещь предивну.

*

Достойно есть удивленія,
Духовнаго веселія,
Нынѣ звѣзда явися,
На востокѣ остановися,
Паче свѣтъ свѣту проязвѣщаетъ.
Бога нашего на земли являетъ
Тако дождь нарушніетъ,
Тако смиренно Господь на землѣ пріидетъ,
Отъ пречистыя Дѣвы Маріи,
Родися яко младенецъ
Пеленами повиванъ.

---

*) См. труды Этногр. отдѣла Об. Люб. Естеств. Кн. V, вып. 2-й. 1878 г.

Горніе дивятся.
Земные о томъ веселятся.
Вкупѣ возрадуются.
Днесь Христово рожденіе,
Веселимся здѣсь.
Благодати есть.
Хвалу Богу начнемъ пѣть.
Въ полу на землѣ звѣзда,
Ангели пастыря
Возвѣстили нарожденнаго.
Бога нашего.
Царь же Иродъ.
Во всемъ мірѣ.
Мірѣ намъ явися.
Богъ Царь отъ дѣвы Маріи
Надъ вертепа родися.
Во всемъ мірѣ.
Младенцей побили.
Били, сѣкли, ругали.
Лежитъ тако воронковъ,
На поляхъ снопковъ.
Маткамъ ручки заломили,
Волосы дерутъ,
Мира мируютъ,
Жалостны матки,
Соболи дѣтки.

*

Новая радость,
Во всемъ мірѣ.
Мірѣ намъ явися,
Богъ царь, отъ дѣвы Маріи,
На земли родися.
Дайте, воспѣвайте,
Возыграйте.
Дай Богъ вамъ,
Вамъ господамъ,
Господиновымъ женамъ,
Скупно здраствовати,

Виватъ, виватъ,
Многая лѣта— *).

ВЕЧЕРИНОЧНЫЯ ПѢСНИ.

Не нападывай пороша 2
    На талую землю, 2
Что на талую на землю, 2
    Въ Петрово говѣнье, 2
Что въ петрово говѣнье, 2
    Въ перво воскресенье. 2
Что по той бѣлой пороши, 2
    Шелъ Ваня хорошій, 2
Шелъ Иванушко хорошій, 2
    Бѣлый, кудряватый, 2
Ваня бѣлый, кудряватый, 2
    Холостъ, не женатый. 2
Зажимаетъ праву руку, 2
    Ко бѣлому снѣгу, 2
Зажимаетъ, самъ бросаетъ, 2
    Къ Парани въ окошко: 2
Ты пойди, выйди Параня, 2
    Выйди Парасковья; 2
Есть у батюшки гости, 2
    У матушки гости, 2
Есть у братьица подъячи, 2
    У сестеръ дѣвицы, 2
У сестрицы есть дѣвицы, 2
    У Парани Ваня. 2
Я шутя Вани сказала, 2
    Взаболь отказала, 2
Пошелъ Ванюша не веселъ, 2
    Голову повѣсилъ. 2
Пошелъ Ванюша печаленъ. 2
    Головой качаетъ, 2
Самъ головушкой качаетъ, 2
    Себѣ размышляетъ; 2

*) См. труды Этногр. отдѣла. Кн. V, вып. II. 1878 г.

Ужъ я какъ буду жить, 2
    Кого полюбити? 2
Мнѣ стара баба любить, 2
    Стыдно къ ней ходити: 2
Мнѣ мужня жена любить, 2
    Убитому быти; 2
Молода вдова любить, 2
    Денежно носити; 2
Красну дѣвицу любить, 2
    Щегольно ходити, 2
Хоша щегольно ходити, 2
    Дѣвицу любити. 2

*

Изъ подъ ели, ели, ели 2
    Течетъ рѣчька быстра, 2
Течетъ рѣченька быстренька, 2
    Водца мутненька; 2
Мнѣ нельзя воды пить, 2
    Нельзя почерпнути, 2
Мнѣ нельзя жены бить, 2
    Нельзя поучити. 2
Ужъ я билъ жену часъ, 2
    Самъ плакалъ недѣлю, 2
Исприплакалъ ясны очи, 2
    По четыре ночи, 2
По четыре темны ночи, 2
    Темныя, осенни. 2

*

Вечеръ соколъ
Вечеръ ясенъ
    Сыры боры (3) облеталъ;
Алексѣюшко,
Свѣтъ Яковлевичъ,
    Свои кудри (2) свои русы расчесалъ:
Дарьюшкѣ
Свѣтъ Матвѣевнѣ
    Два словечка (2), полдесятка сказалъ (2):

Дарьюшка,
Свѣтъ Матвѣевна,
    Взгляни радость (3) на меня;
Коль я хорошъ,
Коль я пригожъ,
    Наливная ягодка, наливная сахарная (2).

*

Посѣяли дѣвки ленъ,
    Ходи браво, гляди прямо, говори, что дѣвки ленъ
Посѣяли въ огородъ. 2
    Ходи . . . . въ огородъ
Во частенькой, во новой, 2
    Ходи . . . . во новой.
Повадился въ этотъ ленъ, 2
    Ходи . . . . ленъ
Дѣтинушка, парень молодой, 3
    Ходи . . . . молодой;
Сильну цвѣтикъ сорывалъ, 2
    Ходи . . . . сорывалъ,
Въ Дунай рѣчьку побросалъ,
    Ходи . . . . побросалъ.
Дунай рѣчька не приматъ, 2
    Ходи. . . . . не приматъ
Ко бережку прибиватъ, 2
    Ходи. . . . . прибиватъ,
Ко бережку ко круту, 2
    Ходи. . . . . ко круту,
Ко желтому ко песку, 2
    Ходи. . . . . ко песку,
Ко сѣрому камешку 2
    Ходи . . . . камешку
Въ сѣромъ камнѣ искры нѣтъ, 2
    Ходи . . . . нѣтъ;
Въ своей женѣ правды нѣтъ, 2
    Ходи . . . . нѣтъ;
Въ чужой жены правда вся.
    Ходи . . . . вся.

Куплю своей жены лапотки, 2
Ходи . . . . лапотки;
Чужой жены башмачки, 2
Ходи . . . . башмачки,
Своей жены костычекъ, 2
Ходи . . . . костычекъ,
Чужой жены сарафанъ, 2
Ходи. . . . . сарафанъ;
Носи, жена береги 2
Ходи . . . . береги,
По праздникамъ годовымъ, 2
Ходи. . . . . годовымъ *).

*

Ты дуброва моя, дубровушка,
Ты дуброва моя, зеленая!
Ты къ чему рано зашумѣла,
Приклонила свои вѣточки?
Изъ тебя ли, изъ дубравушки,
Мелки пташечки вонъ вылетали,
Одна пташечка оставалася
Горемышная кукушечка.
Что кукуетъ она день и ночь,
Ни на малый часъ перемолку нѣтъ,
Жалобу творитъ кукушечка
На залетнова ясна сокола:
Разорилъ онъ ея тепло гнѣздышко,
Разогналъ ея малыхъ дѣтушекъ,
Малыхъ дѣтушекъ, кукунятушекъ.
Что по ельничку, по березничку,
По часту лѣску, по орѣшничку,
Что во теремѣ сидитъ дѣвица,
Что во высокомъ сидитъ красная,
Подъ косящетымъ подъ окошечкомъ;
Она плачетъ, какъ рѣка льется,
Возрыдаетъ, что ключи кипятъ,
Жалобу творитъ красна дѣвица

*) Всѣ 4 пѣсни взяты изъ Трудовъ Этногр. Отд. 1878 г. Кн. V, выпускъ II.

На заѣзжева добра молодца,
Что сманилъ онъ красну дѣвицу,
Что отъ батюшки и отъ матушки,
И завезъ онъ красну дѣвицу
На чужу дальнюю сторону,
На чужу дальню, незнакомую,
Что завезши, хочетъ покинути.

*

Стругалъ стружки добрый молодецъ,
Брала стружки красна дѣвица,
Бравши стружки, на огонь клала,
Все змѣй пекла, зелье дѣлала,
Выходила посередь двора,
Наливала чару прежде времени,
Подносила брату милому.
Ты пей сестра, напередъ меня.
Пила, братецъ наливаючи,
Тебя, братецъ, проздравляючи.
Канула капля коню на гриву,
У коня грива загорѣлася.
Сходитъ молодецъ съ добра коня,
Вынималъ свою саблю острую,
И снималъ съ сестры буйну голову;
Не сестра ты мнѣ родимая,
А змѣя ты подколодная.—
Онъ клалъ дрова среди двора,
И онъ сжегъ ея тѣло бѣлое,
Что до самаго до пепела;
Онъ развѣялъ пухъ по чисту полю
Заказалъ всѣмъ тужить и плакати.

*

Ты рябинушка, ты кудрявая,
Ты когда взошла, когда выросла?—
Ты рябинушка, ты кудрявая,
Ты когда цвѣла, когда вызрѣла?
Я весной взошла, лѣтомъ выросла,
Я весной цвѣла, лѣтомъ вызрѣла.
Подъ тобою ли, рябинушкой,

Что не макъ цвѣтетъ, не трава ростетъ,
Не трава ростетъ, не огонь горитъ,
Не огонь горитъ—ретиво сердце,
Ретиво сердце, молодецкое.
Ахъ, горитъ, горитъ, какъ смола кипитъ,
По душѣ-ль, душѣ лебедушкѣ,
По лебедушкѣ, по голубушкѣ,
По голубушкѣ, красной дѣвицѣ.
Ты душа-ль, душа красна дѣвица!
На зарѣ-ль, зарѣ утренней,
При восходѣ-ли свѣтла солнышка
Не простившися съ отцомъ, съ матерью,
Не видавшись съ добрымъ молодцомъ,
Жизнь оставила, скончалася.
Ой, вы вѣтры, вѣтры теплые,
Вѣтры теплые, вы осенніе!
Вы не дуйте здѣсь, васъ не надобно.
Прилетайте вы, вѣтры буйные;
Что со сѣверной со сторонушки,
Вы развейте здѣсь мать сыру землю,
И развѣевши по чисту полю,
По чисту полю, по широкому,
Вы раскройте мнѣ гробову доску,
Ужъ и дайте мнѣ вы въ послѣдній разъ
Распрощатися съ моей милою,
Съ моей милою, съ душой дѣвицей!
Окропивъ ея горючей слезой,
Я вздохну, умру подлѣ ней тогда.

*

Не спала то я, младешенька, не дремала,
Я не думала, младешенька, не гадала,
Съ правой руки ясная сокола опустила;
Подымался младъ ясенъ соколъ выше лѣсу,
Выше лѣсу, выше зеленой дубравы!
Опускался младъ ясенъ соколъ на сине море,
Онъ садился младъ ясенъ соколъ на корабликъ;
По кораблику гостиный сынъ гуляетъ,
Во звончатые онъ гуселки играетъ,

Онъ душу красну дѣвицу утѣшаетъ:
Ты не плачь, не плачь, душа красна дѣвица,
Наживай себѣ друга милаго, иного.
Буде лучше меня найдешь—позабудешь:
Буде хуже найдешь—воспомянешь,
Вспомянувъ меня, душа моя заплачешь *).

ПѢСНИ ИГОРНЫЯ И ОБРЯДНЫЯ.

И я золото хороню, хороню.
Чисто серебро хороню, хороню,
Я у батюшки въ терему, въ терему,
Я у матушки во высокомъ, во высокомъ.
    Палъ, палъ перстень
    Въ калину, въ малину,
    Въ черную смородину.
Гадай, гадай дѣвица, отгадывай красная!
Въ коей рукѣ былица?
    И я рада бы гадала.
    И я рада бы отгадывала,
    Кабы знала, кабы вѣдала.
    Чрезъ поле идучи,
    Русу косу плетучи,
    Шелкомъ перевиваючи,
    Златомъ приплетаючи.
    Ахъ, вы кумушки, вы голубушки!
    Вы скажите не утайте.
    Мое золото отдайте;
    Меня мати хочетъ бити,
    По три утра, по четыре·
    По три прута золотые,
    Четвертымъ жемчужнымъ.
Еще дѣвицы гадали,
Еще красныя гадали,
Да не отгадали.
    Палъ, палъ перстень
    Въ калину, въ малину,

*) 4 семейныя пѣсни заимс. у Сахарова въ его сказан. Р. Н. Т. I. 1841 г.

Въ черную смородину.
Очутился перстень
Да у боярина, да у молодаго
На правой на ручкѣ.
На маломъ мизинцѣ.
Еще дѣвицы гадали,
Да не отгадали,
Еще красныя гадали,
Да не отгадали.
Наше золото пропало,
Чистымъ порохомъ запало,
Призаиндивѣло, призаплесневѣло.
Молодайка, отгадай-ка!
Пошли гусли вдоль по горницѣ
Ай вдоль да по скамѣечкѣ;
Дошли гусли до столешничка,
Что до дубоваго.
Ты возьми, возьми умница
Съ правой руки золотъ перстень,
Съ своей ли головы золотъ вѣнецъ.
Виноградье красно, почему спознать:
Что Устиновъ домъ Малфеевича,
Что у его двора все шелкова трава,
Что у его двора все серебряный тынъ;
Ворота у него дощатыя,
Подворотнички рыбья зубья?
На дворѣ у него да три терема:
Во первомъ терему, да свѣтелъ мѣсяцъ,
Во второмъ терему, красно солнышко,
Во третьемъ терему, часты звѣзды;
Что свѣтелъ мѣсяцъ, то Устиновъ домъ,
Что красно солнце, то Улита его,
Что часты звѣзды, малы дѣтушки.
Да, дай Боже, Устиньѣ Хавроньевнѣ
Съ высока терема дочерей выдавать.
Подари, государь, колядовщиковъ.
Наша коляда ни рубль, ни полтина,
А всего полъ-алтына?

За рѣкою, за быстрою.
Ой колюдка, ой колюдка!
Лѣса стоятъ дремучіе,
Во тѣхъ лѣсахъ огни горятъ,
Огни горятъ великіе;
Вокругъ огней скамьи стоятъ,
Скамьи стоятъ дубовыя;
На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы,
Добры молодцы, красны дѣвицы.
Поютъ пѣсни колюдушки.
Ой колюдка! ой колюдка!
Въ срединѣ ихъ старикъ сидитъ,
Онъ точитъ свой булатный ножъ,
Котелъ кипитъ горючій,
Возлѣ котла козелъ стоитъ;
Хотятъ козла зарѣзати.
Ой колюдка! ой колюдка!
Ты, братецъ, Иванушко,
Ты выди, ты выпрыгни!
Я радъ бы выпрыгнулъ,
Горючь камень
Къ котлу тянетъ,
Желты пески
Сердце высосали.
Ой колюдка! ой колюдка!

*

Прикажи, сударь хозяинъ, ко двору придти.
Виноградье красно зеленое!
Прикажи-тко ты, хозяинъ коляду просказать,
Виноградье красно зеленое!
Ахъ! мы ходимъ, мы ходимъ по кремлю городу,
Виноградье красно зеленое!
Ужъ ищемъ мы, ищемъ господинова двора:
Виноградье красно зеленое!
Господиновъ дворъ на седьми верстахъ
Виноградье красно зеленое!
На седьми верстахъ, на осьмидесяти столбахъ,
Виноградье красно зеленое!

Что же около двора да желѣзной тынъ,
Виноградье красно зеленое!
Что на всякой же тычинкѣ по маковкѣ;
Виноградье красно зеленое!
Что на всякой же по крестику;
Виноградье красно зеленое!
Что на всякомъ же крестику по жемчюжку
Виноградье красно зеленое!
А среди того двора, что три терема стоятъ
Виноградье красно зеленое!
Что три терема стоятъ златоверховаты.
Виноградье красно зеленое!
Что въ первомъ терему красно солнце,
Виноградье красно зеленое!
Красно солнце, то хозяинъ въ дому.
Виноградье красно зеленое!
Что въ другомъ терему свѣтелъ мѣсяцъ,
Виноградье красно зеленое!
Свѣтелъ мѣсяцъ, то хозяйка въ дому.
Виноградье красно зеленое!
Что во третьемъ терему, часты звѣзды
Виноградье красно зеленое!
Часты звѣзды, то малы дѣтушки;
Виноградье красно зеленое!
Хозяинъ въ дому, какъ Адамъ на раю,
Виноградье красно зеленое!
Хозяйка въ дому, какъ оладья на меду,
Виноградье красно зеленое!
Малы дѣтушки, какъ оладышки
Виноградье красно зеленое!

*

По Дунаю, по рѣкѣ,
По бережку по крутому
Лежатъ гусли неналаженныя.
Коляда!
Кому гусли налаживати?
Коляда!

Наладить гусли
Зензевею Андреяновичу
Коляда!
Зензевея дома нѣтъ;
Онъ уѣхалъ въ Царь городъ
Суды судитъ, ряды рядитъ;
Коляда!
Онъ женѣ-то шлетъ
Кунью шубу.
Коляда!
Сыновьямъ-то шлетъ
По добру коню.
Коляда!
Дочерямъ-то шлетъ
По черну соболю.
Коляда!

УЛИЧНЫЯ ПѢСНИ *).

Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ за темнаго дремучаго,
Подымалася погодушка,
Что такая нехорошая:
Со вѣтрами со погодами,
Со великими угрозами,
Что во ту пору, во то время
Дочь отъ матушки поѣхала,
Жалобно, слезно заплакала;
Во зеленый садъ заѣхала,
Среди саду становилася,
Съ соловьями думу думала,
Съ молодцами рѣчь говорила:
Соловей мой, соловьюшко
Соловей мой, птица вольная,
Птица вольная, бездомовая!
Полетай, мой соловеюшко

*) Мевенскія. Труды Этногр. Отдѣла. 1878 г. Книга V. Выпускъ II.

На родимую мою сторонушку,
На родиму, на любимую;
Скажи, мой соловеюшко!
Отцу, матушкѣ, большой поклонъ,
Роду, племени челобитьице,
Дружку милому большой поклонъ.

*

Катюшечка, душечка,
Едина въ горенкѣ сидитъ;
Шила, вышивала
Дружку милому платокъ;
Сошила рубашечку,
Сама къ батюшкѣ пошла.
Родитель мой, батюшка!
Что ты думашь обо мнѣ?
Дитя мое, Катинька,
Не моя воля, твоя:
Хочешь ты, поди взамужъ,
Не хошь, дѣвушкой сиди!
Дитя мое, Катинька
Поди въ дѣвій монастырь.
Родитель мой, батюшка,
Въ монастырь я не гожа,
Кельи разворочаю,
Монастырь весь раззорю,
Молодыхъ монашенокъ
Въ стыдъ, безчестье приведу;
Старой я игуменьѣ
Ризу раздеру.
Сватался на Катинькѣ
Изъ-за моря купецъ;
Сказывалъ: житья бытья
Двѣсти тридцать кораблей;
Катя думала, подумала,
Я за этого нейду.
Сватался на Катинькѣ
Изъ трактира музыкантъ,
Сказывалъ: житья бытья—

Стара скрипка да гудокъ.
Думала, подумала,
Я за этого пойду,
Когда сыта, голодна,
Завсегда я весела,
Завсегда плясать пошла.
Выйду я на улицу,
Отъ всѣхъ мнѣ честь, хвала.
Кто идетъ по улицѣ?
Музыкантова жена!

*

Не ходилъ бы я по этой дорожечкѣ;
Не смотрѣлъ бы я на это окошечко,
На окошечкѣ лежитъ примѣточька,
Не примѣточка лежитъ, горюшко печаль моя,
Не печаль, горе лежитъ, лежитъ сухота моя,
Изсушилъ я, искрушилъ, мальчикъ красну дѣвушку,
Безъ бѣлилъ, безъ румянъ щеки у ней алыя,
Свѣтло-русая коса у ней часто уплетеная;
Во русой ли, во косѣ, у ней лента алая,
Лента алая, Дуня дѣвка бравая.
Ваня Дунюшку любилъ, Ваня счастливъ былъ,
Прочь отъ Дунюшки отсталъ,
Ванюшка безсчастенъ сталъ.
Что у кустышка было у ракитоваго,
У колодечка было у студенаго
Молодецъ коня поилъ;
Ванюша жену училъ:
А жена-то, жена, мужу покорялася
Въ праву ноженьку ему покланялася.

*

Я мала была, да горя не было;
Я повыросла, да горя прибыло;
Я куды съ горя дѣваюся,
Со печалюшки да подѣваюся?
Пойду съ горя въ темны лѣса,
Во зеленыхъ-то лугахъ тамъ растетъ трава;
Растетъ травонька шелковая,

Разцвѣтали цвѣты лазоревые,
Разнеслись духи малиновые,
Все малиновые, анисовые.
Я со той травы цвѣтокъ сорву,
Я цвѣтовъ нарву, вѣнокъ совью
Милу дружку на головушку;
Носи миленькій, не уранивай
Люби дѣвушекъ; не обманывай
Какъ вѣночекъ спалъ, любить милый не сталъ,
Онъ любить не сталъ, смѣяться сталъ,
Надъ Дунюшкой смѣяться сталъ;
У Дунюшки слово тайное, рѣчь забавная.
Ужъ я всѣмъ дружку пондравилась:
Бѣлымъ лицемъ подхожая,
Мыслями дружку прехитрая,
Во кампаньюшкѣ веселая,
Во дѣвицахъ-красавица.

*

Ужъ ты степь наша, степь Саратовска;
Далеко и широко ты, степь, протянулася,
Протянулась наша степь отъ Москвы до Питера,
Отъ Москвы до Питера, до села Царицина;
Отъ села Царицына до князя Голицына.
Что никто-то, никто, по этой дорожкѣ не ѣзживалъ.
Тутъ и шли, прошли молоды извощички,
Млады извощички все коломенски;
Они везли то, везли бѣлу рыбицу,
Бѣлу рыбицу къ селу Царицыну.
Солучилося у нихъ несчастьице:
Заболѣлъ да захворалъ младой извощичекъ;
Заболѣла у него голова буйная,
Опустились руки бѣлыя,
Подломились ноги рѣзвыя,
Завязали буйну голову платкомъ тальянскимъ;
Дарилъ-то платокъ не батюшка, не матушка
Дарила красна дѣвица;
Подарила, приговаривала:

Ты носитко платокъ. да не хвастай мной,
Когда выносишь, похвастайся.

*

Калинушка съ малинушкой лазуревъ цвѣтъ,
Не веселая бесѣда. гдѣ милаго нѣтъ;
Веселая компаньюшка, гдѣ любезный пьетъ,
Онъ пьетъ. не пьетъ за мной младой шлетъ.
Я млада младешенька да призамѣшкалась,
За утками, за гусями, да за лебедями,
За вольною за птичькою. за журавонькою.
Журавонька птичка по бережку погуливала,
Мураву траву потаптывала,
За рѣченьку за быструю посматривала.
За рѣченькою за быстрою слободка стоитъ;
Не малая слободушка: четыре двора,
Во этихъ во дворикахъ четыре кумы,
Ужъ вы кумушки голубушки, подружки мои,
Кумитеся, любитеся, любите меня.
Ужъ вы пойдете во зеленъ садъ. возьмите меня.
Ужъ вы будете цвѣточки рвать, сорвите и мнѣ,
Ужъ вы будете вѣнки свивать, свейте и мнѣ.
Ужъ пойдете вы на рѣченьку, возьмите и меня;
Ужъ вы станите вѣнки спускать, спустите и мой.
Ужъ и всѣ вѣнки поверхъ плывутъ
Только мой одинъ кодну ушелъ;
Всѣ дружки съ Москвы пришли,
Только мой одинъ остался тамъ.

*

Не ясенъ-то соколъ по горамъ леталъ,
Леталъ-то леталъ, лебедей искалъ:
Все лебедушекъ искалъ;
Онъ нашелъ то, нашелъ на крутой горѣ,
На всей красоты сидятъ,
Все сидятъ то. сидятъ все бѣлешеньки
Словно бѣленькій снѣжокъ:
Что одна то одна, лебедь бѣлая. всѣхъ поснарядливѣй
Поснарядливѣй. да подогадливѣй.
Изъ стада во стадо лебедь перелетывала.

Письма, вѣсточки перенашивала;
Что мой-отъ милый въ лужкахъ гулялъ,
Во лужкахъ гулялъ,
Все гулялъ-то гулялъ, лебедей искалъ
Все лебедушекъ.
Мнѣ не жаль-то, не жаль самою себя,
Жаль саду зеленаго;
Зеленаго саду жаль, въ садику трава росла,
Мурава трава росла,
Травонька муравая, все лазоревы цвѣты.

ПѢСНИ КАШНИЦЪ *)

(На деревенскихъ помочахъ).

По сѣничкамъ, сѣничкамъ,
По сѣничкамъ господиновымъ,
Вью-ли лю-вью-ли-лю, вью-ли-лю-вью-лилю
Вьюрью-ли, вьюрью-ли, вьюрью-ли, вью-ли-лю **).
Господина ласковаго,
Да у свѣта пріятливаго,
Афонасія Семеновича ***).

Припѣвъ.

Тутъ не павушка павывала,
Не павина перье ронила,
Тутъ и ходила, и гуляла
Пожилая боярыня,
Пожилаго боярина
Анна Аникишна ****).

Припѣвъ.

Она ходила—гуляла
По всей свѣтлой свѣтлицѣ,
По столовой новой горницѣ,
Подошла млада къ окошечку.

---

*) Записаны въ г. Пинегѣ бывшимъ студентомъ А. Сималовскимъ въ 1862 г.

**) Припѣвъ этотъ повторяется въ продолженіи всей пѣсни, послѣ нѣсколькихъ стиховъ.

***) Имя хозяина дома.

****) Имя хозяйки дома.

Посмотрю же я въ окошечко
На улицу широкую,
На дорожку проѣзжую,
На младъ свѣтелъ мѣсяцъ,
Веселъ ли сударь, господинъ,
Афонасій Семеновичъ?

Припѣвъ.

Ко кроваточкѣ тесовой подошла,
Ко постелюшкѣ пуховой,
Ко зголовницу косящетому,
Къ одѣялушку чернаго соболя;
Какъ спроговоритъ умная,
Какъ спроговоритъ разумная,
Анна Аникишна!

Припѣвъ.

Ужъ ты стань-ко, мой ласковый,
Ужъ ты стань-ко мой, пріятливый!
Мимо нашихъ высокъ теремъ
Пролеталъ тутъ ясенъ соколъ;
Мимо нашей-то горницы,
Мимо свѣтлой свѣтлицы
Проѣзжалъ православный князь,
Въ соборъ Богу молитися.

Припѣвъ.

Какъ спроговоритъ ласковый,
Какъ спроговоритъ пріятливый,
Афонасій да Семеновичъ:
Отойди ты прочь умная,
Отступи прочь ты, разумная
Анна Аникишна!

Припѣвъ.

У насъ все будетъ излаженное,
Будетъ Богомъ исправленное:—
У насъ извощики нарошенные,
У насъ лошади накупленныя,
Во коляску заложенныя;
Только сѣсть намъ и ѣхати
Во соборъ Богу молитися,

До Николы Святителя,
Пресвятой Богородицы.

Припѣвъ.

*

Какъ по горницѣ столовой,
Какъ по свѣтлицѣ пировой,
Тутъ стоятъ столы дубовые;
На стѣнахъ ковры шелковые,
На коврѣ чара золота
Какъ полна меду налита;
Еще кто чару наливалъ
И еще кто съ медомъ дополнялъ.
Наливалъ чару *) Гаврило господинъ,
Дополнялъ съ медомъ Афонасьевичъ;
Свою умную призывалъ,
Свою разумную приклпкивалъ,
Александрушку **) ризывалъ:
Александрушка, другъ моя
Ты Гавриловна—милая,
Ты дойди, радость, до меня.
Ты любишь ли меня?
Поцѣлуешь ли въ уста?
Ты прими чару отъ меня,
Выпей, выкушай, всю до дна:
Принеси сына, ясна сокола,
Что бѣлымъ лицомъ въ меня,
Умомъ, разумомъ во себя.
Какъ ясны очи сокола,
Какъ черны брови соболя.
Александрушка подошла,
Гавриловна приняла,
Выпила, высушила всю до дна.
Принесла сына, ясна сокола,
Что бѣлымъ лицомъ во меня,
Умомъ разумомъ во себя,

*) Имя женатаго сына хозяина.
**) Его жена.

Что ясны очи сокола,
Черны брови соболя *).

ПѢСНЯ ВО ВРЕМЯ СТРАДЫ.

Маленькой мальчишко въ горенкѣ сидѣлъ.
Во горинкѣ сидѣлъ, самъ свое горе терпѣлъ;
Сушилъ, крушилъ сердце—знаю для кого,
Знаю для кого, для любезной своей.
Тамъ моя любезная далече живетъ.
Далече, далече, межъ горъ высоко;
Тамъ мѣсто прекрасно, пріятенъ духъ несетъ.
Схожу я ко Аннушкѣ, спрошу самъ ее:
Скажи, скажи Аннушка. любишь или нѣтъ?
Ежели ты любишь, возьму я за себя;
Ежели не любишь, убью я самъ себя.
Самъ себя убью, во сыру землю пойду;
Буду я молодчикъ въ сырой землѣ лежать;
Пущай люди скажутъ, пущай говорятъ,
Пущай говорятъ, меня молодца бранятъ.

НЕВѢСТѢ.

Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ-за темнаго, дремучаго,
Тутъ-летаетъ стадо сѣрыхъ гусей,
Сѣрыхъ маленькихъ утицъ,
Какъ второе бѣлыхъ лебедей.
Не умѣла лебедушка
По мелкимъ ручьямъ да плавати,
По гусиному да кикати
Лебядинымъ тонкимъ голосомъ;
Еще начали сѣры гуси
Какъ бѣлу-то лебедь щипати;
Что бѣла-то лебедь кикати:
Не щиплите вы, сѣры гуси,

*) Послѣдніе пять стиховъ каждый поется дважды.

Сѣры маленькія утицы;
Не сама я къ вамъ залетала
Не своею я охотою;
Злой великою неволею
Занесли да вѣтры буйные
Злы погодушки великія.
Не умѣла (имя) невѣсты
На головушкѣ управити,
Злой свекровушкѣ уладити.
Еще начали чужи люди,
Богоданные родители
Журить бранить (невѣсту);
Какъ дѣвица стала плакати:
Не журите вы чужи люди,
Богоданные родители,
Не сама я къ вамъ во дворъ пришла,
Что завелъ меня самъ младъ князь
На своихъ онъ добрыхъ коняхъ,
На добрыхъ, на ступчивыхъ.

ЖЕНИХУ.

Что сказали не грозенъ (женихъ),
Что сказали не страшенъ,
Онъ грозенъ, грозенъ, немилостивъ,
Что гроза его великая,
Красота его неизрѣченная.
Онъ ходилъ, гулялъ по улицѣ;
Заходилъ онъ ко тестю во дворъ,
Что ко тещѣ на новы сѣни,
Со новыхъ сѣней во горницу,
Во горницу за завѣсу
Души красной дѣвицы,
Ко княгинѣ первобрачной,
Ко невѣстѣ нареченной;
Бралъ ее за правую, за руку,
Поломалъ у ей злаченъ перстень,
Съ дорогой модной ставочкой.

Тутъ дѣвица испужалася,
Душа красна перепалася:
Ужъ я какъ скажу батюшку?
Ужъ я какъ скажу матушкѣ?
Ужъ ты такъ скажи батюшкѣ,
Ужъ ты такъ скажи матушкѣ:—
Я брала свои золоты ключи,
Отмыкала окованы сундуки,
Вынимала черно плисово сукно,
Я кроила (жениху) кафтанъ,
Чтобы ему не дологъ былъ,
Чтобы ему не коротокъ былъ,
По подолу былъ раструбистый,
По середкѣ пережимистый,
По подпазушкамъ перехватистый,
Чтобы онъ легко на конички скакалъ,
Хорошенько разъѣзживалъ.

КОГДА ОТДАЮТЪ НЕВѢСТУ НА ЧУЖУЮ СТОРОНУ.

Что ты, что ты, сине море
Стоишь, не колыблешься?
Что ты, что ты, березонька,
Стоишь, не шатаешься?
Что ты, что ты красна дѣвица (невѣ ста),
Сидишь, не разсмѣхнешься?
Мнѣ чему-же разсмѣяться?
Мнѣ чему-же радоваться?
Мнѣ ночесь молодешенькой,
Мнѣ ночесь мало спалося,
Мало спалось, во снѣ видѣлось:
Что на нашей улицѣ,
Что на нашей, на широкой,
Есть пустая хоромина,
Есть пустая не крытая:
Углы прочь отвалилися,
По бревну раскатилися,
Отецъ мать отступилися,

Родъ племя отказалися.
Вы, подружечки, голубушки,
Посудите, пожалуйте,
Если вы не присудите,
Я сама знаю, вѣдаю;
Молода я догадалася,
Что пустая хоромина—
Чужа дальняя сторона;
Что пустая не крытая,—
Злодѣйка незнакомая;
Углы прочь отвалилися—
Богоданные родители;
По бревну раскатилися—
То чужи незнакомые.
По полу ходитъ гусыня—
То свекровушка матушка;
На печи то котище лежитъ—
Богоданный свекоръ батюшка:
Что по лавочкамъ ласточки—
То деверьича братьицы;
По окошечкамъ то голуби—
То голубушки сестрицы;
А во горницѣ ясенъ соколъ—
То мой богосуженный.

КОНЕЦЪ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Часть I.

ПРАЗДНИКИ И ОБРЯДЫ НА РУСИ.

Часть II.

Стран.

Стран.

Часть III.

Стран.

Часть IV.